Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

17

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА I—XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1976

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

ПОДРОСТОК

Рукописные редакции

НАБРОСКИ 1874—1879

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1976

Д $\frac{70301-552}{042(02)-76}$ Подписное

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ
1874—1879

⟨ДРАМА. В ТОБОЛЬСКЕ...⟩

13 сент⟨ября⟩ 74 ⟨г.⟩ Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Иль⟨ин⟩ского. Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую тайно и завистливо влюблен второй брат. Но она любит старшего. Но старший, молодой прапорщик, кутит и дурит, ссорится с отцом. Отец исчезает. Несколько дней ни слуху ни духу. Братья говорят об наследстве. И вдруг власти: вырывают из подполья тело. Улики на старшего (младший не живет вместе). Старшего отдают под суд и осуждают на каторгу. (NB. Ссорился с отцом, похвалялся наследством покойной матери и прочая дурь. Когда он вошел в комнату и даже невеста от него отстранилась, он, пьяненький, сказал: «Неужели и ты веруешь?» Улики подделаны младшим превосходно.) Публика не знает наверно, кто убил.

Сцена в каторге. *Его* хотят убить.

Начальство. Он не выдает. Каторжные клянутся ему братством. Начальник попрекает, что отца убил.

Брат через 12 лет приезжает его видеть. Сцена, где *безмолвно* понимают друг друга.

С тех пор еще 7 лет, младший в чинах, в звании, но мучается, ипохондрит, объявляет жене, что он убил. «Зачем ты сказал мне?» Он идет к брату. Прибегает и жена.

Жена на коленях у каторжного просит молчать, спасти мужа. Каторжный говорит: «Я привык». Мирятся. «Ты и без того наказан», — говорит старший.[1]

День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит: «Я убил». Думают, что удар.

---

[1] *В рукописи:* младший.

Конец: тот возвращается. Этот на пересыльном. Его отсылают.[1] Младший просит старшего быть отцом его детей.

«На правый путь ступил!»

⟨КОМПОЗИТОР⟩

Композитор. Великий музыкант приговорен судом дать оперу. Дал pastorale.

«Леди, вы меня любили».

И странный эффект.

КОЗЛОВУ

Дрезденская Мадонна, Лизав⟨ета⟩ Кузьминишпа. Я, «неровен-то пес навяжется». Страхов. Сватовство. Не устоял перед обедом. Покушал. Не объяснился. Плачет. «Я на вас женюсь». Хохочет — etc.

СОРОКОВИНЫ

Книга странствий

Мытарства 1 (2, 3, 4, 5, 6 и т. д.)

(*Сатана.* Вы все были обмануты.)

М⟨олодой⟩ человек. Меня всего более бесит, что ко мне приставлен ты.

(Я дезорганизацион...)

Такая пустая и глупая шутка.

— Как ты глуп.

— Да ведь вы и бога принимали в виде чего-то *разлитого* (пролитого).

ОТЦЫ И ДЕТИ

Роман. *Отцы и дети.*

Мысли:

Мальчик сидит в колонии для малолетних преступников, ненавидит всех и мечтает,[2] когда объявятся его родные (князья и графы). Любит правду.

Муж убил жену; но видел девятилетний сын. Скрыли труп в подполье. Отец и сын обнимаются и трепещут. Сын любит отца, *но* отец видит, что сын поражен и мучается смертью матери. Оба пока принимают меры спрятать и спрятаться. (Вроде как в «Пре-

---

[1] *Далее было начато:* Клеветник ир⟨осит⟩

[2] *Вариант:* ждет

ступлении и наказании».) Наконец отец решается предать себя для правды и для сына, и для *правды перед сыном*. Перед преданием обнимает сына поминутно (продолжается несколько дней) и всё спрашивает его:[1] будешь или нет любить правду, честь и проч.? Он предает себя, для того чтоб сын продолжал любить его потом, хоть память его. Сыну не говорит, что идет предавать себя, но сын уже это понимает. Идут вместе предавать. Отец доносит на себя, а сын свидетелем.

Отец, оставшись вдовцом после жены, узнает, что сын его, *не его*, а от любовника. По крайней мере подозревает. Заводит ночью, оставляет где-то на улице на морозе и сам бежит от него. Потом не может найти.

Дети, бежавшие сами от отца.

Дети, в толпе, одолевающие неправду, одерживают победы, торжествуют и т. д.

Тип мечтателя. (Смотри в старых книжках.)

Мальчик три дня у Спаса под престолом.

Американская дуэль 2-х гимназистов за Льва Толстого.

Мальчик (отрок) — сокрушитель женских сердец и знаток женщин.

NB. Для жены важно лишь то, чтоб муж оставался ей верным *на деле*; мечты же его о других идеалах и женщинах не могут смутить ее нисколько. Самая радикальная измена мужа в мечтах (н⟨а⟩пр⟨имер⟩, влюблен) значит для жены ничто сравнительно с самой крошечной изменой на деле (в случае какого-нибудь совсем случайного и *нечаянного* совокупления с какой-нибудь летучей женщиной, которая побыла минуту и ушла навеки).

Баня. Аполлонова нога.

Вся история Кронеберга в эпизоде романа, и с Сусловой, свидетельствующей о пороках девочки.

Митрофания. И кричит адвокат исступленно-либерально-заимствованно, и ударяет по сердцам исступленно-либеральным-заимствованным — «Не жена, а Прокония или Агафония».

Отцы и дети. Рассказ Феди о *Крымске* и о своем брате. В фребелевской школе, и новейшие учительницы возбуждают на него

---

[1] *Было:* себя

целую бурю; стыдят его за ложь, срамят перед товарищами [1] (возбуждая в них же дурные инстинкты ненависти), подвергают насмешкам, возбуждают в нем стыд и ненависть — и приводят его к отчаянию и к падению. Тут отец Кронеберг и т. д.

Жемчужников и «Богородица».

Семейство. «Из-за трех целковых». Смерть с этими словами. Память вдовы, детей.

МЕЧТАТЕЛЬ

⟨1⟩

Scroudge et Marly. Мечтатель (у него сын, которым он мало занимается физически, но духовно (иногда) воспламеняет его). Жену только воображает, что сжег (мачеха мальчика), но когда еще он воображал, принесли и с оторванными ногами (железоконная дорога). Она умерла, *прося у него прощения (по-русски)*.

⟨2⟩

Мечтатель (его биография).

⟨3⟩

Мечтатель, приезд и отец его, война и спиритизм — всё от Мечтателя.

⟨4⟩

Мечтатель. Раз он вынес позорную ругань от начальника за небрежность.

— Неужели же вы думаете, что я бы мог жить, если б не мечтал. Да я бы застрелился, если б не это. Вот я пришел, лег и намечтал.

— Я вам расскажу одно впечатление моей 1-й молодости, — сказал он *с грустным лицом*.

— Нет, я не очень ⟨п⟩резираю себя. У меня бывает столько великодушных идей, которые меня так очищают.

Смешливый. Смеется один.

Про отца.

Выдумывает, но это всё же он не выдумал.

Он — он спился, он не вынес. Я — мечтатель, я выношу. Я бы вынес.

---

[1] *Рядом с текстом:* В фребелевской школе ∾ перед товарищами — *на полях помета:* (с Ольхиным).

⟨5⟩

Начало романа. Мечтатель. Два критика. «Но я не в праве писать роман: за мной две статьи» ⟨...⟩

⟨6⟩

РОМАН

6-го ноября ⟨18⟩76.

Мечтатель.

Но в душе всегда, вечно, вопрос (и прежде был) сквозь мечту: быть правдивым и честным, сметь быть правдивым и истинным, осмелиться принять *истину* со всеми последствиями.

Он сознал наконец, что мечта (как *сон* женщины в «Пугачевцах») только спасла его от отчаяния и от ригоризма вопросов.

Сперва только стыд жить при жене, не будучи мужем, *на жаловании*, его мучил.

№3. Женщину мучает вопрос: действительно ли он уверен, что она жила с любовником.[1] Она же *не жила,* но таит от него и делает вид, как бы жила.

Стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком. (Выставленный язык, отказ от дуэли, 100 р. украденных.) Он спасался от этого мечтой,[2] в мечте был идеалом благородства.

Когда сошелся потом с женой (т. е. в таинственных украдочных разговорах), то стал вдруг ее другом, и так как он как бы уже оторвался от мира, то и рассказывает ей, как бы он мечтал стать перед ней героем, влюбить ее в себя.

Это он ей рассказывает: из сего отношения грациозные, дружественные, полные любви. Жена удивляется (история Карла Иванов⟨ича?⟩ и выбросившейся девушки).

«Я лгу и живу в мечтательном мире, хочу действительного».

Насилует себя стать спасителем ребенка.

Сначала насилует, а потом и непосредственно полюбил и рад, что может жизнь снова начать. Но тут же опять мечтает (и о ребенке), прикрашивая.

Он мечтатель, но не идеалист, а с полным скептицизмом. — Если б вы знали, какой я скептик.

Он не знает, религиозен ли он, но выдумал небо и верит в него — и тем *утешает* себя в недостатке веры.

Рассказывает, как он мечтал быть Христовым посланником. Так глаголет господь.

— Самое *бытие* есть наслаждение, единственное (но бытие не вечно, я бегу этого вопроса и затыкаю уши мечтами).

Натура художественная (говорит ему жена). Но ничего не пишет. Игривое и грациозное объяснение его, почему он не пишет.

---

[1] *Далее было:* №3

[2] *Над строкой вписано:* Отец, определивш⟨ий⟩ их

Между тем отношения между женою и им всё больше закрепляются. Она любит его ужасно.

А параллельно идет действительная жизнь (NB. придумать) и его втягивает и ее. Он всё *портит,* всякую действительность мечтами.

Но и *не портит*, а делает ее, да так еще, как ни един из людей,[1] но, доделав, не привязывается к делу, а как будто с плеч долой, «оставьте в покое» и мечтать.

Страсть к жене. Жена обманывает его ложным романом, чтоб возбудить ревность. Он чувствует страдание, но отпускает ее. Хочет убить себя.

Она открывается ему во всем — и в любви, *и что верна была,* и берет его как он есть.

Но он убивает себя. (Одна из болезней века.)

⟨7⟩

— Говори, Христа бога моего, говори!

— Ну, Христа бога моего.

— А хоть ты и не веришь, хоть ты и говоришь с улыбкой (да только с доброй), он, Христос, тебя и простит — и тебя, и меня. Сам сказал: «Хулу на меня прощу, лишь на Духа хула не прощается».

— А что такое Дух?

— А Дух то, что теперь между нами и почему у тебя лицо стало добрее, то, почему ты плакать захотел, потому что у тебя дрожали губы, — врешь, не гордись, дрожали, я видел. Дух то, что тебя из Америки привело в этот день вспомнить елку Христову в родительском доме. Вот что Дух.

— Ну и пусть.

— Ее только нет, вот что худо.

— А знаешь, отец, славный ты малый, вот что!

В ПОВЕСТЬ НЕКРАСОВУ

⟨1⟩

Современный человек. И мстит за все обиды, которые никто ему не сделал [2] и не думал делать.[3]

⟨2⟩

Некрасову.[4]

«Я-то дурак, да и родился так, а вы...» и т. д.

---

[1] *Далее было начато:* до дела

[2] не сделал *вписано.*

[3] *Рядом с текстом: Современный человек* ∾ делать. — *на полях помета:* В повесть Некрасову.

[4] *Некрасову. вписано на полях.*

⟨3⟩

НЕКРАСОВУ.

— Живите со мной [1] по дружбе.

— Трудно ужиться-то с тобой, вот что. С тобой и супруга не ужилась. (№3. Супругу ревнует к мировому посреднику).

Баба. Что ты, Савельич дурак. Ангел он, ангел!

— Так ведь я, Харитовна, и говорю ему, ровно ангелу. Ан ангел-то меня за это в рожу бы побил.

⟨СЛЕСАРЕК⟩

Слесарек-то придет, чайку напьется, а полковник-то пойдет да сядет там в карты и проиграет.

— Дура.

— От дуры слышала.

— Только то и умеешь, слышала от других.

— А вы против начальства говорите, которое нас здесь призревает.

Полковник-то опоздает, а слесарек-то прежде придет.

«Вот ты сказала, что бог справедлив, ан вот и нет». [2]

— Еще когда-то его (полковника) придавит, а этот коленку сшиб.

— А зато он, может, в раю будет, а полковник-то нет.[3] Во аде будет.

— Это за то, что карету-то нанял.[4]

— Это в каком же таком раю?

— Эх ты, глупая, мне-то пускай за то,[5] что я верой не верую, а тебе-то за что: вот ты веруешь,[6] а ведь и ты без кофею? [7]

— А это мне за тебя [8] же страдать [9] пришлось.[10] Зато я в раю буду.

— Это за кофей-то? Это за то, что кофею не напилась?

---

[1] со мной *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Полковник-то опоздает ∾ ан вот и нет». — *помета:* СЛЕСАРЕК.

[3] а полковник-то нет *вписано.*

[4] Во аде ∾ карету-то нанял. *вписано на полях.*

[5] за то *вписано.*

[6] *Вместо:* а тебе-то за что: вот ты веруешь — *было:* а ведь ты веруешь

[7] *Далее было:* Тебе за что?

[8] *Далее было начато:* я за тебя

[9] *Было:* пострадать

[10] *Далее было:* Небось в раю будешь?

— Да, за то, что не напилась.[1] И буду, на зло тебе буду.

— Еще когда-то будешь, а теперь сиди без кофею.

— Оно хоть [2] правда, что без кофею, да всё же [3] не серди ты меня, Прохоровна, отстань, злой язык человеческий.

— Дура.

— От дуры слышала.[4]

— Эх вы, бабушки, попотчевали бы гостью, заварили бы нового.

«Один воздух — синь. Это всё узнали».

«Лукерьюшка, *понимала я* это так».

— Ты-то внизу, во аде, а я на тебя буду сверху глядеть.

— Всё это один разговор.[5]

«И богатый человек, и в мундире, а все-таки опоздает, а слесарек-то, и бедненький, а идет да идет».

«Вот ты сказал, что бог справедлив, ан вот и пет — богатый всегда прежде богатеет».

— Ах ты, Прохоровна, да он, может, на погибель свою поскакал, а этот хоть и упал, да тем самым, может, его бог сохранил, честный, дескать.

— А все-таки он коленку сшиб.

— А за то он в рай попадет.[6]

⟨ИСТОРИЯ КАРЛА ИВАНОВИЧА⟩

— Кто же пожелат переменить голову с один товаришь на другого, тот платит еще 10 руб. за раз.

И голову поставил с большим сбережением и сказаль его другу: «Ложить-с». И его друг [7] смотрель и весь дрожаль и сказаль: «Я очень боюсь, Карл Иваныч». Тогда я длинный минут на него всё [8] смотрель и сказаль: «Ви измениль ваш друг». И он

---

[1] Это за кофей-то? ∾ Да, за то, что не напилась. *вписано.*
[2] хоть *вписано.*
[3] всё же *вписано.*
[4] Дура. — От дуры слышала. *вписано на полях.*
[5] Всё это один разговор. *вписано.*
[6] А все-таки ∾ в рай попадет. *вписано на полях.*
[7] *Было:* он
[8] *Было:* сердито

мне сказаль: «Потому что я очень боюсь, Карл Иванович», и я сказаль:

— Так друг ваш и останется без вашей головы, а вы остались с вашей [1] фальшивой головой.

И он всё дрожаль, и я его прогналь.[2]

⟨ОТРЫВКИ⟩

⟨1⟩

Однако с этим шутить нельзя. Подумал, подумал да, проходя по Литейной, и завернул к Николаю Ивановичу. Доктор он, но не практикует, а по ученой части, где по министерству состоит и мундир вроде военного, с эполетами такими, носит. Человек мрачный и отрывистый, и давно я его не видал.

— Я ведь не практикую, чего ж ко мне лезете, — так прямо и оборвал, а добрейший ведь человек.

— Да вы выслушайте, говорю, — и объяснил ему что и как.

— Ну, так что же, очень вас больно искусал? [3]

— Да нет же, не кусал! (Это он нарочно спросил, из досады; отрывистый человек!) Он только мне руку жал,[4] говорю; так вот,[5] думаю, не пристало бы [6] от руки-то? Потная такая рука.

— Пристанет непременно (сам по комнате ходит).

— Как!!? — так я тут и закричал благим матом, со стула вскочил.

— Непременно взбеситесь, на девятый день.

— Господи! Николай Иванович. И неужели нет спасительных [7] средств ⟨?⟩

— Я вам анекдот расскажу.

⟨2⟩

Какова я собою, чтобы всё устроилось.

Поглядела на него с удивлением.

— Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное.[8]

---

[1] *Было:* своей
[2] *Далее было:* вон.
[3] *Было:* кусал?
[4] *Далее было:* долго
[5] говорю; так вот *вписано.*
[6] *Было:* не пристанет ли
[7] спасительных *вписано.*
[8] *Лист оборван. На том же листе рисунки готического окна, мужской головы и каллиграфические записи:* Бром. Janus. Janua. Janus.

⟨3⟩

Столкнулись трое лбами
Да я и не думал думать
Всё это старая музыка

⟨ПЕРЕЧНИ ТЕМ⟩

⟨1⟩

Мечтатель.
Великий Инквизитор и Павел.
Великий Инквизитор со Христом.
В Барселоне поймали черта.

Тайный совет, кн⟨язь⟩ Д. Обол⟨енски⟩й, три звезды на фраке, встреча с учительницами, дело в части, бежавший сумасшедший.

⟨2⟩

24 декабря ⟨18⟩77 г.

Memento.[1] На всю жизнь.
1) Написать русского Кандида.
2) Написать книгу о Иисусе Христе.
3) Написать свои воспоминания.
4) Написать поэму «Сороковины».

NB. (Всё это, кроме последнего романа и предполагаемого издания «Дневника», т. е. minimum на 10 лет деятельности, а мне теперь 56 лет.)

---

[1] Помни (*лат.*).

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ, ПАРОДИИ, ЭПИГРАММЫ

ЭПИГРАММА НА БАВАРСКОГО ПОЛКОВНИКА

Я лечу, лечу обратно,
Я хочу упасть назад,
Так на свете всё превратно:
Нынче шах, а завтра мат.

⟨СКАЖИ, ЗАЧЕМ ТЫ ТАК РАЗО́РИЛ ...⟩

Скажи, зачем ты так разорил,
Или за то, что ошень рано
Твой холод очень рано меня убил ⟨...⟩ [1]

⟨РАССКАКАВШУЮСЯ ДЕВУ ...⟩

Расскакавшуюся деву
Я на кровле дач увидел ⟨...⟩ [2]

⟨БОРЬБА НИГИЛИЗМА С ЧЕСТНОСТЬЮ. (ОФИЦЕР И НИГИЛИСТКА.)⟩

⟨От Редакции «Последней странички» *⟩

1

В нашу Редакцию, как и во всякую,[3] вместе с статьями удовлетворительными часто присылается авторами самый безрас-

[1] *Вариант:* Во мне всё ошень рано убил

[2] *Вместо:* Расскакавшуюся ∾ увидел — *было: а.* Юбка барышни [проворно] [призраком] по кровлям || Легким призраком мелькнула | (Я хвалю и уважаю) *б.* И [на кровле ⟨*2 нрзб.*⟩] припрыгивая дева *в.* И взбегающую деву || Я на кровле нашей видел И теперь уж, каюсь ⟨?⟩, дева *г.* И [играющую] резвящуюся деву | Я на кровле нашей видел

[3] *Было:* [От Редакции.] Наша Редакция, как и всякая

* Просят не смешивать с редакцией «Гражданина». Иногда (но не всегда) редакция «Последней странички» [переходит в] поручается другой посторонней редакции, соответственно к тому предназначенной.

судный хлам. Сочинители бывают странные. И все[1] обидчиво требуют, чтобы их напечатали с гонораром.[2] Хлам, конечно, нельзя печатать; но дурачество доходит иногда до гениальности. Одну из таких[3] статей, да еще в стихах, помещаем ниже, надеясь удивить[4] читателя. Чтоб быть добросовестными, мы снеслись с автором, не утаив истины, то есть что если и печатаем произведение его, то не иначе как[5] верх нелепости. Он с гордостию дозволил — до того доходит иногда страстишка видеть себя напечатанным. Впрочем, он, наверно, надеется, что публика с нашим мнением не согласится.[6] Скажем прямо: стихи нелепые. Мысль отчасти верна, но глупо выражена. Действительности никакой, ибо нигде не бывает таких портиков. А между тем как будто что-то и верно. Нигилистка объясняется хоть и глупо, но вполне по Дарвину. Офицер тоже выдерживает характер: эстетик и отличается позорною слабостью к полу (le sexe).[7] Так что если б не было так глупо, то было бы, может быть, и умно.[8] Вообще это произведение бездарности, одушевленной благородными чувствами.[9] Впрочем, вот вся эта сцена в стихах с ее ретроградным[10] заглавием. ⟨л. 1⟩

Борьба нигилизма с честностью[11]

(Сцена почище комедии)

Действующие.

О ф и ц е р, впрочем отставной и[12] из Костромы, 40 лет; собой как и все; капельку толст. Со шпагой и при своем капитале. Желает исполнить закон.[13] Но слышал о нигилистах и, прежде чем выбрать[14] невесту, желает истребить их всех до единого. С этой целью прибыл в столицу. Читал не много, слышал не ясно. О фиктивном браке не имеет понятия, что и составляет фатум статьи. Губит[15] себя излишним благородством души,[16] хотя заметно неостроумен. Пылок. Поражается умом.[17] При всякой новой идее стоит как баран, увидавший новые ворота;[18] но, раскусив противуречие, мигом весь краснеет

---

[1] *Было:* И всё это
[2] с гонораром *вписано.*
[3] *Было:* из подобных
[4] *Было*: повеселить
[5] *Далее было:* [с заявлением] с предисловием, что оно
[6] *Далее было:* и произведение его
[7] (le sexe) *вписано.*
[8] *Далее было:* C'est trop bête pour ne pas être spirituelle ⟨Это слишком глупо, чтобы не быть остроумным. (*франц.*)⟩
[9] Вообще ∾ чувствами. *вписано на об. л. 2.*
[10] *Было:* гнусным
[11] *Было:* Борьба честности с нигилизмом
[12] *Вписано и зачеркнуто:* кажется
[13] *Далее было:* и надеть узы брака.
[14] *Было:* взять
[15] *Было начато:* Обладае⟨т⟩
[16] души *вписано.*
[17] *Далее было:* и становится тогда в тупик;
[18] При всякой ∾ ворота *вписано.*

как индийский петух [1] и сердится. [2] Вообще глупая [3] смесь бараньего и петушьего. Любит сладкое. [4] Замечательно [5] добрый человек [6]

Нигилистка, [7] 22 года, стрижена. Особа путешествующая. Слушала лекции; делала ответы; видала виды. Хитра и пронырлива. Фанатична. Брюнетка, стройна, недурна очень и знает это. Напоминает осу. Любит горькое. [8] Пропагандирует *где* попало, даже на лестницах. ⟨л.2⟩

Занавес подымается

Дрянной кирпичный портик, старый и выкрашенный желтою краскою. Двенадцать обколотых узеньких [9] ступенек. Офицер с неопущенною [10] шпагой наголо бежит вверх по ступенькам, кричит и желает истребить всех нигилистов. Навстречу ему медленно спускается нигилистка. Их взгляды встречаются. Офицер поражен; останавливается.

Нигилистка

Куда стремишься, офицер?

Офицер

Стремлюсь освободить Россию!

Нигилистка *(с вывертом)*

Давно ль, мой милый «командер»,
Ты влопался в сию стихию?

Офицер *(со строгостию)* [11]

Давно ль власы остригла ты?

Нигилистка *(полузакрывая ресницы)*

С тех пор как о вопросе женском
Познала первые мечты.

Офицер *(пораженный снова)*

Служив в просторе деревенском
Среди природной простоты,
Не мог познать я сих вопросов.
Во всем полку один лишь Носов,
Поручик, «Сына» получал.
Но о вопросах «Сын» молчал.

---

[1] *Далее было:* Но при всякой новой идее [станов⟨ится⟩] некоторое время стоит как баран, [который увидал] увидавший новые ворота, — признак добросовестности.

[2] и сердится *вписано.*

[3] глупая *вписано.*

[4] Любит сладкое. *вписано.*

[5] Замечательно *вписано вместо зачеркнутого:* Добрый человек

[6] *Далее было начато:* А ни⟨гилистка⟩

[7] *Далее было начато:* хит⟨ра⟩

[8] Любит горькое. *вписано.*

[9] узеньких *вписано.*

[10] неопущенною *вписано.*

[11] (*со строгостию*) *вписано.*

Спрошу тебя как верный Росс,
Что значит женский сей вопрос?

Нигилистка

Мне кажется, что ты не рос. ⟨л. 3⟩

Офицер

Я Росс!!

Нигилистка

Но ты меня не понял.
Я говорю, что ты не рос,
Лишь в смысле том, что не дорос.

Офицер

Твой каламбур меня не пронял.

Нигилистка

Но я сейчас тебя пройму.
Представь, что, снова в Кострому
В фиктивном браке возвратясь
И уж на церкви не крестясь,
Ты приступил со мной скорей
К распространению идей...

Офицер *(ослабевая от удовольствия)*

Как? Я с тобой в фиктивном браке!

Нигилистка

Что нужды? Костроме в пример!

Офицер *(задумчиво)* [1]

В фиктивном браке близко к драке.

Нигилистка

Ты заврался, мой офицер!
Но слушай дальше: начиная
И пропаганду и протест,
Мы первым делом натаскаем
Мешок лягушек со всех мест.

Офицер *(быстро краснеет. Он никогда не слыхал о лягушках)*

Лягушек? Слушай, нигилистка:
Смеешься надо мной ты низко!
Смотри! Хошь ты «прекрасный пол»...[2]
(Показывает кулак.)

---

[1] *Было:* (*недоверчиво*)
[2] *Далее было начато:* [Но дать бы] Но дам произв⟨ести?⟩

Нигилистка

Какой ты дичи напорол! ⟨л. 4⟩

Офицер *(приставляя ко лбу перст, в полном недоумении)*

В фиктивно-брачную квартиру
Мешок лягушек — на смех миру!..
Чтоб квакали у нас всё лето.[1]
Скажи: к чему нам пакость эта?! [2]

Нигилистка *(с учетверенным [3] достоинством [4])*

К тому, чтоб всех костромитянок
Стащить бездействия с лежанок!

Офицер *(пораженный вновь)*[5]

А! вот что!.. Но должна яснее
Ты выражаться бы сама...
(Невольно вкладывает шпагу в ножны.)

Нигилистка

За гнев свой глупенький краснея
И неразвитие ума,
Пойми, что резать им лягушек
И этим обществу служить
Полезней, чем лишь для ватрушек
На кухне время проводить.
Затем, внушив [6] идею эту,
И чтобы время не терять,
Нам надо тотчас, в это ж лето,
Начать семейство разрушать!

Офицер

Гм, гм! Постой: имея теток,
Дядей и множество кузин,
Могу ль, в домах их быв короток,
Не почитать их именин? ⟨л. 5⟩

Нигилистка *(со всем пылом пропаганды, отчего делается очень хорошенькою)*

Стыдись! долгов ненужных бремя
Ты на себя наворотил!

---

[1] *Было:* Чтоб прыгала вся эта «квакость»...
[2] *Было:* эта пакость
[3] *Было начато:* *упят⟨еренным⟩*
[4] *Далее было:* *и торжественно*
[5] *Было:* (*начиная понимать*)
[6] *Было:* внушить

Чего ты ждал, теряя время?
Какие мысли проводил?
Ну где увидишь ты в природе
Семейных уз, семейный гнет?
Кто узы брака в нашем роде
Меж рыб, зверей и птиц найдет?
Ну есть ли у коров кузины?
Иль — предрассудку послужа —
Пойдет ли гусь на именины?
Ну есть ли тетка у ежа?

Офицер *(окончательно пораженный)*

Да, правда, у ежа нет теток!

Нигилистка

Ты поражен, ты пристыжен!

Офицер *(в ужасной борьбе с честностью)*

Касаться щекотливых ноток
Души перстам свободных жен
Легко не дам я! Вздор и враки!!
Скорей: как смотришь ты на браки?

Нигилистка *(мигом подобравшись)*

Вы нас учили рукодельям,
И танцевать, и приседать,
И ретроградно, от безделья,
Вам каждый год детей рождать, — ⟨л. 6⟩
Не верю я всем этим штукам!
Из нас вы сделали тетерь!
Поверь естественным наукам
И Благосветлову поверь!

Офицер

Но в чем? Скорее резюмируй!
Он дом купил и про квартиры
Статью лихую накатал.
Я с удовольствием читал
И понял плод либерализма...
Статьи доходны нигилизма!
Особенно ж в статье о браке
Зимуют все прогресса раки!
О нигилистка! Слушай: лжешь ты!
В фиктивный брак меня зовешь ты?
Но ложа брачного закон
В «фиктивном» лучше ль огражден?
Свобода! Полезай кто хочет!

Нигилистка

О нет, как женщина захочет.

Офицер

Ну вот! А я-то тут при чем?
Я ж муж!..

Нигилистка

В фиктивном браке
Живут втроем.

Офицер

Как три собаки!
Довольно, слушай, нигилистка,
Не подходи ко мне ты близко!
Не то я шпагу обнажу
И всю в тебя ее вонжу!..

Нигилистка *(видя, что уже ничего не возьмешь, срывает маску)* ⟨л. 7⟩

Ага! сказался ретроград!
О, крепостничества Марат!
В «законном» счастье видишь ты!
В «законном» все твои мечты!
Тебе бы только под венец,
Эстетик, тряпка, леденец! [1]

Офицер

Юпитер! Можно ль [2] это слушать!

Нигилистка

Иди домой, пора покушать.
Нет, лучше выслушай еще —
Вкусней покамест горячо:[3]

---

[1] *Было сначала двустишие:* Тебе бы ∾ леденец! — *потом:* В «законном» счастье ∾ мечты! *На л. 7 об. зачеркнутый вариант:*

В «законном» счастье видишь ты,
В «законном» все твои мечты!
Да не маши своей шпажонкой.

[2] *Было:* [О боже] Зевс, возможно ль

На л. 7 об. зачеркнутый вариант: Офицер (*воздевая руки*). О боже, слушать иль не слушать?

Нигилистка

Иди домой, пора покушать!
Нет. лучше выслушай еще —
Вкусней покамест горячо

Когда к твоей законной женке
Придет приятель пошалить,
Тебе ль тогда, с твоей шпажонкой,
Права свои огородить!
Колпак! раскиснешь, не поверишь;
Сидеть тут будешь и уверишь
Себя же сам, что видел сон,
Что не они — она и он! [1]
Они заснут — сам [2] дверь притворишь
И, чтобы милых не будить,
Пойдешь, будь ночь [3] или ненастье,
Мечтая о законном счастье,
На двор смиренно побродить...
Устанешь, сядь тогда на стул.[4] ⟨л. 8⟩

Офицер *(не своим голосом)*

О нигилистка! Караул!

---

[1] *Далее было:* Тебя же выгонят из дому

Уступишь [сам ее] [всю ее] сам свою другому
[Уверенный, что всё твое]
[Ты] сам [свою] беду ускоришь

На л. 7 об. повторно было: Тебя же выгонят из дому ∾ всё твое,
[2] *Было:* ты
[3] *Было:* дождь
[4] *Вместо:* Ага! сказался ∾ стул. — *на л. 7а было:*

Ага! сказался ретроград!
О, крепостничества Марат!
Тебе ли шпаги обнажать,
Тебе ли в женщину вонзать?
Тебе бы только под венец,
Эстетик, тряпка, леденец!
[Да не маши своей шпажонкой...]
Когда [ж] к твоей [пригожей] законной женке
Придет приятель пошалить
[Клянусь, пойдешь тогда сторонкой
На двор послушно побродить],
[Беги] Маши тогда [с] своей шпажонкой,
[Права свои огородить] Чтобы права огородить.
[Да вздор] Колпак, раскиснешь [и сторонкой]. не поверишь,
Сидеть тут будешь и уверишь
Себя же сам, что [только бредишь...] видел сон
[И чтобы милых не будить]
[И чтобы только не будить]
[Пойдешь, будь дождь или ненастье]
Клянусь, будь дождь или ненастье,
Ты, чтобы милых не будить,
Мечтая о законном счастье,
На двор [послушно] смиренно побродить...
Устанешь [так присядь], сядь тогда на стул

Нигилистка бежит и, подобно тигрице, с хохотом прыгает со ступенек портика. Вот тут-то офицер и хотел было окончательно заколоть ее, но эстетика опять[1] помешала делу: легкокрылая грациозность прыжка и обаятельная прелесть мелькнувшей из-под платья пяточки вдруг и сразу[2] останавливают его столбом на месте и красного, подобно воротнику. На горизонте показывается тень как бы Андрея Краевского.

Занавес опускается.[3]

⟨ОПИСЫВАТЬ ВСЁ СПЛОШЬ ОДНИХ ПОПОВ...⟩

Описывать всё сплошь одних попов,
По-моему, и скучно, и не в моде;
Теперь ты пишешь в захудалом роде;
Не провались, Л⟨еск⟩ов.

⟨КРАХ КОНТОРЫ БАЙМАКОВА...⟩

Крах конторы Баймакова,
Баймакова и Лури,
В лад созрели[4] оба кова,
Два банкрутства — будет три!
Будет три, и пять, и восемь,
Будет очень много крахов
И на лето, и под осень,
И уж пишет критик Страхов[5]
В трех статьях о спиритизме,
Из которых две излишних,
О всеобщем ерундизме[6]
И[7] о гривенниках лишних.[8]

---

[1] *Было:* и тут

[2] *Далее было:* надолго

[3] *К тексту:* Офицер (*не своим* ∾ опускается. — *на л. 7а незачеркнутый вариант:* Офицер (*в исступлении*). О нигилистка! Караул!

Нигилистка бежит и с хохотом быстро прыгает, подобно тигрице [с лестницы], со ступенек портика. Офицер хотел было броситься и [наказать] окончательно [истребить] заколоть ее, но эстетика и тут помешала делу: легкокрылая грациозность прыжка и обаятельная прелесть мелькнувшей пяточки удерживают его на месте, подобно столбу, и красного, подобно воротнику. На горизонте показывается тень как бы Андрея Краевского.

Занавес опускается.

[4] *Вариант:* Вместе зрели

[5] *Варианты:* *а.* И всего лишь критик Страхов *б.* Лишь один пророчит Страхов

[6] *Варианты:* *а.* И о нашем ерундизме *б.* А одна о ерундизме

[7] *Было:* Всё

[8] *Вариант:* Отыскав в сем ерундизме | Два-три гривенника лишних.

⟨ДОРОГО СТОЯТ ДЕТИШКИ...⟩

Дорого стоят детишки,
Анна Григорьевна, да,
Лиля да оба мальчишки —
Вот она наша беда!

⟨НЕ РАЗБОЙНИЧАЙ, ФЕДУЛ...⟩

Не разбойничай, Федул,
Не кричи во всю ты глотку.
Ты хоть губы и надул,
Да не пьян, не пьешь же водку.
Не визжи и ты, Лилюк,
Будь хорошенькой девчонкой,
Будь ты общий всем нам друг,
А не злющей собачонкой.
Не сердись и ты, мамá...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И ЭКСПРОМТЫ

Сочиненные Ф. М. Достоевским совместно с А. Г. Достоевской

БАСНЯ
ДЫМ И КОМОК

На ниве мужика Комок земли лежал,
А с фабрики купца Дым к небу возлетал.
Гордяся высотой, Комку Дым похвалялся.
Смиренный же Комок сей злобе удивлялся.

— Не стыдно ли тебе, — Дым говорил Комку, —
На ниве сей служить простому мужику?
Взгляни, как к небу я зигзагом возлетаю
И волю там себе всечасно добываю.

— Ты легкомысленен, — ответствовал Комок. —
Смиренной доли сей размыслить ты не мог.
Взлетая к небесам, ты мигом исчезаешь,
А я лежу века, о чем, конечно, знаешь.

Плоды рождать тебе для смертных не дано,
А я на ниве сей рождаю и пшено,
Насмешек я твоих отселе не боюсь
И с чистою душой я скромностью горжусь.

⟨АБРАКАДАБРА⟩

А б р а к а д а б р а
К л ю ч л ю б в и } ее дочери
О н а н е в и н н а }
Т а л и с м а н, жених.

О н

Поклон тебе, Абракадабра,
Пришел я сватать Ключ любви.
В сей омут лезу слишком храбро,
Огонь кипит в моей крови.

Она

Авось приданого не спросит,
Когда огонь кипит в крови.
А то задаром черти носят
Под видом пламенной любви.

Он

Советник чином я надворный,
Лишь получил, сейчас женюсь.

Она

Люблю таких, как вы, проворных.

Он

Проворен точно, но боюсь.

Одна из дев

К чему сей страх в делах любви,
Когда огонь кипит в крови?

Он

Сей страх, о дева, не напрасен.

Дева

Твоих сомнений смысл ужасен.

Он

Вопросом дев я удостоен,
Вопрос сей слишком непристоен.

Абр⟨акадабра⟩

Не отвечайте, коли так.
Ведь не совсем же вы дурак.

Он

Сей комплимент мне очень лестен,
Я остроумием известен.[1]

Одна из дев

Зачем пришел к нам сей осел?

---

[1] *Далее было:* Он. Но к делу

О н *(с остроум⟨ием⟩)*

Осел жениться б не пришел,
Но к делу:
Кто из них Невинна
И кто из них Любови ключ,
Скажи скорее и не мучь.

О н а

О батюшка, ты глуп, как гусь,
Невинны обе, в том клянусь.

О н

Увы! Кто клятвам ныне верит?
Какая мать не лицемерит?

О д н а и з д е в *(в негодовании показывая на Абр⟨акадабру⟩)*

Не лицемерит мать сия.

О н *(с насм⟨ешкой⟩)*

Не потому ли, что твоя?

О д н а и з д е в

Доколе с нами сей болван.[1]

О н

Болван, но не даюсь в обман.

О д н а и з д е в[2]

Довольно, прочь беги, мерзавец.
Ты скот, осел, христопродавец.

О н *(с глубоч⟨айшим⟩ остроумием)*

Осел не мог продать [3] Христа.

Д е в а

Оставь сейчас сии места.

О н

Довольно, дева, дружба дружбой,
А мне пора тащиться к службе.[4]

(Уходит.)

---

[1] *Вариант:* Клянусь еще, что ты болван.
[2] *Далее было начато:* Прочь⟨?⟩
[3] *Вариант:* не продал бы
[4] *Вариант:* идти на службу

⟨ВСЯ В СЛЕЗАХ НЕГОДОВАНЬЯ...⟩

Вся в слезах негодованья
Рдеет рожа за границей
У моей жены срамницы,
И ее характер пылкий
Отдыхает за бутылкой.[1]

⟨Я ПРОСИЛ ЖЕНУ ПРО МЫЛО...⟩

Я просил жену [2] про мыло,
А она и позабыла,[3]
Какова моя жена,
Не разбойница ль она?

⟨ДВА ГОДА МЫ БЕДНО́ ЖИВЕМ...⟩

Два года мы бедно́ [4] живем,
Одна чиста у нас лишь совесть,
И от Каткова денег ждем
За неудавшуюся повесть.

⟨ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ, БРАТ, СОВЕСТЬ...⟩

Есть ли у тебя, брат, совесть,
Ты в «Зарю» затеял повесть,[5]
Ты с Каткова деньги взял,
Сочиненье [6] обещал.
Ты последний капитал
На рулетке просвистал,
И дошло, что ни алтына
Не имеешь ты, дубина! [7]

---

[1] *Вариант:* Вся в слезах негодованья,
Я его хватила в рожу
И со злостью
Я прибавила: о боже,
похожа

[2] *Было:* писал жене

[3] *Было:* *а.* А она-то и забыла *б.* А она и не купила

[4] *Было:* о муж⟨?⟩

[5] *Далее было начато:* Со⟨чиненье?⟩

[6] *Было:* В загранице⟨?⟩

[7] *Было:* скотина

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

⟨БОРЬБА НИГИЛИЗМА С ЧЕСТНОСТЬЮ. (ОФИЦЕР И НИГИЛИСТКА)⟩

(Стр. 15)

⟨1⟩

Офицер и нигилистка

Гоф-фурьер, почтовая марка.
Остригла волосы и избегает родительской власти. И в пику ей, чтоб наказать ее гласностью.
— Следуемый мне гонорарий.
— *Рубль серебром.*
Направление в Басковом переулке. Газета «Волос».
Голенькая ножка.
Застрелись.
Росс,
не рос,
не вырос.
России.
Евпраксии.[1]

⟨2⟩

Офицер и нигилистка

Н ⟨игилистка⟩

Куда стремишься, офицер?

Оф ⟨ицер⟩

Стремлюсь ослободить Россию!

Н ⟨игилистка⟩

Давно ль ты ротный командир
И влопался в сию стихию?

---

[1] *Текст:* Росс ∾ Евпраксии. — *вписан на полях.*

О ф ⟨и ц е р⟩

Давно ль власы остригла ты?

Н ⟨и г и л и с т к а⟩

С тех пор, как о вопросе женском
Познала первые мечты.

О ф ⟨и ц е р⟩

Служа при Бантыше-Каменском,
Средь деревенской простоты
Не мог познать[1] я сих вопросов;
Во всем полку один лишь Носов,
Поручик, «Сына» получал,
Но о вопросах «Сын» молчал.
Спрошу теперь как истый Росс,
Что значит женский сей вопрос?

Н ⟨и г и л и с т к а⟩

Мне кажется, что ты не рос.

О ф ⟨и ц е р⟩

Я Росс!

Н ⟨и г и л и с т к а⟩

Но ты меня не понял,
Я говорю, что ты не рос,
Лишь в смысле том, что не дорос.

О ф ⟨и ц е р⟩

Твой каламбур меня не пронял.

Н ⟨и г и л и с т к а⟩

Но я сейчас тебя пройму.
Представь сознанью своему,
Что лучше резать нам лягушек ⟨с. 11⟩
И этим обществу служить,
Чем лишь в печении ватрушек
По-рабски время проводить.
Вы нас учили рукодельям,
И танцевать, и приседать,
И ретроградно, от безделья,
Вам каждый год[2] детей рождать.[3]

---

[1] *Было*: узнать

[2] *Вариант:* Послушно вам

[3] *Четверостишие:* Вы нас ∾ рождать. — *перемещено согласно помете Достоевского; первоначально оно следовало за строкой:* Приди хоть сам митрополит!

Я жить хочу по убежденьям,[1]
Хочу учиться и свистать,[2]
Служить по земским учрежденьям
И в парламенте заседать.
Когда же мне закон природы
О ложе брачном возвестит,
Тогда хочу одной свободы,[3]
Приди хоть сам митрополит!
Не верю я всем этим штукам,
Из нас вы сделали — тетерь...
Поверь естественным наукам,
И Благосветлову поверь!
В природе есть ли кринолины? [4]
Иль, предрассудком дорожа,[5]
Идет ли гусь на именины?
Ну есть ли тетки у ежа? ⟨с. 12⟩
Ну где увидишь ты в природе
У птиц и рыб семейный строй? [6]
Ну где отыщешь [7] в нашем роде
В лесу звериный домострой? [8]
Чего ж ты ждал, теряя время? [9]
Какие мысли проводил?
Каких долгов ненужных бремя
Ты на себя наворотил?
Стыдись!
За то, что было, да прошло,
И истреблять себе подобных
Летишь со шпагой наголо! [10]

---

[1] *Было:* Что лучше жить по убежденьям,
Своих детей не воспитать

[2] *Вариант:* Хочу любить, хочу страдать. — *К этой же строке два других неразобранных варианта.*

[3] *Было:* Тогда вполне хочу свободу

[4] *На с. 13 к этой строке зачеркнутый вариант:* Ну где в природе кринолины

[5] *Было:* Иль перед формами дрожа

[6] *Вариант:* У насекомых брачный строй? (*правка не доведена до конца*).

[7] *Было:* Ну где найдешь ты

[8] *К четверостишию:* Ну где увидишь ∾ домострой? — *на с. 13 вариант:*

Ну где увидишь ты в природе
Семейных уз семейный гнет?
Кто узы брака в нашем роде
Между животными найдет?

К этому варианту начата правка (*а.* У рыб и птиц *б.* Между зверьми в лесу *в.* В лесу звериный домострой? *г.* Найдешь ли ты в лесу дремучем), *которая не доведена до конца.*

[9] *Было: а.* Чего ты ждал, чему ты верил? *б.* Разиня рот, чему ты верил?

[10] *К строкам:* Чего ж ты ждал ∾ наголо! — *на с. 13 варианты:*

[Стыдись! Долгов дурацких бремя
Ты на себя наворотил

⟨Офицер⟩

О, боже мой, чему я верил,
Каким ⟨*нрзб.*⟩, каким долгам!
Я верил в тетку у ежа?

⟨Нигилистка⟩

А я себе лишь госпожа.

⟨Офицер⟩

Идем! Скорей кажи дорогу! [1]

⟨Нигилистка⟩

Вперед! За мной! ⟨*2 или 3 нрзб.*⟩

⟨Офицер⟩

Иду с тобой. ⟨с. 14⟩

⟨3⟩

Memento.
«Последняя страничка»
Нигилистка с гордостью и без запинки:

— С тех пор, как о вопросе женском
Познала первые мечты.

И истреблять себе подобных
Летишь со шпагой наголо]

[Стыдись! На слово ты поверил
И предрассудкам, и долгам]
Скажи! Зачем же ты поверил
И предрассудкам, и долгам
[Зачем всю жизнь ты лицемерил,
Зачем вилял],
Зачем вилял и лицемерил,
Зачем не вверил ты на
⟨*не закончено, эти две последние строки вписаны рядом на с. 14*⟩
[Скажи, чему всю жизнь ты верил,
Какие мысли проводил
⟨*неск. зачеркнутых нрзб. строк*⟩]

Каких обязанностей бремя
Ты на себя наворотил,
[Какое благо] [В какой ты почве сеял семя]
В какую почву сеял семя,
Какие мысли проводил,
Какие блага возрастил?

Далее на с. 14: [Ты подавал за розги ⟨*нрзб.*⟩,
Ты ⟨*неск. нрзб.*⟩]

[1] *Строка записана дважды.*

⟨КРАХ КОНТОРЫ БАЙМАКОВА ...⟩

(Стр. 23)

Крах конторы Баймакова,
Баймакова и Лури,
Оба вместе в одно слово,
Вместе два, а будет три.
Будет три, и пять, и восемь,
Будет очень много крахов
И на лето, и под осень,
И, как пишет критик Страхов
В трех [1] статьях о спиритизме,
Что беда лежит [2] всецело
Только в нашем ерундизме.
Что ж, быть может, в том и дело. [3]

⟨АБРАКАДАБРА⟩

(Стр. 25)

Главные лица: Абракадабра. Ее дочери: Она невинна и Ключ любви. Жених — Талисман.

Он *(входит)*

Поклон мой Вам, Абракадабра,
Желаю [4] видеть Ключ любви,
Пришел я сватать очень храбро,
Огонь горит в моей крови.

Абр⟨акадабра⟩

Авось приданого не спросит,
Когда огонь кипит в крови,
А то задаром черти носят
Под видом пламенной любви.

⟨Он⟩

Советник чином я надворный,
Лишь получил, сейчас женюсь.

---

[1] *Вместо:* В трех — *было начато:* Что
[2] *Было:* Что вопрос теперь
[3] *Было:* Что ж, ведь в этом всё и дело.
[4] *Было:* При⟨шел?⟩

О н а

Люблю таких, как Вы, проворных!

⟨ О н ⟩

Проворен, точно, но боюсь...

О н а

Чего боитесь Вы напрасно?
Ведь смелыми владеет бог.

⟨ О н ⟩

Владеет, точно, это ясно,
Боюсь того, что скажет рог.

ВАРИАНТЫ

ПОДРОСТОК

(Том XIII, стр. 5)

Варианты черновых автографов ($ЧА_1$, $ЧА_2$)

Часть вторая

Стр. 163.

Перед началом помета: 10/11 марта

5 *После:* изложения. — *начато:* В

7 *После:* по многим причинам. — *а.* С него многое началось *б.* Почти самое главное и началось в этот день

8 назад два месяца / тому назад два месяца ◊

11 хотел когда-то отрекомендовать / хотел было отрекомендовать.

14 счет и в одном знатном ресторане / счет и у Бореля ◊

16–17 себя тем ∾ француз парикмахер / себя компрометирую. Француз парикмахер

20–21 как-то всё ∾ парижский. / как-то боюсь говорить.

21–22 У меня ∾ когда я назначу. / У меня лихач рысак, Матвей, и является к моим услугам, когда я назначу [на светло-гне⟨дом⟩...]

27–28 надо припасти ∾ во что бы ни стало / надо денег на вечер во что бы то ни стало

28–31 это — собственные ∾ Позор! / *а.* Что же (О низость!), откуда у меня эти тысячи? С какой стати я так живу и зачем? Как мог я [вдр⟨уг⟩] так вдруг всё забыть и так измениться? О позор! *б.* Это тогдашние мои изречения, о низость! Что же, откуда вдруг эти тысячи, эти рысаки и Борели? Как мог я так вдруг всё забыть и так измениться? Позор!

32 *После:* моего стыда и позора — и если буду иногда вдаваться в подробности, то знай, единственно из потребности самокритики

32–33 не может ∾ быть постыднее / не может для меня быть стыднее

34 как ∾ виновен. / как судья и знаю, что был виноват.

34–36 В том вихре ∾ сознавал / В том омуте, в котором я тогда закружился. я хоть был и один, без советника, но клянусь, уже сознавал.

38–39 зачем почти? ∾ позора / зачем почти, я был слишком счастлив и даже до того, что это-то сознание-то позора

41 пьянило / даже пьянило ◊

Стр. 163—164.

42–1 Я шел ∾ Был риск / *а.* Вот что как будто шептались мне на ухо, и так бодро, замирая, но бодро билось сердце! Ну был риск. *б.* Вот что как будто шепталось мне на ухо в каждую минуту сознания, и так бодро, замирая, но бодро билось мое сердце! Я шел по тоненькому мосту

6.

III

8

Когда я вспоминаю [illegible] отрочества [illegible]

[illegible] Само собою [illegible]

[illegible]

«Подросток». Страница чернового автографа главы I второй части. 1875 г.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

из щепочек, без перил, над пропастью, и мне весело было, что я так иду: даже заглядывал в пропасть *в. как в б, далее:* Я шел по тоненькому мостику из щепочек, без перил, над пропастью, и мне весело было, что я так иду: даже [сам] для ощущения заглядывал в пропасть ◇

Стр. 164.

6 всё, что было ∾ побоялся уклониться. / *а.* О, я не изменился нимало; вот мои тогдашние (да и всегдашние) рассуждения. Хоть не рассуждения, так ощущения, а покамест всё, что было, — уклонение в сторону: «Почему, дескать, не повеселить себя?» Вот тем-то и скверна моя идея, повторяю еще раз, что она допускает подобные уклонения. *б.* всё, что было, — было лишь уклонением в сторону: «Почему, дескать, не повеселить себя?» Вот тем-то и скверна моя идея, повторяю еще раз, что она допускает подобные уклонения. Именно твердостью, именно силою [и радикаль⟨ностью⟩] своею допускает; была бы она не так тверда и радикальна, то я бы, может быть, и побоялся уклониться. А тут [уж всё решено, тут, кажет⟨ся⟩] сзади каменная стена, нерушимая и непоколебимая, на которую всегда могу опереться, к которой всегда могу возвратиться, куда б ни залетел, как бы ни упал.

10–16 Я у него ∾ и так улыбалось! / *а.* Я у него жил и ночевал по целым неделям... Об этом сейчас, а пока скажу об этой квартиренке; она уже была мне дорога: сюда ко мне пришел Версилов, сам, и потом приходил много раз. Повторяю, [в эту грустную эпоху было и так много счастливого] эти два месяца были и страшный п⟨озор⟩. Да и всё тогда так удавалось и так иногда улыбалось! Он пришел ко мне в первый раз. [Перед испуг] Я застал его с хозяином *б.* Я у него сидел по целым даже неделям... Как это случилось. Об том сейчас, а пока скажу об этой моей квартиренке. Она уже была мне дорога: сюда ко мне пришел Версилов сам, в первый раз после тогдашней ссоры [нашей] *Далее как в тексте.*

20 в мире ∾ радостно / в мире всё так радостно

23 а потом / а в сущности ◇

30 все ∾ но у меня / *а.* все три дня без памяти, у меня *б.* все три дня и знал, что он придет, но у меня ◇

32–37 который ∾ деликатный. / *а.* который, видя человека ожидающего, чтобы не было скучно гостю ждать, подсел к нему с разговором и начал что-то с жаром ему рассказывать. Это был титулярный советник, лет уже под сорок, очень бедный, обремененный вечно больною в чахотке женой и последним больным ребенком. Двух других детей, и тоже малолетних, он месяца три назад схоронил, почти разом обоих, и, несмотря на всю свою бедность, ужасно [жалел] как тосковал о них. Характера он был чрезвычайно разговорчивого [хотя и не], впрочем, был неглуп и даже довольно деликатен. *б.* который, чтобы не было скучно гостю ждать, познакомился с ним и немедленно начал ему что-то с жаром рассказывать. Это был титулярный советник, лет уже под сорок, очень рябой, очень бедный, обремененный больною в чахотке женой и больным ребенком. Характера был сообщительного и смирного, но уж слишком разговорчивого, впрочем довольно деликатен, так что, когда он ⟨на⟩доедал, то я прямо говорил [это] ему, и он вставал и уходил не сердясь ◇. *Далее на полях заметки:* Он о камне рассказывает, преинтересная история. Англичанин Монферан. Монферан подал смету 15 000. Наконец, расколоть его, распилить? Вы представьте, что будет стоить распилить такой камень. Почему же нет. Но Версилов махнул мне. Киселев, кажется, qui se leva. То есть, послушайте, это надо машину. Он расскажет это и счастлив, что рассказал. И знает ведь, все они знают. И один другому рассказывает. Иногда и в [высшем] обществе гораздо повыше. Но если где услышишь такой анекдот... Особенно о Чернышеве. О пустяках.

41–44 и не по строптивости ∾ не найдет. / *а.* (не по строптивости, а именно от любви к нему, от какой-то ревности любви, не умею я этого выразить) *б.* (не по строптивости, а именно по любви к нему, по какой-то

ревности любви, не умею я этого выразить) и вообще я тонко выражаться не умею, и красноречия читатель у меня не найдет. ◇

44-47 Но хоть ∾ произошло. / *а.* Но хоть и ждал три дня [почти с], и представлял себе, как он придет, и все-таки никак не мог вообразить себе вперед, об чем мы с ним заговорим. Таким образом, хозяин хоть и помеха, а все-таки выручил. А меж тем он врал [страшный] предосадный вздор, [О] так что я даже покраснел потом [и через] за него. *б.* Я все эти три дня и представлял себе почти [с] беспрерывно, как он войдет, и все-таки никак не мог вообразить вперед, об чем это мы с ним заговорим. Так что, повторяю, хозяин выручил. А меж тем он сидел, врал. по обыкновению, предосадный вздор. Мы как-то оба стыдились, да-да, оба, уверяю, что и он стыдился, этакой-то человек! ◇ *Далее набросок:* После 2-х типов:

Всё это, однако же, были пустяки, а про дело не сказали мы ни слова. Я всё ждал, но Версилов распространялся, как будто это было самое главное дело. И черта. Об Христе осужденном.

— Ну, довольно об этом, — грубо сказал я наконец, и он встал смиренно и вышел. Это был жалкий человек — у него была болезненная жена и тоже больные дети. 2-х он уже похоронил, одного за другим.

Стр. 165.

1 протянул он мне руку / протянул мне руку Версилов

3-4 об этом камне ∾ тут где-то... / об камне, близ Павловских казарм, это в Малой Миллионной, что ли? ◇

5-7 Да, я знаю ∾ дыхание. / *а.* Да, я знаю камень, — сказал я, тяжело переводя дыхание и опускаясь на стул рядом с ними. Они сидели у моего дерев⟨янного⟩ стола. Вся комната была ровно в пять квадратных аршин. *б.* Да, я знаю, какой-то там камень на улице, — ответил я поскорей, но точно в самом деле интересуясь этим, опускаясь на стул рядом с ними. Они сидели у стола. *Далее как в тексте.*

8 удовольствия / радости ◇

9 делать жесты. / *Начато: а.* ломаться [и по], рисоваться и делать жесты. Но увидев, как я прямо и с радостью протянул ему руку, успокоился и порадовался моей порядочности (в этих случаях сердце в стороне: обоим *б.* делать жесты. Но, увидев, как я тотчас и с радостью протянул ему руку, он успокоился и видимо обрадовался моей порядочности. Я это видел ясно и обрадовался за себя. *Далее заметка на полях:* вознегодовал внутри: какое мне дело до камня и до Петр⟨а⟩ Ипполитовича. Напротив вон Петр И-ча.

10-11 Вы уж ∾ по имени-отчеству. / *а.* Я молчал.

— Вы уж начните нам сначала, Петр Ипполитович. (Они уже величали друг друга по имени-отчеству, действительно, почти час сидели и успели познакомиться) *б.* Я молчал.

— Вы уж начните сначала, Петр Ипполитович. (Они уже величали друг друга по имени-отчеству.) ◇

13-14 с некоторым мучением ∾ за успех / с некоторым мучением [и счастливым], но ужасно страдая вперед об удаче

14-17 *Текста:* ведь вы знаете ∾ раз этот камень. — *нет.*

17 государю / ему

17-18 и действительно ∾ портит улицу / *а.* да и действительно, ведь это целая гора, это почти — дом, стоит гора, портит улицу. *б.* да и действительно, целая гора, ведь это почти — дом, стоит гора на улице, портит улицу ◇

19-20 *Фразы:* Ну, сказал ∾ не было»? — *нет.*

21 Все потеряли голову; тут Дума / *а.* Пошли переговоры. Тут Дума *б.* Все потеряли голову. Пошли переговоры. Тут Дума ◇

22 тогдашних вельмож / вельмож ◇

24 будет стоить, не меньше / не меньше будет стоить ◇

26 *После:* что за дичь!» — Да, так-с сказать-то легко, а как его перенесть?

28-29 но ведь ∾ ходила... / ну да ведь что ж бы то и стоило. Железных-то дорог тогда еще не было, только Царскосельская эта-то начиналась ◇

33–34 потому что тоже ∾ от него. / *а.* [в этот] так же, как и я, рад, потому что тоже стыдился со мной. Мы оба стыдились, и это и он стыдился (такой-то человек), и, может быть, тоже [не знал] в затруднении, как заговорить со мной в этот первый вечер примирения, и мне, помню, было даже как-то трогательно. [Но] Так что тут именно надо было говорить о пустяках, но что всего для меня было удивительнее — уж пустяки-то были омерзительны. Всего для меня удивительнее это, что он даже и потом, и в другие разы, способен был с удовольствием слушать по получасу эти глупости хозяина, а тот-то врал, тот-то врал. *б.* потому что (я уже видел это) тоже стыдился со мной, и мне даже, помню, было это как бы трогательно. Так что тут именно надо было говорить о пустяках, но всего для меня удивительнее это, что он даже и потом, и в другие разы, способен был с удовольствием слушать по получасу эти глупости от моего хозяина.

37 да чего оно будет стоить? / да чего [это] оно стоит ◇

38 и вывезти / и свезти

39–40 ставить машину, паровую-с, и притом / ставить машину, и притом

41 менее не обойдется / менее нельзя

43 Версилов мне подмигнул / Версилов не утерпел, мне подмигнул

44–45 сострадание к хозяину, даже страдание за него / *а.* сострадание к хозяину *б.* сострадание к хозяину, даже страдание за хозяина ◇

47 Ну, вот, вот / Ну, вот, вот, вот

Стр. 165—166.

47–1 хозяин ∾ сбивать вопросами / *а.* хозяин, видимо боявшийся, что его станут сбивать вопросами в точности чисел, в именах, в хронологии и проч. *б.* хозяин, ничего не заметивший и видимо боявшийся, как и всегда эти [люди] рассказчики, что его станут сбивать вопросами в точности чисел, в именах, в хронологии и проч.

Стр. 166.

1 только как раз ∾ один мещанин / *а.* Только как раз в это время скитался в Петербурге один мещанин Ярославской губернии, очень молодой человек, нуждавшийся в месте, весьма порядочный и как есть прилично одетый [с образован⟨ием⟩], университетский, знаете, образованный, только что вышедший, но гол как сокол и никакой протекции. Сирота какая-то круглая. Теперь, Андрей Петрович, например, людей не найдут, а тогда-с ведь это молодых людей сколько угодно, а мест было мало, и, знаете, с университетским-то образованием тогда не совсем и любили. (Он значительно подмигнул Версилову, он так и сиял.) Вот только скитается раз этот молодой человек *б.* Только как раз в это время подходит один мещанин, и еще не старичок, ну, знаете, русский человек, бородка клином, в долгополом кафтане и чуть ли не хмельной немножко ... Впрочем, нет, не хмельной-с.

4 этот мещанин / [это] он ◇

5 англичане да Монферан / англичане и Монферан ◇

5 лицо, которому / лицо, вот которому

7–8 как это ∾ мещанинишка / как же решают [делать] и не [может] могут решить и вдруг замечает в отдалении этот мещанин ◇

8 и фальшиво этак улыбается / и фальшиво улыбается

9 не фальшиво ∾ как бы это... / не фальшиво, а как бы это...

10 *После:* поддакнул Версилов. — *начато:* — Ну

12 русская улыбка такая, знаете / русская улыбка, знаете

13–14 «Ты здесь, борода ∾ Кто таков?» / «Ты здесь, борода [что стоишь, чего тебе? — крикнул], чего дожидаешься? Кто такой? [Как смели [здесь] пустить?]

16 *Слов:* потомок полководца-то — *нет.*

18–19 русский человек ∾ ну, догадался / русский [человек], я вам говорю, патриот-с, развитое русское сердце, такая русская этак душа, догадался ◇

20 чего ухмыляешься / *а.* чего стал *б.* чего смеешься
22 кошель толст / кошель туг
24 можете представить / можете себе представить ◇
27 Да неужто, говорит, свезешь / Да, неужто [в один день] свезешь ◇
29 наш секрет-с / [мой] наш секретик-с ◇
30 *После:* русским этаким языком. — *начато:* Э, вот
30–31 «Э, дать ∾ потребует!» / Э, оставить его. Дать ему распоряжаться и что потребует — всё доверять ему, всякую то есть помощь». ◇
31 Ну и оставили / Ну вот, эти англичане ушли, Монферан уехал
33–34 *Текст:* Хозяин приостановился ∾ взглядом. — *вписан между строками.*
35 улыбался Версилов; я очень хмурился. / [улыбался] фальшивил Версилов. [Счастье сверкало в глазах хозяина.] Я хмурился [я уже десять раз слышал глупый анекдот], он улыбался, я знал, что он из жалости, я видел, что нарочно, но ужасно бесился.

— Да неужто он свел камень?

— Свел-с.

— Да как он сделал? ◇

36–37 с таким торжеством / с такою гордостью ◇
37–39 нанял он мужичков ∾ яму / нанял [артель] мужичков и стал копать у самого камня, у самого края-с яму ◇
39–40 огромную выкопали ∾ еще поглубже / в пять аршин выкопали
43 равновесие-то и покачнулось / равновесие покачнулось
44–45 покачнулось равновесие ∾ на ура, по-русски / покачнулось равновесие, стал шататься камень, они его с другой стороны уже руками [втолкнули и, знаете, кричат это — ура], как понаперли да, знаете, ура, по-русски
46–47 утрамбовали, камушками замостили — гладко / утрамбовали и замостили

Стр. 167.

5–6 этот начальник-то, государственное-то лицо / этот начальник тогда [рот разинул], светлость-то ◇
7 «Да откуда / «Да где
8–14 мы, собственно ∾ начал было Версилов. / мы [больше], знаете, собственно, по нашему ремеслу портные-с [а сюда пришли церковный храм], а летом в столицу фруктами [являемся] приходим торговать». Ну, тотчас до государя довели: государь велел [дать] повесить ему медаль, так и ходил с медалью на шее, да опился потом, говорят; знаете, русский человек — [чуть] достигнет, да и не удержится.

— Да, оттого-то вот нас до сих пор иностранцы и заедают, и славу, и деньги наши берут, — поддакнул Версилов.

Он с сладкой улыбкой, раздвинувшей его рот до ушей, обвел нас ужасным взглядом. Даже жалко его было.

— Да, конечно [эта русская способность ума], это русский ум, — начал было Версилов.

14 *После:* начал было Версилов. — Я уже слышал, что-то в этом роде, — не утерпел я, однако же.

— Нет, я с большим удовольствием выслушал

— Именно-с это, что способность, это так-с. *Далее утрачены 2 листа автографа.*

Стр. 168.

39–40 схватил его изо всей силы за руку / схватил его за руку
41 но мигом стушевался / но, кажется, понял и мигом стушевался ◇
42–44 растягивая слова ∾ не сказал чего-нибудь / растягивая, чтобы сказать что-нибудь и видимо не спеша, боясь что я заговорю о чем-нибудь [щекотливом]
46 еще простудишься / [прощай] вдруг еще простудишься. До свиданья. ◇

Стр. 169.

1 Но я не уходил ∾ по второй лестнице. / Мы спускались уже по второй лестнице, я всё шел за ним

4 Спасибо / Ждал? спасибо ◊

6 что я непременно приду / что я приду

8 дошли / выходили

11 вздрогнул, но молчал / вздрогнул [но] и приостановился, но молчал ◊

11–12 и вдруг жадно / и [горячо] жадно ◊

14 проговорил он / промолвил он ◊

14–15 задрожал ∾ не он говорил. / дрогнул, и что-то в нем мельк⟨нуло⟩ новое, точно и не он проговорил

16 что-то ответить / *а.* что-то сказать *б.* говорить ◊

16 не смог и побежал наверх. / не мог. Слезы вырвались у меня [из глаз вместе] из глаз, а рыданье из груди. Я быстро побежал наверх, сдерживая мой голос. [Я слышал, однако, как он [еще всё] только] ◊

17–18 до квартиры / до двери

18 отворилась и с шумом захлопнулась / отворилась и захлопнулась

20–21 задвинулся на защелку / задвинулся защелкой ◊

23–24 В первый раз ∾ но что описывать! / *а.* [Я зап⟨лакал⟩] Рыдания рвались из меня с такой болью из груди, и я был так счастлив [что...] А впрочем, что объяснять. *б.* Первый раз заплакал с самого Тушара. Рыдания рвались из меня с такой болью из груди, и я был так счастлив, о, что описывать [это] ◊

25–26 теперь не стыдясь ∾ всю нелепость. / не стыдясь, потому что, может быть, это и хорошо было чувствовать... несмотря на всю нелепость этого чувства. *Далее на полях набросок к началу III главки первой главы:* Но зато уже ему за это досталось, я стал страшным деспотом. Само собою, обо всей этой сцене потом у нас и помину не было — напротив, я груб, а он скептически. Я даже до фанфаронства дошел. *На полях следующего листа наброски:*

Программа:

Деспотировал, отвлеченные разговоры (но не называя отвлеченными, всё не об том), вдруг про краску. — Но кроме этого почти ничего, всё отвлеченно. Потом мне стало досадно, что он не руководит меня. Я чувствовал, что я, *может*, падаю, играю, он ни слова. Однажды лишь: «Замучил твою мать». — «Чем вы будете жить?» [к] Капитал Татьяны Павловны.

У Князя про дворянство. Вечером масонство.

2-я глава

К Князю спросить, что он думает о Версилове, ибо прежде он принимал патетически, а вчера оскалил зубы. С Князем я же познакомил Версилова. Деньги, Лидия, ребенок, всё вкратце.

Князь восклицал, но в последнее время показывал зубы. Был в беспокойстве. Тут была одна идея об Анне Андреевне.

Удивлялся я тоже его наивности, что Версилов не ходит в общество. Что возобновил он, я это знал, но, или он опустился...

С Ст⟨арым⟩ Князем виделись

28 ему от меня за это / ему за это от меня

29 об этой сцене / обо всей этой ◊

31–32 в этот второй ∾ как будто сух / в это второе свиданье, а он как-то сух и скептичен, хоть и очень дружественен

32–33 *Фразы:* Случилось это ∾ увидеть мать. — *нет.*

34–35 Говорили мы ∾ о самых отвлеченных предметах. / Говорили же мы о самых отвлеченных [разговорах] предметах

36 мы только и делали / во все эти два месяца мы только что и делали

40 *После:* молчали. — [Хоть мне ужасно как хотелось поговорить] Мне

ужасно хотелось, например [говорить], заговорить об этой женщине, потом ужасно тоже обо всем этом эпизоде с *бедной* Лидией Ахмаковой и вообще обо всех этих делах. Я даже ничего [ни полсловечка] не промолвил о [«ребенке»] грудном ребенке [а напротив], но я в эти два месяца старался [сам] более сам угадывать и разыскивал окольными путями. [Наконец] ◇

41 о себе самом, о всей моей истории / обо мне, об Тушаре, об моей истории, наконец.«Идею» же я бы ни за что, ни за что не рассказал ему, даже если б мы открыли друг другу всю душу. Идею, ну и, наконец, кое-что еще... Но мы не открыли друг другу души в этом отношении

42 всё было / произошло

42 от какой-то ∾ глупости / от какой-нибудь юношеской глупости произошло

43 от глупости / от последнего

Стр. 169—170.

45–1 и даже против сердца: это всё как-то / и не то чтоб это я нарочно, а так как-то это ◇

Стр. 170.

1–2 сам ∾ удержать *вписано на полях.*

2 насмешкой / насмешечкой

4–5 так что я / так что впоследствии я

5 *Слова:* наконец — *нет.*

6 *Слова:* в самое — *нет.*

7 всё по вечерам / иногда чуть не каждый день сряду, всегда по вечерам и ◇

8 *После:* болтать и с хозяином — *а.* что [мне] меня всегда сердило *б.* Вот тоже [бесило] удивляло ужасно, как он мог болтать с хозяином и выносить его глупость [но он слушал его глупые]. Но он охотно болтал, это меня бесило ◇

11 в последнее время / Я знал, что в последнее время ◇

11 *Слова:* даже — *нет.*

12 сношения в светском кругу / *начато:* сношения в самом

13–15 но, кажется ∾ ходить ко мне / [но возобновил] но, кажется, они не соблазняли его, и возобновил он их, очевидно, лишь официально [не обременяя себя], а более любил сидеть дома или ходить ко мне ◇

15 *После:* ходить ко мне. — Мне даже немного больно было, что он так опустился и обленился, но проходили дни, и [мне] вдруг мне вскакивал вопрос в голову: «Да ко мне-то он зачем ходит, он такой различный со мной человек, и чем я ему так нужен?» Именно отсутствие интимности и разговоров о насущном [были] бывали причиною этих моих сомнений, но какой-нибудь случай — и вдруг падали все мои сомнения, и разом воскрешало всю мою нежность и уверенность в нем

15 иногда / например

17 всегда с странным беспокойством / с страшным беспокойством ◇

18 не помешаю / не помешал ◇ *Далее на полях наброски:* Краска. Вот только никак не могу припомнить, по какому поводу. Уйду. Когда закружил, не говорил, только так и ⟨?⟩ смотрел, а не говорил, ну и я не спрашивал. Право, во все эти два месяца только 2—3 вопроса и задал о насущном.

22 объясню потом / об этом потом

22–23 войдя, сел, вероятно не заметив / [несмотря на то] войдя сел [как бы], верно не заметив ◇

23–24 на него минутами ∾ странная рассеянность / на него иногда находили минуты странной рассеянности ◇ *вписано на полях.*

26 *После:* с хозяином! — вскричал я

27 вдруг поднялся он / *а.* вдруг сказал он, вставая *б.* вдруг вскочил он

28 собираешься со двора / хочешь ехать ◇

31 *После:* от такого человека — (я ведь боготворил его) и
31–32 от такого светского ∾ было своего / такой светский, таких независимых правил и у которого так много своего
32–34 разом воскрешало ∾ в нем уверенность. / *а.* разом воскрешало в моем сердце всю мою нежность к нему и всю мою в нем уверенность. Даже и теперь, иногда вспоминая, мне [даже тр⟨огательно⟩] становится как-то трогательно за это смирение его, и я стыжусь, что так его деспотировал *б.* ибо что же я был ему, какой собеседник? — вот это-то смирение его разом воскрешало, по временам, всю мою в нем уверенность [начинавшую было какой] ◊
34 *После:* любил меня — что не мог обойтись без меня (хотя, повторяю, что мог извлечь из моего разговора?)
34–35 не остановил меня тогда / не остановил меня ◊
35 *После:* позора — ни слова не сказал даже?
37 Но видел же / *а.* ведь видел же *б.* Но ведь видел же
37 *Слов:* это фанфаронство — *нет.*
38 *После:* Матвея — ведь видел
39 *Слов:* что он не хотел садиться — *нет.*
41–42 полюбопытствовал ∾ А я / *а.* полюбопытствовал. А я *б.* полюбопытствовал. Это меня до сих пор удивляет. А я
42–44 разумеется ∾ в объяснение / с каким-то бесстыдством нисколько тогда не церемонился и всё наружу выказывал, хотя, конечно, ни слова тоже не говорил в объяснение всех этих вещей. ◊
44–45 *Фразы:* Он не спрашивал, я и не говорил. — *нет.*
46 раза два-три мы / раза два-три, однако, припоминаю, мы ◊
47–48 вскоре после отказа от наследства / после отказа его от наследства ◊
48 жить теперь будет / жить будет ◊

Стр. 171.

4 затрачен на Версилова / затрачен на Версиловых ◊
12 особенно откровенен / ужасно откровенен
14 этим сознаньем / от этого
16 силою уживчивости / силою живучести и уживчивостью ◊
17 нашего поколения / нашего (прежнего) поколения ◊
21–22 Но тем не менее ∾ слишком благоразумно. / *а.* Это бесчестно именно тем, что намекает на чрезмерное уж благоразумие. *б.* Но тем не менее бесчестно, я знаю [именно тем, что намекает на излишнее, чрезвычайно элементарное благодушие, но представь себе], потому что слишком уж благоразумно ◊
23 не ведаю / не знаю ◊
23 хорошо это, что / хорошо это благоразумие
27–29 стало быть, и тут ∾ остается открытым / стало быть, никак нельзя вывести параллели [и], так что вопрос остается [за] открытым. [Эта духовная широкость наша по-моему подла, а в то же время ужасно привлекательна.] *Далее наброски на полях:* Друг мой, или хочешь я тебе скажу вот... Об отвлеченном; я иной раз на него бросался.
29 И неужели / *а.* Неужели *б.* Но неужели ◊
32–33 и все-таки ∾ или нет / [но так как это было слишком отвлеченно] то и... все-таки [в то же время] я не знал даже, искренно [ли?] иль нет? [Но раз помню высказано было нечто и прямо:] *Далее на полях помета:* Краска
37 с готовностью и прямодушно / прямодушно
39 *После:* нельзя было вытянуть. — Зачем он так делал, не знаю: если насмехался, то как это было ему не скучно? [То] Но, кажется, нет... ◊ *На полях наброски:* Вот если бы он часто говорил так. Но он не повторялся. Впрочем, и я [тут во многом был виноват] не давал ему [Я ви] Я бросался на него. Закуска. Стакан чаю.
44 из социальных вопросов / из социальных идей
45 извлечь / вытянуть

Стр. 172.

9 Просто-папросто / Просто-запросто
11 *После:* запутаются окончательно — *а.* в своих финансах *б.* в своих долгах
12 *После:* заплатить — кредитору ◇
13 Между тем / А меж тем ◇
16–17 *Фразы:* прибудет много жида, и начнется жидовское царство — *нет.*
19 *После:* участвовать в окислении — [собственно] впрочем, потому только, что им терять нечего. ◇
20 семидесяти семи / семидесяти
22 *Слова:* акционерами же разумеется — *вписаны.*
22 Может /Может быть
23 Вернее, что тоже обанкрутятся / Конечно, кончат тоже банкрутством
24 изменят / *а.* ожидают *б.* переменят
27 нынешний мир / теперешний мир
33 не участвовал / не участвуешь
34 *После:* говорите дело. — *начато:* — Что тебе делать
39 Полноте, полноте / Э, полноте
44 Вы только смеетесь! / Э, вы только смеетесь!

Стр. 173.

5 Да вы решительно смеетесь! / Да вы смеетесь!
6–9 *Фразы:* Ну, если уж ты так ∾ и забудешь о пустяках. — *нет.*
10 Я промолчал / Я замолчал [именно мне казалось] ◇
10 однако же / однако ◇
11 после каждого из подобных разговоров / после каждых подобных разговоров
16 и от страдания / или от страдания ◇
19 Спасибо тебе, мой милый. / Спасибо, мой милый
21 могу быть полезен / могу быть полезным
21–22 Я знаю, что / Я знаю, чем
26 взаправду / вправду
27 скажите же / скажите
29 а только / и только ◇
31–32 Вопрос остается вековечно открытым. / *а.* Так что вопрос: что делать? все-таки останется открытым *б.* Ну и вопрос все-таки останется открытым о том, что ему делать?
36 идея / идеи
38 *После:* скучно начинать — мой друг
38–39 мы с тобой поговорим / мы поговорим
39 если помолчим / если мы помолчим ◇
42–43 хорошо, безопасно и красиво / несравненно выгоднее, чем говорить, и это во всех даже случаях, без исключений... ◇
42–43 *После:* и красиво — чего же более?
45–46 всегда красивее говорящего / всегда красив. [; а пуще всего — выгодно] ◇

Стр. 174.

1 Милый мой / Друг мой ◇
3 милый мой / друг мой ◇
5 *После:* напротив — мой милый ◇
7 Таким образом, это между нами решено. / Это я же тебе и говорю.
7–8 уважаю тебя за то, что / уважаю тебя за это и за то, что
15–16 предостеречь / предварить
18–19 с своими прозаическими / с прозаическими
19 хотя / хоть ◇
20 каждый честный отец / *а.* каждый отец *б.* каждый, но не буржуазный отец

21 послать сына своего хоть на смерть / *а.* послать хоть на плаху сына *б.* послать сына своего хоть на плаху ◇
24 что мне делать в этом смысле? / что мне делать?
25 *После:* глупым образом — *начато:* Вер⟨овать⟩
25 *Слов:* как маленькому — *нет.*
26 мой милый / мой друг
27–28 *Слов:* раз в раздражении — *нет.*
29 И прекрасно / Превосходный знак
30 Как прекрасно? / Как превосходный?
31 Самый превосходный признак, мой друг / Превосходный признак, мой милый ◇
31–32 самый даже благонадежный / самый даже лучший и преблагонадежный ◇
33 в целом мире / в мире
35 *После:* что он — атеист. — Для нашего атеиста атеизм всегда был источником чести, почестей [и внутренних], духовных наслаждений и удачной карьеры, а отнюдь не страдания. ◇
36 люди почтенные / люди прекрасные, почтенные ◇
42–44 не дома ∾ Друг мой, любить / (никак не запомню, по какому поводу, но после, но после длинного разговора, в котором он даже раздражился, что с ним почти никогда не случалось) — милый мой, любить
46 последнее необходимо / последнее почти необходимо

Стр. 175.

1 поумнее средины / *а.* поумнее толпы *б.* поумнее их
1–2 Люди по природе ∾ любить из страху / Люди низки, они любят любить и обожать из страху
2–3 на такую любовь / *а* на это *б.* на эту любовь [их] ◇
3 и не переставай презирать / и не покажись мелочным, продолжай презирать
3–5 Где-то в Коране ∾ гордо, но верно. / *а.* В Коране сказано, что на иных людей надо смотреть как на мышей, проходить мимо и делать свое дело. Это хорошо сказано. Презирай их да⟨же⟩ *б.* В Коране где-то Аллах говорит пророку взирать на строптивых как на мышей, делать им добро молча и проходить мимо — немножко гордо, но [очень] верно.
6 презирать / презирать их
7 О милый мой / Милый мой
7 сказал это / это говорю
7 *После:* сказал это! — Без сомнения, Христос не мог нас любить [или] таких, как мы есть. Он нас терпел. Он нас прощал, но, конечно, [и] презирал; я по крайней мере не могу понять Его лика иначе
7–9 Кто лишь чуть-чуть ∾ это всё равно. / Кто лишь чуть-чуть не глуп, не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен — тут всё равно. — *фраза вписана на полях.*
11–12 Тут какая-то ошибка в словах / *а.* Мы тут ошибаемся лишь в словах *б.* Во всем этом какая-то глупая ошибка в словах
13 понимать / принимать
13–15 лишь к тому человечеству ∾ на самом деле / лишь к [ум] тому, которое в идеале, то есть в [твоей] в своей душе [т. е., другими словами, себя самого создал], другими словами (то есть себя же самого) — и которое [конечно] поэтому никогда и не будет в действительности, [что] но это, разумеется, ничему не должно [мешать] помешать...
18 при мироздании со мной не справлялись / со мной не справлялись при мироздании
19 свое мнение / свое особое мнение
26 разговор; но он даже раздражился / *а.* разговор, в котором он даже раздражился *б.* разговор, но в этот раз он даже раздражился
27–28 Говорил страстно ∾ не поверил ему / Говорил он страстно и без насмешки, а я опять-таки не поверил ему

29 с таким, как я ∾ серьезно? / со мною говорить так серьезно. А впрочем, может, и весь-то разговор был одна лишь дурная минута, с ним случались дурные минуты. ◊ *Далее набросок на отдельном листе:* Накануне у князя Сережи. Только проповедуя князю Сереже, он всегда имел вид гораздо более патетический, чем со мной, серьезнее. *Далее на полях помета:* 15/16 марта, суббота.

32–33 у «князя Сережи» / у князя

34–35 (я говорю ∾ за границей и проч.). Кроме того / *а.* С самого начала князь перед ним благоговел. Само собою, дел у них было довольно [Это и воспоми⟨нания⟩], эта история с Лидией и грудной ребенок [ни], и всё остальное. Дело в том, что *б.* (Я говорю о [Лидии Ахмаковой, о грудном ребенке и проч.] всех этих прежних историях за границей, в Германии [об этом «грудном ребенке»] и проч.). Кроме того ◊

35 выделить / уделить

36 *После:* по крайней мере — *начато:* тр⟨еть⟩

37 *После:* двадцать — *начато:* по край⟨ней мере⟩

37–38 было странно / стало странно ◊

39 *После:* я смолчал — потому что был тоже в ужасно сладком и примирительном тогда настроении ◊

40 не заикнулся / не заикнулся даже

41 только молча допустил / допустил молча

42 виду не показал / виду не делал

43 об обещании / об обещании точно забыл

Стр. 176.

1 мне высказывался / *а.* изъявлял его мне *б.* изъявлял это мне

1–2 Он иногда восклицал ∾ почти с отчаянием про себя / Он [говорил] иногда восклицал при мне [и, почти с отчаяния ◊

3–4 еще тогда так дружны / *а.* тогда, в начале так дружны *б.* тогда так дружны ◊

4–6 всё старался внушать ∾ или улыбался. / *а.* так старался [тогда] говорить тогда о [нем] князе одно хорошее, защищал его недостатки, недостатки [впрочем] бесчисленные. Он отмалчивался или улыбался. Он, впрочем, особенно и не нападал на него. *б.* всё старался говорить тогда о князе одно хорошее, защищал его недостатки, хоть и видел их сам, недостатки бесчисленные... Версилов отмалчивался или улыбался ◊

7–8 Если в нем ∾ столько же достоинств / Но в нем столько же достоинств

11 не понял было я / не понял я

14 Но, конечно ∾ не мнение. / *а.* Но это не был отзыв *б.* Это все-таки было не мнение

14 о князе / про князя

15 избегал тогда говорить ∾ о всем насущном / избегал со мной тогда говорить [я даже], как и обо всем, впрочем, неотвлеченном, но это я заметил особенно.

17 допускал это / допускал и это

18 говорил с ним как бы серьезнее / говорил с ним гораздо как бы серьезнее ◊

19 менее / меньше ◊

22 *После:* в слове точность — и мало любил отвлеченности

23 И вот / Но вот

23 он / князь

25 это заметил / это замечал, я видел это. Замечу, что это посещение им князя, пятнадцатого ноября, было последним, добровольным, дружеским посещением

25 Предупрежу тоже, что князь / Предупрежу, что князь *Далее на полях запись:* Предупреждаю заранее.

26 *После:* ко мне изменился — объяснения тоже впоследствии [но предупреждаю лишь теперь], а теперь говорю лишь в двух словах, единственно чтоб заметить читателю, что я, стало быть, уже знал об этом изменении, понимал его, а потому опять-таки не извиним.

26 слишком видимо / видимо ◇
26 оставались лишь / оставались ◇
26–29 даже слишком видимо ∾ затянувшись во всё это *вписано на полях.*
27–28 нашей, почти горячей, дружбы / *а. Начато:* даже горячей нашей *б.* почти горячей нашей дружбы
29 О, как я был / О боже, как я был
31 неумения и унижения / унижения
32–33 я и тогда знал / я знал
33 мало думал / мало тогда думал
35 хожу / ходил ◇
36 совсем другое / другое
40 а Версилов / Версилов ◇
40 *После:* сидел. — *начато:* О, князь и
42–43 *Текст:* до наивности ∾ свысока. — *вписан.*
43 *После:* заставлявшей меня — хоть и молчаливо ◇
44 в последние дни / в последнее время
44 в нем явилось / в нем было ◇
44–45 *После:* злобно оскаливающееся. — Я согласен, что это длинное слово, но оно верное, точно у собаки. Он видимо желал эмансипироваться и иногда противоречил даже Версилову.
48 передернется лицо его / *а.* передернется лицо *б.* передернется лицо даже при виде меня

Стр. 176—177.

48–1 Мне известно было ∾ разные беспокойства / *а.* Конечно, я знал и тогда, что у него [много сошлось тогда] много было своих беспокойств, и я даже знал, и каких [даже] беспокойств *б. Начато:* У него тогда много скопилось *в.* Я знал, что у него накопились разные беспокойства
48–16 *Рядом с текстом:* Мне известно было ∾ и опять куда-то уехала. — *на полях наброски:* Что такое великая мысль? — спросил князь, видимо насмешливо.

Вер⟨силов⟩ ... ответил он с непроницаемой серьезностью.

— Вот я у вас вижу Белинского, это хорошо, что вы хотите образоваться.

1) — К чему двусмысленности и к чему нравоучения. Если он видит, что я поступаю подло, то пусть так и говорит.

2) Князь: «Я знаю, что то, что я делаю, подло (т. е. игра), только я не хочу, чтоб меня учили; никогда еще это не было. Я вижу, что вы изменились».

— В его словах о равенст⟨ве⟩ глубокая мысль, а вы даже и не поняли.

— Я очень понял.

— За каламбур приняли.

— Нет.

— Почему двусмысленности, надо самому быть умным.

— Если хочешь учить, надо самому быть умным.

Чем бесчестен Версилов.

— Довольно, 300.

— Нет, *не* довольно, эти 300 руб. Я заигрался, бесчестно. Если же эти деньги я беру у вас в счет Версилова...

Князь оскалил зубы: «Мои отношения, не введены во владения, тяготеющие связи».

— Тяготеющие связи!

— Это только слова.

Подлец Стебельков.

— Неужели вы думаете, что он к вам ходит за деньгами?

— Для меня лучше б было, если б он ходил ко мне за деньгами.

Стр. 177.

1–2 десятую долю / одну десятую долю ◇
4 и даже свысока усмехался / и даже вслух ему свысока усмехался

4–5 над слабостью его выходить / [на возможность] над слабостью его и над тем, что он выходит

5 *После:* пустяков». — А между тем это были [вовсе] слишком уж не пустяки.

5–7 Он отмалчивался ∾ не подозревал того. / *а.* Да и в каком я сам был [в] фальшивом положении и — ничего [об] еще не подозревал. Свидетельствуюсь богом, что не подозревал всей гнусности моего фальшивого положения. *б.* Он смолчал, но невозможно, чтоб не ненавидел меня в те минуты ужасно. Я был в слишком фальшивом положении [но главного не] и даже и не подозревал. О, свидетельствуюсь богом, что главного не подозревал. ◊

9 Он / Князь

10 не прерывая речи / он говорил и не прерывал речи

10 Я разлегся / Я растянулся

10–11 И что за тон ∾ что за приемы! / *а. Начато:* Боже [что], какой я взял *б.* И [Боже] что за тон был тогда у меня!

11–12 Я даже еще пуще ∾ как своих... / Я всё еще продолжал входить к нему как к себе [ничего не замечая в его перемене. То есть я замечал уже, но противился], даже еще пуще финтил, нарочно лез с фамильярностями, его знакомых третировал как своих [но довольно, даже тяжело вспоминать] ◊

14 Два слова, чтоб не забыть: князь жил / Два слова: князь жил

15 почти всю / всю

15 Столбеева / Фанариотова

20 многое дурное в его жизни / многое в его жизни

21–22 будучи нищим ∾ и затянулся в долги / *а.* будучи нищим, он сыпал деньгами и затянулся в долги. Именно потому что нищий, и сыпал деньгами *б.* будучи нищим, он всю жизнь из ложной гордости, чтоб не отстать и везде говорить, что он князь, сыпал деньгами и затянулся в долги. Нарочно сыпал [потому что нищий, а надо, чтоб поддержать свое княжество, и из досады, что нищий]. ◊

22–26 Версилов несколько раз ∾ но я не застал начала. / *а.* Версилов, кажется, хотел ему дать урок и доказать, что не в том состоит княжество, но я не застал начала. *б.* Версилов, кажется, несколько раз намекал ему, что не в том состоит княжество, и, кажется, хотел насадить в его сердце более высшую, благородную мысль. Но князь впоследствии как бы стал обижаться, что его учат. [Кажется] По-видимому, что-то в этом роде было и в это утро, но я не застал начала [речи] ◊

26–27 Слова Версилова ∾ потом он поправился. / Слова Версилова [мне] показались было мне [вначале] сначала ретроградными, но [в конце он [немного] несколько] потом он поправился.

28 *После:* «честь» значит долг — признание долга

28–29 я передаю ∾ сколько запомню): / насколько я запомню смысл его речи.

32 и неправильным / очень неправильным

32–33 но всегда почти служит связью и крепит землю / всегда почти передает сословиям низшим, желающим подражать высшим и тем крепить землю. [Таким образом]

35 *После:* сравниваются в правах — на Западе бунтом и силою, у нас несколько иначе ◊

35–36 и это прекрасно / и последнее прекрасно ◊

37–38 понижение чувства чести ∾ Эгоизм заменял / чувства чести и долга, ибо один эгоизм заменил

38–39 прежнюю скрепляющую идею / тогда [чувств] высшую идею, всякую честь и всякий долг

40 без скрепляющей мысли / без скрепляющей высшей мысли

41 высшую связь / взаимную связь

41 полученную свободу / свободу ◊

42–43 *После:* не походил на европейский. — *а.* Версилов утверждал, что *б. Начато:* Он говорил, что таким

44 в виде хранителя / как хр⟨анитель⟩

45 *После:* высшей идеи — *начато:* долга. Но так и велось к

Стр. 178.

1 что было бы смертью / что способствовало смерти

1 *После:* смертью идеи. — Но касты не может быть у нас опять.

2–3 теперь же ∾ отворить окончательно / а теперь их должно отворить окончательно

3–4 примкнуть к верхнему разряду людей / *а.* [быть] называться дворянином *б.* примкнуть к сословию высшему

5–6 сословие само собою обращается / сословие обращается

6 собрание / сословие

6 лучших людей / лучших и верхних людей

7 а не в прежнем смысле привилегированной касты / *а.* а не привилегированном *б.* в смысле [лишь] привилегированной касты, как в Европе

8 В этом новом ∾ обновленном виде / В этом смысле могло бы

11–12 Это вы какую-то масонскую ложу проектируете / Это какая-то масонская ложа будет

12 *После:* а не дворянство — сказал он. — Немного недостает.

13 Повторяю / Предупреждаю

13 князь / он

13 необразован / непросвещен

15 Версилов ∾ зубы /Но Версилов [уже] слишком понял, что князь [хочет эмансипироваться и оскалить] показывает зубы.

16 в каком смысле вы сказали про масонство / в каком, собственно, смысле вы говорите [«масонская ложа»] [о масонской ложе] про масонскую ложу, хоть бы и так, тем даже лучше ◇

17 *Слов:* ответил он — *нет.*

17 впрочем, если даже / но если

18 от такой / от этой

18 еще не наступило ей время / *а.* она удержаться не может *б.* она сейчас в ход не пойдет

21 но почему же / но почему бы ◇

21 живет эта мысль / есть эта мысль

22 в немногих головах / *а.* в нескольких головах *б.* в одной голове

22 она еще не погибла / *а.* то уж она не погибла *б.* то еще она не погибла [великая мысль] ◇

23 *После:* в глубокой тьме. — *а.* Только бы не угасла, и дело было бы спасено *б.* Почем знать, может быть, она еще не угасла, как и всякая высшая мысль в человечестве ◇

24 Вы любите употреблять слова / *а.* Вы часто говорите слова *б.* Вы часто любите говорить слова ◇

25 «скрепляющая идея» / «высшая идея»

25 *Слов:* я бы желал знать — *нет.*

26 под словом «великая мысль» / под «великой идеей»

27–28 как вам ответить ∾ усмехнулся Версилов / *Начато:* как вам это определить, — начал Версилов, растягив⟨ая⟩

28–44 *Текста:* Если я признаюсь вам ∾ не замечая и не узнавая. — *нет.*

47 Ну если ∾ хотите / Если хотите

48 *После:* никогда и не существовало. — Но для князя всё это было туманом. — А в таком случае, чего же было говорить, если вы так признаете, — криво засмеялся князь. ◇

Стр. 179.

1–2 Всё это ∾ надо развить... / *а.* Это бы надо было развить *б.* Вы говорите темно, надо бы было развить *в.* Всё это темно [и отвлеченно]. Если уж говорить, то надо бы [развивать] развить по крайней мере полно

3–4 Князь сморщил лоб ∾ свою шляпу. / А впрочем... [Князь] Он сморщил неприятно лоб и мельком взглянул на стенные часы, Версилов всё очень приметил ◇

5 сказал он / сказал Версилов ◊

5 *После:* сказал он — поднимаясь с дивана и захватывая шляпу

5 лучше не развивать / лучше в другое время с развитием

6 Право, так. / Право, привычка какая-то. Я лучше люблю, князь, верить про себя и молчать. ◊

7 мысль / идею

8 и почти всегда так выходит / и [кто], божусь вам, почти всегда так случалось ◊

10 *После:* и теперь. — В таком случае, уж конечно, лучше не развивать, —с досадой ухмыльнулся князь. — Конечно лучше.

10 До свидания, дорогой князь / *а.* До свиданья, милый князь *б.* До свиданья, князь

10–11 непростительно разболтаюсь / как-то [особенно] излишне болтлив

12 Он вышел / *Начато:* Он отделался очень серьезно

12 было / стало

12 *Против текста:* Он вышел ∾ было обидно. — *на полях заметка:* Когда человек не нужен — принижения, улыбки. Я заметил эту улыбку у Версилова и взбесился на князя.

13 он / князь ◊

13 не глядя / не смотря на меня

15–19 *Рядом с текстом:* Я к тому ∾ не поняли и... — *на полях набросок:* Я заметил, что вы стали обижаться. Надо быть честным. 300 руб.

20–21 Я просто ∾ за мальчишку! / Я не хочу, чтоб меня учили и считали за маленького. ◊

21 *После:* с гневом. — Не понимаю, как мог он говорить тогда таким образом ◊

23 жестов / эффектов

23–24 *После:* одолжение — уймите себя

26 не хочу ∾ и не допускаю / не хочу судей, не допускаю

27 двусмысленности / намеки ◊

28 высказать / *а.* намекнуть *б.* сказать ◊

28 *После:* говори прямо — ты вор, ты мот, ты бесчестен ◊

31 *Слов:* и не знаю, о чем вы говорили — *нет.*

32 *После:* чем же бесчестен Версилов — вскочил я с места

34–35 триста рублей / триста ◊

40 резкое / резко ◊

43 четыре дня назад / четыре дня тому ◊

43 тоже известно / известно ◊

45–46 Они обрадовались ∾ везти за границу / *а.* Они говорят, за границу везти *б.* Они обрадовались наследству и пишут, за границу везти ◊

47 *После:* проживет. — *начато:* Таким

47–48 стало быть, теперь я / стало быть, я

48 Ну, одним словом, я — один... / ну, одним словом, распоряжаюсь... ◊

Стр. 180.

2 *После:* не приходило вовсе! — *начато:* Между тем я обещал

2 сообщить / сказать ◊

3 из этого наследства / из него

4 А между тем / А это наследство между тем

6 не введен даже ∾ этим имением / не введен по-настоящему во владение

11–12 Стебельков принесет ∾ довольно будет / *а.* Стебельков должен непременно доставить сегодня, и...довольно *б.* Стебельков непременно принесет сегодня, и на перехватку довольно будет ◊

12–13 *Слов:* этого Стебелькова — *нет.*

18 *Фразы:* Эта тяготеющая на мне связь... — *нет.*

23 О нет / Он нет

25 пожалуйста / ради бога

26 между тем / между прочим

27 и сам / сам ◊

28 *Слов:* ведь я знаю, что — *нет.*

29 отыграть / отыграться и выиграть ◇
31 с вас, кажется, не спрашиваю / с вас не спрашиваю
31 вдруг оскалился / осклабился ◇
32 Версилову / что Версилову ◇
34 я иначе не допускаю *вписано.*
39–40 *Фразы:* Если это ∾ обидно. — *нет.*
40 И наконец / и затем ◇
41 *После:* вы говорите — *начато:* про Версилова
42 это — не логика / *а.* это дичь, а не логика *б.* какая же это логика ◇
42–43 это вам доложить / заступиться ◇
44 истину / правду ◇
44 *После:* истину... — А это не логика.
44–45 *Слов:* что это за слово «проповедует» — *нет.*
47 *После:* Нет, не я. — *начато:* Я не мастер давать насме⟨шливые прозвища⟩

Стр. 181.

1 *После:* прозвища. — И наконец, чем же Версилов не таков, что не может проповедовать правду?
2 Но если ∾ честь / Если проповедуешь честь
2–3 *После:* вот моя логика — и на этом довольно
4–5 *Слов:* ко мне в дом — *нет.*
5–6 Довольно ∾ рукой / Довольно, довольно! — вскочил он, махая на меня руками ◇
6 А, наконец / А, вот наконец
9–10 так же выставлял грудь вперед / держал грудь вперед
10–11 так же глупо ∾ что хитрит / так же [прямо] простодушно и глупо [нагло] смотрел в глаза, так же самодовольно хитрил ◇ *вписано.*
11 входя / вступив в кабинет
12 что-то особенно осторожное / что-то осторожное ◇
13 что-то хотел угадать / что-то вперед хотел угадать ◇
14–15 он успокоился ∾ улыбка засияла / лицо его [прояснилось] успокоилось, и [самодовольная] самоуверенная улыбка заиграла
15–16 *После:* «просительно-наглая» улыбка — которую ему всегда можно было [простить] спустить за глупость, но ◇
15–16 та «просительно-наглая» ∾ для меня. *вписано.*
17 раз или два / не раз
18–19 *Слов:* в этот последний месяц — *нет.*
19–20 немного удивился / изумился
21–23 не поздоровавшись ∾ и счеты / и стал, оборотясь к нам спиной, вынимать из конторки [какие-то] бумаги и счеты [и векселя, может быть]
23–24 Что до меня ∾ князя / Я был несколько обижен его последними словами со мной
24–26 намек на ∾ невозможно было *вписано.*
26 разъяснения / изъяснения ◇
26 при Стебелькове невозможно / при Стебелькове нельзя ◇
29 Белинский / У вас Белинский
30 желаете / хотите
30 крикнул я ∾ выделанно / проговорил я громко князю, может быть и несколько выделанно ◇
30 *После:* выделанно. — *начато:* Я вас п⟨рошу⟩
31 очень занят / видимо занят
31 но на слова мои вдруг обернулся / *а.* но вдруг оборотился *б.* но, несмотря на это, обернулся ◇
32–33 резко проговорил он / сказал он мне резко ◇
34 и, главное — при Стебелькове / *а.* но я не хотел при Стебелькове *б.* и, главное, при Стебелькове, но я не хотел начинать при Стебелькове
35 *После:* Как нарочно — *начато:* я увид⟨ал⟩
36 на князя ∾ этого глупца. / *а.* на князя, который вновь оборотился спиной. Я решился быть развязным *б.* на князя [точно мы были с ним]

точно я был с ним в сговоре. Я отворотился от этого глупца и решился быть развязным ◇

38 пока/ *Начато:* до вре⟨мени⟩

40–41 подхватил ∾ сам на себя / *а.* захохотал Стебельков, показывая на себя сам *б.* громко и весело подхватил Стебельков, показывая на себя сам

42 Да, вы-то / Да вы-то, вы-то

44 *После:* второй человек. — Второй человек есть главный человек

Стр. 181—182.

48–1 Первый человек сделает ∾ возьмет. / Первый человек всегда сделает, а второй человек всегда возьмет

Стр. 182.

9 Замечу, между прочим, что в том / Он был ужасно доволен и, прибавлю, в том ◇

10 про французскую революцию, я увидел / о революции, я видел ◇

11 меня очень забавлявшую / *а.* меня позабавившую *б.* меня иногда забавлявшую [потому], так как видел, что ◇

11 всё еще продолжал / как будто

13–14 встречал ∾ в этом роде / *а. Начато:* видел, отпускал всё в это⟨м⟩ *б.* встречал, находил как бы [нужным] необходимым отпустить в этом роде шутк⟨у⟩ ◇

15–16 сказал ∾ комнату / сказал ему князь. [Оба встали и вышли [пошли] в кабинет] ◇ *Далее на полях наброски:* 1) Я решил отдать ему 300 р.

Сначала посмотреть, впрочем... Мне эти деньги были до крайности нужны. Но этот прием...

Прежде я царил. Прежние

15–16 *После:* другую комнату. — Конечно, я не мог претендовать, у них были свои дела, но ◇

16 окончательно решился / решился ◇

16–17 отдать ему назад / отдать ему ◇

19 *После:* и вдруг — я услышал, что оба

20 князь вдруг закричал / князь вдруг закричал на него ◇

21–22 Он иногда / Я знал, что он иногда

21–22 Он иногда ∾ ему. *вписано.*

22 спускал ему / спускал ему прежде ◇

23 Но в эту самую минуту / Вдруг

23–24 я указал ∾ всё затихло / *а.* и прямо в ту комнату *б.* я указал в ту комнату, где они кричали. Мигом всё затихло ◇

25 но с улыбкой / но с сияющей улыбкой ◇

27 один важный гость / *а.* тоже князь, но *б.* один важный князь

28–29 и какой-то строгой / но строгой ◇

31–32 о желании я знал / *Начато:* об этом желании я знал. Было нечто в его предыдущем

32 должен был ценить / *а.* ценил, например *б.* должен был оценить

32 *После:* посещение — как этого настоящего великосветского [князя] господина

33 как мне известно было / как я уже знал

36 потерянным взглядом обернулся было князь на миг / ужасным взглядом [оборотился] обернулся было на миг князь ◇

37–38 но Стебельков ∾ не думая / но Стебельков вышел вслед за ним из кабинета как ни в чем не бывало и [с неловкою развязностью] нисколько не думая [уходить да и не]

40–41 одним словом, решительно был невозможен / и решительно был невозможен, и я ужаснулся [входя в чувства князя] за князя ◇

41 Что до меня, разумеется / Разумеется

41–42 разумеется ∾ никого *вписано.*

43 мое изумление / удивление

43 когда я поймал / князь остановил свой

44–45 он стыдился, стало быть, нас / *а.* он стыдился нас *б.* он стыдился, стало быть, за нас ◇

45 и меня равнял / и меня, таким образом, равнял

46–47 *После:* перебирать книгу — *начато:* но так как

47 с таким видом ∾ не касается *вписано.*

Стр. 182—183.

47–2 Напротив ∾ и любезно. / Стебельков [который] же, напротив, выпучил глаза и [стал] начал вслушиваться в их разговор, тогда как князь и виду не подал, что желает нас [обоих познакомить] перезнакомить ◇

Стр. 183.

2–3 Гость ∾ на меня тоже. / Гость [разумеется, виду не показал, но] раз-другой все-таки глянул на Стебелькова, [кажется] впрочем, и на меня тоже. Я это очень заметил. ◇ *последняя фраза вписана.*

5 из известной / из прекрасной ◇

6–7 несмотря ∾ простодушие / несмотря на видимое и кажущееся простодушие

7–9 очень чопорен ∾ кому бы то ни было / довольно чопорен и ценил себя настолько, что совершенно понимал, что делает даже большую честь нашему князю, посетив его ◇

10 достойнее / несравненно достойнее

11–12 в улыбке его ∾ выдавали его / в улыбке его — его выдавало

13 как вдруг еще доложили гостя / [как нарочно] вдруг вновь отворилась дверь и вошел еще гость ◇

14–15 Этого я ∾ не знал. *вписано.*

15 Это был / Он был ◇

16 впрочем ∾ трех *вписано.*

17 хорошего дома / прекрасной фамилии

24–25 с неделю назад / с неделю тому назад ◇

25 тысяч двенадцать / тысяч пятнадцать ◇

25–26 *После:* он торжествовал. — Я уже видывал его издали и знал его историю, но он про меня ничего не знал

27 но князь даже вздрогнул, завидев его / но теперь он даже вздрогнул, увидав его ◇

28 *Слов:* я заметил это с своего места — *нет.*

33 и тотчас начал / *а.* и мигом начал *б.* и начал

36 приняв того за кого-то из своих / приняв его за другого ◇

38 за вчерашнего / за нашего

39–40 Алексей Владимирович ∾ князь / *а.* Алексей Николаевич Д-й [отрекомендовал], — поспешил отрекомендовать князь *б.* Алексей Николаевич Д-й, Ипполит Александрович Нащокин, — поспешил познакомить князь ◇

40–41 этого мальчика все-таки / хоть все-таки

42–43 сидеть по своим углам / сидеть по углам ◇

43 *После:* по углам — что, по-моему, было верхом ложного понимания собственного достоинства с его стороны

43 повертывать к ним головы / поворачивать к ним [давно⟨?⟩] даже головы ◇

44 молодого человека / мальчика ◇

44–48 стал ∾ сказал Дарзан / стал даже осклабляться, и еще миг, и он [заговорит] готов был заговорить. Мне стало даже забавно. Гость любезно повернулся к молодому человеку, но тот, смеясь, воскликнул *Далее: а.* Да ведь мы же знакомы! *б. Начато:* Не беспокойтесь, князь, мы *в.* Я вас [слишком] запомнил, прош⟨лым летом⟩ у гр⟨афини⟩ *г.* Я вас два раза встречал, особенно помню [прошлого года] в прошлом году у графини [А-вой], Веригиной. Вы очень часто к ней ездили, — сказал Д

Стр. 184.

1 Я вас помню ∾ в военном / [Я [было] вас не узнал было, но] Вы были [кажется] тогда, кажется, в военном ◇

4 Каким образом он здесь? / Каким образом он-то тут?.. [да чего спрашивать] Это ясно

4–5 этим господчикам / этим-то господам ◇

6–7 *Фразы:* Радостно засмеялся ∾ за любезность. — *нет.*

7 поскорее / быстро

7 Дарзан, подойдя / Д-й [подошел] ◇

9 о чем-то ∾ вполголоса. / что-то быстро и горячо, и впо⟨лголоса⟩

11 *После:* Ахмакова — *начато:* сколько я запомню

11 *После:* спросил гость князя. — Я вздрогнул. ◇

13 одна новость / одна светская новость

14 за барона Бьоринга / за флигель-адъютанта барона К ◇

15 крикнул Дарзан / закричал вдруг Д., поворачиваясь ◇

16–18 спросил князь ∾ свой вопрос / спросил князь [с искривившимся вдруг лицом], с особенным ударением выговорив слова ◇

20 впрочем, не знаю / еще ничего неизвестно

21 подошел к ним Дарзан / подошел вдруг Д ◇ *Далее на полях наброски:* Но говорят, она никуда не ездит. То-то, но с похождениями барыня. Я не могу ничего сказать, но...

23 следовало бы знать / следовало тоже знать

24–25 Нащокин ∾ в свете. / [Гость] Нащокин переждал Дарзана, пока тот приостановился:
— Говорят, она редко стала бывать в свете, — заметил он князю ◇

26 сухо заметил / нахмуренно отве⟨тил⟩

28 барыня / дама ◇

30 Я поднял / Я вдруг, поднял ◇

32 и беру / и смею

32 скандальные слухи / подобные обвинения

35–36 всё еще ∾ выпрямившись / *а.* и, кажется, покраснел [как рак], разумеется *б.* и смотрел лишь [загоревшимися] разгоревшимися глазами ◇

37 захихикал / громко засмеялся ◇

37–38 осклабился ∾ Дарзан / затем нашелся князь; а затем осклабился уже и пораженный было Дарзан

41–42 обратился ко мне / крикнул мне ◇

47–48 от стыда конечно, не посмел / не посмел тогда

Стр. 185.

1 я — просто Долгорукий / *а.* я — ничто Долгорукий, а не князь Долгорукий *б.* я не князь, а просто ничто — Долгорукий ◇

1–3 Это случилось ∾ Стебелькова. / Но так вышло ◇

4 встретил у вас / встретил, князь, у вас ◇

5 востренькая и светленькая / премилая, востренькая такая, светленькая

5 спросил он вдруг князя / крикнул Дарзан [князю]

6 ответил тот быстро, покраснев / ответил тот ◇

7 Кому ∾ Дарзан. / [Вот] Уж и не знаете? ◇

10–11 тоже давеча встретил / *а.* тоже на лестнице встретил *б.* тоже встретил ◇

12 Ах ∾ князь, но / Действительно должно быть так, — [громко] быстро подхватил князь.

13–14 это, должно быть, Лизавета Макаровна / это их сестра Лизавета Макаровна

15–16 Она, верно ∾ Дарью Онисимовну / Она [иногда], должно быть, заходила сегодня к Дарье Онисимовне Петровой

17 на которую ∾ дом / которой Анна Федоровна, уезжая, оставила дом

18 точно так и было / *а.* было так *б.* было точно так

19 рассказывал / рассказал ◇

20 приютила наконец / приютила ◇

22 тогда / теперь

23 после этого ∾ заявления / после слов

23 дельного / умного
23–24 *После:* заявления князя — и после всего вышедшего ◇
25 *После:* назвали князем — *начато:* и вдруг оказывается, что сестра [этого князя] его встречается на лестнице, — словом, не знаю отчего, но от всего, должно быть, только
25–27 от всего этого ∾ и Дарзану / весь покраснел, так что [сказ⟨ал⟩] хоть провалиться. Но, к счастью, Нащокин вышел [пожав], протянув и Дарзану руку. ◇
28 мы остались / мы оставались ◇
28 тот / он
29 я показал / по я показал ◇
31–33 Через минуту ∾ Выходя / Дарзан тоже стал уходить [чуть воротился князь], условившись [что] непременно встретиться [вечером в усл⟨овленном месте⟩] с князем в каком-то уже условленном у них месте. [Уходя он крикнул] Быстро выходя ◇
36 следующую штучку / плохую штучку
37–38 на Аверьянова / *начато:* на имя Аверьянова. Вексель-то взяли, а?
39 Восемь тысяч. / Семь тысяч. ◇
40 на него / на Стебелькова
41 *После:* mont de piété — *начато:* Он было расположился декламировать, но

Стр. 186.

1 быстро закивал / *Начато:* быстро поднял вверх палец Стебельков и закивал в
3 *После:* я сказал! — *начато:* Стебельков повернулся и, выгнув
4 Только это / Только ◇
5 Он / Стебельков ◇
6 *После:* вдруг вышел. — Жест его вовсе, впрочем, не обозначал ни робости, ни особенного смущения
8 Он был очень раздражен / Он воротился, дрожа от волнения
8–10 взглянув ∾ зачем торчишь?» / взглянул на меня и не сел. Взгляд его как будто выговорил: [А] «Ты тоже зачем здесь торчишь?» ◇
16 Он ходил, но приостановился. / Он остановился.
20 *принимали* целый месяц / брали [два] целый месяц ◇
21–22 Он вдруг ∾ держал шляпу. *вписано.*
27 эту книгу / мою книгу
30 А, вот / А-а-а! Вот ◇
30–31 К тому же вы сконфузились / Это потому, верно ◇
32 Я вспыхнул / Я озлобился тоже
34–35 Как смешно ∾ Ахмаковой... *вписано.*
36 вскричал я тоже / вскричал я ◇
37–38 завопил он ∾ броситься / закричал он [вдруг], быстро и свирепо выпрямившись в кресле, точно [желая] готовясь броситься ◇
39 проговорил я / крикнул я
40 до конца / и до конца ◇
41 из дверей / добежав до дверей
42–43 *После:* Во-ро-ти-тесь сейчас! — Он нервно, настоятельно, гневно кричал ◇ *вписано.*
45 потащил / повел

Стр. 187.

5 *После:* Я взял. — *начато:* Но он всё еще был в страшном волнении и
5 *После:* Губы его дрожали. — Я виноват, про Андрея Петровича. Виноват и с вами. Я... Вы не знаете, что у меня на душе.
6 Я понимаю ∾ мерзавцем... / *Начато:* Я понимаю, князь, понимаю. Вас этот Стебельков
9 *Слов:* Говоря это — *нет.*
10–11 Ну вот ∾ улыбаясь / Ну [что за] какие нежности, — пробормотал [он] князь, кисло очень ⟨?⟩ и смущенно улыбаясь

13 вам принес?.. / он вам принес? (т. е. [я разумел Стебелькова] Стебельков) — [При‹нес›] ◇
15 Я для вас же... / Да я для вас же ◇
21–22 но в улыбке ∾ очень недоброе. / но решительно в улыбке было недоброе. *Далее следуют наброски к главе третьей:* Я взял потому, что любил его. Я мог достать эти деньги. Пело в душе. Флигель-адъютант известие, конечно, вздорное.

Ахмакова и князь. Что значит она князю? *Далее утрачены 2 листа автографа, относящиеся к началу главы третьей.*

Стр. 189.

45–46 много даст; она угодила / много денег даст. Она ему угодила ◇
47 тоже отдаст / отдаст ◇

Стр. 189—190.

47–1 Наверно отдаст ∾ вам нужен? / Наверно отдаст, наверно отдаст! [Не то плохо ему] А теперь хоть и плохо ему, да нечем отдать.

— У него наследство!

— У него больше, чем наследство, отдать.

[— Позвольте вас спросить: меня-то зачем вы призвали] — Ну, а я зачем вам нужен?

Стр. 190.

7–8 и это — за деньги / и за это деньги
9–10 Еще только ∾ пять всего. *вписано.*
10 Он опять посадил меня. / *а.* двинулся ко мне Стебельков *б.* вскочил он сам и опять посадил меня на стул. [Я уже заметил] ◇
11 *После:* жестов и возгласов — но он [говорил] был в такой тревоге
15 офицер / флигель-адъютант
16 *Слова:* решительно — *нет.*
19 *После:* слушаю и допускаю — *начато:* вам право все
19–20 *После:* о таких лицах — со мной ◇
21 Я просто ∾ подлость... / *а.* Я вижу интригу *б.* Я вижу какую-то подлость. Говорите, что вам надо от меня, прямо говорите.
22 князь / он
26–27 Он тут плиэ / Он плиэ ◇
27–28 две тысячи / пять тысяч
28 и без векселя / без векселя ◇
29 Выговорив это *вписано.*
30 *После:* выпучил на меня глаза. — Мне деньги? За что опять? Вы смеетесь? За что? Чтобы вам шпионил?

— Не надо шпионить. Я сам всё знаю.

30 Я тоже глядел / Я глядел на него
31–32 На вас платье ∾ чем у него. *вписано.*
32–33 *После:* две тысячи, дам — [проговорил] прибавил он решительно, не сводя с меня глаз.
35–37 Он нагнулся ∾ чтоб вы не мешали. / и опять вскочил. Он вскочил тоже и опять схватил меня за руку и, наклонившись ко мне, проговорил выразительно:

— Чтоб вы не мешали ◇

38 крикнул я / *Начато:* ответил я [желая хоть что-нибудь угадать], изо всех сил желая наконец... — На вас платье с Большой Миллионной. Надо денег, надо денег
41–42 мне это даже / мне даже ◇
45 засмеялся / пренагло засмеялся. Я сделал движение
46–47 подмигнул он; но / подмигнул он мне и
47–48 что-то столь ∾ низкое! / что-то насмешливое, нахальное, низкое ◇

Стр. 190—191.

48–2 какую-то низость ∾ в чем дело / *а.* какую-то низость, которую я никак не понимал *б.* какую-то низость и на эту низость рассчитывал. Я это угадал, никак не понимал, в чем дело. ◇

Стр. 191.

3–4 *Слов:* произнес он внушительно — *нет.*

5–7 И вообще ∾ еще минутку! / *а.* И об Анне Андреевне вообще вы не смеете говорить.
— Не гордитесь, не гордитесь!
б. И вообще об Анне Андреевне вы не смеете говорить.
— Не гордитесь, еще только одну минутку, не гордитесь. ◇

9 вы следите / понимаете

10 Так вы / Вы ◇

11 *После:* Теперь берете же? — подмигнул он, как бы робея

18 Нет, вы — Долгорукий, а не Версилов / А вы [еще] Долгорукий, а не Версилов

22 так тогда рассуждал / тогда рассуждал

22 *После:* рассуждал. — Из деликатности вверх ногами и на две трети верил тому, хоть чуть, чуть уже и тогда мучился угрызениями, чуть-чуть, на одну треть [но на одну треть и без указаний Стебелькова, не верил, мучился [даже] угрызениями [совести] — «Свои деньги лучше», — всё подмигивал Стебельков] ◇

24 И как вы смели призывать меня за / [Зачем] Неужели вам вздумалось меня [призвать] призывать только за

26–27 медленно проговорил ∾ вглядываясь / *а.* так и привскочил Стебельков. *б.* медленно качнулся ко мне Стебельков [медленно] с остановившейся какой-то улыбкой, пронзительно в меня вглядываясь. ◇

28 Божусь / Божусь вам

29–30 *всех* ∾ не отговаривайте... / всех, решительно *всех.* Только не мешайте и не отговаривайте, пожалуйста. [Вы влияние имеете. — Да кому всем, вот что] ◇

31–32 Что вы ∾ он обеспечит? / Станет, например, брать Версилов?

33–34 тут и еще ∾ *Лизавета Макаровна* / как же если всех? [Помните, давеча] Давеча говорил про эту даму про Дарью Онисимовну, а? [давеча говорил] ◇

35 Я смотрел / Я слушал

35 *После:* выпуча глаза. — И вот, клянусь, этот намек был [ужасно] почти ясный, хоть [он] Стебельков и [рис⟨кнул⟩] слишком рискнул, но я все-таки ничего не понял. И в этом клянусь. Он долго и зорко всматривался мне в глаза. [С той же] Смотрел ⟨с⟩ хитрой, наглой и робеющей улыбкой и

35–36 Вдруг ∾ взгляде / Вдруг что-то даже насмешливое показалось в его взгляде

38 *Слов:* Это похвально — *нет.*

40 Я совершенно / Я наконец совершенно

47 *После:* Две тысячи, помните! — Больше дам. Мои деньги лучше. ◇
Далее наброски к главке II: Он на меня навел такое впечатление, что, выйдя, я старался не думать, а только отплевывался.
Про идею брака с Анной Андр⟨еевной⟩. Хоть идея, что князь ему говорил обо мне, уколола, как булавкой, мою душу. «Выиграю, отдам сегодня же», — думал я. *Далее утрачены 2 листа автографа.*

Стр. 193.

41 III / 2 *Далее помета:* 22/23 марта.

42 почти поразило / приятно поразило

Стр. 194.

3 *После:* Анной Андреевной — ласково протянувшей мне [свою] руку ◇

4 Лизе / Лизы ◇

5 и на коленях у них / и у них на коленях
6 то есть три раза надеванное *вписано.*
7 она ∾ переделать / та желала бы [переш⟨ить⟩] переделать ◇
10 да и весь ∾ духа *вычеркнуто.*
11–12 промолвила / сказала
13–14 всегда произносила / гово⟨рила⟩
14–15 всегда несколько ∾ ресницы / с несколько опущенными черными длинными своими ресницами
16–17 ответил я весело / *а.* радостно произнес я *б.* ответил я
18 про то знает / про это уже знает ◇
19–20 Милая ∾ на душе! / О, я слепой крот. Если б я знал, что тогда было у нее на душе!
19–20 *После:* у нее на душе! — [О да, Лиза, правда, Анна Андреевна тоже [знает] успела узнать меня. А пуще] Я не раз надоедал. Я ей так надоедал иногда. Но пуще всего я рад тому, Лиза, что [ты] на этот раз [прямо] встречаю тебя смеющуюся. Верите ли, Анна Андреевна, в последние дни она каждый раз встречала меня каким-то странным взглядом, а во взгляде как бы вопросом: «Что, не знаешь ли чего? Всё ли благополучно?» Право, что-то в этом роде было. А на вопросы не отвечает.

Лиза вдруг покраснела, Анна Андреевна медленно и зорко взглянула на нее и тотчас перебила разговор.

21 спросила Анна Андреевна / *а.* спросила она *б.* спросила меня Анна Андреевна ◇
22–23 *Фразы:* (Замечу, что она ∾ к ней сегодня.) — *нет.*
24 *После:* здесь сижу и — *начато:* думаю, что
24–25 почему мне ∾ за книгой / *Начато:* почему мне за книгой при⟨ятнее⟩
25 находить / видеть ◇
28 поступить в университет? / поступать или нет в университет? [перебила она опять] заметила она⟨*нрзб.*⟩ ◇
29 благодарен / благодарен вам
29–30 *После:* наших разговоров — *начато:* н, стало быть,
33 То есть ∾ заметила Лиза. / *а.* У него своя идея. *б.* Т. е. твой секрет, — сказала Лиза.
34–35 выразился на днях / на днях сказал ◇
36 за последние двадцать лет / за последнее время
37 Тут, конечно, и про наших / *а.* Ну, а ведь это именно про *б.* И это именно про
39–40 Ну, верно ∾ заметила Лиза. / *а.* И это папа сказал. *б.* Верно, папа сказал, этот «умный человек».
41 собственного ума / своего ума ◇
42 В наше время / Что же, в наше время ◇
47 рабство ∾ потому / рабство, т. е. крестьян, а может быть, и помещиков потому
48 дана свобода / дать надо свободу

Стр. 195.

1–2 Так же ∾ окажется? / Так по вкусу ли на⟨м⟩ свобода-то [будет] окажется?
3 *После:* взглянула на Анну Андреевну — *начато:* *а.* а та на нее *б.* Но Анна Андреевна
4 что-то искать / поскорей что-то искать
4–6 я видел ∾ я вспыхнул / а Лиза, я видел, изо всей силы крепилась и сдерживала смех, в это мгновение [она взглянула на меня и вдруг расхохоталась] она как-то нечаянно и нехотя заглянула мне в глаза и вдруг так и прыснула со смеху. Я вспыхнул [и перевернулся на стуле] ◇
7 *После:* Лиза, ты непостижима! — Я покраснел. ◇
8 Прости ∾ перестав / [Ах] Прости меня! — сказала Лиза, вдруг переставая ◇

10–11 *Слов:* Мне стало ужасно стыдно — *нет.*
11 *После:* крепко поцеловал. — Лиза, ты права, во мне все низости на свете, — произнес я горячо и искренно, но она вдруг [снова] опять рассмеялась, улыбнулась и Анна Андреевна. — Ну вот, куда опять попал. Каким ужасным слогом ты стал говорить, Аркадий.
12 мягко заметила / заметила ◇
13 что я целую / как я поцеловал ◇
13 *После:* целую руку Лизы. — Я же очень хорошо видел, что они, судя по тому разговору, обе [уже] гораздо более и [давно] ближе знакомы, чем мог я предполагать, входя давеча. Эта мысль была мне особен⟨но⟩ приятна, равно как и похвала Анны Андреевны.
18 Право, с нею что-то в этом роде. / Право, что-то в этом роде было.
19–20 Анна Андреевна ∾ потупилась. / Лиза [вдруг покраснела] [вдруг потупилась] вся покраснела. Анна Андреевна медленно и зорко на нее поглядела.
20–22 *Текста:* Я, впрочем ∾ мне приятна. — *нет, ср. выше, строка 13.*
23 *После:* что я добрый — с чувством продолжил я ◇
23–25 как я весь ∾ с чувством / *Начато:* как я изменяюсь у вас и как мне приятно быть у вас, Анна Андреевна. Я никогда не бывал с такой женщиной, как вы, и в комнате такой женщины, как вы... Я не знаю почему, но я как-то
26 так говорите / это говорите
31–32 еще более повернулось к ней / еще больше смягчилось ◇
31–32 *После:* повернулось к ней — (потому что ведь я сам страдал и сам терзался раскаянием, и никто-то не подал мне тогда руки!)
33 *После:* спросил я — (про старого князя) ◇
34–35 и сегодня ∾ очень ждет. / сегодня не заходили? Он вас давно [уже] ждет, — чрезвычайно вдруг оживилась она
36 Я виноват пред ним / Знаю, я [так] виноват ◇
38 очень серьезную / *а.* чрезвычайно серьезную *б.* серьезную
38–39 так как ∾ была тривиальна. / и я тотчас подумал, что, верно, шутка моя тривиальна. ◇
39 *После:* тривиальна. — *начато: а.* Право, я робел каждый день. *б.* Да ведь ты каждый день.
40 у князя Сергея Петровича / у другого князя
42 ответила она / отрезала Лиза ◇
44–45 как-то вдруг ∾ может быть. / вдруг, как бы для того, чтобы что-нибудь сказать ◇
46 да только не дохожу / да не дохожу ◇
47 поворачиваю налево / поворачиваю входя налево
47 *После:* поворачиваю налево. — Лиза смотрела вопросительно.
— Ах да, — улыбнулась она.

Стр. 196.

1–2 заходите к Катерине Николаевне / бываете у Катерины Николаевны
4 Чему же, чему же смеялся? / Чего же тут ему странного и смешного? — Он удивлялся вашей внезапной привязанности к его дочери. Мне ужасно становился приятен разговор. — *последняя фраза вписана.*
7 всегда производит / даже производит ◇
8 засмеялась / смеялась ◇
9 он ужасно метко сказал / ужасно умно иногда и метко, и верно
11 Нет, это он / Нет, именно он
11 *После:* Нет, это он. — Я видел, что ей почему-то нравится говорить на эту тему. Я ужасно ободрился. [— Но, в таком случае это верно не то! Развейте это, Анна Андреевна, чтоб я понял далее, то ли именно он сказал?] ◇
12–15 Ну, а если ∾ что тогда? / То есть он понимал так, что если молодой человек ваших лет... Ну, да [подросток] маленький, подросток. [То есть] не то что маленький. — У меня есть приятель Зверев, который называет меня маленьк⟨им⟩. Ну так если в том смысле, конечно, что уви-

дит молокосос в свете красивую даму именно в гостиной и окруженную, то уйдет в угол и [будет досадывать] разозлится — [Злиться будет] потому, что он маленький и она на него не обращает внимания. Ну, а если [она] эта женщина обратит на него внимание, несмотря на то, что он так ничтожен, и стоит где-нибудь у дверей, и завидует толпе обожателей, и предпочтет его всем окружающим? [и предпочтет его, не этого подростка, [не] этого маленького, как говорит Ефим Зверев, мой приятель] ◇

17–18 и пропадешь ∾ Лиза / *а.* и умрешь у ее ног, — сказала вдруг Лиза *б.* пропадешь перед нею, — засмеялась вдруг Лиза. ◇

19 *Слов:* Пропаду? — вскричал я. — *нет.*

19 *После:* я не пропаду — *а.* покраснел я вдруг *б.* пробормотал [как бы] я горячо.

19–20 Кажется, не пропаду / *а.* Я не пропаду, Лиза (я почувствовал это) *б.* нет этого не будет ◇

25 в то же время «так смешно, что / в то же время это вышло «так смешно», что ◇

26–27 действительно ∾ рассмеялась. / Действительно они обе вдруг засмеялись, и даже Анна Андреевна не выдержала

28 воскликнул я в упоении / прокричал я в [каком-то] решительном упоении. *Далее на полях заметки:* тогда как сейчас, прежде смеялась. Про князя, одноидейность. Перебила. Вы совсем

29–30 *Слов:* потому что ∾ нравились — *нет.*

31 рассмеетесь / как-то рассмеетесь ◇

35–36 и лицо ее ∾ теряло привлекательность / и лицо ее, такое серьезное как у вас, теряло всю привлекательность ◇

36–37 именно этою способностью / *а.* именно этой простодушной способностью рассмеяться вдруг *б.* этою способностью внезапного смеха, это намекает на добрую душу ◇

37 хотел высказать / хотел вам [это] высказать ◇

38–42 Когда я ∾ комплимент. *вычеркнуто.*

40 *После:* не заметил — а между тем я очень заметил и сделал это умышленно

40–41 «вырвавшаяся» / *а.* простодушная *б.* нечаянная

42 вылощенный комплимент / комплимент ◇

43 *После:* ей это приятно. — Мне же слишком было приятно сказать ей что-нибудь очень ласковое

47 *После:* что вы — *начато:* теперь нас всех...

47 в последние дни находились / в последнее вр⟨емя⟩ были

48 *После:* прекрасной женщины. — *начато:* Всё это было нескромно, нарушалась моя тайна

Стр. 197.

1–2 летел куда-то ∾ но удержался. / летом куда-то... и знал, что [низко] не надо бы [но], а даже хотел [рассказать] разоблачить им что-нибудь из моей тайны. Но я [все-таки] удержался.

3 вы выражались / *а.* вы отзывались *б.* вы говорили ◇

5 выражался как-нибудь дурно / говорил что-нибудь о ней дурно [еще так недавно]

8 *После:* подобные нелепости. — *начато:* Ах, простите, я забыл, вы просили раз навсегда не говорить об

11 а потом не сдержала / и не сдержала ◇

13 в одну шутливую / в одну ясную и шутливую ◇

14 сказала князю / сказала ему ◇

15 это могло / это может ◇

15 кроме лишь легкого слова / *а.* кроме шутки и легкого слова *б.* кроме лишь легкого, ничтожного слова ◇

17 не намерен он вовсе / не намерен вовсе ◇

18 ввернул / прибавил

28–29 *Слов:* что до меня, я уверен, что вздор — *нет.*

31 люблю / ужасно люблю ◇
32 есть свои недостатки / есть недостатки ◇
34 о благородной душе / о благородной душе, о слишком, может быть, благородной душе
34 *Слов:* не правда ли? — *нет.*
38–39 о высоких требованиях ∾ справедливости / о слишком высоких требованиях чести, долга
42–43 Без десяти ∾ взглянув / Без десяти три, — мне сказала она, поглядев
43 о князе / о князе Сереже ◇
44–45 усмешкой ∾ хвалю его. / улыбкой. Я знал, что она понимает, для чего я хвалю ей князя, и мне приятно было [что] думать, что она [зная это, понимает] знает это
46 и давно ∾ в разговор *вписано.*

Стр. 198.

3 вам признаться, что я / *Начато:* только сказать, что я был
4 с которою / через которую
5 знакомство с вами / знакомство ваше
8 не могу говорить / кажется, не могу говорить
9–10 вспоминая мельком / вспоминая изредка ◇
10 тотчас же / сейчас же ◇
11 *Слов:* робею и краснею в душе — *нет.*
13–14 о таком прекрасном отношении / о таком беспредрассудочном отношении
14 что-то такое *братское* / что-то такое гуманное
14–15 если уж ∾ что я / наконец [сказать что], что я, разбив этот лед, что я
16–17 *После:* всё более и более краснела — *начато:* поднялась и Лиза. Анна Андреевна хоть и была истинно взволнована, но как бы боялась
18 быстро / вдруг она быстро
18 *После:* перебила меня — *а.* и довольно крепко пожимая мне руку *б.* и протянула мне руку ◇
19 *После:* ваши чувства — *начато:* и если надо было разб⟨ить⟩
20 поняла... и уже давно / имела [уже давно] и к сестре вашей и уже давно ◇
21 в смущении, пожимая / в смущении довольно крепко пожимая ◇
22 за рукав / за сертук
22 Я простился / Я расклапялся
25 *После:* спросил я — первым словом ◇
28 *После:* я не видывал у ней — *начато:* я не видывал ее в таком
29 *После:* с тобой — *начато:* приостановился
32 прелестная девушка / прекрасная девушка ◇
33 *После:* жалкое малодушие — *начато:* Да вот триста рублей... *Далее на обороте листа заметка:*
Про Д⟨арью⟩ то Онисимовну давеча говорили осторожно и с каким-то рискованным видом, — прибавил он, опасливо улыбаясь.
37 *После:* пустяки и больше ничего — *начато:* Этот ваш...
41–42 это только мимолетное, уверяю / мимолетное, пустяки, уверяю ◇
42 чтоб не прекратить / чтоб не в состоянии прекратить
43 Отдам деньги / Отдам долг ◇

Стр. 199.

4–5 в так называемом ∾ из окон / *а.* в круглой маленькой комнате *б.* в фонаре
6 как услышал / как вдруг услышал ◇
6 звон шпор и угадал / бряцание шпор и узнал
9 прошептала она / прошептала и она ◇
10 Чего ты так / Чего же ты-то так ◇
11 *После:* встретил — *начато:* по одному случаю
12–13 усмехнулся я / усмехнулся я весело
17 меня поразила одна идея / приостановился и сказал вдруг Лизе

24 *После:* желаю ему тут удачи. — *начато:* Мы с ним давеча покричали немножко, если уж ты об этом слышала, но
27–28 *После:* совсем бы выровнялся — бросил бы привычки... поневоле
28 Жаль, что / Жаль только, что
36 *После:* оба не видят. — *начато:* Но это поправит все дела. Но Анна Андреевна способна
36–37 Ее по-настоящему ∾ все дела. / Ее бы надо предуведомить, но она и сама поправит все дела.
39 оборвала Лиза / *а.* сказала Лиза *б.* быстро промолвила Лиза ◇
40–41 вскрикнул в испуге / в испуге ◇
44 не буду / не буду, не буду
45–46 *После:* так ты очень счастлив? — И как нехорошо она это выговорила «ты очень счастлив?» Что с ней?

Стр. 200.

1 Ужасно, Лиза, ужасно / Ужасно, ужасно ◇
4 при свидании / на свидании ◇
8 И главное, так серьезно вскрикнула / Главное, она произнесла это так серьезно
10 Да, да, это-то ∾ причиною / И вот это-то счастье, может быть, и было причиною
11 *После:* и не видел! — *помета:* 26/27 марта
15 *После:* как мираж — потому что и теперь даже я не понимаю
17 *После:* с первого взгляда! — Теперь я всё знаю, все обстоятельства, но и теперь [даже] иного не понимаю. [Понимаю всё и не понимаю ничего. Но] Тогда же ◇
20 верить / сомневаться
22 пуще я верил / *а.* сильней была моя вера *б.* пуще росла вера ◇
22 *После:* я верил. — Предупреждаю, я могу и теперь наврать, потому что и теперь могу ничего не смыслить в этом странном существе, в этой выходке этой удивительной женщины. [И теперь не знаю, что такое она была в самом деле] ◇
23 пробило уже / было уже
24 то как же я опаздываю / то как могу я опаздывать
25 теперь лучше / теперь нужно
26 только мелькало / только мельком ◇
26 *После:* потому что — *начато:* в голове был туман
27 и такое, что я / которого я и
30–31 что угодно ∾ стало быть, зачем же / что угодно, и потому зачем
32 *После:* у Татьяны Павловны — у которой [бы] вдобавок мы с ней вместе еще никогда не бывали?
32–33 И опять ∾ не дома? / *а.* К тому же Татьяна Павловна будет дома иль не дома? — вот вопрос. *б.* К тому же опять вопрос: Татьяна Павловна будет дома иль не дома? ◇
35–36 Значит, и Татьяна Павловна в секрете? / Значит, [надо втянуть в] она втянула [и] Татьяну Павловну в [наш] секрет. Или уже она давно в секрете? ◇
36 мысль казалась мне дикою / мысль какая-то дикая
40 *После:* я навообразил. — Но если так, то каково же будет мое падение, особенно если она узнает, что я из этого напредставил. В самом деле, из чего я извлек, что [это] у меня [дано] свидание? ◇
40 Да и сказано ∾ небрежно / Сказано было, наконец, мельком, к тому же небрежно, прощаясь
44 собиралась / торопилась
44 вышло после / вышло потом ◇

Стр. 200—201.

44–1 когда я стал уходить / *а.* что я наконец ушел *б.* что наконец-то я ухожу

Стр. 201.

1 Все эти ∾ голове. / Одним словом — вот что пронеслось [одна мысль] в моей голове

1 толпились / беспрерывно толпились

2 наконец, что / наконец так:

2 отворит / придет

3 нет дома, значит «свидание» / *а.* нет дома Татьяны Павловны, значит свидание это. *б.* нет дома, значит наверно «свидание» ◊

3 Но я / Но ведь я ◊

5 Я взбежал / Так и вышло. Я взбежал

5–6 весь мой страх / мой страх ◊

7 прогнусила / объявила ◊

10 *После:* увижу» — подумал я ◊

11 *После:* и отворил дверь — как приговоренный к смерти. ◊ *вписано.*

12–13 *После:* Татьяну Павловну». — Я замер на пороге

14–15 спросила она меня как бы с заботой и досадой ∾ увидала. / *а. начато:* [обр⟨атилась⟩] сказала она, только что [у] меня увидала. Забота и досада были в ее... *б.* спросила она меня как бы с заботой и досадой в лице, только что меня увидала. ◊

15 до того / так

16 так и завяз на пороге / не знал, что сказать [замер], завяз на пороге.

18 передать / передать ей ◊

22 Я сел / Я не ответил и сел

22 Так вот что оказывалось! / Так вот, как это было! Так вот, что оказалось

23 а я — я ∾ верил. / *а.* Она же ждала ответа *б.* Я ровно ничему не верил ◊

24 Я и не помню / Я просто и не помнил

24 не просили / не просили вовсе ◊

25 сказали / говорили

25–26 нетерпеливо ∾ на нее. / *а.* Я [вовсе] вдруг не поверил, что она в самом деле спрашивает. Она немного подождала, вероятно в меня всматриваясь, я сидел потупившись. Так вот что оказывалось, так вот как это было. *б.* Она немного подождала, вероятно в меня всматриваясь, я не глядел на нее.

27 Ах! / Ах! Боже мой

27 *После:* вскричала она — смотря на меня во все глаза

27 забыли сказать / забыли ей сказать

28 я буду здесь / я буду ◊

28 *После:* зачем приехали? — Значит, всё поняла и уже узнала, зачем я приехал и что было у меня в голове

29 Я поднял голову / Я быстро [поглядел] взглянул на нее, но удивительно ◊

29 ни насмешки, ни гнева / ни насмешки или негодования не было

31–32 ее всегдашнее ∾ почти детская. / шаловливость почти детская, ее всегдашнее выражение

32 поймала / угадала и поймала

33–34 скажешь ∾ ее лицо / *а.* сделаешь?» — как бы говорилось в ее взгляде *б.* скажешь», — точно говорила она

35 Я не хотел ∾ потупился. / Я ничего не ответил. ◊

35–36 Я не хотел ∾ с полминуты. / Я полные полминуты не отвечал, а сидел потупя глаза.

35–36 *После:* продолжалось с полминуты — она тоже [мо⟨лчала⟩] [замолчала] замолкла [но я знал, что она на меня]. Я сказал: «шаловливость почти детская» — и вот эта-то почти детская шаловливость была почти всегдашним выражением лица. Я ужасно дивился на это, когда узнал ее, так ли я представлял ее себе, еще в Москве, по разным легендам Марьи Ивановны, или здесь в Петербурге, сейчас после первой нашей встречи у отца ее, когда она приехала тогда из Москвы? То-то и есть, что она, несмотря на чрезмерное простодушие ее лица

«Подросток». Страница чернового автографа главы IV второй части. 1875 г.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

в крайних случаях могла смотреть ужаспо высокомерно, совершенно с другим лицом. Кстати: она была среднего роста и полна, [но еще не очень полна] плотн⟨ая⟩, но какая-то плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо ее было совсем деревенское, лицо деревенской красавицы: круглое, румяное, ясное, поднятое ⟨?⟩ с детской улыбкой. Глаза ее были большие и светлые, но от черных длинных ресниц минутами казались почти темными, лоб немного низок, но широк, [лоб] как на [античных] статуях, белый, нежной белизны, волоса пышные, [но очень] темно-русые, почти черные. [Нож⟨ка⟩] Грудь высокая, [голова] ножка маленькая и походка легкая... красоты она была необыкновенной. [Мне показалось, что она образованием большим не владела, но умна была очень, только как-то наивно. Я ее простодушию не верил.] «Я вашему простодушию не верю». *Далее наброски:*

1. Нахмурилась, вздрогнула. «Я боюсь вас».
2. А зачем вы ⟨*нрзб.*⟩ мне вчера Анна Андреевна ⟨*нрзб.*⟩ А вы были у Анны Андреевны
3. У меня созрело решение, я быстро посмотрел, она решительно вздрогнула. [Опять нахмурилась] Решение: Я давно хотел вам разъяснить, покончить с этим.
4. Теперь нет Татьяны Павловны, вам бы встать и уехать.

— Ах, боже мой, я подожду.

— Вы сами знали, что ее не будет. [Опять молча]

Ужасно вздрогнула. А не встала.

Только после дифирамба и о красоте приподнялась.

Она стала вставать — «да я вас боюсь». Стену ломать. — «Неужели? Кто вам дал эти слова?» — «Я не верю вашему простодушию». — «Сидите». О Крафте.

5. [У меня решение] Этот документ. У Крафта разорвал. Слава богу! — Д...

5.* Теперь скажите — виновата, как могли вы унизиться, вы непостижимы, вы свет и радость. Какая вам выгода теперь признавать. Значит, вы чисты и прекрасны. Я потому, что я очень виновата. Вы облегчили мое сердце.

— Да я не умею.

— И уже после Крафта, потому что вы мне дали свидание

— Да

шпионом,

я виновата.

— Вы говорили со мной как студент.

— Этак нельзя, вы меня беспокоите, я боюсь.

— Я вас тогда видел, а между тем спроси меня, какая вы, я бы не сказал. Даже росту бы вашего не сказал, какие у вас волосы, не сказал бы: я видел и ослеп разом, в ваш портрет я вглядывался, он вовсе на [ваш] вас не похож... и т. д.

— Всё это невероятно, — сказал я, — потому, если вы в самом деле, то всякая бы на вашем месте [расхохоталась] сначала бы насмеялась, а потом рассердилась.

37 Вы теперь от папа́? / Откуда вы теперь?

43 И у ней / Неужели и у ней ◊

46 она вам сказала / она вам говорила

46 заинтересовалась / ужасно заинтересовалась

48 *После:* у него в гостях — *а.* ответил я, подняв на нее наконец глаза. *б.* Проговорив это, я наконец взглянул на нее.

Стр. 202.

1 Я всё ∾ значило / Я [же] нарочно не подымал глаз на нее: поглядеть на нее [значит] значило

2 *После:* быть счастливым. — *а. Начато:* Как взглянул на нее, так

* *Так в рукописи.*

и заиграла моя душа. В ее же, всегда тихо и ровно улыбающемся лице *б.* Как поглядела, так и заиграла моя душа

2–3 Жало негодования / Жало негодования на себя

4 *Фразы:* Затем я ∾ о чем. — *нет.*

5 и как-то бормотал ∾ смело. / и не говорил, а как-то бормотал. Теперь уж я не сводил с нее глаз.

6–7 Я заговорил ∾ и складно. / Я плохо выговаривал и даже недоговаривал иные слова. Может, и помню, что я говорил, но нечего передавать [вздор] бред и вздор, ни к чему не относящийся.

7 сначала было / некоторое время

8 терпеливой / *а.* теплой *б.* спокойной

8–9 никогда не покидавшей ее лица *вписано.*

9–10 даже испуг ∾ взгляде / *а.* вдруг и опасение мелькнули в ее неподвижном, на меня взгляде *б.* вдруг и испуг мелькнули в ее пристальном на меня взгляде◊

10–11 не покидала ∾ улыбка / *а. Начато:* не оставляла ее лица, но и в улыбке ее *б.* не покидала ее, но и улыбка эта◊

12–13 заметив, что она вся вздрогнула / увидав, что она [почти] вдруг вся вздрогнула◊

14 ответила ∾ тревожно / *а.* сказала она мне вдруг *б.* ответила она мне тревожно

14 *После:* тревожно. — Хотела было подняться с места.
— Не бойтесь

15 не уезжаете / не уедете

15–16 Татьяны Павловны нет / Татьяны Павловны дома нет

16–17 и вы знаете ∾ и уехать / я ей ничего не передавал, то, стало быть, вам [бы] надо встать и уехать

18 хотела подождать / хотела [было] ее подождать◊

19 *После:* Она было приподнялась — она [очень] ужасно робела, я остановил ее

20–21 остановил я ∾ улыбка / *а.* Я ведь вас не гоню. А Татьяна Павловна, ведь вы сами знаете, что не будет, и давеча знали, еще до меня, что я ей не сказал. Она было вздрогнула и отшатнулась. *б.* Я ведь вас не гоню, — остановил я ее вдруг. Я видел, что она ⟨*нрзб.*⟩ Я никогда еще не говорил с ней таким языком. — Вот вы опять вздрогнули, но вы и в страхе улыбаетесь... У вас всегда улыбка◊

22 *После:* совсем улыбнулись... — Точно и не боитесь меня. — Сядьте, сядьте, вот так. — Что с вами?◊

25–26 Я боюсь ∾ Чего? / Я вас боюсь [произнесла], — прошептала она опять — *далее: а.* робея и опять отстраняясь *б. начато:* опять сделав... *в. начато:* как бы очень *г. начато:* припод⟨нимаясь⟩

27–28 опять ∾ оробев. / недоверчиво и робко улыбнувшись. — Я не буду ломать стену, я...

29 *После:* вашу улыбку — больше, — вскричал я.

30 *После:* опять заговорил — [быстро и] задыхаясь, недоговаривая слова

30–31 Я весь ∾ толкало. / Я решительно весь как бы летел; и знал, что со мною, но не знал, что делаю. Не я делал, а что-то меня двигало.◊

31 Я никогда, никогда / Я никогда◊

32 помню ∾ лице / Я не знаю почему, но я, помню, говорил о ее лице. Я, может, и еще об чем- [нибудь] говорил; [но об лице я очень запомнил]

33 Я не могу ∾ вскричал я *вписано.*

33–34 вскричал я вдруг / вскричал я, не зная, что говорю◊

35 *После:* еще в Москве? — продолжал я мою сумасшедшую речь

37 вы должны быть / вы есть

38 *После:* ехал сюда — в вагоне

41 *После:* и бесконечное простодушие — ей богу

42 всё время / весь последний месяц◊

44–45 *После:* тогда из Москвы... — и в первый раз увидели [но потом вы на меня [никогда] уже так не глядели]

45–46 как я / когда я ◇
47 Ваш портрет / Ваш портрет в кабинете ◇

Стр. 202—203.

48–1 у вас ∾ темными. *вписано.*

Стр. 203.

1–2 у вас плотная полнота, легкая / у вас плотная полнота, собранная, легкая
4 не обижайтесь ∾ лучше / ей богу, отчего вам обижаться
5–8 Право ∾ лицо! *вписано.*
7 Больше / Выше ◇
8–9 Я все время ∾ себя / Я совсем, совсем не так представлял вас себе [и], я был поражен долго, и всё спрашивал себя ◇
9 *После:* та ли это женщина? — И все чувства мои и все намерения мои изменились перед действительностью за [два] месяц
10 очень умны / ужасно умны
11 ум веселый / ум бесспорный и веселый
11 без всяких прикрас / безо всяких [этих] ихних прикрас
12 это — мой рай! *вписано.*
14 именно эту ленивость люблю *вписано.*
15 мост ∾ скажете... / мост и полети вниз весь поезд, вы [всё] и тут что-нибудь такое плавно и мерно [что-нибудь] скажете
18 *После:* немного низок — *начато:* но волосы пыш⟨ные⟩
19 как мрамор *вписано.*
20–21 Я ведь ∾ верил! / *а.* Теперь я уж всё вижу, я всё разглядел. *б.* Только теперь разглядел и только теперь поверил [но хочу увериться до конца...] Всё не верил. — Этак нельзя говорить, этак невозможно говорить]
25 отнимала ее / почти опускала
26 даже ∾ назад / *а.* как бы вздрагивала и быстро отшатывалась назад *б.* даже быстро отшатывалась от меня назад ◇
27 Два-три раза / Иногда же опять
29 стала бледнеть / начала бледнеть
29–31 Только что ∾ промолвила / [Чуть] Только что я приостановился, она опять [чуть-чуть] протянула было руку, как будто чтоб меня остановить и важным, но тем же своим тихим [плавным], но как бы оробевшим и [как бы] просящим голосом промолвила [мне]
35 *После:* вскричал я — вы решительно боитесь [меня] ◇
36–37 Я решительно ∾ упреком. / *а.* Боюсь... — ответила она тихо. *б.* Боюсь... вы злоупотребляете, — [прошептала] протянула она как бы с сожалением и упреком, внимательно [и как бы] в смущении [смотря на меня] выглядывая [Она] и чуть-чуть покраснела ◇
38–41 Послушайте ∾ не пущу. / Слушайте, сядьте. Я стену ломать не буду. — Я не знаю, пустите ли вы меня даже пройти? — [сказала] [проговорила она совершенно безо всякой иронии, а именно] улыбнулась она вдруг опять своей полной, доброй улыбкой, кажется впрямь опасаясь, что я не пропущу ◇
42 *После:* идите, но знайте — что если
42 принял одно / принял ◇
46 посмотрела на меня ∾ на место / посмотрела и присела опять
48 в упоении / в таком упоении

Стр. 204.

1 не позволяли себе говорить / *а.* у меня не говорили *б.* не позволяли себе ◇
2 робел прежде / робел и замирал перед вами прежде
3 *Текста:* Вы думаете ∾ Я робею. — *нет.*
5 это решение / решение ◇
5–6 всё это говорить / это говорить ◇

5-6 *После:* это говорить... — не знаю, что говорить.
— Как никогда еще не говорили, — тихо улыбнулась она.
— Я никогда не говорил у вас. Я робел у вас. Мы только в студенческом. — Я потупился.

6-11 Выслушайте ∾ в пространство. / Только два слова [сказал я] [вскричал я], выслушайте их, [то, что я решил вас спросить] и кончено. Это мое решение. Я решил спросить у вас только два слова: шпион я ваш или нет? [Я быстро посмотрел на нее. О] Краска быстро залила ее лицо [Она смотрела ужасно] — [Я хочу спросить] Не отвечайте, а выслушайте правду...
— Я никогда не ожидала.
— И я не ожидал. Слушайте, я у вас в кабинете молчал [разговоре не робели]. Но когда вы случайно уходили, я готов был целовать то место на полу, где вы стояли, где вы ступили...
— Аркадий Макарович, это... невозможно [протянула она и опять было приподнялась] [она опять приподнялась] так [говорить] нельзя позволять себе.
— Простите это [тут] вы и в негодовании выше меня бесконечно и жалеете меня как бедного опьяневшего мальчика. Вот я вижу, вы сейчас по-вашему [доброму] добродушно и не обидно хотите рассмеяться надо мной, но только два слова, — вскричал я, — выслушайте то, что я решил *вписано. Далее помета:* 28/29 марта

15 Вы тотчас поняли / Вы поняли ◇

21-22 в смущении и волнении / *а.* она была в волнении *б.* почти в испуге ◇

23 видел у / видел его у

29 *После:* застрелится — *а.* в последний вечер его жизни *б.* в тот вечер, накануне того, как вы были

30 Так оно уничтожено / Так он разорвал его ◇

33-34 а в самом главном / *а.* а в главном *б.* а в суще⟨стве⟩

41 чист / правдив

42 продолжал я почти вне себя *вписано.*

Стр. 204—205.

45-1 а дайте мне всё докончить / а дайте [сначала] мне всё сказать

Стр. 205.

1 *После:* к вам ходил — и, к удивлению моему, был вами обласкан

3 это письмо *вписано.*

6 я нашел / я видел

6-9 Я прямо ∾ томило *вписано*

8 побеждено разом / побеждено этим ◇

9-10 всё решиться ∾ пришло *вписано.*

11 как я смотрю сам / как я смотрю ◇

11-12 это, именно ∾ минуту / Теперь, в теперешнюю минуту.

15 *После:* Вы мучаетесь документом — для вас опасным и о значении которого я не могу судить ◇

16 всё знает / про всё знает

17-18 дурного, ровно ничего / дурного по-моему ◇

20 Итак, скажите / Итак

23 Я говорил ∾ горел. / Я задыхался, и лоб мой горел,

23-25 Она ∾ стыдясь. / она [смотрела на] слушала меня уже без тревоги, но как-то застенчиво и видимо тронутая

28 руки / руку ◇

31 вскричал я / *а.* вскричал горячо я. *б.* вскричал я в волне⟨нии⟩. Девяносто девять сотых женщин из ста встали бы и вышли [в негодовании на] еще [давеча] с первого слова в величественном негодовании на самонадеянного мальчишку, «вразумив» его и в [благороднейших] величественнейших выражениях... Ведь вам бы ничего не стоило [это сделать] так поступить, теперь, как вы всё это выведали. Ведь не боитесь же вы меня в самом деле. А вы, вы, как могли вы так уни-

зиться перед выскочкой, перед [поросенком] жалким подростком. Постойте, вот что скажите: ведь не боитесь же вы меня в самом деле. А вы, вы так прямо и свято признались, и перед кем, кому!

Я [был в восторге] пришел в восторг, конечно, но она вдруг, услышав, как я назвал себя, рассмеялась.

— Вы употребляете слова невозможные! — проговорила она, как бы [прося прощенья за смех] жалея о своем смехе. — Чем же я унизилась, что призналась? — [вдруг] прибавила она, уже серьезно и светло смотря [на меня] мне в глаза.

— Не унизились, нет! [А благородно вы унизились] Такое унижение есть высочайшее благородство! [Вы неумеренны, вы слишком меня хвалите, а я не стою... в этом деле по крайней мере] ◊

32 я уже давно стала чувствовать / я слишком уже давно чувствовала, как ужасно

35 *Слов:* как и сказать — *нет.*

36 улыбнулась она опять / улыбнулась она

39–41 и надоело ∾ хлопоты тоже! / *а.* и надоело мне это письмо по правде. *б.* и надоело мне всё это притворство да и все эти хлопоты с письмом. ◊

42–45 вам не спросить ∾ признался! / не спросить [меня] тогда прямо, — вскричал я. — Вот что-нибудь в этом роде: ведь вы знаете про письмо, чего же притворяться, [ну и скажите], и я бы вам [наверно сейчас сказал] тотчас же всё сказал, потому...

Стр. 206.

3 Ну уж и бездн! / Ну, полноте, что за бездны, вы опять ◊

4 прибавила она грустно / *Начато:* начала она как бы вы

6 мне всегдашним укором / моим укором

7 и опасений / и грустных опасений

11–12 в его положении... на здоровье его... *вписано.*

14 в моем взгляде ∾ тоже / в моем лице — да, я боюсь

16 *После:* Это чувство тоже входило, но — *начато:* клянусь вам, что...

16 я, наверно / я, может быть, наверно

17–18 он так добр ∾ и всё / он так [был] рыцарски благороден, что он, [бы и тут] конечно, простил бы меня... Ну вот и всё ◊

19 кончила она, опять вдруг / прибавила она тихо и

21 Нет / Нет, нет ◊

21 *После:* вскричал я — *начато:* в упоен⟨ии⟩ — Но ведь так естественно... Чем же стыд? — Нет, я виновата. Потому что

23 и сознаюсь в этом *вписано.*

23 вымолвила она / сказала она

26 *После:* что бы вам стоило — повторяю

27 самым тонким образом *вписано.*

27 как дважды два *вписано.*

28 но все-таки / но в тоже время и

28–29 понимаете ∾ с правдой *вписано.*

29 умеют у вас в высшем свете / *а.* умеют делать у вас в свете в подобных случаях *б.* умеют у вас в свете

29 *После:* обращаться с правдой? — *начато:* Да зачем, и это-то зачем! Девяносто девять женщин из ста

30 я глуп и груб *вписано.*

30 я бы вам тотчас поверил / я бы вам поверил ◊

31 *После:* что бы вы ни сказали! — Скажите [и] еще, зачем вы у Татьяны Павловны назначили... [Ведь это так, ведь вы назначили...] Почему не по-прежнему у себя в кабинете... Я не посмел договорить: свидание.

— Назначила, — вся стыдливо покраснела она.

— Для чего? [Почему не у] — Я...

— Я думала, вы здесь скорее разговоритесь. [Простите]

31–38 *Текста:* Ведь вам ∾ это и кричу!.. — *нет.*

39–42 Ах, это ∾ у меня сидели... / Ах, это так дурно было с моей стороны,

так легкомысленно. [Я сты⟨дилась⟩] Мне стыдно было еще вчера, а потому я и была так не по себе, когда вы у меня вчера сидели, — прибавила она вдруг, наклонив голову и дотрагиваясь до лба своими пальцами...

43 прибавила она / прибавила она, помолчав

44 необходимо надо / непременно надо ◇

45 об участи ∾ письма / *а.* о документе *б.* об этом письме

46 уж стала забывать о нем / *а.* А до того я даже забывала о нем... даже когда вы у меня сидели. *б.* уже забыла о нем. («Свадьба», — подумал я) ◇

Стр. 207.

1 задрожало / вздрогнуло ◇

1 *После:* Сердце мое задрожало. — Последний вопрос, — вскричал я, — и простите за него вперед: [потому что он смешной. Так] неужели, неужели в самом деле вы меня не для одного только этого письма принимали? [Сердце у меня учащенно забилось] Я трепеща ждал ответа. ◇

2 улыбнулась она тонкой улыбкой / *а.* проговорила она самым простым образом, тихо и убеждая как-то *б.* улыбнулась она [естественным образом] с естественным выражением *в.* улыбнулась она тихою улыбкою [понимая], конечно разгадав сейчас же смысл моего вопроса и как бы [удивляясь] удивившись вопросу [и] даже укорительно осуждая его. (Это искренно, [от всего своего сердца] клянусь.) ◇

3 *После:* конечно нет! — *а.* прибавила *б.* повторила она тихо и раздельно

3–4 Вы очень ∾ говорили / справедливо сказали давеча, что я говорила с вами

4 *После:* как студент с студентом — [очаровательно] добродушно усмехнулась она

5 *После:* Уверяю вас — мой добрый Аркадий Макарович

7 бываю где-нибудь / езжу куда-нибудь

8 лени / лености ◇

8 Мне ∾ в деревню. / Знаете, я бы хотела пожить в деревне

8 там перечла / там читала

10 прочесть / *а.* здесь перечесть *б.* читать ◇

10 Я вам про это уж говорила. *вписано.*

12 *После:* Я не смеялся... — [Нет] Я сам...

14 *После:* и Россию люблю — [выговор⟨ила⟩] продолжала она [с тихой улыбкой] тихо и живо [без малейшего] и выговаривая каждое слово. ◇

14 Вы помните / Ведь вы помните ◇

16 какой-то... странный / скучны и... странны ◇

16–21 Вы хоть ∾ усмешкой. / Вы хоть и были иногда довольно скучны, но ведь вы так часто умели сказать меткое слово. О, когда [вы] студентом, то иногда горячились... Вот другие роли вам только не годилось бы брать себе, — прибавила она с насмешкой.

17 так оживлялись / так простодушно оживлялись

18 *После:* что меня интересовало. — Я даже любила, когда вы горячились. ◇

19 милы и оригинальны / милы, даже оригинальны

21–23 по целым часам ∾ просвещение. / целый час говорили про цифры, заботились о том, сколько школ, куда направляется просвещение.

24–25 *После:* с хорошими известиями — *Начато:* вникали в их и

25–27 хотелось узнать ∾ искренность / *а. начато:* хочется узнать, куда это всё направляется, что [временное] тут можно считать временным *б.* хочется узнать, куда это всё стремится у нас, и что с нами сами⟨ми⟩ будет, и что во всем этом временное, а что непоправимое. Я в вас встретила искренность, а главное, и во многом [я] видела в вас мне совсем ровню. ◇

27 так никогда не говорят / так не говорят ◇

28 *После:* заговорила было — на вечере

28 с князем —вым / с князем Горчаковым
29 а сама не умела решить / а не понимала
30 сел / *а.* стал *б.* уселся
30 начал мне рассказывать / стал мне разъяснять ◊
31 но всё с какой-то / с какой-то ◊
32 снисходительностью, с которою / насмешлив⟨ой⟩ снисходительностью [как], с какой
33 *После:* «не в свое дело»... — *а.* А с вами сама была как студент *б.* Я знаете, может быть, и сама такая же, как вы — мечтательница
36–40 *Рядом текстом:* Я в жизни ∾ чуть дышал — «Вы не ревнуете? Позвольте мне эту легкомысленность». *Далее на полях:* Я чуть дышал над каждым словом.

— Вот мне и хорошо было иногда с вами, я в вас встретила искренность, а в свете с нами, с женщинами, не говорят. Мой муж. Версилов. Не поверил.

— Оставьте про него.

— Я одному высокопоставленному лицу, а он подшутил надо мной, а мы с вами, помните, как о Бисмарке горячились, еще вы мне доказывали, что у вас есть идея гораздо почище Бисмарковой.

А помните, как вы мне о Бисмарке говорили, что у вас есть идея «почище Бисмарковой».

42 я стала с ним под конец / *а.* Но и была наконец *б.* я была с ним под конец
46 ведь и никто никогда / ведь и никто ◊

Стр. 208.

1 странно / грустно
1 а счел / он счел ◊
4 *После:* некоторые и у меня — произнесла она [улыбаясь] с той же улыбкою.
9 она горячо / *а.* грустно *б.* она вдруг горячо ◊
10–11 прощаете вы меня / простите вы меня
11–15 проговорила ∾ в смущении. / протянула она, вся мигом покраснев ◊
16 этот вопрос *вписано.*
17 Да, очень хороший... / Кажется, очень хороший, но...
18 *После:* Не отвечайте больше — *начато:* я не имею права
19 невозможны / неприличны
19–22 Я хотел ∾ мимо *вписано.*
20 про него узнаю сам / про него узнаю ◊
21 с испугом проговорила она / почти с испугом проговорила она в большом смущении
22 Но вот / Я не буду, но вот
23 *После:* всякого счастия — вскричал я пламенно ◊
25 Вы теперь ∾ вечно. / Теперь я могу думать о вас как о благороднейшем существе
26 о вашем совершенстве. Я подозревал / о вашем благородстве! Я предполагал
28 эту мысль / этой мысли
31–32 *После:* святая, вы — стало быть
32 над тем, что священно / над святым
33 у вас такие ужасные слова / у вас такие слова ◊
34 засмеялась она / *а.* проговорила она *б.* ответила она, не удерживаясь от смеху *в.* смеялась она
35 вырвалось / было
36 я в восторге / я, спеша высказать
38 признаетесь / признались ◊
39 *Слов:* впрочем, никакой — *нет.*
41 этого выражения *вписано.*
43–44 уважение ∾ восклицал я *вписано.*
45 страстная женщина / женщина со страстями

46–48 простите ∾ всех выражений?.. / но не мучайтесь. Да, да я иногда страшными выражениями говорю, но ведь вы выше всех выражений. Простите исступленному подростку [ведь больше никогда уж не будет. Знаете] ◊

Стр. 209.

1 раз говорил / сказал ◊

5 *После:* с чувством. — Прощайте

5–9 Помните ∾ Как *вписано.*

9 вы уходите / вы хотите уходить [я сейчас]

11 Нет, я подожду / Нет, [выйдите] вы сначала идите, а я после, — улыбнулась она. — Я подожду.

11–12 я подожду ∾ Татьяне Павловне *вписано.*

14 с тем / с ним

19–20 Я слишком / Но теперь я слишком

21–22 *Слов:* прибавила ∾ мою — *нет.*

22–23 *После:* как прежде — прибавила она с [робкой] просящей и застенчивой улыбкой, пожимая руку мою

23 *Слов:* и, и... верно, вы это понимаете? — *нет.*

24 *После:* Нельзя? — вскричал я ◊

25 Нельзя / Нет, теперь нельзя

26 невозможно / уж нельзя

29 вскричать / *а.* сказать *б.* крикнуть ◊

33–34 то самое письмо к Андроникову / то письмо ◊

36 бывал / сидел

37 *Слов:* броситься и — *нет.*

38 где стояла ваша нога / по которому вы прошли

39 как и для чего / как и что из этого будет ◊

39 и, не взглянув ∾ вышел *вписано.*

44–46 об ее жестоком ∾ на крыльцо / *а. Начато:* черством диком *б.* давишнем жестоком, чудовищном слове, и у меня так забилось сердце: [И зачем, зачем эта вечная] «Зачем они не умеют стать счастливыми. Да и Лиза, что с ней?» — подумал я, уже став на крыльцо. *Далее наброски:* Версилов. Все пороки. Живая жизнь. Характер. Это можно не умом, а лишь сердцем понять, вот что! Он не любил ее! Он не понял, что это так просто и свято и признал: «все пороки».

Стр. 210.

7 чем-то ∾ нахмуренными / *а.* у нас озабоченными *б.* какими-то нахмуренными, чем-то как бы озабоченными

8 меня завидя *вписано.*

9 *После:* с натуги — *а.* что-то было у них особенное... *б.* что-то у них произошло. Я же был весь радость, мне именно хотелось [броси⟨ться⟩] скакнуть кому-нибудь на шею, и, увидев, что они как нарочно не «хотят радоваться», я вдруг озлился и почти обиделся

9–10 подумалось мне / подумал я ◊

14 не выносит / не переносит

14 и явилось / появилось ◊

24 подле мамы на диване / в сторонке на диване

25 *После:* этой особы — *начато: а.* за эти два *б.* в это

26 она еще пуще / она [как бы] в последнее время еще боль⟨ше⟩

26–27 *После:* за всё про всё. — Решительно она меня терпеть не могла, так по крайней мере оказалось

30 у меня лихач-извозчик / у меня есть лихач-извозчик

30 кончил тем, что *вписано.*

31 стал избегать с ней встречи / избегал с нею видеться

32 *После:* о поступке Версилова — но за наследство она была сердита

33 напротив, она была / она была ◊

34 *После:* обозлена — поступком Версилова

35 резко тогда заметила / резко заметила ◊

37–39 поправиться в мнении Аркадия Макаровича / заслужить [твое] расположение Аркадия Макаровича

39–40 она угадала ∾ чувствовал / [так и было] угадала; я действительно что-то в этом роде чувствовал.

41–43 Я тотчас ∾ развязен / *а. Начато:* Я [знал] тотчас по виду угадал *б.* Я уже и так знал, что Татьяна Павловна заведомо на меня непременно накинется, а потому стал вдруг необыкновенно развязен

43–45 да и ничего ∾ в сиянии. *вписано.*

Стр. 211.

1–2 Так случилось ∾ мигом проврался / *Начато:* Понять не могу, с чего я вдруг [начал] заговорил тогда о философии, заговорил-то я с радостного чувства [и шутя], потому что слишком много было радости утром, чтоб не напоминаться мне беспрестанно, даже и в досаде, но так как я, видимо, не умел объяснить, что хотел сказать, и так как все вдруг стали [ужасно] смеяться, то мне вдруг, как сквернейшему подростку, ужасно стало досадно, и я разозлился. Я именно, толкуя, обращался к маме, которая только открывала на меня большие глаза, [и] начав же ей толковать неизвестно зачем и по какому поводу, толковал ей что-то о Лейбницевой монаде. В философии я, впрочем, кое-что смыслил, но именно только кое-что, так, верхушки, азы; прочел три-четыре статьи в журналах и, кроме того, [много] несколько раз с увлечением толковал с Николаем Семеновичем, который в этом деле смыслил. Но теперь, толкуя маме, я вдруг сбился [и монада у меня вышла как нечто сознающее, чувствующее, единичное и несуществующее]. Не обращая внимания на грубые перерывы Татьяны Павловны, я спешил побольше сказать, чтоб как-нибудь договорить, но, замечая, что мама краснеет, вдруг повернулся к Версилову и увидел в лице его нечто решительно стыдящееся за меня — тут я сбился окончательно [и помню, монада у меня вышла как нечто сознающее, чувствующее, единичное и несуществующее вещественно], и мама вдруг воскликнула, на какую-то мою фразу, потупив, впрочем, глаза и как-то просительно протянув: «Ну уж полно, пожалуйста». [И все захохотали] Тут даже Лиза, которая во весь обед [была] просидела не в духе

5 я здесь обедаю / *Начато:* мы сойдемся при

5–6 как нарочно, такая скучная! / такая скучная! Это несносно! ◇

8 *После:* Татьяна Павловна — хлопнул я ладонью по столу

12–13 *Слов:* с искренней досадой — *нет.*

13 *После:* хлопнул ладонью по столу — и объявил, что никогда не приеду и никогда более не буду говорить с ними, Татьяна Павловна вдруг на меня накинулась, но мама остановила ее

13–14 *Слов:* а Версилов ∾ на меня — *нет.*

14 Я вдруг рассмеялся / Но тотчас же я рассмеялся ◇

15 у них / у всех ◇

16–19 Татьяна Павловна ∾ будь уверен. *вписано.*

17 продолжая развязничать / с легким смехом ◇

19 *После:* чем — *начато:* приносить тебе

20 Милый мой / Друг мой ◇

20–21 маленькие несчастия жизни / маленькие несчастья ◇

21 без / а то без

22 не стоит / не стоило бы

24 *После:* нервно смеясь — *начато: а.* на какую-то фразу Версилова *б.* и развязничая всё больше и больше. Я не сердился, клянусь, мне хотелось их рассмешить и сказать каждому приятное. ◇

27 когда / что

28 Уж ты не про себя ли? / Это тебе, что ли? Друг мой

31 И лень, и претит. / Не знаю почему, но мне всё больше и больше претит.

35 покорился суждению / покорился ◇

36–37 *Слов:* воскликнул я — *нет.*

36–44 Да неужто ж ∾ разговоре. *вписано.*
38 взглянул / *а.* спросил *б.* взглянул на меня ◇
44–46 *Текста:* Да и вообще ∾ тяжелое. — *нет.*

Стр. 211—212.

47–2 Ничего я не понимаю ∾ эгоисты. / Ужасно как вы всегда отвлеченно говорите.

Стр. 212.

2 одни только эгоисты / эгоисты по-моему
5–6 тот и судья — вот моя мысль / тот и имеет право судить — вот и всё.
7 Немного ∾ судей. / Честных людей нет.
14 *После:* очевидно — (и я узнал потом) ◇
14–15 он в ту минуту ∾ после). / был полон в эту минуту [одной] страшной тревогой, по поводу одного известия.
15–19 Но это ∾ рассмеяться. *вписано.*
20–24 Ну и слава богу ∾ не будет? / Но так как мы смеялись, то мама ободрилась. — Ну и хорошо, [засмеялась] — сказала она, а ты, Аркаша, не сердись, философия и без нас всегда будет, а нас друг у дружки не будет, кто тебя любить-то будет?
25 безнравственна / дурна ◇
26 Любовь надо заслужить. / Заслужу, и все будут любить.
27 Пока-то ∾ любят. / [Голубчик] [Ах, Аркаша] Пока еще заслужишь, а здесь-то тебя и даром любят.
28 Все вдруг / Все ◇
29 не хотели выстрелить / не хотели ◇
30 тоже рассмеявшись / смеясь. Да и все засмеялись ◇
31–32 *После:* есть за что любить — и что ты заслужил любовь
32 набросилась опять / набросилась, наконец, на меня
33 *После:* они любят! — Разве какой иль какая на смех тебя поднять захотят — тогда только скажут, что ты можешь быть мил
34 *Слов:* весело вскричал я — *нет.*
35 *После:* что меня любит? — вскричал я [смеясь]
37–38 как будто ∾ слов / точно ждала, что я отвечу
39 душевной грязи твоей / грязи твоей ◇
39–40 в омерзение придет / тебя не полюбит
42–43 Вспомни ∾ не стыдишься? / У кого ты не стыдишься брать?
44 до того вся вспыхнула, что я никогда / [покр⟨аснела⟩] вся вспыхнула, я никогда
47 отрезал было я, весь покраснев / *а.* покраснев, было отрезал я *б.* отрезал я, весь покраснев ◇
48 *После:* Чьи свои? — *начато:* кидалась Татьяна Павловна

Стр. 214.

8 трескучим словечком / словечком ◇
12 *Слов:* обратился я вдруг к ней — *нет.*
15 пилили / попрекали ◇
16 Я вынул ∾ ей. *вписано.*
16–17 низкие слова эти / слова эти ◇
18 *После:* намека на что-нибудь — обидное, совершенно беспредметно ◇
18 намека такого / намека ◇
23 хотите, самой встретиться / хочет [туда, куда ее] самой встретиться
26 встала / приподнялась
27 палец и грозя мне, крикнула / палец, закричала
29 этому я не мог от нее представить / я не мог представить
29–35 Ничего подобного ∾ молча / и вдруг, закрыв лицо руками, вышла. Ничего подобного я не ожидал и стоял, озираясь в испуге. Лиза, не взглянув на меня, вышла вслед за мамой. Татьяна Павловна целую минуту глядела мне прямо в глаза

31–33 вдруг догадавшись ∾ из комнаты. / этого слова «не смей» я от нее не мог бы представить. [И вдруг] Она не долго выдержала: закрыла лицо руками и мигом вышла из-за стола. Ничего подобного я не ожидал. Я тоже вскочил со стула, но стоял, озираясь в испуге.

33–34 даже ∾ сторону / не взглянув на меня

34 за нею / за мамой ◇

34–35 с полминуты ∾ молча / *а.* целую минуту, глядела мне прямо в глаза *б.* целую минуту молча наблюдала меня

36 хотел сморозить / хотел сказать ◇

37 загадочно воскликнула она с глубочайшим / загадочно спросила она [меня] с искренним

38 тоже побежала к ним / быстро вышла вслед за ними

39–40 встал ∾ шляпу / глянул на меня, но кончил так, что, как-то нехорошо, холодно улыбнувшись, пожал плечами ◇

41 ты вовсе не так / ты тут вовсе был не так ◇

42 промямлил он мне насмешливо / сказал он, взяв свою шляпу

43 *После:* немножко пройдусь — пробормотал он и вышел из квартиры

45–46 Впрочем ∾ почувствовал. *вписано.*

46 почувствовал / чувствовал ◇

46–47 *После:* сидел у окна и ждал. — Увы, радость и невинность лишили меня окончательно последнего смысла и всякого глаза. Даже и тогда мне было только печально, что я мог рассердить маму, но вникнуть, домыслиться, сообразить то, что я давеча соврал, и отчего именно она вся вдруг так всполошилась, этого мне и в ум не [приходило] пришло

47 шляпу / мою шляпу ◇

Стр. 215.

2 *После:* на моем диване — сидевших рядом и [с очень, очень серьезным видом] ◇

3 перестали / как бы спохватились и перестали

7 счастья пошлет / счастье даст ◇

9 *После:* проговорила Лиза. — А я стоял, слушал и всё сводил к минутной размолвке внизу из-за Татьяны Павловны

13 провозгласил / продолжал

14 я, а всё / я, а вы, а всё ◇

16 перестал / бросил

17–18 в последний раз еду / в последний раз ◇

19–20 Вы не поверите, как я краснею... *вписано.*

20 *После:* с ним объясниться... — Мама, я ведь и всё время чувствовал, что его деньги не мои, а всё это только так... Одним словом, это временное малодушие, которое я себе позволил, но... теперь не позволю! Уже одно то, чтоб не быть в комичном виде

20 Мама / Мама, мама

21–22 неловкое ∾ веровать / что признаю Христа лишь как деятеля [и больше никак, только], мамочка, я врал

24–26 У нас ∾ как ребенку *вписано.*

26 *После:* как ребенку — Этим я хотел ей сказать приятное. В прошлый раз, когда я не признал в Христе божества, она, до этих слов горячо спорившая, вдруг замолчала и горько заплакала. Я тогда не попросил прощения, и это у меня осталось на сердце. На теперешнее заявление она улыбнулась

27 и хулу твою простит *вписано.*

29 *После:* тьме — и в самом глубоком мраке веков, а вот на духа святого хула, та не простится ни в сем веке, ни в будущем. Вот этого избегай. Сказала она это с такой [горячей] простодушной поспешностью и с такою горячею заботою спасти мою душу

31–33 мне очень ∾ пешком / *а.* Мне очень, очень хотелось переговорить с ним глаз на глаз. Я [шел] и пошел к себе домой. [Я был твердо убежден, что Версилов] Я подозревал, что [Версилов] он [меня] дожидается

у меня на квартире. *б.* Мне очень хотелось с ним поговорить. Он мог зайти ко мне, и потому я спешил домой. Однако я шел пешком. ◇

40 по соскучился / но [уж] очепь соскучился

43 досадно / даже досадно

Стр. 216.

3 не вернусь / не ворочусь

4 славный / чудный

5 рассуждений / разговоров ◇

7–8 *После:* сказал я вдруг. — Зная так человека, вы бы могли... — начал было я.

— Ничего бы я не мог, мой [друг] милый, — перебил он меня, — но ты, однако же, прав *вписано.*

9 раскаиваешься / уже раскаиваешься

16–17 *Слов:* считать ваши деньги своими — *нет.*

17 я всё хотел / я думал

19 денег нет / денег совсем нет ◇

19 этот молодой человек / этот князь

21–22 в комическом положении / в комическом даже положении ◇

24 Это / Друг мой, это

26 *После:* Кроме товарищества — разумеется

27 Нет, кроме / Кроме ◇

28 находил возможным / мог

28–29 Ну, там ∾ соображениям? *вписано.*

31–32 И тем ∾ уверен. / Конечно, [не] из-за чего? Так я и знал, что ты не поймешь

33 не играть / *а.* впрочем, поправиться. Пуще же всего не играть, ты знаешь *б.* Самое радикальное не играть ◇

34 заранъше / это раньше

35 *После:* точно мямлите. — *начато:* Друг мой, ничего бы не вышло, если б я и сказал, кроме того

36–37 только рассорились / *а.* заранъше поссорились *б.* заранъше перессорились ◇

38 что все ∾ советы / если бы даже и ввиду чего-нибудь в будущем

42–43 не достигнешь / не успеешь

Стр. 216—217.

44–1 разлюбят ∾ на улице / *Начато:* Нет, я не согласен, — перебил я [вдруг], даже как бы обрадовавшись, что мы низошли с высот и чуть не в первый раз в два месяца заговорили об насущном. — Я, например, давно вас хотел спросить, да всё [откладывал, скажите] нельзя было с вами,

Стр. 217.

5–6 *После:* говорить про мать — «любопытствовать» про мать? ◇

11 *После:* до предела... — Ведь вот дошел же ты теперь до предела.

14 *После:* что зло, что добро. — Школьную браваду и ухарство принимаю за честь и за долг

16 разозлили / обидели

16 *После:* меня тогда разозлили. — Вы говорили выделанно, острили не натурально, я это [видел] постоянно видел и уже тогда почувствовал, но [только] еще пуще разозлился

17 я всегда предчувствовал / я предчувствовал ◇

19–20 *После:* для тебя же лучше... — Лучше, потому что крепче

22–24 Не оставляйте ∾ нравиться. *вписано.*

27 знаю / слышал ◇

28 умная / умная особа

32–34 даже после ∾ в эти недра... / как мне теперь.

37 Одним словом, я их, вероятно, не стою. *вписано.*

40 завязалось / есть
42 если б не эта проклятая / если б не это ◊
43 Вы правы: там / Впрочем, вы правы: у них
45 она принята / она позна⟨комилась⟩

Стр. 218.

2–3 Это мне надо для одного факта. *вписано.*
8 не промолвил / не заметил
8 *После:* ни слова — об Лизе выслушал внимательно, но тоже ни слова не сказал
9–10 промямлил опять, что «она — милая» / промямлил: — Да, она милая.
13 за барона / за флигель-адъютанта, барона
14 вдруг что-то сорвалось у меня / *а.* не смел удержаться *б.* вдруг сорвалось у меня ◊
15 Да? / Да? — спросил он
18 а откуда / да откуда ◊
24–25 существо и превосходнейший / сердце, превосходнейший
28 своеобразно озадачивать / озадачивать ◊
28 *После:* озадачивать — и даже совсем не открывая табакерку
32 ошеломленный / несколько ошеломленный ◊
32–34 У меня ∾ формулировала? *вписано.*
38–39 *После:* можешь представить — *начато:* идет ли
40 чего? / чем объяснить? ◊
41 как и вы / как вы ◊
45–46 Я бы ∾ видишь ли... *вписано.*

Стр. 218—219.

48–1 *Слов:* я всё ∾ из остолбенения — *нет.*

Стр. 219.

1 не дозволял / не позволял
2 с вами на эту / с вами об чем-нибудь на эту
3 мой милый / мой друг ◊
7 восклицал / воскликнул
13 еще ∾ слышал *вписано.*
16 «Любите ли?» / «Любите вы или не любите?»
17 смеялась / она смеялась ◊
19 проницающее / проницающее и привлекающее ◊
20 *Слов:* и сам — *нет.*
24 недавних / особых
27 князя / князька ◊
29 до того прямо на вас смотрящее / простодушное и прямо на вас смотрящее
30 и невозможно / *а.* мы и не можем *б.* нам и невозможно ◊
31 *Слов:* с таким трудом — *нет.*
31 *После:* ищем — *а.* и обходим мимо *б.* вот мы и обходим мимо
34 *Фразы:* Читатель ∾ исступлении. — *нет.*
35 воскликнул / вскрикнул ◊
37 уж не поздравить ∾ с чем? / поздравляю тебя, мой милый... Да именно тебя есть с чем поздравить
38–40 придется даже ∾ человек / я даже принужден похвалить тебя за скромность ◊
42 *После:* было в его словах — в его голосе
43 заметить / видеть ◊
43–44 в удивительном возбуждении / в удивительном расположении духа
44 Я весь засверкал поневоле. *вписано.*
45 восклицал я, краснея / покраснел я
46 схватить / ухватить ◊
47 *После:* не выпускал ее. — Знаешь, уж пусть так будет

Стр. 220.

1 не может ничего случиться / не может быть
3 голубчик / Андрей Петрович
4 назвать напой / так называть ◇
4 славный ∾ папой *вписано.*
5–6 *Слов:* с третьим лицом — *нет.*
7 Даже ∾ запрету! *вписано.*
8 это грубо / это грязно
8 невозможен / не может быть и не должен быть
9 ничего, ничего / ничего, ну ничего ◇
14 *Слов:* краснел я ∾ от восторга — *нет.*
15 бывали грехи / имел
16–17 а вы ∾ человек *вписано.*
19 у Татьяны Павловны / являюсь, разумеется, к Татьяне Павловне ◇
28 назначено было / *а.* дано *б.* назначено
29 было сегодня / было, может быть, сегодня
33 начинает становиться / начинает быть
37 загородила нам вдруг / загородила нам ◇
39 Любопытнее всего / К удивлению моему
39–40 для своей профессии / для такого просителя ◇
45 *Слов:* для него — *нет.*

Стр. 221.

2 *Слов:* как-то неестественно — *нет.*
5–6 прервали разговор / остановились
8 пятелтышки нет? / 15 копеек нет для благородного [человека] лица!
8 прокричал / проговорил
9 *После:* махнув рукой — пошел на шаг от нас сзади
10–11 Ракальи ∾ делает! / — И что за ракалья, — шагал он на шаг от нас сзади. — Что за ракалья, которая жалеет [двадцати] пятиалтынного [для], а сама носит бобры. Пад-ле-цы, безбожники
15 оскорбления / брани
16 проговорил / обратился
17 решительно ничего не докажете / и ничего не возьмете-с, ни-че-го не возьмете
19–20 настоятельно заключил / *а.* строго заметил *б.* назидательно заметил ◇
21 ему / Версилову
23–24 *После:* исполнял свой долг — и не спускал ◇
25 *После:* nous ferons. — Он был раздражен совершенно серьезно ◇
27 он уверял / [он говорил про «людей в бобрах»] уверял, что обожает августейшую фамилию ◇
32–33 «если б ∾ разве...» / «как господин?»
36 прокричал поручик / подступал к Версилову поручик
38–39 Черт ∾ достаточно... / Если, наконец ... Ну, я прошу извинения и прошу как в гостиной. Но мы не в гостиной, мы на улице. Неужели же для улицы вам не довольно извинения!
40 расхохотался; я даже было / превесело расхохотался, я решительно
41 он вел ∾ не так. / он затеял для шутки!
44 а пока / а покамест

Стр. 221—222.

46–1 но вы ∾ ноге / но вас теперь, кажется, не благодарят

Стр. 222.

1 *После:* на такой благородной ноге... — Ну разве я не предчувствовал еще у Вознесенского моста, что имею дело с благороднейшим из лиц! — с энтузиазмом воскликнул поручик
1 обратился он ко мне *вписано.*
6 чтоб отдать офицеру *вписано.*

11 уселись / сели ◊
12 от скуки / от скуки и пустоты
13 клоаки / места
16–17 всё это ∾ фантастическим / *а.* все эти купчишки и шушера — всё это до того прозаично *б.* и всё это вместе с уличным поручиком — всё это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим [здесь предел пустоты и скуки], и я люблю это! ◊
18 на самом, кажется / на самом ◊ *Далее заметка на полях:* Соловей, Христа судили. Я потом понял, он говорил, точно отдалял, как иногда не распечатывают любопытнейшее письмо, а осматривают конверт, надпись, штемпель

Стр. 222—223.

19–3 Представь ∾ полноты наслаждения. *вписано.*

Стр. 222.

22 *После:* чтоб рассмотреть — уже по [нашим] теперешним законам ◊
23–24 *Фразы:* единственно ∾ законам — *нет.*
24–26 и что всё ∾ с прочим... / и что назначены были и прокурор, и адвокат обвиняющий, и адвокат защищающий, и что всё было произведено с [чрезвычайною] всею торжественностью [парламентом для какой-то цели], единственно чтоб узнать, как теперь это будет по нашим законам. ◊
28 стал спорить / *а.* вступил в спор *б.* заспорил
28–29 обозлился и рассорился и объявил, что завтра / обозлился и объявил, что ◊
29 хозяйка / жена
34 «Отрежь / «Режь ◊
37 для образчика / реши⟨тельно⟩ для образчика
39 и начинал / он сейчас перебивал и начинал
40 и не идущий *вписано.*
40 говорил возбужденно / но возбужденно
41 *Слов:* бог знает чему — *нет.*
42 выпил стакан чаю / выпил стакан ◊
43 понятно / всё понятно ◊
43 походил тогда на человека, получившего / походил тогда на получившего ◊
44 долго / давно ◊
45 нарочно не распечатывает / не распечатывает ◊

Стр. 222—223.

45–3 напротив ∾ наслаждения / *а. Начато:* а сначала устраивается, выслушивает пустяшный доклад, слуге заказывает чай, закуривает, а вертит *б.* и долго вертит в руках, осматривает конверт, печать, штемпель, откладывает [отдаляет] опять, идет в другую комнату [и наконец-то], отдаляет, одним словом, интереснейшую минуту [любопытства и наслаждения], зная, что [письму] она ни за что не уйдет от него, так сказать, для большей полноты наслаждения

Стр. 223.

7 тогда ∾ из Москвы *вписано.*
12 он знал вперед / он знал ◊
14 видел в нем / видел ◊
16 Он выслушивал / Он дружески улыбался, он выслушивал ◊
17–18 я ничего не стыдился / я не стыдился ◊
18–21 иногда ∾ важнее» / но иногда он вдруг останавливал меня на какой-нибудь подробности и *нервно* повторял: [«Именно, именно не забывай мелочей, чем мельче черта [чем ненужнее, по-видимому, тем она и нужнее], тем она и неуловимее, тем она, может [выйти] быть ⟨?⟩] «Именно подробности, именно не забывай мелочи... Чем мельче черта, чем не-

нужнее, тем ты ее и припоминай» — и в этом роде он несколько раз перебивал меня и повторял мне, точно захлебываясь.◊
23–24 что готов ∾ на полу / как готов был броситься целовать след
25 светлее / *а.* лучше *б.* выше ◊
28 открылась / оказалась ◊
28 *После:* понял слово «студент». — *начато:* Он, впрочем, ввязывался в речь кратко, он очень слушал, правда
29–30 сквозь добрую улыбку его / сквозь улыбку [сверкал]
30–31 нетерпеливое / пристальное
31 в его ∾ и резкое / во взгляде, резко иногда странно загоравшем
35–36 загорелись / загорелись и, кажется, хотели выпрыгнуть ◊
36 очень мрачная / мрачная ◊
42–44 у тебя сегодня ∾ в руках? / у тебя в руках, ты бы мог... а что, у тебя нет ее в руках? ◊
46 не выдал себя / не выдал ◊
48 тогда сжег / сжег ◊

Стр. 224.

2 памятный мне взгляд. / ужасный взгляд. В нем вдруг произошла какая-то перемена.
3 исчезли / погасла ◊
4–5 Настало ∾ рассеян. / Стало что-то неопределенное и как бы рассеянное. Сделаю, впрочем, одно nota bene
7 *Слов:* о документе — *нет.*
8–10 Впрочем ∾ музыка. / Впрочем, я не так скоро [вникнул, ухватил] поверил новому выражению его лица, я всё еще продолжал лететь, а в душе была всё та же музыка.
12 *После:* проговорил он вдруг — очень нахмурившись ◊
13 высказал всё / высказал ◊
13–14 престранное ∾ друг / странное дело
18–19 и она встретила меня в кухне / и застал ее в кухне
22 Да, и объявила мне, что не может / То есть она мне, по правде, сказала, что она не может
22–23 я у ней пробыл минуты две / я [впрочем] пробыл минуты три [с тем, чтоб]
24 откуда-нибудь воротилась / пришла ◊
25 конечно нет / вероятно нет ◊
26 Это было ровнешенько в половине / Это было ровно в половину ◊
31–32 и ты даже ∾ важно-то / А впрочем, что же важно
33 Меня осмеяли как ребенка / Она, стало быть, считала меня «за ребенка»
34 Просто / *а.* Ну а если *б.* Или
34 как сама она / как сама ◊
36 проделка / подделка ◊
38–39 та, стало быть ∾ вообразить! / та слушала!.. Это... Это бесчестно! ◊
40 упомянул / сказал
41 *Слов:* на женщину вообще — *нет.*
44–45 *Фразы:* Не может быть ∾ отношений. — *нет.*

Стр. 224—225.

46–1 моего идеала / *а.* идеала *б.* мой идеал ◊

Стр. 225.

1 Если ∾ прощаю. / Если шутка, то я прощаю.
3–4 *Слов:* и остался ∾ ни на что — *нет.*
6 чтобы всю правду / чтобы правду ◊
7 *Фразы:* Я говорил ∾ на глазах. — *нет.*
8 Что ж? съезди, мой друг / Поезжай, мой друг
9 пересказал / высказал ◊
15 ты преувеличиваешь / ты преувеличил. [До свиданья] ◊
15–16 Сам ∾ не было». *вписано.*

19 проговорил он мне / сказал он мне вдруг ◇
21 душой / сердцем
21 *После:* как теперь. — У меня в самом деле была мысль милый ⟨*нрзб.*⟩
22–23 *Фразы:* Никогда ∾ сам захочет. — *нет.*
27 *После:* сейчас же ехать. — *начато:* Она уд⟨ивится⟩
28 с кем-нибудь — всё равно / с кем-нибудь, *это* всё равно
30 что крайне нужно / что о крайне нужном
33 то ведь тогда уж конец всему / то ведь во всяком случае конец всему
34 проигрываю? Ничего не проигрываю. / проиграю? Ничего не проиграю. ◇
38 что это мне известно и что я / что я сам буду знать и вспоминать, что
40 решил ∾ одумавшись / *а.* подумал я про себя *б.* решил я, одумавшись ◇
41 чистоту / красоту
41–42 И зачем ∾ о чем справляться / И об чем справляться ◇
43 как я в нее, в мою «чистоту» / и в мою «чистоту», верить в меня, как я в нее

Стр. 225—226.

44–1 Я еще ∾ в ее глазах. / Чем я заслужил это в ее глазах до сегодня?

Стр. 226.

1–3 что я не соблазняюсь ∾ уважать за это. *вписано.*
2–3 на нее ∾ за это / наветам и не перестаю верить в нее. Зато я это знаю и буду себя уважать [но зато я не перестал в нее верить]
4 она допустила меня / она дала мне ◇
4–6 она допустила ∾ (потому что та / Она знала, что Татьяна сидит и подслушивает (потому что Татьяна
6–7 она знала, что та / она слышала, [что я говорю такие слова] какие вещи я говорю, и знала, что Татьяна ◇
9 в давешнем ∾ винить? / Как же ее винить?
10 *Слов:* давеча сам — *нет.*
11–12 невозможно ∾ невинно налгал. / невозможно было избежать, невозможно было не обмануть, и я невольно, невинно налгал, но все-таки налгал.
12 мучительно краснея / замирая
13 *После:* я сейчас сделал — и последствий никаких не будет, — воскликнул я, вдруг замирая ◇
13–15 ее перед ∾ разница. / ее сам-то перед такую же Татьяну, разве не рассказал всё Андрею Петровичу Версилову? [Но... но] Конечно, тут разница! Я и она — это разница. Он и Татьяна? Тоже разница. К тому же тут что же? Ведь выходит же она замуж за Бьоринга. ◇
15 *После:* только о документе — и только, и только ◇
16 в сущности / главное ◇
17 больше о чем сообщать / ничего больше
17 Не я ли / Я сам ◇
18–19 *Фразы:* Это — человек понимающий. Гм... — *нет.*
19–29 Но какая же ∾ самим собой. *вписано.*
21 *После:* между ними и из-за чего? — Главное, из-за чего? ◇
21-22 *После:* Конечно из самолюбия! — Теперь я знаю Версилова
22 *ни к какому чувству* / ни к какой страсти
22–23 *кроме безграничного самолюбия* / кроме самолюбия ◇
24–25 *Фразы:* Да, эта ∾ не заметил ее. — *нет.*
26 *После:* в моей голове — я слишком помню их до сих пор ◇
26 и я был чистосердечен / *Начато:* а я искренно
28 *Слов:* тогда в ту минуту — *нет.*
29 *После:* пред самим собой. — Короче, я был в ужасно смутном состоянии духа. Но решимость верить, и то, что действительно в моем сердце нашлась эта вера, поддержали меня и утешили.
30–31 в ужасно возбужденном ∾ духа / счастливый и радостный
32 *Слов:* всеми силами — *нет.*

35–38 чрезвычайно ∾ Червякову *вписано.*
40–41 подтрунивать ∾ над Петром Ипполитовичем / шпаговал с ним сообща Петра Ипполитовича ◇
41 тотчас уговорил / уговорил ◇
41 не решился / кажется, не решился ◇
42 *После:* переехать. — С доброй вестью воротился к хозяйке
42 Кончилось тем / Таким образом, кончилось тем
42–43 успокоил окончательно / успокоил ◇
43 *После:* сумел отлично — *начато:* постелить
45 заключила / проговорила ◇
48 и завидовал / желая изо всех сил помочь, но я ему не дал помочь
48 прикоснуться и был / прикоснуться к горчишнику. Я был

Стр. 227.

1–4 И вот ∾ другому. *вписано.*
2 я вдруг догадался / я догадался ◇
3–4 по чему-то ∾ другому / по чему-то. Потому только, что был возбужден [и вышел, оставив ее вполне успокоенную] ◇
6 испытать / испробовать
7 иначе бы было невыносимо / иначе было смутно и невыносимо
12 Я ее посадил и стал глядеть / [Помню] я ее посадил, но глядел ◇
13 только прямо / прямо ◇
13–14 не говорила ∾ и приниженно / не говорила и как-то приниженно
16 так-с / так ◇
17 уеду / уйду ◇
18 «она так» / она «только так»
18 вдруг ее жалко / жалко ее
22–24 кажется, была она сама ∾ улыбки *вписано.*
24 заискивающие улыбки / заискивающую улыбку
24–25 Мне же лично ∾ и то / *а.* Не нравилось мне тоже *б.* Мне очень не нравилось ◇
26 лицо ∾ о ней / *а.* лицо, улыбалась и старалась нравиться до того, что однажды *б.* лицо, улыбалась усиленно и старалась понравиться, и я даже подумал, когда с ней встретился и разговаривал
27–28 *После:* стало жалко ее. — Я, Дарья Онисимовна, тогда, после несчастья, дней пять спустя заходил в Вознесенскую церковь и отслужил [по Оле] по бедной вашей Оленьке панихиду, — сказал я [ей] вдруг ◇
29 И вот ∾ нагнулась / *а.* Она наклонилась *б.* Так мы сидели, и вдруг она наклонилась
34–35 *Слов:* как бы и — *нет.*
37 боязливо и раболепно мне улыбалась / боязливо улыбалась
39–40 Как сумерки ∾ выносить / Как сумерки, так и перестаю выносить ◇
41 потянет / тянет ◇
42 Мечта такая зародилась / Мечтание зародилось
44 сзади нарочно иду / сзади иду ◇
45 это Оля моя и есть? / она ◇
45–46 И думаю, и думаю ∾ тошно. / *а.* Мечтание такое, целые часы хожу, одурею, забуду уж, зачем и хожу. Скитаюсь, скитаюсь, толкаюсь об народ — тошно. Печаль моя. *б.* И думаю, и думаю, мечтание такое, целые часы хожу да и думаю, одурею под конец совсем, только об народ толкаюсь, — тошно. Печаль моя перестала зудеть ⟨?⟩
47 Я уж таю про себя / Я уж таю ◇
48 придешь / придешь, сядешь ◇
48 *Слов:* мимо вас — *нет.*

Стр. 228.

2–3 и пойду / уйду ◇
4 прибыл / приехал ◇
8 Зерщикова / *а.* Сурдинского *б.* Зверинского. ***На полях заметка:*** Я ездил на рулетку к Рындону

10 меня в эти места / меня с собой
13–14 нахальных ∾ молодежи / таких нахальных людей и, между прочим, много «гремящей» молодежи ◊
16 иногда / например
17 *Слов:* в течение вечера — *нет.*
18 совершенным дикарем / дикарем ◊
20 За игорным столом / За столом
22 с одним господчиком / с одним господином ◊
23–24 сидя рядом ∾ не узнал меня / сидя рядом, просто-запросто не узнал меня
24–26 То есть ∾ Таким образом *вписано.*
25 *Слов:* как бы с выделанным — *нет.*
28 ничтожная, мелкая / мелкая и сальная ◊
29 хотя та / хотя она ◊
29 ужасно нараспашку / *а.* более распашку *б.* ужасно как нараспашку ◊
30 богачи купцы / богатые купцы ◊
30 всё происходило / всё было несколько
31 что многих, впрочем, и привлекало *вписано.*
34 к Зерщикову / к Зверинцеву
36–39 военный ∾ не появлялось *вписано.*
39 был очень даже / был очень ◊
41 побывал там всего / приезжал всего ◊
41 Зерщиков / Зверинцев
43–44 явились ∾ с того банка / явились уже около полуночи, после игры в том банке ◊
45 таким образом / так что ◊
45 таким образом ∾ толпе *вписано.*

Стр. 229.

3 я решительно не создан / я не создан ◊
5 чувствуется / кажется
8 в частных / в знакомых
9–10 то сижу и упрекаю / то упрекаю ◊
12–13 удивительной осанкой / с осанкой ◊
13 вот это-то / вот что ◊
13–14 пуще всего, так что я всё больше и больше / и я еще пуще ◊
15 *После:* но и тогда уже — *начато:* т. е. во время
15 *После:* всё это общество — все эти рулетки ◊
16–17 говорить ∾ отвратительно / сказать — всё это [было] мне стало [так] отвратительно
18 чрезвычайное / необычайное ◊
19–20 эти люди ∾ грязным / и я, и эти люди, и [наши занятия] игра, казалось мне страшно грязным
20–21 «Только что ∾ каждый раз/ «Тут было одно только [вр⟨еменное⟩] ⟨*нрзб.*⟩ утешение, что это лишь временное и что это лишь так, а что только я выиграю, так тотчас на всё [это] плюну», — [несколько] каждый раз ◊
24 гнусной / глупой ◊
25 я играл, дескать, для игры / [играл, дескать] что я, дескать, для игры ◊
26–27 а вовсе не для барыша *вписано.*
27 были нужны ужасно / очень нужны
29 *После:* и этим путем — по крайней мере начало *вписано.*
29–30 одна сильная мысль / мысль одна ◊
30 миллионщиком / Ротшильдом ◊
33–34 для твоей идеи / в твоей идее
36 сохранилась бы / сохраняется ◊
36 при котором ∾ расчета *вписано.*
37 не одолеть / *а.* не выиграть *б.* не победить
40–41 я не могу выдержать себя / я не могу [удержаться], выдержать
43–44 заставит их ∾ мнение / покорит их всех и заставит лежать передо мной

45 почти детских / мальчишеских
45 составляло тогда / составляло ◊
47 *После:* и мое утешение — перед всеми гордящимися и презирающими меня ◊

Стр. 230.

2 *После:* отстать — мне надо было доказать самому себе, что я не перестал быть сознательным существом
2 и не мог отстать от игры / я не мог отстать ◊
2–3 *Слов:* теперь я ∾ вижу — *нет*
4 проигрыш унижал / проигрыши унижали ◊
6 Татьяной ∾ чувствовалось / мамой
6–8 Накопец ∾ от обеда / Наконец, сделаю [полное и последнее] еще признание, [я уже] мне (сильному-то человеку!) уже трудно [было] становилось отказаться от обедов ◊
10 но только отмахивался / но отмахивался ◊
10–11 Я сознавал ∾ краснею. *вписано.*
11 записывая, краснею / *а.* вспоминая *б.* записывая, очень краснею ◊
13 Прибыв ∾ толпе *вписано.*
14 пристроился / *а.* сел *б.* поскорее пристроился ◊
15 *После:* не шевельнувшись. — Я дал себе слово [выдерживать] выдержать характер. [Я приехал в последний раз испытать себя.] ◊
17 хладнокровием и уверенностью / *а.* терпением и расчетом *б.* терпением
18 не проиграл и не выиграл / проиграл какую-то мелочь.
22 то есть ∾ а просто *вписано.*
23 игроков / людей
23 например / по крайней мере
23 известный игрок *вписано.*
23 Афердов / Ахв⟨ердов⟩
25 на паре собственных пони / на собственных рысаках ◊
25 украл у меня / меня обокрал ◊
26 об этом история еще впереди / *а.* об этом потом *б.* об этом история еще далеко впереди. *Далее начато:* Этот еще молодой и [пухлый] отвратительный барчонок
27 на углу стола / на углу рулетки ◊
27–28 подле меня, слева, помещался / подле меня [сидел] помещался ◊
29 он, впрочем ∾ пишет *вписано.*
29–30 *Слов:* и печатает — *нет.*
33 одну мою кредитку / одну кредитку ◊
33 Я было остановил его / Я тотчас остановил ◊
34 и нисколько ∾ голоса *вписано.*
34 объявляет / объявил
35 что он ∾ и взял *вписано.*
37 в преглупом состоянии / *а.* в предосадном состоянии *б.* в глупом состоянии
40 потому что было упущено время / [которую] трудно было бы [и] доказать, потому что игра уже ушла вперед
42–43 *Слов:* подле нас — *нет.*
44 за такого / за воришку
44 *После:* за такого — что потом уж и отразилось в последствиях, я не разобрал ни одного слова, но [помню, что на] между ними поднялся даже легкий говор, но я тогда не расслышал ни одного слова, потому что отошел ◊
46 у банка / у крупера

Стр. 231.

4–5 «Выиграю ∾ играть». / «Проставлю и никогда более не играю. Выиграю — мое счастье, проиграю — тем лучше». ◊
9 громко объявил / прокричал

10 сто ∾ золотом / знатный куш
14 рядом / рядом на краю стола ◇
14 *После:* седому усачу — плотному
17 *После:* Здесь счастье — а там дотла проиграетесь!
18 Вы это мне? / Вы мне? ◇
18–19 откликнулся усач с конца стола / промычал мне усач с конца рулетки ◇
20 *После:* Да, вам — идите сюда!
21 Не ваше ∾ не мешать! / Не ваше, сударь, это дело и прошу мне не мешать, — крикнул усач. ◇
26 ставя новый куш / *а.* не выдержав *б.* ему *в.* ставя свой куш
27 *Слов:* без ваших советов — *нет. Далее на полях наброски:* Я не щажу себя, я не хочу щадить. Я нарочно выписыв⟨аю⟩ весь позор, чтобы понятно было всё, что произошло со мной в этот вечер.

Я весь ⟨*нрзб.*⟩ прокричав на другой конец: «Сюда ступайте».

— Не ваше дело.

— Пари, что zéro выйд⟨ет⟩ Вышло... Князь и Дарзан А чер⟨т⟩ ведь я у вас не прошу. Ахвер⟨дов⟩, пачку.

— Так вы захватили свои девять из десяти.

— Жаль, что я не уверен.

— Да, вы не уверены.

— Кто это?

28 *После:* очень здесь кричите. — *а.* Одним словом, мне резко давали знать со всех сторон, что меня никто не любит, но я не унимал⟨ся⟩.

— Странный вы человек, — развязно и весело вскрикнул я.

— Я вам, милостивый государь, не человек *б.* — Странный вы человек.

— Какой я вам человек, вот моя карточка, если вам угодно ◇

29 *Слов:* — Я вам ∾ подаю; ну — *нет.*
30 выйдет опять / выйдет ◇
31 *После:* десять полуимпериалов. — Во-первых, я форсил, а во-вторых, мне хотелось замять начавшуюся историю ◇
32–33 *Слов:* промолвил он сухо и строго — *нет.*
33 Держу против вас / Держу против
35 Каких же / Каких десять ◇
38–39 Так вы ∾ со мной. / Ну так, так и говорите — полуимпер⟨иалов⟩. Суетесь к кому угодно с вашими восторгами.
40 Я, разумеется / [Между тем] Рулетка завертелась. Я, разумеется
40–41 тридцать шесть шансов ∾ предложил / тридцать шесть против одного, что zéro опять сейчас выйдет, но я его предложил
43 чем-то всех привлечь к себе / замять начинавшуюся с этим дураком историю
45 *Слов:* Рулетка завертелась — *нет.*
46 вышло опять zéro! / вышел zéro.

Стр. 232.

1 *Фразы:* Тут ∾ отуманила. — *нет.*
3 *Слова:* получить — *нет.*
3–8 но я ∾ несколько тысяч / *а. Начато:* не отвечал, не мог отвечать, я был в страшном) *б.* что-то пробормотал ему, кажется, потому что уже не мог спокойно и обстоятельно изъясняться. Успех придавил меня. Я был в страшном волнении: мне хотелось что-то предпринять, предложить [какие-то пари], отсчитать кому-нибудь несколько тысяч. Я посматривал князя.
9 *После:* кредиток и золотых — *начато:* и в эту секунду
9–10 *Слова:* собраться — *нет.*
11 вернулись / *а.* приехали *б.* воротились ◇
13 *После:* вот где счастье! — Видите! ◇
15 он сухо / он мне сухо ◇
17–18 Вот деньги ∾ сколько надо? / Здесь деньги! — крикнул я. — Вот, сколько вам надо? Берите!
20 не просил / не прошу

22 уже несколько ∾ с бранью *вписано.*
23 империалов / полуимпериалов [весь багровый от гнева] ◇
25 не получили / я не отдал
27 верю без счету / нечего считать [ведь и я] ◇
28–29 кучку его золота рукой / кучку его золотых рублей ◇
30 прошу / прошу покорно
32 *Фразы:* Я с вами ∾ не нас! — *нет.*
34 вполголоса / кругом
35 Но я ∾ зря / [Едем, Дарзан] Хорошо, хорошо, — кричал я, ставя зря ◇
37–38 Едем ∾ я к ним. / Что ж, едем, Дарзан, — проговорил сзади меня князь.
— Вы домой? — обернулся я к князю.
42 сыпать / совать ◇
42–43 уминая пальцами / уминая и складывая ◇

Стр. 233.

5 а для честного человека *вписано.*
8–12 в ту минуту ∾ сосчитанные / *а.* могло быть действительно, что я мог ошибиться: Афердов ставил сейчас подле меня, и перед ним тоже лежало много его денег *б.* так что в то же время могло быть действительно сомнение, что я мог ошибаться: я имел глупость не считать мою кучу денег и только пригребал руками, а перед Афердовым и как раз сейчас подле моих денег тоже давно лежали его деньги, но в порядке и всегда сосчитанные ◇
13 здесь знали, его считали / знали, его здесь считали ◇
14 повлияло, и я / повлияло, а главное, я был в восторге и потому
15–16 Главное ∾ в восторге. *вписано.*
19 Слова ∾ ропот. / Поднялся кругом ропот.
21 провозгласить / сказать вслу⟨х⟩
22 нестерпимо свысока Афердов / *Начато: а.* запинаясь [и сердясь], но сердитым *б.* и так как бы едва удостаивая
22 *После:* свысока Афердов. — Ну, ну, довольно, довольно, я не протестую, берите... мои деньги [— Милостивый государь...] ◇
23 кто такой / кто он такой ◇
24 восклицаний / криков
25 вышла / у него вышла ◇
26 из-за десятирублевой / из-за десяти рублей ◇
26–27 подле ∾ голос / какой-то подленький голос подле ◇
28–33 Ну, довольно ∾ князя и Дарзана. / Прошу вас, я кончил, я не протестую, вы видите. Довольно, довольно, — говорил я. — Князь... где же он? [вы] [они] ушли А они уже ушли! Господа, вы не видели, куда князь и Дарзан ушли? [я] и подхватив все мои деньги и [два империала] держа [горсть] [кучу] в горсти несколько полуимпериалов, которые не успел засунуть в карман [держал между пальцами в руке], побежал [вслед за ними] их догонять
33 *После:* не щажу себя — *начато:* я с злорадством
34 гадости / черноты
35 могло выйти / вышло
36 Князь ∾ спустились / Они спускались
37 на мой зов / на мои крики ◇
38 перед швейцаром / у швейцара
39 три полуимпериала / мои два полуимпериала ◇
41–42 наверно ∾ сделать / наверно дал бы кучку золотых и Матвею, так и хотел сделать
44 сел / стал садиться

Стр. 234.

2 отстегивал / *а.* отмахнул *б.* отмахивал ◇
4 заревел / закричал

5 засмеялись / смеялись
6 подвернувшегося извозчика / подъехавшего ваньку
7 мою клячу / *а.* извозчика *б.* моего ваньку
9 Как нарочно / Я просто решил вызвать его на дуэль. Как нарочно
9 кляча тащила / ванька вез
10 обещал / обещал ему
10–11 Извозчик ∾ на рубль. / *а.* Он только стегал клячу [и за рубль], и на рубль ей, конечно, досталось. *б.* Извозчик стегал клячу беспрерывно и, конечно, настегал ее на полный рубль, но дело не подвинулось.◊
11 заговаривать / говорить
12–13 даже ∾ какой-то вздор / как-то не выговаривалось, и я [что-то] бормотал [вздор]. Наконец-то приехали
13–14 *Фразы:* Вот в каком ∾ к князю. — *нет.*
14 Он / Князь◊
14 завез / завозил◊
15–16 *После:* он страшно проигрался. — Так как я был свой, то и вбежал без доклада.◊
16–17 На меня ∾ недоумением. / Он с раздражением, недоумевая, посмотрел на меня.
18 *После:* Вы опять! — Зачем вы?◊
19–20 *После:* задыхаясь. — *начато:* Я сейчас
24 кажется, упали в снег / кажется, упали◊
26–27 это ∾ счеты... / На такие [замечания] вопросы отвечают вызовом, а потому мы сначала... разделимтесь
28 дрожащею рукой / судорожно, дрожащею рукою◊
28 класть / бросать
30–31 *Слов:* несколько монет покатилось на ковер — *нет.*
32–33 по вашему тону / сам барином стал
38 *После:* не вынуждаю платить. — *начато:* Не вынуждаете, конечно, но теперь
39–40 Нет-с ∾ Я знаю / Теперь дело не в том [я хочу платить. Вот] я знаю
40 тысяча рублей / тысяча◊
43 за часть долга *вписано.*
44 пожалуй, больше / капельку меньше◊
45 оставляете / оставили

Стр. 235.

1–2 В таком ∾ то вот... *вписано.*
2 захотите / поймете◊
4 опять зашагал / стал шагать
5–6 повернулся он вдруг / повернулся он◊ *Далее утрачены 2 листа автографа, относящиеся к началу главы седьмой.*

Стр. 240.

29 *После:* лишь для себя — *начато:* почему даже самая совесть становится, наконец, невластна над нашей российской цивилизацией?
30 неожиданные мысли / так сказать, реальные мысли
33 *После:* это случилось? — Только предрассудок может это считать таким уж зазором, нынче другие мысли
34 должен спасти / спасаю◊
35 я еще ∾ и добра / *а.* я был еще недопечен, а пожалуй что и перепечен *б.* я еще не понимал тогда, что зло, что добро◊
38 *После:* нехорошо. — Как бы в противоположность этому я был порывами ужасно наклонен судить Лизу в том, что она безнравственна. И только много спустя догадался, что совсем был не компетентен в ее судьи [уж], хоть потому одному, что я еще ничего в этом деле не знал, «кроме факта». [Да] Меня, главное, ужасно [бесило] обижало, что она его полюбила, *могла* такого человека полюбить, как он, и-и, наконец, что так сумели они оба от меня утаить. Но довольно рассуждать.
39–40 до самой ∾ быстротой / [нач⟨али⟩] пустились с такой быстротою◊

Стр. 241.

1 в строгом порядке / покороче
2 мало было / не было никакого
3 *После:* как осенние сухие листья — руководителя же совсем не было.
4 взять / найти ◇
5 для самостоятельного / для ⟨*нрзб.*⟩
5 *После:* самостоятельного решения? — Я даже и осмыслить-то всего не мог, а осмыслил лишь долго после ◇
5–6 *Фразы:* Руководителя же совсем не было. — *нет; ср. выше, строку 3.*
7 пойти / *а.* зайти *б.* идти
7–8 переговорить ∾ а до вечера / переговорить с ним и войти в смысл этого дела, а потому до вечера
9 по городской почте опять / по городской почте ◇
14 *После:* восемь часов — признаюсь
14 *После:* давно пошел, но — признаюсь
15 многое выразить / кой-что сказать и
17 показываться пока нельзя было / *а.* наведываться *б.* показываться не хотелось
18 там не было / не было дома
19 на пути пришло / на [дор⟨оге⟩] пути вошло ◇
19 заглянуть / зайти
21 ты сюда / ты не вытерпишь и сюда
22 *После:* сказал он. — Да, помню, мне он с самой первой минуты показался странен; таким по крайней мере я еще не видел его. А что такое именно было — не сумею выразить
22–25 Улыбка ∾ сцене моей у князя *вписано.*
23–24 не видал ∾ фактами / не видал, он как-то осторожно засматривал мне в глаза, [как бы] точно бы желая угадать: что именно и в какой мере я знаю. [Я расск⟨азал⟩] Я сел подле него и рассказал ему всё ◇
25 сцене моей / сцене нашей
25 после рулетки / *а.* и на рулетке *б.* о рулетке ◇
26 *Слов:* не забыл и о выигрыше на рулетке — *нет.*
28 ничего тем / ничего тут ◇
29 *После:* он способен... — (Он ехидно улыбнулся) ◇
30 знали / узнали
31 дело чувства и чужой / дело чувства ◇
–35 насколько сил хватит / готов
35 сам разберу / впрочем, что разберу
35 *После:* разберу. — *начато:* А дело чужой совести не мое дело, убеждение, друг мой
35 А ты, мой милый, ты / Скажи, мой друг, а ты
38 *Слов:* даже хоть на каплю — *нет.*
41 вы же должны были считать / вы же считали ◇
42 подозревали / подозревали меня [что я хоть минутами] ◇
43 и беру / и уже зазнамо беру

Стр. 241—242.

46–1 при другом / в другом ◇

Стр. 242.

4 невинного / наивного
5–6 и без благородства / и все ошибки твои, мой чистосердечный юноша, в том, что ты меня считаешь за постоянного мудреца ◇
5–6 Que diable! ∾ без благородства. *вписано.*
8–9 всякую цену, хотя бы и исправленный... / цену. Впрочем, ты меня так часто разуверял своими поступками, за которые я ⟨*нрзб.*⟩ что за тебя-то по крайней мере я был довольно часто спокоен ◇
11–12 С чего ∾ Напротив *вписано.*
21–22 и как бы соображая про себя *вписано.*

22 за какой-нибудь час / за час ◇
24 у них произойти / *а.* произойти *б.* быть ◇
24 хотя мне, однако / хотя мне ◇
26 ни с той, ни с другой стороны / ни с какой стороны... До самого то есть вчерашнего [ихнего] этого объяснения, если только оно действительно было ◇
28 заинтересую сейчас / заинтересую ◇
29 сделал / сделал даже
31 *Слов:* entre nous soit dit — *нет.*
36–37 ну, я, уж конечно, благословлю / я радуюсь.
38–39 За кого же? ∾ удивленный. / За кого? Как? — вскричал я.◇
44 обработала ее со всех сторон / выносила.◇
45 Я полагаю / Я думаю ◇

Стр. 243.

4–5 Как ∾ ей предложение? / — Как [сама?] сделала? Она сделала предложение или он ей сделал? ◇
6–7 То-то и есть ∾ сидит / и, кажется, привела его в полный восторг.
8 ему самому не пришло в голову / он не догадался
8–9 Я слышал ∾ должно быть. / *а.* Он опять, говорят, прихворнул. *б.* Я слышал, он прихворнул... от восторга, может быть. Но вы, как вы смотрите на это, — воскликнул я.
10–11 Я почти не могу поверить. *вписано.*
13 вдруг приняв ∾ мину / удивительно серьезно
14 по всем законам и обычаям *вписано.*
18 то не сумею / того не сумею ◇
19 да так / даже так ◇
20 Лучше всего / *а.* И главное *б.* И
23 *После:* стоит того. — Он же всё имел наклонность жениться, и притом это дело принятое
25–27 Это ∾ называю. *вписано.*
26–27 определил ∾ называю / назвал. Спокойная девушка, как я ее называю ◇
27–30 Она ∾ прочее *вписано.*
28 его доброту к себе / его доброту ◇
30 *После:* и всё прочее — что вы меня за этого мальчишку хотите выдать, когда я [сама] могу составить ваше счастье, — вот, должно быть, сущность слов, и тут, разумеется, чем яснее и короче, тем изящнее...
30 *Слов:* так что я даже отчасти был подготовлен — нет. *Далее утрачены 2 листа автографа.*

Стр. 247.

16 в нашем роде / у нас в семье ◇
17 дед / прадед ◇
20 дворянин / князь
20 в жилах твоих течет / [в тебе] в жилах твоих ◇
21–22 отец ∾ *по-княжески* / твой дед [пахал] и отец сами пахали землю [и], потому что это будет по-княжески
27 этой особы вовсе / ее вовсе ◇
29 решил / решил наконец ◇
33 моей природы / всей низости моей природы ◇
33–34 чего-нибудь / чего ◇
33–34 Или... или ∾ природа. *вписано.*
34 *Слов:* должно быть — *нет.*
35 люблю / люблю теперь
37 как брат Лизы / брат Лизы ◇
37 ездил / поехал
38 *Слов:* а не отказываться — *нет.*
42–43 Подробности ∾ князь. *вписано.*

44 не делал совсем / не сделал ◇
46–47 прозрачных ∾ «деликатно» / прозрачных дала мне ясно и «*деликатно*»
47–48 впредь невозможна / невозможна ◇

Стр. 248.

1 *Слова:* предложения — *нет.*
3 *После:* так рассуждать — Аркадий Макарович
4 *После:* а Лиза, которую я — *начато:* хо⟨тел⟩
4–5 *Слов:* стало быть — *нет.*
5–6 А обет ∾ подлости! *вписано*
7 про это / этого ◇
7–8 одного не в состоянии была бы простить мне / не простит мне никогда
8 *После:* Я со вчерашнего болен. — [от этого] Но теперь вы [хотите воскреснуть] [вы хотите] уже наверно решили порвать, — так ли я понял вас, князь? — вы решили наконец выйти из «казенной колеи», как вы говорили, и начать высшую жизнь... Эти несколько десятин земли не одни лишь слова, так ли? Так ли? — То есть в существе это значит каждый раз говорить себе: это ничего, пройдет, а вот я сейчас исправлюсь и стану лучше ◇
8 А главное / Но ◇
9 из князей / князь ◇
14 Это что еще! Как в каторгу? / Что вы, что с вами?
19 *После:* Катерины Николавны — *начато:* и всего этого, еще раньше даже этого в...
20 на два месяца / на время
23 и с своей стороны / тоже
26 с первого раза / с первого разу ◇
27 мой характер / мой легкомысленный характер
32 потребовалась к нему / требовалась ◇
33 *После:* две строки — *начато:* к тому
40 Когда, вчера? / Как это?
41 кричали с ним в кабинете / закричали в кабинете
44 *Слов:* встал и — *нет.*
45 солидарен и чтоб / солидарен, что акции в ходу, и чтоб ◇
46–47 *Текста:* одним словом ∾ эта мысль — *нет.*

Стр. 249.

2 будут пущены в ход / будут в ходу
3 где-то уж начали попадаться / где-то попались
5 вот что мне сказал Стебельков *вписано.*
0 тогда не думал / не думал ◇
10 не я собирался их делать / *а.* не я их делаю *б.* не я их собирался делать
12–13 А впрочем ∾ монетчик? *вписано.*
13–18 *Текста:* Я не мог ∾ вы преувеличиваете! — *нет.*
19 Жибельский / Жирондский
20 *Слова:* помощника — *нет.*
21 *После:* он тут — тоже — с ними
24 у него уцелело / уцелело ◇
24 два / четыре ◇
25 и, уж конечно, они тоже свидетельствуют / конечно, они [не прямо] ничтожны сами по себе, но все вместе и свидетельствуют ... как объяснить и обвинить по ним можно ◇
26 объясняет, что этот Жибельский / говорит, что этот Жирондский ◇
27 там украл / украл ◇
27–28 *После:* казенные кажется — *начато:* или хочет украсть
28 украсть/ тяпнуть ◇
29–30 в виде вспомоществования на эмиграцию *вписано.*
31–32 Жибельского / Жирондского
34 две / четыре ◇
34 *Фразы:* Они — сообща, это ясно. — *нет.*

35 Явная нелепость / Но помилуйте, князь, ведь это нелепость ◊
37 Понимаю ∾ донести / Совершенно понимаю. Они и не говорят, грозят, что донесут ◊
38 не донесем / не выдадим
45 Нет ∾ не перенесла бы / Нет, нет, всего она не знает. Она не перенесет.◊
46–47 и при ∾ полка / каждый солдат этого полка
47 каждую секунду, сознаю в себе / подло скрываю от всех
48 этот мундир / его ◊
48 *После:* этот мундир. — Но ведь по совести вы не фальшивый монетчик! Совесть ваша вам что говорит?

— Почем вы знаете. Я не мог не знать, я не маленький же, но мне весело было и помог... [фальшивому монетчику] за деньги-с!

— О, вы преувеличиваете! Вы виноваты, но вы преувеличиваете, вы даже чрезвычайно мало виноваты, по-моему, вы больны ⟨?⟩ *Далее на полях помета:* Зачем ⟨?⟩ ⟨*нрзб.*⟩ *Далее утрачен 1 лист автографа.*

Стр. 251.

18 Всю ту ночь / Всю эту ночь
20 давило меня как кошмар всю ночь / давило меня как кошмар ◊
22–23 о выигрыше у Зерщикова / о третьегоднишнем выигрыше ◊
25 Неужели я рожден игроком? / И странно: неужели я рожден игроком?
28 проводить иногда, сидя молча, в игорных расчетах / проводить иногда в игорных расчетах ◊
29 *После:* я ставлю и беру. — Положительно говорю, что я вовсе не так люблю золото. ◊
31 намеревался отправиться / намеревался направиться ◊
32 Матвея я ∾ тот явился. / Матвея я отправил назад, только что он [показался] появился.◊
33 Почему-то я был доволен / Происшествий было так много, что осмыслить [было] их я не мог, но был почему-то доволен. ◊
34–35 главное, тем, что «буду / *Начато:* потому, что предстоит
35–36 Но день этот / *Начато:* Но дню этому
35–36 день ∾ неожиданный и как раз начался / день неожиданный. Он как раз начался
38–39 влетела / явилась
39–40 Я всего ∾ посещения / *Начато:* никогда бы я не
40 *После:* перед ней в испуге — еще раньше, чем вгляделся в нее.
41–42 сама, может, не сказала / сама, может быть, не сказала ◊
42–43 она только что получила / она тогда только что получила ◊
43–44 была под самым первым впечатлением / была еще под первым впечатлением ◊

Стр. 252.

3 вся изогнувшись / и вся изогнулась
4 *После:* Ах ты, щенок — ах ты, мальчишка
5 Кофей пьет / Еще кофей пьет
6 таких розгами секут, розгами, розгами / таких розгами, розгами, розгами ◊
8–9 грозно вскричала она ∾ из комнаты / *а.* плотоядно вскричала она и вдруг выбежала из комнаты *б.* с ядовитым свистом вскричала она и выбежала [точно и не было ее вов⟨се⟩] из комнаты ◊
9–10 но меня остановила одна мысль / но вдруг остановился: меня очень смутила одна мысль ◊
11 *После:* «любовник из бумажки» — *начато:* обозначал вчерашнее
12 *После:* главным словом — и что-нибудь высшее
12 Конечно, я бы ничего не угадал сам / Угадывать я не мог и решительно [ничего бы] не угадал ◊
13 поскорее кончив / *Начато:* поскорее отделаться
15 подумал я инстинктивно / подумал я

15 *После:* подумал я — Стебельков сначала было рассердил меня тем, что призвал «из-за пустяков»
16 Стебельков / он
17 *После:* в подробностях — *начато:* так что
22 захотелось испить / захотелось попить ◇
23–24 Это — древняя ∾ носит! / Это [античная] статуя Минервы-с, только ходит и платье носит! ◇
25–26 как я и предугадал вполне / как я и предчувствовал ◇
30 *После* мне в глаза — *начато:* как бы предполагая
31–32 *После:* не мог предположить — этого ни за что! ◇
35 чтоб князь поехал / чтоб поехал ◇
40 как он, внезапно / как он сзади
44–45 вы там бываете / вы там бываете-с ◇

Стр. 253.

2 или не так / или не так-с ◇
9 я бы мог составить / он бы мог сделать
10 *После:* он, улыбаясь — *начато:* кивнул
10 *После:* левым глазом. — Потом, уже долго спустя, Версилов, которому я всё это рассказал в свое время в подробности, сообщил мне, что нечто такое по наивности очень возможно и что совершенно подобное рассказывал ему один из членов одного заграничного сбора, происходившего тому назад лет двадцать пять и наконец обнаружившегося. Этому члену было сделано точь-в-точь такое же предложение, и от лица даже весьма неглупого и, потом, известного, но только еще более в наивном виде, потому что там об деньгах и помину быть не могло, а Стебельков тем и промахнулся, что слишком уж понадеялся на власть денег и на мои «игорные страсти». Выходило, что он давно уже выжидал мгновение, когда я, по его мнению, уже не в состоянии буду устоять против известного куша.
11 не ответил утвердительно / не ответил ему утвердительно
12 поскорее ушел / быстро вышел
13 Дела усложнялись / Дела мои усложнялись
15 загадочно ∾ завидев меня / встретил он меня
17 хотя нисколько ∾ хладнокровия / *Начато:* хотя из всех сил скрепился
26 об этом слышал / это слышал ◇
27 то / это то
27 что он знает же / что ведь он же знает ◇
30–31 и ничего больше / а больше ничего ◇
31 *После:* ничего больше — уверяю вас
33 *После:* чрезвычайно благодарен — повторил он снова. [Это человек точный и деловой, кото⟨рый⟩] ◇
38 нарочно заметил / нарочно заговорил
40 захотелось сделать / хотелось сделать ◇
40–41 знает ли он / знает ли Васин ◇
43 Я не ответил / Любопытно, что я не ответил
44–45 а он, любопытно ∾ об этом. / а он, и это любопытно, не продолжил разговор. ◇
46–47 с участием / с видимым участием
48 Она здорова ∾ уважала... / Она здорова. Я к Вам давно не приходил, Васин, но, может быть, придется так, что зайду на днях и кой-что вам скажу, потому что люблю вас, Васин. А сестра моя вас всегда уважала. ◇

Стр. 254.

2 он неравнодушен / он был неравнодушен ◇
3–4 вдруг сообщил он / вдруг сказал он, и, признаюсь, я так и вздрогнул
6 Ровно четыре дня / Ровно три дня
8 *После:* посмотрел на меня. — Не желаете вы мне сказать, зачем он был у вас? ◇

9–12 Потом я, может ∾ и... ума даже. / Никак этого не могу; но, наверно, это будет вам в свое время известно, и даже я... нет, теперь я вам ничего еще не скажу, — подтвердил он, мгновенно подумав. [Впрочем, он] Князь Сергей Петрович показался мне как бы в ненормальном состоянии духа и... ума даже. ◊
14–15 и тоже принужден ∾ посетителя / и тоже заключил было об ненормальном состоянии посетителя ◊
19 *После:* с ним ничего такого — *начато:* что могло бы выз⟨вать⟩
22–25 Конечно, я должен ∾ мне секрета. / Конечно, это бы должно быть тоже секретом... Но мы как-то странно разговариваем, что ни начнем, то и секрет. Он, впрочем, не просил у меня секрета. ◊
29 *После:* его секунданта?» — Я был бесконечно изумлен.
29–30 Я, разумеется ∾ ему. / Я, разумеется, отказал ему совершенно, — заключил Васин. ◊
33 Я вдруг мельком / Я мельком ◊
34 промолвил мне вчера / сказал мне вчера ◊
35 к князю / к старому князю ◊
36 что там разгадка / что там ключ ко всем загадкам ◊
36 *После:* поблагодарил меня — ***утрачено 10 листов автографа.***

Стр. 267.

23 Глава девятая. *Рядом дата:* 3/4 мая ⟨1875⟩.
27 думаю, был / думаю, тогда был ◊
28 *После:* тихая и морозная. — *начато:* [Я думаю, было градусов восемнадцать морозу. Вот это я запомнил.] Хотя лихорадка [а может, и бред] началась во мне несомненно еще раньше, еще днем, и хоть теперь
28–29 Я почти ∾ торопился / Я почти бежал некоторое время по улице [очень скоро шел], страшно торопился ◊
29 но — совсем не / Куда? — совсем не
29 *После:* «Зачем домой? — подумалось мне вдруг
31–32 Жизнь кончена ∾ совсем нельзя». / Жить теперь нельзя, жизнь теперь кончена». ◊
32 И вот я брел по улицам / Я бежал по разным улицам
32–33 *После:* куда иду — да и не сознавал зачем.
33 *Слов:* да и не знаю ∾ добежать? — *нет.*
33 было очень жарко / было очень жарко и тяжело
34 *После:* мою шубу. — Я торопился, но не знал, хотел ли я куда добежать. ◊
35 казалось мне в ту минуту / думал я ◊
43 Всё кончилось / Всё кончено

Стр. 268.

1 это теперь возможно / это возможно ◊
2 *После:* Уехать в Америку — зачем? Там тоже объявят вором.
2 Ну что ж / Что ж ◊
4 Через пятьдесят лет / Через пятьдесят ◊
4 буду идти / буду проходить
5 который скажет, указывая на меня / который, встретив меня, скажет
9–10 восполнили его окончательно, оскорбили / оскорбили и восполнили его окончательно
10–12 то всегда тут же ∾ обидчика / то всегда пассивно подчиниться ему, и даже пойти вперед желаниям обидчика, даже самому на них откликнуться ◊
15 я тотчас же сам ∾ лакея / и вот я сам вошел тогда в роль лакея ◊
17 *После:* последние пылинки — гоняясь за ним со щеткой
19–20 смахнуть ∾ с его фрака / *а.* смахнуть пылинку *б.* смахнуть какую-нибудь соринку ◊
20 иногда / под конец
23 клетчатым шелковым / белым
24 отлично знаю / *а.* сознательно знаю *б.* очень хорошо знаю ◊

26 хам — так хам и есть» / *а.* Лакей так лакей. Хам так хам» *б.* Угадал, значит, хама в нем», — скажет ◊

26 Пассивную ненависть / Эту пассивную ненависть

26 Пассивную ненависть и подпольную злобу / Пассивную ненависть ◊

29 И вот клянусь / И клянусь ◊

30 нечто как бы подобное / нечто подобное ◊

31 убили / сделали мертвым ◊

31 «ну так знайте же все, что вы угадали /«и вот, знайте же все, я не только вор ◊

32 *После:* и доносчик!» — Вы угадали! Князь от меня отрекся, и вы приняли меня нечаянно за соседского лакея, — ну так вот вам [я лакей], вы не ошиблись: с вами за этим столом играл лакеишка подлый барона Афердова [всё время стоял лакей], стоял лакей, в барском платье! И кончил-таки тем, что украл, — вот вам! ◊

33 было вовсе не до анализа / было не до анализа ◊

34 тогда без намерения / без намерения ◊

34–35 крикнул ∾ в душе была *вписано.*

35 уж *черта / черта*

36 начинался уже бред / начинался бред ◊

36–37 очень вспоминаю / очень помню ◊

36–46 *Текст:* Когда я бежал ∾ не совершилось. — *был после:* Ночь была ясная, тихая и морозная *(ср. стр. 267, строка 28)*

37 *После:* действовал сознательно — а главное тому доказательство, что почти всё совершенно потом припомнил.

39 про себя сам / *Начато: а.* про себя, и даже, и даже обдумывал это *б.* про себя, и даже думал о том

42 *После:* Мало того — (и это было мне самому чудно́ и ужасно) ◊

44–45 с полным сознанием тут же / с полным сознанием ◊

45–46 преступление навертывалось в ту ночь / преступление навертывалось ◊

47 *После:* мелькнуло вдруг тогда — когда я бежал ◊

Стр. 269.

1–2 *После:* на мгновение — *начато:* как бы разбудила мое сознание и направила мой разум к одной точке, в идее отрицания и протеста

2 овладела всеми моими чувствами / овладела моими чувствами ◊

4 это оттого он сделал, что украл, сделал от стыда / это оттого, что он украл, от стыда ◊

4 нет, ни за что / Нет, нет, ни за что ◊

5 И вот ∾ я ощутил / и вот тут я ощутил ◊

6 пронеслось в уме моем / пронеслось в уме ◊

7 *После:* тоже невозможно. — *а.* Какая Америка? не всё ли равно? *б.* Всё погибло

8–9 доносчиком, настоящим уже доносчиком / в самом деле стать, взаправду стать доносчиком ◊

9–11 а самому ∾ все узнают / и потихоньку приготовиться и когда-нибудь — всё это взорвать, всё уничтожить, всех, всех, и пусть тогда все узнают ◊

14–15 где-то близко от Конногвардейского бульвара / близко от Исаакия

15 В переулке этом / Тут

15–16 почти на сотню шагов / *а.* на несколько шагов *б.* на сотню шагов ◊

16 шли / скучились

16 каменные стены / каменные заборы

17–19 я увидел ∾ превышавший стену. / [были сложены] я увидел сложенные дрова, много, очень много дров [целый склад], длинный склад и слишком на сажен превышающий стену [и почти соприкасаясь с нею] ◊

19 начал обдумывать / стал обдумывать ◊

20 со мной были / у меня были ◊

23 не знаю, совсем не знаю / не знаю ◊

25 рассуждал я / думал я ◊

27 раздумывал я далее / раздумывал я ◊

29 никого нет, тишина! / никого тут нет [думал я, оглядываясь], огляделся я кругом. Тишина! ◇

29–30 А там я усядусь ∾ дрова / А там, усевшись на верху стены, можно очень легко зажечь все дрова. ◇

30 *После:* даже не сходя вниз — можно очень легко всё обработать», — думал я, разгорячаясь всё более и более. ◇

30–31 потому что дрова ∾ со стеной. / Они лежат так близко от стены, что почти соприкасаются с нею. *вписано на полях.*

33 да и незачем ∾ можно прямо / да и вынимать его даже не надо, а можно прямо

37 Так я это всё рассудил / Так я рассуждал ◇

37 вдруг совсем решился / вдруг решился ◇

37–38 *После:* Я ощутил чрезвычайное удовольствие — «Зажечь, зажечь непременно, пусть горят!» И весьма может быть, что я бы это и исполнил, но внезапно был отвлечен совсем неожиданной встречей.

Присматриваясь, как мне влезть по воротам, я вдруг в правом углу ворот, в глубине выступа заметил какую-то темную массу: что-то лежало или сидело скорчившись, «меньше человека, больше собаки», — мелькнуло во мне. Я нагнулся и дотронулся рукой.

Это был ребенок, девочка, лет девяти или десяти, она сидела [скорчившись], сжавшись и скорчившись [и глядела на меня]. Глаза были закрыты. «Замерзла!» — [мелькнуло] проговорил я и, схватив ее обеими руками за плечи, стал подымать. Я приподнял ее [несколько], но не удержал, и она, как деревянная колода, [стукнулась] шлепнулась опять [на] в снег, но от сотрясения, должно быть, [девочка] открыла глаза. «А, не успела заснуть!» — вскричал я. Она глядела на меня прямо, большими глазами, но, кажется, ничего не понимала. Это было худенькое, стянутое холодом, посиневшее личико ребенка с странно большими, как показалось мне тогда, глазами, с сплюснутым носом и с чрезвычайно большим ртом, при очень маленьком подбородке ⟨*2 нрзб.*⟩ В лице ее были пятна, вроде болячек. Всё это я мельком запомнил. Она видимо ничего не понимала и вдруг опять закрыла глаза. Я схватил ее опять за руки и изо всех сил стал подымать, наконец поставил и начал трясти за плечи: несколько раз она обнаруживала стремление опять [шлепнуться] [упасть] присесть и скорчиться, но наконец вдруг сама стала на ноги [и как бы с любопытством] [и хоть с бессмысленным любопытст⟨вом⟩], и любопытство сверкнуло в ее взгляде. Она проснулась. Я не ошибся: ей было не более десяти лет, но она была очень дурно и мало одета, [в одном грязном и оборванном по плечам платьишке] в каком-то стареньком, изорванном нанковом в полоску капотишке, с торчавшей клочьями из дыр ватой, служившем, может быть, третий год, судя по коротким рукавам, даже не прикрывавшим маленьких, сине-багряных от холода рук. [Только обувь] На ногах ее, впрочем, были толстые башмаки сверх толстых шерстяных чулков. [Но что странно, через оба плеча] И я помню, что я нарочно оглядел ее ноги и ее всю: не отморозила ли чего-нибудь? На шее ее было надето длинное суровое полотенце, концы которого выходили па оба плеча, а [к обоим концам] к каждому концу были привязаны или пришиты [две деревянные] по плетеной из древесной коры продолговатой формы корзинке, вроде футляра для бутылки, а из каждой корзинки действительно торчало по бутылке. Это приспособление я уже знал прежде; мальчишек и девочек действительно посылают из артелей с таким снарядом в кабаки за вином, а корзинка тут, чтоб [не разбплись бутылки] ребятишки не разбили бутылки. [Но, однако, девочка уселась у забора и заснула.] Как это могло случиться? почему девчонка со своими бутылками стоймя заснула в дороге? Она долго ничего не понимала на мои вопросы: где она живет и куда ее доставить, [Наконец вдр⟨уг⟩] и только всё глядела на меня своими большими черными [глазами] глазенками, но взгляд ее становился всё вострее и вострее. Наконец вдруг шевельнулись ее губы, и она [быстро] прошептала:

— Озябла! — выговорила она [это] быстро и [как], не то что жалуясь, а как-то бессмысленно [и безучастно], точно выпалила, и не «озябла», а как-то: «аззьябла!», резко ударяя на *я* и при этом ни на миг не переставая смотреть мне в глаза.

— [Но] Ты замерзнешь, — повторил я, — где ты живешь? Пойдем я доведу, пойдем! — повторял я всё настойчивее.

[Но я долго повторял, она не шевелилась и не хотела идти, наконец вдруг опять шевельнулись ее губы и она опять [выговорила] выпалила:]

— Аззьябла! — выпалила она вдруг опять.

Я взял ее за руку и потащил [было ее], она пошла. Я стал уговаривать, вынул из жилетного кармана двугривенный и дал ей, не знаю для чего. Она вдруг, точно одумалась, повернулась и быстро пошла по направлению к бульвару, я за ней. Переулок был маленький, и мы скоро вышли на бульвар, она перебежала [бульвар] его поперек, перешла на противуположный тротуар и, пройдя несколько домов, стала перед одними воротами и проговорила:

— Вот! [Я дома,]

Я достучался дворника, он вышел заспанный, увидел девочку и, что-то грубо проговорив, пропустил нас. Девочка перешла большой двор, потом через подворотню вошла на другой и в самом заднем углу, показав на окна подвального этажа и на крылечко, вдруг проговорила:

— Не пойду.

Я схватил ее за руку и, придерживая, чтоб она не упала, стал стучать в окна. Я стучал долго, наконец послышалось чье-то ругательство, а за ним вдруг женский голос прокричал:

— Это ведь Аришка, светы мои, это ведь Аришка!

Я ступил на крылечко, две ступеньки которого шли вниз, а не вверх [и потащил Аришу, которая не очень сопротивлялась], дверь отворилась, и я шагнул [вниз, в душную] куда-то вниз, в комнату. Душный, сырой мефитический воздух обхватил меня.

— Да кто такой, да кто вы такой, эй, кто такой? — закричала женщина [и еще чей-то голос], заметив меня.

— Я девочку вашу привел, она замерзла! — прокричал я.

— Где она, шельма, где... враг⟨?⟩, — ухватила ее женщина, и я слышал в темноте, как начала ее таскать за волосы.

[Но Ариша] Девочка молчала. Вдруг блеснул свет, кто-то зажег свечу. Это была довольно большая комната-изба [с русской печью в углу, с грязным полом], с русской печью в углу [с грязным полом], с деревянным тесовым столом и с двумя такими же стульями в другом углу, с лавками по двум стенам, с двумя малыми окнами во двор, с грязным полом, с платьем и разной домашней рухлядью [висевшею по стенам], развешанными по стенам. В избе этой спало, должно быть, человек семь или восемь, [и все] и, кажется, все были пьяны, а размещались на лавках, на печке и даже на полу. Вздул огонь какой-то в рубахе, а поверх рубахи в сюртуке, уже седой и плотный человек. Он был пьяненек, но серьезен и важен. [Оглядев] Разглядев, что женщина, таская, свалила девочку на пол, он сипло крикнул:

— Бутылки-то [бутылки-то] не разбей!

Баба перестала бить, и сняла с шеи у девочки бутылки, девочка вскочила, выпрямилась и [как зверек], дико оглядываясь, вдруг проговорила опять, как даве:

— Аз-зьябла!

В это мгновение сполз с лавки какой-то парень, очень пьяный и хромой. Он был в одном белье и босой. Подковыляв прямо к девочке, он молча поднял руку и изо всей силы и стремительно, не крикнув, опустил на нее кулак. Девочка свалилась как подрезанная, а обидчик покачнулся, замычал, и сам упал на пол. Он был очень пьян.

— Ишь ведь, — прошептал седой, — эк нарезался!

Я вскрикнул и бросился к девочке, но она вскочила [и стала] сама [она стояла и озиралась как давеча]; я не помню хорошо, что со мной тогда [было]

сталось. Я плакал навзрыд и кричал [что женщина] им, что ведь этак нельзя, [что] она замерзла, за что? за что? Я ломал руки, просил, умолял. Стали просыпаться, две-три головы поднялись с нар, раздались голоса; седой стоял передо мной, держа огарок в руке и [важно смотр⟨ел⟩] с пьяною важностью [смотрел на] осматривал меня. Только баба была, кажется, [совсем не] очень мало пьяна, [она] и очень, кажется, на меня [удивлялась] дивилась.

— Да вы чего же так, — проговорила она вдруг, — да ведь это изверг как есть, вы не знаете, ведь она как не захочет, так поленом [ее] колоти не прошибешь, ее с одиннадцатого часу послала, не хотела идти, не пойду, да и вот тебе. Где она была до сего часу, сука? [Собака она как есть, она] А намедни ребенку в спину булавку воткнула — не захотела таскать. Мать померла, ничья она теперь, да хоть бы сдохла проклятая, на руках сидит.

— Так [она сирота, так матери нет] у ней и матери нет, одна она, сирота, — завопил я и [опять] вдруг, не знаю, что со мной сделалось, но весь в слезах, я припал к Арише, обхватил ее [колени] и стал целовать ее [ноги]. [Потом вдруг вскочил, сложил обе руки и начал умолять их:

— Не бейте ее, не бейте ее!]

Я хоть и описываю подробно, но стараюсь сочинять по оставшемуся впечатлению. Может, я многого не помню, да и тогда не заметил. Помню только, что Ариша быстро, как кошка, взобралась на печку и [забилась там], скорчившись в углу, смотрела оттуда на меня любопытно-дикими, как у зверька, глазенками. [Люди же, должно быть, дивились на меня.] Очень, может, простыла.

— Из каких такой? — проговорил кто-то.

— А пьяный, может?

Женщина молчала [смотрела и удивлялась], но смотрела пристально, наконец седой подошел ко мне вплоть.

— Вам тут нечего... [нечего]... одно ваше безобразие, тут ночь, теперь спать надоть, вот бог, а вот и порог.

Он надвинулся на меня и попер меня к дверям. Я вдруг вспомнил всё *мое* и вдруг на себя удивился: «Да что же это я, что мне тут!» — мелькнуло у меня в голове. Затем повернулся и поскорее выбежал. [Поскорее] Очень торопясь и заботясь, [я] отыскал я дворника [очень, очень торопясь и заботясь] и, как выскочил на улицу, тотчас же перебежал тротуар [затем] и вышел опять в тот самый переулок. Дойдя до тех глухих ворот [в стене], я запахнулся в шубу и присел на снег, в тот самый угол, в котором сидела девочка: «Что же, — подумал я, — тут и засну, как Ариша». Я вспомнил тут, что когда-то читал в газетах, что один извозчик, стоя с своей лошадью в одну морозную ночь, так же заснул в армяке и замерз.

«Извозчики — неженки, под армяками носят тулупы, а вот, однако же, замерз. Стало быть, можно заснуть и замерзнуть и в шубе. Что же, и я буду сидеть, и засну, и замерзну. [И чего мне, тем лучше.] Всё умерло, так и я умру».

И действительно, я очень скоро задремал, мысли во мне смешались совсем, и я только слышал всё возраставший колокольный звон. Звон [наконец [окреп] усилился и отвердел]

38 наслаждение и полез. / Я полез

Стр. 269—270.

38–4 и полез ∾ прислушиваться. *вписано на отдельном листе.*

41 уцепиться рукой / ухватиться рукой ◇

41–42 едва ощущаемый выступ вверху / еле ощущаемый выступ

44–45 должно быть, минуту или две / минуту или две ◇

47 еще плохо сознавая, что делаю, пополз / вряд ли еще ясно сознавая, дополз ◇

47–48 и там присел ∾ между воротами / и присел, съежившись и скорчившись между воротами ◇

Стр. 270.

1 *После:* выступом стены. — *начато: а.* «Что ж, — подумал я, — тут и замер⟨зну⟩ *б.* [Некоторое время] Кажется, некоторое время я ни об чем не думал и, вероятно, быстро задремал *в.* и прежде, чем прояснился рассудок, быстро задремал.

1–4 Мысли мои ∾ прислушиваться. / Мысли мои мешались совсем, и я ничего не мог уловить в них, но зато, как сквозь сон, и теперь вспоминаю, раздался вдруг колокольный звон, густой, и я с наслаждением к нему прислушивался. ◊

6 *После:* по одному разу — *начато:* секунды в

8 плавный звон / постоянный звон [Я скоро за⟨снул⟩] ◊

10–12 в старинной ∾ «в столпах» *вписано.*

12 *После:* «в столпах» — столь мне знакомой и памятной. ◊

12–13 только что ∾ неделя / последние дни святой

14–15 предвечернее солнце / *а.* закатывавшееся солнце *б.* послеполуденное солнце

19 *После:* как я у Тушара. — Я знал, кто она, — это мама.

19–20 эту гостью / мою гостью ◊

24 она тогда, оставшись / она сама, оставшись

25 прибыла в Москву / приехала из Твери.

25–26 *самовольно,* почти украдкой / почти самовольно

30–31 помню, я даже ∾ говорит / *а.* почти ничего не говорила о чем-нибудь серьезном и дельном *б.* очень мало даже говорила ◊

31 развязала его / тотчас развязала его

31 в нем оказалось / в нем было

32–33 *После:* два обыкновенных французских хлеба. — Увы, кошелек ее был тогда слишком тощий. Французские хлебцы она принесла, очевидно, в предположении, что «может быть, у них в школе-то худо кормят».

35 дают к чаю / дают ◊

36 Всё равно / Ну, всё равно ◊

36 я ведь так / я ведь это так

37 *После:* не взыщи, родной — прошептала мне она. ◊

38 станет-с / будет

39 будут надо мною смеяться... / будут смеяться [нет, вы уж хлебы возьмите-с. — Али взять] ◊

40 и скушаешь / и покушаешь ◊

42 А к гостинцам / К гостинцам ◊

43–44 но с большим видом / и с ущемленным видом ◊

44 *После:* собственного достоинства. — Мне уже хотелось даже тогда дать знать, что меня «обидели и оставили», дать почувствовать это ей.

45 *После:* визит ее меня — *начато:* во всяком

Стр. 271.

2–3 «Вот, дескать ∾ понимаешь того». / Не в голове это было у меня, а в сердце побуждение такое было. «А ты меня срамишь, да и не хочешь даже [приметить] понять того», — не думалось, а чувствовалось мне тогда, наверно, сколько припомню. ◊ *вписано на полях.*

3 О, я уже / Я уже

4 *После:* с него пылинки — и артистически выучился складывать его вицмундир, когда он возвращался с своей учительской службы. [А от посещения] А стыд от мамы? Я действовал чувством. ◊

4 Представлял я тоже себе / Я знал ◊

5 я от мальчишек насмешек / насмешек и [колкостей] издевок ◊

5–6 от самого Тушара / от Тушара ◊

7 *После:* в моем сердце. — Я всё сидел с достоинством потупившись и

9 грубые ее башмаки / *а.* не новомодную обувь *б.* не новомодные ее ботинки ◊

11 по ее уходе / по уходе мамы ◊

12 *После:* очень недурна собой». — *начато:* Тушар вдруг меня позвал, и я, мимо толпившихся у дверей классной и заглядывавших

14 была чашка / стояла чашка ◇
15 в этот час / в это время
16–17 как узнал я ∾ сердцебиение / ей уже давно, как узнал я после, запрещено было совсем пить кофей, производивший у ней тогда сердцебиение ◇
17–23 Дело в том ∾ и отказалась. *вписано.*
18 Тушары / они ◇
20–21 уже подвигом гуманности / почти «подвигом гуманности» ◇
24 Меня позвали / *а.* Затем меня позвали *б.* Тут меня позвали ◇
25 показать маме / и показать с объяснением моей маме ◇
25–26 «чтоб она ∾ заведении». / *а.* «Чтоб она видела, что вы приобрели в моем заведении и как вы за весь год успели». Задать шику было страстью Тушара. *б.* «Чтоб она видела, что же ты приобрел в моем заведении». ◇
29–31 и понес их ∾ сенаторских детей» / и [принес] понес к дожидавшейся меня маме, мимо столпившихся в классной у двери и глядевших со смехом на нас «сенаторских и графских детей». ◇
32 Я / и я
37–40 ровным, маленьким ∾ ее я не смог / ровным маленьким голоском, потупив глазки, вроде как примерное дитя рассказывает свой урок; «вот, дескать, ведь ты ничего не понимаешь, ведь ты едва писать умеешь, так вот сиди же и послушай-ка». ◇
41–44 с чрезвычайным вниманием ∾ в ее лице. / внимательно [и с наслаждением смотря], не отводя глаз, смотрела на меня и, [видимо была ужасно довольна, так что я сам первый соскучился и перестал] может быть, очень была довольна моими успехами. О, я угадал. Мне самому наскучило рассказывать, и я перестал [увидал какую-то грустную тень на лице ее, что-то жалкое, просящее и обманувшееся]. Взгляд ее был грустный, в выражении лица что-то жалкое. ◇
45 Она поднялась наконец уходить / Она поднялась и стала [было] прощаться. ◇
45 вдруг / В это время
46 с дурацки-важным / с своим дурацки-важным
48 подошла / тут подошла
48 стала просить / начала просить

Стр. 272.

1 «не оставить сиротки / чтоб не оставили меня ◇
1 всё равно он что сиротка теперь / почти что сиротка ведь
3 *После:* каждому раздельно — и поклонилась именно так, как кланяются в простом народе, когда они просят. *Рядом на полях:* Полноте, стыдно, они смотрят. ◇
4–5 о чем-нибудь / об чем-нибудь ◇
5 *После:* важных господ. — *начато:* Антонина Васильевна была польщена и тотчас же
6 была смягчена / была польщена и смягчена
12 *После:* обернулась ко мне и — хотя и конфузилась,
16 от чего-то / уж от чего-то ◇
17 я ее устыдился / я ее стыжусь
22–23 Тушар ∾ его как лакея». / Тушар [с язвит⟨ельным⟩] пожал плечами. (Лакей, дескать, недаром я третирую его как лакея.) ◇ *вписано.*
24 Я послушно спустился / [Я повернулся и] Я спустился ◇
25 смотрят теперь из окошка / смотрят [может·быть] теперь в окошко ◇
29 на голову ∾ головой / слегка на голову и заплакала надо мной
31 это видят-с ... / видят-с ◇
33–34 ангелы небесные / ангелы святые, небесные ◇
35–36 всё стараясь ∾ положить крестов / всё крестя меня.
36–37 голубчик ты мой ∾ постой, голубчик... / Голубчик мой, да ты постой... ◇
38–40 платочек ∾ узелок... / с крепким завязанным узелочком на кончике и стала развязывать узелочек. ◇
41–42 пригодится, может / пригодится тебе ◇
43 как раз сама не имею / как раз теперь сама не имею ◇

Стр. 272—273.

46–1 положено содержание / содержание идет

Стр. 273.

6 *После:* и сам не знал отчего — подумал, что от стыда. ◇ *вписано.*

7–9 «вину ли ∾ стало стыдно / *а.* вину ль свою у меня тем отмаливала *б.* вину ль свою передо мною замаливала, что родила меня и пресмыкаться ⟨?⟩ пустила. Но тогда ничего я этого не почувствовал. Мне только еще пуще стыдно было ◇

10 бить начнет / бить будет ◇

11 Она наконец ушла. / *а. Начато:* Она пошла, но пройдя шагов десять *б.* Она наконец пошла своей торопливой мелкой походкой, с десяти шагов, правда, не утерпела, обернулась, но я как раз в это время повернул к дверям, [как будто] совсем ее не заметив. ◇

13 на них накупили / на них [послали] купили ◇

14 меня не попотчевали / мне не уделили

15–16 Прошли ∾ забыл. / И вот я совершенно забыл про [маму и про ее посещение] нее. Так даже, что если б пришла она вновь, то я б еще больше, чем прежде, сконфузился. ◇

16 О, тогда ненависть / Ненависть ◇

17–18 совсем напитала / и напитала его

18 обчищал щеткой / обчищал ◇

19 изо всех ∾ и больше / и всё больше и больше ◇

20 И вот тогда / и вот уже в октябре, почти ровно полгода после мамы ◇

20 как-то раз ∾ сумерки / как-то вечером напала грусть, в сумерках стал перебирать для чего-то в моем ящике. Вдруг, в заднем уголку ящика я увидел синенький батистовый платочек ее. ◇

25–26 оттиск монетки / *Начато:* оттиск завязанных монеток

26 я, впрочем, положил / Помню, мне [даже] это показалось странным [впрочем, и только], я положил ◇

26 *После:* задвинул ящик — [но не знаю почему] через час я как-то был уже очень задумчив ◇

27 Это было под праздник / День был под праздник

27 и загудел / и вот загудел

27 *После:* ко всенощной. — *начато:* Я пошел к Ламберту. [Он] который

28–30 но на этот ∾ как и прежде / Ламберт почему-то тоже оставался на этот раз у Тушара. Ламберт хоть и продолжал меня бить в это время ◇

31–32 Мы ∾ пистолетах / Мы говорили о лепажевских пистолетах ◇

33 из нас не видал / не видал ◇

33 о том, как они рубят / как они рубят ◇

36 дивился про себя / дивился про себя их гадости ◇

37 мне стало вдруг / мне [было] стало ◇

37 и я сказал ему / я [объявил] сказал ему ◇

38 *После:* болит голова. — [я страстно его] О, как я его уже тогда ненавидел! [наконец] ◇

41–42 под подушку / под одеяло ◇

42 прижал / прижал судорожно, поспешно ◇

42 к моему лицу / к губам

42 вдруг стал / вдруг начал

44 Я закрывал / Я вдруг закрывал

44–45 *После:* с дрожащими губами — в ту минуту ◇

45–46 крестила потом меня / и клала кресты на меня ◇

46 «Стыдно, смотрят». / «Стыдно, они из окошек смотрят». ◇

47–48 Мамочка ∾ моя далекая / Мамочка, где ты теперь ◇

Стр. 273—274.

47–7 Мамочка, где ты ∾ тогда любил! / и я не обнял тебя, не целовал твоих синеньких глазок, твоих губ, так и не сказал тебе, мама, что я один, бедный мальчик [не успел сказать], что только одну тебя мне и надо, одну, одну и никого больше. А помнишь, помнишь, мамочка, голубчик,

а помнишь, как ты мне поклонилась? Мама, ведь ты вот теперь никогда так и не узнаешь, что я тебя любил [сердце мое рвалось тогда к тебе] тогда, любил очень, сердце мое ныло, а я сидел как лакей. Не знаешь ты, что я совсем, совсем не лакей [и за тебя мою жизнь положу, хоть сейчас] и их всех, всех теперь, всех краше

Стр. 274.

1 хоть разочек теперь / *а.* хоть раз *б.* хоть один разочек ◇
3–7 только чтоб обнять ∾ тогда любил! / только бы обнять тебя, поцеловать тебя. Сказать тебе, что я совсем-то тебя не стыжусь, совсем не лакей. ◇
7 *После:* слишишь ли ты меня? — Снится ль тебе когда обо мне
8 *После:* в деревне?.. — Мама, а помнишь, как ты мне поклонилась?
9 *После:* Чего он! — что кричишь, ты черт ◇
10–12 Он вскакивает ∾ с головой. / Он вскакивает с постели, подбегает и так рвет с меня одеяло, но я крепко держусь ◇
13 Вот тебе! / Вот тебе, вот тебе! ◇
14 *После:* ударяет меня — *утрачены 2 листа автографа.*

Стр. 276—278.

41–5 Monsieur, monsieur ∾ и заключалась трагедия... / Она, кажется, вообразила, что меня ей поручили занимать. Она засыпала меня словами, а я уже молчал и слушал.

Хотя [мне лишь мерещилось в глазах] у меня почти двоилось в глазах, но я, помню, я смотрел на нее с некоторым удивлением и даже состраданием. Может быть, она когда-нибудь была хороша, но теперь она даже вселяла во мне ужас. Она точно была на сцене, она редко садилась, она вертелась, жестикулировала или становилась в позы посреди комнаты [Может быть] и всё говорила и говорила, говорила без умолку.

Может быть, она была когда-нибудь на сцене, и кто повел был M-r Andrieux, но она бесконечно говорила об нем и об la Maison de M-r Andrieux hautes nouveautés articles de Paris etc., etc. Выходило, что она тесно связана с la Maison de M-r Andrieux и даже [вышла] произошла, может быть, из la Maison de M-r Andrieux, но она «была как-то отторгнута от Maison Andrieux, навеки, par ce monstre furieux et inconcevable», и вот в этом-то и заключалась трагедия. Ce monstre furieux et inconcevable был, конечно, Ламберт.

— Figurez vous M-r, que jamais homme ne fut si cruel et si Bismark, que cet être, qui regarde une femme comme une saleté de hasard.

Стр. 276.

42 среди комнаты / посреди комнаты

Стр. 277.

4 *После:* две Альфонсины — когда я закрывал глаза.
4 я заметил / я увидел ◇
6 а я, стало быть ∾ без памяти / а я спал в это время или нет, не помню ◇
9–10 une demoiselle / une fille ⟨девице (*франц.*)⟩
16–17 au pont ∾ de la Maison / appartenant à la Maison ⟨примыкающему к магазину (*франц.*)⟩ ◇
26 болезненное / подавляющее
31–32 Всё, что я ∾ что она как-то тесно / *а.* Выходило, что она тесно *б.* Всё, что я мог понять из ее слов, это то, что она тесно ◇

Стр. 278.

5 Она рыдала / Она плакала
12–13 относился ∾ в лицах. / относилось это тоже как-то к рассказу. ◇ ***Рядом пометка на полях:*** Это относилось к какому-то рассказу, потому что она в ту минуту плакала ⟨?⟩
15 *После:* и запела — а слезы полились из глаз ее...

15–16 я минут ∾ заснул / я минут на десять заснул или впал в беспамятство

16 взвизгнула / вдруг взвизгнула и залаяла

23 Пустите меня / Пустите ◊

30–31 своими длинными костлявыми пальцами / своей длинной скелетной рукой

34 Il s'en ∾ va! / *а.* Arrètez, arrètez-vous, M-r. ⟨Остановитесь, остановитесь, сударь. *(франц.)*⟩ *б.* Ou allez-vous, M-r? ⟨Куда вы идете, сударь? *(франц.)*⟩

39 *После:* адрес мамы — *начато:* но сознание

Стр. 279.

3 *После:* но там — как рассказывали мне

4 впал в совершенное уже беспамятство / впал в бред и в беспамятство ◊

5 запомнил / это запомнил ◊

11 слышал лай / слышал крик ◊

17 печальная ошибка / плачевная ошибка

21 чтоб тот / чтобы Зерщиков

22 принес бы мне / принес мне ◊

22–23 Зерщиков, с своей стороны, нашел / Зерщиков нашел ◊

25 сообщил / дал ◊

28 и забытых / и оставленных ◊

33–34 он отправил в следующее же утро / он отослал в то же утро ◊

34 *После:* по начальству и — *начато:* одевшись в ф⟨орму⟩

39 Его арестовали / Он был арестован

43–44 я потерял тем самым право утешить / *а.* даже не смею успокоить *б.* я потерял тем самым право успокоить

46 и за это сам / и сам ◊

Стр. 280.

1 низкую мысль / низкую, лакейскую

3 перед своею совестью / перед собою

6 быть с ними заодно / быть заодно с подлыми [мошенниками] людьми

7–9 Я не мог принять ∾ теперь. / разве можно было принять ее. Как давно у меня был настоящий выход, я давно уже знал о нем, но [я] лишь теперь нашел в себе настолько твердости или, может быть, отчаяния, чтобы совершить его. ◊

11–13 В поступке ∾ мертвеца. — *вписано.*

13 *Фразы:* Так надо смотреть. — *нет.*

16 даже такие признания / все признания ◊

18 об этом решении / о моем последнем решении ◊

19–20 не могу оправдываться ∾ что-нибудь / не могу оправдаться. ◊

21–22 она приходила ∾ раз / она была у меня

24–25 *Слов:* перед последним, задуманным уже решением — *нет.*

27 на ее месте я бы не мог простить / *а.* я бы никогда не простил. *б.* я бы на ее месте никогда не забыл. ◊

30 *После:* ровно девять дней. — *утрачены листы автографа.*

Главы IV—XIII третьей части

Стр. 322.

15–16 Теперь ∾ я должен / Теперь приступаю к окончательной катастрофе [к той самой, чем всё закончилось.] [закончившей], завершившей мой первый роман на свете или, лучше сказать, мое вступление на поприще, что дальше будет, не знаю, но урок я вынес. Началось оно издалека, и, главное, я должен

17 о чем я / что я ◊

20 быть ясным / быть понятным

20–21 *После:* писать загадками. — А я, не имея литературного таланта, так не умею.

26–27 *После:* мелких пройдох — отчасти уже обнаруженных ◊
29 *После:* наказания. — *начато:* Они зависят еще
29 в которой участвовал / к которой принадлежал
30 проказ / мерзостей ◊
30–31 *Слов:* (впоследствии ∾ обнаружена). — *нет.*
32 у них, некоторое время / у них ◊
33 пожилой человек / пожилой, впрочем, человек
34 *После:* и по частям. — *начато:* Ламберт лишь уча⟨ствовал⟩
39–40 чтоб разузнать ∾ секреты людей / чтоб [достав], разузнав кой-какие секреты людей, [чрезвычайно высо⟨ко⟩] ◊
41 затем они являлись / они являлись ◊
41 к этим лицам / к этим людям ◊

Стр. 323.

1 совсем у них не было / совсем не было ◊
3–4 даже порядочный / даже самый порядочный ◊
5 Чтоб указать ∾ их шеф / *а. Начато:* До какой степени их шеф (который теперь уже сокращен) *б.* Чтоб увидеть, как ловко они иногда действовали ◊
7 *После:* их проделке — в Москве ◊
7 весьма честном / чрезвычайно честном ◊
10 богатым офицером / богатым человеком
10–11 поступили так / поступили преловко
11 *После:* уведомят мужа. — *начато:* Вся ловкость состояла в том, что
13–15 но вся ловкость ∾ муж / *а. Начато:* но их расчет был в том, что муж из *б.* но вся ловкость приема состояла в этом случае в том, что уведомленный муж ◊
18–19 характера ∾ обстоятельств / характера и на знание обстоятельств ◊
24 но всецело / но прямо и всецело ◊
27 неглуп и расчетлив / неглуп, хитер и расчетлив ◊
29–31 Он, например ∾ очень легко. *вписано карандашом на полях.*
31–32 Наконец, он предполагал / Он, например, предполагал ◊
32 как сам / как он ◊
33 раз вообразив / вообразив ◊
35 действительно боится / боится ◊
35–36 *После:* это выразить — *начато: а.* но, например, как он поступил со мной (забегаю вперед), когда увидел, что *б.* Всё дело было в том, что он был грубоват и
45–46 Знакомство потом разрослось / Знакомство разрослось ◊
46 «Народ здесь дрянной / «Народ дрянной ◊
47 мне сам потом / мне потом ◊

Стр. 324.

3 Всё дело оказалось / Всё дело было ◊
3–4 у него на квартире / у него в комнате ◊
4–5 Но из слов ∾ ясно / но все-таки оказалось ясно ◊
7 об этом одном / об одном почти этом ◊
8–9 между тем ∾ от самого Ламберта / Впоследствии я узнал от Ламберта, что это именно так и [было] происходило
10–11 смотрел ∾ спасителей / смотрел как на освободителей и спасителей ◊
11–12 Когда потом ∾ в постели / *а.* Соображая потом, когда выздоравливал и еще не выходил из дому *б.* Когда очнулся, я много соображал насчет того *в.* Когда потом, выздоравливая дома, я лежа соображал ◊
14 даже подозрения / и мысли ◊
14–15 то ни разу ∾ узнать! / я бы ни за что не мог [вывести] угадать, что он так много узнал.
15 О, конечно, судя / О, судя ◊
16 насказал / сказал ◊
18 рассчитывал на то / рассчитывал также на то ◊
19 не в силах был / не мог ◊

20 *После:* твердое воспоминание — [но все-таки] предчувствовал, что *о документе говорил всего более.* ◇

20–22 а между тем ∾ надеялся / Но оказалось, однако же, что я говорил и выговаривал гораздо яснее, чем потом предполагал и чем надеялся ◇

22–23 Но главное ∾ моя беда. / *а.* Оказалось же уже долго спустя, и, повторяю, про всё в точности я узнал уже, когда всё кончилось. Но так как я забегаю теперь вперед, то и объясняю всё вперед, так, как я знаю теперь. *б.* О, всё это оказалось лишь потом, и это было причиной многих бед. ◇

25 все фамилии / все интереснейшие фамилии

26 понятие о значении / понятие о социальном значении ◇

28 *После:* грожусь отмстить — (главное *ей*) ◇

29 и, наконец, четвертое / и 4-ое

33 о том, как бы / как бы ◇

34 из дому / со двора ◇

35 женится на одной / женится, и именно на одной ◇

36 и чего ему не позволяют / Ламберт слишком понял, что старику не хотели дать жениться и что Бьоринг и она этого не позволят. ◇

36–39 Одним словом ∾ верный след. / Одним словом, для него эта история была хоть и темная, но шантажный искусник все-таки попал на след. ◇

39 Когда я убежал потом от Альфонсины / Потом, когда я бежал ◇

39–40 он немедленно разыскал / *а.* он тотчас же узнал *б.* он немедля разузнал ◇

40 простым средством / *а.* простым образом *б.* простым способом ◇

41 из коих узнал / и оказалось ◇

42 существуют действительно / существуют и живут ◇

43 он прямо ∾ шагу / *а.* он принял свои меры *б.* он приступил к первому шагу ◇

45 *После:* высокую — *утрачен 1 лист автографа.*

Стр. 325.

14 Я никогда / Я никак

14–15 *После:* много раз потом — а почти что и тогда отчасти

15 эту сцену / *а.* каким образом могла у них произойти сцена первого их свидания и что именно они могли говорить. Женщины, женщины слушали меня! *б.* сцену первого их знакомства и что именно они друг другу могли сказать ◇

17 *После:* милого товарища. — «Я нашел его в снегу, в снегу! Mon ami fut brisé ⟨Мой друг был сокрушен (*франц.*)⟩, он поминал ваше имя! [Я был уже у него на квартире] Он, кажется, теперь у родственников, но там посмотрели на меня так странно... он лежит в горячке. Я решил обратиться к вам, о, простите меня, но он так часто поминал ваше имя. [Я так боюсь за него. Из лепета, из бреда его я узнал, что всему виною была обида, сделанная ему каким-то полковником Бьорингом и какой-то генеральшей... дочерью князя Сокольского. Эта обида раздавила, уничтожила его, была всему причиною. Но что всего больше пугает меня за него, это то, что он собирается мстить... Поверьте, что я беру в нем участие, но я трепещу за него. Он хочет мстить каким-то сиятельным людям. Я узнал из его прямых слов, что у него есть в кармане какой-то документ (и тут всё скажет о документе). Главное, я не знаю, к кому теперь обратиться, чтобы спасти его от какого-нибудь безумного шагу!.. [и если пришел к вам, то потому, что он так часто поминал ваше имя.] Он говорил, что он вам одной только доверяет [и беспредельно], одну лишь вас уважает, что он будет действовать для вас, в вашу пользу... и что документ этот единственно для вас, тоже в вашу пользу. Документ этот чрезвычайная тайна. Он у него... он открыл мне как старому другу.] Он, кажется, так вам предан, так вас любит! ◇

17–19 Но, уж ∾ и на то / Одним словом, Ламберт мог ей очень ясно, еще в первое свидание, намекнуть на то ◇

19 *После:* у меня «документ» — разъяснить, что такое этот документ

22 Главное, мог / Одним словом — главное
22 *После:* как можно точнее — что такое документ
23 этой бумажки / этого документа
25 о чем-нибудь в этом роде / *а.* о документе *б.* о чем-нибудь подобном ◇
28–29 да еще ∾ находка — *вписано.*
29–30 пойдут не бабьи нашептывания на ухо / не просто нашептывания на ухо княжне ◇
30 не слезные жалобы / не жалобы ◇
30–31 тут письмо / тут документ в руках
32 его дочки / его дочери ◇
33 надо спасаться ∾ бегством / спасаться надо бегством, силою
34–36 и обвенчаться ∾ сумасшедший дом / не то засадят в сумасшедший дом
37–38 А может ∾ так-таки и брякнул / Повторяю, решительно не знаю, в каком виде произошло их сближение, знаю лишь одно, что оно произошло. Впрочем, не думаю, чтоб Ламберт мог очень хитрить. Кто знает это! Может быть, так и брякнул
38 так-таки и брякнул / напротив, так и брякнул ◇
41 *После:* в тридцать тысяч». — По крайней мере со мной потом он тоже в точь так объяснялся. «Мы сдерем с нее 30 000, и поделом, а ты еще сверх того возьмешь свой *выкуп.* Ха-ха-ха!
42 О, он всех / Повторяю, он всех ◇
43 *После:* подлецами — как он, а во мне он тоже не сомневался
44 *После:* невинность подлеца... — И признаюсь, я спустил ему, я промолчал из широкости... «Черт с ним, только бы узнать его намерения». Впрочем, я слишком забегаю вперед. Я хотел только сказать: не сумела ли промолчать и спустить ему и Анна Андреевна тоже... из широкости?
45–46 даже и при таком приступе не смутилась / не смутилась даже ◇
47 и всё из / из ◇
48 а там / но ◇

Стр. 326.

2 рука в руку / рядом ◇
4–5 *После:* обстоятельствах! — Что же до Ламберта, то я ⟨имел?⟩ уверенность, что неприступность и высокость Анны Андреевны не смутили его ни минуты. Такие мерзавцы смущаются лишь в первую минуту, когда входят, но чуть вы их посадите на стул, они мигом заговорят своим языком, в высшей степени убежденные и в вашей подлости и в том, что вы не устоите перед выгодой. Затем смущаются еще раз, когда вы позовете лакея и велите их выгнать. Но в том-то и дело, что не всегда зовут лакея и не всегда велят выгонять.

— Духгак, духгак, — говорил мне потом Ламберт, — ты не знаешь [на что способны эти маркграфини, когда у нее сорок восемь бьет [и какой выкуп готовы дать], в какую трущобу готовы прибежать и чем пожертвовать], в какую трущобу способны прибежать маркграфини, когда у них сорок восемь бьет, да еще в каких чуланах дело-то происходило.
6 сделаю резюме / результат
6–43 *Рядом с текстом:* Теперь сделаю ∾ захотел того. — *на полях наброски: 1.* К *ней* он не ходил. Он ждал меня *2.* Стоял на 2-х соображениях *3.* Как оказалось, у него уже был план; но дело теперь не объяснять. И исподволь, мол, видел, вот для чего он ждал; был однажды. О, он был спокоен, он знал, что документ еще долго будет лежать у меня в кармане. Знал тогда, что я первым приду к нему. Но он стерпел. Любопытство и страх. Рассчитано на страх. Князь. Страх *4.* Я имею полные данные заключить, что она с ним была сдержанна, то он имел право не надеяться на Анну Андреевну. Оговорю заранее: она ждала меня.
7 двух точках / [точках] двух соображениях ◇
7–8 это-то ∾ знаю / это-то уж я знаю наверно
10 вдруг обвенчать ее — одним словом / обвенчать ее

11-12 ждали ∾ документа / *а. Начато:* чуть-чуть было не увенчавшийся успе⟨хом⟩ *б.* и ждали только моей помощи ◊
13 Второй проект / Второе ◊
14 генеральше Ахмаковой / ей ◊
15-16 к генеральше ∾ являлся / к ней Ламберт еще не ходил ◊
17 О, я ему ∾ а документ! / *а. Начато:* И, наконец, третье: надуть меня как мальчишку. То есть, если *б.* О, ему надо было достать от меня документ как можно скорее и во что бы ни стало ◊
17-18 Насчет ∾ два плана. / Для этого два плана. ◊
20 нравственно и физически / нравственно и почти физически ◊
21-22 Но второй ∾ в том, чтоб / *а.* и второй *б.* Но был второй план, чрезвычайно ему улыбавшийся и на который он поставил ◊
23 отнять его у меня силой / отнять его силой ◊
24 *После:* в мечтах его — венцом всех его ожиданий ◊
24 Повторяю / *а. Как в тексте б.* Главное в том, что ◊
25-26 но, как ∾ это после / но я объясню о том после ◊
28 *После:* на что решиться. — Это всё тоже объяснится впоследствии
29-30 И надо ему ∾ выдержал / А до времени он был осторожен ◊
33-35 Насчет же того ∾ он был / Насчет же документа был вполне спокоен
34 уничтожить / разорвать ◊
35 *После:* он был спокоен — он слишком был уверен в том, что бумага преспокойно пролежит в моем кармане в нерушимой тайне ◊
36 как я сам / как я ◊
36-37 не узнал про документ. / не узнал... ◊
37 к нему первому / к нему ◊
38 то и в этом он / он тоже ◊
41-42 мог знать ∾ выхода / *а. Начато:* [даже знал] получил сведения *б.* знал день и час моего выхо́да ◊
45-46 *После:* мог быть и прав — не доверяя ей

Стр. 327.

7 вот несомненный для меня факт / вот факт, и он несомненен ◊
8 состояла в том / была в том ◊
11-16 К тому же ∾ подтверждения. / Ему слишком было известно, что она уже посылала ко мне Настасью Егоровну [от Настасьи же Егоровны], и он ждал перехватить меня на дороге. [Всего важнее было, что она вполне постигла ценность документа. И действительно, трудно было и представить себе, какое он впоследствии произвел действие на тех, для кого предназначался... Но я уже слишком забегаю вперед.] ◊
17-18 к тому дню / в то время ◊
26 знал кое-что несомненно / знал кое-что ◊
27 уж мог быть / уж был ◊
29-30 много — не знал, а *предчувствовал* / много... *предчувствовал* ◊
31 *Слов:* Знания не было — *нет.*
34 *После:* даже подробности — да, да и какие это были сладкие и мучительные сны.
34 И зачем я рвался? / Зачем? ◊
35 *Слов:* вот в эту самую минуту, как я пишу — *нет.*
36-37 знал во всех подробностях, зачем я рвался к нему / во всех подробностях знал ◊
38 это поймет ∾ за фактом / это поймет... но довольно! А теперь факт за фактом ◊
41 воротилась ввечеру / воротилась раз ввечеру ◊
42 случилось нечто нестерпимое / [вышло] случилось нечто совсем неожиданное ◊
43 Я упомянул уже о ее сношениях / Я говорил про ее сношения с Васиным. ◊ *Далее наброски к части третьей: 1. (глава четвертая, главка II)* — Не по одной гордости к нам, но еще в Луге. Слушала советы. Ведь умный же был человек Васин! И вот этот умный человек вот чем кончил! Он вдруг предложил ей руку! Любил ли он ее? Да, значит, по-своему.

С негодованием — всё князю, но тот уже ревновал давно, оскорблял. Был ли в самом сердце искренен, но еще долго потом рассказывал всякие подробности, славил Васина; 2. *(глава пятая, главки I и II)* — *Анна Андреевна.* Она спросила, как я под забором. Как будто это одна причина (она угадала).

— Я знаю всё, я всё знаю. Ваш Ламберт.

— Да я, но я ожидала вас. О, мне много открыл г-н Ламберт. Он открыл мне всю преданность, на которую я даже не вправе была рассчитывать, и, признаюсь, простите, принимала чувства ваши лишь за пылкость, но с тех пор произошло, с того времени, как вы не виделись. Эта такая интрига!

— Что именно вам сообщил об моих намерениях Ламберт?

— Если вы можете что-нибудь сделать в мою пользу — сделайте. Не могу же я с Ламбертом.

Бумажка: адрес Ламберта.

— Чего именно вы от меня ожидаете?

Не говорит. Моя квартира. [Он сам. Ст⟨арый⟩ к⟨нязь⟩ о вас говорит. Говорит, что он может] Ст⟨арый⟩ к⟨нязь⟩ про вас говорит. Он сам говорит, что он, может быть, спасется к вам. (А, вот что.) Его засадить хотят. Недоверие было во мне и прежде, но теперь, когда я столько узнала.

Подросток подается и дает знать Анне Андреевне, что *она* с ним так дурно поступила. Анна Андреевна выражает сочувствие.

— Я слишком горда, чтобы входить с неизвестными людьми.

— Брат меня спасет, если отец от меня откажется.

— Настасья Егоровна очень милая женщина и пришла ко мне потому, что знал дочь.

Но... — И я предвижу от Версилова больше воли

У Анны Андреевны.

Ахмакова и Бьоринг.

— Говорят, он на вас поднял руку?

— Если б он на меня поднял руку, то не ушел бы безнаказанный, и я бы не сидел теперь перед вами не отомщенный.

— С Бьорингом вновь ладно.

— Пускай она выходит за своего Бьоринга.

Известие о *ней* и Бьоринге, и во мне всё поднялось. Однако ж я не *о том стал* думать с выхода от Анны Андреевны.

К Ламберту.

— Я не решился спросить ее насчет посещения моей квартиры — мне стало отвратительно, «должен вас разуверить».

— Я должна себя обеспечить... Мои чувства. Вы знаете, наш отец...

Анна Андреевна о Бьоринге и о *ней.* Его больное место Бьоринг. Подросток восклицает в негодовании и разожженный мщением. Конец главы: «*Новый мир!*»

[Когда Версилов при выходе хотел сказать про Ламберта, Подросток хватает руку и говорит: «Но я вам не прощу Ламберта!» (О безобразии.) «Может быть, правы и вы, я не оправдан весь, не праведник ⟨?⟩ но — между нами ров, который никогда не исчезнет».

Версилов. Ни слова, ни слова, не говори ни слова; оставь меня. Ну да, ты, наверное, правее всех.] *Рядом с зачеркнутым текстом на полях:* ИНАЧЕ:

Подросток тут тоже о Версилове. Но виновата *ОНА,* а не *ОН,* ее интриги. Тут не любовь: «Я несколько создал себе представление об этом чувстве, Анна Андреевна. Тут обида, обида Версилову, может быть и взаимная, а не что другое».

Анна Андреевна. Он бы, кажется, не ребенок (иронически).

Подросток. Да, но он человек. ОН шел с какою-то целью, у него, наверное, есть какая-то тайная цель, и *она* всему помешала. Я не знаю, что тут было, но в их встрече было что-то роковое. Может быть, я когда-нибудь и узнаю, хотя ОН и замкнут, но... теперь я хочу всё бросить и, может быть, не отомщу, слышите: может быть, *не* отомщу. *Не, не,*

слышите, Анна Андреевна, *не*. Я, как честный человек, должен был вас предупредить в этом. Вы чего-то от меня ожидаете? Ведь ожидаете, да, да?

— Да, ожидаю. Я ожидаю, что вы за меня заступитесь (покраснела очень и потупилась).

— Ну так лучше не ожидайте, потому что, *может быть*, ничего не будет! *Рядом на полях:* Вам, такой девушке, нельзя было связаться с мерзавцем Ламбертом.

— Как мне понимать ваши слова?

— Я уйду от всех, и баста, а документ разорву, прощайте! — с негодованием ответил Анне Андреевне и, не глядя на нее, я вышел. Так вот тут бы и разорвать и воротиться домой. Но я пошел в Итальянскую улицу. Как же случилось, что я пошел к Ламберту?

Сердце билось, на лестнице у Ламберта. «Это плотоядность! — подумал я. — Это подлость. Я ведь еще могу уйти.

Ну, поехал, значит ⟨*нрзб.*⟩ Значит, я вторгнулся. Значит, я не свободен. Свободен я или не свободен?» Обед у Ламберта: «Что ты любишь, заказывай!» Конец главы на лестнице: «Это плотоядность». *2 шантажника.* «Этого брат мой не допустит».

«Я слышал, что вы были у меня и вместе с братом?» Как бы не слыхала, перебивает. «На что вам моя квартира?»

Этого старика. Мои чувства. Я ничего не хочу. «Знайте, они хотят объявить ему сумасшедшим. На это я имею самые твердые документы».

Анна Андреевна и Настасья Егоровна, взаимные отношения; действительно НОВАЯ ДОЧЬ.

В конец 2-й главки: Версилов и я... к тем мерзавцам. Я не хочу ваших тайн, уйду, все мне дороги — выписка из забракованного.

В темноте, скороговоркой, схватившись за руки: «Я боюсь ваших тайн. Мы, кажется, друг от друга никуда не спрячемся».

На лестнице у Ламберта вдруг в первый раз вопрос: «*Чего же я хочу?*» И я должен был сознаться, что совершенно не знаю, чего хочу, но что ужасно хочу, значит, *знаю, чего хочу. Рядом на полях наброски:* Dolgorowky, Wallonieff. Le grand dadais ⟨*нрзб.*⟩ Ne m'approchez pas tous les deux. Je vous flanquer tous les deux. Vous n'avez pas des rouble d'argent? У вас рубль есть, дайте, пожалуйста.

Князь: «Я вас звал». — «Лиза ничего не передала мне».

Опачкаюсь я или не опачкаюсь, и как-то весело было. Предположение, месть и судороги.

Анна Андреевна. Ему только к вам, в вашу квартиру остается спастись. («А, вот для чего все у меня перебывали», — подумал я.)

Я не могу указать. Отец мой до тех пор, как Бьоринг. Ничто не разорвано у нее с Бьорингом («Я покраснел, и она это видела, — думал я, — у нее цель раздразнить меня»).

О том, что Альфонсинка ездила к Князю. «Я таки заставил его говорить», — думал я.

Мама именинница, мать и Версилов, с самого полковника Р. всё вскидывалось. Шептались с Татьяной. Я понимал наконец.

Ламберту: «Э, врешь, я ведь не влюблен». *Далее листы автографа утрачены.*

Стр. 338.

42 лишь только / лишь только что◇

43 поспешно вышла / выбежала

45 *После:* и быстро покраснела — *а.* глаза ее загорелись *б. Начато:* Лицо ее и взгляд выразили сильное и глубокое чувство, свидетельствующее *в.* Казалось, она проникнулась сильным и глубоким чувством [свидетельствовавшим, что она много и с участием обо мне думала] при взгляде на меня. ◇

45 *После:* провела она меня — *а. начато:* к себе и посадила подле себя, за шитье не *б.* в другую комнату

Стр. 339.

1 к своему рукоделью / *а.* к шитью *б.* к своему рукоделью, без которого я никогда не встречал ее. ◊

1 *Слов:* меня посадила подле — *нет.*

4–6 Вы ко мне ∾ приятно. / Вы меня приглашали прийти, — проговорил я, несколько тяготясь этим уж слишком сильным участием, хотя мне было и приятно.

5 эффектным участием / сильным участием ◊

9 выстрадать / вынести

9–10 нашли уже без чувств / нашли без чувств ◊

15 *После:* как это было — *начато:* покраснела

15–16 рассказал мне всё об той ночи / ту ночь ◊

16 упоминали уже / упоминали ◊

19 *После:* с вашей стороны. — Он мне много открыл, но я ждала вас

20 вы были / вы тогда были ◊

20 *После:* были сами! — Я всё ждала вас. ◊

23 насказал / говорил

25 Я всегда, всегда / Я всегда ◊

26 осмелился / в тот день осмелился

30 ненаказанный / безнаказный

31 ответил я / проговорил я ◊

33 раздразнить ∾ против кого-то / раздразнить и возбудить против Катерины Николаевны.

39–40 подхватила ∾ сочувствия. / подхватила тут с восторгом сочувствия Анна Андреевна. «Осторожно», — подумал я.

43 покраснев и потупившись / покраснев и [на минуту] на мгновение потупившись ◊

43–44 в то самое ∾ виделись / с того самого утра мы с вами не виделись, но в тот же день ◊

45–47 разобрать так, как ∾ сердцем. / *Начато:* разобрать так, как понял человек с вашим [сердцем] молодым, свежим, еще не зараженным

47 *После:* свежим сердцем. — *начато:* О, когда М-г Ламберт заявил мне, что

Стр. 339—340.

47–1 Будьте уверены ∾ благодарностью. / *Начато:* Будьте уверены, друг мой, что я способна оценить вашу преданность и отплатить вам искреннею истиною

Стр. 340.

2–3 с своей гнусной точки зрения / с своей точки ◊

2–4 Но если б даже ∾ осудить меня? / *Начато:* Но если б даже выгода, то кто судит меня.

4 Я оставлена / Не я ли оставлена

4–6 мы, Версиловы ∾ из милости / *Начато:* Не я ли оставлена отцом с детства? Мы проходимцы.

6 я ем чужой хлеб / я ем мой хлеб ◊

6–7 Не естественно ли ∾ заменял мне отца — *рядом на полях набросок:* Но тут искреннее участие к старику. Известно, его хотят сделать сумасшедшим (на квартиру).

11 самая мрачная интрига / самая мрачная подколодная интрига ◊

11 доверчивого / *а.* бедного, доверчивого *б.* против князя, Николая Ивановича, доверчивого

13 даже репутацию / даже самую мою репутацию

14–15 *После:* быть его сторожем, сиделкой — ухаживать за ним днем и ночью ◊

Стр. 340—341.

17–28 *Рядом с текстом:* Она говорила ∾ в его пользу — *наброски на полях:* Я потому к вам, что меня так уверил Ламберт. Кто мог даже в ту ночь, замерзая, вспоминать про меня и говорить мое имя, тот, я понадеялась,

предан мне. Я не виновна, что должна жадно смотреть кругом и искать друзей, Аркадий Макарович! — Она вопросительно глядела на меня.

Я не в силах был сказать, что вас обманул Ламберт, и молчанием подтвердил и что я вовсе не говорил в словах, чтоб только говорило об моей такой особой преданности. Что Ламберт говорил так лишь для благовидного предлога начать с ней сношения. Впрочем... может быть, она и сама не верила ничему, а говорила, зная, что я *не* откажусь из самолюбия и по молодости.

— Я ждала вас, я не могу с неизвестными людьми. Меня спасет брат. Он был на квартире. Что князь Николай Иванович, и тогда вы можете сделать что-нибудь для него, а не для меня. Я оставлена отцом самым позорным и коварным образом.

— Андрей Петрович?

— Андрей Петрович.

— Я обязана хитрить с ними, что мне нестерпимо. Я унижаюсь до интриги.

Стр. 340.

20–21 *Слов:* (хоть и искренно ∾ и искренно) — *нет.*

24 соглашаться с нею во всем / соглашаться с нею ◇

27 *Слов:* особенно если великодушен — *нет.*

32–33 не разберешь ∾ женщина / не разберешь, да вдобавок если этот человек — женщина. ◇

36 Как? ∾ Макарович? / Как? — [вскричала она] произнесла она [с видимым замешательством]. Что значит ваш вопрос, Аркадий Макарович? ◇

43 с неизвестными лицами, как господин Ламберт / с неизвестными лицами. ◇

46 а это мне / что мне ◇

47 как спасителя / как спасителя от всего этого. [Тот, кто мог]. ◇

Стр. 341.

2 почти замерзая / замерзая ◇

2 обо мне / про меня ◇

3–4 Так думала ∾ и надеялась. / Так я думала, так всё время надеялась. ◇

5–6 И вот ∾ разуверить ее / что до меня, у меня недостало духу ее разуверить ◇

8–9 *После:* только ее имя». — «Так вот чем Ламберт сумел к ней подъехать», — подумалось мне. ◇

13 если же ∾ в глаза / если же говорила мне ◇

16 по моей молодости / по молодости ◇

20 *Слов:* видя, что я не хочу ответить — *нет.*

22 пробормотал я в смущении / заметил я ◇

25–27 то есть ∾ хоть другом!.. / Тем более, что он так вспоминает об вас! ◇

29 *После:* смелость — если только правда то, что я слышала. ◇

30–31 для несчастного старика / для несчастного ◇

31 любил вас искренно / любил вас ◇

34–35 коварную, такую злобную / коварную и злобную ◇

38–39 ответил мне тогда честным словом / ответил мне, дал честное слово ◇

41 а между тем оказалось / но вдруг оказалось ◇

42 о каком-нибудь господине Бьоринге / о каком-нибудь ее намерении выйти замуж

43 когда и я / что и я ◇

45 он уже мог бы быть / он уже может быть ◇

Стр. 341—342.

47–48 *Рядом с текстом:* Какого господина? ∾ подумал я с негодованием. — *наброски:* Какой вы милый! — сказал я ему. Не целуйте меня. Поцеловав руку. Doboiny. Я нужен в действительности; на правом — кулак. «Лавка древностей» и «Пиквик».

Le petit vilain. Он хочет говорить, как большинство русских дам по-французски, ну, где-нибудь на водах — он большой юморист. Юморист стучал в окно. Он искренно представляет в мрачном виде (vilain — растягивает слова). Про юмориста.

Я должен бы был всходить к Ламберту, замирая от негодования, — так теперь сужу, но лишь захлебывался от неизвестности и от ощущения риска.

В переулке у Летнего сада.

Но передо мной был лишь Бьоринг. О, я не знал, что до такой степени. Даже с удивлением заметил мое чувство.

Avez-vous vendu votre ... bologne? Qu'est que ça votre bologne? Qui est si petite comme ça, et qui a des cheveux. C'est quelque cochonnerie.

Il parle français comme une dame russe aux eaux minérales. Qu'est ce que, c'est qu'une dame russe aux eaux minérales; il m'embête celui-là.

Стр. 342.

1–3 Кто же вам ∾ насмешливо. / Кто же вам это сказал? — язвительно улыбнулась Анна Андреевна. Никогда не был он в такой силе [и на днях мы услышим [нечто] что-нибудь [окончательное] ... очень интересное]. ◊

9 знать ∾ не касается. / знать обо всех этих тайнах что-нибудь верное.

10–11 возжечь мое негодование / возжечь мое негодование этой женщиной.

14 могут оказаться / могут быть.

15 *После:* напрасными... — Ведь вы ожидаете от меня чего-то, да? ◊

16–19 Я ожидаю ∾ заплакала. / Ожидаю, — твердо поглядела она на меня. Я ожидаю, что вы за меня заступитесь [еще тверже прибавила она, с особенно настойчивым ударением], за меня, всеми оставленную, за вашу сестру, если хотите того, Аркадий Макарович. ◊

21–22 пролепетал ∾ чувством / оборвал я почти с ненавистью ◊

23–24 проговорила ∾ опасливо / пробормотала она ◊

25–26 *Слов:* вдруг воскликнул я почти в ярости — *нет.*

26 *После:* Прощайте! — проговорил я с чрезвычайною решимостью, но в то же время [в чрезвычайном смущении, даже до того, что не посмел] и не смея почему-то взглянуть на нее. ◊

31–32 не сказала / не проговорила ◊

32 а только отдала / отдала ◊

32 и убежала назад / повернулась и убежала ◊

33 Я развернул листок: на нем / я развернул, [в нем] на листочке ◊

34 а заготовлен был, очевидно / бумажка, очевидно, заготовлена была ◊

34–35 Я вдруг вспомнил / Меня это удивило, и вдруг я вспомнил ◊

37–38 Но адрес ∾ я уже знал / Адрес же Ламберта я [уже знал еще с третьего дня] знал уже несколько дней ◊

38–39 нарочно попросил / втайне от всех наших попросил ◊

41–42 несмотря ∾ к Ламберту. / после тех окончательных слов, которые были уже между нами высказаны. «Решительно они все до единого принимают меня за мальчишку без воли и без характера, с которым всё можно сделать!» — подумал я с негодованием. ◊

43 ясно стало / Ясно было

43–45 и от кого же ∾ сговариваться? / и, уж конечно, от Ламберта. ◊

Стр. 343.

2–3 Тем не менее ∾ любопытством? / Не поддамся, — подумал я и, однако ж, прямо пошел к Ламберту. ◊

4 в Косом переулке, у / в —м переулке близ

6 *После:* и расстояния.—Впрочем, крыльцо и лестницу я узнал. Я должен бы был всходить по этой лестнице, замирая от негодования на самого себя, на то, что иду к нему, на то, что вхожу к нему, — так теперь по крайней мере сужу. Но ничего этого [однако же] тогда не [было] случилось,

а я [только] лишь захлебывался от чувства неизвестности или риска: «Ну-тка, брат, посмотрим, ну-тка померимся». Был цинизм, противный сердцу, был и страх [а в то же время и было весело]; но в целом — чувство почти веселости.
9 *Слов:* еще подымаясь по лестнице — *нет.*
9 *После:* молодых людей — *начато:* которые, стало быть
10 когда отворят / пока отворят
10 *После:* когда отворят — *начато:* а пока оба [чем-то] оборотились ко мне и
11 подымался / подымался по лестнице ◊
12 *После:* меня рассматривали. — «Ламберт живет в номерах, — мелькнуло у меня в голове, — стало быть, они могли прийти к другому лицу».
12 конечно / может быть
14–15 Стараясь ∾ к звонку. / Подойдя к дверям и не [смотря] глядя на них, я протянул руку к колокольчику.
20 *После:* Я остановился — и глядел на них.
21 двадцати или двадцати двух / 22, 23 лет. ◊
22 старался вникнуть / [смотрел] глядел на них ◊
23 *После:* был малый — лет двадцати пяти
24 но очень / хотя очень ◊
27–28 не в меру пристально / странно пристально и недовольно ◊
28 совсем даже ненужной / как бы ненужной ◊
31 почти мужицких / заплатанных ◊
35 по легкой ильковой / по легкой и красивой ильковой ◊
36 на тоненьких его пальчиках / *а.* на тонких [изящных] красивых руках *б.* на тоненьких пальчиках ◊
37–38 *После:* и молоденьком личике — лет двадцати двух.
39–40 совершенно истрепавшуюся / длинную и совершенно истрепавшуюся ◊
40 *Слов:* или почти уж тесемку — *нет.*
41 вынув из кармана / вынув из бокового кармана ◊
41 *После:* кармана — *начато:* бумажку, развернул
41 черный / щегольской
42 повязывал / начал повязывать
42–43 длинному парню / длинного парня ◊
43 и с ужасно серьезным лицом / хотя и с [нахмуренным] [усиленно серьезным лицом] каким-то усиленно серьезным выражением лица ◊
44 спустив шинель с плеч / а шинель спустил с плеч ◊
46 надевавший / миловидный

Стр. 344.

4 галстух / галстучек ◊
5 сейчас купил / купил ◊
6 пробормотал длинный / спросил вдруг длинный ◊
7 Да, тот / Да, тот самый
9 *После:* длинный — обращаясь ко мне. ◊
14 *После:* ошибочно — оба засмеялись.
16 почти с угрозой / точно с угрозою ◊
16 Товарищ его / Молодой мальчик
28–30 только, видишь ∾ Долгорукий? / должно быть, перековеркано. Ведь вы г-н Долгорукий? ◊
31 *После:* почему знаете? — покраснел я. ◊
38 заключил длинный / mon cher monsieur ⟨дорогой сударь *(франц.)*⟩, — продолжал длинный
40 мне мальчик / мне молодой мальчик ◊

Стр. 345.

1 пояснил / проговорил
2–3 ах, какой ты ∾ дураком ⌊ или на водах, я был в прошлый год летом, ах, это пресмешно ◊

6 повернувшись к дверям / оборотясь к дверям ◇
6 совершенно неподвижным и серьезным / совершенно прежним, неподвижным ◇
7 принялся колотить / начал колотить ◇
8 и, главное / но ◇
9–10 *Слов:* с беспокойством заметил мальчик — *нет.*
11 колотить сапогом / колотить ◇
12–13 пз-за дверей ∾ отпер / и он быстро отворил ◇
20 Аркадий / Аркашка ◇
22 Он схватил меня за руки / Он [бросился ко мне], схватил [меня за руки] мои руки ◇
24 и я даже полюбил его / *а.* Скверные подозрения падали, я видел [искреннего] доброго, старого товарища. *б.* и я вдруг даже полюбил Ламберта, зная, что он подлец. ◇
25 *После:* К тебе первому! — [сказал] крикнул я ◇
26 закричал Ламберт / крикнул он ◇
27 выпрыгнула / выскочила ◇
28 *После:* Le voilà! — вскричал Ламберт.
29 воскликнула Альфонсина / крикнула она
33 сговорились / уговорились ◇
34 у татар / у Дюссо ◇
34 поезжай с нами / поезжай, брат, с нами
35 наболтаемся / вдвоем наболтаемся ◇
38 вошел и стал посреди той / вошел к нему и стал в той
40–41 *Слов:* несмотря на слова Ламберта — *нет.*

Стр. 346.

1–2 промычал / *а.* спросил *б.* сказал ◇
9–10 как бы ∾ запачкаться / как бы действительно боясь запачкаться ◇
11 и оказался / и впрямь оказался ◇
12–13 длинному другу / длинному приятелю ◇
14 Та чуть не кинулась / Альфонсина чуть было не бросилась ◇
14–15 при таком / при подобном ◇
15 вслушавшись, крикнул / крикнул ◇
19–20 перед ней шею, пока та повязывала / и ей шею ◇
22 спросил он / спросил le grand dadais
31 опять нет / уже нет ◇
31 отозвался / крикнул ◇
32 из-за ширм / из-за перегородки ◇
33 промычал / *а.* проговорил *б.* пробурчал ◇

Стр. 346—348.

34–1 *Рядом с текстом:* Я их продал ∾ так серьезно — *на полях наброски:* Но по крайней мере во всю дорогу ни о чем меня не расспрашивал. Эти все страшная дрянь, ты не поверишь, какая дрянь. Этот высокий, юнкер, выгнан, а второй — князь. Эти стихи, как польку, — он танцует. Он их семьдесят раз сказал, и я дал денег. И он силен как Еркулес.

Юнкер. Представь себе, он образованный человек, и у него есть идеи, и он много знает.

— Помнишь, ехали? Посиди, скрепись там, пожалуйста, за обедом. Ты что любишь кушать? Я плачу. Это хитрый каналья. Не отвечай ему, если он заговорит, или ответь вздор. Это хитрый каналья и подлец.

— Они знают мое имя, ты им обо мне говорил?

— Имел глупость, потом всё расскажу.

Стр. 346.

36 только шестнадцать рублей / шестнадцать рублей ◇
36 ответил / заметил
37 оправдываясь / как бы оправдываясь ◇

Стр. 347.

1–2 еще раздражительнее продолжал / серьезно проговорил ◇
3 и даю прекрасные вещи / и прекрасные вещи ◇
8 достаточно дал ∾ шампанского / достаточно давал, а он тотчас [на шампанском пропьет] устриц и шампанского ◇
9 он неряха / а сам неряха ◇
10 повезу / теперь повезу ◇
11–12 *После:* un rouble d'argent — de papier jaune ⟨желтой бумажкой *(франц.)*⟩ ◇
13 Не давай им / Не давай, не давай им ◇
13 опять крикнул / крикнул ◇
19 куплю Андрееву / куплю Михайлову ◇
19 *Слов:* вот сами увидите — *нет.*
20 вышел из-за ширм / вышел ◇
24–34 Петя, ехать ∾ воротился. / А теперь на извозчика, Петя! за мной, остальные семь рублей после обеда.

Чудный край, через Алтай
Бросив локоть на Китай,
Темя вспр-р-рыснув океаном...

— Не сметь, не сметь! — завопил Ламберт.

— В Балте ребра, пять к Балканам
Мощный тянется Гигант! —

докончил длинный уже на лестнице.

Ламберт даже было погнался за ним. Дело в том, что длинный прочел эти стихи, как бы танцуя польку, и шел притопывая и припрыгивая. Ламберт, впрочем, остановился и не погнался. ◇

36 Пойдем, Аркадий! Я опоздал. / Пойдем, Аркадий, скорее, и, кажется, я опоздал.
38–39 *После:* окончательно опомнился. — Извини, Аркадий, заметил он, пойдем.
39 Я рад / Ну как я рад, как я рад
40 ни шагу из дому / без меня ни шагу
42–43 *После:* во весь путь — недлинный, впрочем ◇

Стр. 348.

3 трусит перед ними / трусил их ◇
6 и сам трусил / еще трусил ◇
7–9 Я тебе говорю ∾ обществе. / Это Пушкина стихи? — спросил он меня яростно, вот этот локоть... ребро, горне?

— Нет, не Пушкина, не знаю чьи, только не Пушкина.

— Э, всё равно! К черту!.. Это подлые стихи. Это всё ужасная дрянь, ты не поверишь, какая дрянь. Веришь, этот высокий мерзавец мучал меня дня три тому в хорошем обществе. Стоит передо мной, руку в бок и говорит эти стихи, не смеясь, и раз семьдесят говорил стихи и притопывает. ◇

11 можешь представить / не отстает весь вечер
11–12 это — мерзавцы / это — страшная дрянь.
13 воспитание / прекрасное воспитание
13–14 в хорошем доме / в знатном доме
15 *После:* он силен, как Еркул (Hercule). — Этот старший, высокий, le dadais
16–17 одной госпоже, старой знатной барыне / одной барыне ◇
17–18 хочет убить себя от совести / убить себя хочет ◇
18 сел и засвистал / и засвистал ◇
19 один генеральский сын / князек московский бедненький
19 *После:* генеральский сын — князь, т. е. в прошлом настоящий князь. настоящий ◇
21 *После:* в шею, в шею! — Этот князек, ты видел, Альфонсина не может глядеть на него и запрещает ему подходить... и гнушается ◇

22 *После:* обо мне говорил? — спросил я. ◇
23 *После:* Имел глупость. — Потом расскажу всё. Ну как я рад, как я рад, что тебя вижу. ◇
25 ужасно хитер / очень хитер ◇
25–26 здесь все ∾ человека! / Все канальи! Продажные канальи! Продадут! ◇
26 Ну да мы / Но мы ◇
26 и тогда / и тогда я с тобой ◇
28 Это хорошо, что ты хорошо одет. / Ты щегольски одет. ◇
29 Представь, я их здесь / Я их здесь ◇
31 это во второй раз. / э, черт! ◇
31–34 Этот маленький ∾ «Хочу бекасов». / Вдруг этот маленький: «Хочу бекасов». Это в ресторане, при людях. ◇
34 Только я отомщу. / Черт с ним, дури! ◇
35–36 как мы ∾ вилкой пырнул / как мы с тобой ехали в трактир, где ты меня вилкой пырнул ◇
38 Ты этому верь. / Ты верь. ◇
38 *После:* верь. — Э, черт, только бы этот обед, а там мы одни с тобой.
43 он / Ламберт
44–45 Мне стало ∾ во мне / Я заключил еще, что он почему-то *ужасно* уверен во мне ◇
45 *После*: во мне недоверчивости — *наброски внизу страницы*: В этом ресторане во дворе я прежде во время моего кутежа бывал.

С плоским лицом — он говорил совсем о другом. Le dadais действительно был грязен.
45–46 мне казалось, что в нем / У него даже ◇
47 «И к тому же он / [«И, кроме того] он ◇

Стр. 349.

2 бывал / бывал иногда ◇
8 темное предчувствие / темное ожидание ◇
8–9 какие-то гадости / какие-то дурные дела
10 Было мгновение / Даже было мгновение ◇
10 едва / чуть было
10 не ушел / пе ушел от них ◇
11 *После:* это прошло — и к тому же, несмотря на страх и отвращение, было как-то весело, как-то странно весело сердцу. Были риск и надменность. «А ну-тка, ну-тка, посмотрим, чья возьмет. Ну-тка, победи-ка меня, теперь...»
11 и я остался / и я уселся с этими господами как ни в чем ни бывало.
12 почему-то / по-видимому
12–13 уже ждал нас / уже сидел в ресторане и ждал нас, когда мы приехали
14 чуть ли не с моего детства / чуть не с первого моего детства ◇
15 лет сорока пяти / Он был лет сорока пяти
15 с проседью / с проседью в темных волосах
17 в виде двух колбасок / в виде двух маленьких колбасок
17–18 чрезвычайно плоского и злого лица. / *а.* какого-то плоского и действительно рябого лица. Нос его был востренький, большой, и всё лицо выходило как бы острием вперед. *б.* чрезвычайно какого-то плоского и злого лица. ◇
20 оглядел меня / окинул меня
20 очень внимательно / *а.* чрезвычайно внимательным взглядом *б.* чрезвычайно внимательно ◇
21–22 *Слов:* сажая нас за одним столом — *нет.*
22 перезнакомить / познакомить ◇
22 и, стало быть, тот / и он ◇
23 Ламберта / его ◇
24–25 одновременно с нами / вместе с нами
25 не сказал ничего / не проговорил [почти] ничего ◇
25–26 но видно было / хотя видно было

26 знал их коротко / они все знали друг друга коротко
26–29 Говорил он ∾ ультиматными словами. / *а. Начато:* Затем почти во весь обед он говорил только с Ламбертом о каких-то делах сначала вполголоса, но отрывочными словами, а потом под конец почти шепотом. Да и с Ламбертом говорил не так много. Он видимо был *б.* Он шептался во весь обед с Ламбертом, не знаю о чем, о какой-нибудь гадости, может быть о преступлении, какими-то отрывочными, сердитыми, ультимативными словами. Я заключил, что он чем-то недоволен и что у них идет на разрыв. С Ламбертом держал себя свысока и был саркастичен, видимо склонял его на какое-то предприятие. ◇
29–32 Он держал ∾ предприятие. / *а.* Ламберт был в большом волнении, беспрерывно говорил. Рябой на его слова только свысока улыбался или злобно, но спокойно, лишь изредка возражал ему. Ламберт видимо был под его влиянием, и хоть я не знаю, в чем у них было дело, но, очевидно, оба друг друга в чем-то обманывали. Впрочем, за обедом он раза два со мной заговаривал. *б.* Ламберт, напротив, был в большом волнении, беспрерывно говорил и видимо уговаривал его, склоняя на какое-то предприятие. Конечно, на какую-нибудь гадость, может быть и преступление. Хоть я не знаю, в чем у них состояло дело, но, уж конечно, оба друг друга обманывали. ◇
34 не сказав со мною слова / не проговорив со мной ни слова ◇
36 Тут я вдруг догадался / *а.* и вдруг [мне показалось] я догадался в ту самую минуту ◇
37 и, может быть, то / и то ◇
38–41 Мысль, что он ∾ и засмеялся. / В лице Ламберта выразилось сильнейшее и наивно-глупое беспокойство, чуть только тот оборотился ко мне за хересом. [Мне стало ужасно досадно, и я покраснел.] Рябой это заметил и засмеялся. Но уже не обращался ко мне с тех пор ни разу. ◇
42 «Решительно ∾ зависит» / Одним словом, он видимо был сильнее Ламберта, и видно было, что тот от него зависит
42–43 подумал я ∾ от всей души / подумал я, свысока на него посмотрев ◇
44 *После:* за одним столом — (у окна) ◇
46 Андреевым / *а.* dadais *б.* Михайловым ◇
46 Тришатов / [графчик] Тришатов, друг его. Мы ели молча и даже, кажется ◇

Стр. 349—350.

47–1 торопя слугу подавать / приказывая слуге подавать
47–1 *После:* слугу подавать. — [Комната была довольно большая] В этой же зале, кроме нас, обедали еще на четырех столах гвардейские офицеры и какие-то [очень важного и богатого вида] господа; ресторан этот модный.

Стр. 350.

1 подали / принесли ◇
1 он вдруг / Ламберт вдруг ◇
3 За твое здоровье / [Пью] За твое здоровье, [друг] Аркадий ◇
4 свой разговор / разговор ◇
4 *После:* разговор с рябым. — Я чокнулся, и мы выпили. ◇
6 Тришатов / графчик
6 До шампанского / Он всё время обеда
9–10 Мы чокнулись и выпили. / *а.* Он мне нравился, и мы выпили. *б.* Он всё больше и больше почему-то мне нравился. Мы выпили. *в.* протянув ему бокал. Мы выпили.
11 обернулся ко мне / сказал мне
12 *После:* вдруг dadais — мрачно и важно смотря пред собою, — единственно с той целью, чтобы вы [не пили третьего бокала] больше уже ничего здесь не пили.
12 не потому, что желаю вашей смерти / не потому, чтобы вы умерли ◇

13–14 проговорил это мрачно и веско / проговорил это мрачно и важно ◇ *Далее:* *а.* но в лице его было что-то неотразимо комическое. Он говорил громко и раздельно. *б.* Мне показалось, что он хотел в чем-то предупредить меня.
15 и трех / и двух
15 Вы, я вижу, смотрите / Вы смотрите ◇
16 продолжал он / проговорил он мне
17 и так немытым / но так, как он есть
18 чужих голов / голов ◇
20–21 Кроме нас ∾ в этой комнате / В этой зале кроме нас обедали ◇
22 разные осанистого вида господа / какие-то господа ◇
22–23 Все на мгновение / *а.* В комнате на мгновение все *б.* Кто был в зале на мгновение ◇
24 некоторое любопытство / любопытство ◇
25 покраснел / покраснел от злости
26–27 Николай Семенович / Петр Семенович ◇
28 Андрееву / Михайлову ◇
28 Тот оглядел его/[Dadais] Тот повернулся [к нему] и [поглядел на него], оглядел его ◇
28 медленным / важным
30 *После:* много вина — *а.* Слышите *б.* проговорил он Ламберту
31 прислушивался молча / слушал и высматривал молча ◇
32–33 выходка ∾ понравилась. / выходка [Dadais] Михайлова понравилась, и он опять усмехнулся. С Ламбертом у него, очевидно, шло на разрыв. ◇
35 Это он, чтоб только получить деньги! / Et encore ⟨*И еще (франц.)*⟩, — проговорил Dadais так же важно и мрачно, но очень громким голосом и глупо ломая французские фразы на свой лад. — Et encore, если вы не дадите семь рублей, я здесь же выражу об mon nouvel ami ⟨моем новом друге *(франц.)*⟩ Dolgorowky мой полный взгляд et de la plus grosse voix ⟨и самым громким голосом *(франц.)*⟩.
35–37 Вы получите ∾ не срамите / *а.* Вы получите на месте, не срамите, дайте дообедать. *б.* Вы получите еще семь рублей, слышите, после обеда, не срамите, дайте дообедать. ◇
38–39 Это уже ∾ захихикал / Рябой [звонко, язвительно рассмеялся] был видимо в восхищении ◇
41 своему другу / ему ◇
42 сдержать его / удержать его ◇
43–44 обедали ∾ разговаривали / сидели два господина, обедали и довольно оживленно разговаривали
44–45 Оба были ∾ вида / Оба были очень [приличного вида] барского и, так сказать, щекотливого вида ◇
45 господа / осанистые господа ◇
46 тоже очень толстый, но маленький / [толстый] маленький и тоже толстый [оба поляки] ◇
46 *После:* Говорили они по-польски — и заговорили наконец
48 и прислушивался / и к ним прислушивался
48 Маленький поляк / Толстый маленький поляк ◇

Стр. 351.

1–2 он тотчас возненавидел его / может быть, он возненавидел его за это ◇
2 *После:* печеночных людей — не принятых в обществе ◇
4 маленький поляк / маленький и толстый поляк ◇
5 по привычке / по смешной привычке
8–9 Он повернулся ∾ произнес / Он [вдруг] молча поднялся из-за стола, молча, не торопясь, шагнул к полякам, стал в упор перед ихним столом, и, важно выпрямившись, серьезно, не раздельно, но чрезвычайно громко [произнес, почти воскликнул: «Ма́дье де Мо́нжо?»] вдруг произнес ◇
15–16 точно так же ∾ Dolgorowky? / точно так же, как давеча, [свирепо] повторял мне у двери, наступая на меня с вопросом: Dolgorowky? ◇

17–29 Ламберт вскочил ∾ за ними / Наке и Ма́дье де Мо́нжо, — прокричал он в третий раз, усиленно и грозно, прямо в упор смотря в лицо побагровевшего поляка. [Как вы смеете? Ваше имя? — крикнул ему маленький поляк.] Кто вы такой? — закричали оба поляка. — Je suis le citoyen de la butte aux cailles! ⟨Я гражданин перепелиного холма *(франц.)*⟩ — проговорил им dadais, даже [не намеренный уходить за Ламбертом, твердо смотря на него] не шевельнувшись.

— Кто такой citoyen de la butte aux cailles на свете?

— Это такое место butte aux cailles, a citoyen de la butte aux cailles — это тот человек, который не снимает штанов 15 лет, а рубашек никогда не носит.

— Это чушь! — презрительно произнес маленький поляк в нашу сторону. — Скоро нельзя будет здесь обедать!

В зале многие смеялись. Ламберт стал извиняться в униженном виде. Те выслушали презрительно, кликнули лакея и стали торопиться. В зале произошло смятение. Одни смеялись на это обстоятельство. Ламберт выскочил из-за стола, схватил его за руку [и стал отдергивать dadais. Но того трудно было сдернуть с места], стараясь оттащить dadais из залы.

— Семь рублей! — крикнул dadais, упираясь.

— Хорошо, хорошо, но выходите, пойдемте, — бормотал Ламберт, увлекая его. Тришатов хотел было тоже бежать за выводимым из-за стола своим другом.

31 как скверно / как это скверно ◇

33–34 прошептал ∾ рябой / проговорил с разозлившимся видом рябой ◇

34 Между тем Ламберт / Ламберт ◇

34–35 почти совсем бледный / очень бледный ◇

35 *После:* бледный — *а.* и видя, что поляки уже не обращают внимания, прошел к своему месту *б.* и стал извиняться перед поляками по-французски

36 Тот / Рябой ◇

37 ему, видимо, хотелось поскорее уйти / ему хотелось уйти, дело у них [с Ламбертом, очевидно, не сладилось], как видно было, окончательно не сладилось ◇

37–38 *Фразы:* И однако ∾ школьничеством. — *нет.*

38–39 Тришатов ∾ со мною рядом / [Мальчик] Графчик с чашкой кофею подсел ко мне ◇

40 начал он мне / *а.* сказал он мне вдруг *б.* проговорил он и ◇

41 как будто всегда со мной об этом говорил / как будто говорил с своим родным братом ◇

43–44 в тот год, как служил / в год своей службы ◇

44 теперь мучается / мучается ◇

Стр. 351—352.

48–1 не снимая / так и не снимая

Стр. 352.

1 по месяцу / хоть месяц ◇

2 *После:* Но поверьте — что мы оба хотим быть честными

2–4 *Текста:* И знаете ∾ вчера говорил. — *нет.*

4 он иногда / что он иногда ◇

6–7 как никто ∾ еще жальче... / он начинает реветь, ужасно ревет, и это, знаете, еще даже потому, что я уже вижу, что он не притворяется. ◇

8 так совсем заревет / так [ревет] в голос плачет ◇

19–25 О, мы искренно ∾ чем необходимые. / Я не могу жить без денег. ◇

28 Я серьезно / Ведь я серьезно ◇

28–44 *Рядом с текстом:* Я серьезно ∾ отчаяние — *на полях наброски:* Я люблю тему Фауста. Тему дьявола. Маргариту подымают. Сестра, собор. Сестра у собора, будто всегда чиста. Я опьянел. Ohé, Lambert, это нестерпимо. Чудный край, через Ал⟨тай⟩. 25 рублей иметь или я, а mon

ami Dolgorowky. Отвел, дал. Ohé, Lambert, устрицы. 25 руб. Я не доел. Вы не стоите того. Вы обещали нам обед с афинскими женщинами, а привели рябого злючку. Руку поцеловал.

29 *После:* эту тему — у Гуно хорошо, но я, знаете ◇

30 так, в голове только, воображаю / знаете ◇

31 входит Гретхен / входит Маргарита

32–33 чтоб так ∾ век / как у Мейербера, у которого так и слышится десятый век в «Роберте», пахнет, пахнет десятым веком ◇

33 Гретхен / Маргарита ◇

34 а хоры ∾ безучастно / и потом, вдруг

40–41 как ты, еще невинная ∾ молитвы / когда ты была невинна, даже лепетала в церкви молитвы ◇

42–43 песня всё сильнее ∾ стремительнее / но песня становится всё страстнее, всё сильнее ◇

Стр. 352—353.

43–18 в них слезы ∾ «Лавку древностей»? / и уже звучат страстной тоской, слезами и безвыходным отчаянием, безвыходностью отчаяния, криком исступления: «Конец всему, осуждена. Нет прощения!» Маргарита хочет молиться, но лишь выкрикивает, знаете, когда судороги от слез в груди, плачет, песня Сатаны давит, пронзает ее всю, вонзается, как острие, в душу, и всё выше, выше. Она падает [складывает] [ломает], сжимает в отчаянии руки — и тут что-нибудь кроткое, ее молитва, краткая [сильная], полуречитатив, но наивная в высшей степени, наивное и средневековое, четыре стиха, только четыре, несколько нот, у Страделлы есть несколько таких нот, и с последней нотой падает в обморок, смятение, тут вдруг страшно гудит орган, общий хор, ее поднимают, несут, хор сильнее, а ее несут, и вдруг что-нибудь, вроде как удар, вроде как у нас Дори-но-си-ма чин-ми, так, чтоб всё потряслось на основаниях. Помните? И всё переходит в вдохновенный, бесконечный огромный крик «Hossanna!», а ее несут [а кругом «Hossanna»], несут, и тут опустить занавес. Нет, знаете, если б я мог, я бы написал что-нибудь, только жаль, что я ничего не могу. Я ничего не [могу, но я всё мечтаю] могу, я всё бросил, всё только мечтаю, всё мечтаю, всё мечтаю и обедаю на счет кого-нибудь. Знаете, Долгорукий, читали вы Диккенса «Лавку древностей»? ◇

Стр. 353.

23–25 после фантастического ∾ получила / приютились оба где-то далеко, после фантастических своих странствий, в которых они ничего не понимают, как дети, близ какого-то готического древнего собора, в каком-то городе, и она тут какую-то должность получила ◇

26–27 и этот ребенок / и эта девочка ◇

28 стоит и смотрит / смотрящая ◇

28–33 в детской ∾ от детей любит... / как в детской чистой, тринадцатилетней душе, почти удивленной, с пробуждающеюся [мыслью о жизни и уже осужденная на смерть] высшей мыслью, огромною, как этот закат и как этот собор (потому что то и другое равно велико: солнце — мысль божия, собор — мысль человеческая), о жизни, которой, вы уже знаете, не суждено развиться, потому что ребенок должен умереть ◇

35 ничего такого / ничего такого нежного ◇

36–38 этого вы ввек ∾ романы читал. / это век не забудешь — вот прекрасное, вот прекрасное. Тут невинность, тут незащищенность, тут чистота — вот что я думаю! ◇

40–41 с ней ∾ старыми липами / с ней [летом] в нашей липовой роще ◇

41 и читали / и читали вслух вместе ◇

41–42 солнце ∾ перестали читать / солнце тоже светило, и когда мы дошли до этого места, мы вдруг [сжали друг другу руки и сказали себе] ◇

43–44 я тогда в университет готовился и... / о, тогда мы собирались жить

46 И вдруг он / Он вдруг ◇
47 заплакал / вдруг заплакал ◇
47 стало очень, очень / стало [ужасно] очень ◇

Стр. 353—354.

48-1 так братски ∾ чувством... / так прямо, как брату, мне говорил и с таким, с таким чувством ◇

Стр. 354.

3 большие / огромные ◇
3–4 стучать пальцами / стучать ◇
4 выведенный Андреев / выведенный Михайлов. Он кричал ◇
5–6 раздался ∾ с улицы / раздался его дикий голос ◇
9 Счет ∾ прислуге. / Это нестерпимо! — проскрежетал Lambert. — Счет! ◇
12 вы приняли / ведь вы же приняли ◇
14-15 рассчитав ∾ особо / *а.* и, спросив расчет, уплатил свою часть особо. *б.* рассчитав по счету свою долю, уплатил ее особо ◇
18 не простившись ∾ пошел один / не простившись, не раскланявшись ◇
18 *После:* пошел один из залы. — Я ничего не знал из их отношений и видел, что эта презрительная насчет Ламберта выходка подлила только масла в огонь и ужасно уязвила его.
18–19 бросил деньги слуге / бросил деньги лакеям ◇
19–20 торопливо ∾ обо мне / торопливо вышел вслед за ним, в смущении даже забыв обо мне ◇
22 Негодяй ∾ Ламберт / Мерзавец! — крикнул было Ламберт ◇
23 рыкнул на него Андреев / зарычал Михайлов ◇
24 сбил с него / сбил с Ламберта ◇
25 унизительно бросился / бросился ◇
28 крикнул ему / крикнул ◇
28–29 всё буянишь... / буянишь ◇
29–30 *Фразы:* С него только семь следовало. — *нет.*
31 За что содрал / За что ◇
32 подал рябого / сервировал рябого ◇
33 непременно на / по крайней мере на ◇
34 Семь рублей ∾ двадцать пять / а семь рублей оставалось еще за ним с давешнего ◇
34 *После:* двадцать пять. — *начато:* 25 roubles, m-r Lambert, а коль нет [буду объяснить à mon nouvel et tendre ami Dolgorowky ⟨моему новому и чувствительному другу (*франц.*)⟩ некоторый взгляд на некоторые], — то сейчас же расскажу à mon nouvel ami Dolgorowky нечто такое...
— Берите двадцать пять и убирайтесь к черту! — завопил Ламберт, протягивая деньги, — сдачи, сдачи семь. Это двадцать пять рублей, и знайте, что я вас в бараний рог...
— Ну, да ведь и я кое-что знаю — прощайте, Dolgorowky!
37–38 крикнул Андреев ∾ больше вина! / Не пейте еще вина, — прибавил он мне ◇.
39–40 рявкнул ∾ шагами / закричал он по всей улице, уходя огромными шагами ◇
41 пролепетал мне / шепнул мне ◇
42 *После:* за своим другом. — О, можно, приходите, буду ждать. Он крепко пожал мне руку и вдруг поцеловал. Ей богу, не лгу. Правда, он там выпил бокалов восемь или больше ◇
44–45 Ну... пойдем ∾ ошалев / Пойдем! — выговорил он, всё еще как будто не сообразив себя и как-то даже ошалев, всё еще трепеща от злобы. ◇

Стр. 355.

1–2 поспешил я крикнуть / крикнул я ◇
3–4 пугливо встрепенулся ∾ останемся / Да я только и ждал, когда кончится жранье, — встрепенулся он вдруг. [И нежно, ласково схватил

меня за руку: пойдем, пойдем!] Если б не эти проклятые, я бы давно... О, пхгоклятые! ◇

7 Сюда, вот сюда, видишь? / Сюда, сюда, вот ◇

8–9 *После:* скверно пахнет... — после обеда — Это милютинская лавка.

11 мы устриц ∾ шампанского... / мы сядем в задней комнате, где едят устрицы, но устриц не будем, а разве что только выпьем шампанского...◇

13 *Фразы:* Это тебе ∾ смеялись. — *нет.*

16 вот что / и без мерзавцев

17 Что, у тебя ∾ характер? / Э, черт с ним. Что, у тебя есть свой характер или нет! ◇

18–19 потому что ты / может быть, который в рабстве у первого встречного ◇

22–24 духгак! ∾ мне или нет? / Ведь ты [решил, что надо, что] сам решил это... да ты боишься [чего ты боишься? Аркашка?], что ли? Друг ты мне или нет? ◇

26 как скверно / как тут скверно. ◇

27 *После:* Экая гадость! — *наброски:* Мне горько, мне обидно, что ты думаешь, что я всё еще меньше тебя и что ты можешь меня бить, как у Тушара.

— Нет, не командую.

— Врешь.

— Ты боишься тех.

— Одно мое слово, и отвезут... Они бунтуют, но я их...

Холодное шампанское, я хлебнул и потом уже незаметно

33 мы уселись / мы сели ◇

34 приказал подать шампанского / приказал шампанского [и тотчас же подали]. [Вспотевший от холода] ◇

34–35 *После:* золотого цвета вином — и с легкими искрами вместо пены ◇

38 что можешь ∾ повелевать / что я всё еще меньше тебя и что ты мне можешь повелевать ◇

39 у всех здешних / у всех прочих ◇

40 Духгак! Э, чокнемся! / Ты [глуп], духгак, пей, чокнемся. ◇

41–42 Ты даже ∾ меня опоить. / *а. Начато:* Ты даже не церемонишься *б.* Ты так нетерпелив, что в своем нетерпении даже удивляешься, как я смею не слушаться по первому слову.

— Вовсе и нет, мы товарищи.

— Ты, может быть, думаешь, что можешь бить, как у Тушара, когда я был маленький, а я сильней тебя.

— Да что ты, что с тобой? Ну, бери, выпьем, эти мерзавцы нам помешали; бери же, бери.

Стр. 356.

1 Он ужасно рассердился / Действительно, он до того был нетерпелив, что [не удостаивал даже и притворяться передо мной и просто сердился] откровенно рассердился. [Да что ты съел такого?] ◇

6–7 Ты это ∾ ужасно узок. / *Начато:* Да убирайся с Альфонсиной. Какое у тебя узкое воззрение. Ну, садись, садись, вот так.

8 Узок? / Что узко? Как? ◇

10 *После:* их развратит. — Он будет заколачивать ящик с мертвецом в Москву под фортепьяно и их развратит. ◇

10 всегда вели себя / вели себя ◇

12 Я сел ∾ глоток. / Я сел, протянул руку машинально и отпил глоток. ◇

14–15 Но он уж ∾ еще вина. / Он смолчал и даже внимания не обратил. Он только рад был, что я сел. ◇

16 продолжал я дразнить его / проговорил я язвительно.

18 за то дал / дал ◇

19 мне заплатит / мне за это заплатит ◇

19 *После:* их сверну... — Они все у меня в руках [от них пользы не на копейку. Ты бы мог меня избавить, если б был добрый товарищ.] ◇

21 теперь и остался / и остался ◇

21–22 только во мне ∾ заключаются, — а? / во мне. ◇

23 мне друг / мой друг ◇
24 ты сказал / сказал ◇
27 избавить от худых вещей / избавить ◇
28 *Слов:* Аркадий, — продолжал он, ласково смотря на меня — *нет.*
29 Чем бы я мог тебя избавить? / Чем? ◇
32–33 ты сам знаешь ∾ ничего нет / ты знаешь чем. Кто ты такой: у тебя ничего нет. ◇
35 просто удивился / даже удивился ◇
37 прямо начал / прямо ◇
41 хлебнул из бокала / хлебнул другой глоток ◇
42 Вот что, Аркадий / Видишь, Аркадий ◇

Стр. 356—358.

42–8 *Рядом с текстом:* Вот что, Аркадий ∾ богач с карьерой! — *наброски:* Вероятно, он подобными приемами не раз выбивал из Ламберта деньги.

— Чтоб разозлить и с Анной Андреевной. Зачем Анна Андреевна? Я ждал тебя, я думал, что ты решишь с тою.

— Я тебе запрещаю говорить, потому что ты не стоишь.

— Ты не знаешь, в чулане. — *NB.* Я это думал: почему не жениться, но тогда мне. Ламберт — ты проклятый. Я видел это во сне, ты стоял и Анна Андреевна, о, ты проклятый, это подло! Неужто ты думаешь, что я так подл? Я ведь потому видел во сне, что я так и знал, что это скажешь.

— А ведь ты ее любишь, то просто простое дело, друг, женись.

Я не знал, я ждал тебя.

1. Увы! Я и не предполагал, что Ламберт говорит нарочно. Вся цель его была в том, чтоб заманить меня к себе в дом, опоить и взять у меня документ.

2. А по глупости своей он вообразил, что достаточно хитер со мной, и считал меня за мальчишку. Решительно, они все, все считали меня за мальчишку. Это не может быть так просто.

3. Колокол или что-нибудь.

Почему не жениться. Идея пронзила. Я слушал. Фантастически. «Покажи документ». — «Она не согласится». — «Да ведь она же тебя любит» — «Почему ты знаешь?»

— Ты очень добр.

— Да, я добр.

— Ты великодушен.

— Да, я великодушен. Ты не знаешь, в ней самой великое сердце, великое: черты.

— Ты спасешь ее от твоего отца.

— Видишь, Ламберт, это, конечно, было бы грешно, если б отец, и стыдно.

Ламберт! Ты не совсем такой мерзкий, ты прост. Я тебя люблю.

— Почему же ты знаешь, что она меня любит? Я удивлен.

— А хорош он, а? Приходи ко мне, приходи, я расскажу, дома опять выпьем. Альфонсина тоже.

Final. 1. Можно так, если б я женился, то Анну Андреевну за Князя — деньги пополам, либо 30 000.

Final. 2. Ну вот, я действительно думал жениться ⟨*нрзб.*⟩ Так просто и так пошло.

Стр. 356.

43 и ударить / и избить меня
43–44 я обожаю / я люблю ◇
44–45 то я б ∾ тряпка! / то я бы знал, как отплатить ему. А ты тряпка.
46–47 Как ты смеешь ∾ не он меня. / Меня не ударил Бьоринг!
47 это я ∾ он меня / Я его скорее ударил. ◇
48 Нет, это он ∾ ты его. / Нет, удахгил. ◇

Стр. 357.

2 отбил рукой / отбил [рукой] при ней ◇
3 из кареты / в карете ◇
3–4 у тебя ∾ обидеть / ты не имеешь отца. Стало быть, ты трус ⟨*нрзб.*⟩
5–6 *Фразы:* Я не знаю ∾ я стыжусь. — *нет.*
6 раздразнить меня / разозлить меня ◇
7 как с шестнадцатилетним каким-то / [это ведешь] выражаешься, точно решительно предположил во мне мальчика ◇
8–9 машинально ∾ вино / [неприметно] судорожно отхлебнул еще. ◇
10 Анна Андреевна ∾ надует / Я не с Анной Андреевной. [Что мне Анна Андреевна, она хитрая.] Она [пожалуй] надует ◇
14 С madame Ахмаковой / С [Катериной Николаевной] Ахмаковой
16–17 бормотал я в смущении / бормотал я
19 Знаю, что / Я знаю, что ◇
21 Ты еще маленький / Нет, ты глуп, и ты еще маленький
22 *Слов:* ух как нос подымала — *нет.*
23–24 тотчас послушалась / послушалась совсем ◇
27 если б ты знал / ты не знаешь
27–28 они не побоятся / они не [боятся] испугаются ◇
29 пробормотал я неудержимо / пробормотал я ◇
30–31 Они развращены ∾ гнушалась. / Они развращены, ты не знаешь на что способны ◇
35 видел всё это / видел это ◇
38 *После:* ты это скажешь. — Ну так я и знал. Я тебя ждал. Теперь я всё узнал от тебя. Стало быть, ты ее любишь, а не отомстить хочешь. Тем лучше, потому что, говорят, она тебя сама любит. В таком случае женись на ней, а мне деньги. Заплатишь потом тридцать тысяч.

— Как, женись, что ты?

— Просто женись. Я помогу.

Стр. 357—358.

38–6 И наконец ∾ богач с карьерой! / Те-те-те! Вот оно что. Ишь, рассердился! О, ну давно б сказал! Я с этим и ждал тебя. Теперь я всё узнал от тебя. Стало быть, ты ее любишь, а тому отомстить хочешь. Это еще лучше. Это лучше, поверь, потому что она сама тебя любит. А потому теперь ты женишься. Я тебе это всё из-под земли устрою, а мне подари потом за труды и за дружбу тридцать тысяч. А я помогу, и ты приданое возьмешь, а, приятель, а, друг? Скажи, я помогу, верхом езди, я в этих делах все тонкости знаю. Не раз орудовал. Стало быть, у тебя и красотка, и денежки, а потом, знаешь, у ней связи, Аркадий, знаешь, какие связи? Не прогони только меня. ◇

Стр. 357.

42 *После:* надо — было знать ◇
42 *Слов:* стало быть — *нет.*
43 а Бьорингу / а тому ◇
43 вот что мне надо было узнать / Одобряю! Всё это я теперь знаю. Я тебя ждал, чтоб это узнать. Теперь я всё вижу ясно.◇
44–45 Я всё ∾ la question. / Так я и подозревал. Cela change la question.◇

Стр. 357—358.

45–2 И тем лучше ∾ остановился. / Да иначе и нельзя тебе поступить, так я и предполагал всё время, пока тебя здесь ждал. Ну, слушай же: это ты на самом верном остановился, женись, потому что она сама тебя любит.◇

Стр. 358.

9 с изумлением / с удивлением.

10 *После:* не то что серьезен — *начато:* а он был до нестерпимости простодушен, и хоть я видел, что он тысячу раз готов обмануть и продать меня, но в [предложение] возможность брака моего

11 видел ясно, он и сам / видел, что он и сам

11–12 *Слов:* и даже принимал идею с восторгом — *нет.*

14 *После:* меня всего — что у меня сердце дрожало. Потому... потому

15 в такую фантазию / в мою женитьбу ◇

16 сам стремительно в нее уверовал / сам беззаветно в нее верил ◇

16–18 ни на миг ∾ вместе / сохраняя в то же время всю трезвость сознания того, что это ни за что не может случиться... и не понимаю, как это только всё вместе [очутилось] уложилось ◇

19 *После:* пролепетал я. — *начато:* Почему невозможно? ты совершеннолетний. Ты покажешь документ, она испугается

20 *После:* Зачем нет? — так редко бывает, но почему же не быть?

20–21 пойдет за тебя / пойдет ◇

23 до того простодушно / так простодушно ◇

26–30 Я ни за что ∾ Ламберт. / Да ведь она тебя любит, духгак!

33 Непременно. Я знаю. / [Все так думают] Я знаю. ◇

33 это полагает / [то же] думает ◇

34 *Фразы:* Это я тебе ∾ полагает. — *нет.*

37 *Слов:* тоже узнавала — *нет.*

38 Что ж ∾ узнать? / Что?

39–40 А вот пойдем ∾ приятно. / А вот приходи, она тебе расскажет сама. ◇

40 хуже кого / хуже Бьоринга ◇

41 едва переводя дух / *а.* с самодовольством *б.* с упоением ◇

42 колотилось / очень колотилось ◇

46 *После:* Да, я добрый. — И великодушный. — Да, я великодушный.

48 *Слов:* вот она и испугается — *нет.*

Стр. 359.

1 и тем / и этим ◇

1 *После:* отмстишь Бьорингу. — Она гораздо старше, а потому не пойдет.

— Чем она гораздо старше? Видали мужей и двадцатью годами моложе жен. Ведь она тебя принимала, ведь она любила тебя принимать? А деньжищ-то, деньжищ-то сколько хватишь. Этот старый князь совершенно расположен к тебе, ну а потом, со временем, знаешь, какие связи можешь завести и с какими тузами дело поведешь.

— Это всё фантазии, и я вовсе не так глуп, чтоб этому поверить. — пробормотал я.

— Почему фантазии? Это теперь ты фантазию говорил, вот что. ◇

После: не так говорил — покраснел я. ◇

6 есть такое письмо / есть *дома* такое письмо ◇

7 *После:* свое теряет? — Хоть письмо есть, хоть она и боится, но, видишь ли, Ламберт, я ни за что не захочу силой. Как ты можешь быть так подл, чтобы предположить во мне.

— Эвона. Да она сама пойдет. Это не ты, а она сама испугается и пойдет. ◇

8–18 *Текста:* Это — всё фантазия ∾ можно барона купить. — *нет.*

22 а у него / у него ◇

24–27 Ни с кем ∾ нельзя было. / Ламберт подливал, но я уже больше не пил. Всё, о чем мы говорили, казалось мне, несмотря на [вино] хмель, совершенно невозможным, неосуществимым и фантастическим. Но я откинул все невозможности нарочно, как бы читая невозможный, но завлекательный роман, и продолжал с Ламбертом единственно для наслаждения, [фантазией] из сладострастного и мучительного наслаждения и еще для чего-то другого, что неожиданно, как скверный гад, копошилось в моем сердце.

28 глуп и подл / глуп и ничтожен◊
30 но с другим ∾ не унизился / *Вписано:* Но с другими, я бы не стал ни с кем говорить об этом
31–38 И, главное ∾ подать надежду. / *Начато:* Кажется, до такой степени сам верил в эту возможность.

— Так почему же ты знаешь, что влюблена? Ты сказал, что знаешь.

— А то... (он как будто забыл). Ах да, да, я знаю, пойди ко мне, расскажу всё.

— Так вот, у меня нет фамилии. Вот это главное, потому что затруднение.

— Но постой: есть противовес.

— Ты не знаешь высшего света. У них всё это на самых патриархальных и родовых, так сказать, отношениях◊

38 Видишь: она / Но вот почему она◊
39–40 *Фразы:* А она его боится, этого человека. — *нет.*
41 ты это про твоего отца / ты про Версилова? [Ты про это?]◊
42 встрепенулся вдруг Ламберт / спросил он вдруг◊
45 *Фразы:* Ведь все-таки ∾ стыдно будет. — *нет.*
47 что он любит Катерину Николаевну / что любит◊
48 может, ее когда-то любил / он, может, *ту* любил◊

Стр. 360.

1–3 и она боится ∾ становится / [У них там вражда большая очень, и след потерял] иначе... иначе как бы он мог, э, черт, следил за ними и след потерял, бросил. А теперь, как он увидит, что я женюсь, он и перестанет, а то, пожалуй, может сделать ей вред большой... Потому что, знаешь, Ламберт, — он сумасшедший◊
3 *После:* на нее злится — бывает в таком исступлении, что на всё лезет. [И ты думаешь, она ему что-нибудь сделала? Ничего! Клянусь тебе, ничего, и я смеялся в душе]◊
4 из-за возвышенных принципов / из-за возвышенного какого-то вздору, [в старом вкусе] из принципов◊
4–6 В наше время ∾ случаи. / *а.* В наше время не так; общие принципы в голове только одних сумасшедших, а в жизни не принципы, одни только частные случаи. *б.* В наше время наплевать на общие принципы. В наше время одни только частные случаи. Вот почему она может за ме⟨ня⟩◊
7–8 *Слов:* теперь об этих принципах — *нет.*
8–9 Ты ужасно необразован. / Ты необразован, ты неразвит.◊
10 знаешь ты это / [хочешь] и попробуй, попробуй теперь◊
11-12 Аркашка ∾ с гитарой. / *а.* Аркашка, пойдем ко мне! Я тебе расскажу, что тебе будет приятно.

— Ах, да, стой, почему ты знаешь, что она меня... может быть... любит?

— Да уж расскажу, пойдем.

— Потом, я приду, теперь поздно.

— Нет, не поздно. Приедем — чаю выпьем, еще шампанского выпьем. А там ночуй у меня. Едем. *б.* Аркашка, пойдем ко мне! Мы просидим вечер, и я тебе скажу про то. Альфонсина споет с гитарой, и ты у меня ночуй, а?◊

14 *Текста:* а у тебя нет идеи.

— Хорошо, хорошо, ты расскажешь, пойдем. — *нет.*

16 Не пойду! — встал я / Я встал.

— Если ты думал, что я тебе верил, когда ты уверен, что мне можно жениться, то ты глуп и больше ничего, знай это. Я не маленький, и тебе меня не надуть.◊

18 *После:* во всем хочешь. — Стой! Как же ты говорил сперва, давеча, что хочешь 30 000 со мной разделить пополам, а теперь сам у меня просишь 30 000, я не понимаю.

— А я не знал еще верно, что ты влюблен и сам жениться хочешь,

и потому тогда можно было бы ее пристрашить, а главное Бьоринга, и она безо всяких 30 000 выложила бы.◇
20 это такая ∾ тебе, Ламберт. / Это такая низость! Это такая низость! ◇
21 но мне / мне ◇
23–24 А жениться ∾ держать. / А в кулаке держать — это ты хорошо сказал. ◇
27 знаешь что, Ламберт / знаешь ли ты, Ламберт ◇
29 *После:* во всем остальном. — Ты низок, но ты умен и... глуп. О, как ты глуп, Ламберт, — в таких вещах ты вот глуп тем, что думаешь, что я дурак и что меня можно увести.
— Врешь, пойдем домой.◇
30 как кажешься, ты — простой / ты — простой ◇
31 *Фразы:* Тогда бы ∾ жить! — *нет.*
33 я пролепетал / я лепетал ◇
34–40 О, я всё это ∾ читателю. *вписано между строками и на полях.*

Стр. 361.

1 не пойду / не пойду, Ламберт ◇
2 и отстраняя его рукой / и отталкивая его
2 *После:* его рукой. — Я не знаю, для чего я тебе так теперь нужен и такой пьяный, но я тебе не верю ‹ни› на грош.◇
3 *После:* чаю, полно! — Он ужасно струсил.
6–7 Потом это всё объяснится / потом объяснится ◇
8 Не пойду / Не пойду, Ламберт, и не думай
15 закричал он / вскричал он ◇
16 *После:* моя воля! — *а.* А ты меня принимал за мальчишку! *б.* Моя полная воля.◇
17 из саней / с извозчика
19 конечно, потому / может быть, потому ◇
21 *После:* отпустил сани — и пошел пешком ◇
21–22 мне ужасно ∾ пешком / мне хотелось идти пешком
21–22 ужасно захотелось / очень хотелось ◇
25 приятные / приятные и гордые ◇
25 *После:* мысли в голове — вот что было со мной ◇
26 *После:* каждый удар. — Мысли быстро сменялись в волшебные мечты и грезы.◇
27 *После:* так легко — и без затруднений
29–30 по мне ∾ площадь / но мне всё было мило ◇
31 *Слов:* думал я — *нет.*
36 *После:* c'est le vol. — А если Прудон так не любит vol, что даже ругает словом vol ненавистную propriété, значит, он должен любить противуположное vol, то есть propriété. Э, черт! Да ведь это так! Да-с, неловко выразился г-н Прудон, cercle vicieux ‹порочный круг (*франц.*)›
36 какой вздор / какой я вздор говорю ◇
38 *Фразы:* Хорошо и вздор нести. — *нет.*
40 архисоврал / Господи, как соврал ◇
41 а впрочем — ничего, заглажу. / но хорошо. Впрочем, ничего, заглажу. ◇
44–45 и... и... ах да... ах! / и... и. Ах, бедный Тришатов, какой милый мальчик? Только.. только для чего они все у Ламберта, и он им платит деньги. Допрошу Тришатова, именно допрошу: я в нем принимаю участие. Тот, большой, сказал, что он для раздроблений человек, что они буянят где-нибудь, что ли, по найму? Гм... я потерял нитку. Ах да... Ах!

Стр. 362.

4 он много тут налгал / он что-нибудь тут солгал ◇
5 А может, и нет / а может, и не для того ◇
6–7 тут что-нибудь разузнать / сообщить
7 *После:* не поехал к нему? — Он хочет продать ей мой документ, вот что, а не Анне Андреевне.

7–8 я бы всё узнал! / Он говорил, что расскажет приятное там. ◇
11 и верит / он верит. А может, и может! ◇
12–13 соединясь вместе, — великая сила / когда вместе — сила. [Фу, да это бонмо]. ◇
13 боялись Ламберта / боялись его ◇
14 *После:* Аркадий Макарович! — Смешной человек, однако, этот Ламберт, я думал, что он хитер
14 серьезно / прямо
15 кто / каков
17 *После:* везде, нужны. — [необходимы]. Ха-ха! [Это опять каламбур.] Какая игривая мысль. Да и не каламбур же вовсе, с честной репутацией плутовать выгодно-с. За честность теперь деньги берут, ха-ха, все, все. [Один я хочу честно прожить.] Кроме [меня] вас, Аркадий Макарович, один вы дурак, дурак, милый Ламберт: жениться и деспотировать.
19 если он вправду женит меня / если она, хе-хе, вправду любит меня? Нет, он знает женщин. А я прибавлю: любить, обожать и деспотировать — вот суть любви (и ах, как это хорошо), вот кодекс женщины. [Любовь и цепь, любовь и плеть.] ◇
21 (так как ∾ прошло) / так как теперь я совершенно уже не тот ◇
25 то есть ужасно много раз / много раз ◇
30–31 он был очень задумчив / он сидел очень задумчивый ◇
37 произошло / случилось ◇
38 *После:* перестали говорить. — Я уже сказал раз, что ни с кем не был дружен в детстве.
39 *Фразы:* Вот с тех пор я и стал мечтать. — *нет.*
40 *После:* иногда идет — *а.* из какой-нибудь [глупой мечты детства] глупости, в которой даже стыдно признаться, и потом вдруг, [даже] в старости, мечта отзовется какой-нибудь катастрофой. А впрочем, я заврался. *б.* А впрочем, тоже, может, и все мои записки не стоило писать. ◇
42 О, конечно, ничтожная разница / ничтожная разница ◇
43 не составит / без сомнения не составит ◇
43 но вот что / одно, одно ◇
44 Страшно скверно! / Это скверно. Вы сами знаете, Аркадий Макарович, что это очень скверно, но, но и это... ◇
46 *Слов*: так сказать, отца — *нет.*

Стр. 363.

1–2 но уже ∾ на месте / но на этот раз как бы придавленный камнями. Вся эта нелепость, чувство унижения от сознания, что я мог поверить такой нелепости как-то разом, как камнем, придавили меня. Всё это именно разом и в одну минуту случилось. Вероятно, вино вылетало из головы, но мучение было ужасное. Кроме придавленной гордости и сознания, что я дал себя в этом так [уверить] обмануть, как мальчика, и что Ламберт меня так грубо поймал на крюк [как мальчишку]. Кроме этого, я вдруг представил [себе] перед собой ее. [этот чистый и недоступный образ. О, ведь я так благоговел перед нею, всё время благоговел, каждую минуту, каждую секунду — и этот чистый образ мне вдруг представился.] Я представил, что [*она* всё знает, что] бы сказала она, если б узнала об этом. Я представил ее улыбку, ее взгляд на меня, на пьяного, о, ведь я так благоговел перед нею, всё время это благоговел. Каждую минуту, каждую секунду [всё, всё это время], давно уже, с тех самых пор, с самого начала — да боже мой, зачем Москва? Лучше уж признаться во всем. «С самой Москвы, с самой Москвы! Боже! Какая низость, как я опачкался!» — воскликнул я в невыразимой тоске. Да разве таковы мои чувства на самом деле! Это Ламберт. О, Ламберт злодей, и я спасу ее от Ламберта! Он... он ее враг. Проклятый Ламберт! Не поехать ли сейчас к нему и не сказать ли ему прямо в лицо, что он ошибается, если думает, что поймал меня, что я и поверить-то даже не мог всему этому ни секунды, уж потому од-

ному, что это не так просто делается, не по-мальчишески: вдова и жених. И... и пугать документом! Принудить ее через документ! Силой, силой, о какая низость! Я осплю Ламберта, я унижу Ламберта. Я отомщу Ламберту. Я сожгу перед ним документ, и он будет видеть и кричать от злости. О, это адское письмо, оно причиною всех моих несчастий в Петербурге. Только оно, оно меня развратило... и вдруг она бы это узнала, низость, низость, о, мой сон!

Я был так измучен, что почти и не заметил, как дошел до квартиры. [Отворив же дверь, я еще в передней заметил] Еще в передней я увидел, что у нас произошло нечто необычное. ◇ *Далее наброски:* Я услышал плач. Смотря на мои глаза. И переменить фамилию... заслуги отца, о низость!

Ей. О, да будет благословенна встреча с вами.

О Макаре, о духовном влечении, «не бойтесь меня».

Она. Будьте всегда прекрасный, хороший, добрый. Ну, дадим друг другу слово. (N3. Знала ли она про документ? Сожжен.) Он сожжен. Он сожжен.

5 *После:* всё это — разом как бы отрезвило меня.

6 и вся радость ∾ как дым / *а.* И всё, что таилось и что я не хотел подымать, всё поднялось разом. *б.* Вся радость [и прелесть чувства] разлетелось разом, как дым ◇

7 *Слов:* страшно покраснев — *нет.*

8 что я... влюблен и глуп / что пьян, то, что я поверил Ламберту, есть величайшее унижение из всех, доселе испытанных мной в жизни. ◇ *Рядом:* Фамильи нет; да я, раз втянувшись, ⟨*нрзб.*⟩ должен был дойти и до этой идеальности.

9–10 не требуется ∾ деньги / а главное человек и деньги ◇

17–18 подтверждал я ∾ он реалист / Он не идеализирует, потому что он не влюблен [что же, что я влюблен? Я все-таки должен быть властительным] ◇

19 Она увидит / Испугается, увидит ◇

19–20 *После:* есть характер!» — [и уважать будет. Это непременно.] Ламберт прав. ◇

21–23 *Фразы:* Другой дружбы ∾ люди. — *нет.*

27 *После:* и великодушие. — Ее нужно исправить и перевоспитать великодушием, вот что.

27 *Слов:* во веки веков — *нет.*

27–28 А что ∾ «документ» / А что, мол, я сам употреблю коварство и документ ◇

28–29 *Фразы:* Это не помешает ∾ великодушию. — *нет.*

30 *Слов:* их выдумали — *нет.*

31–32 всё загладится. А теперь это / *Это* ◇

33 вот как ∾ называется / и вот и всё ◇

35 хмельной бред / бред ◇

35–37 *Фразы:* Конечно, это ∾ словами и говорил. — *нет.*

39 Разве ∾ серьезнее? / в моей жизни не было пока ничего серьезнее.

39–40 *Текста:* Вино же ∾ veritas. — *нет.*

42 до маминой квартиры / до версиловской квартиры

46 слышно было, плакала / очевидно, плакала ◇

Стр. 364.

2 *После:* в кухню. — Увидав меня, она только прокричала: «Ах, господи! [ступайте!]» ◇

2–3 к Макару Ивановичу ∾ столпились / в комнату Макара Ивановича, в которой все столпились

7 с усилием придерживала / придерживала ◇

8 и даже ∾ упасть / мне даже показалось, что он всё клонится упасть. Все плакали. ◇

9 *После:* шагнул ближе — *начато:* и вдруг меня поразило мертвенно-бледное лицо старика. Еще взгляд, и я

18 *После:* и сбежались — Увидев меня, Версилов вдруг мне крикнул
24–25 плакали ∾ Лукерья / плакала лишь мама◇
27 побежал / бросился◇
28 тут не длинный / был не длинный◇
29 пробежал ∾ не останавливаясь / пробежал пешком◇
31 *После:* радикальное. — Теперь мама — жена его
31–33 Опьянение ∾ мысли / но я лишь хочу отметить для дальнейшего, что опьянение совершенно исчезло во мне, до последней капли◇
36 ворвался / шагнул◇
43 Задвижка ∾ отворилась только / Дверь щелкнула, но отворилась лишь◇
44 Что такое, рассказывай / Как умер, рассказывай
45–46 Андрей Петрович / Версилов◇
47 Сейчас, сию минуту. / Хорошо. Сейчас, сию минуту.◇

Стр. 365.

1 приотворенную дверь / приотворенную щель◇
6 он умер / Макар Иванович умер◇
8 так и задрожало / так и задрожало и заныло
12–13 накидывая на бегу платок и шубку / накидывая [на голову] на бегу платок, бегом зацепила шубку и [надевая ее], одевшись на ходу
13 пустилась по лестнице / пустилась [из дверей] к маме◇
14 Я сбросил ∾ дверь. / [шуба упала с моих плеч] Я сбросил шубу, шагнул в комнату и затворил за собой дверь◇
15–16 с светлым взглядом / с светлым лицом, светлым взглядом◇
16 мне обе руки / мне руку◇
17 *После:* упал к ее ногам. — *наброски:* Упал к ногам и стал плакать [как ребенок, о Макаре. А до тех пор о Макаре и не думал.], подумать можно, что об Макаре. Но я плакал совсем не об том. Положительно не знаю об чем. О, была бы тема плакать от угрызений, я сознавал это и не чувствовал никаких угрызений, так она была недосягаема передо мной. Она так была велика, что мне почти возможно было быть при ней даже и подлецом. Так что полагаю, что я просто плакал от восторга.

Для Подростка ее волнение о смерти старика — важно. Оно обозначает ему о ее прежних отношениях к Версилову, а В-в, сообщавший ей прежде о старике, значит, сам был проникнут стариком гораздо больше, чем думал Подросток. «Он мне известен, вы не знаете, что он, старик, и для меня значит», — говорит она Подростку.

Она (о предстоящем теперь браке Версилова с мамой). ОН это сделает. ОН должен это сделать (т. е. жениться на маме), и Подростку ясно, как тяжела ей любовь ЕГО и что она ждет успокоения, когда ОН женится (а может быть, и взрыва). Разве ОН не знает, что я боюсь его?

Она с наслаждением услышала от Подростка, что ОН стал целовать маму.

— Если б вы знали маму.

— А если я ее знаю? — говорит она Подростку.

— Неужели вы ее видели?

— Много раз, много раз говорила с ней.

Подросток хочет каяться, плачет, она ему: «Не рассказывайте, я знаю наизусть: всё хотели меня погубить, отмстить, проклинали меня и, может бы, убили бы того, который бы сказал обо мне хоть одно худое слово».

Подросток. Вы думаете, о как вы благородны, но вы не знаете подробностей (и какой я подлец). Не говорите так... Я не убил того, который говорил об вас худо. Я поддакивал.

— Я в эти дни и в *ту ночь* слишком узнала, но вы мне дороги.

— Конечно, вы забыли меня.

— Нет, мой милый студент, не забыла, а, к удивлению, увидела, что тяжело мне без вас.

(Несколько веских ее слов о Версилове).

Подросток. Я всегда мечтал, что вы обо мне подумаете. Вы встреча моя на заре жизни. Вы, может быть, спасение мое. Я бы желал, чтобы вы навсегда остались моим проводником. Если б вы знали, какая грязь была в душе моей.

— О, ОН целовал маму! Никогда бы я не мог в НЕМ предположить такой силы чувства.

Подросток ей: «Безобразие. Я слишком в вас нуждаюсь. Я тверд. Вы дали мне твердость. Теперь я не боюсь».

— Мне бы не следовало выходить из дверей, но я верую в ваш ум. Как я страдала, когда услышала о той ночи.

— Я вижу, что не могу любить вас, потому что с обожанием и с счастьем вижу, что вы без меры выше меня. Вы начало всего моего подвига. Вы только для того являетесь, чтоб люди верили, что идеал существует.

Она. А если бы вы знали, как я счастлива мыслию, что я ваш идеал и что вы говорите вот этот бред. Я люблю эту мысль. Может, мне не надо говорить это вам, а я говорю. И мне приятно, что я признаюсь в том вам, что я говорю это, что вы слышите мои признания. Эта мысль налагает обязанности.

— О, как я рада, что теперь ОН развязан. ОН — великодушное сердце. Теперь долг овладеет им. Благообразие. Жажда его — была ЕГО жаждой. (Мне жалко отца. Тут какие-то французы, я мало понимаю, но я слежу.)

— Вы не знаете, [что я хотел сделать] как это было. Об чем сейчас почти, сейчас только говорил и толковал с злодеем.

— Ах нет, очень знаю, хотите скажу: жениться на мне.

— Откуда вы знаете?

— Ну, вот еще вопрос!

— Вы боялись того человека?

Она. Боялась, но я и за того человека боялась. А теперь ОН воскреснет.

Она. Я никого не люблю. Я вас люблю. Я вас очень люблю. Я хочу, чтоб вы были сильнее. Почему-нибудь я к вам привязалась же; потому, что вы не похожи на всех, потому что от вас жду многого. Вы чисты, вы юны...

— Нет, нет, я бесчестен. Я хотел...

— Нет, не говорите. Если б вы знали, об чем я сама мечтаю, в минуты, когда во мне удержу нет. Воспалилась кровь, мелкие страсти положений. Если что случится. Нет, я не трусиха. (NB. В ней больше ужаса.)

— Это вы потом. Вы его могли простить?

— Я сама немножко в этом роде.

— Вы?

— Да, я; вы не знаете всего. Я очень рада, что Татьяна Павловна ушла. Мне хочется вас видеть. [При ней] Я бы не осмелилась вам так говорить. Впрочем, без нее я бы не осмелилась выйти. «Развращать детей...» Да можно ли так со мной говорить? О, как бы я смеялась, но мне ЕГО страшно жалко было, ну, я сознаюсь во всем: я смеялась, но и жалко.

— Но что вы могли думать обо мне?

— О, ничего, просто проговорился в радости, в восторге, потому что вы и в самом деле в восторге. Ведь вы ЕГО любите, ведь вы ищете в НЕМ друга, ведь разве я не знаю вас. Мне в вас дорог юноша, будущее России. Татьяне Павловне: что из вас что-нибудь выйдет, но она вас, представьте себе, очень любит. Я поняла, что я перед вами виновата. Я должна бы была вас призвать и сказать вам, а я попросила вас не принимать, какая глупость, но я боялась вас поссорить. Но

я очень была рассержена, и вы мне стали досадны. Я попросила не принимать вас. Тогда сцена перед каретой. И вдруг эта ночь. Я знаю ЕГО мысли, ОН очнулся. Это был взрыв. Может быть, последний. Теперь долг. ОН знает, что я ЕМУ простила. К тому же письмо ЕГО было смешно. Я мыслила с вами, видите, потихоньку. Мне вы милы и дороги. Ведь вот я вам в чем признаюсь. Скажут: почти кокетство, ведь оно так, и что я вас хочу привлечь, но я знаю и верю, что вы умны, что мы студенты. Но мой друг меня так не осудит. И как мне хотелось всё время вас так видеть. Подождите, мы еще сойдемся. Ступайте, ступайте, ступайте к НЕМУ. Я не страстная, я спокойная, но я тоже хотела бы, как он, чтобы всё было хорошо.

Угрызение. Нет, я должен сказать, что я такое. Она знает почему. Потому, что ОН знает мою душу. Ведь за что-нибудь ОН привязан.

— Но я всегда ЕГО уважала. Если боялась, то и уважала, хотя нестерпимо смешно. Я сама в этом роде. Я никого не люблю. Я вас люблю. Я в восторге. О, что начинается! Слезы. Оставьте меня! Подождите, я знаю, что в НЕМ переворот. Пойдете к нему. Стойте, независимость, какая-нибудь честная мысль и цель. Братство — хотите быть моим братом? Милый студент, добрый мальчик, в ту ночь натерпелся.

О страхе Да не подумает читатель, что эта истерика от каких-нибудь любовных чувств ее ко мне, я даже тогда это видел. Это была просто радость за снятие страха.

Ее костюм. Она ушла другим ходом. Документ остался при мне. Почему мгновение прошло, и я не отдал? Почему прошло то мгновение, в которое бы я отдал?

19 не знаю с чего / как ребенок

21–22 рука в руку ∾ разговаривали / *а.* держа наши руки в руках один у другого, говорили *б.* [крепко соединив наши руки] рука в руку — и быстро и стремительно говорили ◊

23 об нем рассказывал / с жаром об нем рассказывал

24 тогда как это было бы верх нелепости / *а.* тогда как я и не подумал бы заплакать о нем. Положительно не знаю, об чем я рыдал, а я буквально рыдал. *б.* что было бы уж очень смешно ◊

25–26 во мне ∾ пошлости / такой низкой мысли (низкой единственно по глупости ее) ◊

26–29 Наконец ∾ я спокоен. / Впрочем, продолжалось это недолго. И да не подумает кто-нибудь, что от угрызений совести, ввиду только что бывшего у меня об ней с Ламбертом или бывшего еще прежде того, она не примет

Положительно говорю, что угрызений в первую эту минуту свидания не было во мне никаких. О, я вполне был настолько трезв в ту минуту, чтоб сознавать всю низость падения и неминуемость угрызений, но только я не имел их даже ни капли. Напротив, я чувствовал всем существом моим [ощущал перед собою нечто до того высшее, сидящее передо мной, и до того недосягаемое], передо мной было вне моего мира и вне того, что мне предназначено, что быть ли [благородным], сидеть перед нею благородным или быть [подлецом] низким было бы, кажется, всё равно. [Так что, полагаю, плакал просто от восторга, и знаю, что она это очень хорошо понимала, хотя и казалось, что я плакал об Макаре Ивановиче.] Потому вспоминаю так, что как будто действительно я сделал тогда это рассуждение, даже почувствовал особое от него упоение. Полагаю же, что я плакал от восторга.

32 спросил я в удивлении / спросил я, останавливаясь

31–35 о нем ∾ которого я боюсь. / о нем тот человек, об котором мы с вами положили не говорить, Андрей Петрович. — И вы это так прямо говорите?

37 *После:* прежде открыли — *начато:* и понимаю, что не должен, тем более

38–39 но как бы ∾ нахмурясь / но как будто с укоризной ◊

41–42 *Слов:* и продолжала расспрашивать — *нет.*

Стр. 366.

2 *После:* связывал его жизнь. — Впрочем, он уже раз был в полном сознании своего долга относительно этого святого существа, матери вашей, которую он любит больше всего на земле, и не я одна сбила его тогда с пути и снова ввергла в отчаяние, не одна только встреча его тогда со мной, а ⟨*нрзб.*⟩ собственная мысль его о безобразии и безответственности своего положения. Не будь тогда этой роковой мысли, он не сбился бы с своего пути.

— Какая мысль? о безобразии? у него была такая мысль?

— Всегда и всю жизнь.◊

2–3 Со смертью его / Со смертью этого старика◊

4 О, он ∾ великодушный / Он великодушный, он может быть великодушным, я это знаю◊

6 *После:* слава богу — И оставит вас? Даст вам жизнь? О, должно быть, что-то страшное было между вами, коли вы сейчас решились выйти ко мне, услышав о смерти Макара Ивановича? [— О, как вы боитесь этого человека.

— Боюсь и за себя, и за него.

— И за этого человека боялись?

— И за этого человека боялась.]

— Вы боитесь его, да? да?

— Да, боюсь и за себя, и за него.

— За кого же больше? За себя или за него?

— Какие странные ваши вопросы. Да, я боялась и за него всю жизнь. *Далее: а.* Он дорог мне. Только не в том смысле [как он когда-то], в каком сам хотел бы того. [Но теперь он воскреснет. Он должен быть потрясен. Подле него это святое существо.

— Мама? [уж не знаете] Но разве вы ее так знаете?

— Знаю.

— Неужели вы ее видели?] *б.* Он дорог мне. Он дорог мне, Аркадий Макарович, хотя не в том смысле. Знаете ли вы, что я хоть и боялась его, но всегда боялась больше за него, чем за себя?

— Пусть же он воскреснет. Он должен быть потрясен.

— Но при нем ваша мать.

— Вы опять про нее. Уж не знаете ли вы ее лично? Я вижу, что вы знаете маму, да?

— Ее видела несколько раз, с ней знакомы. Но оставим это.

18 *После:* угрызения — совести. Потом почувствую, но теперь не чувствую. Да какой самосуд возможен подле вас?◊

21–22 вы как будто немножко в бреду / вы как в бреду◊

25–26 Скажите ∾ что было? / Как это вы вышли ко мне?

28 Всё, должно быть, знаю / Как не знать, всё знаю, наизусть◊

29 поклялись / клялись◊

36 пустенькие, раздражительные / досадные для ее вопросы

37–38 она могла ∾ чтоб отвязаться / она могла лишь, как мать, отрываясь от дела, чтоб ответить с доброй улыбкой маленькому ребенку на какой-нибудь его детский глупый вопрос

42 О, ради бога / Неужели? О, ради бога◊

42 не нужно, не рассказывайте ничего / не нужно подробностей◊

43–44 протянула ∾ в лице / остановила она меня с некоторым беспокойством. *Далее: а.* и тяготясь темой разговора. *б.* Ясно было, что она даже темой разговора тяготится

44 но я уже / но я вдруг◊

45 *После:* высказать всё — что я делать хотел и об чем проповедовал◊

Стр. 367.

1 Не надо ∾ подробностей! / Не надо ничего◊

2 я сама знаю: бьюсь об заклад, вы хотели / знаю: хотите сейчас угадаю.

Это очень легко, стоит только вообразить что-нибудь необычайно ужасное, ну вот, вы, вероятно, хотели ◇
3 или вроде того / а? что может быть ужаснее?
5 Ах, да ∾ угадала! / Каково! Да ведь я угадала. Вижу по зардевшимся вашим щекам, что это точь-в-точь так и было. Но довольно, довольно, я вас прощаю... Она смеялась, но я видел, что через силу, ей было не до шуток. Один я был ужасно поражен.
7 *После:* пролепетал было я — *начато:* пораженный.

— Но нет, — вскричал вдруг я, — это не то. Не в том, что жениться главное, а что сделать для этого! Знайте же...

— Ничего не хочу знать, и вы заранее прощен.

10–11 *После:* с видимым нетерпением. — Вы не можете простить мне! — возопил я, — не в том дело, что я жениться хотел, я за это уже довольно наказан теперь тем, что стою перед вами и гляжу вам прямо в лицо, не в женитьбе главное, а в средствах. Знаете ли вы, какие были выбраны средства?

— И знать не хочу.◇

11 *После:* если б вы знали — об чем я мечтаю ◇
13 *После:* Довольно — перейдем на другое ◇
15 нельзя было бы ∾ говорить / я бы не смела с вами так говорить.
16 Ведь да? / Да?
17 Вы виноваты? / Стойте! ◇
19 Я ей не солгал. / О, я не лгал ей в ту́ минуту.◇
20 Напрасно так себя мучили / Ну, об этом не беспокойтесь, и вы ошиблись ◇
23 *После:* двадцать лет. — Но это низко! — Но вы проговорились ему, только ему! ◇
24 это поняла, но уже было поздно / это поняла потом, но уже поздно ◇
24–25 о да, я сама была тогда виновата / Повторяю, я сама в ответе ◇
26 *После:* вас успокоить — *начато:* ей богу, я уже предчувствовала ту
26–27 не принимать вас в дом / не принимать вас ◇
27 *После:* та ночь. — Всё это я предвидела. [И что могли вы обо мне подумать] ◇
28 мечтала / думала
30 его наговорам обо мне / про меня ему
31 *После:* вскричал я. — Но я не понимаю, как я могу теперь это слушать, я недостоин.

— Почему недостойны? ◇

32–33 мне в вас ∾ искренность / *Начато:* мне в вас дорог юноша и искренность, будущее
35 из всех современных женщин / из всех женщин ◇
37–38 Но наконец-то ∾ на свете / О, я надеюсь [теперь], что наконец-то ОН даст и мне жить на свете ◇
39 вырвалось нечаянно / было нечаянное ◇
39–40 не захотел подымать / промолчал
40 *Слов:* но я весь задрожал — *нет.*
41 Он знает, что я простила ему / Я простила ему
43–44 И как ∾ простили? / *а.* И неужели он знает это *б.* и как он [может] мог бы узнать про это ◇
46 Как он узнал? О, он знает / О, я угадываю его мысли
46–48 *Слов:* продолжала она ∾ с собою — *нет.*

Стр. 367—368.

48–2 Он теперь очнулся ∾ в его роде. / Это был взрыв, и последний; скорее взрыв досады и гордости, чем чего-то другого. И, наконец, нам уже 47 лет, не забудьте это. Теперь долг! [Он знает, что я это ему простила.] Да и как бы ему не знать [этого], что я ему простила, знает же он мою душу [наконец, что-нибудь любит же он во мне], по своей знает. Ведь я сама немножко в этом роде.◇

Стр. 368.

6 Ведь полюбил ∾ за что-нибудь. / Ведь полюбил же он что-нибудь во мне ◇

8 Это он ∾ секрет. / Это он только другим говорит, а про себя он знает другое.◇

11–13 п... высказывалась ∾ не расспрашивать / и высказывалась, а я не мог удержаться, чтоб не выслушивать ◇

14 *Слов:* О да, смешно — *нет.*

17 *После:* кровью — или уж не знаю, как сказать.◇

18–19 я за жизнь ∾ малодушна / Аркадий Макарович, страстно люблю. Я за жизнь ужасно боюсь, я ужасно в этом малодушна. А потом, мне и жалко его стало, так что... Ну да я уж сознаюсь вам во всем: я таки смеялась, хоть и жалко было, но и смешно: вообразить только, что я вас развращаю.◇

20 всё там / всё у гроба ◇

21 скорей, непременно скорей / скорее, скорее ◇

23–24 О, дай вам бог счастья / О, дай вам бог всем счастья ◇

25–26 *Слов:* даже сейчас же, мне было бы очень приятно — *нет.*

30–31 *После:* не предположил. — [Неужели она любит или любила его?] Всего только было известие о том, что он стал свободен, т. е. по-настоящему не свободнее, чем когда бы то ни было, ибо вдруг — мужем мамы.◇

31 как бы сжалось / сделалось ◇

32 Я прождал / Я, однако же, прождал ◇

33 *После:* я решился — справиться у Марьи

34 На мой оклик появилась / Вдруг показалась ◇

39–41 Я захватил ∾ достану?» / Я захватил поскорее мое платье, накинул на себя и вышел с мыслью: «Она говорит, идите к нему, а где я его сыщу?»

41 *После:* его достану?» — Эта мысль мелькнула в моей голове как главный пункт. Тот вечер был роковой, и я запомнил каждое мгновение

42 поражен был вопросом / поражен был и еще вопросом [капитальным и мучительным: «Какие же, наконец, их отношения?»] ◇

44 *После:* на маме — О да, он женится.

Стр 368—369.

45–2 или, напротив ∾ разрешить? / [и даст ей свободу] и от нее отвяжется или, напротив, [мучается] оттого несчастна? Отчего она была в волнении, этого я не мог разобрать. ◇

Стр. 369.

4 *После:* был роковой. — Описывать мое собственное возбуждение и весь хаос, обхвативший меня, не буду, да и не по силам. Я только помню, что спешил и торопился ужасно [но куда, конечно, сам не знал], сам не знаю куда. Зато твердо верил, что в этот вечер всё разрешится.◇

6 к маминой квартире / к моей квартире ◇

8 вскрикнул он радостно / крикнул он в восторге ◇

12 но тебя не было / одним словом, тебя не было ◇

12 даже забыв попросить / даже не попросив передать ◇

13 чтоб ты немедля / чтоб ты немедленно ◇

14–16 что судьба ∾ ко мне / *а.* что ты явишься и что я пробуду с тобой всю ночь *б.* что буду с тобою, что так или этак, а судьба пошлет тебя ко мне сегодня, замечу тебя, или ты сам придешь, и пробуду с тобой весь вечер. И вот и ты. Идем, идем ко мне.◇

18–19 мы оба друг друга ∾ схожее / [мы искали друг друга и] с нами повторилось с каждым почти одно и то же ◇

19 Мы пошли очень торопясь / Я молча пошел за ним ◇

20 он промолвил / *а.* он сказал *б.* он проговорил ◇

20 коротеньких фраз / коротеньких слов ◇

21 *После:* с Татьяной Павловной — но видно было, что главное, для чего я был ему так необходим, будет дома.
22–23 *Слов:* и мы скоро пришли — *нет.*
28–29 комната ∾ первая / комната собственно для Версилова, первая◊
31 Действительно / Тут действительно◊
32–35 было много ∾ обжитой угол / были и книги, были и исписанные бумаги, были пачки с письмами◊
35 и прежде / и прежде иногда◊
36 переселялся / переезжал
37 даже по целым неделям / дней по пяти и по неделям. Теперь же, с моей болезнию, как я уже и упоминал прежде, переехал сюда окончательно.◊

Стр. 369—380.

37–18 *К тексту:* Первое, что остановило ∾ заговоришко... — *наброски:* Мама. Фотография. Святая русская женщина. Лидия — не ревновать, — замечание идеалиста. «Я ждал тебя здесь» (ребенок, чай). «Зачем вы не звали меня?» — «А что бы я мог сказать». «Ростов — в народ. Вы масон. Зачем, зачем вы не звали меня?»

Выслушай.

Исповедь.

Скитался. Я не хотел нового, хотя бы и лучшего. Крепостничество, скажет фельетонист. Ведь, ей богу, может быть, прав. — Старый тип. Еврей в офицеры. (Скользит ловко.)

Всё прейдет. Не веровал и не хотел лучшего. Нас 1000. (Скользит.) Атеизм — ведь вы пред этими мужами. Венеция. Заснул. Клод Лорен — мама. О любви к маме — расти травке божией — умножившейся бесконечно любовью.

Моя идея (после, в виде сумасшествия от любви к *ней*). Макар — расти траве божией; вериги. Встреча с *ней. Она* — fatum ⟨рок (*лат.*)⟩. Излечение. О Макаре, сегодня воскресенье. Выпьем. Пойдем странствовать, восторг (княжна Катя). О, да будет благословенно! ...Последнего идеалиста.

ПОРЯДОК:
Венеция. Мужи.
Клод Лорен.
Восполненная тайна или атеизм. Явление Христа.
Идея вериг.
Внезапная идея мамы.
Она

Стр. 369.

38 висевший над письменным столом / *Начато:* над письменным столом
39 резной дорогого дерева / и дорогой резной черного дерева◊
42 об этом портрете прежде / об этом портрете◊
44–45 одним словом ∾ механический оттиск / Как будто это была не фотография, а картина, дело рук великого художника◊
46 остановился перед ним / загляделся◊

Стр. 370.

2 выражением его лица / его лицом◊
2–4 но с горячим ∾ у него вовсе / и с горячечно сверкавшими глазами, но в лице его было решительно восторженное выражение, выражение счастья и силы, выражение, которого я еще не знал у него до сих пор вовсе◊
7 Он блаженно улыбнулся / Он счастливо, блаженно улыбнулся◊
9 *Слов:* не умею я этого высказать; но — *нет.*
10 торжественно / слишком торжественно
12 приблизил к себе / приблизил к лицу и◊
12–13 *После:* опять на стену. — Вот еще портрет, — сказал он мне вдруг, — погляди и на него.

«Подросток». Страница чернового автографа главы VII третьей части. 1875 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

Это была тоже фотография, но несравненно меньшего размера, в тоненьком овальном деревянном ободочке, стоявшая на его письменном столе. ◇ *Далее наброски:* Заметь, — сказал он, — фотография не похожа совсем бывает. Она была счастлива, когда я выпросил тогда ее портрет. Русские женщины быстро изнашиваются в любви их, беззаветно всё отдают, не пряча про себя — впалые щеки. Фотография. Ребенок.

— Хотели жениться?

— Да, да, сюда, в этот угол. Я ждал тебя из Москвы. Милый мальчик.

Мама. Опа позволила: разве к ней можно было ревновать?

— Вы идеалист, разве женщина может не ревновать?

— Совершенно верно. Это-то меня всё время и мучит. Ты сказал «идеалист»? Да-да, мой друг, да, я идеалист.

15 выходят похожими / [бывают] выходят вполне похожими ◇

18 характерную мысль / характерную и высшую мысль ◇

19 эту главную мысль лица / эту мысль, так сказать, мысль целой жизни

20 в лице / на лице ◇

22 в иную минуту вышел бы глупым / выйдет глупым ◇

24 кроткой любви / кроткой любви и всепрощения

24–25 *Слов:* и несколько дикого, пугливого ее целомудрия — *нет.*

29 эти морщинки на лбу / эти морщинки ◇

29–30 как бы нарастающая ∾ тем больше / и несколько дикого, пугливого ее целомудрия ◇

36–37 и настоящее / и настоящий час ◇

37 и будущее / и всё будущее, всё тому, кого любит. ◇

37 экономничать ∾ не прячут / Они не экономничают, про запас не [прячут ни чувств, ни красоты] умеют прятать, рассчитывая по термометру, ничего не прячут про запас ◇

38 *После:* впалые щеки — и робкие взгляды

40–41 и даже ∾ любил ее / и не знал, что я любил ее ◇

47 *Слов:* в то же время — *нет.*

48 Черты правильные / Черты правильные, высокого ◇

Стр. 371.

2–3 неподвижная ∾ не под силу / неподвижная мучительная идея, мучительная именно тем, что не под силу этому существу — чувство не под силу сердцу, мысль не под силу уму ◇

5–6 проговорил я несколько робко / вскричал я ◇

9 Оставь портрет / Поставь портрет ◇

11 Совсем сумасшедшая? / Как, совсем сумасшедшая? ◇

14–15 *Слов:* это — один из подлейших ∾ Петровича — *нет.*

15 ребенок теперь здесь / он здесь теперь ◇

16–17 приходить и смотреть на ребенка / приходить к нему ◇

18 Я взял его / я взял ребенка ◇

19 на этой... несчастной / на Лидии ◇

20–21 промолвил я с горячностью / сказал я ◇

22 *После:* позволила — Прося позволения, я так рассуждал: разве к этой можно было ревновать?

26 было всё кончено / всё было сделано ◇

27 *После:* она дала позволение — и мучаюсь до сих пор.

28–29 да, может ∾ не пускаю к ребенку / а маму я не пускаю к ребенку ◇

31–32 знаешь ли ∾ мечтал / Знаешь ли сколько — уже [несколько лет] [много лет] два года мечтаю ◇

33–34 с беззаветною горячностью сердца / и в лице его засияла любовь

34 *После:* схватил его за руку — Я вам верю, теперь я вам верю... *друг мой* [и отец мой], но ◇

39 спящего / на руках спящего ◇

42 Садись к самовару. / Садись к самовару, милый. ◇

44 *После:* сходились — к чайному столу

44 *После:* не разлучаясь. — Ты Версилов, и я знаю, что настолько будешь иметь bon goût ⟨хороший вкус (*франц.*)⟩, чтобы не посмеяться [надо мной] в это мгновение. Да хоть и смейся, всё равно, мне будет мило. ◊

46 *После:* из Москвы! — И сколько раз! ◊

47–48 Подожди ∾ поймешь теперь. / зачем с детства бросил? «Зачем с детства бросил» — это уж давно прошло, слишком старая история, а зачем теперь, в эти [последние] два года не звал, это [я всё тебе положил рассказать] ты, может быть, поймешь теперь. Я давно мечтал об этой минуте.

— Но зачем же, когда я приехал, не говорили? ◊

Стр. 372.

3 вымолвил это / вскрикнул так ◊

7 услышал от него теперь / услышал от него ◊

8 со счастием знали / знали ◊

9 *После:* этого старика — мой милый ◊

10 есть и другое ∾ в одну точку... / Смерть [только] лишь факт. [Многое и без того сошлось в одну точку.] Есть и другое гораздо важней, что сошлось теперь в одну точку. и — вот вдруг создалось мгновенье! ◊

11–21 Милый мой ∾ с некоторою натугою начал / О, друг мой, ты не поверишь, как я всю жизнь мою хотел жить и жаждал жить. [и верь мне, вот нисколько не стыжусь признанья] Жажда жизни во мне доходила и доходит до страсти, до ненасытности. Но ты, может быть, еще не понимаешь меня. В этой слабости сознаюсь тебе. Милый мой, поговорим, время пришло, и я давно влюблен в тебя, мальчик. [Ты вот, спрашиваешь] Так зачем я не позвал тебя раньше, вот что ты хочешь узнать? Но если бы я позвал тебя, милый, а что же бы я сам-то сказал тебе? Ты на днях объявил, что ищешь благообразие, это ты хорошо формулировал [а меня как будто проникло: знай же, что я и сам искал его, а так как его не было, то и не звал тебя], но как же бы тебе ехать ко мне в таком случае? О, тут не одна смерть старика. [Правда] Теперь мама твоя — моя жена, а ты — мой сын, но... Милый мой, я [тебе хочу кой-что рассказать] сейчас тебе кой-что скажу, а ты мне скажи, так ли это. — Он откинулся в своих креслах и еще раз с любовью оглядел меня, но, помню, в лице его вдруг мелькнула его обычная улыбка грусти и раздражительной насмешки.

— Как это странно, как это странно слышать — вскричал я, утопая в восторге.

— Поговорим, мой милый, поговорим. — Он скрепился и как бы с болью начал. ◊ *Далее наброски:* Если б я тебя позвал, то что бы сказал тебе, — вот весь ответ мой, мой милый (благообразие). — То есть вы о социальном положении. — Я и об маме. Сначала любил, потом бросил, потом не забывал, потом вспоминал, полюбив; потом влюбился.

23–24 Вот что, Аркадий ∾ мой ответ. / Так зачем я не звал тебя раньше? — вот что ты хочешь узнать. Но если б я и позвал тебя, то что бы сказал тебе? — вот весь мой ответ, и вот что меня [удержало или лучше сказать] разохочивало, мой милый, позвать тебя, разохочивало постоянно, — улыбнулся он задумчиво.

28–29 не знал бы ∾ молчать / о многом пришлось бы молчать, да и не поняли бы мы друг друга вовсе ◊

30–31 право, на самый балаганный фокус / право, друг мой, решительно похоже на магию ◊

32 *После:* понял себя самого — то есть почти всю мою жизнь, за все последние годы ◊

35 разъясню фокус / разъясню загадку ◊

35 вполне справедливо / вполне правда ◊

36 в странствии и недоумениях / в недоумениях

38 В недавнюю еще ∾ обиделся / В старину я и впрямь обиделся бы, но теперь — теперь покоряюсь... По крайней мере не удивляюсь. ◊

39–40 сильно выступала / мелькнула ◊

42 *После:* я воскликнул — неудержимо

Стр. 373.

1 *После:* посмотрел на меня пристально — и внимательно, вдумываясь и соображая ◊

2–3 моим восклицанием ∾ от нее» / моим невольным, неудержимым восклицанием ◊

4 сказал он ∾ улыбкой / мой милый, — [сказал] вымолвил он наконец спокойно ◊

6 тебя и привел ∾ всё отложим / и призвал тебя...тут, впрочем, много пустого и мелочного. Оставим это теперь. Знаешь, друг мой Аркадий, несколько дней назад ты вдруг вымолвил в жару одно слово, которое очень меня поразило, именно — «благообразие». Я понял так, что в нас нет его, а что ты его ищешь с того дня, как себя помнишь, и что потому ты бросаешь нас и идешь искать его в другом месте. Ну это точь-в-точь так и есть: зная, что не дам тебе благообразия, я и не звал тебя до сих пор. Ведь приехал ты из Москвы почти случайно. Но ты не поверишь, как стал ты мне сразу вдвое роднее и понятнее после этого твоего восклицания о благообразии. «Неужели мы до такой близкой степени друг на друга похожи?» — подумал я и вдвое тебя полюбил. Ну, а подумав еще, я догадался, что ты ничего не сказал мне о себе нового, и я знал об этом еще два года назад, может, пять лет назад. Потому что я постоянно думал о тебе, мой милый, — этому ты должен поверить.

— Но если вы думали так давно уже обо мне, друг мой, и так любили меня, то какого же надо было еще благообразия?

— Ты так полагаешь, мой друг? Не будем спорить, а лучше поговорим об одном предмете. Слушай, друг, я начну издалека. Говорить, так говорить.

Он улыбнулся и помолчал. Он видимо становился грустнее и грустнее, и в то же время им постепенно и видимо, по мере речи, овладевало сильное и энергетическое возбуждение. [Я всё разбиваюсь, развлекаюсь, хочу говорить об одном, а ударяюсь в тысячу боковых подробностей. Это всегда бывает, когда сердце слишком полно, а мысль давит...] *Далее начато: а.* У меня, мой милый, есть один любимый писатель [из наших современных]. Он романист, но [я бы назвал его] для меня он почти историограф нашего дворянства, или, лучше сказать, нашего культурного слоя, по выражению одного современного генерала, тоже писателя. Я, мой друг, за русской литературой слежу с охотой и с удовольствием, и в этом моветоне охотно тебе признаюсь. Помнишь, в «Онегине». Ну вот, этот завет Пушкина он и взялся исполнить. Я проследил — с детства и отрочества, на войну, на побывку. О, у него широко взято, все эпохи дворянства. Не одни лишь встречи, но вся эпоха. *б.* У меня, мой милый, есть один любимый русский писатель. Он романист, но для меня он почти историограф нашего дворянства, или, лучше сказать, нашего культурного слоя, завершающего собою «воспитательный» период нашей истории, по выражению одного современного русского генерала и, пожалуй, тоже писателя. В этом «историографе нашего дворянства» мне нравится всего больше вот это самое «благообразие», которого [ты ищешь или] мы с тобой ищем [или по крайней мере намек на возможность его], в героях, изображенных им. Он берет дворянина с его детства и юношества, он рисует его в семье, его первые шаги в жизни, его первые [взгляды] радости, слезы и всё так поэтично, так незыблемо и неоспоримо. Он психолог дворянской души. Но главное в том, что это дано как неоспоримое, и, уж конечно, ты соглашаешься. Соглашаешься и завидуешь. О, сколько завидуют! Есть дети, с детства уже задумывающиеся над своей семьей, с детства оскорбленные неблагообразием отцов своих, отцов и среды своей, а главное, уж в детстве начинающие понимать беспорядочность и случайность основ всей их

жизни, отсутствие установившихся форм и родового предания. Эти должны завидовать моему писателю, завидовать [моему] его героям и, пожалуй, не любить их. О, это не герои: это милые дети, у которых прекрасные, милые отцы, кушающие в клубе, хлебосольничающие по Москве, старшие дети их в гусарах или студенты в Университете, из имеющих свой экипаж. Писатель выставляет их со всею откровенностью: они лично часто даже смешны и забавны, нередко и ничтожны, но как целое, как сословье, они бесспорно изображают собою нечто законченное. В основах этого высшего слоя русских людей уже лежит что-то незыблемое и неоспоримое. Тут всякий индивидуум может иметь свои слабости и быть очень смешным, но он крепок целым, нажитым в два столетия, а корнями и раньше того. И несмотря на реализм, на действительность, на смешное и комическое, тут возможно и трогательное и патетическое. Как бы там ни было хорошо всё это или дурно само по себе, но тут уже [порядок, тут воспиталась и сохранилась честь] выжитая и определившаяся форма, тут накопились правила, тут своего рода честь и долг. О, они не в одной Москве и не в одних только клубах, и не всё хлебосольничают: историк раздвигает самую широкую [и славную] историческую картину культурного слоя. Он ведет его и выставляет в самую славную эпоху отечества. Они умирают за родину, они [отличаются пылкими юношами] летят в бой пылкими юношами или ведут в бой всё отечество маститыми полководцами. О, историк беспристрастен, реальность картин придает изумительную прелесть описанию, тут рядом с представителями талантов, чести и долга — сколько открыто негодяев, смешных ничтожностей, дураков. В высших типах своих историк выставляет [беспощадно и исторические пор⟨треты⟩] с тонкостью и остроумием [европейские идеи] историю перевоплощения разных европейских [типов] идей в лицах русского дворянства: тут и масоны, тут и перевоплощение пушкинского Сильвио, взятого из Байрона, тут и зачатки декабристов. В последних произведениях своих художник берет уже время новейшее, современное. Мальчик, которого он описывал в детстве, уже вырос, он — современный помещик без крестьян, но с хозяйством. Он не любит земских собраний и не ездит на них. Он, как Иаков, идет к Лавану за женой из своего рода, но... но он как будто еще не готов к чему-то, он как-то вдруг стал задумчив... какая-то как бы тихая и недоумевающая меланхолия лежит на его действии и на его мировоззрении...

6 Видишь, друг мой / Друг мой ◇

8 *После:* над своей семьей — уже с детства

10–12 они слишком рано завидуют ∾ удивительно как рассеян. / они из случайных людей и завидуют. Тогда оно почти так и было: они завидовали слишком рано, и способности их развивались к худшему — или в молчалинское подобострастие, или в затаенное мечтание беспорядка. [Да, кое-что я и тогда заметил, затаенное и нетерпеливое.]

— Беспорядка? — вскричал я.

— Да, от жажды порядка и благообразия. Было много затаенного и нетерпеливого, но всё это я считал тогда сором и был почти прав. Всё это [являлось случайно] действительно пробивалось из сора в высший культурный слой и кончало тем, что с успехом прирастало к нему. [Но пока они] Жалеть их было нечего, что они дорогой сознавали беспорядочность и случайность [основ их жизни] свою, отсутствие [в ней уважаемого родового предания] в их жизни благородного и красивого [за недостатком уважаемого родового предания]. Заметь, однако, что я, Версилов, дворянин с двенадцатого столетия, сам был из задумывающихся в этом роде, но, стало быть, от других причин. Но я страстно любил дворянство и люблю до сих пор.

— А народ, Макара Ивановича, — [вскричал] пролепетал было я [но он не ответил тотчас же].

— Ныне, — продолжал он, — с недавнего времени, впрочем, мо-

жет быть, уже с очень давнего, происходит у нас нечто обратное, то есть не сор прирастает к высшему и красивому типу людей, но, напротив, от [родового] красивого слоя отрываются куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядочными и завидующими. И далеко не единичный факт или случай.

— Впрочем, я опять заболтался, извини, — как бы очнулся он вдруг. ◊

12–14 Я хотел только ∾ это время. / Я хотел только [сказать] выразить, как постоянно я боялся за тебя, мой милый. Давно уже.

14 *После:* Я всегда — *начато:* боялся за юношей с слишком ранней жаждой благообразия. Их мало, но все-таки их несравненно больше, чем думают... те, которые мало думают. О, в нашем юношестве [несмотря на расстройство основ] столько еще честности и чистоты, столько правдивости и жажды жертвы ради истины и в то же время такая уродливость эгоизма [и бессердечие], столько жажды [отмстительного] беспорядка ради беспорядка. Такое жалкое отсутствие чего-нибудь уже выработанного, внешнего и бесспорного в их глазах для их уважения, — что этого нигде и никак не поймешь.

14–19 Я всегда воображал ∾ именно — «мстительной». / Я всегда воображал тебя одним из тех случайных и неопределенных юношей без преданий и форм и с страстной, почти мстительной жаждой благообразия [О, этот тип мне известен, я сам был немножко в этом роде.] и оставленных судьбой на одни свои силы и грезы. ◊

19 *Слов:* я опять уклонился — *нет.*

21 мечты / мысли и грезы, к тому же ты ⟨*нрзб.*⟩ жил один, всё один, и мне было больно, о, верь!

21 *После:* Но довольно — *а. начато:* довольно, кончим эту матерью. Я немного рассеян. Но всё же надо было тебе заявить. А я даже вчера не знал еще, что буду когда-нибудь сидеть и говорить с моим сыном. *б.* Они уже с детства начинают понимать беспорядочность и случайность основы всей их жизни, отсутствие в ней благородного и красивого великого уважаемого родового предания и всего прочего, что найдешь только в высшем незыблемом слое людей. О, я даже помню этих детей, а этому уже давно я наметил этих задумывающихся еще с детства, еще с школы, и тогда заключил, что всё это потому, что они из случайных людей и завидуют. В самом деле, они завидовали слишком рано. Эти все из случайных людей, из всякого народа [приращивались постепенно к дворянству — так ведь у нас всегда шло это дело], пробивающиеся в культурный слой и затем прирастающие постепенно. Они завидовали слишком рано, и способности их развивались к худшему — или в молчалинское подобострастие, или в затаенный беспорядок [и бунт] и затаенную ненависть. Последнее проявлялось реже, но было болью затаенною даже и в мое время. Впрочем, всё это постепенно сживалось и примыкало с годами к высшему [красивому родовому слою и успешно срасталось с ним] типу людей, срасталось с ним успешно, переходя в родовое дворянство. Но ныне же, с недавнего времени, происходит нечто обратное: не только не прирастают они к высшему, красивому родовому слою, но, напротив, от красивого слоя [с неоспоримыми и родовыми преданиями] отрываются куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядочными и завидующими. И далеко не мелкий факт или единичный случай, что отцы смеются над тем, что хотели бы уважить их дети, и не скрывают от них своей радости, что точно обрадовались праву на бесчестье, которое они вдруг из чего-то вывели целой массой, во имя новых идей [в которых]. В новых либеральных идеях они [поняли] ухватили лишь одну только возможность [разбить старый долг] эксплуатировать их во имя равнодушия, разврата и цинического эгоизма. *Далее было: а.* А к равнодушию-то так склонен русский человек, так любит его [до того любит]. О, оплевать то, что уважали [отец и мать его для многих] прежде, для русского составляет удивительное теперь удоволь-

ствие [и это единственно из равнодушия], ибо русский приучен к тому, и всё это из мясистой радости не считать того долгом, что долгом считалось прежде, и по возможности избавить себя от всяких обязанностей, потому что *новых* долгов и обязанностей, которых немало, ведь всё равно не понимают они. *б.* Милый мой мальчик, либералов вовсе не так много у нас, как всем нам [кажется. Есть только обрадовавшиеся праву на бесчестье. Таких чрезмерно уж много теперь накопилось.] вдруг показалось. [Мошенников больше.] Уверяю тебя.

[Милый мальчик] Я опять заболтался, извини. Но воображаю [роль романиста], однако, в какой просак попадет романист, который бы взялся изобразить душу и всё, что в душе иного [подростка] юноши нашего времени, из [этих, которые жаждут] вот именно случайных людей и определенного типа, без предания и форм, но уже с жаждой благообразия. [О, конечно, их на тысячу один, и все прочие из тысячи — серединка, да ведь один все-таки часто у нас, больше тысячи] Таких мало, но уже то серьезно, если их один хоть на тысячу, а их больше, гораздо больше.

О, тут столько никому не понятного, и всё это считается таким пустым делом. Но тут есть своего рода восторг. Некоторая бесспорная чистота сердца, несмотря ни на что, а пуще всего отвага, жертва собой и вызов на бой, что так прельстительно.

21–28 я, собственно ∾ чем-то растроган. / Друг мой, я [еще] уже очень давно, гораздо прежде, чем даже начал любить тебя, воображал тебя, мальчик, и мысли твои, и грезы твои [под твоим одеялом] в школе. О, я помню, что сам грезил засыпая, под одеялом, в тот единственно удобный в школе момент для мыслей и грез [когда уже в самом деле], в который действительно [уже] остаешься [наконец] один без проклятых товарищей. Я тоже, как и ты, никогда не любил моих товарищей, мальчик, хотя я и из высшего слоя. И представь, как я боялся за тебя, я очень боялся, чтоб ты не ушел куда-нибудь. Я слишком знаю, из чего состоит молодая душа, которая жаждет «благообразия» слишком рано, и сколько тут всяких противуречий и восторгов, [жертв и ненависти самолюбий] и всё это неестественно, преждевременно, но что бы я сказал тебе [во имя благообразия]. Не ответил ли бы ты сам тогда, что я не имею права совать нос в судьбу твою. Может быть, по деликатности бы и не сказал, но ведь [в таком] тогда было бы даже хуже. Я немного рассеян. Кончим эту матерью [только]. Всё равно это надо было тебе заявить [хоть в двух словах]. А раньше — раньше, что бы я сказал тебе, — опять повторил он. — Теперь [же] вижу твой взгляд на [себя] меня и знаю, что на меня смотрит мой сын. Теперь мы говорим с тобой, мальчик, но я еще вчера не уверен был, что буду сегодня говорить с моим сыном. *Рядом на полях наброски:* И хоть, конечно, не желал бы тебе роли Молчалина, но мне грустно было всё время это, что, в сущности, я даже и не смею совать свой нос в твою судьбу, тебя жалеть и руководить тебя — потому... потому, что не могу тебе дать «благообразия». Ну, это кончено; всё же это надо было сказать, хоть в двух словах, коротких словах. Но опять-таки, что бы я сказал тебе, если бы позвал тебя тогда?

29 Мне теперь / Да мне теперь ◇

29 мечтать и грезить / мечтать под одеялом ◇

30 проговорил я / вскричал я ◇

32 *После:* За мной? — О, мальчик, что ты сказал!

34 занавес опускается / занавес опустился ◇

36 мой милый / мой друг ◇

37 ей сам заявил / ей заявил ◇

38 Я объяснил ей тогда, что уезжаю / Я объяснился с ней и уехал.

40 Об тебе ∾ ни минуты. / Об тебе я даже и не подумал. Всё это ты должен узнать, мальчик. ◇

41 в Европе, мой милый / в Европе навеки ◇

43–45 Участвовать ∾ не сдерживаясь. / заграничная пропаганда? Вы участвовали в каком-нибудь заговоре? — вскричал я восторженно. ◇

46 Нет, мой друг / О нет, мой милый ◇

46–48 А у тебя ∾ мой милый. / А у тебя сверкают даже глаза. [Я люблю твои замеча⟨ния⟩] [Ты до того меня уважаешь в эту минуту] Ты ничего не мог вообразить для меня почетнее в эту минуту, что даже и представить не можешь пе заговорщиком. Я люблю твои замечания, мальчик. ◇

48 Нет, я просто / Я просто ◇

Стр. 374.

1–2 *После:* лучше выразиться. — Je suis gentilhomme avant tout et je mourrai gentilhomme.

6–7 Не мог вынести ∾ освободителями. / О, милый, да мы-то и были освободители. Царь освободил, а мы освобождали. Тогда вся Европа была полна дворянами, бежавшими от своего дворянства.

7 *После:* без всякой злобы. — [И уж] Я бросил вовсе не потому, что мало получил за свой либерализм. ◇

8–11 бился бескорыстно ∾ такие, как я / Я веровал и веру никогда не терял, ни прежде, ни после. Мошенники, греющие руки около новых идей, честные последователи идей и представители их — всё это [одинаково мелькало передо мной и не могло смутить меня] вовсе не имело такой силы, чтобы вывести меня из себя и заставить убежать от себя. ◇

12 *Слов:* поверь тому — *нет.*

12 далекий от мысли / далекий от убеждения ◇

12–13 настало мне время / *Начато: а.* стукнуло *б.* Пробил мой час и

13–15 Je suis ∾ было грустно. / Нет, мой друг, я выехал дворянином, но [только] мне было очень грустно. ◇

15–17 действительно ∾ идеи, мой милый!.. / вот те, которым грустно, на тысячу по одному, стало быть, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. [Впрочем] Не умираем-то мы, а те пропадают бесследно. Но я все-таки уехал в тоске и не хотел возвращаться. ◇ *Рядом на полях наброски:* Да, так и есть, только мы одни и не умираем, а всё остальное пропадет бесследно, всё проходит как тень. Мы носители идеи.

17–18 Друг мой / Милый мой, я немножечко болен и почти сумасшедший ◇

19–21 Я призвал ∾ А впрочем... впрочем... / Но если б ты даже понял одну сотую долю, то и того довольно. Я призвал тебя потому, что мне надо было обнять тебя и назвать тебя сыном. Вот почему и говорю тебе мою исповедь. Впрочем... впрочем, я заговорился. ◇ *Рядом на полях наброски:* Позвал тебя, потому что мне давно мечталось, как я что-нибудь открою тебе.

22–25 Нет, говорите ∾ не понимаю. / О, говорите, — вскричал я неудержимо. — Я вижу только одно на вашем лице, искренность и правдивость — и клянусь, пойму *вашу исповедь.* Ну, что же Европа, воскресли ли вы тогда? ◇

26–27 Воскресила ли ∾ ее хоронить! / Тогда? Но я сам ехал ее хоронить! ◇

28–29 *Текста:* Хоронить? ∾ улыбнулся. — *нет.*

30 Друг Аркадий / Милый мой ◇

Стр. 374—375.

31–33 Я никогда ∾ и обливал меня светом. / Я вспомнил... я вспомнил одно из первых мгновений тогдашних моих в Европе, в первые дни прибытия и расскажу тебе. О, я прежде бывал в Европе, но тогда было время особенное, никогда я не въезжал в нее с такой безотрадною грустью в сердце. Это было в Германии, и впечатления мои были удивительно настроены. В первые же дни по переезде через границу мне случилось опоздать. Я трезв — я не люблю втоптать в грязь то, чему молился, и если говорю тебе таким чадным и восторженным языком, то потому, что это одному тебе. Другому я не расскажу

моих странствий, да и похож ли я на беспутного. О друг мой, да, я был ужасно счастлив, но счастье это сливалось с [такою] безбрежной грустью! [Да и] Правда, может ли русский скиталец, вот этот самый, «один из тысячи» [захотеть] пожелать и принять счастье без страдания? ◇ *Рядом на полях наброски:* Тут был один сон, и расскажу тебе его. Русскому дворянину дорога Европа. Она ему большее отечество, чем Россия. Потому что любить Европу больше самой России есть истинное назначение русского. Культурный тип — страдание мировыми идеями. Петр, Екатерина. Беппо и Венеция. ⟨*нрзб.*⟩ О друг мой, это не смешно. Кончив нашу идею в России, я ехал в Европу. — Сапожничать.

Стр. 375.

33–34 И вот, друг мой ∾ это заходящее солнце / О, это заходящее солнце ◇
36–37 *После:* европейского человечества! — Я ехал хоронить, друг мой, повторяю тебе. ◇
38–39 Я не про войну ∾ про Тюильри / я не про войну лишь говорю ◇
39 я и без того знал / я знал, и я знал ◇
40 рано ли ∾ но я / хоть не теперь, так в будущем, может быть близком, и я ◇
40 *После:* русский европеец — то есть как дворянин русский ◇
43 текущей идеи / идеи, фатум жизни ◇
44–45 высшая русская мысль / высшая русская культурная мысль ◇
45 *После:* всепримирение идей — и результат последнего вывода все-таки на ее стороне. ◇
45–47 И кто бы ∾ мысль говорю. / Но никто бы не мог понять тогда во всем мире, и я скитался один. Ты удивляешься, что я так про себя говорю и себя выставляю, но если б я был их собственный первый пророк и оракул и заговорил; мне было грустно. Всемирно грустно. ◇
48 всего только французом / только французом

Стр. 375—376.

48–3 там француз ∾ в то именно время / Француз был в высшей степени только французом, а немец — немцем. Стало быть, в высшей степени француз вредил Франции, а немец Германии, а тот и другой — всему человечеству, потому что оба потеряли тем самым идеал будущего всепримиренного человека.

Стр. 376.

1 и это с наибольшим ∾ их историю / ибо никогда француз не был более французом, а немец более немцем, чем в то именно время и ◇
2 не повредил / не вредил
3 *После:* в то именно время! — Они понимали лишь как французы и немцы, а не как общеевропейский человек. Кто ж бы из них мог понять меня? Не про себя лично я говорю, а про всю русскую мысль. [Потому что] Друг мой, будущее мира заложено лишь в русскую мысль, предназначено угадать лишь русскому сердцу. Только русский культурный тип есть носитель мирового идеала. ◇
3–8 Тогда во всей ∾ всё же логика. / *а. Начато:* А ведь я знаю, что Тюильри ошибка и всего только логика. Окончательная правда — всепримирение всех. *б.* Только я один, как русский, между всеми зажигателями, знал тогда во всем мире, что Тюильри — ошибка, и один только я мог бы заявить про это тем, которые зажгли его, а тем, которые избили сожигателей, только я один во всем мире, как русский, мог заявить, что Тюильри хоть и ошибка, но логика. ◇
8–13 И это потому ∾ Ты, кажется, смеешься? / *а.* И это потому, что только русский может быть более французом, чем сам француз, и более немцем, чем немец. Ибо иначе я [бы] не был [европейцем] бы провозвестником примиренного европейского всечеловека и носителем европейского идеала. Носителем европейского

идеала есть в настоящий момент лишь Россия, а представитель России есть лишь русский культурный тип. Ты смеешься, мальчик? Для тебя это белиберда? В Европе тоже пока не знают об этом. *б. Начато:* И это потому, что только русский может быть единственным европейцем здесь и, делая так, служить России гораздо более. Он может это потому, что более француз, чем сам француз, и более немец, чем немец, в один и тот же момент, а стало быть, единственно он только может быть общеевропейцем. *На полях и внизу листа наброски:* Одна Россия. Те еще слишком французы и слишком немцы, тем кровь, таким выстроить Вавилонскую башню. Атеизм. Великое сиротство, и первое время они будут очень несчастны. Они будут убивать братий своих и себя. Я не виноват, что я понял это (вместе с 1000-ю). — Это идея самоистязания для выработки воли, а стало быть, и свободы, только овладевая волею своей, человек становится свободным. Это монашеская идея. Монашеская дисциплина... вериги, если хочешь... Идея верная. Они должны были драться, потому лишь, что они всё еще были немцы. Имя дала судьба и природа. Сильное прирастание. Только русский был свободен [и носит мысль] и быть примером человека. Ибо только русский есть в высшей степени европеец. Я во Франции — француз, с немцами — немец, с англичанами — англичанин, а с древними греками — грек, и тем именно я русский. Я никогда не тосковал, что я любил Европу больше России. Они, как французы и немцы, должны были пережить еще брань и кровь, а я прямо был носителем последнего идеала. Солнце идеи. Я трезв, я, кроме тебя, никому не скажу.

14–26 Нет, не смеюсь ∾ моего дворянства. / Нет, я не смеюсь, — вскричал я, — вы разбередили мое сердце вашим видением в Германии. Я начинаю что-то понимать; но я более всего рад тому, что вы так себя уважаете. [О] Говорите! [Вы уже много исправили] Я никак не ожидал услышать от вас столько веры и таких твердых слов. Вы говорили так твердо [никогда, никогда я не ожидал этого], как я не ожидал от вас никогда.

— Я скажу тебе, что люблю твои восклицания, милый, — ответил он и, встав с кресел, начал, не примечая того, ходить по комнате. Я тоже привстал. Он продолжал говорить [каким-то] своим странным языком, но с глубочайшим проникновением мыслью! — Я, мальчик мой, не могу не уважать моего дворянства, и я тебе должен разъяснить это, потому что я тебе себя разъясняю. Если же не поймешь, то я должен научить тебя. ◇ *На полях и внизу листа наброски:* Может быть, ты скажешь, что было 200-лет⟨*нрзб.*⟩ усилий, чтобы выработать нас 1000 человек, священный батальон носителей мысли. Мне кажется, немало, милый.

— Вы неестественно горды.

— Я горжусь не собой, мой милый.

— Неужели всё прейдет?

— Дворянская великая мысль больше, чем отечество. Я эмигрировал служить России, исполнить назначение. Грусть, жалел камни Беппо. Ведь я знал, что в конце наступит моя правда, ибо кончится царствием божиим.

— Вы ехали, чтоб проповедовать бога?

— Милый друг, я, атеист, много что наделаю, но как дворянин и всепримиряющий человек ⟨*4 нрзб.*⟩

Атеизм. Они переходят [опасный] страшный период. Кончится *на мое.*

— Ведь я вам это же говорил. Вы осудили ЕГО О, не смейтесь, я в бреду. Вы счастливы?

— Я всегда был счастлив. Но тогда я полюбил маму. Тогда я полюбил твою маму, милый.

— Тогда? но ведь вы ее оставили. О, скажите мне об маме!

— А я уже боялся, что ты мне простил ее за Герцена иль за какой-нибудь заговоришко.

Щеки мамы. Мне хотелось ее успокоить. Я мечтал ее успокоить. Всё время, как я ждал ее, я мечтал об этом. Друг мой, я был мировой пророк, как же мог быть я пришит к бабьей юбке. Пусть бы я ничего не сделал: оставьте мне мое скитание. ДВОРЯНИНА НЕЛЬЗЯ ЗА ВПАЛЫЕ ЩЕКИ МАМЫ.

— Друг мой, я должен перед тобой оправдаться, уж если я тебя призвал, чтоб обнять. Я не обижал твою маму. Если я забросил тебя... Я [должен] обязан тебе рассказать этот fatum ⟨рок (*лат.*)⟩. Эту встречу с НЕЮ. Самое главное. Не вынес непосредственной любви. Это было непочтительно.

Маму я припоминал, как я ее раз поцеловал. Мы были не в ссоре, но у ней вечная идея, что она *ниже* меня, не понимает меня, мне в тягость. У нас был крупный разговор, она была очень грустная. Я подошел сзади и поцеловал ее... Какой восторг. Недоверчиво покраснела, глаза сверкнули: «Ведь не любишь, а только пожалел». Я прочел это...

Наикапитальное: Милый, для того вся эта исповедь, чтоб ты понял мои отношения к маме. Разное образование, что понять она могла. Но там в тоске явилось перерождение. Я стал припоминать о ней и мечтать о ней.

Стр. 376—378.

25–2 Да, мальчик ∾ носили вериги? — *к отброшенным вариантам этого текста сделано примечание автора:* КОРОЧЕ — проверить с заметками. — ТЕПЛЕЕ. *На полях наброски:* Только я один в Европе тогда был свободен, ибо свободнее русского дворянина нет никого теперь на земле — впрочем, если он сам захочет. [Ты заговорил про Герцена] Ты вспомнил про Герцена, как легко было ему от всего оторванным начать свою деятельность! Заметь себе, я ничего не говорю про характер этой деятельности, а о том только, как легко ему было.

— Неужели вы так думаете?

— Совершенно, мой милый. Я эмигрировал, и мне ничего было не жаль назади. Я ехал служить России, я ей отслужил по мере сил... но теперь я ехал служить ей же в самой идее, возвещать ее. Знают о ней в России — мы, тысяча человек — сознательно, а очень многие пока лишь страстной и сильной грезой, даже инстинктом. Даже в черном народе, в Макаре, это можно легко приметить: есть какой-то иск, какая-то греза об общечеловеческом примирении. Знали — и пока лучшего, высшего ничего никто и не [ставил] предположит. У нас на этот счет как нигде, — заметь, например, [особенность самой существенной] национальную особенность нашу.

— Это Макар Ивановичевы слова. А народ, а Макар Иванович? Какое же ему назначение, — проговорил я недоверчиво, — вас только тысяча, а вы говорите — чело⟨вечество⟩.

— Я видел это и мог ли не тосковать? А до тех пор мне было жаль разрушенного. О, эти старые камни! О, настоящему русскому это дороже всего своего!

Мой милый, это было непросто. Русскому Европа так же мила, как Россия; каждый камень в ней мил. Европа так же точно была отечеством нашим с Петра, как Россия. О, более, более. Мне грустно было более их всех. Они знали своего бога, но мне жалко было страну святых грез. Только русский находит счастье в самообличении и в отсутствии шовинизма. Это не подлость. Русская мировая тоска — счастлива. О, это [мне] нам дороже, чем им самим! Будь уверен, особенно теперь. [Я даже это ясно увидел тогда и слишком почувствовал. И всё это должно прейти.] У них стали какие-то другие мысли; они уже не дорожат старым осколком, становятся всё более и более

равнодушными [к великим преданиям] к теням и к мыслям. Одна лишь насущность, животная битва за жизнь, за существование.

Стр. 376.

26 *После:* моего дворянства. — Друг мой, будущее мира, нет сомнения, заложено лишь в русскую мысль, и, стало быть, только русский культурный тип, к которому имею честь принадлежать и я, есть носитель мирового идеала.

26–27 еще нигде не виданный высший / странный ◇

27 *После:* в целом мире — *начато:* с назначением

28 *После:* боления за всех. — В нем несомненно будущее всепримирение [*а.* идей *б.* человечества *в.* людей] идей. [Он] Этот тип мыслей — есть носитель [европейского] идеала. ◇

28–29 но так как ∾ народа русского, то / но он есть высший культурный слой народа русского ◇

29–30 то, стало быть ∾ к нему / *а.* а стало быть, и носитель будущности русской *б.* а стало быть, я имею честь принадлежать ему. Принадлежу и сознаю, что и я [из] в числе носителей будущности русской. ◇

30 Он хранит в себе / Он [заключает и] хранит в себе будущее назначение России в истории человечества. [Он носитель идеалов и желаний русских.]

31–32 Нас, может быть ∾ может, менее / Нас пока тысяча — может быть, более, может быть, менее ◇

33 Скажут — мало / Скажут, что это мало ◇

35 По-моему, не мало / По-моему, [весьма] довольно [тут сохранилась идея, и рано иль поздно все сто миллионов примут эту идею — да будет!] ◇

Стр. 376—378.

36–2 Я слушал ∾ носили вериги? / Европа еще не знает про это. Она создала благородные типы французов, англичан, немцев [и проч.]. Но об [общечеловеке] будущем своем человеке, о всепримиренном человеке она еще почти ничего не знает. [Над этим словом — «общечеловек» даже смеются, но это название важное, ибо в нем одном только конечная правда, в нем несомненное будущее. Но что будущее это принадлежит России — это ясно как солнце.] Эту правду сохраним мы, рано ли, поздно ли все сто миллионов русских примут ее; да будет; что провозвестницей правды этой явится Россия — сомнения нет. Взгляни, ухвати главную черту различия нашего с современным европейцем. Вникни: француз может служить не только Франции, но даже и человечеству единственно [тем одним] под условием, если останется наиболее французом. Равно англичанин и немец. [На своей почве крепче они и сделают всё то, что завещано сделать каждому европейскому типу для человечества единственно тем одним, если сделают всё, что завещано сделать французу только как французу, а немцу как немцу. Потом всё соединится в одну сумму и когда-нибудь подведется итог.] Один лишь русский, даже в наше время, т. е. гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, — получил уже способность [быть именно] становиться наиболее русским именно тогда, когда он [в высшей степени европеец] проявляется наиболее европейцем, [Именно тогда-то он и в высшей степени Русский] ибо выражает собой главную будущую русскую мысль — [всепримирение человеческих идей] общечеловечество и всеобщность людей. Я [как русский] во Франции — француз, с немцами — немец, с древними греками — грек, и тем самым я наиболее русский. Тем самым я наиболее служу России, ибо обнаруживаю ее высшую мысль. [Я пионер ее, я посланный ею от самой России.] Я пионер этой мысли [и был

послан возгласить ее], ибо она пока заключена единственно лишь в высшем культурном слое народа русского. Эта мысль есть идеал человечества, а представитель ее есть высший культурный тип России. Я не виновен, что я сознал это и уважаю свое назначение [и вот как, мой милый, я смотрю на мое дворянство].

Я тогда эмигрировал, но я не покинул России. Эмигрируя, я, напротив, наиболее продолжал служить ей. Я был пионером России и помнил об ее высшей миссии. Всё, что было в силах моих, я отслужил России, пока был в ней. Выехав, я тоже продолжал служить ей, но лишь расширив идею. И делая так, служил России гораздо больше, чем если б я был всего только русским, подобно тому как француз был всего только французом, а немец — немцем. Пусть бы я и ничего не сделал в Европе, пусть я ехал только скитаться; довольно и того, что я ехал с моею мыслью и с моим сознанием. [*а.* Я ехал туда с моим русским сердцем, и один лишь я был свободен мыслью *б.* что я вез туда мою любовь и всечеловеческую тоску *в.* и полон всечеловеческой любви. Повторяю — я, как русский, в Европе был лишь один европейцем.] Повторяю — я один в Европе был тогда европейцем. О, им еще долго суждено драться, потому что они еще слишком немцы и слишком французы и исполняют тем свои назначения. Около них стояли тогда лужи крови. [У нас есть неумелые, которые упрекают нас, что мы не умеем быть такими же русскими, как французы французами. Что же — этим прекрасным и добрым людям пока еще не суждено понять, что со временем поймут все. Нельзя более любить Россию, чем люблю ее я, но я никогда не упрекал себя за то, что в Венеции, Риме, Париже сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милей, чем Россия. И только лишь в будущей мысли, которой она носительница, я ценю Россию выше всего человечества.] Но тем только я и в высшей степени русский, что мне так дороги эти старые камни, эти чудеса великого божьего мира, эти города, эта старая Европа... [и Россия даже] [И эта тоска, эти слезы и эти восторги пречистые даже и теперь наиболее и всецело одной лишь России принадлежат.]

[Как же не разглядеть ее назначение в будущем?] И зачем же, скажешь, Россия так любит Европу, даже больше, чем я самое себя? И это даже теперь? Как же усумниться в ее будущем назначении [в судьбах человечества]? [И если я горжусь, что я дворянин, то именно как пионер великой мысли ⟨*нрзб.*⟩]

— А народ, а Макар Иванович, — вскричал я.

— Я обнимал и целовал старика, ты видел, я *в восторге* слушал его. Я признаю его дворянином и верую, что недалеко время, когда таким же дворянином, как я, и сознателем своей высшей идеи станет весь народ русский. Не спорь, мой друг, я продолжаю. А пока — пока я не мог не скитаться в тоске моей. Сам лично я могу быть и скверен, и хуже всех [других], но мне надобно было всегда, всю жизнь мою, чтобы вне меня [было незыблемо] незыблемо стояло недосягаемое [и святое], пред чем бы я мог преклониться. Но в Европе тогда было не то, и я тосковал. Не тогдашняя кровь меня пугала, не Тюильри, а будущая. [Они должны были] Я видел, что они не могут дойти до истины, не перешагнув через страшные муки. Муки напрасные, но неотразимые ни за что. Так и будет до тех пор, пока не наступит правда. Я ощущал эту будущую правду и понимал ее, и не мог не тосковать о напрасных муках. А между тем всё должно было кончиться царствием божием. Пройдя напрасные муки, всё равно пришли бы к царству божиему. Только к чему было напрасное разрушение? Я знал, что это логично, но логика не утешает. Мне было жаль всего.

Он примолк. Признаюсь, я слушал в большом смущении. Даже тон его речи казался мне как бы декламацией, хотя я не мог не поразиться мыслям. Я вдруг заметил ему строгим голосом:

— Вы говорили так странно и таким странным языком. Вы [гово-

рили] сказали сейчас про царствие божие... Я слышал... вы проповедовали там бога... восили вериги? [пробормотал я]

Он тихо улыбнулся.

Стр. 377.

43–44 О, им суждены ∾ царствия божия. / О, им суждены страшные муки, прежде чем достигнут царствия божия! Муки напрасные, муки логические. Но [логика не утешает, мой друг, и мне было очень тошно] ведь от логики-то и тоска

46 пугал меня / казался мне [каким-то декламационным] неверным

47 боялся лжи / боялся от него лжи ◇

Стр. 378.

3–4 это совсем другое / это другое ◇

6 первые скакуны / передовые скакуны ◇

6–7 но это был первый *исполнительный* шаг — вот что важно / но всё туда же повалит ◇

7–8 Тут опять ∾ всегда тоска. / Тут опять логика, ихняя логика [но логика не утешение], но ведь в логике и тоска. ◇

10 *После:* с идеей — эта ненависть ◇

10 были невыносимы / *а.* были ужасны *б.* были нестерпимы ◇

11 *После:* пугала меня — сапожность сбивала меня ◇

11 *После:* Впрочем — тут вековечный закон

13–14 другого типа человек / другого культурного типа ◇

14 *После:* а они нет. — Нет никого свободнее русского за границей, мой милый, и это в самых многоразличных смыслах, напоминаю тебе это опять, — улыбнулся он мимолетной улыбкой... — Но тогда мне было жаль. *Рядом набросок на полях:* Ат⟨еизм⟩. Но я был другого культурного типа. Я был свободен, а они нет. Нет никого свободнее, чем русский за границей, мой милый. [Этих людей] Мне жаль было, час бил

14–16 и я плакал, за них ∾ без красного слова / и я плакал [Я плакал, мой милый, плакал] по старой идее. Да, может быть, впрочем, плакал без красного слова ◇

17–25 Вы так сильно ∾ другую картину... / *а.* Вы так веровали в бога?

— Друг мой, я всю жизнь мою был философом-деистом, если не атеистом, как вся наша тысяча, я думаю, но — но я никогда не был равнодушным, и мне было горько. Пусть логика, но я воображал себе другую картину. *б* Вы так сильно веровали в бога? Скажите искренно.

— Друг мой, я теперь счастлив, но это лишний вопрос. Впрочем, если хочешь, я всю жизнь был философом-деистом или в этом роде. Ну, и довольно Но знай, однако, что я так думаю, равнодушным я никогда не был. Мне было горько. Пусть логика, но я воображал другую картину. *в.* Вы так веровали в бога?

— Это лишний вопрос, но я не был равнодушным. Действительно, я представляю себе временами, как будет жить человек без бога и возможно ли это? И решил, что невозможно, и что всё же кончат тем, что придут к нему. Но некоторый период, пожалуй, возможен... вследствие логики. Кончился бы бой, улеглась борьба, и после проклятий, комьев грязи и свистков — сиротство, вдруг, что они только одни на земле, цель достигнута; и вот люди почувствовали бы, встали с сиротством. Я никого — неблагодарным. Это было бы вроде Клода Лорена. Несомненно будет, но тут я представляю себе другую картину. *Рядом наброски:* Вы веровали в бога?

— Милый мой, я всю жизнь был [атеистом] философом-деистом, если же хочешь — атеистом, как и весь культурный слой, как и вся наша 1000, я думаю. Это почти всё равно. Но мне было жаль [и я негодовал], мне казалось, не так это велось.

Вечер человечества. Закат. С богом.

Логика ⟨*нрзб.*⟩ И они *почувствовали* бы счастье. Кроткие, веселые. Их короткие дни без загробной жизни встречали поцелуем. И познали б

весь Закон, не делай другому того, чего сам не хочешь, и делай всё... Я был деистом, мой друг, я был философом-деистом.

Я был растроган, я не мог не воскликнуть: «Простите меня!»

— Друг мой, ты знаешь хорошо, что я трезв [душевно и даже не раз говорил] на язык и даже стыдлив на язык и неразговорчив. Если же разговорился теперь, то раз в жизни и то с тобой, другому я никому не скажу, будь покоен. [Впрочем, вижу, что не умею высказаться от [долгого] непривычки говорить, конечно, мне жаль, что смущаю тебя. Ты пожелал узнать о моей вере. Это лишнее, друг мой.]

26-45 Какую? ∾ не мог вообразить себе / *а. Начато:* Какую? — Какую? Да, я припоминаю, — проговорил он, задумчиво улыбаясь. — Это... Это было что-то вроде последнего дня человечества, вроде пандана к картине Клода Лорена. То же заходящее солнце, торжественно и величаво. Но великий источник сил человечества, до сих пор питавший его жизнь и гревший их, уходил, как это же солнце, на глазах всего человечества, и оно смотрело с недоумением, но с новой надеждой. О, было много новой надежды, но и великое сиротство! Они чувствовали грусть, они проклинали и отрекались, но не смогли быть вполне неблагодарными и жалели о прежней любви... О, милый мой, я никогда не мог представить людей *б.* Какую? — Какую? Я часто и теперь [иногда припоминаю] представляю ее себе, ибо не могу не думать об этом. Это... это было что-то вроде последнего дня человечества, вроде пандана к картине Клода Лорена и первого дня европейского человека. То же заходящее солнце торжественно зовуще. Но великий источник сил человечества, до сих пор питавший его жизнь и гревший его, уходил, как это же солнце, и люди смотрели с недоумением. О, было много новой надежды, но чувствовалось и великое сиротство! Великая тысячелетняя идея покидала людей, и они чувствовали тревожную грусть. Пусть проклинали они ее во время битвы и отреклись, но всё же не смогли быть вполне неблагодарными или оглупевшими и жалели о великой любви... своей. О, милый мой, я никогда не мог представить *Далее наброски:* Но неужели и вы могли представить мир без бога? Простите, это... не нахальство. Если б вы знали, как всё это давно интересует меня и как давно я ждал, и вас одного и не было в разрешении. Какую же картину представляли вы себе? Если уж не правда, что вы носили вериги? — Я никогда не мог понять, как можно отрешиться от своего бессмертия и чем заменить его. Я многого не понимаю в Европе. У нас стреляют совершенно спокойно; недоразвиты. Это было вроде Клода Лорена. Закатывалось бы величаво солнце. Бог. Смотрели бы с тоской и вдруг бы тесно прижались. Бессмертие. Каждый во всех увидел бы всё и весь великий избыток прежней любви к Тому, от которого они отреклись. И одолеть эту грусть они не могли бы ⟨*нрзб.*⟩ Почувствовали свое великое сиротство, прижались друг к другу любовно. Они бы схватились тесно руками и поняли бы, что теперь только они лишь одни составляют всё. И каждый из них всё для всех и для каждого. Каждый во всех увидел бы всё. Весь избыток прежней любви обратился бы у каждого [друг] [на всех] друг на друга. *Начато:* исчезло бы бессмертие, и приходилось бы

Стр. 378—379.

26-48 Какую? Правда, он уже ∾ Я с увлечением ему высказал это. / Какую? Я часто и теперь представляю ее себе, ибо не могу не думать об этом. *Рядом вписана фраза:* Я представляю себе, мой милый, — улыбнулся он, — что бой кончился и борьба улеглась.

Право, я представляю себе временами: как будет жить человек без бога и возможно ли это когда-нибудь, и, признаюсь тебе, милый, всегда решаю, что невозможно и что всё же кончат тем, что придут к *Нему*. Но некоторый период, пожалуй, возможен... вследствие логики. [И вот] Я представляю себе, что после боя [после достигну-

той цели], после проклятий [крови], комьев грязи и свистков [и когда бы всё улеглось] и когда улеглась борьба, люди бы вдруг почувствовали, что они одни на земле. Это было бы как в картине Клод Лорена, то же заходящее солнце, величавое и зовущее, но уже как бы последнего дня человечества. Великий источник сил, до сих пор питавший и гревший людей, отходил, как это же солнце, и люди бы вдруг почувствовали великое свое сиротство. Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить людей неблагодарными и оглупевшими. Одинокие и сироты, они тотчас же прижались бы друг к другу теснее и любовнее. Они схватились бы за руки и поняли бы, что теперь [только] лишь они одни составляют всё друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменять ее, и весь великий избыток прежней любви к Тому, которого оставили, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь особою, уже не прежнею, любовью; они стали бы замечать и открыли в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу, как любовники на возлюбленную, а не с одним только ножом и скальпелем, как прежде, ради барышей, утилитаризма и [жадности] подлого любопытства. Они просыпались бы и [лобызали] целовали друг друга, торопясь любить, каждый, сознавая, что дни его коротки и что это всё, что есть у него. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё свое и тем был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий [кругом встречный] встречный человек кругом него ему и отец и мать. «Пусть завтра последний день мой, — думал бы каждый, смотря на заходящее солнце, — но всё равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их» — и одна мысль, что они останутся, всё так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. [«Пусть я умру без следа, но останется в них память о том, что я жил и любил их, а когда прейдут и они и настанут совсем другие, то и тысячелетие спустя будут помнить новые люди об нас всех, прежде живших, что мы жили и любили их раньше, чем они пришли на свет, и желали бы видеть их счастье».] И пусть под конец кончится вся земля и потухнет солнце, то всё же где-нибудь [*начато:* в мировой га⟨рмонии⟩] останется мысль, что всё это было и послужило чем-то [мировой гармонии] всему и люди полюбили бы эту мечту. О, они торопились бы любить, но чем далее, тем душой становились бы всё грустней. Они были бы горды и смелы за себя, но [стали] сделались бы робкими друг за друга. Они стали бы нежны друг к другу и уже не стыдились того, как теперь, и ласкали бы друг друга, как дети. [Они] Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть, и каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. И вот тогда бы восстало вдруг, во очию всех, великое видение. О, я [не мог больше] не могу вообразить людей без *Него*, мой милый! Раз *Он* был их, *Он* не может уйти. А если б ушел, они бы сами нашли *Его*. *Он*, я вообразил, стал бы посреди всех людей, простирая руки, и сказал бы им: [Дети, ангелы] «Но как же вы могли позабыть *Его*?» И повел бы их к *Нему*. И как бы пелена упала со всех глаз, и раздался бы крик восторга и счастья по всей земле, и все бы воскресли в новую и бесконечную уже любовь. Прости, мой милый, я не мог не кончить так мою картинку будущего людей. Я философ-деист, а как русский, я мечтатель и не могу не мечтать. *Далее наброски:* Я, конечно, всегда кончал тем, что приводил их к *Нему*, и вот моя profession de foi ⟨убеждение (*франц.*)⟩; *Он* приходил, и они бы вновь узнавали *Его*. Милый мой, это фантазия, и даже невероятная, но [клянусь] признаюсь тебе в одном секрете, я слишком часто представлял ее себе, задумываясь о будущем мира. О, я не могу не задумываться о том, что в этом роде. Но я всегда кончал мою картинку видением, как у Гейне на Балтийском море.

Он продолжал:

— Что такое мои верпги — это всё вздор! Но сделаю тебе лишь одно признание: я никогда не мог вообразить людей без *Него.* Я всегда кончал тем, что приводил их к *Нему.*

Чувствовалось как бы нечто приготовленное, как бы давнишнее невинное мечтание поведать мне этот сон. Но в этом не было ничего неестественного, а было лишь чувство. Я подумал и сказал ему. Что такое прежде мамы и как третировал. Подкрался и поцеловал. Вдруг это припомнил и полюбил. Она не доехала и до Кенигсберга.

Об ней: Это была не страсть, я не знаю, как полюбил ее, N3 и по временам хмурясь и даже злобно.

Отцов и матерей, вовсе не идеалов, но изображающих собою нечто законченное, тут трогательное и патетическое, в основах — есть нечто незыблемое. *Порядок.* Боже мой, да у нас в России всего важнее незыблемость и порядок. О — ...он взял эпоху исправитель⟨ную⟩. Ныне он — грусть, отчаяние. Разрушение крепостного порядка. Жажда порядка и благообразия. — Взгляни на семинариста. — Тут нет предания, тут нет веры в формы. Но всё же прирастали. А тебя — обратно ⟨?⟩ прирастают. Не [откуда] с неба же свалились отцы.

Шевченки. У них нет преданий. До сих пор они прирастали. Но вот теперь, пожалуй, вследствие — крепост⟨ное⟩ состо⟨яние⟩ обречено, они расшатались.

Но и они — *в народ.*

...Милый мой, я часто воображал тебя — преувеличение, неловкость, решимость. О, эти уединенные⟨?⟩. Я боялся за тебя.

— О, я пойду за вами!

И душа еще детская, уже искала себе места и порядка. Это искание бывает с страстной тоской. О, конечно, иные прирастали рабски, но другие с завистью и с озлоблением. Еще недавно они были почти незаметны, хотя их было довольно.

Это была тоска русского дворянина. Je suis gentilhomme avant tout. Об нем. Дворянская тоска. — Крепост⟨ных⟩ мы освобождали, — просто тоска, нас 1000 человек. Из 1000 единственный Чацкий остался. 2) И что же в Европе? — В Европе я прощался с порядком. *Вверху листа заметки для памяти.*

N3 Справки в «От⟨ечественных⟩ записках».

N3 Справки в *книгах* о Ростовых и проч.

Стр. 378.

46 *После:* и оглупевшими. — Но сиротство пугало и становилось жутко, исчезала великая идея бессмертия, и заменить ее было нечем.

Стр. 378—379.

46–43 Осиротевшие люди ∾ чтобы тебя успокоить. / и люди ближе, теснее стали бы прижиматься друг к другу. Весь избыток прежней любви обратился бы у каждого на всех, на людей, на природу, на всякую былинку. Исчезла великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее. И вот миг счастья земного, миг любви, отданной и принятой, должен был заменить всё [и тем сильнее люди почувствовали любовь]. Чем меньше и короче становился миг, назначенный им в жизни, тем сильнее привязывались люди друг к другу. Уже не было прежней великой любви, обливавшей их светом, посылавшей им надежду и счастье, и они сами пожелали заменить ее друг другу в каждом сердце. Они просыпались [поутру] и любили друг друга. Они стали бы [бодры] гордыми и смелыми за себя и робкими друг за друга. Они работали друг на друга, и каждый отдавал всем свое всё и тем был бы счастлив. *Далее вписано на полях:* Каждый знал, что это всё, что есть у него. Они заметили бы в природе такие тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели как любовник природы, а не с ножом и скальпелем.

Каждый осиротевший ребенок знал и чувствовал, что каждый из встретившихся ему его брат и отец. «Пусть завтра последний день мой, — думал каждый, — но всё равно „и из могилы любовь“», как сказал Макар Иванов. Умру я, зато они останутся, а после них дети их, а там — будущие, и одна мысль, что они останутся, всё так же любя бесконечно друг друга, заменила бы мысль о загробной встрече. Пусть я исчезну без следа, но останется во всех сердцах мысль, что я жил и любил их, [пусть] а забудут [меня] совсем мое имя, но останется мысль, объединившая поколения, что жили прежние люди, что любили их еще раньше, чем они пришли на свет, и желали бы видеть их счастье, — и пусть разрушится вся земля и прейдет даже это пылкое солнце, но всё же где-нибудь останется мысль о том, что всё это было, и люди любили бы эту мечту. И чем дальше, тем больше спешили бы и жаждали люди любить, зная, что жить им миг и не встретиться больше нигде. Они смотрели бы друг на друга [с любовью и грустью. Веселыми криками, песнями первых дней человечества были бы наполнены рощи и поля] осмысленным глубоким взглядом, любовным поцелуем, может быть также несколько грустным, встречали бы каждый друг друга. Крепко пожимали бы друг другу руки, встречаясь, дорожа каждым мгновением, спешили заявить любовь, любить. И вот каждый трепетал за жизнь и за счастье каждого... И тогда, тогда, может быть, явилось бы во очию всех великое видение. И вновь засияло бы солнце света и любви. *Он* встал бы вдруг посреди людей и, простирая с любовью руки, изрек бы им, удивленным и обрадованным: «Я то же говорил, но как же вы забыли *Его*» и [вдруг] повел бы их к *Нему*. И как бы пелена упала бы со всех глаз, и все [ринулись бы к нему] бы воскресли в новую и бесконечную уже любовь... Я был деистом, я был философом-деистом, мой милый, — заключил он вдруг, — и я не мог не помечтать напоследок. Я стыдлив. [но болтаю потому] Я болтаю с тобой, мой милый, с одним с тобой, другому я никому не скажу. *Рядом наброски:* Атеизм. Христос. Они стали бы нежны, как дети, и уже не стыдились бы того и ласкали бы друг друга, как дети. Делились бы все. Каждый предмет на земле стал бы дорог для всех. Раздался бы крик восторга и счастья на всей земле. Милые ангелы, но как же могли вы забыть *Его*? О, я не мог не привести *Его* к ним, мой милый. Они [благословляли] говорили бы о прошлой истории человечества и жалели бы о всяком камне и благословили бы и простили всё. Каждый трепетал за жизнь и за счастье каждого. Я не мог не кончить такой мыслью мою картинку. Русское всепримирение сказалось, и я не мог не помечтать немножко.

— О, я понимаю теперь вашу тоску! Простите меня, я думал, что вы фанфарон, и страшно боялся, но кто способен был дать такую картину, о, тот страдал, страдал всемирной тоской. О, верю. Но знаете, вы должны были быть счастливы.

— Я люблю твои восклицания, милый.

— Вы, кажется, в жизнь не можете удержаться от вашей версиловской складки, но иное выходит у вас прямо и горячо. О, скажите мне про маму всё, всё.

— А я уже боялся, что ты мне простишь ее за Герцена иль за какой-нибудь заговоришко. *Рядом:* КОРОЧЕ.

Стр. 379—380.

44–18 Но я был даже растроган ∾ там заговоришко... / Но я был немного растроган; [и, подумав, сказал ему] ни одной нотки не слышалось фальшивой в этом почти декламационном, почти литературном отрывке из сокровенных мечтаний его. Чувствовалось лишь [что ему очень хотелось в невинном желании своем] невинное желание сообщить мне этот свой сон — вот разве тут было как будто нечто приготовленное... как будто он мечтал о том, как будет мне рассказывать это уже раз или

два прежде. Но в этом ничего не было неестественного, и было лишь чувство. Я, подумав, сказал ему:

— Вы, кажется, в жизнь свою не могли удержаться от вашей версиловской складки, но иное выходит у вас прямо и горячо. Простите, друг мой, вы мне так дороги, что я давеча ужасно боялся [от вас услышать ложь] услышать от вас какую-нибудь ложь. Простите мне эти слова. Теперь я верую, что вы тосковали, и буду не раз мечтать об вашей картине, потому что вижу, как вы любите людей. Но знаете, — вдруг неудержимо прибавил я, — мне кажется, вы все-таки, несмотря на всю вашу тоску, должны были быть [ужасно] и чрезвычайно как тогда счастливы

Он тихо невесело засмеялся.

— Ты сегодня особенно меток на замечания, — сказал он. — Где же и когда я говорил тебе, что я не счастлив? Я тосковал, я грустил, но я был, именно всегда был счастлив. Может быть, оттого и был счастлив. *Рядом на полях:* Да, да, я был счастлив. Я всегда прежде был счастлив, мой милый [...прежде, когда был свободен, простой русский дворянский, такой], но именно этой тоской. [Да] Я за тоску мою не взял бы и счастья. Да я и не понимаю, как можно быть несчастным? Я всегда [прежде] был счастлив... всю жизнь мою... Прежде, ну прежде, тогда... — прибавил он вдруг, как бы смутившись, — и даже так, что от счастья я вдруг тогда полюбил твою маму, — заключил он поскорее, как бы обрадовавшись, что может перейти к маме. *Рядом на полях фразы: 1.* Я от счастья полюбил тогда твою маму, мой милый, полюбил, как никогда прежде и как только теперь, сейчас люблю. *2.* Свободнее русского и счастливее европейского скитальца из нашей тысячи нет нигде на земле, и я вовсе без юмору говорю, тут очень серьезный смысл.

— Тогда и полюбили? Именно тогда?

— Скитаясь и тоскуя, я вдруг полюбил ее [и так, как никогда не любил] и тотчас послал за ней, — проговорил он вдруг серьезно и с жаром.

— О, расскажите мне про это, расскажите мне про маму.

— Да я затем и привел тебя [— Ну, слава богу], — улыбнулся он весело, — а я уж боялся, что ты [тотчас же способен простить] уже простил мне ее за Герцена иль за какой-нибудь там заговоришко... ◇

Стр. 380.

21–23 Так как мы проговорили ∾ в его жизни. / Так как мы проговорили тогда весь вечер [и сидели вместе очень долго] и просидели до глубокой ночи, так как и разговоры наши [были подчас очень странны] стали под конец даже странны, восторженны и поминутно удалялись от темы, так как, наконец, мы пили шампанское, которое он велел принесть, то я, разумеется, [и не решусь] и не стану приводить *Далее: а.* всего, но зато приведу необходимую квинтэссенцию, именно то, что существенно разъяснило мне тогда одно главнейшее обстоятельство в жизни этого человека. Это совершенно необходимо, чтоб понять впоследствии то, чем он кончил. *б.* всё, что мы переговорили [но то, что он рассказал мне об одном из главнейших]. Расскажу лишь то, что он сообщил и объявил мне о *ней*. Это-то, в сущности, и составляло до сих пор всю *ее*, не разгаданную в моих глазах, как осмыслил я после. О, в тот вечер я слепо ему поверил, он был так искренен! *в.* всё, что мы переговорили, но начну с того, что объяснило мне его наконец и что узнать я добивался столько времени. *г.* всё, что мы переговорили, передам лишь то, что объяснило мне наконец один таинственный пункт в его жизни и узнать который я давно добивался. ◇

24–28 Начну с того ∾ всегда трудно. / *а.* Об маме и об начале их связи он, конечно, не мог сказать мне ничего нового; [всё так именно происходило] но сомнения не было, что он любил маму, и если бросил

маму и разженился с ней, уезжая, то, конечно, потому, что слишком заскучал на родине и пожелал странствовать. *б.* Начну с того, что если он и сказал мне, что бросил маму и разженился с ней, уезжая, то, конечно, потому, что слишком заскучал на родине и начал странствовать ◊.

28–33 За границей ∾ допускаю. / Но за границей после долгого, впрочем, времени, вдруг полюбил опять маму заочно. *Далее: а.* вспомнил об ней почти случайно, но, вспомнив, уже не мог отвязаться от [мыслей] нового впечатления *б.* в мыслях и послал за ней из Германии ◊

30 Скажут, пожалуй, «заблажил» / *а.* «Заблажил», — сказал бы кто-нибудь *б.* «Заблажил», — скажет кто-нибудь *в.* Может быть, кто-нибудь скажет: «Заблажил». ◊

30–31 по-моему, тут было всё / ибо тут, конечно, было всё ◊

32–33 пожалуй, отчасти / тоже, отчасти ◊

39 *После:* и фантастическое — и даже, так сказать, книжное. Впрочем, не знаю, не знаю. ◊

40–41 это особое ∾ потом / это сведение я уже дополнил потом ◊

Стр. 381.

2 служение идее / служение, так сказать, общей идее ◊

3–4 *Слов:* в продолжение моей жизни *нет.*

5 такая книжная / это книжная

6 *После:* с недоумением. — Совсем нет.

7–8 Тут всё, однако же, вместе / Тут всё вместе.

8–9 любил ∾ не книжно. / любил ее, [где же тут] в чем же книга-то? ◊

10 «осчастливил» бы какого-нибудь / «осчастливил» бы чем-нибудь

11 *Слов:* если уж выдумал эту идею — *нет.*

12–13 *Слов:* но только практически, то есть в самом деле — *нет.*

13 поставил заповедью / поставил даже заповедью ◊

14 *После:* развитого человека — Служение идее и мировое боленье

16–17 одного-то дерева мало будет / мало дерева ◊

18 *После:* преследуя высшую мысль — забывает иногда насущное

20–21 даже просто ∾ и в своих теориях / даже, признаюсь тебе, глуп просто не только в практической жизни, но, под конец, и в теории ◊

22–24 Таким образом ∾ самого благотворителя / обязанность осчастливить хоть одно [действительное, не идеальное, а] насущное, в самом деле живущее существо, всё бы поправила и была бы ему же [благотворна даже] в самой высшей степени благотворна и положительна ◊

24 это — очень смешно / это смешно ◊

25 обратилось в обычай / обратилось в заповедь ◊

27–28 сначала, разумеется, шутя /сначала почти шутя ◊

28–29 моей, таившейся во мне / моей [всегдашней] настоящей, во мне таившейся ◊

29–31 До тех пор ∾ капризничал./ До тех пор я только тешился, пока она была хороша, а потом капризничал и мучал ее. Я совсем не понимал, что люблю ее. ◊

31–32 Я в Германии ∾ что люблю ее. / *а.* Я в Германии стал понимать. *б.* Я в Германии только это понял. ◊

32 *После:* впалых щек — конечно ◊

32–33 не мог припоминать ∾ видеть / не мог ни припомнить, ни видеть

35–36 причиняющие ∾ почти у каждого / и я нарочно стал себя ими мучить. Подобно как у великих художников в их поэмах есть больные сцены, которые, раз прочитав, во всю жизнь [не забудешь] так и остаются. Например, самая последняя сцена в «Отелло» и его монолог, Евгений у ног Татьяны, или встреча беглого каторжника ночью с ребенком, с девочкой, у Виктора Гюго. Эти сцены больные, они раз пронзают сердце и не забываются. Но есть точь-в-точь такие же на сердце болячки и у каждого человека из собственной его практической жизни. У каждого, но не все их помнят. Но иногда они раз припоми-

паются и потрясают сердце на всё остальное время и уж не хотят выходить из сердца. ◇

36–37 но случается / хотя и случается

37–38 что вдруг ∾ не могут / что вдруг потом вспоминают и уже отвязаться не могут ◇

38–39 тысячи подробностей ∾ с Соней / тысячи случаев нашего сожития

39–40 под конец ∾ я ее ждал. / Вот эти-то подробности чуть не замучали меня, пока я ее ждал ◇

Стр. 381—382.

46–2 она всего ∾ почти неприличное / она всего стыдилась, и именно передо мной, потому что это *Я*. [Это мне в одном отношении даже нравилось, но потом я прогнал нечистое чувство.] Несмотря на то, что я любил ее красоту, она была со мной всегда [целомудренна как ребенок] в высшей степени стыдлива, но в стыдливости ее был всегда испуг. Одним словом, она считала себя передо мной ничтожной. ◇

Стр. 382.

5 способна понимать / способна знать. ◇

6–7 с таким ∾ женщины / умной сердцем женщины

10 оскорблявшееся чувство / тонкое чувство, почти эстетическое ◇

12 не хотела быть ∾ платье / не хотела быть передо мной смешна ◇

14 никогда не поймут / не понимают

14–15 *Текста:* только бы одеться ∾ вот что! — *нет.*

17 во всё наше время / во все эти годы с начала до конца ◇

18–21 в них сказывалось ∾ как-то свысока / в них было столько мысли, такое [осмысление] здравое понимание своей судьбы, своего будущего, своей со мной разницы, — разницы нашего развития, всего нашего типа [что женщина с такой тонкой и нежной душой, как она, не могла не страдать. О, у каждого человека есть больные воспоминания, только надо вникнуть!] О, она не могла не страдать об этом! В разговоры я с ней не пускался [но видел, что не могла не страдать] и даже совершенно пренебрегал [этим], пока с ней жил. [Но тут вспомнил, я даже страдал] Но вспомнив в Германии, я стал очень страдать. ◇

22 пугливая и дикая / строгая и пугливая ◇

22 и теперь / да и теперь ◇

22–25 и теперь ∾ и посмеяться / да и теперь случается, что вдруг [она] развеселится и похорошеет, как двадцатилетняя. А прежде она любила и поболтать, и поиграть, и посмеяться ◇

26 когда я внезапно / когда я иногда вдруг ◇

26–27 заставал ее иногда смеющеюся / заставал ее вместе ◇

27–28 *После:* смотрела на меня! — О, как это тяжело мне вспоминать. Точно ожидая казнь. ◇

28–29 *Слов:* то есть почти ∾ разженился — *нет.*

30 без всякой работы / без всякого дела ◇

31–32 С ней ∾ без работы. / С ней очень редко случалось, чтоб она так сидела без дела. ◇

33 очень тихо / сзади очень тихо ◇

38–46 Она истерически ∾ остается papa. / [Глаза ее гордо сверкнули как никогда] Она ужасно истерически зарыдала, свалив на испуг. [Тут я в первый раз понял, как глубоко она понимает] Это воспоминание особенно ярко вставало предо мной [когда я очень ее ждал] в Германии, и мне так страстно хотелось ее поскорее обнять. [Воспоминания эти больные, мой друг, от них сердцу больно почти физически] ◇

Стр. 384.

1 Я с судорожным / Я ждал ее [поскорей] с судорожным ◇

3 методическим усилием / даже почти «научным усилием» ◇

4–5 ей ее собственную цену / ей ее достоинство

5 *После:* даже выше меня. — *а.* Вот что, милый, я совершенно знаю, до какой степени я иногда трезв душою, и потому слишком давно уже

с досадой осмыслил одну мою странность, а именно *б.* О, поверь, я слишком знал [друг мой, я всегда тогда еще] и тогда одну мою вечную особенность в любви моей к Софье.

8 но тут ∾ не то. / хотя и упрекал себя [потому что не мог не ценить ее совершенства и в какой степени я ниже ее]. Но тогда, когда я ждал ее в Германии, это было не то; так и оправдалось потом, что не то, потому что я до сих пор бесконечно люблю [это существо] ◇

9 мелькнул во мне вопрос / задавал я себе вопрос ◇

10–11 спросил я осторожно / *а.* спросил я *б.* пробормотал я ◇

13 осталась / засела ◇

14 и ждать / и сидеть ◇

15 гораздо спустя / гораздо позже

15 долго спустя / долго уже спустя

15 когда я поехал / когда уже я поехал

16 жениться / жениться на Лидии ◇ *Далее наброски на полях:* *1.* Я ожидал продолжения. Он был очень нахмурен. *2.* Я не хочу говорить. *3.* Он начал снова. Короче, именно здесь зачем не совершенство. Подр⟨осток⟩: «Я видел: по бешенству вашему, какое это чувство».

18–19 Здесь передам ∾ усвоить / Я не передам здесь подробностей рассказа.

18–21 Здесь передам ∾ до этого места / Это было уже тогда, когда он внезапно встретился с *ней*, то есть с Катериной Николаевной. Я не передам здесь всех подробностей дальнейшего рассказа, потому что и он мне их не передал связно, мне же показалось неловким и невозможным выспрашивать. И однако ж, в тот вечер я твердо понял главную сущность дела, ее здесь [и] изложу [подробностей, повторяю, он и сам почти], хотя и без подробностей.

19 усвоить / понять и усвоить

19 начал передавать / стал передавать ◇

21 *После:* этого места. — Но вам, что, однако же, случилось, передам лишь в целом.

22–25 Он встретил ∾ Муж Катерины Николаевны / Он встретил ее тогда внезапно. *Далее начато:* Именно тогда, когда ожидал маму, в самую нетерпеливую ⟨?⟩ Она была в Германии, на Рейне, все лечились. Муж ее ◇

26–27 она поразила ∾ чем-то / *а.* он полюбил ее неотразимо *б.* она поразила, как бы придавила его ◇

28 я не вспомню / я не помню ◇

29 и то, что он был / и что он был ◇

30 *После:* помню. — Он был [страшно потрясен] очень взволнован в иных местах рассказа, иногда просто обрывал и молчал и ходил с злым лицом по комнате. [Мне было тяжко, но я очень слушал, изо всех сил.] ◇

31–32 *После:* «не захотел любить» — вот что с ним случилось! ◇

34–37 Всё-де, что ∾ рабства страсти. / Он не захотел [порабощения страсти] этого рабства страсти. Всё, что было в нем свободного, весь деятель, весь носитель будущей идеи — всё это в нем уничтожалось [и приковывалось] пред этим существом, и «человек» [приковывался] на веки сковывался и приковывался [к этой] женщиной, которой совершенно не было до него *дела.* ◇

39 и прямодушной / и простодушной ◇

41 в нем появлялась / в нем мелькала ◇

42 *После:* из него совсем — любя свободу ◇

42–43 Версилов ∾ встрече с нею / Версилов сразу не поверил

43–44 а именно поверил обратному, то есть / а поверил обратному

Стр. 384—385.

46–2 она утверждала ∾ прежде других, наклонен / что он и не мог поверить иначе, потому что идеалисты, стукнувшись об действительность, всегда первые наклонны ◇

Стр. 385.

5 *После:* суждение — обо всем этом.

5 мелькнувшее / промелькнувшее ◇

5 *После:* у меня в уме — *начато:* в тот же вечер

6–15 я подумал ∾ лицом по комнате. / любил он маму [по-книжному идеально и верил в свою любовь, а как полюбил вдруг нечаянно в самом деле, то, как идеалист, и не вынес настоящей *любви.*] более, так сказать, гуманной, общечеловеческой любовью, чем простою любовью, которою любят женщин (не умею я этого выразить, но, может быть, поймут). Впрочем, мысль эта мелкая, а может, и неверная; ему я, конечно, ее не высказал. Клянусь, он был в таком состоянии [во время своей откровенной], что его надо было щадить. Да и не деликатно было.◇

18 и это — их непреоборимый инстинкт / и это уж [инстинкт] их непреоборимый инстинкт ◇

19 ожесточительным разрывом / страшным и ожесточительным разрывом◇

20–22 он испугал ∾ странный период / и напугал ее. Он ее ненавидел и убил бы, может быть ◇

24 методической практикой / по изведанной практике ◇

25–26 начиная с самых ∾ свободным». / начиная [и не пренебрегая самыми смешными и мелкими вещами] с самых смешных и мелких вещей, а кончаешь [тем, что, покорив волю, будешь совершенно свободен] совершенным одолением воли своей и становишься совершенно свободен ◇

29 задался тогда / задался ◇

30–32 чтоб избавиться ∾ в высшей степени ненавидит / чтоб искоренить в себе любовь к *ней*; напротив, он дошел в то время до высшей уверенности, что он не только не любит *ее*, но ненавидит. ◇ *Далее набросок:* Напротив, в ту минуту он уже был в самой полной уве⟨ренности⟩

33 что даже вдруг задумал / что вдруг задумал тогда ◇

34 совершенно уверил / глубоко уверил ◇

36 совершенное счастье / действительное счастье ◇

37–42 Почему он ∾ не женщина». / Всю свалку в семействе [по этому случаю] и новую ошибку его по этому случаю с Катериной Николаевной я не описываю. Но я знаю теперь положительно, что он решился тогда даже сам на клевету, и, чтоб ей навредить, отравил последние дни мужа ее своими на нее изветами. Впрочем, бог знает, может, он и тут был искренен! ◇

44 как выразилась ∾ Катерина Николаевна / или вроде того

45–46 *Слов:* (если уж правда, что они — бумажные) — *нет.*

47 доходить до таких трагедий / *а.* доходят до истинных трагедий *б.* доходить до таких вполне истинных, хотя отчасти и бестолковых трагедий ◇

47 *После:* до таких трагедий? — А об маме он даже забыл тогда (может быть, даже буквально не вспомнил ни разу), даже денег ей не высылал [а поехал только испросить] несколько месяцев, и ее спасла лишь Татьяна Павловна, и вдруг поехал, однако, спросить ее позволения жениться на Лидии «под тем предлогом, что [та] Лидия не женщина». Не привожу этого рассказа — всё это [старые романы] ужасная бестолковщина ◇

47–48 Впрочем ∾ одна мысль / Меня, однако же, потрясла одна мысль, и вообще в тот вечер я был еще в другом настроении ◇

Стр. 386.

3 *После:* Тут неравенство — *начато:* она не стоила

3–5 Я проговорил ∾ с негодованием. / вскричал я не то чтоб подлеститься к нему, а искренно негодуя и веруя в эту мысль. ◇ *Рядом на полях набросок:* Я проговорил это с жаром, даже с негодованием.

6–8 Да в ней ∾ на мои слова. / усмехнулся он злобно. Да в ней [и не было] и нет никаких совершенств.◇

8 Это — самая ординарная женщина / Это самая обыкновенная ординарная женщина, [даже] дрянная, может быть, женщина ◇
10 Почему же обязана? / Почему? — спросил я ◇
11 она обязана иметь / нельзя не иметь
12 Злобно вскрикнул он / [нельзя простить то] Одним словом, он [высказал] подтвердил мою же собственную мысль. Он в то время ходил по комнате в задумчивости, мало говорил и отрывочно — был очень [мрачен и грустен] измучен этим воспоминанием [Говорил он отрывками] ◇
13–14 Грустнее всего ∾ невольно / Грустнее всего то [сказал я], что вы и теперь так измучены,— вырвалось вдруг у меня невольно и с [беспредельною] грустию. ◇
15 повторил он опять мои слова / воскликнул он вдруг.
18 *После:* как бы соображая. — Что с вами! — воскликнул было я
18 уже совсем / вдруг как бы совсем ◇
21 *После:* На, читай! — Да ведь с этого надо было начать! ◇
21 всё узнать / это прочесть ◇
22 *После:* дребедени — в воспоминаниях. Я узнал ее руку
24 *После:* моего удивления. — *начато:* Это было письмо от нее.
29 *Слов:* (а потому почти трогательно) — *нет.*
30 и затем просто / и просто ◇
31 В заключение уведомляла / Она уведомляла ◇
32 *После:* Бьоринга. — Всё письмо было в высшей степени благородно и [тепло] горячо написано. ◇
32–33 До этого случая ∾ к нему. / До [тех пор] этого случая она еще никогда, ни разу не писала ему. ◇
34 И вот что я понял тогда из его объяснений / *а.* Не стану приводить его собственные речи. Они были бессвязны и радостны. Но важно, был факт, меня поразивший *б.* Много было бессвязного в его объяснении. Но вот что с ним случилось. Расскажу от себя, потому что его сообщение было уж очень бессвязно. Его я так понял. ◇
35 он, давеча, прочел / он прочел ◇
36 самое неожиданное явление / непонятное дотоле чувство ◇
36–37 в эти роковые два года / в эти [три] два года ◇
37 *После:* два года — он, прочитав письмо это
39 при одном только слухе о Бьоринге / *а.* при известии о Бьоринге *б.* при одном только намеке о Бьоринге ◇
40–41 проговорил ∾ с восхищением / [сказал он] Я понимаю, как он был сам, открыв в себе такие новые чувства, изумлен. ◇
41–42 Значит, всё, что было / Всё, что было ◇
42–43 само собою, как сон / как сон ◇
43 *После:* наваждение — а известие о Бьоринге возбудило лишь улыбку. Он воскрес, буквально воскрес. ◇
43–44 Еще не веря себе ∾ к маме / Еще не веря себе, но уже весь обновленный душевно, он поспешил к маме, «моей единственной царице, моей страдалице» ◇
46 потрясли его душу / подействовали на его душу каким-то восторгом ◇
46–47 Немного спустя он бросился искать меня / Он бросился ко мне, чтоб отыскать меня ◇
47–48 и эту столь ∾ не забуду / *а.* и эту мысль его обо мне, первую его мысль тогда, я никогда не забуду *б.* и эту заботу его поскорее сказать мне, обнять меня — я никогда не забуду ◇

Стр. 387

1 окончания того / того ◇
1–2 Этот человек весь и вдруг / Он весь ◇
3 всё это «известие» / собственно, это колоссальное во всех отношениях «известие» ◇
3–4 расскажу потом, в своем месте / скажу после [но всю душу мою захватил он. Мало-помалу он весь преобразился. Мы до глубокой ночи просидели.] ◇

5–6 всего обаятельнее / всего больше ◊

7 правдивая искренность / странная даже почти трогательная искренность

7 передо мной, таким мальчиком / перед таким мальчиком, как я [и в таких стыдливых делах], а он был всегда горд и [стыдлив] неподатлив характером. И однако он не побрезгал со мной говорить. Затем мы оба пришли в какой-то востор⟨г⟩

6–13 «Это был чад ∾ мою душу. / Но его как бы увлекал какой-то вихрь. Он вдруг под конец велел принести шампанского, и мы выпили за маму и за нее! Он захватил и победил мою душу в то время. «Это был чад, — говорил он,— но [благословение и ему, всё к лучшему] без этого ослепления я бы, может, никогда не обратился так всецело к [твоей маме] моей страдалице Софье и не отыскал бы ее в моем сердце», — вырвалось у него между прочим. *Далее набросок на полях:* Я запомнил эти характерные словечки и даже многие другие, которые не привожу здесь. Но он захватил и победил мою душу в тот вечер ◊

14–18 Помню, мы стали ∾ почти неудержимо. / Под конец вечера мы ужасно повеселели, казалось, то дети в школе, и не от шампанского, мы выпили всего по два бокала. ◊

18–21 Мы стали ∾ было весело / Мы оба беспрерывно говорили и уж совсем о постороннем. Он пустился рассказывать анекдоты, мы смеялись *Далее: а.* и над кем — даже сам не знаю, а знаю только, что были счастливы *б.* по не злобно, не насмешливо, а лишь весело. ◊ *Далее набросок на полях:* Но что там потом ни последовало — будь благословен тот вечер.

22 *После:* повторял он — несколько раз ◊

25 послали ответ / написали ◊

26–27 в последний раз ∾ на перекрестке / прощаясь на перекрестке и в последний раз пожимая ему руку ◊

28–30 Приходи завтра ∾ Прощай! / До свиданья, приходи завтра, раньше приходи, да, вот что еще, там у тебя есть [один] этот Ламберт, брось его совсем, милый, [пожалуйста] и не сердись. А документ какой-то там, если есть письмо, непременно разорви! Слышишь? ◊

31–32 я же остался ∾ воротить его / я же не в силах был поднять слово ◊

32–37 Выражение «документ» ∾ как видение? / Выражение «документ» [страшно] до того поразило меня [но как он знал! Я был в остолбенении], что я остался в остолбенении па месте. Как он знал? Но об этом потом. Но вот что, однако, поспешу здесь отметить. Проговорил он это даже слегка после как бы не придавая никакого особенного значения факту о документе, об котором он, очевидно, уже ведал, совсем с *легким сердцем*. Стало быть, в ту минуту всё, что было в сердце его, было в высшей степени искренно, и он в высшей степени верил себе. *Далее наброски:* А как знал и как мог он об этом так легко [вспомянуть] [заговорить] сказать, так велеть, с таким легким сердцем, вроде даже какого-то «à propos» ⟨между прочим *(франц.)*⟩, чтоб не забыть. Но всё равно. Да будет благословенно воспоминание об этом вечере. Чтобы там не вышло.

И что за [странность] чудо, что *она* после такого от него оскорбления решилась написать к нему и как бы умоляла позволить ей выйти замуж. Она-то как на него смотрит после того? На сердце у меня было почему-то мрачно, когда я воротился домой.

— Мой мечтатель дорогой! О золотом веке и атеизме — это мне всего дороже — вот этого-то *мне* и недоставало. Я вынес впечатление о нем верное, цельное и никогда не собьюсь, несмотря на последовавшие факты.

38 *После:* Глава девятая — *помета:* [12/13] 11/12 ноября. N3. Студент в части. У Анны Григорьевны

43 некоторые места его «исповеди» / частями его «исповедь», по крайней мере некоторые из ее эпизодов.

44 несколько как бы чадны / слишком чадны ◊

Стр. 388.

3 обратившись ∾ другу / говоря со мной как с единственным другом
3–4 *Слов:* в такое мгновение — *нет.*
5–6 *Слов:* как бы ни смеялись надо мной за это выражение — *нет.*
7–8 чтоб не понять ∾ идеала / *а* чтоб не осмыслить то в моем сердце *б.* чтоб не понять сути дела [не допустить], чтоб не допустить того, как реализм, не марая, впрочем, [в ту самую минуту] идеала ◇
9 постиг этого человека / понимал его ◇
9–10 и даже мне ∾ так просто / *а.* всё было очень просто *б.* и даже всё оказывалось до того просто, что мне было отчасти жаль, что ларчик открывался так просто ◇
12–13 его судьбу ∾ открывался похитрее / *а.* его судьбы и его цели в таинственное *б.* его судьбу во что-то чрезвычайно таинственное ◇
14–15 было много и сложного / было, действительно, много сложного, и отнюдь не так просто, но дело в том, что я это всё не понимал
16 *После:* а не рабство фатума — а он был рабом
16 через рабство фатума / через встречу с нею и фатум ◇
17–18 К тому же ∾ считал проповедником / Кроме того, этот человек во всяком случае пророк и проповедник ◇
19 *После:* об атеизме — *на полях зачеркнуто:* Я говорю про его рассказ, который мне снился всю ночь, и, вспоминая о котором проснувшись, я чувствовал, что у меня бьется сердце
20 всё надломила, всё извратила / всё это должна была надломить ◇
20 *После:* не изменил — в сердце моем она стояла высоко бесконечно ◇
21 *После:* его сторону — *вписано:* эти люди не должны быть связываемы, как другие [и с них нельзя того требовать, что с других] ◇
21 Мама, например, рассуждал я / о, конечно, мама дело другое: она
23–24 Правда, мама ∾ спокойствия / Правда, мама и спокойная [благообразная] с нею жизнь всё равно не [дадут] дали бы ему спокойствия ◇
24 но это даже тем бы и лучше / но это ничего, это совсем другое, даже тем бы и лучше
27 если б они успокоились / если б они оставались спокойны ◇
28 *После:* средних людей. — Это наша жизнь, моя и его,— думал я ◇
32 *После:* «всесоединения идей».— Это я понимал, и от этого тоже билось мое сердце.
33–34 то есть «всесоединение ∾ немыслимо) / и идея неверная (что немыслимо) ◇
39–40 ел бы ∾ и теперь / ел бы самыми простыми гадкими ⟨*нрзб.*⟩ ложками изделья ⟨*нрзб.*⟩
41 *После:* насчет — Ламберта
42–43 *После:* впятеро спокойнее — проснувшись ночью
43 Во-первых, я надеялся / Я надеялся ◇
43–45 а во-вторых ∾ с ним? / да и что ж такое, если б Ламберт и говорил с ним»,— думал я. Сам же я Ламберта уже совсем не боялся, как накануне. Напротив, приготовил ему одно словечко... ◇

Стр. 388—389

45–4 Но главная радость ∾ камень. / Но главное, [чего еще я сам не сознавал тогда] на сердце моем было легко, как бы кто с него свалил камень: он не любит *ее*; в это я уверовал ужасно. ◇

Стр. 389

6 тогдашнего письма / письма ◇
6–12 именно эта крайность ∾ меня счастливым / именно это могло служить [как бы] пророчеством и как бы предтечею перемены [чувств] в чувствах и возвращения его к здравому смыслу. После тогдашнего потрясения он именно должен был прийти к противоположной точке, так что это было совершенно как бы в болезни. Медицинский эпизод, и больше ничего. Это делало меня счастливым ◇

14 за своего Бьоринга, сколько хочет / за Бьоринга, за тридцать три Бьоринга», — думал я.◇

15–17 восклицал я ∾ не желаю / Увы, тут была некоторая тайна моих собственных чувств. Я осмыслил ее очень долго спустя и не буду объяснять этого тогдашнего рассуждения моего, хотя — хотя, конечно, [знал про нее] проницал во всё и тогда ◇

18–19 и всю махинацию ∾ рассуждений / и махинацию [теперь изложить и объяснить всё] [постараюсь рассказать весь последующий ужас без рассуждений] фактов рассказать уже без рассуждений. К делу. ◇

Стр. 389—391.

21–7 *К тексту:* В десять часов ∾ Дома Версилова не оказалось — *на полях набросок:* В 10 часов только что я выходил со двора — Наст⟨асья⟩ Егор⟨овна⟩. Я обрадовался. Я тотчас спросил: дома ли? Нет, но с Анной Андреевной. Тут явилась Ан⟨на⟩ А⟨ндреевна.⟩ Этак, этак отец (то сам Ан⟨ну⟩ Андр⟨еевну⟩ забыл). Спросил: чья квартира? Скажу заранее — шпион. Шпион как насмешка. *К нему.* На дом. *Рядом:* СЖАТО!

Стр. 389.

23 *После:* «Не от него ли?» — не за мной ли?

26 *После:* С какой же квартиры? — спросил я. ◇

27 Да с той самой, с вчерашней / Да [с моей-с] с той самой ◇

30 прервал я с досадой / вскричал я с досадой ◇

33 значит, она / она ◇

34 Ну, так теперь воротился / [Ну] Так, конечно, теперь воротился ◇.

36 проговорила она / проговорила Настасья Егоровна ◇

36 тем самым / каким-то

37 вороватым глазом / вороватым взглядом ◇

37–38 и точно так ∾ лежал больной / и не спуская с меня глаз, как и в то описанное мной посещение, когда я лежал больной и когда она тоже приходила от Анны Андреевны ◇

39–40 их какие-то тайны / какие-то тайны ◇

40–41 не могли ∾ хитростей / не могли быть без тайн ◇

42 Почему ∾ не воротится? / Почему наверно не воротится совсем?

45 Да вы-то ∾ пожаловали? / Что у вас за тайны? [Какие у вас интриги?] Что за вздор опять? Вы-то зачем пришли? ◇

Стр. 390.

1 Она объявила ∾ она от / [Тут она прямо и кратко] И вот она объявила, что пришла [прямо] от ◇

4–5 Не дам ∾ овладеть! / Я разорвал со всеми вашими дрязгами и [теперь] не дам мной опять овладеть.◇

6 пришлет ко мне / пришлет мне ◇

14 *После:* более дожидаться — Да зачем? Зачем?
— Да уж сами узнаете.

14 *Текста:* уж это я вас ∾ с изумлением и отвращением. — *нет.*

17–18 вскричал я ∾ всё по-новому / Конец всему старому, теперь всё по-новому ◇

19–21 нарочно не пойду ∾ в ваши загадки / и лучше не приходите больше совсем. Вы меня только сбиваете с толку!

22–23 то я, схватив ∾ среди комнаты / посреди комнаты, то я, естественно, ушел сам, надев шубу и шапку

23 *После:* среди комнаты. — *начато:* Я хотел ей доказать на деле

24–25 не запирал комнату / не запирал ее ◇

31 Ничего. / Да чего же? Ничего.

39–40 почти совсем озверев / почти озверев ◇

40 вам-то еще чего / Вам-то чего ◇

44 длиннее ухмыляясь / длиннее улыбаясь ◇

44 *После:* ухмыляясь — Да что? Что прикажете-то? Вы-то на чем еще помешались?

— Да об квартпре-с — промямлил было он. —Ну да уж ничего, — промямлил он вдруг решительно.
46 Он убежал / Он повернулся и побежал ◊
46 *После:* по лестнице. — Я вышел на улицу. Действительно, они только сбивали меня с толку.

Стр. 391.

2 *Слов:* в чем и уверится читатель — *нет.*
5 *После:* интриг и загадок — который был мне нестерпим
5 *После:* напомнивший мне старое. — Теперь всё новое и всё разрешено — и вдруг говорят, что он совсем не придет. Доколе же он без меня будет?
7 Дома Версилова / Дома его ◊
8 стоял я упорно на своем / *а.* подумал я *б.* решил я тут же ◊
11 *После:* схватил извозчика — и всё понукал его ◊
11-12 *У мамы ∾ не было* / Но у мамы его не было, да и не бывал с утра. *Далее вписано на полях:* Я, впрочем, так и ожидал; я очень помню, что я так и ожидал, хотя и закричал на Настасью Егоровну, что он наверно у мамы. ◊
15 *После:* внизу — стоял гроб
15 лежал на столе Макар Иванович / лежал Макар Иванович уже в гробу ◊
15–16 какой-то старик мерно читал / какой-то степенный старик в сертуке мерно читал ◊
17–18 *Слов:* который уже успели сделать, стоявший тут же в комнате — *нет.*
19–20 покров на покойнике был из дорогих / покров был из церкви, из [самых] дорогих ◊
23–24 *После:* та особенная — и заботливая
25–26 я мигом ∾ покойник / я мигом смекнул и подумал: «Нет, тут не один покойник, боже мой, так что же?»
26 покойник причиною / покойник ◊
30 Я наскоро упомянул / Я [рассказал] сказал ◊
32–34 пригласил еще вчера ∾ пальцем / пригласил прийти раньше. Мама промолчала и повернулась к окну, а Татьяна Павловна украдкой и с злым лицом погрозила мне пальцем ◊
35 вдруг отрезала Лиза / *а.* сказала Лиза *б.* отрезала Лиза
35–36 *После:* выходя из комнаты. — Ах, Лиза, мне тебе особенно надо сказать, — поспешил я крикнуть для предлога сойти за ней вниз. Она не остановилась, не обернулась до самой выходной двери вниз
36 у самой / лишь у самой ◊
38–39 проговорила она быстрым шепотом / [скорым] быстрым шепотом [процедила] сказала Лиза
40 Лиза, что тут такое? / [Да] Что тут такое? ◊
41 сама не знаю / сама твердо не знаю
43 Тебе не расскажут / Разумеется, тебе не расскажут
44 *Слов:* коли умен — *нет.*

Стр. 392.

4 сказала так / говорила
4–5 князя Сергея Петровича / князя Сережу ◊
5 *После:* и беспамятстве. — Я воротился к маме и Татьяне грустный [и раздавленный] [беспокойный], но возбужденный ◊
5–6 Вечная история! Какая вечная история? / Вековечная история. Какая вековечная история. ◊
7 непременно рассказать им / им рассказать ◊
8–9 *Слов:* да и самую исповедь — *нет.*
11-12 *После:* рассказывать. — *начато:* Они мигом сели обе
13 На этот раз ∾ глазами / Особенно Татьяна так и впилась в меня ◊
15 и не сходила / и не покидала ◊
18 Татьяна Павловна / Татьяна ◊
21–22 как бы вникая с усилием / вникая ◊

25 о том, что он / о том, как он ◇
25–27 Слушая это ∾ продолжали молчать / Я помню, что они быстро и молча переглянулись, а мама вспыхнула, но всё продолжали молчать ◇
28 *После:* до встречи с *нею* — *начато:* до помолвки с падчерицей, а главное, без чего весь вчерашний вечер и всё вчерашнее есть
32–35 хотя, конечно ∾ тяжело с ними / Но я никак не мог начать об этом *при маме* [и читатель, надеюсь, поймет это]. Когда я [замолчал] кончил, они всё [еще] продолжали молчать. Мне стало тяжело с ними.

Стр. 392—393.

38–30 *Рядом с текстом:* Сходи, сходи ∾ в одном платье.— *на полях наброски:* Мама завтра именинница, рождение и возрождение. *Он* у меня.

— Что же, сходи, сходи.

Я встал поцеловать маму.

— Завтра ты в церкви будешь?

— Да, и сегодня буду.

Я вышел. Я знал Татьяну [хочу дать тебе], что догонит опять.

— Стой, [целовал портрет] что ты не досказал?

Я досказал.

— Письмо, целовал портрет? Сам видел?

Я видел, что она знает.

— Да, видел.

— Слушай, глуп ты, вот что, сходил бы ты к Анне Андреевне.

— Ан вот не пойду, потому что назвали меня глупым тогда, как никогда еще не был столь догадлив, как теперь.

— Ну не ходи, я сказала, что глуп.

— Они про Анну Андреевну. Так я и знал! Они и *ее* опутают, Катерину Николаевну.

— Да уж опутают, да что знаешь-то, что тут такое? Слышала я что-то об тебе (то есть об документе).

— Слушайте, Татьяна Павловна, я вам скажу тайну, только не теперь, а то вы...

— Э, чтоб вас, убирайся от меня, вас всех надо. Сам влюблен, дурак. Наплюю, да в Рязань уеду, только вот Макара похороню.

Я вышел обиженный, сконфужен, унижен и оскорблен.Только в женщине такой *цинизм.* — К себе Ламберт [приходил] выходящий. С Ламбертом ⟨*нрзб.*⟩ домой. Дома камер-юнкер выходящий и улыбнувшийся. История про камер-юнкера замкнулась. Дома с хозяйкой. Пошел к нему, обедал. К Анне Андреевне, уехала в Царское. Вечером, Тришатов. Дома хозяин замкнувшись. Альфонсина. Спугнул хозяина. На Альфонсинку: «Я выгоню!» Хозяин: «Не сердитесь!» ⟨*нрзб.*⟩ самоуверенный. Хозяину: «Что вы давеча говорили?» — «Ничего-с, так-с». Лег спать в волнении. Но это был день интриг и самых непонятных шагов. Описывая, не пропустил ни малейшей черты — всё отзовется в окончательном букете, каждая черта необходима.

Стр. 392.

42 у него, мама / у него в гробу, мама
42–43 Спасибо ∾ ему на гроб / Благодарю вас, мама, что вы так пышно его хороните
45–46 спросила она ∾ губы / *а.* на кладбище сыро-то,— и у ней задрожали губы *б.* спросила она еще, у ней дрожали губы ◇
47 *Слов:* удивился я — *нет.*

Стр. 393.

3 в болезненном удивлении / в некотором удивлении
3–4 как же это задавать такие вопросы / Как же это мама спрашивает
4–5 приду я ∾ думают / приду я или нет? И значит, что же она об *нем* тогда думает ◇
6–7 и нарочно приостановился / и приостановился было ◇

7–8 она, догнав меня, протолкнула / она протолкнула меня ◇
8 на самую лестницу / в сени
10 Татьяна Павловна, значит, вы Андрея Петровича / [Послушайте] Татьяна Павловна, что же это тут происходит? Значит, вы *его* ◇
13 про вчерашнюю ахинею рассказывал / когда ты там ахинею рассказывал ◇
14–15 почти в раздражении ∾ передал всё / [в некотором] почти в раздражении на него [сказал] передал всё ◇
17–18 *Фразы:* К удивлению моему ∾ о нем знала.— *нет.*
22–23 воскрес! Станется ∾ целовал? / станется и это.

— Послушайте, Татьяна Павловна, да вы, пожалуй, и о письме этом знали?

— Стой, молчи; говори: правда, что портрет целовал? ◇
26 Разве он когда притворяется / Да разве он притворяется ◇
29 она что-то ∾ соображала / она опять что-то соображала ◇
30 *Слов:* а она в одном платье — *нет.*
32 и как бы с досадой / и с досадой ◇
33–34 там делается / там такое ◇
35 *После:* стал верстой? — *начато:* И она было уже отворила
41 *Слов:* к Анне Андреевне — *нет.*
43–44 как сегодня / как теперь ◇
44 *Слов:* к Анне Андреевне — *нет.*

Стр. 394.

1 *После:* Анну Андреевну — вскричал я ◇
3–4 Так уж ∾ Николаевну? / *а.* Неужто вы про Катерину Николаевну? *б.* Так уж вы про Катерину Николаевну? ◇
4 *После:* испугался — и задрожал ◇
10 *Слов:* теперь нет времени — *нет.*
11–12 *Слов:* и что это за мертвая петля — *нет.*
13 воскликнула она / прервала она
15 *Слов:* впилась она ∾ взглядом — *нет.*
16 поклялся тогда / клялся тогда ◇
19–20 смотрите, Татьяна Павловна ∾ что-нибудь хуже ... / не случилось ли чего опять? ◇
22 убирайся, шут / убирайся, пащенок ◇
25–26 цинизма, на который / на который ◇
26–27 глубоко оскорбленный / оскорбленный, придавленный ◇
27 смутных ощущений моих / смутных мыслей и догадок моих ◇
28–29 которые теперь всё разрешат / они всё разрешат ◇
29 пробежал мимоходом / пробежал ◇
32 А бог их ведает / А не знаю, ведь бог их ведает ◇
32 *После:* бог их ведает. — *на поле:* Я говорил: не пойду, но я, разумеется, пойду к Анне Андреевне. ◇
34 *После:* Фактами, фактами!..— *а.* Весь этот день и всё это время я был до того легковерен, что до самого последнего мгновения всё ожидал, что увижусь с ним и что он ко мне придет. Вот почему [направляясь домой, вполне был уверен], побежав и теперь домой, опять-таки почти убежденный, что если и не застану его, то по крайней мере услышу, что он заходил ко мне и оставил инструкции. Что делать: я слишком предчувствовал, что в нем одном заключается центр и развязка всех поднявшихся недоумений, а главное, мне надо было его, его! Но вместо него... *б.* Вот в эту-то минуту и подвернулся Ламберт,
34 Но понимает ли / конечно так, но понимает ли ◇
34 *После:* читатель — *начато:* припоминая теперь
43 этих двух натуральных шагов / всего этого
44–45 бредит почему-то / говорит, что

Стр. 395.

1 несомненно знают / знают ◇

1–2 (это я сам приметил) / (это наверное) ◇
7 Значит, всё это / Всё это ◇
9–10 Спрашивается / А если так
11 *После:* наконец, с *нею.*— Ведь если *она* [так писала ему вчера] могла прислать ему вчера подобное письмо, то, стало быть, впрочем, боится его, и ужасно боится почему-то, хочет с ним серьезно покончить, и какие же, наконец, их отношения и неужели это такая безумная страсть. Что он с ней теперь сделает, чего именно боится она.
13 *После:* у Анны Андреевны! — И вот давешний визит ко мне Настасьи Егоровны; неотложное, дескать, дело, не могут ждать.
13–14 Почему же у Анны Андреевны / Почему у Анны Андреевны и неужели, неужели же это такая безумная роковая страсть, которая может всё разрушить и обратить всё, начавшуюся стройку в прежнюю безобразную кашу. ◇
16 *После:* про «документ» — У меня всегда была мысль, что если я сообщу ему про документ, то он много мог бы им сделать вреда Катерине Николаевне
17 Сожги документ / Сожги бумагу
17 *После:* Сожги документ» — Да, это вчера, а сегодня? Но если [ему нужен] возможно, что ему бы понадобился этот документ, то почему же он не ищет меня, напротив, ушел от меня. Увы, я и мысли тогда не имел, что он мог бы обратиться к Ламберту!
19 всё порешил / всё покончил
20 *Слов:* я это чувствовал — *нет.*
20 *После:* с двух слов! — Где же он? Что теперь в душе его? Какие мысли, какие ужасы? Почему же его нет со мною?..
22 мечталось мне неотразимо / [такие слова], которые бы его успокоили ◇
23 Но где он? Где он? / Где же он, где он? ◇
24 *Слов:* когда я так был разгорячен — *нет.*
27 завтракать / обедать
29 Нет там никого / Версилова? Нет ◇
31 прелестные ∾ говорили / такие вести, что пальчики оближешь
32 перебил я / вскричал я
32–33 задыхаясь ∾ декламируя / задыхаясь и спеша ◇
33 если я остановился / если и останавливаюсь ◇
36 как у Тушара / как тогда и вырос ◇
38 но не от вина / *а. Начато:* по непривычке к в⟨ину⟩ *б.* не то что от вина ◇
40 я хитрил, чтоб выведать / был возбужден, а главное — я хитрил, чтоб выведать ◇
41–43 Знай ∾ не поверит / Знай, что [жениться, да и вчера считал, как с тобой говорил, что] жениться с ней и проч.— всё это вздор, всё вздор ◇
43 Можно ли подумать ∾ поверил? / Можно ли подумать, чтоб я [пошел на такую удочку] пошел на такую глупость!
44–45 Ты потому ∾ свете делается / Ты не знаешь, потому что ты не принят в свете и не знаешь, как у них. ◇

Стр. 395—396.

45–1 Это не так ∾ вышла замуж... / У них в свете это не так просто делается, главное, это невозможно, чтоб так просто, в их высшем свете, взяла да и вышла замуж. Я не мог этому поверить, а ты думал, что верю. ◇

Стр. 396.

1–2 Теперь скажу тебе ясно / Знай же, что я знаю
2 зазвать меня / зазвать к себе меня ◇
5 никогда / теперь никогда
5 *После:* к тебе никогда — мы незнакомы, знай, знай это
5 *После:* знай тоже, что — я решил с документом сам
6 бумага эта / письмо это
7 *После:* принадлежит ей — ей самой, по праву

9 *После:* ее знакомую — при свидетелях
11–12 от меня ∾ не столь учтиво... / от меня рысью, марш, не то — не то, Ламберт, я обойдусь уже не столь учтиво. ◇
15–16 разгорячиться / загорячиться [и зарисоваться] ◇
16–17 и с наслаждением отчеканивая / и отчеканивая ◇
17 всё более и более / всё более ◇
18 всунул эту / всунул даже эту ◇
18–19 подробность о том, что / подробность, что ◇
19 передам документ / передам ◇
20–21 Но мне ∾ о документе / Но мне захотелось тогда огорошить: я видел его глупый испуг, когда я брякнул так про документ
22–23 *Слов:* точностью подробностей — *нет.*
23 хвастливая болтовня / злорадная болтовня
25 *Слов:* и ее квартиру тотчас же — *нет.*
25 засела в уме его / осталась в его уме ◇
26–27 в высших и важных / в больших и важных ◇
27 он ничтожен и ничего не смыслит / он [глуп как ребенок] ничего не смыслит и ниже всякой критики ◇
28–30 Умолчи я ∾ ужасно. / И от каких мелочных вещей иногда всё зависит! Но это потом. Тогда же [у него еще ничего не было в уме] он испугался ужасно. [Я уже сказал, что этот человек принимал всех за таких, каких ему нужно было или какими он желал, чтоб они были. Он ужасно потерялся.] ◇
30 он в первую ∾ ужасно / тогда же испугался ужасно ◇
31 пробормотал он / сказал он ◇
31–34 *К тексту:* Альфонсина ∾ пойдем! — *на полях набросок:* — Я с ней был. У меня *ее* записка к тебе. — Покажи за плату. — Она у Альфонсины.
35 Лжешь, покажи письмо! / Какое письмо? Врешь ты.
36 *После:* у Альфонсины, пойдем! — Альфонсина... — Споет с гитарой, знаю, прощай! Смотри, не приходи больше, Ламберт, не то очень провожу
38–39 когда он хотел ∾ кулаком / *а.* он был так удивлен, что не посмел побежать за мной. *б.* и когда он захотел было идти за мной, я остановился и погрозил ему кулаком. ◇ *Далее было вписано на полях:* Обругал меня, должно быть, ужасно. А может, и нет: этот легкомысленный сорванец был в сущности добр и глуп как теленок [и, вероятно, принял всю выходку и главное], факт поражал его иногда совершенно, до раздавленности, так что не оставалось и следа гневу или мстительности. В настоящем случае его всего больше поразило, что я так прямо и резко отрезал про «документ»: не хитрил, значит, не боялся. Таких, как Ламберт, всегда огорошивало, если вдруг увидят, что их не боятся. В квартире моей меня ждал другой сюрприз, да еще самый беспокойный в моем положении.
40–45 Но он уже ∾ рога изобилия. / Но [еще едва отворив дверь в квартиру, я] я вдруг подвергся другому сюрпризу, да еще самому беспокойному в моем положении. И как вспомню [теперь этот проклятый день, то] [в тот несчастный день] все эти сюрпризы и нечаянности, то всё кажется, что они в тот памятный день точно сговорились и так и посыпались на мою голову из какого-то проклятого рога изобилия. ◇
45–46 Едва я отворил ∾ еще в передней / Больше ничего, что я столкнулся в передней
47 человеком высокого роста / человеком, высоким, тонким ◇
47 с продолговатым и бледным лицом / с длинным бледным лицом

Стр. 397.

1 стянул его / сбросил его
2 (очевидно, для учтивости) / для вящей учтивости [передо мной] ◇
2–3 приподняв рукой свой цилиндр / приподняв свою круглую шляпу ◇
5 Мы оба узнали друг друга / Он узнал меня, и я его узнал
6 *Слов:* в Москве — *нет.*

7 молодой Версилов / Версилов ◇
8 *После:* Его провожала — и чрезвычайно приветливо что-то договаривала ему вслед. ◇
9 *Слов:* Когда он вышел — *нет.*
9 *После:* и накинулся — Зачем он?
10 *После:* в моей комнате был? — *начато:* Хозяйка сухо и безучастно
11 Совсем не в вашей комнате. / Совсем нет. ◇
11 *После:* ко мне — по своему делу ◇
12 быстро и сухо ∾ к себе / [проговорила она сухо] быстро и сухо [ответила] отрезала она и повернулась в свою комнату ◇
13–14 Нет, этак нельзя ∾ приходил? / [Позвольте-с] Да ведь этак нельзя! — вскричал я. — Тут беда: зачем он приходил? [зачем?] ◇
20 да ведь ∾ приходит / да не впервой они приходят [Когда вы были больны] ◇
21–23 Она ушла. ∾ с каждым часом. / Она ушла. Я решил не расспрашивать, но принять меры молча. ◇
25–28 когда я был ∾ на моей квартире / *а.* и она мне уж сама говорила, что старик князь остановится на моей квартире *б.* а та уж закинула удивительное словечко, что, может быть, старик князь остановится на моей квартире ◇
28–29 но всё это было ∾ придумать / Сами собой, значит, представлялись теперь вопросы: зачем она присылала меня просить давеча? про какую это «мертвую петлю» говорила Татьяна, и почему этот обидчик из высшего света так вежливо мне сказал bon soir ⟨добрый вечер *(франц.)*⟩?
30 *После:* не присев отдохнуть — я повернул назад, схватил шубу и
31–32 ее не оказалось ∾ будут» / Но еще в сенях получил от швейцара ответ, что нет дома.

— Где же она?

— Поехали в Царское Село; завтра только разве около этого времени будут. ◇

33 и, уж разумеется, к старому князю / *а.* в Царском старый князь *б.* к старому князю, разумеется ◇
39–40 Андрей Петрович имел обыкновение заходить / [Версилов] Андрей Петрович заходил ◇
41 побежал туда / туда направился ◇
42 известили / сказали
42 что он приходил / что уже «были-с» ◇
43 *После:* ожидать его — во что бы то ни стало ◇
44 *Слов:* по крайней мере являлась надежда — *нет.*
45–46 как можно дольше / дольше ◇
46 я думаю, часа четыре /[с лишком] часа четыре ◇

Стр. 398.

4 Не описываю и мыслей / Не описываю и целый вихрь мыслей
4 в голове, как туча / в моей голове, как [стая] туча ◇
5–6 право, что-то было на это похожее / Право, это было похоже. [Но всё же одна мысль меня очень щекотала. Дело в том, что Ламберт говорил про рябого; достал, дескать, какое-то письмо через рябого от *нее,* и в нем написано обо мне. Нелепость явная, но всё же ведь Ламберт глуп и, наконец, неужели же он до такой степени враль? Что же это там за письмо?] ◇
8 Но что мучило меня до боли (мимоходом, разумеется / [Другое] Но что мучило меня [очень (между прочим, разумеется, я о главном не говорю)], то есть мимоходом, разумеется ◇
8–14 Но что мучило ∾ Вот в чем дело / Но что мучило меня очень — это одно незабытое ощущение, одна рана на сердце. Я говорю: «одна рана», хотя, может быть, за это надо мною будут смеяться, пусть смеются. Вот в чем эта рана.
9–10 неотвязчивое, ядовитое впечатление / неотвязчивое впечатление ◇
12 пребольно укусит / пребольно уязвит ◇

12 было лишь воспоминание / было воспоминание ◇
13 не сказывал / не говорил ◇
14 ибо надобно ∾ рассказать / Где-нибудь да надо вставить. Расскажу здесь.
18 придут деньги / прибудут деньги ◇
22 Напомню, впрочем / Прибавлю, впрочем ◇
24 предполагал / я думал ◇
25–26 объявил мне / сказал мне
33 вместо отсылки через почту / вместо почты ◇
33–34 как-то неестественно / как-то странно
34–35 Версилов ∾ моим братом / *а.* Версилов хотел свести нас через это свидание *б.* Версилов хочет свести меня с своим законным сыном через это свидание, подумал я ◇
35–36 таким образом, обрисовывались / обрисовывались стало ◇
37–38 но представлялся ∾ вести себя / Но вопрос: как же мне теперь вести себя ◇
39 не потеряет ∾ мое достоинство / не потерять в чем-нибудь собственного достоинства ◇
40 На другой день, ровно в одиннадцать часов / Ровно на другой день ◇
42 Я остановился в передней / Я, впрочем, дальше передней не пошел
44 у князя ∾ и еще посетители / у князя были, кроме камер-юнкера гостя, еще двое [молодых людей] [посетителей] каких-то гостей ◇

Стр. 399.

3 *После:* минут с пять — а там всё шел начатый разговор и смех
3 *Слов:* а между тем — *нет.*
4 и те же отзвуки разговора / и громкий говор ◇
5 очень хорошо зная / зная ◇
7 *После:* были лакеи. — *начато:* К удивлению, лакеи
13–14 Несмотря на мой ∾ мое возбуждение / Я думаю, мой взгляд был как у исступленного, но ◇
18 даже менее минуты / даже менее ◇
19 платье и пальто / платье и пальто мое ◇
20 о чем позаботилась / об этом позаботилась ◇
21–22 уже гораздо позже и уже в Петербурге / уже в Петербурге ◇
23 узнали еще накануне / узнали заранее
23 *После:* еще накануне — кто я такой именно ◇
24–25 Про это ∾ наверное / Уж это я знаю наверное ◇
27–28 повторял я ∾ почти в ознобе / думал я, обливаясь холодным ознобом ◇
28–29 уходивший докладывать / уходивший доложить ◇
32 всю прошлую ночь / всю ночь ◇
36 *Слов:* даже в каком угодно кругу — *нет.*
37 буду благороден ∾ в обществе / буду благороден, и горд, и, главное, может быть. в обществе ◇
38 прямо буду введен / прямо попаду
38 *После:* в этот свет — и вдруг такая обида. 40 рублей и через лакея
39–40 в таких точно подробностях / в таких подробностях ◇
41–42 *Слов:* да еще прямо ∾ не в конверте — *нет.*
43–44 Я до того ∾ назад / Я вдруг крикнул на лакея так, что он вздрогнул, и велел ему немедленно отнести деньги назад ◇
45–46 конечно, бессвязное / немного несвязное
46 непонятное для лакея / для них не вполне понятное
46–47 *После:* так закричал — раза два или три
48 вдруг затихли / затихли ◇
48 *После:* затихли. — *начато:* Я прислушивался, кажется, лакей передал, — вот вдруг

Стр. 400.

1 Почти тотчас же / Через минуту ◇
5 не доходя до порога / не переступая порога

7 он направил / он навел ◇
7 стал рассматривать / начал рассматривать
8–9 *Слов:* смотря на него в упор — *нет.*
9 Но рассматривал ∾ мгновение / Рассматривал меня, он, впрочем, мгновение ◇
10–11 самая неприметная ∾ на губах его / улыбнулся самою неприметною улыбкою [(как только эти обидчики выучены с детства)] ◇
11–12 однако ж, самая ∾ неприметная / однако же, тем язвительнее, чем неприметнее ◇
13–14 он молча повернулся ∾ как и пришел / обернулся и пошел опять, так же тихо и плавно к товарищам ◇
14–15 О, эти обидчики ∾ обижать! / О, эти обидчики, с детства их выучили обижать! ◇
17 Почти в то же ∾ появился опять / *а.* Через мгновение вышел *б.* И вот быстро вышел *в.* Затем быстро появился опять ◇
18 *После:* кредитками в руках — а в зале, я слышал, раздался смех, хоть некрупный, но я знал, что надо мной.
19 Извольте получить / извольте принять
19 *После:* из Петербурга — по передаче
19–20 принять вас самих не могут / принять вас некогда
21 эти последние слова / это ◇
22 Но потерянность / Потерянность ◇
23 я принял / Я взял ◇
23–24 *Слов:* именно от потерянности принял, потому что надо было не принять — *нет.*
27 когда я проходил / когда я только что проходил
29 заревел я на него / *а.* сказал я ему *б.* вдруг прокричал я *в.* заревел я ◇
29–30 и вдруг замахнулся ∾ не опустил руки / и вдруг замахнулся на него, но не ударил и опустил руку ◇
30 Доложи это ему сейчас! / доложи ему, что я так его называю. ◇
33 то вас сию же минуту ∾ препроводить / то вас тотчас же при записке в [полицию] контору можно препроводить ◇
35 Я спускался / Я стал спускаться
35–36 вся открытая / вся обширная ◇
37 Все три лакея / Лакеи ◇
39 было невозможно / было бы унизительно ◇
39 не прибавляя шагу / не торопясь
42 молокососа / мальчика
43–45 рана, которая ∾ отомщено / рана и до сих пор, я чувствую это по тому, как мне тяжело было записать здесь про это, несмотря на то, что теперь я уже давно отомстил ◇
45–48 О, клянусь ∾ одним великодушием . / [Я шел с великодушными чувствами (о, может быть, смешными, пусть)] [я был обижен] Таких обид я простить не могу никогда и всю жизнь буду чувствовать] [хотя] клянусь, я не злопамятен и не мстителен. О, конечно, я до лихорадки желал отомстить [при обиде — и это] всегда, когда обижали, но, клянусь тоже, — лишь великодушием ◇

Стр. 401.

1 чтобы он это понял / понял это
1–3 *Фразы:* Кстати прибавлю ∾ с другими? — *нет.*
3 тогда же, о, тогда я пришел / Я шел ◇
6 *Слов:* обыденными, серединными — *нет.*
6–7 никому не открывал / никому не рассказывал ◇
8 *После:* пощечина — [и мне было стыдно в ней признаться] О том, как я страдал все эти месяцы, вспоминая, особенно по ночам,— не упоминаю. ◇
9–10 его ожидал встретить / его ожидал ◇
13 *Цифры:* V — *нет.*

15 к Версилову / на квартиру Версилова

15–16 и, разумеется ∾ не застал дома / разумеется, опять нет дома ◊

16 нянька была скучна / нянька смотрела скучно ◊

18 Я забежал и к маме, но не вошел / Я сбегал, однако, к маме, но не входил

22–23 Оставалась ∾ я не верил. / *а.* Я поскорее побежал домой. Последняя надежда, что он у меня. Не тут-то было, не приходил, а заместо его наткнулся еще на сюрприз. Был такой усталый, убитый, мне так хотелось лечь *б.* Оставалась последняя надежда, что он заходил ко мне на квартиру, но я уже в нее не верил. ◊ *Рядом:* МАКАР

24 И вот / и даже

28 ввести ∾ в мою комнату? / вводить в мою комнату! ◊

29 Альфонсинка / Альфонсина ◊

30 заревел / завопил ◊

31–32 она в коридор ∾ к хозяйке / *а.* в коридор Альфонсина и, к удивлению моему, пробежала в комнату нашего рябого жильца, того самого, который вечно спорил с Петром Ипполитовичем *б.* в коридор Альфонсина, притворяясь испуганной и сделав почти пируэт, скрылась в комнате хозяйки

32 Петр Ипполитович / хозяин

36 *Слов:* не шельма, а даже совсем напротив — *нет.*

39–40 А как вы смели ∾ ужасно заболела. / А почему у меня в комнате?

Стр. 401—402.

43–2 с Альфонсиной Карловной ∾ сопровождая меня / *а.* говорить, то среди разговора она и зашла в вашу комнату *б.* начатый разговор, то среди разговора, и она зашла в вашу комнату ◊

Стр. 402.

3–5 Неправда, Альфонсинка ∾ что-нибудь украсть. / *а.* А я не хочу... я прервал... ко мне не могут... *б. Начато:* Я вам не верю, [и к ним] Альфонсинка шпион, Ламберт — шпион и ничего больше, и зачем она в комнате у жильца, а не у вас, если она у вас? и может быть, вы сами шпион!

— А просто затем, что я тут комнату [ст] очистил и

6 уж как вам / как вам ◊

8 в каморку / сюда в каморку ◊

9 почти такая же здесь жилица / здесь такая же почти жилица ◊

10–11 Вы Ламберту сдали ∾ не Ламберту / Неужели Ламберту сдали? Альфонсине?

— Не Ламберту-с, да почти и не знаю г-на Ламберта

13 утреннего / давишнего ◊

14–15 делаете вид ∾ Покойной ночи-с! / *а.* сердитесь. Прощайте-с *б.* делаете вид для красы-с, а потому и желаю вам покойной ночи-с.

16–21 Да, да, оставьте ∾ мои записки. / *а.* И оставьте, оставьте меня в покое,— замахал я руками в страшном раздражении,— я запрусь, и не смейте ко мне приводить.

— Как угодно, только Альфонсина Карловна сейчас уйдет-с, и не к вам она вовсе. Прощайте-с *б.* замахал я руками, чуть не плача, и вдруг перестал понимать, затем я затворил. Он [это] мне солгал [что не ко мне], а я его угадал: Альфонсина, несмотря на то беспомощное состояние, в котором была,— была шпионом от Ламберта, да и [сам] Петр Ипполитович тоже,— хоть не знаю наверно даже до сегодня, подкупили они его или нет, или просто он пошел в их сообщество, не зная ничего, а так только, для радости интриги, и получил ли он хоть сколько-нибудь тогда за труды.

24–27 Но я опять ∾ нельзя разобрать. / *а.* И вот я опять говорю загадками. Но в сем месте, предупреждая ход событий, я уже в значительной степени принужден и разъяснить читателю очень многое вперед; ибо тут к логическому течению событий прибавляется чрезвычайно много слу-

чайностей. Положительно говорю, например, что всё, что теперь принужден разъяснить вперед, я и сам почти [тогда] даже и наполовину не сознавал. Сильно предчувствовал и волновался, но предугадать не мог. Это только теперь всё для меня ясно, и чтоб не мучить читателя [Я расскажу вперед], так же как тогда я сам мучился, я и объясню кое-что наперед *б*. Чтобы не говорить загадками, естественно, что *в*. Я опять, предупреждая ход событий, спешу разъяснить читателю очень многое вперед, ибо [нахожу нужным разъяснить читателю кое-что вперед] тут к логичному течению [событий] этой истории прибавилось [столько] необыкновенно много случайностей, которые никак нельзя угадать вперед, а потому и рассказ (до развязки самой) был бы уж чересчур загадочен, если не объяснить кое-что [так что], и я сам тогда, т. е. в ту минуту, на которой остановился теперь рассказ, [а именно когда бросился лицом в подушку] почти даже и наполовину не угадывал вперед дела. [А потому, где же угадать читателю] А припоминая, как я мучился, не хочу, чтобы так же [кто-то] мучился и читатель, и потому разъясняю наперед. Да и как бы мог ◇

27–29 Тут дело состояло ∾ проговорилась Татьяна Павловна. / *а*. Вот в чем было дело, одним словом, это было той самой «мертвой петлей», об которой говорила Татьяна Павловна *б*. Всё дело было в этой самой «мертвой петле», об которой выскользнуло нечаянно у Татьяны Павловны ◇

31 *После:* характер! — *начато: а* План ее состоял в том *б*. А положение ее было нестерпимое *в*. Я упомянул уже, что положение ее было нестерпимое

31–38 Хотя старый князь ∾ сделавшей ему предложение. / Старый князь, после того как принял «ее предложение», был в самом непродолжительном времени конфискован дочерью своею Катериной Николаевной и отвезен по совету и при деятельном содействии Бьоринга в Царское Село, т. е. в совершенное уединение, под предлогом здоровья; таким образом, о его браке с Анной Андреевной не могло распространиться в свете, и было на время потушено ими в самом начале, но, однако, слабый [князь] старичок, с которым всё можно было сделать, ни за что на свете не согласился бы [отстать] отступить от своей идеи и «изменить» Анне Андреевне.

40–45 что весьма и весьма случается ∾ худой на ее счет молвы / *а*. Это было тем вероятнее, а стало быть, тем опаснее для Катерины Николаевны и Бьоринга, что он хоть и подчинился [им из любви] влиянию их, но, однако, очень хорошо сознавал, что они прямо действуют против Анны Андреевны *б*. что он совершенно сознавал щекотливость положения Анны Андреевны в свете, возможность слухов и насмешек и вообще худой молвы ◇

Стр. 403.

2 запнуться / сказать

3 обнаружить / выразить ◇

4–5 Напротив ∾ внимание к невесте отца своего. / Мало того, она видимо примирилась с идеей, напротив, сама приезжала с нею и оставляла ее с князем одну и наружно, при князе по крайней мере, выражала чрезвычайное радушие и внимание к самой Анне Андреевне.

6–7 *После:* неловкое положение — С одной стороны, брак ее отдалялся под предлогом нездоровья, ибо князя совершенно уверили, что он болен, а с другой стороны, разъяснить князю, что его обманывают и наконец как-нибудь совсем конфискуют и увезут за границу на неопределенное время,— она тоже никак не [могла] смела

8–9 тоже благоговел / благоговел ◇

9–10 а теперь даже ∾ позволила ему жениться / именно за то, что она так радушно и почтительно позволила ему жениться и даже так полюбила невесту его ◇

11 на нее / против нее ◇

11–12 нежные чувства / действительные чувства ◇
15–16 которой из них более удивляться / которой больше из них удивляться
16–20 и, по обыкновению всех слабых ∾ слечь в постель / *а.* и [наконец] не зная, что предпринять, кончил тем, ⟨что⟩ начал страдать и винить одного себя. Он слишком понимал, что Анна Андреевна страдает о своей репутации, что об ней могли пойти слухи в свете, что [брак] будущий брак должен быть объявлен публично и как можно скорее. *б.* и не зная, что предпринять, кончил тем, ⟨что⟩ начал страдать и винить себя одного во всем и мучался тем [что не знал, как поправить дело], чтоб согласить все противоречия, которые все ощущал и угадал в своем нежном сердце. Тоска его, говорят, дошла до болезни. Нервы его и впрямь расстроились, и вместо поправки здоровья в Царском он, говорили, готов был слечь в постель. Болезнь его прямо можно было назвать «незнанием, что делать в его положении». ◇
21 о чем узнал ∾ спустя / *а.* что я слышал *б.* о чем слышал уже долго спустя
23–25 склонив его ∾ лишился рассудка / пожалуй, хоть объявив в свете [(но не князю)], что он совершенно лишился рассудка *Далее на полях наброски:* перевезть в мою квартиру, это ⟨*нрзб.*⟩ мне мерещилось, но я никак не мог допустить пока, потом, через день, сам его увидел.

Действие документа на князя оказалось важнее. Ее брат. Почему ко мне на квартиру?

Ламберт. Не знал, с кем еще он будет иметь дело: со мною или с Ахмаковой. Он готовился с обеих сторон. Но главное было овладеть документом.

Шпион, украсть, Альфонс⟨инка⟩ и Татьяну осадил тоже. Рябой против.

Ingrat. *Ее* платок, настоящий ее платок, я видел у *ней* такие. Всё это был фокус, но откуда они его достали.

Il veut dormir.

Молодой Версилов. Камер-юнкер был, чтоб условиться с хозяином. Меня тоже рассчитывали накрыть. Всё Ламберт, но Ламберт еще тогда не знал.

30–31 *Слов:* когда дело, так сказать, дошло до последней безвыходности — *нет.*
34 *После:* в высочайшей степени — этим известием
36–37 в этом твердом / в сухом, твердом ◇
37 *После:* сердце — ее
38 План / Он
38 без всяких подходов / *а.* без всяких подводов и подходов *б.* без всяких подводов ◇
43–44 так теперь ∾ и подавно может быть» / *а.* тем больше будет теперь, чтоб помешать браку» *б.* как теперь, чтоб помешать браку и подавно ◇
44 Затем взять ∾ убитого старика / А для этого испуганного князя
45 *прямо на мою квартиру* / на особую квартиру, всё [конечно], разумеется, с его согласия и... и — Ламберт даже обещал ей, что тотчас же найдет попа обвенчать их. Но предложение Ламберта было слишком уж грубо; Анна Андреевна сейчас же разглядела в нем мошенника и потому изо всех сил ждала меня. Но я уже раз облил ее холодной водой и отказался выдать документ. И однако, ей надобно было, чтоб я выдал во что бы то ни стало. Вот в том-то и состоял [ее] весь дерзкий и бесповоротный ее расчет; в самом деле, ведь я мог не выдать; а потому надо было устроить так, чтоб я непременно выдал. Вследствие чего ее план окончательно составился в таком виде; но так как я не хотел [прийти] выдать документ, то [поехав] отправилась она в Царское [прямо] одна, с тем чтоб напугать князя без документа; рассказать ему всё и удостоверить честным словом, что это обвинительное письмо ему будет показано в Петербурге и что оно у меня. Присылала же она [ко мне] за мной Настасью Егоровну, чтоб [прямо убедить меня] попытаться в последний раз убедить меня и затем взять меня с собой в Цар-

ское. Но я не пришел, и она отправилась одна.
46 ужасный риск / риск ◇
46–47 *После:* на свое могущество — и влияние. Она уже закинула ему в прежние разы два-три слова и по напуганному вниманию и любопытству старика заключила, как на него подействуют уже прямые слова и полное, открытое объяснение
47–48 забегая очень вперед / забегая вперед ◇
48 в эффекте удара / *а.* в расчете *б.* в своих ожиданиях отчасти ◇

Стр. 404.

2 на старого князя / *а.* на него *б.* на князя ◇
3 она сама и мы / мы
5–6 не поверил / прежде не верил ◇
9 также / впоследствии ◇
10 *Слов:* сам тогда — *нет.*
10 *После:* ожидал... — Я знал, что она боялась этого неуничтоженного своего письма, но не знал, что до такой степени, как объяснилось впоследствии.
11 *Слов:* в кармане — *нет.*
11–12 Но тут ∾ забежал вперед. / *а.* Но это впоследствии, а теперь продолжаю: *б.* Но уж тут я слишком забежал вперед.
13–15 Но зачем же ∾ нельзя было в его дом / Испугав и измучив старика, она предположила тотчас же взять его и немедленно перевезти... прямо ко мне на квартиру. Зачем [ко мне?] в жалкие наши каморки? Зачем не нанять приличной и пышной квартиры, чтоб не испугать старика нашей ужасной обстановкой, как предполагал было Ламберт. А вот именно, чтоб избежать Ламберта.
17–18 Но тут-то ∾ риск чрезвычайного шага Анны Андреевны / И вот в этом состоял самый крупный риск отчаянного плана Анны А⟨ндреев⟩ны ◇
19 состояло / было
19 по прибытии / по приезде
20 но я / *а* Но я *б.* А так как я ◇
20 *После:* ни за что — [и так] то подействовать и на меня таким сотрясением и нечаянностью.
24 *Слов:* тем же самым шагом — *нет.*
30 *Слов:* мало того — *нет.*
30–31 *После:* не добилась успеха — *а.* но это впоследствии. Кроме того, она скорее боялась какой-нибудь пышной квартиры, которую предлагал Ламберт, чем наших нумеров. В квартиру я, может быть, и не пришел бы, а князь бы [сердечный и нервный], напротив, может быть, испугался бы чужого места. В собственный дом его везти нельзя было, потому что там всему могли помешать. У нас же в нумерах он встретил бы друга, то есть меня, об котором решительно тосковал в Царском Селе, и об этом я знаю наверно. Мало того... *б.* но об этом впоследствии ◇
31 старика / князя
32 увлекла / *а.* успокоила *б.* ободрила
32–33 *После:* на слово — как узнал я впоследствии ◇
33–34 *Фразы:* Всё это я узнал впоследствии. — *нет.*
35 уничтожило / не оставило ◇
35 последние сомнения / ни малейшего сомнения ◇
36–37 до такой степени ∾ уважал меня! / Вот как произошло в действительности, но это впереди.
38–40 Замечу еще ∾ из рук еще не выпустил. / Тем не менее этот наскок на мою квартиру был самым чрезвычайным риском во всем плане Анны Андреевны. Правда, как же иначе было достать документ? А что документ еще у меня, в этом она ни на минуту не сомневалась.
41–46 на мою невинность ∾ наскоком, ударом / что документ этот я не выпущу из рук без какой-нибудь решительной выгоды

Стр. 404—405.

47-1 Я уже сказал ∾ самое критическое / Положение же Ламберта, как, может быть, уже понял читатель, было в это время самое критическое; напомню о нем

Стр. 405.

3 что он находил ∾ выгоднее / и этот расчет явился у него уже долго спустя после первого знакомства его с Анной Андреевной ◊

6 а потому из всех сил / и изо всех сил ◊

7-8 даже ∾ и священника / ей даже попа ◊

9 *После:* не упоминать об этом. — И однако, всё еще не прогнала его

11 все-таки принимала / всё еще не прогнала его и приняла

11-12 которые состояли, например, в шпионстве / на счет обмеблировки наскоро комнат Петра Ипполитовича, в которых и положено было водворить князя. Вот почему и явилась Альфонсина. Непосредственным же и главным помощником Анны Андреевны явился брат ее, камер-юнкер, человек без копейки, вечно нуждающийся, раздраженный своею бедностью, гордый [и с успехами в свете]. Он с самого начала одобрил весь план замужества сестры своей и в последнюю минуту решился ей помочь. Что же до Фанариотовых, то я об этом не знаю, но слышал, что они не стесняли Анну Андреевну, а старуха Фанариотова даже [одобрила] одобряла ее намерение выйти за князя, но все они, однако, устранились и до срока не вмешивались ◊

18-19 *После:* предуведомлен — хоть и мог предчувствовать ◊

20 *Слов:* и в такой обстановке — *нет.*

21-22 *После:* от Анны Андреевны — да и не воображал вовсе и не потому одному, что был так разбит нравственно и физически под конец того дня, когда бросился в бессилии на постель. Но Петр Ипполитович и супруга его ни за что не хотели верить, что я ничего не знаю о близком госте. Ламберт и молодой Версилов, нанявшие у них квартир⟨у⟩, конечно, не удостоили посвятить их в главные тайны, но Петр Ипполитович обо многом сам догадывался, разумеется всё преувеличив и исказив, но это-то ему и нравилось. [А что] Одно я угадал вполне: Альфонсина была действительно шпионом Ламберта, да и не одна она, и с этого часу меня наблюдали и дома, и у Татьяны Ивановны, [1] и — везде. ◊

26 Продолжаю. / *а.* Но довольно, я и так [много] слишком уж забежал вперед. А теперь буду продолжать. *б.* А теперь продолжаю. ◊

27-28 Проснулся я ∾ с удивлением / В удивлении припоминаю, что спал я необыкновенно крепко и без снов, так что, проснувшись утром

30 *После:* вчерашнего дня. — Распространяться не буду, но вера в [него] Версилова-человека вдруг опять возродилась в моем сердце с неудержимою силою. «Если бой, так бой, — думал я, — я выступаю. Но всё же мне [надобно] надо было этого человека [я за него выступаю»] больше чем когда-нибудь».

33 не отходить ∾ весь день / не покидать ее весь день ◊

35 *Слов:* но непременно — *нет.*

36 *После:* не было дома. — Дело в том, что я проснулся слишком поздно. ◊

38-39 *Слов:* и даже съехать ∾ с квартиры — *нет.*

40 *После:* в мою дверь — я окликнул ◊

44 *После:* с порогу — сказал он с улыбкой (но он был сумрачен и грустен)

46 *После:* пальто — и удивляетесь ◊

Стр. 406.

1 длинном / огромном ◊

2 сумрачный и грустный / *а.* нахмуренный и грустный *б.* нахмуренный ◊

5 *После:* ничего подробно — и в чем дело

8 не могу сказать / не знаю

10-11 так рад вам / так рад ◊

---

[1] *Так в рукописи.*

19 сошьют / купят ◇
21 не сел / не решился сесть
22 *После:* Это — *начато:* так я хоть раз сознал и осудил
25 да и ко мне не ходите; у нас контракт. /все равно не вернусь; контракт!
26 повернулся / повернулся вдруг ◇
27 но я положил / но мне стало ужасно жаль его, и я положил
29 этого / последовавшего
31–32 еще до выноса заключить / даже подумать
32 в церковь / в кладбищ⟨енскую⟩ церковь
35 *После:* не ждали — я перед тем, разумеется, заезжал к нему на квартиру, но, конечно, не было дома и не ночевал
32 Мама благоговейно молилась / Мама, видимо, отдалась вся своему горю и благоговейно молилась у гроба
33 У гроба / В церкви ◇
35 *После:* все воротились — домой и священник отслужил литию и благословил трапезу. ◇
36 к столу / к трапезе ◇
41 Угадываю / Знаю ◇
42 наверно / *наверно* ◇
43 сведения / известия ◇
44–45 несмотря на всю бодрость ∾ камнем на мое сердце / вдруг опять навалилась на мое сердце вчерашней горой, несмотря на всю бодрость мою, которую я не терял. Я ужасно ждал, чтоб поскорей кончилось.
46 *Слов:* в гостиной — *нет.*
47 мне нравилось ∾ смотреть на нее / *а.* я любил ее в тот день *б.* мне приятно быть с ней и смотреть на нее

Стр. 407.

1 *После:* главу от Луки — мама очень слушала
3 *После:* светилась идея — глубокое чувство
4 Разговор не умолкал / Начали разговор ◇
6 *После:* Татьяна Павловна — *начато:* тоже груст⟨ного⟩
7 *После:* любопытного.— Но я [упоминаю] теперь касаюсь лишь мимоходом. [Помню только, что я всё сидел и ждал каждую минуту, что вдруг отворится дверь и войдет тот, о котором все думают. И конечно, они тоже, все, каждую минуту с содроганием ждали того же. Но по лицам их ни за что нельзя было этого приметить.]
9–10 хотя и много ∾ чтобы развлечь маму / но говорила лишь о покойнике или совсем о постороннем, чтоб развлечь маму
11 влево от дивана / справа подле дивана
14 изображено было двое / *а.* написано двое *б.* изображено на нем двое ◇
14 Образ этот / Образ ◇
15 об этом / это ◇
16 покойник / он ◇
17 взглядывала / поглядывала
21 сказала мама / тихо, но твердо сказала мама
23 не понял / не понимал ◇
23 состояло / было ◇
25 и мама готовилась теперь передать его / а так как его ждали, то приготовились [ему] теперь передать его.
26 *После:* пополудни — *начато:* Вдруг
26 наш разговор продолжался / Мы по-прежнему разговаривали. *Далее на полях заметка:* и вот эта безумная сцена. Смотр⟨и⟩
30 тотчас обернулся к двери / быстро оглянулся на дверь ◇
30 *Слов:* в дверях — *нет.*
36 ни малейшей / никакой
39 та было посмотрела с пугливым недоумением / та посмотрела как бы с недоумением
40 слегка оживила ее / *а.* залила ее *б.* слегка бросилась в ее *в.* ударила в ее *г.* слегка озарила ◇

40 в глазах / в глазах ее ◇
43-44 подойдя к столу, взял кресло Лизы / не заметив того, взял стул Лизы
44 *После:* мамы — (и совсем рядом с образом)
48 *Слов:* в день твоего рождения — *нет.*

Стр. 408.

1 *Слов:* чтоб не прийти к мертвому с букетом — *нет.*
3 на эти цветы / на букет ◇
5 Мама ∾ на него / Мама посмотрела на него [пугливо] странно ◇
7 Кто это здесь в комнате? / Кто это здесь? где это, Андрей Петрович?
9–10 наиболее склонен к предрассудкам / наиболее предрассудочны
10 Но я лучше буду про букет / Оставим. Я лучше буду о букете ◇
11 раза три / раз тридцать
13 вздрогнула / *а.* еще испуганнее поглядела на меня *б.* слегка вздрогнула
14–15 и мою бедную голову *вписано.*
15 красив / хорош
16–18 Наш мороз ∾ не про то / *а.* Мороз и цветы... впрочем, не это *б.* Наш мороз и свежие цветы... какая противоположность... я не про то хотел ◇
18 *После:* Соня — *начато:* я уйду
19 возвращусь / приду
20–21 от испуга *вписано.*
21 как Соню / как не Соню
23 знаю, помню / знаю, знаю ◇
23–24 очень припоминаю / *а.* Теперь помню *б.* Я это припоминаю ◇
24 взглянуть / мне взглянуть
25 оглядел ее / и внимательно [посмот⟨рел⟩] взглянул на него
26–27 *После:* перед собою — и как бы вдруг совершенно забыл уж о нем
28 внезапно / вдруг
28 не мог еще ничего осмыслить / *а.* не мог и времени не имел еще *б.* не мог еще ничего осмыслить, да и времени не было ◇
29–31 Испуг мамы ∾ случалось же / Мама хотя тоже была в видимом страхе, но всё же надежда светлела еще в ее взгляде. [Странно говорил он] Это я помню: случалось
32–33 стала вдруг ∾ на него головой / [только жадно] вслушивалась [и смотрела] с недоумением [и нахмурясь] и странно кивала мне головой ◇
34 *После:* Татьяна Павловна — она уже два раза вздрагивала и как бы хотела броситься к нему.
35 выговорила / сказала ◇
39 Я, однако, зашел лишь на минуту / Я ведь только на минуту ◇
40–45 хотя сердце полно слов ∾ ужасно этого боюсь / *а.* но мне кажется, что [я болен. Не понимаю, почему я всё пугаюсь. Дикая это] у меня какая-то болезнь — раздваиваемость *б.* и ищу такого слова, хотя сердце полно слов, которые нельзя высказать, право, всё таких каких-то слов. Я весь раздваиваюсь,— оглядел он нас всех с ужасно серьезным лицом и с самою искреннею [конфиденциальностью] сообщительностью.— Мысленно раздваиваешься, и я боюсь этого, даже очень.
45 Точно подле вас стоит / *а.* Подле вас *б.* Подле как бы ◇
46–47 какую-нибудь бессмыслицу / что-нибудь наоборот ◇

Стр. 408—409.

47–2 и вдруг вы ∾ из всех сил хотите *вписано.*

Стр. 409.

2 Я знал однажды / *а.* Я очень знал *б.* Я знал ◇
3 *После:* засвистал — и захохотал ◇
5 засвищу или захохочу / захохочу ◇
6–8 как этот несчастный ∾ этот доктор / Как этот доктор, который, не понимаю почему, мне всё припоминается ◇
9 он взял / он действительно взял
10 теперь, вот сию секунду *вписано.*

10 сию / сию самую ◇
13–16 проговорил всё это ∾ руки слегка дрожат / *а.* говорил совершенно искренно, ни малейшей иронии или злобы не было в этих словах; но это было тем ужаснее; потому что это был сумасшедший *б.* говорил это безо всякого притворства или какой-нибудь подразумеваемой выходки, а совсем просто говорил — кажется, он искренно чего-то боялся, для меня это был видимо сумасшедший ◇
17 вскрикнула мама, всплеснув руками / *а.* вся вздрогнула *б.* вскрикнула мама и вся задрожала ◇
19 вскочила / вскричала
19 Аркадий / Аркаша
22 обводя / оглядывая
22 пристальным / давешним ◇
23 подпер / упер
25 станьте / будьте
25 хоть / лишь
26 не об этом пришел говорить / не то пришел сказать
26–27 сообщить / сказать ◇
27 отправляюсь / *а.* иду *б.* ухожу
28 отправлялся / уходил
28 как уже ∾ отправлялся *вписано.*
28–30 Ну, конечно ∾ когда всё кончится? / Но, уж конечно, приду к тебе опять в конце — ты неминуема. К кому ж я приду, как не к тебе? ◇
31–32 *Слов:* а вовсе не как к врагу: какой ты мне враг! — *нет.*
34 разбить / разбить его ◇
36 выхватила икону из его рук / *а.* взяла из его рук образ *б.* взяла икону из его рук ◇
37 *После:* вскочил — с кресла ◇
39 печки / печи ◇
40–42 вдруг обернулся ∾ и заходила / *а.* оборотился к нам и судорожно, злобно рассмеялся *б.* вдруг обернулся к нам, и его бледное лицо стало красным, каждая черточка лица его как бы дрожала
43–46 я не наследство ∾ было так / Это [истинная правда а] не аллегория, а истинная правда, знай! А все-таки к тебе ворочусь! К кому же мне воротиться, как не к тебе?

Стр. 410.

6 Ведь слышала, сам обещал воротиться! / *а.* Слышала, что сказал *б.* Слышала, пообещал сам прийти
9 объявляет / говорит
10 Что до нас, то Лиза была в обмороке. / Лиза была вся бледная и в бессильном испуге опустилась в кресло.
11 в своих / в моих ◇
13 опустилась на диван / *а.* села в углу на диван *б.* села на диван
13–14 и заплакала / *а.* и горько заплакала *б.* и тихо заплакала ◇
16 изо всей силы / мне
16 опомнившись / очнувшись ◇
18 *После:* от мамы — и перебир⟨ая⟩ ее руки
18–19 *После:* побегу же я сама — а то что-нибудь теперь набедует ◇
20–21 *После:* крикнула вдруг и мама — бросаясь ко мне
22 выбежал / бросился
22 *После:* через кухню — черную лестницу
23 уже нигде не было / уже не было ◇
24 нагоняя / догоняя ◇
25–26 я до перекрестка / до Загородного проспекта
27 мелькнуло у меня вдруг / мелькнуло у меня ◇
29 вовсе / совсем
29–31 *Текста:* О, мне всё казалось ∾ маме, всем. — *нет.*
32 несомненно подле ∾ никакого сомнения / витал подле него [и что-то теперь наделает этот]

34 не оказывалось / не было
35 трудно было представить / нельзя было и предположить
36 заблестела предо мною / *а.* родилась во мне *б.* сверкнула во мне ◇
37 *После:* к Анне Андреевне.— Из Царского она уже воротилась, а Настасья говорила вчера, что «до вас всех касается» и «уж будет поздно».◇
38 уже воротилась / действительно уже воротилась ◇
39 *После:* Я вошел — однако же ◇
40–41 то есть именно о «двойнике» *вписано.*
41 того / этого ◇
41–42 безжалостно спокойного / безжалостного, спокойного
43 выслушала / прослушала ◇
43 *После:* тоже не садясь.— Я не нашел нужным скрывать что-нибудь и рассказал почти всё и третьегодняшнюю ночь. Меня поразило одно: я расска[зывал]зал ужасно вкратце и, может быть, даже чрезвычайно бессвязно, а она, видимо, всё поняла. ◇
44 Вы ∾ знаете? / Если не знаете, то что думаете
44–45 заключил я настойчиво ∾ Татьяна Павловна ... / заключил я речь. ◇

Стр. 411.

1 призывала еще вчера / звала вчера
4 Я вижу, что вы / Вы, конечно
7 нечего / не нужно ◇
7 улыбаясь / прищуриваясь
12 отвезла / подала
13 «по-рыцарски» / рыцарски
14 ничего не потаил / не потаил ◇
17–18 держит уже приготовленный револьвер / приготовил уже револьвер ◇
18 его предложения / предложения Катерине Николаевне
18 вот смысл его предложения *вписано*; *далее было:* а впрочем... впрочем, тут может быть исступленный тот же двойник, как вы сейчас так хорошо сказали.
20 шансов, стало быть / успеха, значит
20–21 и, признаюсь, это очень любопытно, по-моему / и это очень надо заметить
21–23 *Текста:* впрочем ∾ хорошо сказали — *нет.*
24–25 И разве ∾ через вас / Да разве можно смеяться... и разве я могу поверить невозможному факту, что письмо передано вами ◇
27 пожертвовать своей судьбой его счастию / пожертвовать собой
29 в глазах его всё прочитала / в глазах читала
30 в Кенигсберг / в Германию ◇
30 матушке / маменьке ◇
32–33 Ведь это очень сходно ∾ и конфидентом. / *а.* От него не новость *б.* Ведь это очень похоже ◇
34 несколько бледна / бледна ◇
36 осмыслил / стал осмысливать
39–40 потому что браку не бывать / вы знаете, что браку его с Катериной Николаевной не бывать
41 что тогда может случиться / что же будет ◇
42–43 вскричал я ∾ может быть беда / вскричал я [дрожа в исступлении],— еще минута, и, пожалуй, будет беда
44 *После:* вам сказала — *начато:* У него равно
46 *После:* свидания — т. е. первого или последнего ◇
47 *После:* дала обещание.— Анна Андреевна отчеканила всё это тихим, ровным, удивительно спокойным голосом. Тут уж я совершенно был подавлен.
48 Она к нему ∾ это можно? / Она у него? Но это верх невозможного!

Стр. 412.

2 *Слов:* как ее гости — *нет.*
3 Но она боится его ... он может убить ее! / Я не про то... Но она боится

его! Она трепещет. Он может убить ее. Как могла она решиться? — вскричал я в ужасном беспокойстве.

4 только / тонко ◇

5 на весь свой страх / на всю свою робость и страх ◇

6 приметила / видела ◇

6–7 еще с прежнего времени / сверх того ◇

7–8 к благородству правил и к возвышенности ума / *а.* ⟨*2 нрзб.*⟩ доверие к уму *б.* к благородству и возвышенному уму

9 покончить с ним навсегда / покончить с ним ◇

10–11 опасаться ей нечего / не оскорбит ее и...

13–14 Тут могла быть ∾ с обеих сторон. *вписано.*

14 *После:* обеих сторон. — Неужто вы предполагаете взаимную... любовь?

15–16 А двойник ∾ с ума сошел! / *а.* Но ведь он сумасшедший! Она не знала, что сумасшедший. *б.* [Боже мой!] А двойник? Да ведь он сумасшедший! ◇

18–19 такого случая / этого события ◇

20 повернулся / обернулся ◇

22 убил ее / убил ◇

23 *После:* выбежал из дому. — Бежав к нему, я всё думал: «Да она, может быть, именно рассчитывает на какой-нибудь ужас. Да и меня, может быть, пустила для того же... А скандал в свете... а Бьоринг! Но она... она — о, не знаю, как могла она решиться!

24 как в припадке / нервной дрожью ◇

25 *Слов:* ко мне — *нет.*

26 вышла / выбежала

29 изложил / изложил ей ◇

30 да и сам / и что сам ◇

32 за столом / за чайным столом-с

33 пустите меня туда / пустите меня ◇

34 возможно-с / можно-с ◇

35 *Слов:* Не туда, а — *нет.*

37 она / Анна Андреевна ◇

42 *Слов:* и подбородок — *нет.*

43–44 Голубчик ∾ не покинешь? / Голубчик, не покинешь Анну Андреевну? Не покинешь?

46–48 Дай же мне ∾ клянусь / Голубчик, дай ты мне слово... его головой... что не вбежишь к ним и ничего не закричишь?
— Его головой, головой мамы клянусь, честью клянусь... ◇

Стр. 413.

2 *После:* они сидели — и в которой спал ребенок ◇

3 подняв / приподняв ◇

6 *Слов:* подслушиваю чужую тайну — *нет. Далее заметки:* Они сидели. Середина разговора. Разговор был бессвязен. Я запомнил лишь с этой строчки (где красная заложка). Выдумать частности.
— То, что я выхожу за Бьоринга, не должно вас раздражать.
— Я не прощу и того, что вы меня сделали смешным.

9–11 Они сидели ∾ видеть их лица. / *а.* Они сидели за тем же столом, за которым мы с ним сидели вчера, но друг против друга, так что я мог видеть ее профиль и почти всё его лицо *б.* Они сидели за тем же столом, за которым мы с ним вчера пили вино за его «воскресение», но сидели не рядом, как мы вчера, а друг против друга, так что я мог видеть ее профиль и почти всё его лицо ◇

12 *После:* как всегда — но с глубоким и с [как бы серьезным выражением лица] таким проникнутым [чувством] мыслью, какое я в ней встречал редко

13 предупредительным / ласковым

13 *После:* его слушала — и как бы вглядывалась в [него] его лицо неустанно. Правда, потом я заметил в лице ее другие оттенки.

14 *После:* некоторая робость — но клянусь, не злоба, не змея

14 страшно возбужден / бледен и страшно возбужден ◇

15–16 некоторое время ∽ не понимал / *а.* не понимал сперва *б.* некоторое время [сначала] не понимал их ◇

17 была причиною / была всему причиною

18–24 а вы ∽ за которого вы выходите / [чем же виноваты вы] вы не виноваты, что встретились мне на дороге. Но вы были без вины виноваты, [вот] и это так. Вы тогда всё смеялись над веригами, зачем вы это делали? Я действительно носил их, но ведь не знали души моей. Да, я, может быть, и уверил себя наконец в своей дороге. Но явились вы, и я вдруг увидал, что идеи мои неосуществимы и что при вас [любя вас, я ничто] не может быть ни идей, ни целей. Уйти [же] от вас уже было нельзя. [Что за] Да и какая же это идея, которая вдруг обратится в ничто лишь потому, что явились вы? [В гордости моей я вас возненавидел. О, поверьте, что я умею гнушаться собою. Это было унизительно всему духу моему, для всей веры невыносимо мне] Мне это было унизительно — пусть это глупо. В гордости моей я вас возненавидел. О, поверьте, что я умею гнушаться собою, может быть, более всех гордецов на свете! Что всего гнуснее, я думал минуту, что я вас совсем забыл. Забыл и над глупой страстью моей совсем смеюсь. Но — верх унижения: пока я слышал и знал про вас, что вы одна, — я был равнодушен, жил лениво, чудасил дома, мечтал, а об вас [и не вспом⟨инал⟩] *не хотел* вспоминать, но только лишь услышал о том, что вы выходите замуж, то разом почувствовал, что теряю рассудок. Но вы это всё знаете!.. А между тем, что мне до того человека? ◇

26 кроме этой нелепости / кроме этого ◇

28 Он / Он вдруг

29 до того же ∽ смотря в сторону / до того времени он не глядел на нее и говорил потупясь ◇

30 испугался / страшно испугался

30–31 *После:* это почувствовал. — Это был смех помешанного ◇

31 со стула / с места ◇

33 *Слов:* как бы вспомнив о главном — *нет.*

34 *После:* нелепость — хотя и нечем заменить его, как, однако же, вы могли прийти?

35 каким образом ∽ согласились прийти / как вы пришли

36 *После:* пришли — *начато:* Чтоб отказать мне?

38–39 присматриваясь к нему / как бы ◇

40 опустился / сел ◇

41 начал / сказал

43 когда-нибудь сидеть / вот так сидеть

44 подле вас / перед вами

Стр. 414.

2 пусть это / пусть ◇

2–3 Я согласен ∽ заменить нечем *вписано.*

4 почти умоляя / просящим, почти рабьим голосом ◇

7 На какой вопрос? / *а.* Чего хотите вы? — проговорила она уже робко *б.* Какой же вопрос, — проговорила она, осторожно улыбаясь.

8 Ведь мы никогда / Подумайте, может быть, никогда уже ◇

9 *После:* раз навек — без самолюбия, без соображения последствий (не бойтесь)

9–10 *Слов:* на один вопрос ∽ умные люди — *нет.*

10 или я... ошибся / да или нет

12 проговорила / сказала ◇

14 *После:* о, честная! — Но неужели она не знала, что только разжигает страсть и отчаяние таким признанием ◇

17–22 И смеетесь? ∽ даже почти робкою *вписано.*

22–23 *Слов:* и так конфузящеюся ∽ ее глазами — *нет.*

26 и не краснея / а краснея ◇

27 недолго. / немного! ◊
27 *После:* разлюбила — когда увидела, что тут... не то, что мне надо.
28 *Слов:* вы увидали, что тут не то, что вам надо — *нет.*
29 Объясните / Скажите
30 когда-нибудь вам объясняла / в прежний раз говорила с вами. Что мне надо?
36–40 Самая полная искренность ∾ и странно улыбался. *вписано.*
47–48 Не общество. ∾ как и везде / Нет, не общество, а его наружную форму. Я знаю, что в нем [ужасный] такой же беспорядок [внутри], как и везде

Стр. 415.

1–2 лучше ∾ где-нибудь / то можно прожить спокойно.
— Я очень безобразен.
5 не совсем то / не то ◊
6 *Фразы:* Ради бога, говорите всё прямо. — *нет.*
9–10 Выговорив это ∾ неосторожность. / Она выговорила и вдруг вспыхнула. ◊
11 Вот за то / Я это знал, но за то
11–12 могу простить / прощу
13 всё краснея / покраснев ◊
14 смешна / смешная ◊
17 договорю / *а.* скажу зачем *б.* скажу теперь ◊
18 существует / есть
20 в завещании / *а.* по завещанию *б.* по смерти ◊
25 *Слов:* проговорила она, как бы отмахиваясь от его слов — *нет.*
28 уже давно, сама / уже давно ◊
28 встретила / увидела
29–31 как бы увлеченная ∾ и внезапным чувством / с грустной улыбкой
32 увидеть / видеть ◊
33 Скажите, вы шли сюда без всякого страху? / И вы шли сюда, не боясь никакой беды?
35–44 пожалуйста, ничем ∾ проговорил твердо / ну, убейте меня, если [положили] уж так положили, только не угрожайте этим.

Клянусь, она проговорила это безо всякой иронии, совершенно прямо и просто. Страх был в ее глазах, и она робко в него вглядывалась. Он же опять встал и стоял перед нею, горячим взглядом смотря на нее

40–41 и не терзайтесь передо мною сами / не мучьте меня
41–43 в странном ожидании ∾ может убить ее / улыбаясь. Но клянусь [про себя она, может быть, очень в], хоть она и сказала «убейте меня», смеясь, но про себя она, право, могла верить хотя некоторой возможности такого предложения ◊
45 Вы уйдете / Сегодня вы уйдете
45 оскорбления / беспокойства, — проговорил он твердо
46 честное слово! — улыбнулась она / честное слово в письме! Но только лишь на сегодня?
47–48 Нет, не потому ∾ всю ночь... / *а.* Нет, это не от честного слова *б.* Нет, не потому только, что дано честное слово. Я еще буду думать об вас всю ночь. ◊

Стр. 416

3 ухожу / удаляюсь
8–25 Если я пришла ∾ прислушивался. *вписано.*
12 *После:* торопливо — покраснев [и бы] и потупившись. Он несколько секунд смотрел на нее молча.
17 *Слов:* заторопилась она — *нет.*
17–19 это я не так сказала ∾ с первой нашей встречи / мне бы надо не так сказать, я очень понимаю это, потому что я при вас конфужусь говорить. Вы мне всегда кажетесь таким ученым... ну а у меня есть самолюбие (она засмеялась)

21 вот потому я и сказала / вот почему я и не сумела примыслить других слов
26–27 продолжал он как бы вне себя / говорил он тем же тоном, как бы в безумии
27 *Слов:* в самом деле — *нет.*
29 *Слов:* без вас или при вас — *нет.*
31 *После:* Мне жаль — *начато:* что я не могу молиться [вам] на вас и
33 Голос его / Послушайте, [вот что:] — голос его
34 *После:* улыбнулся он — на ее движение ◇
35 Я думаю / Скажите; я думаю ◇
37 Я вижу: вам / Слушайте, вам ◇
42–43 *Текста:* проговорила она ∾ с невыразимым чувством в лице — *нет.*
43–44 я не могу слышать таких слов / Не мучьте [меня] себя, я не могу [видеть] слышать таких слов, забудьте меня, расстанемтесь
45 священном / святом
46 *После:* Андрей Петрович — милый
47 пришла же теперь / пришла же к вам теперь
47–48 милый, и прежде и теперь, милый человек / ведь почему-то я постоянно, всегда, несмотря ни на что, в вас верую

Стр. 417.

4–5 «Расстанемтесь, и тогда ∾ только расстанемтесь. / *а.* «С тем только, чтоб оставить вас». Ну, ступайте. Довольно. Мне всё равно... [Но и] Я вас *истреблю,* — докончил он. Она отшатнулась от него. *б.* Расстаться теперь. «Расстанемся, и буду любить вас — да?» *Далее на полях наброски:* Слушайте, — произнес он вдруг мысль: только расстанемся.

А потому расстаньтесь моим другом и вы будете ⟨...⟩

— Но я сознала, что с вами я не буду свободна. Простите меня, знайте только: что вы будете

— Ведь любил же я вас до благоговения. Вот что я вам хотел сказать

7 *После:* буду ваш раб — вертушка, человек из бумажки
8 тотчас / сейчас
9 меня / обо мне
10 У меня сердце сжалось до боли / *а.* Я едва устоял *б.* Мне было тяжело
11 *После:* унизительная — безумная
12 обнаженна и невозможна / обнажена, и унизительна, и невозможна ◇
12–13 Да, конечно / Да ◇
14–15 он попробовал попросить! ∾ невыносимо видеть. / Он попросил. Эта последняя степень надежды была невыносимо жалка. ◇
16 Все черты лица ее как бы вдруг исказились от боли / Катерина Николаевна вдруг вся вздрогнула: не могла же она вообразить, чтоб он дошел даже до этого. *На полях заметки:* Я кончен. Так я и знала положим ⟨?⟩
22 твердо / совсем другим голосом
23–25 за нее потом ∾ таким нищим / за то, что стояли передо мною нищим, потому что такое не забудется
27 «От вас ∾ такого нищего! / То есть не хочу слышать угроз от нищего? Нет, [это] не вы, это я вам подам милостыню
29 и тот / и даже тот
29 *Слов:* из всех сил — *нет.*
30–31 а вы на глупое ∾ и пришли / а вы по письму пришли
31–33 Вам сюда ∾ за портьерой). *вписано.*
34 *После:* она — однако ◇
36 *После:* друзьями — сказал он ◇
37–38 проговорил / сказал ◇
38–39 у человека, одержимого припадком / у готового упасть в паду⟨чей⟩
40–42 сложив пред собою руки ∾ угадывая, что он хотел сказать / *а.* смотря

с любопытством *б.* сложив руки, но [глядела на него в последний раз] [глядя] всматриваясь в него с безумным ⟨?⟩ чувством ◇
43–48 О, вы ∾ клянусь вам! *вписано.*
44 *После:* человек! — вскричал он в упоен⟨ии⟩
44–45 я написал ∾ меня любите» / *начато:* Ну как... Ну как вы могли согласиться прийти? [Была] Ей богу, мы кончим тем, что будем наверно, — засмеялся он, как бы вдохнов⟨ляясь⟩

Стр. 418.

1 непременно / может быть
1–3 И вот тогда ∾ последние слова. *вписано. Далее записи к следующей главе:* Я прибежал к Ламберту. Я был вне себя.
— Ламберт, дай вина!
11–12 *После:* логический вид — моим поступкам.
14 не в силах / не могу
14–15 в надлежащей ясной связи / в какой-нибудь связи
16 среди которых / в которых
16 должен был заблудиться / не мог найти твердой дороги ◇
17–18 меня подавлявшее и над всем командовавшее *вписано.*
20 разумеется / как бы
20–21 Я даже испугал было его и Альфонсинку / Он даже испугался в первую минуту
25 Впрочем, Ламберт / Но он
28 думал / мыслил ◇
28 эти дни / в эти дни ◇
28 нужен / надобен ◇
29 являюсь сам / являюсь ◇
30–31 именно в том виде ∾ было надо / чего ему и требовалось, чего ему и желалось
33 Альфонсина / M-lle Альфонсина
36 Во-первых *вписано.*
38–39 схватывая каждое мое слово / *а.* жадно меня слушая *б.* хватая мои слова ◇
40 *Слова:* Во-вторых — *нет.*
40 послать / надо послать ◇
43–44 Так и должно ∾ с Альфонсинкой. *вписано.*
43–44 беспрерывно переглядываясь / всё переглядываясь

Стр. 419.

1–3 В-третьих ∾ привезти Версилова / Зазвать ее должен был Ламберт, от себя, а я — привезти Версилова ◇
4 И Версилова можно / Это можно
5–7 Должно ∾ за глотком / Это надо! — кричал я, отхлебывая из стакана ◇
9 с Версиловым / с ним ◇
10–11 и на выкуп деньгами и на *другой* выкуп / и на деньги и *на то*
12 мы с Версиловым выйдем / мы выйдем ◇
13 какая она мерзкая / какая она ◇
14 Но тут надо еще / Вот бы тут надо [бы] ◇
15 на нее / на свою красавицу ◇
16 заметил было Ламберт / *а.* помню я *б.* заметил было Ламберт, я припоминаю как сквозь сон.
17–20 ты ничего не понимаешь ∾ она будет наказана! / пусть пойдет скандал в высшем свете, и пусть она будет наказана.
21–22 я на деньги наплюю ∾ ее сокрушу! / ты возьмешь всё, но я ее сокрушу.
23 всё поддакивал / поддакивал ◇
27 ты всё подсмотрел / ты смотрел
28 что ты — такой шпион и *вписано.*
28–29 он сказал это, чтобы ко мне подольститься / подлизывался ко мне Ламберт
30 Врешь, француз ∾ много ума! *вписано.*
31 ведь его любит / может быть, даже его любит

31–32 стараясь из всех сил высказаться / *а.* бессвязно *б.* теряя связь между мыслями, которые уже начали выскакивать у меня отдельно одна от другой ◇

33 Бьоринг — гвардеец, а Версилов / Бьоринг флигель-адъютант и придворный, а он ◇

34 по-ихнему / а у них

38 сорвать / снять ◇

39 *После:* и излечится. — А она будет наказана!

44 не мог не заметить / заметил ◇

45 *После:* всё пил и говорил — но начинал уже терять связь ◇

46 окончательно высказаться / изложить идеи и, кроме того, бушевать

46–47 *Слов:* Когда Ламберт ∾ бутылкой — *нет.*

47 испанский / настоящий испанский ◇

Стр. 420.

1 восклицал / кричал

3 колдовство / дурман и колдовство ◇

3 *После:* кругом его... колдовство. — Это страсть, но капризная и неистовая ◇

4 пинками / пинками сзади. Потому что это бывает

6 как мертвая петля / действует как мертвая петля ◇

7 удовлетворения / цели ◇

11 роман? — пробормотал Ламберт / *а.* извини! — пробормотал Ламберт, впрочем *б.* читал, может быть, роман, — пробормотал Ламберт, впрочем ◇

12 О, ты / Конечно нет, ты

13 маму / одну маму ◇

14 он прогонит ту / он выгонит ее ◇

15 надо спасти теперь / надо спасти

16 Под конец ∾ продолжал говорить / Я всё так и говорил, кажется, начал плакать, я много, очень много еще говорил. ◇

19 где же, дескать, он / где же он ◇

19–20 выложил на стол / выложил ◇

20–21 уговариваясь / уговорившись ◇

22 *Слов:* но о том — *нет.*

24 *После:* с Альфонсинкой — *начато:* а я уж под конец не способен

24–25 *Слов:* больше ничего — *нет.*

25 не мог / был не в силах.

25–26 но я все-таки это запомнил / и все эти рассуждения уже явились потом, когда я всё припомнил

27–28 Кончил я тем ∾ очень поздно. / Кажется, я очень бушевал [собираясь уйти]. Я всё собирался непременно уйти к себе домой [уже поздно ночью], несмотря на позднюю ночь (а кажется, было уже очень поздно), бранил Ламберта чертом ⟨?⟩ и укорял за то, что он безмерно ниже меня по образованию, но кончил все-таки тем, что заснул у них на диване, не раздеваясь. [Не помню, как это случилось, но я проспал долго и проснулся поздно]. ◇

30–31 и припомнить ∾ еще сплю / всё припомнить и притворяясь осторожно, на всякий случай, что всё еще сплю ◇

34 тотчас / очень ◇

35 и приглядывалась / приглядываясь ко мне ◇

40 *После:* прибежал к нему! — [Но] Что было делать, я был вчера в таком исступлении ◇

41 оставался / был ◇

42–43 Значит, стоило ∾ и убежать / я мог, стало быть, убежать

45 Но стыдился ∾ был судьею себе *вписано.*

46 не стану описывать / не описываю ◇

47 этого сознания грязи и мерзости / этого [раскаяния] сознания своей [подлости] мерзости

47 *После:* мерзости. — О, я сам был себе судья!

Стр. 420—421.

17–1 Но всё же ∾ должно быть отмечено. *вписано.*

Стр. 421.

1 отмечено / записано ◊
1 *Слов:* Итак, пусть же знают — *нет.*
2 свидетелем / гнусным свидетелем ◊
4 безумного Версилова / его
5–6 что, может быть ∾ и ревновал / но напишу ли это? Напишу ли для чего? [О, я очень] Ведь очень может быть, что и теперь я еще лгу на себя. Но напишу, всё равно, лгу или нет, потому что хоть часть чувств да была же: итак, пусть узнают, что я [так] возненавидел ее вдруг вчера до такого припадка потому, что, вероятно, всё время сам был влюблен в нее — влюблен и ревновал ◊
6 к Версилову / или к нему, может быть
8 стыдясь самого себя / смотреть на нее
10 вчерашний вечер / вчера ◊
11 меня оттолкнет и осмеет / меня не будет слушать, оттолкнет меня, осмеет меня
12 *После:* за нелепость! — Что жениться на ней, как я раз в мерзости моей предполагал, это — невозможно. ◊
13 *После:* и с документами! — О, стыд! И я мог довериться Ламберту!
18 *Слова:* разбушевавшийся — *нет.*
19–20 разобрать не мог / не разберу ◊
20 Но всё равно ∾ высказать *вписано.*
20–21 *Слов:* потому что ∾ наверно — *нет.*
23 загладить / загладить разом
24–25 велел ей передать / сказал ей, чтоб она передала ◊
25 что я вчера бредил / что всё кончено, что я бредил ◊
26 что я нарочно шутил / что мне стыдно и что мой договор с Ламбертом разрушился
27–28 кое-как ∾ по-французски / быстро, по-французски и в одну минуту
29–30 но что всего удивительнее ∾ обрадовалась / и даже обрадовалась
31–32 После: Une dame — femme
32–33 je ferai voir ∾ à Lambert / je [lui] dirai à Lambert tout! Allez, allez! ⟨я скажу Ламберту всё! Идите, идите! (*франц.*)⟩
35 видя такой неожиданный переворот / подивиться такому быстрому перевороту ◊
36 молча / *а.* ничего не ответив ей *б.* молча и уже не торопясь ◊
38 но тогда уже было поздно *вписано.*
39–40 Остановлюсь здесь ∾ невозможно понять. / И хотя это относится до последовавшего, но я решаюсь рассказать эту махинацию, эту мертвую петлю, которую накинули мне на шею сейчас, в двух словах, известным фактом, безо всяких рассуждений. ◊
42 вот тогда / именно тогда ◊
45 немедленно ощупал / ощупал ◊

Стр. 422.

1–4 он несколько раз ∾ за талию / потом, обнимая меня
4 Поняв / Взяв справку и поняв
5–6 вовсе и не предполагал / вовсе даже и не предполагал
23 Наступили / Начинаю
23–24 Наступили ∾ на конце конца! / Ну что ж теперь рассказывать Теперь я уже присту⟨паю⟩ прямо к катастрофе.
38 конфискован / удален
41–42 но был ∾ на высоте события / но очень вопросительно
43 не сказал / не говорил
43–44 но, отойдя в угол ∾ простоял с минуту / *а.* я только отошел в угол, взялся за голову обеими руками и, сжимая ее, стоял некоторое время в безвыходном раздумье. Я видел, что Петр Ипполитович испугался

б. но отошел в угол и взялся за голову обеими руками и так и стоял при нем ◇

44 подумал было, что я / подумал, что я ◇

Стр. 423.

1 эту самую / эту закрытую

3 запертую / запертую наглухо ◇

11 ожидают / ждут

12 Анна Андреевна / Сама же

12–15 Я оправил ∾ отправился к старику / Я оправил сертук, начистил его, умылся, причесался и отправился наконец к старику

16 за круглым столом / за столом ◇

17 у другого накрытого скатертью стола / у накрытого стола ◇

20 мигом заметив / должно быть заметив ◇

21 испугом / каким-то испугом ◇

22 засмеялся / улыбнулся ◇

22 бедный / он

24 Без сомнения, я тотчас же понял / О, я тотчас же ⌊увидел⌋ понял ◇

27 пока мы / как мы ◇

29 *После:* Прибавлю — *начато:* зная дело заранее

30 случилось точно так/ случилось так ◇

31 *Слов:* прямо вдруг — *нет.*

36 пугался / боялся

36 ждал / думал ◇

37–38 на лбу и с бумагой в руках *вписано.*

39 смеяться и болтать / говорить ◇

42 тоненьким, как колокольчик *вписано.*

45 воскликнул / вскричал ◇

Стр. 424.

2 заметил / вскричал ◇

3 сказал, чтоб его ободрить / [говорил] сказал для приятно⟨го⟩ впечатления. [Да и вообще я начал говорить совсем не то, что хотел сказать, входя в комнату] ◇

5 поправился здоровьем / поправился ◇

12 начала с чрезвычайною торжественностью / и сказала с торжественностью

13 *После:* мы оба — *начато:* у вас, мы считали

16–17 благороднейшего и обиженного / честнейшего и благороднейшего человека

19–20 Но она не могла ∾ от испуга / Князь был [страшно] ужасно испуган [почти задрожал] ее словами

25 нарочно / быстро ◇

27 видимо / страшно

27 и восторженно развеселился / за это и тотчас развеселился ужасно ◇

29 моментально / быстро ◇

30 это было ясно с первого взгляда / так по крайней мере это казалось.

36 объяснила / сказала

37 человек и знает множество анекдотов *вписано.*

38–39 лучше позовем потом / лучше потом ◇

39–40 *После:* mais après — *начато:* А про это ⟨...⟩ Говорит

40 *Слова:* Представь — *нет.*

41 не улетит, мы — не спириты / не улетит вверх, как у спиритов,

43 на всех ножках / на всех четырех ножках ◇

Стр. 425.

3 это ведь — вздор / это ведь всё вздор ◇

4–5 ты ведь знаешь ∾ она тоже *вписано.*

6 представьте себе / представь ◇

6–7 повернулся он / обратился

8 по восьми / по шести ◇

9 всё бумагп пишут / ну, бумаги переписывают
10 *После:* в министерстве финансов — n'est-ce pas?
11 этого недоставало / не правда лп любопытно? Хп-ха...
12–13 Какие вы ∾ искренно рассмеяться. / Какой вы милый, князь, и по-прежнему такие милые вещи говорите, — сказал я.
16 *После:* что я — развлекал и
17 обрадовалась / ободрилась
18 взглянул / *а.* посмотрел *б.* глянул ◇
19–20 нагнувшись ко мне ∾ испуганным голосом / заметил [мне], наклонившись ко мне с дивана
21 Cher ami / Cher, cher ami ◇ ⟨дорогой, дорогой друг (*франц.*)⟩
24 пустая / простая ◇
25 двух достойнейших женщин / двух женщин ◇
26 в порядок / в лад ◇ *Далее на обороте листа наброски:*

Текущее:

Столько ⟨?⟩

Хозяин расскажет.

Она вышла — обе они как бы помирились, и вдруг — Ne me dites rien du tout ⟨Ни о чем не говорите мне (*франц.*)⟩. Обнял, заплакал. Вошла Анна Андреевна. Но не с хозяином, а с камер-юнкером. Со мной объясне⟨ние⟩ камер-юнкера.

— Позвольте удалиться.

— Анна Андреевна, у меня решительное слово.

— Вы перемените решение.

Не описываю дальше, [обед] хозяин испугал его. О фон Зоне рассказывает.

Ан⟨на⟩ Ан⟨дреевна⟩ за мной. [Лег спать] Я пришел. [Ее портрет] Версилов с ужасом ⟨?⟩

Принесли обед, спать. Анна Андреевна уехала, она была у Ламберта. Ее портрет.

Встал в смятении. Я умру. (Попросил ее удалиться.) Стал на колени. — Правда ли, что меня хотят посадить в сумасшедший дом? Cher, moi qui dit tant délicattes ⟨?⟩ choses spirituel ⟨Дорогой, меня, который говорит так деликатно и остроумно (*франц.*)⟩ — неужели я сумасшедший?

Я вышел. Еще слово с Анной Андреевной о Ламберте. Я исполнил мой долг.

Хозяин. Смотрите! Вы сами захотели того.

Он хозяину. Вы сами захотели того.

Я отправился к Татьяне Павловне, не застал, в трактир к нему. Затем опять к Татьяне. Высказал ей, что завтра отдам в 11 часов.

— В 11 часов, помни. Кухарка.

Воротил. Бьоринг. Забушевал. В части, позор. Утро.

— Милый, что они со мной теперь сделают?

Татьяна. Ах ты пащенок!

Под⟨росток⟩. Татьяна Павловна, не смейте браниться. Может быть, вы-то, с вашею вечною бранью, и были причиною моего здешнего ожесточения.

Подросток у Татьяны: [Мы] Панегирик *ей.* «Мы одного безумия люди, мы все трое, а может и вы, четвертая. Татьяна Павловна, голубчик, признайтесь, ведь вы были влюблены в него всю жизнь. Ведь влюблены и теперь». Ударила. За волосы. Заплакала, «поди сюда, поцелуй меня. Дорог ты мне. Пошел прочь и не смей мне этого говорить никогда».

N3. Здесь.

Анн⟨а⟩ Анд⟨реевна⟩ брата к Ламберту. Тот, вставая: «Надеюсь, что вы сговоритесь».

Признаюсь, я ждал Ламберта и готовил⟨ся⟩ в бой. Я и предположить не мог, что он скрылся; но Анна Андреевна сначала не унывала и надеялась *на влияние на меня Ламберта.*

— Я всеми оставлена — даже братом — он мне отказал.
— В последний раз прошу.
— Я исполню свой долг.
— И я тоже!
— Вы уходите, да!?
У Татьяны. «Эх, кабы ты раньше, она ⟨*нрзб.*⟩ к Пелищевым поехала, а с ними в оперу». — «И они там с стариком распоряжаются? Эх, грому-то нет на дураков». — «А побегу-ка я, однако ж, к ней и оставлю ей записку».
— Так завтра в 11 часов у меня.
— Оставь письмо, да покажи. Она пощупала
— Как же ты ей говорил?
— Ночуй сегодня где-нибудь, здесь хоть.
— Нет, я старика не оставлю. Говорю вам, что я хочу всех помирить.
Теперь прошу читателей внимательно следить за рассказом, потому что пойдет путаница. Но расскажу быстрее.
Татьяна Павловна и плача и смеясь.
Вот с этих-то пор я с Татьяной Павловной и стал другом.
«Твоя мать — ангел небесный, а *она* — царица земная».
33–34 я всё здесь похвалил ∾ и хозяина похвалил / напротив, я всё здесь хвалю
39 в таком же роде / такого же
42 и уже вполне не скрывая своего испуга / и с умилением, бессознательным испугом смотрел на меня
43 в самом деле что-то есть / есть что мне сказать

Стр. 426.

2 как можно дольше не говори *вписано.*
5 на жалкого / на бедного ◇
6 выкрали ∾ к чужим людям / *а.* увели из дому *б.* украли из родного гнезда к чужим людям
9 ошеломила / подкосила
9 я встал / я быстро встал со стула ◇
11 проговорила / сказала
11–12 должен был остановиться / остановился ◇
16–18 начал мямлить ∾ не в состоянии был отнять *вписано.*
18 не в состоянии был отнять / не в силах был вырвать ◇
19 глупо тогда доложил / глупо доложил ◇
20 пояснил / обернулся
24 обхватить / обнять ◇
25 одной рукой / рукой ◇
26–27 скорее уйти, не сказав ни слова / поскорее уйти
30 *Слов:* и что положение ее ужасно — *нет. На полях наброски:* — Я был полон решимости, спокоен. Что я отдам с тем, чтобы он женился.
— Это невозможно, — сказала Анна Андр⟨еевна⟩, — вы перемените решение.
— Смотрите! — пригрозила она мне, — выйдет худо. Отправьтесь к Ламберту.
32–33 Как я и ожидал ∾ пересказывать князю / *а.* Она быстро вошла сама в мою комнату, оставив старика с братом, который с жаром начал рассказывать старику *б.* Она вошла сама в мою комнату, оставив князя с братом, который начал пересказывать князю [снова]. ◇
35 впечатлительного старичка / слишком легко впечатляющегося старика.
35–36 Я молча ∾ с кровати. / *а.* Анна Андреевна, что же это такое? — поднялся я с кровати. *б.* Я [строго] с суровым видом приподнялся с кровати.
39 и я вас предупредил / я вас, однако же, предупреждал
41 Да? Это — ваш ответ? / И вам не жаль старика?
42 *Слов:* Как вы рассчитываете — *нет.*

Стр. 427.

3 *Слов:* воскликнул я с жаром — *нет.*
3 Вот чего / Вот этого ◊
3–6 Вот чего он не вынесет. ∾ Так я и думала! *вписано.*
7 он о сю пору уж / он уже и теперь◊
8–11 Сообщите мне ∾ однако скрепилась / Скажите мне весь ваш план
12–24 С этим письмом ∾ кроме нас с вами? / С письмом в руках мы сейчас пошлем к князю [Светлищ⟨еву⟩] [Покровск⟨ому⟩] В-му и к Борису Михайловичу Светлищеву, его друзьям с детства, и предоставим им обсудить дело. Они помирят его [может быть], конечно, с дочерью [но прогневаются], и я сама того хочу непременно, но [⟨*нрзб.*⟩] зато я останусь единственным доверенным лицом его. Он увидит мою любовь и преданность и уже более не отойдет от меня. Но всего более я рассчитываю на ваше влияние... вы можете с ним всё, всё...
18–19 *После:* положение дел совершенно изменится — так, как я хочу и как требует того высшая справедливость. Я не могу смотреть без негодования на издевательства, на полную беззащитность старика! ◊
19–20 тогда и родственники ∾ мои права / за меня заступится тетка Фанариотова и вся родня ее. Но без документа они не встанут, не пошевелят пальцем
26–27 Само собою ∾ не будет иметь границ... *вписано.*
28 *Фразы:* Это уж ∾ может быть. — *нет.*
29 Я резко прервал ее *вписано.*
30 произнес / сказал◊
31–32 заплатить вам ∾ последние намерения / [сказать] объяснить вам [как я решил] мои намерения
32–36 я передам ∾ что я могу сделать / я передам это роковое письмо Катерине Николаевне, по с тем, чтоб из всего [этого] случившегося теперь пассажа не делать скандала и чтоб она дала заранее слово, что не помешает вашему браку.◊
37 она, вся покраснев / Анна Андреевна, быстро покраснев◊
38 ее *щадить* / *а.* ее простит *б.* пощадит ее◊
41 Может быть, перемените. / Вы его перемените.
44 упрямство / упорство◊ *Далее было начато:* даже для
44–45 *Слов:* проговорила она сурово и ожесточенно — *нет.*
46 Несчастия выйдут — это наверно / Может быть, может быть, но◊
47 Довольно ∾ и кончено / *а.* Но я решился и не сойду *б.* Довольно: я решился, и кончено
47 *Слова:* Только — *нет.*

Стр. 428.

2 Ничего не надо заглаживать! не нуждаюсь *вписано.*
3–5 (О, может быть ∾ Неужели здесь? / *а.* Скажите, однако, что же станет с князем Николаем Иванычем, где он ночевать будет? *б.* (О, может, говорил свысока.) Скажите, однако, где, рассчитываете вы, будет ночевать сегодня князь? Неужели здесь? ◊
8 И вслед ∾ словами / *а.* И с этими словами *б.* И с этими жестокими и беспощадными словами ◊
9 *После:* надевать шубу — и выбежал из комнаты
10–11 девушку / женщину
12 в надежду / в утешение
12 *После:* в надежду. — Я постараюсь сократить. Я скитался до вечера и раза три заходил к Татьяне Павловне, но ее не было дома, не было и у мамы, которая лежала больная
15 отправился / пошел
16 большое несчастие / несчастье◊
18 зашел и к маме / отправился к маме
19–20 рассчитывая почти наверно встретить там Татьяну Павловну / [наверно] рассчитываю найти [наконец] у ней опять необходимую мне в ту минуту Татьяну Павловну◊

20 ушла / вышла
21 оставалась / была◇
22 не будить мамы / не будить маму (так я и не вошел) ◇
25–28 Она выслушала ∾ дело другое! *вписано.*
28–29 Я зашел, однако же ∾ чтоб выждать / Затем вышел и опять наведался к Татьяне Павловне, и опять, конечно, неудачно. Наведался и к Версилову, но его дома не было. Впрочем, мне даже и не хотелось тогда его встретить, пока еще был не исполнен мой план. Я зашел, однако же, в трактир на канаве и посидел часа 2, чтоб выждать время
30–32 Впрочем, объясню ∾ тотчас послать / *а.* Скажу [прямо] заранее — в ней был ключ дела *б.* Но, впрочем, объясню, зачем мне так вдруг понадобилась эта женщина, — в ней был ключ всего дела. Я хотел ее тотчас послать◇
33 при Татьяне же Павловне возвратить / *а.* при ней отдать ей *б.* при ней возвратить ей ◇
33–34 всё и раз навсегда / все мои чувства, раз навсегда, и чтоб она увидела наконец, что я за человек ◇
40 *Слов:* сегодня же — *нет.*
41–42 так что оставались бы лишь / затем оставались бы◇
42–45 *Фразы:* Я не мог ∾ в такой просьбе. — *нет.*
45 воображал / думал◇

Стр. 429.

2 *Слов:* сам того не ведая — *нет.*
8 смерклось / смеркалось
8–9 в досаде ∾ от Татьяны Павловны *вписано.*
9–10 бедного князя ∾ давеча руки / давешнего бедного старика-ребенка, трепещущего, чтоб нас не увидели, и простиравшего ко мне руки
10–11 за то, что я его бросил ∾ из личной досады / за то, что, может быть, даже из личной досады его бросил, тогда как он и впрямь в одном только мне, может, видит всю свою надежду◇
13–14 направился домой / воротился домой
14 однако, произошли / меж тем случились
18 еще раз / опять
18–19 Ламберта / его◇
24 и сам исчез / и куда-то совсем исчез
24 зайти / прийти◇
26–27 а потому ∾ от нее прячется / *а.* и уж, конечно, скрылся, нарочно спрятался от Анны Андреевны, так что нигде нельзя было его разыскать *б.* и уж, конечно, скрылся, нарочно спрятался от нее, так что уж она-то нигде бы его не разыскала ◇
28 *Слов:* в беспокойстве — *нет.*
29 не в силах была развлекать / не могла придумать, как успокоить◇
31 *После:* Он — *начато:* пугался
31–32 посматривать / смотреть
32 несколько раз начинал плакать / *а.* и чуть не плакал *б.* много раз начинал плакать
32–33 Молодой Версилов / Камер-юнкер
34 наконец / было◇
34 *Слов:* на которого так надеялась — *нет.*
35–37 Вообще на Петра Ипполитовича ∾ и подозрительностью. *вписано.*
37 *После:* и подозрительностью. — В старике еще с первого разу промелькнула какая-то мысль о фон Зоне и об чем-то страшном, что вдруг с ним может случиться
40 шарлатан / факир◇
41 *Слов:* и все видели — *нет.*
43 тоже при всей публике / при всей публике◇
44–45 а вместе с тем ∾ в такое негодование *вписано.*
45–46 принуждена была ∾ К счастью / поспешно хозяина удалила, но затем

Стр. 430.

3 много и очень шутил / много и весело [Под конец же стал беспрерывно спрашивать обо мне и [отчего] почему я нейду? Ему все отвечали, что я сейчас приду] ◊
7–8 одним словом ∾ восточные выражения *вписано.*
9 вернулся / воротился
10 *После:* вошла ко мне — в комнату [в ужасном волнении]. Она
11 сказала / объявила
12 пойти / прийти
13 погибнет / пропадет ◊
13–14 нервный удар ∾ до ночи / [будет] случится горячка
14 Она прибавила / Дело в том, — прибавила она ◊
15 будет / было ◊
15–16 *Слов:* и что князя ∾ на одного меня — *нет.*
20 забегая вперед / вперед ◊
20–23 Прибавлю ∾ она вернуться. *вписано.*
27 и чужой комнатой / *а.* и своим вечным кошмаром, что с ним непременно что-то случится сегодня ужасное *б.* темной чужой комнатой ◊
28–30 Я бросился к нему ∾ начал меня обнимать. / Он беспредельно обрадовался, поняв наконец, что это я
31 что ты куда-то переехал на другую квартиру / что ты уже съехал с квартиры совсем, что ты. ◊ *Рядом на полях:* Он просил, чтоб его увезли. «Мы уйдем тихонько».
35–36 старик с бородой / старик ◊
37 *После:* жизнь твоя! — вот тут две половинки, это означает всего тебе жить две недели! [готовься. О, как я испугался] ◊
43 *После:* и приснилось. — Tien! la crue⟨l⟩le ⟨*нрзб.*⟩ помнишь en quatre morceaux le «Notre ⟨Dame⟩ de Paris», а тут, впрочем, на две части. Какой это роман... Ну и пусть!
47–48 воскликнул он / посмотрел он на меня

Стр. 431.

1–2 у вас посидеть / непременно к вам прийти
3 с ума спятил / *а.* с ума сошел *б.* с ума спятил, вообрази! ◊
5 постой / но ты... что же ты знаешь? — посмотрел он вдруг вопросительно и робко. — Об чем это князь?
7 *Слов:* зашептал он — *нет.*
9–10 Я, видишь ∾ сердце / Я принужден был смеяться
11 к тому несчастному / к фон Зону
13–16 Это вы всё о фон Зоне ∾ спаси меня отсюдова! / это всё фон Зон у вас в голове. Полноте, полноте, князь, хозяин дурак и ничего больше. C'est mon opinion ⟨Таково мое мнение. (*франц.*)

— Слушай, друг мой, тут в моем саке есть одна сорочка ночная, отмечена синей меткой... Если я умру, ты меня в этой сорочке в гроб положи.

— Полноте, милый князь, полноте.

— Друг мой, если [ты] можешь, спаси меня!

18 *Слова:* Князь — *нет.*
20 *После:* N'est-ce pas? — [На тебя все мои надежды] но умоляю тебя, не скрывай: если что опасно ◊
22 убежим? а Анна Андреевна / бежать? от Анны Андреевны ◊
23 *После:* mon cher — я ничего не знаю
25 портрет Кати / ее портрет
25 потихоньку / тихонько ◊
26 и особенно ∾ не приметили / не видала ◊
31–32 вдруг потекли ∾ худым щекам / выступили из глаз его
33 *Слов:* восклицал он — *нет.*
36–37 засадить ∾ дом / записать в сумасшедшие

37 charmantes / charmantes et spiritueles ⟨очаровательные и остроумные (*франц.*)⟩
39 Никогда / Никогда, никогда◇
41 Ну и прекрасно! / Так я и знал!◇
42 наговорили? / говорили? Они напрасно за меня испугались, тут ошибка?
44 *После:* мы прогоним! — Cher, cher!.. ⟨дорогой, дорогой (*франц.*)⟩

Стр. 432.

1 встал / вдруг встал◇
3 Cher, — зашептал он / Друг мой, — прошептал он
4 *После:* всю правду — не лги
5 денут / определили◇
8 тронуть пальцем / тронуть◇
9 пролепетал / шептал◇
11–16 потому что неужто же ∾ в этой комнате / *а.* и неужто меня отвезут туда? Неужто холодной водой? Послушай, хозяин — не доктор *б.* потому что неужто меня туда повезут? И знаешь, холодной водой? ⟨*2 нрзб.*⟩ Послушай, этот же Ипполит-то, этот хозяин, — ведь он не доктор? — зашептал чуть слышно.

— Как, какой доктор?

— Это... Это не сумасшедший дом? здесь, вот здесь, в этой комнате.

— Голубчик, князь, да ведь я сам здесь живу! [О боже!] Какой же сумасшедший дом. *На полях начато:* Tiens, — но ведь
18–19 у двери ∾ и внезапно / перед тем у дверей, но вдруг отворила
21–22 произошло наконец ∾ разрешившегося рыданиями / случилось что-то вроде припадка, разрешившегося страшными рыданиями.◇
23 проговорил / сказал
23 ей / Анне Андреевне◇
25 Нет, это / Это◇
26 В последний раз / Еще раз
28–29 детскими любовными мечтами / любовными мечтами◇
34 почти в вдохновении / готовясь бежать◇
35 *Слов:* встрепенулся князь — *нет.*
37 восклицал он / воскликнул князь◇
41 Вижу, но он еще помог бы / Нет, он может
43–44 испугавшимся неуспеха / испугавшимся давеча неуспеха◇
46 я выбежал из комнаты / я выбежал◇
47 Я возвращусь ∾ я с порога / Я приду через час, как сказал я, и приду не один! — прокричал я им с порога.

Стр. 433.

4 *После:* о том, что — *начато:* она
5–6 Хотя она ∾ понимала эти события / Хотя Татьяна Павловна слишком понимала события◇
8 всю правду и не стыдился / вдохновенно, почти в исступлении
9 спица / спичка◇
10–11 вдруг вскочила / она вдруг вскочила◇
13 и зашивала дура / и зашивала тебе в карман его дура
13–14 вы мерзавцы-безобразники / вы оба мерзавцы◇
14–16 Так ты с тем ∾ захотел? / Так ты сердца покорять ехал, высший свет побеждать! Так ты думал, что она перед тобой на коленях будет ползать! Хотел отомстить за то, что побочный сын
23 свои страсти / себя◇
24 *После:* перед нею документ — *начато:* и вы будете сами свид⟨етельницей⟩
29 вынул из старого и сам / вынул и сам◇
32 Давай его ∾ буянила Татьяна Павловна. / Давай, давай его сюда
34 *После:* не дождавшись единого слова — и не глядя на нее
36 и без награды / и не требуя выкупа
41 поставил / ставлю◇

44 *После:* благородно кончился! — Я победил себя!
45–46 я не стыжусь этого / я не стыжусь◇

Стр. 434.

1 *После:* вернется к маме — но надо его спасти, и это я его спасу◇
1 а перед нею мне стыдиться нечего / Чего мне стыдиться перед нею
4 *После:* «одного безумия люди»? — Я здесь один, кто меня руководствовал? Даже вы? Вы только ругались и смеялись надо мной, а хорошего слова я от вас не слыхал: «одного безумия!»
5 *Слов:* Андрей Петровичево — *нет.*
7 *После:* и вы, четвертая — *а.* что не правда, что ли? *б.* Неправда, что ли?
8–9 что вы сами ∾ и теперь продолжаете / что вы были влюблены в него сами, а может быть, и теперь...
10 Повторяю ∾ в каком-то счастье *вписано.*
11 неестественно быстро / мгновенно◇
16 проговорила / вскричала
17–18 *После:* ошеломлен. — Восторг с меня соскочил
20–21 *Рядом с текстом:* не смей никогда мне это повторить — *на полях пометa:* О Версилове
21 повторить / говорить◇
31 ведь и не ведает / ведь там и не знает◇
35 *После:* а забыли главное — мне никак нельзя положить перед Катериной Николаевной документ и уйти молча
35 прибежал / пришел
36 *После:* там ждут. — Я именно пришел всё примирить...
38 немедленно примириться / примириться◇
38–39 и даже согласиться на брак ее / и даже с браком ее
40–41 тоже ей сто раз повторяла / то же самое ей говорила◇
44 Неужели ∾ денег жаль / *а.* Неужели Катерине Николаевне главное деньги *б.* Да неужели Катерине Николаевне денег жалко◇
45 боялась / боится◇
46 Дочери-то / Ей Катерине-то
47 денег жалко было / денег жалко◇

Стр. 435.

1 поделаешь / сделать◇
2 и будет вовеки / *а.* и есть *б.* и будет
3 *После:* он ей доставит — положение в свете
4–5 как там ей будет способнее — *нет.*
5 по бокам руками ∾ будет / по бокам, да уж поздно◇
10–11 Да сбегайте ∾ повезем ее к отцу. / [Так] Да сбегайте же за ней теперь [по крайней мере], всё и порешим [я отдам документ], и сами повезем ее к отцу; а я [пока] вас обеих здесь подожду◇
12 нельзя, нельзя / то-то что нельзя
15 восьмой / уже восьмой час◇
16 отправилась ∾ в оперу. / уехала, а потом с ними в оперу — это наверно!
17 Господи / О боже
18 с стариком / с стариком-то
18 пожалуй, ночью помрет / не вынесет ночи [ведь он с ума сойдет или], с ним удар будет!◇
21 *После:* что бы ни вышло. — Ох, чтобы тебя как-то ⟨?⟩ пронесли, ведь и впрямь может худо выйти!
— Пусть, но я не оставлю!◇
22 это — ты хорошо / дело. Исполни долг
25 в десять часов утра/ в десять утра◇
25–26 Не беспокойся ∾ уж послушается / Она поймет, она [будет] прибудет, не беспокойся. Меня-то уж она слушается
26–28 А ты беги ∾ до утра-то! / А ты туда поди [и поскорей их всех успокоить] и финти перед стариком, уложи его, ничего, авось проснится!

29 потому что понимать тут не можешь / потому что глуп и понимать не можешь◇

30–31 она обижена ∾ на меня *вписано.*

31 Да не забудь, скажи / *а.* Только скажи *б.* Слушай, скажи◇

32 моего / своего◇

34 изругались! Ну беги / поругались! Ну [иди] беги◇

35 покажи-ка опять карман / покажи карман, я [опять] пощупаю◇

38 мненье / *а.* намерение *б.* настроение◇

42–43 а я к ней ∾ беги! / а я побегу. Знаешь, я, может, даже к ней в театр махну, ты [ведь] это хорошо сказал. Тогда ее прямо туда привезу, и этой ночью [и там] да всё и устроим. Ох, я боюсь, чтоб до Бьоринга не дошло. Как? — А так, всё может быть ⟨*2 нрзб.*⟩ — Чудо! Бегу!

46 А Андрей Петрович? / А он?◇

48 *После:* Очнется — да беги же, что стоишь, беги, беги! [Я побежал возрожденный]
— Мы воскресим его! — вскричал я.

Стр. 436.

3 подлинно есть фатум на свете / Да, на свете есть фатум, фатум◇

5 Еще с лестницы / На этот раз фатум оказался особенно страшным и грозным с виду, по крайней мере по обстановке. Хуже всего было то, что ударило как поленом по лбу, так что и обсудить невозможно было; застало врасплох. Еще с лестницы

5–6 в нашей квартире ∾ незнакомый лакей / шум в квартире и заметил, что дверь на лестницу отперта настежь. У меня забилось сердце, я вбежал в коридор. Тут стояло два лакея

7 оба чем-то перепуганные / оба испуганные◇

8–9 Дверь к князю была отворена, и там раздавался / Двери в мою комнату и к князю были отворены. [Из князев] У князя раздавался

10 признал / узнал◇

10–11 еще шагнуть двух шагов / *а.* еще и вбежать в комнаты *б.* еще и шагнуть◇

11 вдруг увидал / увидел◇

11–12 трепещущего / трепещущего и испуганного◇

12 барон / полковник барон◇

14 *После:* целовал Бьоринга — как спасителя, как избавителя

15 *Слов:* тоже в коридор — *нет.*

16 *Слова:* кажется — *нет.*

18 Потом обнаружилось / Главное, разъяренный немец вообразил, что Анна Андреевна не только виновата, но даже может отвечать за поступок свой юридически. Был он, конечно, неглуп и что-нибудь знал же в законах, но его тоже огорошило сразу

23 бесцеремонным / нецеремонным◇

25–27 взбесившегося господина ∾ готовы иногда драться / взбесившегося германца, в котором даже и высшего сорта люди этой национальности делают [стр⟨ашные⟩] безобразнейшие, пренелепейшие выходки, к тому же и даже готовы драться◇

27–28 Анна Андреевна встретила весь этот наскок в высшей степени / Должно быть, Анна Андреевна держала себя в высшей степени

33 Вы — интриганка / Вы интриганка и шарлатанка

33–34 С этой минуты ∾ перед судом!.. / *а.* Вы будете ославлены в обществе и подвергнуты даже суду, когда разберут это дело! *б.* Отныне вы опозорили себя в обществе и [может] подвергнуты будете уголовному суду◇

38–39 злобно и неистово захохотал / злобно захохотал◇

39 *После:* Бьоринг — *начато:* и топнув ногой

40 Барон, барон / Барон! Я прошу вас, — лепетал князь, я умоляю [Анна Анд⟨реевна⟩]

41 простирая руки к Анне Андреевне / простирая к ней руки, — mai je ne puis... ⟨но я не могу (*франц.*)⟩

43 прокричал Бьоринг / произнес барон Р-н, увлекая старика

Стр. 437.

1 *После:* au commencement — *начато:* где Катерина Николаевна? — шепнул в три ча⟨са?⟩

2–3 возвысила было голос ∾ меня оскорблять / бодро ступила и начала было Анна Андреевна. — Князь, вы бросили меня на оскорбление

4 Прочь! — крикнул вдруг на нее Бьоринг. / *а.* Прочь! — позволил себе крикнуть Бьоринг и топнуть на нее ногой *б.* Прочь! Отойдите от него, — крикнул вдруг Бьоринг и, забывшись совсем, топнул на нее ногой◊

7 *После:* ваш защитник! — А, пришел и [мерзавец] негодяй этот, — заревел на меня Бьоринг, — [этого] не выпускать его, — крикнул он лакею, — он коновод всему!

10 толкнул / оттолкнул

11–12 упал на пол / упал в коридоре

12–13 на лестницу ∾ текла кровь / уже по лестнице, я помню, был окровавлен и из носу у меня текла кровь

14 *Слов:* и, пока князя сажали — *нет.*

14 подбежал / *а.* бросился *б.* кинулся

16 очутилась полиция / очутился городовой

16 *После:* Бьоринг — в своем мундире

17 отвести / вести

17 *После:* в участок — за [буйство и] драку на улице◊

20–21 я кричал, бранился и дрался, как пьяный / в самом деле дрался и бранился как пьяный и в ⟨*2 нрзб.*⟩

21 в своем / в важном

22 взял / *а.* повел *б.* схватил

23–24 и, сопротивляясь ∾ ударил и городового / я кричал, ругался и несколько раз ударил и городового

24 Затем, помню, их / Но их◊

24–25 повели / потащили◊

25 привели меня в какую-то дымную / привели меня в дымную◊

27–28 требовал акта / требовал составления акта◊

28 состояло / было◊

28–29 Но дело ∾ полицейской власти. *вписано.*

29 против полицейской власти / против начальства

29–32 Да и был я ∾ о полковнике... / К тому же я был в слишком безобразном виде и [дворник подтвердил] думаю, что и вправду чрезвычайно походил на пьяного, городовой [объявил] представлял меня разбушевавшимся и дравшимся пьяным, рассказал о полковнике, о том, что я кидал⟨ся⟩

33 крикнул мне / спросил меня

37–38 что меня потащили ∾ «для вытрезвления» / лишь что я был связан и отведен в какую-то [комнату] каморку для вытрезвления

39 еще как-то недавно в газетах жалобу какого-то господина / когда-то в газетах обличение одного какого-то студента◊

40 под арестом / в участке◊

41 даже и не виноват / и не виноват◊

41–42 я же был виновен / *а.* Я же был виноват вполне, и я не протестую. Но я был вне себя, и вот мое оправдание *б.* Я же был вполне виноват, «я буйствовал на улице и [я], кажется, ударил городового»◊

42–43 на нары ∾ спавших людей / *а.* на нарах, в сообществе нескольких спавших тел *б.* на нарах, в сообществе каких-то двух бесчувственно спавших мужичков◊

44 *После:* я обеспамятел — заснул

45 *После:* среди глубокой ночи — совершенно освеженный◊

45–46 *После:* присел на нарах. — Помню, как я попросил кого-то развязать мне руки, и меня развязали, попросил пить, и мне дали пить.

Стр. 438.

3–4 О! я не стану ∾ лишь одно / *а.* О, я не описываю, я и так из всех сил спешу дойти до конца рассказа, но отмечу одно *б.* Я не описываю, но отмечу лишь одно◇

6 под арестом / в участке◇

8–9 было так, как я говорю / было, правда, и то, что было, — того я никогда не забуду◇

11 такую / эту◇

12 раз на всю жизнь / раз навсегда

13 куда идти, чтоб достать ее». Да, те мгновения / к чему надо идти, несмотря на препятствия! По крайней мере, те мгновения

17–18 что не обнаружу документа / что не поеду завтра вместе с Анной Андреевной к князю и не покажу ему документа

19 вертелось в уме моем / вертелось было в душе моей◇

19–22 я повторял себе ∾ от нее навсегда / Я решил это молча, и уже безо всякого красования (как я, признаюсь в этом, рассчитывал даже еще вчера), что завтра же положу перед ней это письмо и, если надо, [приму] вынесу даже насмешливую улыбку ее вместо благодарности и выкупов (а насмешливая улыбка могла быть), но что на нее не отвечу. Мало того — обвиню себя сам перед нею в мальчишестве и фанфаронстве, потому что до сих пор скрывал документ. Затем я решил [перехожу] перейти на сторону оскорбленной Анны Андреевны. О, теперь, с этой минуты, я посвящу всё время свое [чтобы] для их счастья и, если что можно, — я сделаю. «Долг прежде всего». Сознание долга, может быть, в первый раз твердо отозвалось в моем сердце. Гимна⟨зи⟩ст, подросток — кончаются! Шаг вперед, и я мужч⟨ина⟩ гражданин, деятель — и начинаю поприще с чистого поступка!

22 *Фразы:* Впрочем, нечего распространяться. — *нет.*

24–25 и думать забыл / забыл думать. Не стоило. Я честен сердцем, и довольно◇

27 когда уже рассвело / по крайней мере рассвело

28 долго, около часу / дожидался долго, [с час] около часу◇

29 около девяти часов / *а* около десятого часу *б.* около половины десятого◇

29–30 меня вдруг позвали / меня позвали◇

30–31 *Текста:* Я бы мог войти ∾ только бы досказать главное. — *нет.*

34 *После:* позволили уйти. — Но объясню в двух словах

35 прочел / заметил

37–39 У выхода ∾ сошло с рук. / У выхода ждала меня Татьяна. Вот что случилось. Рано утром, может быть еще в начале девятого часу, Катерина Николаевна, [каким-то образом] уже узнавшая дома всю историю [от Бьоринга] [от старика князя] еще накануне и поутру, вдруг сообразила, что я [должно], может быть, еще арестован. Тогда она в тот же миг [отрядила] потребовала хорошенько узнать обо мне [бросилась к Татьяне Павловне]

41–43 прилетела в мою квартиру ∾ о всех вчерашних ужасах / прибыла в нашу квартиру и между всеми ужасами вчерашнего дня узнала от Петра Ипполитовича

43 *После:* был арестован — в «необыкновенном виде»

44–45 (которая еще вчера ∾ отцом ее) *вписано.*

46 и потребовала, чтоб меня немедленно освободили / и объявила, что я должен быть немедленно освобожден◇

47 полетела / *а.* бросилась *б.* пустилась⟩

Стр. 438—439.

48–3 другую записку ∾ и просьба его была уважена / *а.* тоже записку с покорнейшей просьбой освободить меня, «арестованного по недоумению». Просьба его была исполнена. Я бы мог войти в более глубокие подробности, но не стоит Только бы ясно досказать остающееся *б.* тоже записку к кому следует и в участок с просьбой немедленно

освободить меня, «арестованного по недоумению». Эту записку она привезла сама в участок, и просьба его была немедленно уважена. Я бы мог войти в более глубокие подробности, но не стоит. Мне только бы ясно досказать всю остальную путаницу◊

Стр. 439.

5 *Фразы:* Затем продолжаю о главном. — *нет.*
6 Татьяна Павловна, подхватив меня / Она ждала меня при выходе, подхватила
7 приказала / велела◊
8–9 сказала мне, что в половине двенадцатого / объявила, что в начале двенадцатого
10–11 как еще давеча ∾ со мной / для условленного свидания со мною◊
13 ее кликнула / зачем-то позвала ее◊
14 вышла / ушла
14 *Слова:* читателя — *нет.*
16 без спросу / не спросясь
17 в лавочку / в лавочку или на рынок◊
18 нам / ей◊
20 на исчезновение ∾ не обратил внимания / то исчезновение Марьи я почти тогда совсем не заметил◊
21 Само ∾ в чаду / Признаюсь, я был как в бреду
21–24 чувства ∾ трепет и дрожь / чувства, намерения [Татьяна Павловна, пока я пил чай], а главное, мы ждали *ее*, и это приводило меня в страшное волнение
25 встала / встала со стула *Далее на полях наброски:* Мы говорили о происшедшем. Я описывал

— Ну так документ, Ламберт!

Бумага, Альфонсинка⟨?⟩ Марья в кухне как ни в чем не бывало.

— Ах, не до тебя!

Куда-то ходила. Вдруг Альфонсинка. Тришатов. Жаль, что некогда описывать сцену, но сыграла ее она удивительно. C'est chez nous. Les pistolets. ⟨Это у нас. Пистолеты. (*франц.*)⟩ Что они послали пакет, письма. Что это от Татьяны Павловны. Тут было кое-что неправдоподобно, [было] но некогда было обдумывать. Ну правда — что ж тогда?

33 тот же самый / цел◊
35 воскликнула / *а.* сказала *б.* вскрикнула◊
39–40 Где ж твоя записка? *вписано.*
45 об этом заговоре / о заговоре◊

Стр. 440.

1–2 топоча по полу и схватив себя за волосы / *а.* ⟨*нрзб.*⟩ и вертясь *б.* топоча по полу◊
3 решила / вскрикнула◊
3–4 *После:* в чем дело. — Черт знает что Ламберт теперь может сделать.
5 около одиннадцати / половина одиннадцатого◊
10 завопил / закричал◊
12 пропищала / закричала◊
14 Но она ∾ как «какая-то» / [Но] Она не договорила; «какая-то»◊
16 полной подробности / в подробности◊
19 она затрещала / она начала с того◊
20 взрезала ∾ у Ламберта / взрезала, что оно у Ламберта◊
21–22 хотят зазвать Madame la générale и застрелить ее / хотят ее зазвать и застрелить◊
22–24 что она узнала всё это ∾ бросилась сюда / что она узнала, что она боится, что у них пистолет, она видела и она бросилась [ко мне] сюда◊
26–28 *Текста:* Одним словом ∾ усиливала правдоподобие. — *нет.*
29 прокричала / закричала◊
30–36 *Слов:* толком: не поверю ∾ в нее хотят — *нет.*
38 опять / заране

37-38 *После:* предупреждаю опять — Украв у меня письмо, он сговорился с Versiloff, что
39 cette lettre / *а.* письмо *б.* cette chose, ce document ◊ ⟨эта вещь, этот документ (*франц.*)⟩
40 Oh, ils feront leur vengeance / *а.* О, они возьмут деньги [и encore tout ce qu'une et prendrons tout ce qu'une femme peut donner, et encore ⟨и возьмут все, что женщина может дать и еще (*франц.*)⟩ убьют ее *б.* Они возьмут деньги и la feront payer ⟨*нрзб.*⟩
41 беды / беды и суда
41 cette dame, la générale *вписано.*

Стр. 441.

1-5 у них в самом деле ∾ Марья Ивановна!) / *а.* действительно, у них письмо и поедет, но что она не знает про homme noir ⟨черный человек (*франц.*)⟩, а позвал ее один Ламберт письмом, как только что приехавший из Москвы от Марьи Ивановны *б.* действительно, у них в самом деле документы, а написал один Lambert, и про Versiloff она не знает, а Ламберт рекомендовался ей в письме как только что приехавший из Москвы.

— Воистину Версилов там, — воскликнул я в отчаянии.

— Только он один мог приписать в письме про Марью Ивановну.

10 *После:* нечто несообразное — *начато:* Ну как требовать сейчас, сейчас, до двенадцати часов
11 всё было ужасно / почти всё ужасно ◊
12 предположить / вправду предположить
13 получив приглашение / получив сейчас приглашение
14 сначала / прежде
15 *После:* и не случиться — *начато:* и тогда Катерина Николаевна
16-20 Трудно было ∾ та же беда! / Трудно было тоже поверить, чтоб она так сейчас и бросилась к Ламберту вслед за запиской, но опять-таки [ведь] и это могло почему-нибудь там случиться, и тогда — беда *вписано.*
20-21 времени у нас не оставалось / времени не оставалось ◊
24 Ах, этот «двойник»! / *а.* Да! именно «двойник» *б.* Да, двойник, двойник
25 *Слов:* решилась она вдруг — *нет.*
26 и — вместе марш / *а.* марш *б.* едем вместе — марш ◊
28 села и ждала меня / подождала
30 если сослужишь службу / *а.* за это сегодня же *б.* за это, только сослужи службу ◊
31 выбежали на лестницу / *а.* так и вырвались из ко⟨мнаты⟩ *б.* выбежали на улицу ◊
34-35 всегда могла ее задержать / *а.* *начато:* должна была ее *б.* всё равно бы ее задержала
37-38 велела она мне ∾ оставляя меня с Альфонсинкой / велела она мне в исступлении
39-40 к ней, авось застану ∾ мне подозрительно! / *а.* к ней самой [может, еще застану]. Сердце говорит, что еще, может, застану. *б.* к ней самой, авось застану. Подозрительно всё это, вот что. [Застану хорошо] ◊
41 Мы же / Я же ◊
41 *После:* с Альфонсинкой — тоже на извозчике
42-43 на лету продолжал расспрашивать Альфонсинку / *а.* я [кричал] говорил Альфонсинке, кричал *б.* продолжал на лету выспрашивать ◊
44 восклицаниями / вскрикивани⟨ем⟩
45 когда всё уже висело на ниточке / но всё уже [было на во⟨лоске⟩] висело на волоске над бездной.
46 и четверти дороги / и половины ◊

Стр. 441—442.

46-1 услышал за собой крик: меня звали по имени / услышал крик: меня звали ◊

Стр. 442.

1–2 Я оглянулся ∾ догонял Тришатов. / *а.* Я обернулся [за мной] [ко мне]. К нам бежал Тришатов. Как я не спешил, но как будто что-то кольнуло *б.* Я обернулся, нас на извозчике обгонял Тришатов.

3 кричал он испуганно, — и с ней, с Альфонсинкой / закричал он испуганно. — С ней! Я тотчас догадался, что

4–5 крикнул я ему ∾ больше людей / *а.* вскричал я, — беда. Я к Ламберту! *б.* закричал я, — беда. Я к подлецу Ламберту, едем вместе, всё больше людей. Вы правду сказали тогда, что интрига! ◇

6 прокричал / крпчал ◇

7 и Альфонсинка обманывает / Если эта с вамп, то [Ламберт] вас наверно обманывают ◇

8–9 их дома нет ∾ они теперь там / Я встретил [сейчас] Версилова и Ламберта, они поехали к вам... Они теперь у вас... А вы... [Марью] Кухарку у вас подкупили... ◇

10 остановил извозчика и перескочил / вскочил с извозчика и мигом пересел ◇

12 завопила / что-то завопила ◇

13 за нами / опять к нам

17 изменил ему в последнее мгновение / его предал в последнюю минуту ◇

19–28 Тришатов прибавил ∾ забегу вперед. / *а.* всё было очень наскоро. Ясно было, что рябой знал *б.* больше он, Тришатов, не знает ничего, [с тем ехал] потому что рябой ему больше ничего не сообщил, но вдруг увидел, что мы едем, и погнался за нами. [А что рябой ничего не мог объяснить, потому что сам] Рябой же сам торопился, «что всё было наскоро». [Без сомнения] Конечно, было ясно, что рябой знает более, знает всё, потому что послал Тришатова прямо к Татьяне Павловне. Но чтоб не вышло путаницы, я, прежде катастрофы, объясню всю суть и уж в последний раз забегу вперед. Вот что в этой путанице лжи и адского обмана было настоящей правдой. ◇

31–32 О том, как мог Версилов ∾ говорить не буду / Он и Версилов! — но об этом я потом, об нравственном, психологическом значении дела не буду

32–33 тут был «двойник» / это двойник. Но вопрос: для чего Ламберту [был нужен] понадобился почему-то же Версилов, тогда как Ламберт уже п без Версилова достал «документ». [Теперь мне ответ] Ответ мне теперь ясен: он нужен был ему для влияния на [нее] Катерину Николаевну и по знанию обстоятельств, сам же Ламберт, несмотря на свой медный лоб, может, и говорить-то не знал как с нею. [А] Но главное — Версилов был нужен ему в случае переполоха, чтоб свалить весь заговор на него. [Денег же] А так как денег Версплову было не надо и Ламберту досталось бы всё, что только б можно было орвать с нее, то он и пригласил его ◇

33–35 Ламберту предстояло ∾ она не придет. / *а.* надо было ее зазвать; но Версилов уверял, что она не придет. *б.* надо было как можно хитрее и удобнее заманить ее. Версилов не верил, что она приедет, и говорил это Ламберту.

41–44 Марье он подарил ∾ двести рублей. / и с тем, чтоб всё, что ни случилось, тотчас же бы сообщали ему. Марье отдал двадцать рублей, а в случае выигрыша обещал пятьсот. Но, украв документ, он опять посетил Марью и уж тут договорился с ней радикально.

45 Вот почему / А потому ◇

Стр. 443.

2 прискакала с этим известием / приехала с известием ◇

2–4 *Фразы:* Именно про это-то ∾ и заключалась услуга. — *нет.*

5 один миг / одну минуту

6 в иные минуты ужасно бывают хитры / ужасно хитры ◇

13 *Слов:* и как хочет — *нет.*

16 Катерина Николаевна / она

17–19 и что Альфонсинка налгала ∾ испуганной предательницы / и что выдумал эту штуку Версилов, а разыграла же лишь роль испуганной предательницы Альфонсинка

19–20 Разумеется ∾ рассудили они верно / Тут били на [страшный] больщущий риск, но всё равно так

23–25 Но оно сошлось, да и ∾ рассудить было некогда. / Но оно сошлось. Разумеется, главнейшую роль взяла и Марья, она должна была даже остановить нас, если мы воротимся *б.* Но оно сошлось и не могло не сойтись, мы не могли не поверить и не побежать [спасать Катерину Николаевну, тем более что если б всё оказалось вздором и Катерина Николаевна приехала бы ⟨*нрзб.*⟩, но в свой час к Татьяне Павловне, [1] то Марья должна была задержать ее] уже по одному только предположению: «а ну как это всё правда!», тогда пропала Катерина Николаевна. Опять повторяю [рассуждать]: рассудить было некогда. [Теперь всё в двух словах.]◊

27 *После:* с Тришатовым — и отворили дверь

29 как-то приметила / *а.* то увидела *б.* как-то заметила

31–32 так ко мне и бросилась / так на меня и накинулась◊

33 Генеральша пришла, а у них пистолет! / *а.* Тише, у них пистолет, [она] а барыня там *б.* У него там пистолет, и генеральша [уже] приехала

39–40 и в которой ∾ отыскал себе щелку в портьере / которую, припомнит читатель, где могла поместиться одна только ее кровать и где я [нечаянно просидел и подслушал их разговор] [уже раз] печально просидел, подслушивая, если припомнит читатель. Я [⟨*нрзб.*⟩ как и тогда] сел на кровать и тотчас отыскал себе щелку в портьере◊

Стр. 443—444.

45–2 Теперь я знаю ∾ кого именно он боялся. *вписано.*

Стр. 444.

2 Письмо / Документ◊

2 *После:* у него в руках. — [Правда он кричал] Говорил он по-французски◊

3 при первой опасности / в решительное мгновение

4–6 лишь смысл речей ∾ до последней точности / *а.* впрочем, мысль, смысл речей, как запомнил *б.* только смысл речей. Может, много пропущу, может, много и не так скажу. Тогда я был в таком волнении, что запомнить, где же было.◊

8 Оно сто тысяч стоит, а я только тридцать прошу! *вписано.*

12 здесь устроена / устроена◊

17 *После:* нет денег. — Не верю!◊

22 поеду / пойду◊

25 Не упрямьтесь / Слушайтесь

27–29 в которых ни одна ∾ Vous êtes belle, vous! / *а.* райских сладостей *б.* в которых женщины всего меньше отказывают, вот каких... [⟨*нрзб.*⟩ vous êtes belle, vous] Ха-ха-ха! ◊

30–31 покраснела и — плюнула ему в лицо / покраснела от негодования и замахнулась было рукой, но не ударила, а плюнула ему в лицо◊

34–35 *Слов:* как я сказал уже — *нет.*

35–36 с такими же ∾ как и он сам / на себя похожими

37–38 и не уклонилась бы войти в денежную сделку / [готова] решилась бы войти в сделку

41 острастки / угрозы◊

44 *После:* как он — *начато:* с неимоверною силою

45–46 зашатался и упал ∾ на ковер / вдруг упал без чувств, и кровь хлынула из его головы и потекла на ковер

---

[1] *В рукописи ошибочно:* к Катерине Николаевне

Стр. 445.

1-3 побледнела вдруг ∾ упала в обморок / омертвела и упала в обморок

3 *После:* бросился к ней. — Я тоже

4 *После:* как бы мелькает — но врезалось в память

6-7 и заметил ∾ не узнал / и видел тогда меня, но меня не узнал ◊

7 схватил / вдруг схватил ◊

10-11 из угла в угол ∾ делает / и [удар⟨ялся⟩] натыкался на [все] стенки, углы, [того] видимо не примечая того и не понимая, [что он делает] зачем это он делает

11-12 *Фразы:* В один какой-нибудь миг он лишился тогда рассудка. — *нет.*

12 на ее лицо / на нее, на ее лицо ◊

15 *После:* другой раз ногой. — *начато:* Я бросил

16 но боялся раздражить сумасшедшего / *а.* но мне всё не хотелось, чтоб он увидел его в таком унижении *б.* но побоялся испугать его ◊

17 раздвинул портьеру / раздвинул перед ним портьеру ◊

17 стал умолять его / крикнул ему

18-19 а сам стал ∾ поцеловал ее / а сам над ней нагнулся. Он смотрел на нее неподвижно и вдруг наклонился и поцеловал ее

20 *После:* бледные губы. — *начато:* Его губы дрожали, и слезы так

20-21 О, я понял ∾ совершенно вне себя. / О, тут-то я понял наконец, что это совсем сумасшедший. ◊

21-22 замахнулся на нее ∾ обернул револьвер / как бы догадавшись, схватил револьвер

22 *После:* ей в лицо. — *начато:* Я закрич⟨ал⟩

24-25 *После:* вырвать свою руку — *начато:* и приложить

25-28 Он хотел застрелить ∾ ему в плечо. / *а.* [Но] Пуля [скользнула лишь] попала ему в плечо. *б.* Он хотел застрелить ее, а потом себя. Он хотел выстрелить себе в сердце, но я успел толкнуть его руку вверх, и пуля попала ему в плечо. ◊

29-30 *После:* рядом с Ламбертом. — *начато:* Через [полчаса] час, однако, комната представляла совсем иной вид. Катерина [Павловна] Николаевна очнулась, и Татьяна Павловна уговорила

31-32 *Слов:* Глава тринадцатая. Заключение. — *нет.*

34-36 Теперь этой сцене ∾ новая жизнь... / Этой сцене [прошло] минуло теперь пять месяцев, и много прошло с тех пор, [многое] всё почти изменилось, [всё разрешилось] многое развязалось и разрешилось, а для меня давно уже наступила новая жизнь, а с нею новые пути

36 *После:* и я читателя. — Версилов, теперь, в ту минуту, как пишу, сидит [теперь] в другой комнате с мамой

38 спустя / потом ◊

38-39 с таким ∾ тогда в виду / с Ламбертом и какую именно цель он имел в виду

40 *После:* к некоторому разъяснению — не скажу точному, но по крайней мере приблизительному ◊

41 последний день и накануне / последний день по крайней мере и накануне ◊

42 совсем тут / совсем почти ◊

44 Впрочем, настоящего сумасшествия / *а.* Оговорюсь, однако: сумасшествия *б.* Впрочем, сумасшествия ◊

44 вовсе / почти вовсе ◊

Стр. 446.

5 *Слов:* серьезного уже — *нет.*

6-7 может повести ∾ Да и сам Версилов / может, впрочем, повести довольно к худому концу. Я, сколько мог, разъяснил выше, что такое этот «двойник», да и сам Версилов

7-8 это тогдашнее «раздвоение» ∾ с страшною искренностью / это тогда с страшною искренностью ◊

8-9 Но опять-таки повторю: та сцена / Но здесь опять-таки повторю, что

высказал выше: эта сцена *Далее на полях наброски:* Ламберт, пролежав 10 минут, вышел и ⟨через⟩ некоторое время исчез бесследно. По трем причинам: 1) Вследствие лютой мести 1)* вследствие ума своего, что может выйти уголовщина [а главное ⟨*нрзб.*⟩] намек выгоды объяснить дело Бьорнгу. Этого-то и боялся Ламберт. 2) N3 ? Версилов же об этом же предупреждал.
Рябой, 2) * но Бьоринг пришел — опоздал.
Когда ворвалась тогда Татьяна Павловна...
Как Версилов согласился с Ламбертом. ...*Я думаю, он много не рассуждал.* Я отрицаю его сумасшествие, но мысль присутствия двойника допуск⟨аю⟩ [но уверен] т. е. первой степени сумасшествия. Ведь он «теперь не сумасшедший», но во время сцены ⟨...⟩ Когда же пришел Бьоринг ⟨...⟩ ⟨...⟩ в нем глубокое неверие ⟨...⟩

10 произошли / были
10 настоящего / настоящего и ужасного ◇
15 если и был двойник, то *вписано.*
16 *После:* моя догадка — *начато:* итога же я подвести не
17 наверно / наверно и незыблемо
18–20 несмотря на обожание ∾ достоинства / несмотря на обожание, в нем всегда было самое искреннее и глубочайшее неверие к Катерине Николаевне
20–21 и ждал тогда за дверью ее унижения / *а.* и ждал [насл⟨аждаясь⟩] за дверью, наслаждаясь ее нравственным унижением *б.* ждал за дверью, быть свидетелем ее унижения ◇
22 того / этого наслаждения
25–27 Всё могло ∾ что случится / Всё могло случиться, но, только придя с Ламбертом, он сам ничего не знал из того, что будет ◇ *вписано.*
27 Прибавлю, что револьвер / *а.* Впрочем, револьвер *б.* Прибавлю для точности, что револьвер
29 *Слов:* не стерпев — *нет.*
30 *После:* потерял рассудок — хотя, впрочем, он потом всё припомнил
30–32 Хотел ли он ∾ застрелил / Хотел ли он ее застрелить? По-моему, [ничего не хотел] не знал этого, но наверно бы застрелил
33–34 Рана его ∾ довольно долго / Его рана была несмертельна и зажила, но [вы] [лежал] пролежал он довольно долго
36–37 Мама сидит ∾ ей в глаза. / Мама около него, [он, я знаю] и он гладит рукой ее щеки и [голов⟨у⟩] волосы и с умилением смотрит [на нее] ей в глаза
42 С нами он теперь ∾ как дитя / Часто, почти всегда, он совсем простодушен и искренен с нами как [дети] дитя ◇
43 лишнего / много лишнего ◇
44 *После:* остались при нем — *начато:* но идеальный
45 еще сильнее / довольно сильно ◇
46 столько не любил / более не любил

Стр. 446—447.

48–1 Впрочем, расскажу ∾ а их много) / Расскажу лишь один анекдот ◇

Стр. 447.

4–7 Я слышал ∾ говорил о религии *вписано.*
7 *Слов:* несколько раз — *нет.*
8 прекратилось / кончилось ◇
8 вдруг / слишком
10 в наружности священника / в священнике
11 улыбкою / усмешкой ◇
12 *После:* к этому не способен» — к чему же лгать самому себе?»
15 заговаривать / говорить ◇

---

* *Так в рукописи.*

16–18 но как это случилось ∾ шепотом / но что именно между ними произошло и как это случилось — не знаю. Она садится подле него и говорит ему иногда об чем-то шепотом ◊
19 целует ее руки / целует ее руку, говорит ей: «да, да» ◊
20 берет / схватывает
23 но говорит в такие минуты мало / и обнимает ее, говорит, впрочем, мало... Мама очень тоскует и [очень] плачет, смотря на него в те минуты ◊
24–25 он как будто ∾ ни разу не упомянул / он не говорит ни единого слова, точно совсем забыл об ней ◊
25 ничего у нас не сказано / ничего не сказано ◊
26 *Слов:* на лето — *нет.*
31 об этом человеке / о нем ◊
31–33 Но я ∾ которые описывал. / Но я писал, припоминая именно тогда, т. е. в каждую из тех минут, которые описывал. ◊
34 строчку / строку ◊
34–35 что перевоспитал ∾ записывания / что как бы перевоспитал себя самого именно процессом записывания этих воспоминаний ◊
36–38 что написал ∾ ни единого слова / *а.* что написано, но не вычеркну, однако, ничего *б.* что написано, особенно от тона некоторых фраз и страниц, но не вычеркну, однако, ничего ◊
39 сказал / написал ◊
40 и совсем излечился / он искренне излечился ◊
44 и отвечал на них / и отвечал ей на них *вписано.*
46 прощаясь / простившись ◊

Стр. 447—448.

48–1 о некоторых ∾ но довольно / *а.* об этом молчу; к чему рассказывать, да и рано еще *б.* об некоторых вещах молчу; но довольно ◊

Стр. 448.

2 скончался / умер ◊
3 В настоящую минуту / Теперь ◊
5 Впрочем, расскажу об этом / *а.* Поясню это *б.* Но расскажу и это ◊
8 злоумышлении ∾ таким образом / замысле, это так случилось ◊
10–11 все подробности ∾ их плана / *а.* всё, почти в самую последнюю минуту предприятия *б.* всё, все обстоятельства, а наконец, и самый последний момент их плана
13 Но в решительное мгновение ∾ изменить Ламберту / Замысел был устроен тремя, но рябой, может быть даже колебавшийся: приступить или нет, в последнее мгновение остановился на измене Ламберту. Это он уведомил еще накануне Бьоринга о том, что князь у меня на квартире. Поступил он так, во-первых, по личной ненависти к Ламберту
16 фантастического / романтического
18–27 Кстати, я не знаю ∾ весьма не лишнею. / Кстати, [прибавлю] вставлю здесь мой ответ на вероятный вопрос читателя: почему Ламберт соединился с Версиловым? Я не знаю и не понимаю отношений Ламберта к рябому и почему Ламберт не мог обойтись без него. [Но] Гораздо любопытнее вопрос: зачем нужен был Ламберту Версилов, тогда как Ламберг, имея в руках документ, совершенно бы мог обойтись без Версилова? Но полагаю, что В⟨ерсилов⟩ ◊ *вписано.*
28 не поспел тогда вовремя. Он прибыл / не поспел вовремя. Он пришел ◊
30 минут пять / десять минут
32 *После:* считали убитым — *начато:* но он только
34 там надел свою шубу и исчез навсегда / там оделся и исчез, не сказав ни слова
35–36 *Слов:* а лишь немного похворал — *нет.*
36 удар револьвером / удар ◊
36–37 не произведя более никакой беды / но не тронул черепа ◊

38–39 до Версилова / до доктора ◇
42–43 еще больная ∾ вне себя *вписано.*
44 *После:* с недоумением — даже не объяснился ◇
45–46 уже уехала ∾ ни слова / уже у себя дома, тотчас отправился к ней ◇
47 смущен / несколько смущен

Стр. 448—449.

48–1 не произошло, а вышли лишь слухи / не вышло, а вышли слухи ◇

Стр. 449.

2 главная история / предшествовавшая история
3 *После:* почти неизвестною — *начато:* пошел лишь
3 *Слов:* некто В. — *нет.*
5 свою страсть / свою [слепую] безумную страсть ◇
7–10 Ничего больше ∾ лишь буквами фамилий. *вписано.*
11 совсем / почти
11 *После:* не обеспокоили. — По-моему, если б даже и всё узнали, то Ламберта пока еще не в чем было бы обвинить, исключая разве револьвера и [брани] удара в голову; но это осталось в совершенной неизвестности, равно как и версиловский удар Ламберту по голове револьвером. ◇
13 о происходившем / о бывшем
13 Катерины Николаевны / его невесты, Катерины Николаевны ◇
15–16 позволил себе заметить / заметил ◇
17 фантастические / фантастические и соблазнительные
20 исчезло / испарилось ◇
21 разгадала / угадывала
22 после испытанного потрясения / и потрясения
23 умолкаю / молчу ◇
26 отыскать / постоянно отыскать ◇
26 *После:* и теперь. — Где он? — Не знаю.
27 друга «le grand dadais» / друга Андреева ◇
30 после происшествия / после той катастрофы ◇
31 умер ночью / ночью ◇
32–33 Я с того ∾ его более. / Я его не видал уже более с того самого дня. Впрочем
37 *После:* к дочери. — Прибавлю факт без объяснений
38 как-то раз, за неделю / недели две еще
42 разделить / раздать ◇

Стр. 450.

2 вовсе / совсем
3 за несколько лишь дней / незадолго
4–5 призвав дочь ∾ князя В-го / при свидетелях
7 шестьдесят / семьдесят пять
9 ни единого пояснения / ни одного пояснения и не [сказав] прибавив более ни единого слова об Анне Андреевне [(Про брак свой с нею он во весь этот месяц не упомянул ни единого слова.)] ◇
15 ее ожидая / ждут
16 надеется / ждет ◇
17 про то / об этом *Далее на полях наброски:* Старый князь — Анна Андреевна. Теперь упомяну об еще близком моему сердцу — о Лизе — Васин.

Я и университет. Татьяна Павловна. Но Лизе мое будущее не доверив ⟨шпсь⟩ Тогдашний день — солнца луч. Университет. Меня мучает идея — довольно, всё это новая история. Я потому не пишу об идее, что, не изменяя ее вовсе, я составил новый план жизни — и уже, кажется, не изменю ему. Николаю Семеновичу, его мнение об университете. Я открылся Николаю Семеновичу, и вот какой отзыв выписываю из длинного письма его.

20–21 ее скандалом с старым князем / *а.* историей и скандалом похищения

[ею] старика князя из Царского *б.* скандалом со стариком князем у нас на квартире ◇

25 не упоминаем вовсе / *а.* мы не упоминаем вовсе *б.* не упоминаем ◇

27–29 пойдет в монастырь ∾ за горькое слово / *а.* пойдет в монастырь. Но я не верю; это лишь горькое слово *б.* пойдет в монастырь. Это было [очень] недавно, но я промолчал. Я не верю и считаю лишь за горькое слово ◇

30–31 предстоит мне ∾ моей Лизе / я скажу лишь о Лизе ◇

33 *После:* горькой судьбой! — *начато:* Про князя Сер⟨ежу⟩

34 умер в больнице. Скончался он / и умер тогда же в больнице. Он умер ◇

35 осталась одна / осталась вдруг одна

37 но вся прежняя горячность ее сердца / но неразговорчива. Но вся нежность ее сердца.

39 стала / была

40–41 ни на кого ∾ проходит мимо / *а.* и не взглядывала вовсе *б.* и даже не глядела ни на кого [пристально], как будто ей всё равно, как будто она лишь проходит мимо ◇ *вписано.*

44 не осмеливался начать утешать ее / *а.* не смел утешать ее *б.* не смел сесть подле нее и утешать ее ◇

44–46 хотя часто ∾ не подходилось к ней *вписано.*

46–47 не оказывалось ∾ об этом / не было, чтоб с ней говорить

47 случая / события ◇

48 с нашей лестницы / на нашей лестнице ◇

Стр. 451.

2 встала с постели / она выздоровела ◇

3 молчалива с нами / молчалива ◇

6–10 оба радуясь ∾ без боли / и которое я с тихой радостью и надеждой отметил в моих записках, — увы, что [осталось] сталось с этим милым мне существом после того? [О] Для меня наступила в высшей степени новая жизнь, а она? [Судьба] Будущее ее [для меня] загадка, а смотреть на нее я не могу без боли ◇

11 три / две ◇

12 освобожден / освобожден из-под ареста, [словом] короче ◇

13 благоразумный / благоразумный и находчивый ◇

16–17 Да и пресловутая рукопись ∾ с французского / Даже самая рукопись его оказалась каким-то черновым переводом с фр⟨анцузского⟩ [компиляцией] ◇

17 собирал / сделал

20 и доселе / до сих пор ◇

21–22 чем далее ∾ усложняется / чем далее, тем более усложняется

24 так случиться. Но / с ним случиться. Впрочем

26–27 Про Дергачева же ∾ не имею сообщить. / Про Дергачева и компанию я ничего не намерен упоминать

28–36 Может быть, иному читателю ∾ Но прибавлю, однако / Может быть, читателю интересно знать, куда же делась моя «идея» и что такое та новая жизнь, о которой я заявил, что уже вижу ее перед собою, — это и есть моя «идея», но... в другом несколько виде. Впрочем, этого не могу разъяснить. Это новое. Тут начался совершенно новый роман, но об нем ни слова, и, кажется, в записки мои он уже не попадет. Скажу лишь два слова

37–38 пристает ко мне ∾ поступить в университет / пристает ко мне чуть не каждый день, чтоб я, не теряя времени, [п ⟨*нрзб.*⟩ чтоб] немедленно поступил бы в университет

39 учение / курс

40–41 не знаю / еще не знаю ◇

41–42 я даже и не имею ∾ должен трудиться / мне некогда учиться, а надо трудиться ◇

Стр. 451—452.

45–9 Я решился наконец ∾ Вот эти выдержки. / *а.* [Прибавлю одно] Я, од-

нако, продолжу: заметки мои никто не читал, я никому не показывал, кроме одного человека. Не то чтоб я нуждался в совете. Рассмотрев кругом меня, я выбрал этого человека сознательно *б.* Тогда я решил спросить совета у одного человека: рассмотрев кругом меня, я выбрал тщательно. Это — Николай Семенович, мой воспитатель, муж Марьи Ивановны. Не то чтоб я так нуждался в его совете, но [не знаю почему] мне просто неудержимо захотелось услышать мнение этого совершенно [для] постороннего и даже несколько холодного [человека] эгоиста, но бесспорно умного человека. Я послал ему мои записки [Он возвратил их], прося величайшего секрета, потому что я их никому еще не показывал, и особенно Татьяне Павловне. Посланная рукопись возвратилась мне через две недели при довольно длинном письме. Из этого письма сделаю лишь несколько выдержек [в них есть нечто], ибо нашел в них некоторый общий взгляд, нечто разъясняющее. Вот [это письмо; беру из середины] эти выдержки. ◇

Стр. 452.

11 незабвенный / *а.* добрейший *б.* уважаемейший

12–14 как теперь, написав эти ваши «Записки» ∾ так сказать, сознательный отчет / как написав эти записки, изложив и дав отчет себе

14 и рискованных / и несколько рискованных ◇

15 сим изложением / написав об этом

16–17 могли во многом «перевоспитать себя», как выразились сами / *а.* вы подвели итог. Я верю, что вы перевоспитались *б.* во многом перевоспитали [себя] вас самих и во многом утвердили вновь ваши мысли ◇

18 ни малейших / никаких

20–21 у себя «документ» ∾ характеристично / у себя ваш «документ» чрезвычайно характерно ◇

21 лишь / только ◇

21–22 *Слов:* которую я разрешил себе — *нет.*

22 Весьма ценю тоже / Весьма ценю ◇

23–24 по собственному вашему выражению / как написали вы сами ◇

24–25 сообщить мое мнение собственно об этой идее / сообщить вам по сему поводу мое мнение ◇

27–28 Замечу лишь, что «идея» ваша / Но замечу лишь одно и во-первых: я не умею и вообразить себе начинающего молодого человека нашего времени, но способностями выходящего мало-мальски из середины и рутины, [который бы] без того, чтоб он не имел у себя хотя какой-нибудь подобной вашей своей «идеи». Правда, ваша идея

28–31 оригинальностью ∾ а часто и опасен / несомненно оригинальностью, но и размер душевного развития вашего не совсем часто встретишь в теперешнем поколении. [Но по крайней] Молодые люди большей частию отделываются идеями не выдуманными, а уже данными, и запас их весьма невелик у нас, а часто и весьма опасен ◇

31–32 Ваша, например, идея уберегла / Ваша идея спасла

34 А наконец / Во-вторых, наконец ◇

34–35 согласен ∾ Татьяны Павловны / согласен с многоуважаемейшей Татьяной Павловной ◇

35 хотя и знавал лично / хоть и знал прежде ◇

36–37 в той мере, как она того заслуживает *вписано.*

38 Слов: для вас — *нет.*

40 стремлений / желаний ◇

46 *уединенную* / одинокую

Стр. 452—453.

46–1 опасаться / пугаться

Стр. 453.

1 как вы, юношей немало / *а.* как вы, много *б.* как вы, т. е. начавших жизнь в тех же обстоятельствах, как были ваши, много ◇

4–8 Но это желание ∾ жажда порядка / Не удивляйтесь, что я пишу:

«беспорядок», это желание беспорядка [произойдет] происходит в них именно из жажды порядка

6 (употребляю ваше слово)? / (ваше собственное слово) от мстительной жажды благообразия, как выразился г-н Версилов. Ведь не одно же самолюбие и [буйные] нечестивые чувства увлекают современных молодых людей иногда прямо на жестокую и раннюю гибель? Нет ли тут сердца, даже и великодушных чувств? [Чувств?] ◇

6–11 Юность чиста ∾ им поверить! *вписано.*

11 что не понимаешь ∾ поверить / что надо лишь удивляться тому, во что могут уверовать люди ◇

11 кстати / тоже ◇

12–13 всего лишь поколение назад / только одно какое-нибудь поколение даже еще назад ◇

14 в те времена они почти всегда кончали / всегда они кончали

14–15 примыкали впоследствии / примыкали ◇

16–17 и сливались с ним ∾ в начале дороги / и если дорогой сознавали ◇

17–18 всё отсутствие ∾ семейной обстановке / всё, например, отсутствие благородного в их семейной обстановке

21 его ценить / *а.* ценить это *б.* ценить то, чего добивались ◇

21–23 Ныне уже ∾ не к чему. / Но ныне несколько не так, ибо примкнуть уже более не к чему

27 типе культурных русских / типе русских ◇

27 возможен / был возможен

27–31 столь необходимого ∾ известно / даже, может быть, того самого «благообразия», которого вы так искали. [Говорю так, хотя сам] Напомню вам, что сам я совершенно не дворянин ◇

33–34 было доселе красивого / было красивого ◇

37 но тут, например / но тут ◇

39–40 *Фразы:* Я говорю как ∾ ищущий спокойствия. — *нет.*

42 форм / этих форм ◇

43–44 и уж не предписанный, а самими наконец-то выжитый / не приказанный, а самими людьми выжитый [в два столетия] порядок

45 наконец, порядок / *а.* не приказной порядок *б.* но выжитый живой жизнью порядок ◇

45–48 надежда и, так сказать, отдых ∾ ничего не выходит / пока вся надежда наша, отдых глазу наш: хоть что-нибудь, да не вечная эта ломка, не щепки, не мусор и сор, из которого вот уже двести лет ничего не выходит ◇

Стр. 454.

1–2 *Фразы:* Не обвините в славянофильстве ∾ ибо тяжело на сердце! — *нет.*

3–4 обратное изображенному выше. Уже не сор / обратное, т. е. не сор ◇

7 случай / факт или случай ◇

8–9 во что, может быть, еще хотели бы верить их дети / во что хотели бы верить и что хотели бы уважать их дети ◇

12–17 Не про истинных прогрессистов ∾ нам вдруг показалось. / О милый Аркадий Макарович, поверьте, что истинных либералов, истинных и великодушных друзей человечества у нас вовсе не так много, как это нам вдруг показалось. ◇

18 *Слов:* всё это — философия — *нет.*

19 Положение нашего романиста / Положение романиста ◇

21 в историческом / в романе историческом

21–31 ибо красивого типа уже нет ∾ что это — мираж / ибо «проходит лик мира сего». О, [написать] изобразить можно много чрезвычайно отрадных вещей и даже увлечь читателя до того, что он примет [всю]картину прошедш⟨ую⟩ еще за возможную в настоящем. Да, может, и были уже в нашей литературе великолепные исторические повести о русских семействах средневысшего нашего круга и в которых описывалась жизнь даже трех поколений сразу. Такие произведения, по крайней

мере [хоть] одно из них, несомненно принадлежат не только к русскому роману, но даже к русской [политической] истории как [обработанный] отмеченный факт, несомненный и обработанный на веки веков художником в художественное произведение. Но ныне, — ныне художник уже не мог бы написать такого романа ◊

31–35 тех героев, которые ∾ в современном типе совсем иначе / [этих] тех героев и лиц, которые проведены [художником] через три поколения [еще] почти с начала [наше⟨го⟩] столетия, — внук этих героев не мог бы быть изображен иначе ◊

37–38 Должен явиться ∾ мог бы признать / мог бы быть изображен каким-нибудь чудаком, [— археологом, помещиком, заводчиком] например, таким каким-нибудь лицом, которого читатель с первого взгляда признает ◊

39 *После:* не за ним осталось поле. — Горевать ли на то, и возможна ли симпатия к тому, что само было и ложно, и искусственно, и ⟨*нрзб.*⟩? О, взамен того можно прямо описывать ломку и мусор, чтоб быть современнее ◊ *На полях помета:* Считать ли за роман?

45–46 на сей раз ∾ быть вполне откровенным / позвольте уж мне быть откровенным ◊

46 *После:* откровенным). — *начато:* Вот его родовое

Стр. 455.

1–2 не распространяюсь ∾ из родоначальников / *а.* ничего не скажу *б.* не распространяюсь ◊

3 коммунар / комюнар ◊

6–7 множества / *а.* весьма большого числа *б.* бесконечно даже много

9–11 про сына его и говорить не стану ∾ и других доведут / про камер-юнкера и говорить не стану, у кого глаза есть, те знают, до чего дойдут [эти] подобные молодые люди и, кстати, и [⟨*нрзб.*⟩] других доведут ◊

12 и чем же не с характером девица / *а.* тип замечательный *б.* лицо замечательное ◊

15–22 Скажите мне теперь ∾ вы — *член случайного семейства* / *а.* Итак, спрошу вас: неужели же это семейство (несомненно родовое) есть тип родового семейства русского, еще так недавно возводимого в идеал? Затем остается другое семейство, *случайное*, к которому принадлежите и вы и из которого вы намеревались бежать, ища благообразия. [Про него, разумеется] Распространяться [ничего] не буду, [но вот тип вашей обстановки] но определить собственно вас как лицо могу — вы член *случайного семейства б.* Итак, спрошу вас: неужели же это семейство (несомненно родовое) есть действительно тип родового семейства русского, еще так недавно возводимого в идеал, и случай ли только факт такого семейства, или, напротив, не будет [ли] верен вывод, что множество таких, несомненно родовых семей⟨ств⟩ русских с неудержимою силою массами переходят, сами не знают того как, в случайные семейства и эфемер⟨ные⟩. Я написал «случайное семейство» — это мое слово и мне принадлежащее определение, но навеяли его мне вы, Аркадий Макарович, и рукопись ваша. Вы не что иное, как член и даже представитель русского *случайного семейства* ◊

26 *После:* семейства — нашего

27–29 и без ∾ быть художественно законченными. / *а.* и дело это во всяком случае еще текущее и неоконченное *б.* хотя всё же и надо хоть кому-нибудь да начинать, тем и главна неблагодарная работа, да и тема эта во всяком случае еще текущая и отнюдь не оконченная и чего, боже сохрани, даже, может быть, едва лишь начавшаяся ◊

30–33 *Текста:* Во всяком случае ∾ и... ошибаться. — *нет.*

34–45 Но такие «Записки» ∾ созидаются поколения...» / но такие «Записки», искренние, [и без претензий] как ваши, [есть] бесспорно могли бы послужить чрезвычайно важным материалом для будущего художественного произведения, уже и исторического, [и, может быть, тоже в историческом уже виде уже о *бывших* случайных семействах русских

И делать] на тему о том, что может иногда зародиться в душе современного русского подростка из случайного типа. Вот так я и смотрю на [него. Разумеется, [тут] в подобных опытах важнее всего правдивость и искренность изложения] сообщенный вами материал.

Я исполнил вашу просьбу и насчет секрета. Несмотря на то, что [моя] многоуважаемая Марья Ивановна до сих пор с чрезвычайным жаром интересуется [вами и] судьбой вашей, я не сообщил ей о вашей рукописи, хотя и наверно знаю, что, сообщив ей, сделал бы ее несомненно счастливою, и даже на несколько дней. [О] И поверьте, она бы нисколько не обиделась на несколько колких замечаний ваших (и многоуважаемейшей Татьяны Павловны) об ее чувствительности и наклонности вообще к [романтизму] романам. Но напрасно вы, бесценный Аркадий Макарович, отнеслись несколько едко к поведению моему насчет подкинутого ребенка, в день именин моей жены. Воззрения мои собственно на этот предмет давно уже определены и всецельны ⟨?⟩ и, надеюсь, нисколько не могут нарушить ни моего и ничьего даже гуманного чувства. Но надобно вникнуть в самую суть дела, прежде чем судить окончательно. Впрочем, прекращаю и об этом. Ваше обещание приехать в Москву в высшей степени меня [радует и заранее обольщаю себя возможностью] интересует, обещаю себе заранее несколько самых приятных часов»... и т. д. и т. д. Это [ведь только] отрывки, [я] всего письма не помещаю. Во всяком случае и т. д. и т. д. Это ведь только отрывок — я всего письма не помещаю. Я не разделяю этих мыслей, но это единственная и беспощадная критика на мою рукопись, а потому я и поместил ее.

Варианты беловой рукописи (БР)

Отрывок главы VII третьей части

Стр. 373.

2–3 моим восклицанием, а может, и выражением моим: «от нее» / моим невольным [неудержимым] восклицанием.◇

4 сказал он с задумчивою улыбкой / сказал он наконец [спокойно] с задумчивою улыбкою

6 *После:* это всё отложим. — Знаешь, Аркадий, несколько дней назад ты вдруг вымолвил, в жару, одно слово, которое очень меня поразило, именно — «благообразие». Я понял это так, что в нас нет его, а что ты его ищешь, с того дня, «как себя [помнишь] начал помнить», и что потому ты бросаешь нас и идешь искать его в другом месте. Ну это точь-в-точь так и есть: зная, что не дал тебе благообразия, [что всю жизнь меня окружал лишь один беспорядок] я и не звал тебя до сих пор. Ведь приехал ты из Москвы почти случайно. [Но ты не поверишь, как стал ты мне сразу вдвое роднее и понятнее после этого твоего восклицания о благообразии! «Неужели же мы до такой близкой степени друг на друга похожи?» — вот что я тотчас же подумал. К тому же, Аркадий, я постоянно об тебе думал и уже очень давно, этому ты должен верить.]

— Но если вы так давно обо мне уже думали и, стало быть, так любили меня, то какого же надо было еще благообразия? — воскликнул я.

— Ты это так понимаешь, мой друг? Ну полно, не будем спорить... Он грустно улыбнулся. Он видимо становился грустней и грустней, и в то же время им постепенно и видимо, по мере речи, овладевало сильное и энергическое возбуждение.

6 Видишь, друг мой / Друг мой

7 у нас есть дети / есть у нас дети ◇

10 заключил тогда / заключил тогда же ◇

10–11 слишком рано завидуют / из случайных людей и завидуют

10–11 *После:* рано завидуют. — Тогда оно почти так и было: они завидовали слишком уж рано, и способности их развивались к худшему — или в молчалинское подобострастие, или в затаенное желание беспорядка...

— Беспорядка? — вскричал я.

— Да, от жажды порядка и благообразия, но всё это я считал тогда сором и был почти прав: прежде, в довольно еще недавнее прошлое, жалеть таких, как все, было незачем,[1] всё это действительно пробивалось из сору в высший культурный слой и кончало тем, что с успехом прирастало к нему. Жалеть их было нечего, что дорогой они сознавали всю беспорядочность и случайность свою, всё отсутствие в их жизни благородного и красивого, законченных форм и уважаемого родового предания.

11 Заметь, однако, что я и сам / Заметь, однако, что я, Версилов, дворянин с двенадцатого столетия, сам

12 но... извини, мой милый, я удивительно как рассеян / но... стало быть, от других причин. Милый мой, я страстно любил дворянство и люблю до сих пор. Если б я был русским романистом и имел талант, я бы непременно брал моих героев из русского родового дворянства, потому что лишь в этом типе русских людей возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, даже, может быть, того самого «благообразия», которого [2] мы с тобой оба ищем. Ты смеешься? Но я почти не шучу.[3] Еще Пушкин наметил сюжеты будущих своих романов в «преданьях русского семейства», и поверь, что это всё, что у нас есть красивого. По крайней мере это всё, что есть у нас хоть сколько-нибудь завершенного. Я не потому говорю, что я [Версилов] так уж вполне согласен с правильностью этой красоты,[4] но потому, что в основах этого высшего слоя [лежит] лежало бесспорно нечто незыблемое и неоспоримое. Тут [есть] были уже законченные формы чести и долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только не закончено, но даже и не начато. Там хороша ли эта [5] честь и верен ли долг — это вопрос второй, но важна собственно эта [6] законченность [форм] и хоть какой-нибудь да порядок, не приказанный, а самими людьми уже нажитой порядок. Боже мой, да у нас в России всего важнее хоть какой-нибудь, да неприказанный порядок! Да ведь тут вся надежда, тут отдых глазу: хоть что-нибудь, да не ломка, не щепки, не мусор и сор, из которого вот уже двести лет ничего не выходит! Хоть какая-нибудь, да в самом деле вера была.

— А народ, а Макар Иванович, — пролепетал было я, — но он не ответил мне, почти совсем не расслышав: он был очень задумчив.

— Ныне, — продолжал он, как бы углубляясь в себя, — с недавнего времени, а впрочем, может быть, уже очень давнего, происходит у нас нечто совсем обратное, то есть не сор прирастает к высшему культурному слою людей, а, напротив, из красивого типа отрываются с веселою торопливостью куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими. И далеко не единичный факт или случай, что отцы смеются над тем, во что хотели бы верить и что хотели бы уважать их дети; мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость [из-за права] о праве на бесчестье, которое они вдруг из чего-то вывели целою массой. О милый мой мальчик, либералов и истинных друзей человечества и России [7] вовсе не так много у нас, как это нам вдруг показалось... Я опять заболтался, — как бы очнулся он вдруг, — извини.

15 *После:* существ. — О, в наших школах всегда есть такие, носящие в себе мысли не в размерах своей школы и своего товарищества. [Я сам был немного в этом роде.]◊

---

[1] прежде ∾ было незачем *вписано.*
[2] *Над строкой:* имен⟨но⟩ он ⟨?⟩ искал
[3] *Над строкой:* Сын недворянина
[4] так уж вполне ∾ красоты *вписано.*
[5] эта *вписано.*
[6] собственно эта *вписано.*
[7] и истинных ∾ России *вписано.*

16 как и ты / как и ты, мальчпк
16 *После:* товарищей — и уединялся [от них] в школе
18 *После:* жаждой благообразия — О, в нашем юношестве столько честности и чистоты, столько искания правды и жажды жертвы, и в то же время такая уродливость эгоизма, а вне их такое жалкое отсутствие чего-нибудь бесспорно достойного в их глазах уважения, что этого нигде и никто не поймет, потому что этого нигде и никогда не бывало.
18–19 именно — «мстительной» *вписано позднее.*
19 я опять уклонился / Я, собственно, забыл, об чем [начал] стал говорить
21 мечты / мысли и грезы◇ *Далее: а.* к тому же ты впрямь жил один, всё один *б.* ... среди чуждых товарищей.
21–22 я, собственно ∾ говорить / довольно. Кончим эту материю! Я немного рассеян
22 Впрочем, всё же надо было это / Но всё же надо было всё это
23 А прежде, прежде / А раньше — раньше
24 ведь даже / ведь еще даже
25 не мог поверить / не мог знать и поверить◇
27–28 *Фразы:* Он действительно ∾ растроган. — *нет.*
29 Мне теперь / О, мне теперь
32 странствия / странствования◇
34 занавес опускается / занавесь опустилась◇
37–38 Это ты должен знать. *вписано.*
38 объяснил ей тогда / объяснил ей◇
40 *Фразы:* Об тебе ∾ ни минуты. — *нет.*
43 Участвовать / Чтобы участвовать
44 наверно, всю жизнь участвовали / наверно, участвовали◇
45 не сдерживаясь / восторженно◇
46 мой друг / мой милый
46 *После:* не участвовал — улыбнулся он
47–48 я люблю твои восклицания, мой милый / ты ничего и вообразить не мог для меня лестнее и почетнее. Я люблю твои замечания, мой милый.

Стр. 374.

6 мой друг / мой милый
7 *После:* освободителями. — Царь освободил, а мы [т. е. такие, как я] освобождали. [то есть такие, как я]◇
9 даже и не потому / даже вовсе и не потому◇
10 за мой / за свой
10 *После:* за мой либерализм. — *а.* Мы все ничего не получили, тогда вся Европа была полна дворянами, благодушно бежавшими от своего дворянства. Я веровал и веру никогда не терял, ни прежде, ни после. Мошенники, греющие руки около новых идей, их приверженцы и предатели, наглые нахалы свободы, в которых я разглядел рабов, — всё это вовсе не имело надо мной такой силы, чтобы вывести меня из себя и заставить убежать от себя. *б.* Мы и все ничего не получили, [мы] то есть [этакие, как я] опять-таки такие, как я. Мошенники, гревшие руки около новых идей, нахалы свободы, в которых я разглядел рабов, — всё это вовсе не имело надо мной такой силы, чтобы вывести меня из себя и заставить убежать от них.◇
10 все тогда ничего / все ничего
14–15 было грустно / было очень грустно
15–16 действительно, может быть, не больше / да, не больше; на тысячу населения по одному, стало быть, всё остальное пошло на выработку красивого типа
18 говорю / говорю всё это
18 в какой-то странной надежде / с какой-то странной надеждой
19 *После:* белиберду. — Но если б ты даже понял хотя сотую долю, то и того довольно!
19–20 Я призвал тебя по капризу сердца: мне уже давно мечталось / Я призвал тебя, потому что мне уже давно мечталось◇

20 скажу тебе / открою тебе

21 *После:* впрочем... — *а.* Я заговорился *б.* Может быть, я всё говорю лишнее.

22 Нет, говорите, — вскричал я / Говорите, говорите, — вскричал я неудержимо

23 *После:* искренность — и правдивость... и клянусь, пойму вашу исповедь! Что же

24–25 Да и что такое ∾ не понимаю. *вписано.*

26 Воскресила ли меня Европа? / Тогда?

28 повторил / воскликнул

32 живал / бывал

32 в Европе / в Европе подолгу

33–34 с такою безотрадною грустью и... с такою любовью, как в то время / *а.* с такою безотрадною грустью в сердце и с такою любовью к ней, как в этот последний раз *б.* с такою безотрадною грустью в сердце и с такою любовью к «преходящему миру», как в этот последний раз *в.* с такою безотрадною грустью и... с такою любовью◊

35 тогдашних *вписано.*

36 Это случилось еще в Германии. / *а.* Это случилось в Германии. *б.* Это случай, но он тебе разъяснит мое сердце. Это было в Германии.

36–37 Я только что выехал из Дрездена и в рассеянности проехал станцию / Я в рассеянности проехал как-то раз станцию

Стр. 372—373.

40–12 *Рядом с вариантами к тексту:* складка, которую я не желал бы встретить ∾ извини, мой милый, я удивительно как рассеян — *на полях и между строками наброски:* У Версилова два семейства — родовое и случайное.

Положение романиста в таком случае было бы совершенно определенное, исключительное ⟨?⟩

Такое сочинение, может быть, даже уже есть, и оно останется документом в русской истории, но оно может быть уже не иначе как в роде лишь историческом.

Левин же мизантроп.

Дергачев. Кто виноват, что они находят красоту в таких глупостях. От вопросов только щемит душу.

Это материал, в котором есть, впрочем, характерные вещи. Мне очень неприятно, что вы так долго держали и не выпускали ваш документ ⟨*нрзб.*⟩ Анна Андреевна

— Что до вашей идеи, то об ней, конечно, ровно ничего не скажу.

— Она вас спасет от увл⟨ечения⟩ Но идея не новость. Я не удивлюсь, если каждый умный или сомневающийся мальчик уже имеет идею.

Дергачев.

Их *тысяча.* Сила глупеньких или мошенников.

Великая историческая картина, которая останется в русской истории.

Один — известный тип, в котором заключается, может быть, гибель России, другая — 1000 с *неспевшимися* голосами.

Остался лишь непочатый народ, но ведь что-то он еще выдумает. Он невольно должен будет поставить ⟨*2 нрзб.*⟩ Но оставим и возвратимся к романисту

Варианты наборной рукописи (НР)

Главы V—VIII третьей части

Стр. 338.

45 *После:* покраснела. — Казалось, она проникнулась сильным и глубоким чувством при взгляде на меня

Стр. 339.

5 уж слишком эффектным участием / уж слишком сильным ее участьем◇
9–10 нашли уже без чувств / нашли безчувственного
31 ответил я / проговорил я

Стр. 340.

2 подняли уже. / подняли уже!
13 сгублю даже репутацию / сгублю даже самую репутацию◇
17 с необыкновенным одушевлением / с необыкновенным воодушевлением
20–21 (хоть и искренно ∾ можно и искренно) *вписано.*
24 во всем *вписано.*
27 великодушен / великодушный
39 так чего же / то чего же
43 как господин Ламберт *вписано.*
47 *После:* как спасителя — от всего этого.
47–48 винить меня за то, что я / винить меня, Аркадий Макарович, что я

Стр. 341.

6 у меня опять / у меня совсем◇
25–27 то есть на квартиру друга; ведь вправе же он считать вас по крайней мере хоть другом!... / тем более, что он так вспоминает об вас
29 и, наконец *вписано.*
38 тогда *вписано.*
40 и *вписано.*

Стр. 342.

1–2 вам сказал об отставке? Может быть, никогда этот господин не был в такой силе, — язвительно усмехнулась она / вам это сказал? — язвительно улыбнулась она
24 слишком уж *вписано.*
32 а только *вписано.*
34 а заготовлен / он заготовлен
41–42 несмотря на мой отказ ∾ к Ламберту *вписано.*
43 она узнала / она знала◇
44–45 от Ламберта, к которому потому и посылала меня сговариваться? / *а.* от Ламберта? *б.* от Ламберта, [с которым] к которому посылала меня сговариваться.◇
48 *После*: с негодованием. — Но только и проврался же я так, что вперед уж больше так не надо, — все-таки прибавил я в раздумье.

Стр. 343.

2–3 Где же было ∾ любопытством? *вписано.*
5 в тех же нумерах / в тех же номерах◇
22 старался вникнуть / глядел на них
27–28 как-то не в меру пристально и с какой-то совсем даже ненужной / как-то странно пристально и неподвижно и с какой-то как бы ненужной
39 *После:* галстух — длинную
40 или почти уж тесемку *вписано.*
43–44 вытягивал / вытянул
44 спустив шинель с плеч / шинель спустил с плеч

Стр. 344.

3 его *вписано.*
4 галстух / галстучек
5 сейчас *вписано.*
6 пробормотал / спросил вдруг
22 и в «Indépendance». Долгорукого / и в «Indépendance», и Долгорукого ◇
28 всех-то / всех
28 обернулся / обратился
30 Извините, вы / Ведь вы
31 *После:* знаете — покраснел я

Стр. 345.

2–3 Ну да, и в вагонах ∾ прикидываться дураком. / Ну да, и в вагонах, и на водах, я был летом; ах, это пресмешно

3 *После:* прикидываться дураком — пояснил мне мальчик

5 тот / он

6 повернувшись / оборотясь

6 с совершенно неподвижным / с совершенно прежним, неподвижным

7 принялся / начал

9–10 с беспокойством заметил мальчик / крикнул мальчик

13 отпер / отворил

20 Аркадий / Аркашка

25 *После*: первому! — [крикнул] воскликнул я

26 закричал / крикнул

28 *После:* La voilà! — [вскричал] указал Ламберт

33 Аркадий / Аркашка

33 сговорились / уговорились◇

34 у татар / у Дюссо

35 я этих / я их

35 тогда наболтаемся / тогда мы наболтаемся

40–41 за нами, несмотря на слова Ламберта. Мы все стояли. / *а.* за нами, мы все стояли. *б.* за нами, несмотря на невежливый прием

Стр. 346.

9 в самом деле / действительно

14 чуть не кинулась / чуть было не кинулась

19–20 вытянул перед ней шею, пока та повязывала / *а.* протянул и ей шею *б.* вытянул и перед ней шею, пока та повязывала

36 только *вписано.*

Стр. 347.

1–2 продолжал / крикнул

8 достаточно дал и на шляпу / достаточно давал, давал

19 куплю Андрееву тотчас шляпу / *а.* куплю тотчас же шляпу *б.* куплю Михайлову тотчас же шляпу◇

29 и *вписано.*

30–31 не знал вовсе / не знал совсем

33–34 С этим криком вышли и на лестницу. Ламберт погнался / [Оба они вышли на лестницу] Так, крича, они вышли и на лестницу. Ламберт [даже] погнался

39 хоть наконец / хоть наконец-то◇

Стр. 348.

13–14 воспитание в хорошем доме, можешь представить! / воспитание в хорошем доме; в хорошем доме, можешь представить!◇

26 нет *вписано.*

32 даже *вписано.*

32–33 подходить близко / подходить к себе

33 при офицерах / при людях

34 Я дал бекасов! Только я отомщу. / Я дал ему бекасов. О, черт их дери!

35 в Москве *вписано.*

36 и ты меня в трактире вилкой пырнул / где ты меня вилкой пырнул

39 один я, ты помни / один я люблю, ты помни

Стр. 349.

2 прежде бывал / *а.* прежде бывал иногда *б.* прежде иногда бывал◇

10 не ушел / не ушел от них

13 с одной / с одною◇

14 чуть ли не с моего детства / чуть ли не с первого моего детства◇

21 *После:* а Ламберт — *начато:* имел глу⟨пость⟩

21–22 что, сажая нас ∾ и, стало быть / что не счел нужным, сажая нас за одним столом, нас познакомить
22–23 тот меня мог / и он меня мог◇
25 не сказал / не проговорил
26–28 Говорил он ∾ лишь отделывался / Во весь обед он почти шепотом едва слышно проговорил о чем-то с Ламбертом, говорил больше Ламберт, а рябой отделывался
27 почти один / больше
28 лишь *вписано.*
29 Он держал себя / С Ламбертом он держал себя
34 не сказав / не проговорив
38 *После:* Ламберт. — Тотчас же
38–39 Мысль ∾ взбесила меня опять, а *вписано.*
40 глупейшее / наивно-глупое
42–43 подумал я, ненавидя его в ту минуту от всей души / подумал я свысока
46 Андреевым / Михайловым◇
46 *После:* Тришатов. — *а.* Мы ели молча и даже, кажется *б.* Общего разговора не завязывалось

Стр. 350.

1 он / Ламберт
15 я вижу *вписано.*
18 чужих *вписано.*
21 в этой комнате / в этой зале
22 разные *вписано.*
22 господа / люди
28 Андрееву / Михайлову◇
28 Тот оглядел его / Тот повернулся и оглядел его◇
31 прислушивался молча / прислушивался и присматривался молча◇
32 Андреева / Михайлова◇
32–33 почему-то понравилась / очень понравилась◇
35 Это он ∾ деньги! *вписано.*
37 ему — *вписано.*
38 промычал / произнес
38–39 Это уже совсем ∾ захихикал. / Рябой был в видимом восхищении и злобно захихикал.
42 сдержать / удержать
42 Андреев / Михайлов◇
45 средних лет господа / средних лет осанистые господа
45 очень *вписано.*
48 Маленький поляк / Толстый и маленький поляк

Стр. 351.

1 он тотчас / он тотчас же◇
2 *После:* печеночных людей — *начато:* непринятых в обществе и
5 по привычке / по смешной привычке◇
8 Он повернулся к полякам и / Он молча поднялся из-за стола, молча и не торопясь подошел к полякам, стал в упор перед ихним столом и
15 глупо *вписано.*
16–17 *После:* Поляки вскочили с места — *начато:* Нáке и Мáдье де Мóнжо! — уже прокричал он в третий раз усиленно.
17–19 выскочил из-за стола ∾ перед ними / *а.* выскочил из-за стола, бросился к нему и, схватив его за руку, стал было отдергивать от поляков, но тот не пошевельнулся и на вершок. Ламберт принялся было униженно извиняться перед поляками. *б.* выскочил из-за стола, [как потерянный] бросился было к Михайлову, но, оставив его, подскочил к полякам и принялся униженно извиняться перед ними. ◇
19 *После:* перед ними. — Je suis le citoyen de la butte aux cailles ⟨Я гражданин перепелиной пустоши *(франц.)*⟩, — вдруг громко объявил dadais, оборачиваясь ко всей зале,

21 маленький *вписано.*
21 весь красный, как морковь, от негодования / *а.* краснея *б.* краснея от негодования
23 больше смех / вместе и смех◇
24 Выходите... пожалуйста / M-r Lambert, je veux beaucoup de l'argent et tout de suite ⟨Г-н Ламберт, я хочу денег, и тотчас же *(франц.)*⟩, — вдруг и чрезвычайно явственно отчеканил Михайлов Ламберту.
— Да, да, вы получите, но выходите, пожалуйста
25 Андреева / Михайлова◇
25–26 усиливаясь как-нибудь вывести Андреева из комнаты / всё еще усиливаясь хоть капельку сдвинуть его с места.
26 Тот, пытливо / Михайлов пытливо
26 что он / что тот
27–29 Вероятно, он уже не раз ∾ деньги. *вписано.*
31 как скверно / как это скверно◇
33–34 прошептал на этот раз уже с разозленным / прошептал с разозленным◇
36 Тот / Рябой
36 кофе / кофей◇
37–38 И однако, вся история была простым лишь школьничеством. / дело у них, очевидно, не сладилось
38–39 с чашкою кофе / с чашкою кофею◇
41 всегда со мной об этом говорил / говорил с своим родным братом
42 Андреев / Михайлов◇
42 несчастен / несчастлив

Стр. 352.

1 и только / вот как в этой butte aux cailles, в Париже лохмотники
2 Но поверьте, что это он — только так. / Но поверьте, что мы оба хотели быть чистыми, а это он — только так
2–5 И знаете, я даже ∾ или когда / Верите ли, он иногда ночью или когда
5 начинает / пачпет
7 *После:* жальче — потому что я уж вижу, что он не притворяется
25 Мне лишние ∾ необходимые. *вписано.*
31 Готический собор / Знаете, готический собор
41 приходила / ходила
42–43 страстнее, стремительнее / страстнее, жальче [знаете ли]
43 ноты выше / ноты выше, всё выше, напряженнее
44 и, наконец, отчаяние / и, наконец, почти крах и отчаяние

Стр. 353.

2–3 всё выше *вписано.*
3–4 «Конец всему, проклята!» / «Конец всему, нет теперь мира душе твоей!»
8 обморок / падает в обмороке
9–10 и тут вдруг громовый хор. Это — как бы удар голосов, хор вдохновенный / *а.* и тут вдруг страшно гудит орган, общий хор, вдохновенный *б.* и тут вдруг — громовый хор, это [уд⟨ар⟩] как бы удар, хор вдохновенный
12–13 в восторженный, ликующий, всеобщий возглас: «Hossanna!» / в бесконечный славный крик — «Hossanna»!
14 и вот тут опустить занавес! / и тут опускается занавес
16 а только всё мечтаю / я только мечтаю
17 я и ночью мечтаю *вписано.*
28–30 созерцанием в детской ∾ как загадка / созерцанием как в детской, чистой тринадцатилетней душе, почти удивленной [и благоговейной], с пробуждающеюся высшей мыслью о жизни и с загадкой о жизни, как этот закат и как этот собор, потому что и то и другое загадка
32 выразить / сказать
32 мысли / молитвы
33 *После:* любит — как молитвы

34 дед / дед ее
37 Вот прекрасное! / Вот прекрасное! вот прекрасное
37 *После:* невинность — тут незащищенность, тут чистота...
37 что тут *вписано.*
38 Я всё в гимназии романы читал. *вписано.*
40–41 нашими старыми *вписано.*
42 друг другу / себе
43 будем прекрасными / будем также прекрасными
43–44 я тогда в университет [поступал] готовился *вписано.*
48 так братски / так по-братски

Стр. 354.

4 Андреев / Михайлов◇
9 Счет! — проскрежетал Ламберт прислуге. / Это нестерпимо! — проскрежетал Ламберт. — Счет!
12 вы приняли / [ведь] вы же приняли◇
15 уплатил особо / уплатил ее особо
18 *После:* не простившись — и не раскланявшись
19 слуге *вписано.*
21 Андреев / Михайлов◇
23 Андреев / Михайлов◇
25 унизительно / униженно
26 Андреев / Михайлов◇
27 еще давеча *вписано.*
29 двадцать пять / двадцать пять рублей
32 подал / сервировал
33 непременно / по крайней мере
34 вот тебе / итак, семь и восемнадцать
34 и *вписано.*
38 Андреев / Михайлов◇
39–40 рявкнул он в последний раз / закричал он на улице
41 можно / можно, можно?
41 пролепетал мне / проговорил
42 *После:* за своим другом. — Конечно, приходите, буду ждать. Он крепко пожал мне руку и вдруг поцеловал ее. Ей-богу, не вру, правда, он там выпил бокалов десять, если не больше.
45 *После:* ошалев — [как будто] точно не в силах еще сообразить

Стр. 355.

3 встрепенулся он / встрепенулся он на меня
4 *После:* останемся! — Если б не этот проклятый, я бы давно... О, проклятие!
10–11 милютинская лавка / Милютина лавка
11 мы устриц есть не будем, а я тебе дам шампанского / мы сядем в задней комнате, где едят устриц, только устриц есть не будем, а раскупорим шампанского
13 Это тебе ∾ смеялись. *вписано.*
15 не мерзавец. А я и сам / не мерзавец.
— Э, черт с ним
— Я и сам
17 есть свой характер / есть свой характер али нет◇
18–19 чем у тебя, потому что ты в рабстве / чем у тебя, может быть, который в рабстве
19–21 Ты нас осрамил ∾ били в трактирах? *вписано.*
20 прощения просил. Знать, тебя часто / прощения просил, а всё то дело имело вид пустого школьничества. Знать, тебя часто◇
22–24 духгак! — вскричал ∾ боишься, что ли? / духгак! Ведь ты сам знаешь, что надо. Да ты боишься, что ли?
23 презрительным нетерпением / нервным нетерпением
28 Глава шестая / Глава вторая◇

31 я бы говорил / я бы и говорил◇
34 приказал подать шампанского / приказал шампанского◇
35 вином очутился / вином и с легкими искрами вместо пены очутился

Стр. 356.

1 Он ужасно рассердился / Действительно, он до того был нетерпелив, что откровенно рассердился◇
10 всегда *вписано.*
12 как-то машинально взял бокал и отпил / протянул руку машинально и отпил
14 еще *вписано*
17 Андреев / Михайлов◇
18 за то *вписано*
19 мне заплатит / мне за это заплатит◇
21 теперь и остался / и остался теперь
22 теперь заключаются — а? *вписано позднее.*
26 принял / принимал
28 продолжал / сказал
33 сразу *вписано.*
40 опять *вписано*
42 Вот что, Аркадий / Видишь, Аркадий
43–44 обожаю / люблю
47 это *вписано позднее.*

Стр. 357.

2 отбил рукой / отбил от нее рукой
3–4 она знает, что у тебя нет отца и что тебя можно обидеть / как же она может любить труса после такого?
7 как с шестнадцатилетним каким-то / как с девятилетним мальчиком
9 всё *вписано.*
19 Знаю / Я знаю
20 не смел говорить / не смел теперь говорить!◇
22 ух как нос подымала *вписано.*
25 опять *вписано.*
31 Альфонсина ∾ гнушалась *вписано.*
35 всё — *вписано.*
38–39 И наконец, всё это ∾ просто говорил! *вписано.*
40 Ишь рассердился! / Вот оно что! Ишь рассердился!◇
41–42 *После:* что мне надо — было узнать.
43 а Бьорингу / а тому

Стр. 358.

1 это лучше / это я одобряю◇
2 нельзя тебе / нельзя тебе поступить◇
2 *После:* остановился — потому, главное, что она сама к тебе [неравнодушна] благоволит.
3–4 которого ты можешь верхом оседлать / на котором ты можешь верхом ездить◇
4 этот друг / этот-то друг◇
5 всё *вписано.*
5–6 старому товарищу / старому другу
6 тридцать тысячек / *а.* тридцать тысяч *б.* тридцать тысченок◇
6 А я помогу / А я помогу, помогу◇
11 видел ясно / видел, что
11–12 верил и даже принимал / верит и даже принимает
13 наверное / наверно◇
15 в такую фантазию / в мою женитьбу
16 стремительно / беззаветно
17 что это, конечно / *а.* что это *б.* что это, пожалуй

17–18 осуществиться / случиться
21 за тебя *вписано.*
23 до того простодушно / так простодушно
29 она еще потому / она, главное, потому◇
34 Это я тебе серьезно ∾ полагает. *вписано.*
39 пойдем ко мне / приходи

Стр. 359.

2 говорил, после морозу, что она в тебя влюблена / говорил мне, после морозу, что она тебя любит
11–12 столько денег пропадет / столько потеряет◇
12 это я / это уж я◇
18 *Фразы:* В Австрии можно барона купить. — *нет.*
26–27 Ламберт был так глуп и подл, что стыдиться / *а.* Ламберт был так глуп и ничтожен и до такой степени сам верил в эту фантазию, что стыдиться *б.* Ламберт был так глуп и ничтожен и до такой степени был наивен в своих подлостях и сам верил в эту фантазию, что стыдиться◇
30 с другим я бы / с другим бы я
36 все-таки *вписано.*
39–40 А она его боится, этого человека. *вписано.*
41 это *вписано.*
41 про твоего отца / про Версилова
45 Ведь все-таки — сын ∾ стыдно будет. *вписано.*

Стр. 360.

2 начнет мстить / начинает мстить
3 то на всё лезет / то бывает в таком исступлении, что на всё лезет◇
4 из-за возвышенных принципов / из-за возвышенного какого-то вздору, из принципов◇
5 на все общие / на все эти общие◇
6 общие *вписано.*
8 этих *вписано.*
8 ничего *вписано.*
11–12 еще одну бутылку / еще бутылку◇
15 ты расскажешь / ты всё это расскажешь◇
17 но ты / ты
30 как кажешься / как кажется
30 Я тебя люблю. / Я тебя даже люблю◇
30–31 Ах, Ламберт, зачем ты / Ах, Ламберт, зачем, зачем ты
31 Тогда бы мы так весело стали жить! / Тогда бы мы так весело зажили!
38 что уже *вписано.*

Стр. 361.

1 не пойду / не пойду, Ламберт
2 *После:* рукой. — Я не знаю, для чего я теперь так тебе нужен и таким пьяным (главное, таким пьяным!), но я тебе не верю ни на грош, знай ты это!◇
12 за мной / за мной, Ламберт◇
13 тронул / тронулся
13–14 из рук Ламберта / из рук его◇
25 *После:* в голове — вот что было со мной.
27 *После:* так легко — и без затруднений.
27 мимо гауптвахты / мимо абвахты◇
30 очень нравилась и площадь / всё было мило
31 проспект, — думал я, — а потом / проспект, а потом◇
32–33 это прекрасно, всё прекрасно / это прекрасно, — думал я, — всё прекрасно
34 *После:* говорят, воры — Милые воры...
35 я, может, и отдам / я, может быть, и отдам

36 *После:* le vol. — А если Прудон так не любит vol, что даже ругает словом vol ненавистную propriété, значит, он должен любить противоположность vol, т. е. propriété. Э, черт! Да ведь это так! Да-с, неловко выразились, г-н Прудон, cercle vicieux ⟨порочный круг *(франц.)*⟩
36–37 какой вздор и как всё хорошо / какой я вздор [говорю] несу и как всё хорошо
38 Хорошо и вздор нести. *вписано.*

Стр. 362.

4 он много тут налгал / он что-нибудь тут солгал
8 *После:* у него план — это очевидно
11 *После:* и верит. — А может, и может
12–13 соединясь вместе, — великая сила / иногда вместе сила
13 *После:* великая сила. — Смешной человек, однако, этот Ламберт, я думал, что он хитрее
13 боялись Ламберта / боялись его
24 мечтал о том / мечтал об том ◊
36 как бы в секрете *вписано.*
38 Вот с тех-то пор / Вот с этих-то пор
40 *После:* иногда идет... — А впрочем, и все-то мои записки, может, не стоило бы писать. ◊
44 Страшно скверно! / Скверно! Страшно скверно! ◊
44 *После:* Страшно скверно! — А однако ж, и это...
46 так сказать, отца *вписано.*

Стр. 363.

6 *После:* как дым. — Всё негодование, стало быть, таилось во мне сначала, еще в переговорах с Ламбертом, но я только сдавливал и не хотел поднимать, мечтая, но всё вдруг вырвалось и поднялось разом
8 что я ... влюблен / что я... потому что влюблен
9 вовсе *вписано.*
10 потом его деньги / потом его денежки
11 *После:* его могущество. — С таким капиталом (а капитал нужно взять, даже и не взять, его надо тяпнуть, даже и не тяпнуть, его нужно подтибрить, и Ламберт прав, прав в высшей степени).
16 припоминались / припомнились
18 *После:* этих идеалистов! — Он не идеализирует потому, что он не влюблен, то есть не уверяет себя как дурак, что влюблен, и в таких уверенностях не может находить наслаждения
19 Она увидит / Она испугается, увидит ◊
20 *После:* подлец — это правда
28 употребить «документ» / употребить, так сказать, коварство и «документ»
31 *После:* все загладится — настрою школ, заведу стипендии
31 А теперь *вписано.*
33 теперь *вписано.*
35 хмельной *вписано.*
35–37 Конечно, это ∾ привести их, потому / Я должен был привести его потому
39–40 *Текста:* Вино же не оправдывало. In vino veritas. — *нет.*
46 слышно было *вписано.*

Стр. 364.

13 тогда *вписано.*
28 тут не длинный / был не длинный
32–33 а вместе с ним ∾ мысли *вписано.*
32–33 неблагородные мысли / неблагородные давешние мысли
34 и хотела / и хотела было ◊
43 только на вершок / лишь на вершок ◊

Стр. 365.

6 он / Макар Иванович
8 задрожало в душе / задрожало и запело в душе
11 сами *вписано.*
15–16 с светлым взглядом / с светлым лицом, с светлым взглядом◇
16 протягивала / протягивая
25–26 такой совсем уж малолетней пошлости / такой низкой мысли
32 в удивлении / нахмурившись
35 какой человек / какой это человек
38–39 и весь нахмурясь *вписано позднее.*

Стр. 366.

3 воскресали / воскресли
10–11 Да вы теперь-то ∾ я вдруг / За кого же вы больше боялись: за себя или за него?
12 *После:* оставим их. — Нет, еще вопрос: вы всё говорите про маму, уж не знаете ли вы и ее, гораздо или несравненно больше, чем это может казаться?
— [О, непременно так] Да, очень знаю, я виделась с нею несколько раз, но оставим и это, и какой вы вдруг любопытный!
15 кто воскрес / кто воскреснет◇
23 разве можно / разве возможно◇
25 могли выйти / вышли
25–26 после всего, что было *вписано.*
28 Всё, должно быть, знаю / Как не знать, всё знаю
30 всякого / того
42 не рассказывайте ничего / подробностей

Стр. 367.

3 или вроде того *вписано.*
5 Ах, да ведь я / Ах, боже мой, да ведь я◇
6 *После:* в мое лицо. — *а.* Она засмеялась, но я видел, что через силу, ей было не до шуток. *б.* Она засмеялась, потому что было смешно, но я видел, что ей было совсем не до шуток.◇
10–11 *После:* с видимым нетерпением. — Вы не можете простить меня! — твердо проговорил я, — не в том дело, что я хотел жениться, я за это уже довольно наказан теперь тем, что стою перед вами и гляжу вам прямо в лицо, не в женитьбе главное, а в средствах. Знаете ли вы, какие были выбраны средства, можете ли их хоть капельку угадать?
— И знать не хочу.◇
13 Довольно, вы меня / Довольно, перейдем на другое, вы меня◇
19 (Я ей не солгал.) / (О, я ей не лгал в ту минуту!)◇
20 Напрасно так себя / О, напрасно себя
23 *После:* двадцать лет. — Но это низко!
— Но вы проговорились *ему,* только одному ему.◇
24 поняла, но уже / поняла потом, но уже
25 была тогда *вписано.*
27 в дом *вписано.*
27 *После:* та ночь. — Всё это я предвидела.
31 *После:* вскричал я — но я не понимаю, как я могу это теперь слушать, я недостоин, недостоин!
— Почему недостойны?◇
35 Мы еще / А знаете, мы еще
48 *После:* Он теперь очнулся. — *а.* Это был взрыв и — последний. [Это только в нем досада говорила]. Я даже подозревала, что в нем досада говорит и больше ничего. И наконец, нам уже сорок семь лет, не забудем этого. *б.* Это был взрыв и — последний.◇
48 Да и как ему / Да и как же ему◇

Стр. 368.

8 Это он только говорил / Это он вам [и другим] говорил ◇

8 у него про себя есть другой секрет / Но он никогда не говорил этого себе самому

12–13 чтоб не расспрашивать / чтоб не выслушивать и не расспрашивать ◇

16–17 *После:* больною кровью... — не знаю, как это выразить

17–18 Я жизнь люблю / Я жизнь люблю, [Аркадий Макарович] страстно люблю ◇

18–19 *После:* малодушна... — [Ну что ж, потом мне его же жалко стало, так что...] Ну да я уж сознаюсь вам во всем: я таки посмеялась и тогда, несмотря на то, что было и жалко его: вообразить только, что я вас развращаю! «Вы развратительница детей!» ◇

20 всё там / всё у гроба

25–26 даже сейчас же / даже сегодня же

25–26 даже ∾ очень приятно *вписано.*

33 выглянуть из дверей и окликнуть / окликнуть

39 мою шубу / свою шубу ◇

42 поражен был вопросом / поражен был [и еще] большим вопросом ◇

44 *После:* на маме — и, стало быть, от нее отвяжется

Стр. 368—369.

45–2 или, напротив, она оттого ∾ не могу разрешить / или, напротив, она оттого несчастна? Отчего она была в волнении, отчего этого я не могу разрешить

Стр. 369.

4 *После:* роковой — *а.* но описывать всё мое собственное возбуждение и весь хаос, охвативший меня, не буду, да и не в силах. Я только помню, что спешил и торопился ужасно, сам не зная куда, но при всем том твердо веруя, что в этот вечер всё разрешится *б.* Я очень помню, что я шел и твердо был уверен, что в этот вечер всё разрешится ◇

6 по направлению к маминой квартире / по направлению к моей квартире

8 вскрикнул он радостно / вскрикнул он [в восторге] решительно

12 но тебя / одним словом, тебя

12 даже забыв попросить / даже не попрося

14 что судьба / *а.* что найду тебя и что судьба *б.* что найду тебя сегодня и что судьба

15 мне *вписано.*

15–16 и вот ты первый и встречаешься! *вписано.*

16 Идем ко мне / Идем, идем ко мне

18–19 мы оба друг друга ∾ очень торопясь / с нами с каждым случилось почти одно и то же. Мы шли торопясь

21 что оставил / что он оставил ◇

27 в ней помещалась / в ней действительно помещалась

28–29 комната для Версилова / комната, собственно, для Версилова ◇

35 и прежде / и прежде иногда

46 остановился перед ним / загляделся

Стр. 370.

2–4 но с горячим ∾ у него вовсе / и с горячо сверкавшими глазами, но в лице его было решительно восторженное выражение, выражение счастья и силы, выражение, которого я еще не знал у него вовсе

7 Он блаженно / Он счастливо, блаженно

12 к себе / к лицу

18 самую характерную мысль / самую характерную и высшую мысль

19 угадывает эту главную мысль лица, хотя бы / *а.* угадывает эту мысль, хотя бы *б.* угадывает эту главную, индивидуальную мысль лица, хотя бы

26 так жажду / так желаю

29 эти морщинки / эти начинающиеся морщинки ◇

30 у ней теперь *вписано.*

36–37 и мгновенье, и судьбу ∾ не прячут / и мгновенье, и всю судьбу, и настоящий час, и всё будущее; они экономничать не умеют, ничего про запас не прячут
40–41 что я любил ее / *а.* что я тоже любил ее *б. Начато:* что я мог
45 несравненно меньшего / но несравненно меньшего ◊
47 в то же время *вписано.*
48 выхоленного / высокого выхоленного ◊

Стр. 371.

3 что была ему не под силу / что ей была не под силу
13–15 не по любви ∾ комнате, и я / не по любви); он теперь здесь, и я
19 жениться на этой... несчастной... / жениться на Лидии ◊
22 мне *вписано.*
26 уже было всё кончено / уже всё было кончено ◊
28–29 *Слов:* да, может, если б и осталась в живых, то не сладилось бы — *нет.*
31 как давно / сколько
33–34 с беззаветною горячностью сердца / от всего сердца
34 *После:* схватил его за руку — Я вам верю; теперь я вам верю... друг мой ◊
35 Зачем вы / Но зачем вы ◊
35 *После:* не звали — ⟨*нрзб.*⟩ приехал ⟨*нрзб.*⟩ не говорили?
36–37 *После:* меня кликнули — и выговорили?
42 Ну, и унесите / Ну, унесите ◊
42 Садись к самовару. / Садись к самовару, мой милый. ◊
44 *После:* не разлучаясь. — Ты Версилов, и я знал, что ты настолько будешь иметь bon goût ⟨хороший вкус (*франц.*)⟩, чтоб не смеяться надо мной в это мгновение. Да хоть и смейся, всё равно мне будет мило
47 Подожди, это ты / Зачем с детства бросил? Зачем с детства бросил — это уж давно прошло, слишком старая история ⟨*нрзб.*⟩, а зачем теперь так долго не звал, это ты
48 *После:* поймешь теперь. — Я давно мечтал об этой минуте. ◊

Стр. 372.

3 я и вымолвил это / я воскликнул так
9 ответил он / мой милый, — проговорил он
9–10 *После:* не одна смерть — Смерть лишь факт.
10 *После:* в одну точку... — и вдруг создало мгновение.
11 *После:* и надолго! — О, друг мой, ты не поверишь, как я всю жизнь мою хотел жить и жаждал жизни; жажда жизни доходила во мне до страсти, в этой слабости я сознаюсь тебе.
12–15 Я всё разбиваюсь ∾ мальчик... / *а.* время пришло, а я давно влюблен в тебя, мальчик... *б.* Я всё разбиваюсь, развлекаюсь, хочу говорить об одном и ударяюсь в тысячу боковых подробностей. Это всегда бывает, когда сердце слишком полно и когда счастлив... Но поговорим; время пришло, а я давно влюблен в тебя, мальчик... ◊
16 еще раз оглядел / еще раз с любовью оглядел
17 повторял / вскричал
23–24 Вот что, Аркадий ∾ весь мой ответ. / Вот что, Аркадий: если б я и позвал тебя, то что бы сказал тебе? Вот весь мой ответ, и вот что разохочивало меня, мой милый, постоянно, всю жизнь, — улыбнулся он задумчиво.
30–31 на самый балаганный фокус / друг мой, решительно похоже на магию
32 *После:* себя самого — то есть почти всю мою жизнь
35 разъясню фокус / разъясню загадку
36 в странствии *вписано.*
38 и впрямь бы обиделся / *а.* и впрямь обиделся бы, но теперь — теперь покоряюсь... по крайней мере не удивляюсь *б.* и впрямь бы обиделся. Значит, всё зависит от какой-то внешней крошечной причины, ужасно не величественно.
39–40 сильно выступала / мелькнула

Стр. 373.

1–3 пораженный моим ∾ «от нее» / пораженный моим невольным восклицанием
4 сказал он / сказал он наконец ◇
6 *После:* и привел. — Тут, впрочем, много и пустяков
10 заключил тогда, что / заключил тогда же, что
15 *После:* существ. — О, в наших школах всегда есть такие, носящие в себе мысли не в размерах своей школы и своего товарищества.
10 я опять уклонился... *вписано.*
21 мечты / мысли и грезы
22 о чем стал / об чем стал ◇
22 *После:* высказать. — Я тоже мечтал, как ты ребенком, вот об чем ⟨*2 нрзб.*⟩
23 мог тебе сказать / *а.* мог сказать тебе *б.* мог высказать
25 не мог поверить / не мог знать и поверить
27–28 Он действительно ∾ растроган. *вписано.*
30 проговорил / вскричал
32 странствия / странствования
34 занавес опускается / занавесь опустилась
37 про это / про то ◇
38 тогда *вписано.*
40 Об тебе тоже не подумал ни минуты. *вписано.*
44 наверно, всю жизнь участвовали / наверно, участвовали ◇
45 не сдерживаясь / восторженно ◇

Стр. 374.

7 *После:* освободителями. — Царь освободил, а мы освобождали
9 даже и не потому / даже вовсе и не потому
10 тогда *вписано.*
11 *После:* такие, как я. — Мошенники, гревшие руки около новых идей, нахалы свободы, в которых я разглядел рабов, — всё это вовсе не имело надо мной такой силы, чтобы вывести меня из себя.
19 по капризу сердца: мне / потому что мне
34 как в то время *вписано.*
39 тотчас высадили / тотчас же высадили
43 Я скитался, друг мой, я скитался. *вписано.*
44 обставлена / обставленная ◇
45 как всегда у них *вписано.*

Стр. 375.

4 есть картина / существует картина
13 словами не передашь / словами этого не передашь
24 умирали / умирали на крестах ◇
30 сквозь сердце / сквозь всё сердце ◇
32 прорывался пук / прорывался целый пук ◇
37 над Европой / над ней
40 *После:* поздно ли — хоть не сейчас, так в будущем
40 *После:* русский европеец — то есть как дворянин русский
43 неотразимость текущей идеи / неотразимость идеи и фатума жизни
45 И кто бы / Но кто бы
46 такую мысль / *а.* мою мысль *б.* эту мысль

Стр. 376.

3 *После:* Германии — и оба они человечеству
4 *После:* ни одного европейца — и кто же бы из них мог понять меня? Опять-таки я не про себя говорю. Друг мой, будущее мира заложено лишь в русскую мысль, и, стало быть, только русский культурный [мир] тип есть носитель мирового идеала.
4-5 *После:* петролейщиками — с которыми я, как русский, был всем моим сердцем ◇

6 консерваторами *вписано.*
6 *После:* всеми консерваторами-отмстителями — с которыми я, как русский, был тоже всем моим сердцем, только я один ◊
7 хоть и преступление / хоть и ошибка ◊
8 всё же *вписано.*
9–12 Я не про себя говорю ∾ было грустно. / И, делая так, служил России гораздо более, чем если бы я был одним только русским, подобно тому как француз был всего только французом, а немец — немцем.
13 кажется *вписано.*
13 *После:* смеешься? — В Европе тоже пока ничего еще не знают об этом.
14–16 Нет, не смеюсь ∾ золотого века / *а.* Нет, я не смеюсь, — вскричал я, — вы [раздробили] пронзили мое сердце вашим видением *б.* Нет, не смеюсь, — проговорил я проникнутым голосом, — вы потрясли мое сердце вашим видением золотого века ◊
17 Я спешу вам заявить это. *вписано.*
18 *После:* от вас этого! — Никогда я не ожидал от вас столько веры и таких твердых слов
20 улыбнулся он ∾ встав с кресла / ответил он и, встав с кресла
29 он взят в высшем культурном слое / он есть высший культурный слой
39 все эти горячие речи / все эти довольно бессвязные и горячешные речи
41 именно *вписано.*
41 мне всё еще оставалась / мне оставалась ◊
43 Я эмигрировал, — продолжал он, — и мне / Милый друг, — продолжал он, — я эмигрировал, и мне

Стр. 377.

19 служу для России / служу России ◊
25 так *вписано.*
29 до тех пор мне жаль / до тех пор пока кончат, мне было жаль
31 так же была / так же точно была
32 чем люблю / чем любил
34 *После:* чем Россия. — И только в будущей мысли, которой она носительница, я ценю Россию выше всего европейского человечества! ◊
40–43 Одна Россия ∾ одной лишь Европы! / *а.* Одна Россия живет не для себя, а для всех, может быть, вот уже тысячу лет для одной лишь Европы, одна лишь Россия, и согласись, мой друг, что это знаменательный факт! *б.* Одна Россия живет не для себя, а для одной лишь Европы, и согласись, мой друг, что это знаменательный факт! ◊

Стр. 378.

8 в логике и всегда тоска / в логике-то и тоска ◊
10 эти свистки / эта ненависть, эти свистки ◊
11–12 действительность и всегда / действительность всегда ◊
20–21 не очень веровал, но всё же я не мог не тосковать по идее. Я не мог / не очень веровал, но я не мог
23 что невозможно / что это невозможно
23 *После:* возможен — вследствие логики.
24 даже *вписано.*
24 настанет / будет
25 всегда *вписано.*
26 Какую? *вписано.*
29 тогда *вписано.*
38 уже *вписано.*
40 как желали *вписано.*
41 гревший их / гревший людей
43 И люди / Люди
44–45 великое сиротство / великое свое сиротство ◊
46 оглупевшими / огрубевшими
48 за руки, понимая / за руки и поняли

Стр. 379.

5 жизнь неудержимо / жизнь безмерно, неудержимо
6 свою преходимость и конечность / свое одиночество
10 *После:* на возлюбленную — *между строками начато:* так как они замечали в
12 остается / осталось
15–16 думал бы / думал
20 великую грусть в своих сердцах / великую грусть, чем дальше, тем более накоплявшуюся в их сердцах
21–22 каждый трепетал ∾ каждого *вписано.*
23 к другу и не стыдились бы / к другу, не стыдились бы
25 взглядом и во взглядах / взглядом, во взглядах
26 *После:* и грусть — и каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого.
32 картинку мою / картинку
41 от разных чувств / от восторга
42 не скажу / не скажу этого
42 прибавляю *вписано.*
45 что уже мне / что мне◇
46–48 тосковал и страдал ∾ высказал это / тосковал и страдал — «дворянская тоска», как он выразился, — и действительно много любил, хотя и по-своему. Я с увлечением ему высказал это.

Стр. 380.

2–3 чрезвычайно тогда / чрезвычайно как тогда
6–7 с такой тоской /с моей тоской
8–9 Это я, право ∾ серьезного. *вписано.*
11 в моей жизни / в жизни
19 Глава восьмая / *а* Глава седьмая. *б.* Глава осьмая◇
21–22 до ночи / до глубокой ночи
23 *После:* в его жизни — и который я так давно уже желал разгадать.
27 бывает и со всеми / бывает со всеми
27–28 всегда трудно / весьма трудно.
29 то есть *вписано.*
30 пожалуй / тоже
37 искреннее и глубокое чувство, без всяких фокусов / искреннее, глубокое чувство, а вовсе не за фокус

Стр. 381.

8 твою маму / ее
9 не книжно / истинно
13 то есть в самом деле / и в самом деле◇
13 поставил заповедью / поставил в заповедь
22 заняться практикой и *вписано.*
23–24 в самом деле всё бы поправила и освежила бы самого благотворителя / в самом деле живущее, всё бы поправила и была бы в самой высшей степени благотворна и питательна для самого благотворителя
24 *После:* благотворителя. — *начато:* Конечно
27–28 разумеется, шутя / почти шутя
31–32 только понял, что люблю ее / только всё это понял◇
32–33 не мог припоминать / не мог не припомнить
37–38 припоминают, даже только какую-нибудь черту / припоминают что-нибудь, даже какую-нибудь только черту
39 под конец *вписано.*

Стр. 381—382.

47–1 стыдлива до дикости ∾ какой-то испуг / стыдлива чрезмерно, но в стыдливости этой всегда заключался как бы какой-то испуг

Стр. 382.

2 *После:* Право — *начато:* мне
7 была несчастна / бывала несчастна ◇
14–15 одеться по моде / одеться помоднее
15 вот что! / пуще всего.
18–19 в них сказывалось ∾ бывало тяжело / в них сказывалось столько мысли и такое здравое понимание своей судьбы, своего будущего и нашей разницы во всем, что мне самому даже было тяжело
21 не пускался и третировал / не пускался, третировал
21 *После:* свысока — пока жил с ней.
26 вздрагивала она / вздрагивала она иногда
26 внезапно заставал / внезапно вдруг заставал
27 ее иногда смеющеюся / ее смеющуюся
28 *После:* на меня! — Это я всё осмыслил в Германии, и мне очень было тяжело вспоминать.
29 накануне того, как / накануне, как
32 без работы / без дела
39–40 И вообще ∾ мой друг. / Но в Германии это воспоминание особенно порадовало меня
41–42 бывают иногда такие *больные* сцены / есть такие *больные* места

Стр. 384.

5 она даже выше / она выше ◇
7–8 *После:* с ней сходились — хотя и упрекал себя за это
8 но тут было не то, тогда было не то. / Но тут было не то; тогда я ждал ее к себе с другим, уже совсем обновленным[1] чувством; да так и оправдалось потом: я бесконечно любил Соню, а теперь как никогда прежде. ◇
9 мелькнул во мне вопрос / задавал я себе вопрос
10–11 спросил я осторожно / пробормотал я ему ◇
13 осталась / засела ◇
16 жениться... / жениться на Лидии ◇
18 уже сущность / уже только сущность ◇
19 начал передавать / стал передавать
21 *После:* до этого места. — Но вот что, однако же, [случилось (передаю лишь в целом.)] я усвоил. ◇
24–25 Муж Катерины Николаевны / Муж ее ◇
28 теперь, я не вспомню / теперь, что я не помню
28–29 употребил тогда / употребил когда
30 я помню / я запомнил
33 именно от факта / именно тем
34 Всё-де / Всё ◇
34 разом уничтожалось / весь деятель, всё свободное желание его, всё это в нем уничтожилось
43 тогда, при первой встрече с нею *вписано.*
45 ее собственное суждение / ее собственные суждения
46 не мог о ней подумать / не мог подумать

Стр. 385.

1–2 стукнувшись лбом об действительность ∾ мерзость / столкнувшись с действительностью, всегда первый наклонен предположить всякую мерзость
6 я подумал, что любил / это что любил
6–7 гуманною и общечеловеческою / гуманною, общечеловеческою
7 которою вообще / которою обыкновенно ◇
8 любят женщин / любят женщину
10 *Слов:* вероятнее всего с непривычки — *нет.*
11 это — мысль неверная / эта мысль неверная ◇

---

[1] уже совсем обновленным *вписано.*

14 *После:* минут — задумавшись и
16 в его тайну / в тайну его
19 ожесточительным / ожесточенным ◊
20 он испугал / и напугал
21 *После:* в ненависть» — проговорил он вдруг неожиданно.
24 постепенно и методической практикой / постепенно при методической практике
26 становишься свободным / становишься совершенно свободным ◊
29–30 вовсе не для того ∾ Катерины Николаевны, а *вписано.*
39–40 на прожиток / на жизнь
44 про него / против него
45–46 *После:* они — бумажные — потому что ведь и книг-то он немного прочел ◊
47 до таких трагедий? / до таких истинных трагедий!

Стр. 386.

3–4 проговорил вовсе / проговорил это вовсе ◊
12 вскрикнул / вскричал
21 всё узнать / это узнать ◊
36 неожиданное явление / неожиданное чувство

Стр. 387.

10 всецело и навеки / всецело
11 восторженные *вписано.*
20 анекдоты наши / анекдоты эти
20–21 в высшей степени не злобны / в высшей степени простодушны, не злобны
30 разорви, и скорей / разорви, слышишь, и скорей
31 на месте *вписано.*
33–34 в таких точных выражениях / в таких [точных] выражениях ◊
34 *После:* от Ламберта? — И что за чудо, — мелькнуло у меня вдруг ни с того ни с сего, — что *она* после такого от него оскорбления решается писать к нему да еще умоляет позволить ей выйти замуж? [Какая это] На сердце у меня стало вдруг ужасно мрачно, когда я воротился домой.
35–37 *Фразы:* Да и как же могло случиться ∾ как видение? — *нет.*

Текст из главы XII третьей части

Стр. 443.

3 сообщить Ламберту ∾ заключалась услуга / ⟨текст оборван⟩ с Ламбертом
23 мы никак не могли / я никак не мог

Конец главы XII третьей части

Стр. 444.

40 показывая / поднимая на нее
40–41 для одной лишь острастки / для одной лишь угрозы
41 опустилась / упала
43 Не успел / Но не успел

Стр. 445.

2 смотрела / она смотрела
5 увидел я тогда / *а.* увидал я тогда *б.* смотрел на
6 заметил / видел
6 меня в комнате / меня тогда
7 как бы не узнал / не узнал
7 Он схватил / Он тогда схватил

11 В один какой-нибудь миг он / Он в один какой-нибудь миг
12 смотрел на ее лицо / смотрел на нее, на ее лицо◊
13 раздражить сумасшедшего / испугать его
17 раздвинул портьеру / раздвинул перед ним портьеру
17 умолять его положить / умолять положить
18 положил, а сам стал над нею, пристально / положил, а сам над нею нагнулся. [Он] пристально◊
22 ей в лицо / на ее лицо◊

Окончание главы XIII третьей части

Стр. 450.

39 предстоит / придется
40 ни на кого / почти ни на кого
43–44 Я как-то не осмеливался начать утешать ее / Я как-то не смел сесть подле нее и начать утешать ее◊
46 чтобы заговорить / чтоб заговорить◊
47 случая / события

Стр. 450—451.

48-1 но она выкинула / но затем она выкинула◊

Стр. 451.

1 Теперь / Теперь, од⟨нако⟩
6 когда / в которое
6–7 оба радуясь ∾ и любя / *а.* и которым я *б.* с которым
9 Ее будущее / Буд⟨ущее⟩
14 интересные / точные
27 сообщить / сказать◊
42–43 чтобы содержать / чтоб содержать◊
48 чьем-нибудь / его

Стр. 452.

13 написав / ведя
14 рискованных / во многом рискованных
17 сами / вы сами
18 ни малейших / никаких
20 «документ» / ваш «документ»
21–22 которую я разрешил себе / которую разрешил себе
25 идее / «идее»
31 Ваша, например / Ваша же
39 раскроют / расширят
40 стремлений / желаний◊
40 пожелаете / пожелали бы
42 и уже / уже
46 *уединенную* / *одинокую*

Стр. 452—453.

46–1 опасаться / бояться

Стр. 453.

1 юношей немало / немало
4 Но это желание / Это желание
4 и даже чаще всего / и чаще всего
4–5 происходит, может быть / происходит именно◊
6 *После:* (употребляю ваше слово) — от «мстительной» жажды благообразия, как выразился г-н Версилов. Ведь не одно же самолюбие и слепое желание бунта увлекает, например, современную молодежь

на столь раннюю гибель? Не найдется ли в том, напротив, и чувств иных, совсем неожиданных? ◊

9 некоторые / иные

9–10 видят эту истину и этот порядок / видят истину и порядок

11 как могли они им поверить / как можно было поверить им

14 в те времена / всегда

14 они почти всегда кончали / они кончали

16 и сливались с ним / *а.* по крайней мере, и сливались с ним *б.* тем паче, и сливались с ним

18 хотя бы / разложенной

20 ибо уже сознательно / Ибо сознательно

20–21 того потом сами / того сами

21 приучались его ценить / приучались ценить

29 для изящного воздействия на читателя *вписано.*

31 что, впрочем ∾ известно / о чем, впрочем, известно вам

42–43 законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок / законченность форм и порядок

43–44 самими наконец-то выжитый / самими выжи⟨тый⟩

45 наконец / *начато:* а не пред⟨писанный⟩

46 отдых / отдых глазу ◊

Стр. 454.

3 изображенному / представленному

12 прогрессистов / либералов ◊

21 *После:* в историческом — *было:* ибо приходилось

22 остались / есть

22–23 то, по владычествующему теперь мнению, не удержали / то и те не см⟨огли⟩

25 подробностей / вещей

32 в картине, изображавшей / *а.* в картине исторической миража, в картине, изображавшей *б.* в картине миража, в картине, изображавшей ◊

34 предков / дедов

37 должен явиться / явился бы

37 чудаком / лицом

38 мог бы признать / должен признать ◊

40 исчезнет даже и этот внук-мизантроп / исчезнет и внук-мизантроп

44 прибегну к вашей же рукописи / возьмем вашу рукопись

Стр. 455.

9 сына / камер-юнк⟨ера⟩

11 сорванцы / молодые люди

11 и других доведут / и у других доведут

19 *После: случайные — было:* тип которых даете отчасти вы в вашей рукописи

23 типам / детям

25 из / в

32 писать / ограничиться

32 лишь в одном / лишь одним

36 беспорядочной / беспорядочный и дикой

37 тогда / тогда даже

39 минувшего беспорядка / беспорядка

40 *После:* искренни — [С] Но тогда опять-таки уже не будет исторический род, [так что на смену современной] да еще ждать надо, пока у нас пройдет и наступит история, так что, по-моему, современный русский роман наш даже почти совсем и никогда невозможен, за всегдашним у нас отсутствием твердого идеала, а возможны лишь хаотические «Записки», которые, впрочем, могут быть полезными, даже несмотря на всю их случайность. Я согласен, впрочем, что всё это парадоксы, и спорить не буду.

45 созидаются / составляются ◊

Варианты прижизненных изданий (ОЗ)

Титульный лист.

Подросток. Роман. / Подросток. Записки юноши.

Стр. 12.

33 овладевает фатально / овладевает иногда ею фатально

Стр. 13.

13 оставлял большею частью / оставлял ее большею частью

Стр. 14.

2 прописывал неуклонно / прописывал ему неуклонно

Стр. 16.

32 гимназист / гимназистик

Стр. 17.

48 он *выгнан* / он был *выгнан*

Стр. 19.

5 не спрашивали / не спрашивались

Стр. 23.

40 объяснил / объяснял

Стр. 24.

35 о деньгах не заговаривалось / о деньгах никак не заговаривалось

Стр. 27.

28 он еще много говорил / он много еще говорил

29–30 готовых патронов, манежный хлыст / готовых патронов и манежный хлыст

Стр. 29.

7–8 как будто что-то / как бы что-то

28–29 потому что он обязан / потому что обязан

Стр. 32.

10 вериги носил / тогда вериги носил

Стр. 35.

9–10 кажется стуча зубами / и, кажется, стуча зубами

38 вы так надменны и величественны / вы так надменны и так величественны

Стр. 38.

3 махнул дрожащей рукой / махнул дрожавшей рукой

Стр. 43.

9 кто-то кричал / кто-то прокричал

Стр. 44.

9 пойдем ко мне / пойдемте ко мне

Стр. 46.

34 другие тяжело / другие тяжеле

Стр. 47.

38 Это желание прыгнуть на шею / это желание прыгать на шею

Стр. 49.

17 они вдруг замолчали / они все вдруг замолчали
17–18 ровно ничего не говорили / ровно никто ничего не говорил

Стр. 52.

47 я не хотел еще и не мог / я не хотел и еще не мог

Стр. 53.

45–46 Я люблю быть виновным перед собой / Я люблю быть виноватым перед собой

Стр. 54.

24 кто выжил бы себе идею / кто выжил себе идею

Стр. 55.

37 выйду перед ним / я выйду перед ним

Стр. 62.

6 навел на меня какие-то новые / навел меня на какие-то новые

Стр. 63.

2–3 я бы сек этих сирот. / Я бы сек их, этих сирот!
43 всё было действительно / всё это было действительно

Стр. 67.

18 уже / и уже

Стр. 69.

26 на это есть / на то есть

Стр. 72.

44–45 они не подходят / они сами не подходят

Стр. 74.

4–5 даже ничтожество / даже самое ничтожество

Стр. 76.

19 всё мое богатство / всё это богатство
23 бросил / сбросил

Стр. 84.

36 месяца три знала / месяца три тогда знала

Стр. 88.

3–4 Но ничего нет прелестнее / Но ничего прелестнее

Стр. 90.

23 сим обстоятельством / этим обстоятельством

Стр. 92.

36 взяли меня / взяли меня тогда

Стр. 93.

26 куда-то ехать / куда-то уехать

Стр. 97.

4 имевший / и имевший

Стр. 101.

16 положил выполнить / положил выполнить или начать выполнять

Стр. 102.

44 Обещаю / Обещаюсь

Стр. 106.

11–12 только тогда / только что тогда

Стр. 110.

34–35 преважные письма / преважные и пренужные письма
45 вижу / я вижу

Стр. 120.

31 в последней странице / с последней страницы

Стр. 121.

29 вдобавок не знал / вдобавок не звал

Стр. 123.

5 не мог разобрать / не мог ясно разобрать

10 должен быть / должен был быть

Стр. 127.

34 не мешает / не помешает

Стр. 130.

10–11 было некогда / было мне некогда

Стр. 131.

22 уставился на меня / уставился в меня

Стр. 132.

32 что так / что я так

Стр. 134.

22 выпить рюмку / выпить рюмку коньяку
22–23 пожалуй, сильнее / пожалуй, будет сильнее

Стр. 135.

24 всегда, в таких случаях / всегда почти в таких случаях

Стр. 137.

27 очень даже / очень, очень даже

Стр. 138.

1 не была тогда еще так больна / не была еще тогда так больна

Стр. 139.

27 уступил мне / уступал мне

Стр. 140.

9 что вот / и что вот
18 уже / и уже
45 кончив занятие / кончив занятия

Стр. 144.

44 и до самого конца / и так до самого конца

Стр. 145.

8 он объяснять / он ей объяснять
10 так охотно / такого охотно

Стр. 147.

43 с размаха / с размаху

Стр. 150.

9 покойница употребляла его / покойница, употребляя его, наверно, и не заметила, что оно не в тоне, и поверь, употребила его
20 не обвиняю же / не обвиню же
21 еще молодой / еще очень молодой

Стр. 151.

24 и мигом / и мигом, со счастием
35 можно было бы / можно бы было

Стр. 152.

47 схватив / захватив

Стр. 154.

28 прекрасного роста / прекрасного росту

Стр. 156.

23 посылаю / отсылаю
40 добры / будем добры

Стр. 157.

36 посмотрел / просмотрел

Стр. 160.

8 мне глядел в глаза / глядел мне в глаза

Стр. 164.

33 немедленно познакомиться / немедленно с ним познакомиться

Стр. 165.

6 комната / комнатка
47 — Ну, вот, вот / — Ну, вот, вот, вот

Стр. 166.

5–6 которому поручено-то / вот которому поручено-то
40 на вершок еще / на вершочек еще

Стр. 168.

31 две огромных выгоды / две огромные выгоды

Стр. 170.

2 насмешкой / насмешечкой
37 Но видел же / Но ведь видел же

Стр. 173.

36–37 идея всей теперешней цивилизации / идеи всей теперешней цивилизации
41 Вам бы всё молчать !/ Вам бы всё молчать.

Стр. 175.

29 о таких вещах серьезно / о таких вещах так серьезно

Стр. 176.

18 как бы серьезнее / гораздо как бы серьезнее

Стр. 187.

18 хорошо! / хорошо, хорошо!

Стр. 189.

18 это я заслужил / я это заслужил

Стр. 198.

27 выведать / выведывать
32 прелестная / прекрасная

Стр. 199.

44 Ах, ты про игру, не буду / Ах, ты про игру! Не буду, не буду

Стр. 203.

30–31 плавным голосом / своим плавным голосом

Стр. 204.

17 удерживайтесь / удержитесь

Стр. 214.

41 не так глуп / был не так глуп

Стр. 230.

32–33 тащит одну / тащит к себе одну

Стр. 233.

7 и фамилию его не знал / и фамильи его не знал

Стр. 237.

28 в святость / в святость других

Стр. 238.

11 и я его оправдываю вполне / и я его оправдываю. Я его оправдываю вполне
12 видать / видеть
46 не отнимая / не отымая

Стр. 239.

1 сейчас молчала / сейчас у тебя молчала

Стр. 245.

36 этому Степанову рассказывал / это Степанову рассказывал

Стр. 248.

14 Как в каторгу? / Как в каторгу!
32 потребовалась / требовалась

Стр. 251.

26 наверное / наверно

Стр. 255.

5 что первый придешь / что ты первый придешь
26 тотчас же понял / тотчас понял
29 Мой милый / О милый

Стр. 260.

15 удивления / постоянного удивления

Стр. 273.

31 хорошо было бы / хорошо бы было

Стр. 274.

13 Вот тебе! / Вот тебе! Вот тебе!
27 *После:* кричу я. — Он быстро наклоняется к моему лицу.
36 поднимает / приподнимает

Стр. 275.
13–14 он в Петербурге / он тогда в Петербурге

Стр. 285.
40 значит хороший человек / значит, он хороший человек

Стр. 290.
3 в июле / уже в июле

Стр. 291.
11 в большом волнении / в большом и неожиданном волнении
21 быть неминуемым следствием / быть лишь неминуемым следствием
31 склонясь надо мной / склоняясь надо мной
44 мы могли сказать / мы молча могли сказать

Стр. 296.
37–38 нагнулась ко мне / шагнула ко мне

Стр. 298.
2 не лучше всех любит / не больше всех любит

Стр. 299.
3 злобная чухонка / эта злобная чухонка

Стр. 301.
46 любопытство это прошло / любопытство это прешло

Стр. 302.
4 что-то другое движет / что что-то другое движет

Стр. 308.
4 тотчас же привлекало / тотчас же привлекло
28–29 чрезвычайно был доволен / был чрезвычайно доволен

Стр. 311.
18 с чрезмерным / с чрезвычайным

Стр. 314.
36 в этом же / в том же

Стр. 316.
33–34 окромя великих праздников / окромя лишь великих праздников

Стр. 321.
27–28 много долгов простил, на крестины созвал весь город / много долгов простил, а на крестины созвал весь город

Стр. 330.
42 твердо держись / всегда твердо держись

Стр. 337.
24 с моей женой / с женой

Стр. 342.
43 узнала / знала

Стр. 346.
14 чуть не кинулась / чуть было не кинулась

Стр. 348.

13–14 в хорошем доме, можешь представить! / в хорошем доме; в хорошем доме, можешь представить.

Стр. 349.

14 с моего детства / с первого моего детства

Стр. 351.

1–2 тотчас возненавидел / тотчас же возненавидел

Стр. 357

19 Знаю / Я знаю
20 не смел говорить. / не смел теперь говорить!

Стр. 358.

5 всё достану, Аркаша! / всё достану, Аркашка!

Стр. 359.

8 Это всё — фантазия / Это всё — фантазии

Стр. 366.

27 И какой сон сбылся? / И какой сон сбывался?

Стр. 367.

15 нельзя было бы / нельзя бы было

Стр. 370

12 приблизил к себе, поцеловал его / приблизил к себе и поцеловал его

Стр. 374.

44 обставлена / обставленная

Стр. 377.

19 служу для России / служу России
31 Европа так же была отечеством нашим / Европа так же точно была отечеством нашим

Стр. 382.

7 О, как она была несчастна / О, как она бывала несчастна

Стр. 385.

19 ожесточительным разрывом / ожесточенным разрывом
26 свободным / совершенно свободным

Стр. 392.

5 *После:* горячке и беспамятстве. — Я воротился наверх грустный, но возбужденный.
35 стало очень тяжело / стало вдруг очень тяжело
38 поддакнула Татьяна Павловна / поддакнула вдруг Татьяна Павловна

Стр. 399.

19 платье и пальто / платье и пальто мое

Стр. 404.

45–46 предупредить нечаянностью / предупредить, и предупредить нечаянностью

Стр. 405.

10 полное отвращение / самое полное отвращение

Стр. 406.

25 не ходите / не приходите

Стр. 410.
24 нагоняя / догоняя

Стр. 417.
46 одного безумия люди! / одного безумия люди! Славные мы люди!

Стр. 420.
30 притворясь / притворяясь

Стр. 421.
34 должен был бы / должен бы был
35 переворот / переверт

Стр. 425.
36 Так что же? / Помню. Так что же?

Стр. 427.
17 по моей / по моей же

Стр. 428.
27–28 и потом малодушным отменам их / и потом к малодушным отменам их

Стр. 431.
1–2 посидеть / сидеть
20 оставим / тут оставим

Стр. 432.
32 Я бегу опять; может быть / Я бегу опять; и может быть

Стр. 435.
39 вскрикнул я / вскричал я

Стр. 437.
27 и здесь / и тут

Стр. 439.
11 Вот тут-то и услышала Марья / Вот тут-то это и услышала Марья

Стр. 445.
12 Он всё смотрел на ее лицо / Он всё смотрел на нее, на ее лицо
39 какую цель / какую именно цель

Стр. 446.
11–12 отчасти тут и некоторая злорадная аллегория / отчасти тут примешалась и некоторая злорадная аллегория
23 он ничего не хотел / он ничего тогда не хотел

Стр. 450.
12–13 сухо, без лишних слов / сухо и без лишних слов

Стр. 451.
29–30 начинавшаяся для меня теперь жизнь / начавшаяся для меня теперь жизнь

Стр. 453.
46 отдых / отдых глазу

Стр. 455.
1 я не распространяюсь / я не распространюсь

ДОПОЛНЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

(Том III, стр. 305—314)

Варианты наборной рукописи главы II третьей части

Стр. 305.

41 Глава II / Глава 6 ◇
43 провел эти четыре дня / провел время

Стр. 306.

2 *После:* раньше всех — пришел позже всех ◇
5 прервал он / продолжал он
6 запрещает! И какая / запрещает, и какая ◇
6–7 у него является / у него вдруг является ◇
13 ее руку / ее руки ◇
13 тосковал-то я / тосковал-то как я ◇
14 Управиться не мог / Урваться не мог ◇
14 Милая ты моя! / Голубчик ты мой! ◇
15 *После:* немножко — Наташа
15 бледненькая стала какая / бледненькая какая, о милая! ◇
17 *После:* наглядеться. — И столько было любви в его глазах! ◇
25 сдержанным / задержанным ◇
35 *После:* не простить? — Разве ты, узнав мое сердце, могла бы в нем хоть на минутку усомниться.
38 наболело / изболело ◇
40 *После:* оправдаешь! — вот как я говорю.
40 *После:* излить — *начато:* сер⟨дце⟩
45 и ты меня видел / когда ты приехал ◇

Стр. 307.

6 Он у меня был / О записке после. Впрочем, вот что: он у меня был ◇
12 Знаю, знаю, что ты скажешь, — перебил Алеша / *а.* Знаю, знаю, — перебил Алеша *б.* Знаю, знаю, что вы скажете⟨?⟩, — перебил Алеша
13 должно быть / должно было быть ◇
25 руки / ручку ◇
26 ее к губам / *а. Как в тексте. б* к губам ◇
32 даже *вписано.*
38 перед тобой / перед тобой, Наташа ◇
45–46 ты тогда надо мной смеялась / ты смеялась тогда надо мной
46 и как я стоил твоей насмешки! *вписано.*
46 *После:* насмешки! — И он с грустным, пристыженным видом посмотрел на Наташу. Она тоже как-то грустно улыбнулась ему в ответ. ◇
48 *После:* смотрел на Алешу — во весь этот вечер.

Стр. 308.

2 наблюдал его / наблюдал князя ◇

3 хотя и говорили / хотя в свете и говорили ◇

3–4 про слишком горячую отцовскую любовь его / *а. начато:* про отцовск⟨ую⟩ *б.* напротив. Но он всех умел обмануть.

26–27 *После:* всем на свете. — *было:* Я знаю теперь вот что: что всякий человек знает о себе то, чего никто, кроме него, о нем не знает, и всякий человек не знает о себе чего-нибудь такого, что всякий, кроме него, о нем знает. Это мне сказала Катя. Поэтому, если человек узнает, наконец, эту свою особенность, это самое, чего никто, кроме него, о нем не знает, — вот уж он и укрепится в своей индивидуальности. И тогда нет ему дела до [мнения других] того, осудят ли его другие, если он тверд в своих убеждениях. ◇

27 мое убеждение справедливо / моя мысль справедлива ◇

27–28 преследую его / преследую ее ◇

37 тебя, верно, кто-нибудь научил. *вписано.*

Стр. 309.

2 в будущем. Так они мне сами сказали. *вписано.*

8–9 Это всё молодежь свежая; все они с пламенной любовью ко всему человечеству / Это всё молодежь светлая, чистая, свежая; всё это сгорает пламенной любовью ко всему человечеству, уважением к человеческому достоинству. ◇

10–11 о науках, о литературе / *а.* об надеждах *б.* об науках, об литературе ◇

11 *После:* прямо и просто — так упоительно хорошо! ◇

13 Я не видал еще до сих пор таких !/ Я не видел ничего до сих пор подобного! ◇

13–12 Где я бывал до сих пор? / Где я был?

14 Одна ты только, Наташа / *а.* Только Наташа *б.* Только одна Наташа *в.* Одна только Наташа

16 с ними / со всеми ими ◇

17 чуть не с благоговением / с благоговением ◇

26–27 на общественное просвещение... / на общественное просвещение, но куда именно

30 ожидал / ожидаю

32 странно? / странно, отец? ◇

33 из вашего порядка? / из порядка действительности? ◇

34 она пожертвует / она жертвует ◇

Стр. 310.

4 смеешься / смеешься, отец ◇

4–5 не слыхал такого; / не слыхал такого, что бы воспламенило меня, заставило прояснить мой ум, а сердце биться благородными ощущениями ◇

5 и от всего вашего общества / и от всех вас

7 по каким-то меркам / по таким-то меркам ◇

8 по каким-то правилам / по таким-то правилам ◇

9 и что думаем / что думаем

10–11 *Фразы:* Послушал бы ты, как они мне вчера говорили... — *нет.*

21 Об этом особенно старается / Эту идею особенно развивает ◇

22 сочувствует Безмыгину / этому сочувствует

22 *После:* сочувствует Безмыгину. — Он недавно говорил: «Правды в людях нет. Сколько раз я слыхал людей, которые сами говорят про себя: Эх, все мы глупцы, все мы подлецы! — и даже сознаются, что чуть ли не воры. Но всё это только для красного словца. Попробуйте поймать этих людей на деле; скажите кому-нибудь: — вот тут-то, брат, у тебя выходит нечисто, и этот брат — враг до могилы!» Ну не правду ли он говорит? Мы не хотим этого

22–23 И потому мы все, под руководством Безмыгина, дали себе слово / мы дали себе слово

34 *После:* так оставить нельзя... — *начато:* Безмыгин — это вот какой человек
36 *После:* при тебе — *начато:* почему
37 там и за тебя / там за тебя ◊
39 Ты добр, благороден, ты поймешь. / ты добр, ты благороден и потому должен отозваться на мой призыв. ◊
43 верно! / верно и окончательно! ◊

Стр. 311.

1-2 выслушал эту выходку / *а.* смотрел на Алешу *б.* *начато:* глядел
2 Наташа следила за ним / Наташа уже начинала смотреть на него
4 Но как только Алеша кончил / Но при последних словах
5 на спинку стула / на спинку кресла
6 Слишком заметно / Видно
10 Но он терпеливо / Он терпеливо
15-16 Над тем, что для меня теперь свято, благородно? / Над тем, что свято, чисто, благородно. ◊
18 но если ∾ искренно / но я заблуждаюсь иск⟨ренно⟩
19 высокими идеями / святыми, высокими идеями
21 *После:* не сказали мне такого же — отчего бы мог воспламениться мой ум ◊
21-22 что направило бы меня, увлекло бы за собой / *а.* что направило бы мои стремления *б.* что направило бы мои желания
26 Наташа с сочувствием следила за ним. / В лице Наташи выразилось полное к нему сочувствие.
27-28 переменил свой тон / поправился и переменил свой тон
31-32 легкомысленным мальчиком / легкомысленным мальчиком в своих поступках ◊
38 *После:* я б не — *начато:* засмеялся
39 Послушай / Послушай, отец ◊
39-40 так, чтоб уж / чтоб уж
40 *После:* недоумений — *начато:* Когда
43 Если так / Если я не ошибаюсь
44 свои чувства / все свои чувства
46 сказал князь / вскричал князь ◊
47 очень умно / очень умно, и я этому вполне сочувствую ◊
47 надо было / надо бы
48 *После:* начать — *начато:* и тогда

Стр. 312.

5-6 ты с какой-то радостью / *а.* ты даже как будто с какой-то торопливостью *б.* ты с какой-то торопливостью ◊
9 очень рад всегда / очень рад
10 не теперь / еще не здесь ◊
10 а уже давно / уже давно
11 доказать нам / доказать нам теперь ◊
15-16 это вывожу / это вижу
19 несколько каких-то намеков / несколько намеков
18-20 сказал и о ней / *а.* сказал об ней *б.* сказал и об ней ◊
20 *После:* ней — *начато:* так
20 не оскорбительно, напротив *вписано.*
23 уважения к ней / уважения
24-25 и ее, потому что ты ∾ как вошел сюда... / и ее!
36 мне теперь кажется / мне кажется ◊
40 Теперь уже я трепещу / Я трепещу теперь ◊
42 я поторопился; я вижу, что вы очень несходны между собою. / вы так несходны между собою. ◊
43 Всякая любовь / Любовь

Стр. 313.

12 восторгаться / интересоваться
19 что было здесь / что было
21 должна быть для тебя / *а.* должна была быть для тебя *б.* должна была теперь для тебя быть ◇
24–25 па такое прощение и предлагать об этом пари? / на такое прощение? ◇
26 сколько горьких мыслей / сколько муки, сколько горьких мыслей ◇
32 среди таких страданий / среди таких страданий, полную таких подозрений ◇
35–36 с другой... неужели / с другой и неужели ◇
39 скрыть от пас своего торжества. / скрыть от нас своего торжества, он с гордостью обвел нас всех взглядом, как-будто спрашивая: каково? ◇
39–40 Когда Алеша услышал о страданиях Наташи, то с болезненной тоской взглянул на нее / Алеша давно уже начал плакать от слов его, но когда услышал о страданиях Наташи, то с болезненной тоской взглянул на нее, всплеснул руками и бросился перед ней на колени. ◇
42 Полно, Алеша, не тоскуй, — сказала она / Полно, Алеша, полно, голубчик, — сказала она, — встань ◇
44 *После:* Пора кончить! — Князь, — сказала она, когда Алеша смиренно [сел] уселся подле нее, робко на нее посматривая, — зачем обвинять других, когда вы сами всё это приготовили, всё это предузнали заранее, может быть, [добив⟨ались⟩] этого же и добивались всеми силами? ◇
45–46 Объяснитесь, Наталья Николаевна, — подхватил князь, — убедительно прошу вас! / Но объяснитесь, Наталья Николаевна, убедительно прошу вас, объяснитесь!
46 слышу об этом загадки / слышу от вас загадки ◇

Стр. 314.

1 потому что думали / потому что вы думали ◇
21 томительное ожидание / болезненное ожидание
23 обдумайте ваши слова / обдумывайте слова ваши ◇
25–26 сказала Наташа / вскричала Наташа ◇
30–31 не догадается / не догадается, не поймет ◇
32 остались на сердце... / остались на сердце и отозвались в нем и недоверием, и болью...
37 и потому готовы / и готовы
47–48 сверкая глазами от гнева / сверкая глазами

ПРИМЕЧАНИЯ

В семнадцатом томе Полного собрания сочинений Достоевского печатаются наброски романов «Отцы и дети» (1876) и «Мечтатель» (1876—1877), а также планы, наброски, рукописные отрывки других, более мелких незавершенных творческих замыслов писателя 1874—1879 гг. Здесь же заканчивается печатание рукописных материалов к «Подростку», публикуются варианты прижизненных печатных изданий романа и комментарий к нему.

Кроме того, в томе собраны шуточные стихи, стихотворные пародии и эпиграммы Достоевского 1864—1879 гг. Наиболее крупный из числа стихотворных текстов, печатающихся в этом разделе, — наброски памфлета «Борьба нигилизма с честностью» («Офицер и нигилистка»), к замыслу которого автор обращался в 1864—1873 гг. несколько раз и который предназначал для печати. Остальные стихотворные тексты — эпиграммы и шуточные стихи, извлеченные из различных записных тетрадей Достоевского, — имеют, как правило, характер стихотворных импровизаций, сочиненных от случая к случаю и не предназначенных автором для публикации. В разделе «Приложение» печатаются подобные же шуточные стихи, сочиненные Достоевским совместно с женой и сохраненные для нас в ее дневнике, а в разделе «Примечания» (стр. 448—450) — стихи, сочиненные в Люблине в 1866 г. группой лиц из числа членов родственной Достоевскому семьи Ивановых и кружком их знакомых при возможном участии Достоевского. Эта вторая группа стихов восстановлена племянницей Достоевского М. А. Ивановой по памяти, через много лет, и дошедшую до нас запись нельзя считать сколько-нибудь автентичной подлинному первоначальному тексту.

Варианты чернового автографа романа «Подросток» подготовлены Е. И. Кийко и И. Д. Якубович; варианты белового автографа — А. В. Архиповой; варианты наборной рукописи — А. В. Архиповой и Г. Я. Галаган; варианты печатных изданий «Подростка» — Г. Я. Галаган.

Комментарий к «Подростку» составили Г. Я. Галаган (§§ 1—11, 18), Е. И. Кийко (§§ 12—17), А. В. Архипова (§ 19 и реальный комментарий к основному тексту романа), К. М. Азадовский (§ 20) и И. Д. Якубович (реальный комментарий к подготовительным материалам).

Тексты набросков к романам «Отцы и дети» и «Мечтатель» и «Истории Карла Ивановича» подготовлены Г. М. Фридлендером при участии И. А. Битюговой, текст плана «Драма. В Тобольске» — И. Д. Якубович, тексты набросков: «В повесть Некрасову», ⟨Слесарек⟩, ⟨Отрывки⟩ ⟨2⟩ и ⟨3⟩ — А. В. Архиповой,

остальные тексты неосуществленных замыслов Достоевского, его шуточных стихотворений, стихотворных пародий и эпиграмм подготовлены И. А. Битюговой, варианты наборной рукописи «Униженных и оскорбленных» — А. В. Архиповой.

Вводная заметка к примечаниям, а также комментарий к публикациям планов и набросков рассказа для сборника П. А. Козлова, романов «Отцы и дети» и «Мечтатель», «Истории Карла Ивановича», отрывков «Великий инквизитор и Павел...», «Тайный совет, кн. Д. Обо⟨ленский⟩» и преамбула к разделу «Шуточные стихи, пародии, эпиграммы» написаны Г. М. Фридлендером (к «Отцам и детям» — при участии Е. И. Семенова); план «Драма. В Тобольске» прокомментирован И. Д. Якубович, наброски: «В повесть Некрасову», ⟨Слесарек⟩, Отрывки ⟨2⟩ и ⟨3⟩ — А. В. Архиповой; остальные наброски незавершенных произведений и стихотворные тексты — И. А. Битюговой.

Редактирование рукописных материалов к «Подростку» осуществлено Е. И. Кийко. Редактирование комментария к «Подростку» — Ф. Я. Приймой (при участии Г. М. Фридлендера); Г. М. Фридлендер руководил также работой над подготовкой текста замыслов неосуществленных произведений и стихотворных набросков Достоевского и редактировал комментарии к ним.

В подготовке тома к печати принимала участие И. Д. Якубович.

ПОДРОСТОК

(Том XIII, стр. 5; том XVI, стр. 5; том XVII, стр. 37)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, наброски, характеристики персонажей): 1) в переплетенных тетрадях; хранятся: *ЦГАЛИ*, ф. 112. 1. 12, с. 9—91, 93—141, 155—192, 196—198, 202—204 (май—октябрь 1874 г.); ф. 112.1.13, с. 1—48, 54, 55, 57, 58, 60—66 (сентябрь—октябрь 1874 г.); ф. 112.1.11, с. 5, 11, 14—16, 26—32, 36—43, 49—53, 55—61, 64—113, 115, 117—121, 123, 127, 129—132, 135, 137, 155—168, 180, 181, 187—195, 236, 242—249, 262—264, 266—268, 270—289, 291, 293—301, 303—314, 316—320, 337—345, 347 (октябрь 1874—август 1875 г.); см: *Описание*, стр. 102—103; 2) на отдельных листах. 48 листов. Датируются 1874—1875 гг. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93.I.1.8/1—24; см.: *Описание*, стр. 103—106; 3) в переплетенной тетради; хранится: *ЦГАЛИ*, ф.112.1.15, с. 186 (ноябрь 1875 г.); см.: *Описание*, стр. 106. Опубликованы: *ЛН*, т 77, стр. 59—432; *ЛН*, т. 83, стр. 310, 470. Публикуется впервые: Мы видим∾право на бесчестие (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 6).

ЧА$_1$ — Черновой автограф: 1) второй части, 78 листов. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.6/1—12; см.: *Описание*, стр. 106—109; 2) глав IV—XIII третьей части, 83 листа. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.1.6/13—21; см: *Описание*, стр. 109—110. Полностью публикуется впервые. Частично опубликован: *Творчество Достоевского*, стр. 27; «Начала», 1922, № 2, стр. 217—230.

ЧА$_2$ — Черновой автограф отрывков из глав VII и VIII третьей части (см. т. XIII наст. изд., стр. 369, строка 37 — стр. 380, строка 18), 2 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф.100, № 29449. ССХб. 5; см.: *Описание*, стр. 106. Опубликован: *ЛН*, т. 77, стр. 432—434.

БР — Беловая рукопись главы VII третьей части (см. т. XIII наст. изд., стр. 373, строка 2—стр. 374, строка 37), 4 листа. Рукою А. Г. Достоевской с правкой Ф. М. Достоевского. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I. 1, 7/I; см.: *Описание*, стр. 110. Публикуется впервые.

НР — Наборная рукопись: 1) глав V—VIII третьей части, 57 листов. Рукою А. Г. Достоевской с правкой Ф. М. Достоевского. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29449, ССХб. 5; см.: *Описание*, стр. 110; 2) текста из главы XII третьей части (см. т. XIII наст. изд., стр. 442, строка 46—стр. 443, строка 8; стр. 443, строки 19—27), обрывок одного листа. Рукою А. Г. Достоевской с правкой Ф. М. Достоевского. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29492. ССХб. 16; см.: *Описание*, стр. 112; 3) конца главы XII третьей части (см. т. XIII наст. изд., стр. 444, строка 40—стр. 445, строка 22), 2 листа. Рукою А. Г. Достоевской

с правкой Ф. М. Достоевского. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.1. 7/2; см.: *Описание*, стр. 112; 4) окончания главы XIII третьей части (см. т. XIII наст. изд., стр. 450, строка 30—стр. 455, строка 45), 7 листов. Автограф Ф. М. Достоевского. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.7/3; см.: *Описание*, стр. 112. Публикуется впервые.

ОЗ — 1875, № 1, отд. I, стр. 11—110 — ч. I, гл. 1—5; № 2, отд. I, стр. 349—444 — ч. I, гл. 6—10; № 4, отд. I, стр. 221—276 — ч II, гл. 1—4; № 5, отд. I, стр. 151—232 — ч. II, гл. 5—9; № 9, отд. I, стр. 161—230 — ч. III, гл. 1—4; № 11, отд. I, стр. 173—230 — ч. III, гл. 5—8; № 12, отд. I, стр. 435—516 — ч. III, гл. 9—13.

1876 — Ф. М. Достоевский. Подросток. Роман. СПб., 1876.

Впервые напечатано: *ОЗ*, 1875, №№ 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12 с подписью: Ф. Достоевский.

Печатается по тексту *1876* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *ЧА*, *БР*, *НР* и *ОЗ*:[1]

*Стр. 6, строка 36:** «совершенною загадкой» вместо «совершенно загадкой».

Стр. 11, строка 16: «а как-то вдруг» вместо «как-то вдруг».

Стр. 11, строка 36: «чтоб не понять» вместо «чтоб не понял».

Стр. 16, строки 4—5: «двойственность планов и целей моих, определившаяся еще в Москве» вместо «двойственность планов и целей моих, определившихся еще в Москве».

Стр. 25, строки 10—11: «вырос в углу. Уходишь злой и клянешься, что завтра это уже не повторится, но завтра опять то же самое» вместо «вырос в углу, но завтра опять то же самое».

Стр. 26, строка 13: «ты мог попасть» вместо «ты можешь попасть».

Стр. 28, строка 41: «Он так весь и просиял» вместо «Он весь и просиял».

Стр. 36, строка 13: «совсем обратное тому» вместо «совсем обратно тому».

Стр. 38, строка 10: «это была» вместо «эта была».

Стр. 38, строка 30: «а вы бы не уступили?» вместо «а вы бы уступили?».

Стр. 46, строка 12: «вам доказано логически» вместо «вам сказано логически».

Стр. 47, строка 7: «Приведенный вами факт» вместо «Приведенный нами факт».

Стр. 47, строка 8: «всё же похож» вместо «всё похож».

Стр. 47, строки 13—14: «хотя и не от той причины» вместо «хотя и от той причины».

Стр. 47, строки 15—16: «(то есть они или другие» вместо «(то есть одни или другие».

Стр. 48, строки 29—30: «хочу жить один» вместо «хочу один».

Стр. 48, строка 34: «а дальше знать ничего не хочу» вместо «а дальше знать не хочу».

Стр. 53, строка 27: «трачу мою энергию» вместо «трачу мало энергии».

Стр. 53, строка 29: «энергическую задачу» вместо «энергическою задачу».

Стр. 55—56, строки 48—1: «могло бы быть» вместо «можно бы быть».

Стр. 60, строка 42: «мне какое дело!» вместо «мне какое дело».

Стр. 62, строка 28: «были бы иные» вместо «была бы иная».

Стр. 63, строка 2: «поступили» вместо «поступали».

Стр. 63, строка 5: «А коли начал удостоивать» вместо «А коли начать удостоивать».

Стр. 63, строка 32: «а более никто» вместо «более никто».

Стр. 63, строка 36: «хоть я и тогда уже» вместо «я и тогда уже».

---

[1] Исправления по *ОЗ* специально не оговариваются.

* Здесь и ниже указаны страницы XIII тома наст. изд.

Стр. 69, строка 36: «выучился я и сапоги носить» вместо «выучился я сапоги носить».

Стр. 70, строка 27: «известны» вместо «известна».

Стр. 70, строки 32—33: «Что за Соломонова такая премудрость! Был бы только характер; уменье» вместо «Что за Соломонова такая премудрость: был бы только характер; уменье».

Стр. 73, строка 14: «чуть ли не выше» вместо «чуть ли не свыше».

Стр. 83, строки 23—24: «говорили мне *ты*» вместо «говорила мне *ты*» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 86, строки 43—44: «Татьяна Павловна, вы ужасно любите кропить! Как это ни аристократично» вместо «Татьяна Павловна, вы ужасно любите кропить. Как это ни аристократично».

Стр. 88, строка 30: «а наверно бы всё им оставил» вместо «я наверно бы всё им оставил».

Стр. 95, строки 30—31: «точно булавка, вонзился» вместо «точно булавка вонзилась».

Стр. 102, строка 24: «а так как раскаяться» вместо «так как раскаяться».

Стр. 106, строки 42—43: «всё с необыкновенною прямотой» вместо «всё необыкновенною прямотой».

Стр. 111, строка 7: «продолжал он спускаясь» вместо «продолжал он опускаясь».

Стр. 119, строка 18: «и опять обмерил» вместо «и обмерил».

Стр. 122, строка 38: «с решительным, но деликатнейшим видом» вместо «с решительным деликатнейшим видом».

Стр. 129, строки 17—19: «хам от роду! Ты сильнее женщин» вместо «хам от роду: ты сильнее женщин».

Стр. 131, строка 41: «взять от него вчера деньги! Он имел такой честный вид!..» вместо «взять от него вчера деньги: он имел такой честный вид!..».

Стр. 139, строки 30—31: «что он так из-за меня хлопочет» вместо «что — так из-за меня хлопочет».

Стр. 143, строки 32—33: «только как-то на сердце у меня захолохнуло» вместо «только так-то на сердце у меня захолохнуло».

Стр. 156, строки 6—7: «забыть о вызове» вместо «забыл о вызове».

Стр. 161, строки 7—8: «Как не знать! Мы уже с мамой целовались. — (Ты не знаешь души моей» вместо «Ты не знаешь души моей».

Стр. 161, строка 10: «Ну вот не знать, всё знаю!» вместо «Ну вот не знать, всё знаю».

Стр. 161, строка 11: «Ну да, еще бы!» вместо «Ну да, еще бы ты!»

Стр. 167, строка 6: «только ахнул, обнял его» вместо «только обнял его».

Стр. 174, строка 39: «но только так странно» вместо «но только странно».

Стр. 176, строки 46—47: «эту тень неудовольствия» вместо «эту тень».

Стр. 180, строки 43—44: «мог бы проповедовать истину» вместо «мог не проповедовать истину».

Стр. 181, строка 11: «Но на этот раз» вместо «На этот раз».

Стр. 181, строка 15: «просительно-наглая» вместо «простительно-наглая» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 185, строка 7: «Кому же знать?» вместо «Кому знать?»

Стр. 196, строки 19—20: «Кажется, не пропаду» вместо «Кажется, не правда».

Стр. 196, строки 21—22: «не прерывают безнаказанно...» вместо «не перенимают безнаказанно...» (по *ОЗ* и *ЧА*).

Стр. 200, строка 40: «я навообразил» вместо «я не вообразил».

Стр. 204, строка 4: «почувствовал» вместо «чувствовал».

Стр. 212, строка 34: «Ан вот нет!» вместо «Ах вот нет!».

Стр. 214, строка 14: «передать ему самой» вместо «передать ей самой».

Стр. 225, строки 30—31: «что что-нибудь о документе» вместо «что-нибудь о документе».

Стр. 226, строка 1: «что я заслуживаю» вместо «что заслуживаю» (по *ОЗ*, *ЧА*).

Стр. 231, строки 38—39: «а не извольте шутить» вместо «и не извольте шутить».

Стр. 233, строка 23: «да как позволять это?» вместо «да как позволить это?».

Стр. 236, строка 4: «в ней были недоверчивость и удивление» вместо «в ней была недоверчивость и удивление».

Стр. 237, строка 38: «мне-то что» вместо «мне что».

Стр. 239, строка 37: «его всего видеть» вместо «его видеть».

Стр. 240, строка 3: «засияли» вместо «сияли».

Стр. 243, строка 15: «я тебе повторял» вместо «я тебе повторил».

Стр.247, строки 17—18: «только тысячелетние князья» вместо «только тысячелетие князья».

Стр. 247, строка 24: «Лиза. Лиза, дети, работа» вместо «Лиза, дети, работа».

Стр. 250, строки 6—7: «Прочь фантазии» вместо «Прочь фантазия».

Стр. 252, строка 35: «чтоб князь поехал» вместо «чтоб князь доехал».

Стр. 258, строка 1: «Тут они меня схватили» вместо «Тут они схватили».

Стр. 261, строки 10—11: «па равных основаниях» вместо «на разных основаниях».

Стр. 270, строки 21—22: «и голубок пролетел» вместо «а голубок пролетел» (по *ОЗ* и *ЧА*).

Стр. 271, строки 32—33: «Я методически стал развертывать мои тетрадки и объяснять: „Вот это — уроки» вместо «Вот это — уроки».

Стр. 274, строка 8: «а помнишь голубо́чка в деревне?..» вместо «а помнишь, голубочка, в деревне?..» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 288, строка 8: «Все-то невоздержны» вместо «Все-то невоздержаны».

Стр. 288, строка 15: «А сткло это» вместо «А стекло это».

Стр. 291, строка 16: «светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно» вместо «светлое пятно».

Стр. 291, строка 27: «Кончено, думал я» вместо «Конечно, думал я».

Стр. 297, строка 7: «хоть я и сумел» вместо «вот я и сумел».

Стр. 299, строка 9: «решаюсь упомянуть» вместо «решаюсь упоминать».

Стр. 305, строка 30: «вырывал его из сердца» вместо «вырвал его из сердца».

Стр. 311, строка 15: «самомнение» вместо «сомнение».

Стр. 315, строка 2—3: «стали перед ним на коленки» вместо «стали перед ним на колени».

Стр. 315—316, строки 48—1: «поисклизнулся» вместо «поскользнулся».

Стр. 317, строки 10—11: «самого голосу его ребенок не мог снести» вместо «с самого голосу его ребенок не мог снести».

Стр. 318, строка 15: «малый робеночек» вместо «малый ребеночек».

Стр. 318, строка 21: «Так проходил он» вместо «Так проводил он».

Стр. 318, строка 32: «раскрыл ему Максим Иванович книгу» вместо «раскрыл ему Максим Иванович»

Стр. 319, строка 3: «не то что сожалеть, а и думать забыл?» вместо «не то что сожалел, а и думать забыл?»

Стр. 322, строки 10—11: «уже более не возвращался» вместо «уже не возвращался».

Стр. 323, строки 2—3: «совсем не преступные» вместо «совсем неприступные».

Стр. 331, строки 15—16: «воспомнил сие» вместо «вспомнил сие».

Стр. 336, строки 35—37: «в белой горячке и безответственный; и, может быть, еще три дня тому уже безответственный» вместо «в белой горячке и безответственный».

Стр. 342, строка 29: «полулистом» вместо «полулистиком» (по *ЧА*).

Стр. 349, строки 4—5: «узнававших во мне» вместо «узнавших во мне».

Стр. 350, строки 13—14: «Он проговорил это мрачно и веско» вместо «Он проговорил мрачно и веско» (по *ОЗ* и *ЧА*).

Стр. 350, строка 36: «только дайте дообедать» вместо «только дайте пообедать» (по *ОЗ* и *ЧА*).

Стр. 363, строки 9—10: «нынче всех этих дурачеств не требуется вовсе, а что нынче в наш век главное — сам человек» вместо «нынче в наш век главное — сам человек».

Стр. 363, строка 30: «Ничего, коль с грязнотцой» вместо «Ничего, коль с грязнотой».

Стр. 365, строки 15—16: «с светлым лицом, с светлым взглядом» вместо «с светлым взглядом» (по *ОЗ* и *ЧА).*

Стр. 369, строка 19: «случилось как бы нечто схожее» вместо «случалось как бы нечто схожее».

Стр. 372, строка 35: «я разъясню фокус» вместо «Я разъясню факт» (по *НР*).

Стр. 373, строка 11: «Заметь, однако» вместо «Затем, однако» (по *НР*).

Стр. 374, строка 36: «Это случилось еще в Германии» вместо «Это — еще в Германии» (по *БР*).

Стр. 375, строка 39: «всё прейдет» вместо «всё пройдет».

Стр. 381, строка 34: «буквальной боли» вместо «буквально боли» (по *ЧА*).

Стр. 392, строка 3: «так и слава бы богу!» вместо «так и слава богу!» (по *ЧА* и *ОЗ*).

Стр. 392, строка 26: «а мама вся вспыхнула» вместо «мама вся вспыхнула».

Стр. 393, строка 32: «как бы с досадой» вместо «как бы досадой» (по *ЧА*).

Стр. 394, строка 5: «прошла через всю душу мою» вместо «прошла всю душу мою» (по *ЧА*).

Стр. 395, строка 41: «и поверил и молол» вместо «и поверил, молол»

Стр. 408, строка 20: «кажется, забоюсь. Забоюсь — так кто же будет» вместо «кажется, забоюсь — так кто же будет».

Стр. 410, строка 39: «Я вошел» вместо «Я пошел».

Стр. 415, строка 11: «вы мне это сказали» вместо «вы мне сказали».

Стр. 417, строка 43: «Много в нас ума-то в обоих» вместо «Много в вас ума-то в обоих».

Стр. 421, строка 31: «поддакивала она мне» вместо «продолжала она мне».

Стр. 425, строка 9: «так отчего ж там-то столы не пляшут?» вместо «так отчего ж там столы не пляшут?».

Стр. 426, строка 21: «чтоб разыскать и разъяснить» вместо «чтоб разыскать».

Стр. 439, строка 3: «просьба его была уважена» вместо «просьба ее была уважена» (по *ЧА*).

Стр. 442, строка 42: «кража документа» вместо «кража документов».

Стр. 443, строки 38—39: «в которой я уже раз нечаянно подслушивал. Я сел на кровать и тотчас отыскал себе щелку» вместо «в которой я уже раз нечаянно отыскал себе щелку».

Стр. 445, строка 1: «увидав Версилова» вместо «увидя Версилова».

Стр. 445, строка 7: «Он схватил ее, бесчувственную» вместо «Он схватил ее, бесчувственною».

Стр. 445, строка 14: «возле самой ее головы» вместо «возле самой головы».

Стр. 445, строки 16—18: «я вдруг раздвинул портьеру и стал умолять его положить ее на кровать. Он подошел и положил, а сам стал над нею» вместо «Я вдруг раздвинул портьеру и стал над нею».

Стр. 445, строки 29—30: «рядом с Ламбертом» вместо «с Ламбертом».

1

Первые записи к роману «Подросток» сделаны Достоевским весной 1874 г., в последние месяцы сотрудничества в газете-журнале В. П. Мещерского «Гражданин».

Еще летом 1869 г. Достоевским был задуман роман о «детстве» героя.[1] В этом романе должен был занять определенное место рассказ об отношениях «отцов и детей», о переживаниях героя в пансионе Чермака. Отрывочные записи, сделанные во Флоренции, получили дальнейшее развитие в декабре 1869—январе 1870 г. в плане неосуществленной эпопеи «Житие великого грешника». О связи черновых записей к «Подростку» в начальный период работы с этим неосуществленным замыслом Достоевского свидетельствуют повторение отдельных мотивов и ситуаций, совпадение ряда героев: честные и преступные дети (среди них — Ламберт), герой Аркашка — незаконнорожденный, «великий грешник», который в конце должен стать «борцом за правду», пансион Чермака, детство героя, его унижения и мысль о том, что «деньги решают всё», колебания на пути осуществления идеи, чтения Гоголя и «эффект» этих чтений, «святая мать, идеальное и странное создание», мотивы «пощечины» и «подкинутого младенца», тема формирования человеческой личности.[2] В августовских черновых записях к «Подростку» Достоевский формулирует подзаголовок будущего романа: «Исповедь великого грешника, писанная для себя».[3] Всё это связывает с замыслом «Жития» образ Подростка. Внутреннее ощущение автором героя задуманного романа в качестве нового варианта «великого грешника» позволило А. С. Долинину соотнести с прежним замыслом и образ Версилова (как и Ставрогина).[4] Действительно, «огромная», «бесконечная» широкость натуры будущего Версилова отмечается Достоевским на протяжении всех подготовительных материалов. В программе «Жития» есть формулировка — «начало широкости». Она связана с осмыслением противоречивых и немотивированных поступков «великого грешника». Далее следует запись: «Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну» (наст. изд., т. IX, стр. 129), перекликающаяся с темой «игры с дьяволом» — самохарактеристикой Версилова (ЕГО), о которой речь пойдет ниже. Эту двойственную связь героя «Жития» с Подростком и Версиловым можно видеть и в том признании духовного родства, которое делает Аркадий на стадии черновиков, сравнивая действенные проявления широкости отца с собственными импульсивными побуждениями: «Я сам был Версилов» (XVI, 330). Интересно и следующее обстоятельство. В «Житии» Тихон говорит «великому грешнику»: «...надо победить только себя. Победи себя и победишь мир» (наст. изд., т. IX, стр. 139). Эти же слова повторяются Макаром Долгоруким Подростку, ощутившему в себе «душу паука». В «Бесах» (глава «У Тихона») они говорятся и Ставрогину, к которому столь близок Версилов в ранних черновых набросках. Тема «широкости» и путь преодоления ее связывают, таким образом, с замыслом «Жития» обоих героев «Подростка».

Роман «Подросток» печатался на страницах «Отечественных записок». Уже сам этот факт свидетельствовал об определенных изменениях в мироощущении Достоевского середины 70-х годов. Художественно-философское исследование действительности в записных тетрадях этого периода, «Дневнике

[1] См.: наст. изд., т. IX, стр. 125.

[2] См.: *Сб. Достоевский*, II, стр. 177—207; *Комарович, Генезис романа «Подросток»*, стр. 366—386; *Долинин*, стр. 35—37; *Розенблюм*, стр. 12—14 и др.

[3] См.: наст. изд., т. XVI, стр. 67. — Далее ссылки на XIII и XVI тома наст. изд. даются в тексте: римская цифра — том, арабская — страница.

[4] В. Л. Комарович связывает истоки образа Версилова с героем «Жития» Альфонским, отцом «великого грешника»: «... отец Альфонский — элемент занимательной фабулы в записях 1869 г. ⟨...⟩ превращается в героя законченного романа, Версилова ⟨...⟩ как оттенение и родовое обоснование религиозных судеб героя-мальчика, его колебаний между добром и злом, его жажды „благообразия“» (*Комарович, Генезис романа «Подросток»*, стр. 376, 378).

писателя» за 1873 г., романе «Подросток» и подготовительных материалах к нему, наконец, вполне ощутимые сдвиги в общественной позиции «Гражданина» с приходом писателя на пост редактора журнала — вскрывают и истоки этих изменений: факты «текущей действительности» русской (утверждение буржуазного пути развития) и европейской (Парижская коммуна) колеблют ту устойчивую систему почвенничества, которая казалась столь прочной еще в начале 70-х годов.

Обращение к «Дневнику писателя» за 1873 г. позволяет вскрыть и другой аспект, свидетельствующий о значительных изменениях в идеологических построениях Достоевского (см.: *Семенов*, стр. 45—60). В условиях всеобщего разложения старых устоев (в том числе и в среде народа) Достоевский вынужден был признать роль интеллигенции: она, по его мнению, должна объединиться и помочь народу «найти себя». «Элементы системы Достоевского подвергаются перегруппировке... Открываются пути сближения с крайними либералами, т. е. с народнической демократией, но, с другой стороны, — и возможность сойтись с консерваторами типа князя Мещерского по формуле: „Лучшие люди должны объединиться“, в которую Достоевский вкладывал, конечно, свое содержание. [1] Неясное видение перспективы общественного развития заставляло Достоевского ставить вопрос об отношении старого и нового с известным подчеркиванием положительного момента старого» (*Семенов*, стр. 57—58).

«Дневник писателя» за 1873 г. свидетельствует также, что в сфере пристального внимания писателя находится молодая Россия и те духовные процессы, которые она переживает. Ощутима та эволюция, которая совершается от главы «Старые люди» к главе «Одна из современных фальшей». Верность петрашевцев своей идее, столь высоко оцененная в этой последней главе «Дневника писателя», выдвигается Достоевским в подготовительных материалах к «Подростку» своего рода эталоном всякого «настоящего нигилиста»: «Наши нигилисты? Да разве это чистый тип, что-нибудь выравнявшееся и установившееся? Ничуть! Я их предчувствовал еще раньше их появления, и, признаюсь, они обманули мои ожидания. Настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом, да и знать должен, что никакая сделка решительно невозможна» (XVI, 285). К «настоящим нигилистам» предъявляются определенные, реальные и жесткие требования — значит, их бытие, неизбежность его признается. [2] В августе 1875 г., работая над третьей частью «Подростка», Достоевский вступает в полемику с Р. А. Фадеевым, автором книги «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)» (СПб., 1874). Отдавая должное двум центральным мыслям книги Фадеева — идее объединения духовных сил и признанию главенствующей роли дворянства (и в то же время переосмысляя их принципиально), Достоевский развертывает полемику с ним по двум направлениям. В центре первого — критика положения Фадеева об укрупнении землевладений, могущем привести к унич-

---

[1] Ср. в подготовительных материалах к «Подростку»: «У нас лучшие люди потерялись, сколько голов — столько умов. Самарин, Фадеев, коммунизм. Лучшие люди России должны соединиться. Но все лихорадочно, пламенно и искренно» (XVI, 367). Или: «Главное — мы. Мы люди с мыслию, и за нами всё пойдет. Белинский был один, когда задумал свой поворот после статьи своей „Бородин⟨ская⟩ годовщина“, и что же — все за ним пошли. Идея его всех победил⟨а⟩» (XVI, 16). Ср. та́кже раздел «Лишние люди» второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

[2] См. также: *Комарович, «Мировая гармония» Достоевского*, стр. 112—142; *Комарович, Юность Достоевского*, стр. 3—43; *Долинин*, стр. 82; *Розенблюм*, стр. 7—11; Н. И. Пруцков. 1) Социально-этическая утопия Достоевского. В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Изд. «Наука», М.—Л., 1969, стр. 334—373; 2) Утопия или антиутопия? В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 88—107; Р. Г. Назиров. О противоречиях в отношении Ф. М. Достоевского к социализму. В кн.: Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, 1967, стр. 136—149.

тожению дворянства, дворянского духа, так как именно в мелких владениях — «старые знатные роды и дух дворянства» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 315). В центре второго — реабилитация нравственных достоинств русских последователей Фурье: «Ростислав Фадеев и Фурье. Нет, я за Фурье... Я даже отчасти потерпел за Фурье наказание... и давно отказался от Фурье, но я все-таки заступлюсь. Мне жалко, что генерал-мыслитель трактует бедного социалиста столь свысока. Т. е. все-то эти ученые и юноши, все-то эти веровавшие в Фурье, все такие дураки, что стоило бы им прийти только к Ростиславу Фадееву, чтоб тотчас поумнеть. Верно, тут что-нибудь другое, или Фурье и его последователи не до такой степени все сплошь дураки, или генерал-мыслитель уж слишком умен. Вероятнее, что первое» (там же, стр. 311). Защита этических принципов петрашевцев при анализе книги, посвященной современному положению России, соотносилась в сознании Достоевского с общественно-философскими и политическими исканиями 70-х годов. Черновые записи к «Подростку», сделанные в августе 1874 г., позволяют увидеть и реальную основу для такого соотнесения.

Вопросы об историческом значении России, о Востоке и Западе, об отношении личности и общества в настоящем и будущем строе человечества приобретали в период усиленного развития капитализма в России особо острое значение: росло желание объективнее исследовать потенциальные возможности различных слоев русского общества и характерные для них умонастроения. Не случайным представляется то, что именно в этот период Достоевский делает «первую пробу» в осуществлении своего давнего замысла об «отцах и детях».

«Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении... Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для „Отечественных записок", я чуть было не начал тогда моих „Отцов и детей", но удержался, и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь „Подростка", — эту первую пробу моей мысли. Но тут дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни. Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и „случайность" свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своем, любуется им еще в стыдливых, но уже дерзких и бурных мечтах своих...» — так писал Достоевский о романе «Подросток» в первой главе «Дневника писателя» за 1876 г.

Работа над романом начинается, очевидно, в феврале 1874 г. В марте Достоевский решает уйти из «Гражданина». В апреле с ним встречается Н. А. Некрасов (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 259—261) и предлагает напечатать новый роман на страницах «Отечественных записок». Достоевский едет в Москву, чтобы урегулировать вопрос о публикации с М. Н. Катковым. Свое решение не публиковать роман в «Русском вестнике» он мотивирует после разговора с Катковым причинами материального порядка (Катков не решался на выдачу аванса в 2000 руб., по 250 руб. за лист). Но основания для ухода из «Русского вестника» были, по-видимому, более существенны: А. С. Долинин справедливо связал их и с произволом, допущенным Катковым при публикации «Бесов» (изъятие главы «У Тихона»), и с обострением отношений Достоевского с В. П. Мещерским (особенно в вопросе о правительственном надзоре за студентами), и с тем вниманием к его таланту, которое нельзя было не почувствовать в статьях Н. К. Михайловского о Достоевском и его последнем романе (*ОЗ*, 1873, №№ 1, 2). Сыграли роль также личные встречи с Некрасовым, его приглашение печататься в «Отечественных записках» на благоприятных для Достоевского условиях (подробнее см.: *Долинин*, стр. 16—17). Были и другие весьма существенные причины, сделавшие возможной для Достоевского публикацию «Подростка» в «Отечественных записках», — интерпретация темы отцов и детей, оценка роли дворянства в период всеобщего разложения, дискредитация роли методов математических в науках

нравственных и социальных, т. е. важнейшая проблематика, определившая замысел и идейно-художественную структуру романа «Подросток», в своих существенных аспектах объективно совпадала с рядом суждений Н. К. Михайловского на страницах «Отечественных записок» в период 1870—начала 1874 годов, при всем несходстве и полемичности идейных концепций Достоевского и «Отечественных записок» в целом.

Уже приняв решение не печатать свой очередной роман в «Русском вестнике», Достоевский 25 апреля 1874 г. пишет жене из Москвы: «Завтра, твердо уверен, окончу дела (т. е. получением отказа) и как можно поскорее вернусь». Получив от Каткова отказ, по-видимому, 28 апреля (ср. письмо Достоевского к жене от 26 апреля 1874 г.), писатель возвращается в Старую Руссу. С этого времени начинается регулярная работа над романом, предназначенным теперь уже окончательно в «Отечественные записки».

В ходе работы над «Подростком» можно выделить несколько стадий. Каждая из них знаменуется перераспределением нагрузок между наметившимися действующими лицами, существенными изменениями в сюжетной канве. Центральная мысль романа, оформившаяся уже в период работы над первым «Дневником писателя» (1873), определяется сразу как идея поисков «добра» и «зла», «руководящей нити поведения» в период «разложения, захватившего все слои и все возрасты». Факты текущей действительности, тематически однородные с первыми набросками замысла, врываются на страницы черновиков с первых записей — именно хроника «Московских ведомостей» от 26 февраля и 12 апреля позволяет датировать ранние наброски Достоевского. Симптомы тревоги, ощутимые в «Дневнике писателя» (1873), становятся все более устойчивыми. О «вавилонском столпотворении», поразившем его в мире западной буржуазной цивилизации, Достоевский писал еще в 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 68—74). Теперь это ощущение и эту характеристику он с болью вынужден связать и с Россией.

Среди ранних набросков романа есть следующая авторская ремарка, сопровождающая диалог героев: «Главное: во всем идея разложения, ибо все врозь и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети врозь».

«— Столпотворение вавилонское, — говорит ОН. — Ну вот мы, русская семья. Мы говорим на разных языках и совсем не понимаем друг друга. Общество химически разлагается.

— Ну нет, народ.

— *Народ тоже*» (XVI, 16; курсив наш, — *ред.*).

В статье «Два лагеря теоретиков» (1862), вскрывая крайности общественно-философских воззрений западников и славянофилов (отрицание народности западниками; слепая идеализация допетровской Руси, неприятие общечеловеческих ценностей, вошедших в сознание «высшего культурного слоя», — славянофилами), Достоевский говорил о необходимости обновления русской общественной жизни. Источник такого обновления он видел в народе, стимулы — в проведенной крестьянской реформе и последующих намечавшихся преобразованиях земства, суда, просвещения. Деятельность на посту редактора «Гражданина» десять лет спустя Достоевский начинает с выяснения общих закономерностей «текущей жизни», постоянно свидетельствующей об отсутствии какого бы то ни было «обновления». Уже в первом номере «Гражданина» помещается рецензия на книгу А. А. Головачева «Десять лет реформ» (СПб., 1872). Давая высокую оценку «замечательного труда» Головачева, автор рецензии подчеркивает: «... все реформы последнего десятилетия, за исключением одной или двух, страдают отсутствием единства, недостатком общих *руководящих начал*, часто совершенно несогласны одна с другою не только по духу и основным своим началам, но иногда и противоречат одна другой в частностях и по буквальному смыслу отдельных постановлений... вместо ожидаемой пользы некоторые реформы приносили лишь вред» (курсив наш, — *ред.*). В номере четвертом «Гражданин» вновь обращается к анализу той же книги. Отмечая спорность ряда положений, рецензент разделяет мысль Головачева о необходимости «общих начал», которые отсутствуют

в русском обществе. В сентябре 1873 г. Н. Н. Страхов, один из ведущих критиков «Гражданина», писал: «„Век без идеалов“ — таков приговор нашему времени... Такие мнения стоят того, чтобы на них остановиться... Они без сомнения составляют выражение того чувства, которое давно знакомо многим и не раз было выражаемо, но которому суждено все больше и больше распространяться, — чувства, что люди потеряли *руководящую нить* своего прогресса, что в наше время происходит крушение старых начал жизни и не видно нарождения новых» (*Гр*, 1873, № 36, 3 сент.). С этим восприятием общего состояния России после десятилетних преобразований перекликаются высказывания критиков и демократического, и народнического лагеря. В частности, М. Е. Салтыков-Щедрин еще в 1872 г., в «Дневнике провинциала» писал о том, что «потребность страстной руководящей мысли заменена хладным пережевыванием азбучных истин» (*Салтыков-Щедрин*, т. X, стр. 423). Полугодом позднее на отсутствие «общих руководящих понятий» указывал Н. В. Шелгунов в «Заметках провинциального философа» («Неделя», 1874, № 7, 17 февраля). Близкие впечатления от общественно-политических и экономических процессов того времени отразились и в романе Л. Толстого «Анна Каренина».[1] Передавая размышления своего героя на эту тему, Толстой замечал: «...у нас теперь, когда всё это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России» (*Толстой*, т. 18, стр. 346).

Нельзя не отметить прямых перекличек всех этих оценок современного состояния общества представителями столь разных идеологических кругов с записями Достоевского к роману «Подросток» с первых шагов работы над замыслом. В августе 1874 г. Достоевский пишет: «Нет у нас в России ни одной руководящей идеи» (XVI, 44). Тогда же: «...*во всем:* отсутствие и потеря общей идеи (в это царствование от реформ). Всё врозь» (XVI, 50). Четко формулируется эта оценка в августовской разработке одного из диалогов между героями в качестве основной темы: «Недостаток общей, руководящей идеи, затронувшей все образования и все развития ⟨...⟩ Потеряна эта связь, эта руководящая нить...» (XVI, 68). И почти к этому же времени относится запись: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий ⟨...⟩ в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет)» (XVI, 80). Следует отметить также, что об *отсутствии* «руководящей великой идеи» говорится еще в черновиках к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 110). Но существенно то, что в 1870 г. она высказывается Кармазиновым в разговоре с младшим Верховенским и, в отличие от периода «Подростка», не может рассматриваться как выражение идейно-эстетического кредо Достоевского.

Как следствие «всеобщего разложения» в пореформенный период из номера в номер отмечается в «Гражданине» катастрофический рост убийств и самоубийств, говорится о распадении семей. Помещаются периодические обозрения материалов на эту тему из «С.-Петербургских ведомостей», «Нового времени», «Московских ведомостей», «Русских ведомостей», «Саратовского справочного листка», «Рижского вестника», «Судебного вестника», «Камско-Волжской газеты» и т. д. (см.: *Гр*, 1873, №№ 2, 13, 18, 21, 23, 38—40, 43, 49 и др.; 1874, №№ 1, 2, 11, 12 и др.). В этой «летописи ужасных преступлений» (*Гр*, 1873, № 19, 7 мая) — детоубийцы, матереубийцы, отцеубийцы. Подавляющая часть их — из народной среды, «почвы», на которую Достоевский возлагал столь большие надежды еще в период «Бесов». Как забвение обязанностей человека рассматривается в ряде обзоров состояние равнодушия, вторгающегося даже в народное сознание. В одной из заметок сообщалось: «...на Волге, между городами Самарой и Саратовом, сорвавшийся плот с четырьмя крестьянами несся, затертый льдинами, в продолжение трех суток. Во всех селах, где проходил этот плот, никто из жителей не пришел несчастным на помощь, несмотря на отчаянные их крики...» Автор обзора заключал: «Воля ваша, а факт этот нов в анналах русской народной жизни»

[1] Первые главы «Анны Карениной» были опубликованы в № 1 «Русского вестника» за 1875 г.

(*Гр*, 1873, № 19, 7 мая). Тема этого обозрения присутствует и в корреспонденции «Из Бахмута» о «жене пристяжной» (*МВед*, 1874, № 50, 26 февр.), — корреспонденции, отмеченной Достоевским среди первоначальных записей к «Подростку» и перепечатанной одновременно в «Гражданине» (1874, № 10, 11 марта). 22 октября 1873 г. в заметке «Что нам нужно в деле образования народа?» («Гражданин» № 43) указывалось: «Когда мы сравниваем те факты, по которым можем судить о нравственности народа, например факты и цифры пьянства, мы убеждаемся в том, что теперешняя нравственность народа несравненно хуже...»

В заметках о самоубийствах подчеркивалась их массовость и катастрофический рост в пореформенный период. Эпидемии самоубийств среди молодежи посвящает специальную статью В. П. Мещерский (*Гр*, 1873, № 19, 7 мая). [1] Она имеет принципиальное значение не только для уяснения расхождений позиций Достоевского и Мещерского в этот период, но и для анализа творческой истории «Подростка». В. П. Мещерский объясняет общественно-исторические причины самоубийств среди молодежи ростом «нигилизма» и ставит знак равенства между самоубийцами и нигилистами. В период максимального внимания к теме «нигилизма» в процессе работы над замыслом романа, в августе 1874 г., Достоевский обращается к проблематике статьи Мещерского. Точка зрения Достоевского существенно иная. В наброске одного из диалогов Подростка с Версиловым последний говорит: «Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы, или монахи. Первые — это „деловые", которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти никогда не застреливаю⟨тся⟩ ⟨...⟩ Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая» (XVI, 76—77). В вере «истинных» нигилистов Достоевский видит «жажду обновления». Эти слова, приводимые Д. Д. Кишенским в письме к Достоевскому от 29 июля 1873 г. [2] с целью «обличения» позиции Достоевского по отношению к молодому поколению, неоднократно употребляются самим Достоевским в черновиках в период завершения работы над первой частью романа: «В НАШЕМ обществе — жажда обновления, новых правых путей и воскресенья ⟨...⟩ в прямом смысле жажда обновления ⟨...⟩ Дух обновления, искание правого пути» (XVI, 242). О различии между «истинным» нигилизмом и «нигилятиной» Достоевский пишет и самому В. П. Мещерскому 4 марта 1874 г.: «...хотел написать про Ольгу Ивановну из процесса о подделке тамбовских акций [3] *как про тип бессознательно-въевшейся* нигилятины в самом отвратительном и полном виде в девчонку, которая, может быть, и не слыхала никогда про нигилизм». Письмо Достоевского связано с дискуссией между В. П. Мещерским и Я. П. Полонским о молодом поколении (см.: *Гр*, 1874, №№ 4, 7, 9—11, 13—14). Во втором из полемических фельетонов, озаглавленных «Письма хорошенькой женщины», В. П. Мещерский утверждал: «Наше молодое поколение — это *ничто* и ничего более». Эта фраза сопровождалась подстрочным редакционным примечанием Достоевского: «Редакция не может похвалить способ выражения своей испуганной сотрудницы, тем более что она вдается в некоторую односторонность ⟨...⟩» (*Гр*, 1874, № 7). В заключительном фельетоне Мещерский кри-

---

[1] Уже после появления этой статьи в заметке «Три случая самоубийства» (*Гр*, 1873, № 23) вновь отмечалось: «Ужасная эпидемия! Равнодушным оставаться нельзя; надо что-нибудь предпринять; теперь главная забота не классицизм, а спасение юношества от самоубийства. Надо, чтобы с юношеством заговорили отцы, матери, учителя, наставники духовные, надо, чтобы заговорила литература... но она только повествует о самоубийствах, а о духовной стороне этого ужасного явления она молчит, упорно молчит».

[2] См.: *Д, Письма*, т. III, стр. 311—312.

[3] О роли этого процесса в сюжете романа «Подросток» см. ниже, стр. 314—315.

тиковал «теорию среды» как идейную платформу нигилизма и использовал понятие «право на бесчестье», употребленное Достоевским в «Бесах»: «„Среда украла...“ Эта известная мысль есть одна из коренных и фундаментальных основ теперешнего социального брожения в Западной Европе, и именно там, где, при отсутствии истинно понимаемого христианства, принижена утопистами человеческая личность до того, что с нее уже снята всякая ответственность за поступки ее, да и сама личность как бы радуется своей безответственности, в сущности своему обезличению (...) Мы, русские, взяли из этой идеи (на Западе органически развившейся, а для нас пустой и порожней) (...) одно только *право на бесчестье*» (*Гр*, 1874, № 13—14). Самые ранние черновые записи к «Подростку» свидетельствуют о том, что проблематика, связанная с понятиями «среда заела» и «право на бесчестье», во многом определяет на первой стадии ход работы над романом. Но соотнесенность этих понятий с «нигилизмом» у Достоевского иная, нежели у Мещерского. К концу марта — началу апреля 1874 г. относится запись о «голоштанных попытках и страшном праве на бесчестье». В одном из первых набросков диалога Версилова и Подростка (август 1874 г.) носительницей «права на бесчестье» Достоевский делает «нигилятину», отделяя ее от нигилизма. В начале сентября 1874 г. писатель соотносит нигилизм (в истоках своих связанный с идеями утопического социализма) с кругом проблем «теории среды», отмечая при этом, что в понимании нигилистов виновность среды отнюдь не снижает ответственность личности. Существенно, что вывод этот делается «ищущим что добро, что зло» Подростком как следствие разговоров его с Версиловым и Васиным: «Итак, я не виноват в бесчестии, а общество виновато. Вот почему Васин и идет разрушать. Васин, впрочем, жертвует всем *своей идее*; ведь и он мог бы сложить руки и сказать, что „общество виновато“. Нет, видно, это не отговорка» (XVI, 106). В период размышления над итогами реформ пристальное внимание Достоевского к молодому поколению сопровождается, как уже было сказано, активным выяснением жизнедеятельных сил русского дворянства. К началу августа 1874 г. относится следующая запись в черновиках к «Подростку»: «Нет у нас в России ни одной руководящей идеи. Пример: роль дворянства, принцип потерян, отвлеченная идея на воздусях, на кончике иголки, не удержится» (XVI, 44). Исследование роли дворянства, его положительных возможностей, сконцентрированное в романе вокруг личности Версилова, [1] связано во многом с тем кругом проблем, которые были подняты в «Гражданине» за 1873 г. в связи с десятилетием русского земства, образовательной реформой, предстоящей военной реформой. В уяснение позитивных сил дворянства выливается в конечном счете полемика М. П. Погодина с А. Н. Пыпиным о славянофильстве. [2] Эта тема присутствует и в ряде статей Н. Н. Страхова (см. об этом ниже, стр. 282—284). 1 октября 1873 г. в «Гражданине» (№ 40) публикуется статья Святослав-Солынского «Неизбежные размышления» с подзаголовком «Люди, где же люди?». Говоря об итогах реформ, проведенных в России после 1861 г., — питейно-акцизной, земской, судебной и т. д., — автор сосредоточивает свое внимание на выяснении нравственной силы,

---

[1] Фамилия героя — Версилов — восходит, по-видимому, к роду потомственных дворян Версиловых, проживавших в Старой Руссе. За несколько лет до приезда Достоевского в Старую Руссу там жил помещик Андрей Павлович Версилов, о котором писатель слышал от своих старорусских знакомых (см.: *Рейнус*, стр. 28). Следует отметить также, что в списке потомственных дворян Старой Руссы, помещенном в книге М. И. Полянского «Иллюстрированный историческо-статистический очерк г. Старой Руссы и Старорусского уезда» (Новгород, 1885, отд. II, стр. 82) значатся пять Версиловых — пять сыновей Андрея Павловича Версилова.

[2] М. П. Погодин. К вопросу о славянофилах. *Гр*, 1873, № 11, 12 марта, стр. 347—352; № 13, 26 марта, стр. 415—420; А. Н. Пыпин. Характеристики литературных мнений. *ВЕ*, 1872, № 11, стр. 47—97; № 12, стр. 618—678. См. также полемику Достоевского с Пыпиным в «Дневнике писателя» за 1873 г. (глава «Мечты и грезы»).

единственно действенной в успехе той или иной реформы «только по местам». Такой силой оказываются представители дворянства, связанные с коренными русскими верованиями, «одинокие, друг от друга отделенные личности». В декабре 1873 г. в «Гражданине» (№№ 49, 51) за подписью *** печатаются две статьи (К. П. Победоносцева?), связанные с обсуждавшимся в печати проектом положения о воинской повинности. Проблематика второй из них — «О роли русского дворянства перед военной реформой» — перекликается отчасти с той трактовкой нравственного облика дворянина, «высшего культурного типа», которая излагается в диалогах Версилова с молодым князем Сокольским и в заключающем роман письме Николая Семеновича: «...добродушное отношение русского дворянства к своей государственной роли было так постоянно, что недаром сложилась в обществе мысль в виде политического афоризма, что *русского дворянства не существует*!

И действительно, русского дворянства как особой, внешней государственной политической силы, как связанной тесною солидарностью корпорации — не было и нет!

Но есть русское дворянство *как дух*, как мир известных, из рода в род завещаемых и свято сберегаемых преданий! Отвергать этот дух, этот мир преданий может только тот, кто хочет их отвергать, кто находит в себе причины их отвергать, и чем больше решимости к такому отрицанию, и чем больше ненависти в такой решимости, тем более доказательств, что этот дух есть что-то *сильное* и *живучее*, ибо не стоило бы ненавидеть и отрицать то, чего нет!» (*Гр*, 1873, № 51, 17 декабря, стр. 1360). Однако «дух преданий, традиций чести и долга» рассматривается в этой статье в отрыве от «духа образованности». «Екатерининские люди более сделали этим духом (чести и долга, — *ред.*), чем своим образованием, и с тех пор, следя за историею России по настоящее время, трудно не видеть, как много чрезвычайных подвигов свершило русское государство при самом ничтожном уровне образования, но при постоянном влиянии на события духа русского дворянства...». В сознании же Достоевского «дух образованности» неотделим от «духа чести и долга». Дворянство для Версилова — хранитель «чести, света, науки и высшей идеи» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 177). К «верхнему разряду людей», по его мнению, дает право примкнуть «подвиг чести, науки и доблести» (там же). В черновых монологах Версилова о «дворянстве и лучших людях» понятие «дворянин» — символ человека образованного, который должен «опять стать во главе общества». Следует отметить, что идея противопоставления «духа образованности» русского дворянства духу предания в статье «Гражданина» вызвала резкое неприятие Н. К. Михайловского уже в № 1 «Отечественных записок» за 1874 г.: «Труднее всего постичь, зачем он («Гражданин», — *ред.*) столь многократно противопоставляет дух образованности духу русского дворянства, будто уж это совершенно непримиримые духи ... Неужели ... между духом русского дворянства и духом образованности лежит целая пропасть?».[1] Так, в рецензии на статью «Гражданина» выявилось совпадение между Михайловским и Достоевским в интерпретации одной из главных черт «духа русского дворянства». Достоевский с этой рецензией Михайловского был знаком.[2]

«Идеальная» сущность дворянина и его реальное историческое лицо противопоставляются в статье «Гражданина» (1874, № 13—14) «Еще слово о дворянстве»: «...с одной стороны, всякий здравомыслящий русский сознает необходимость в настоящее время какого-либо передового, но в то же время нравственно спокойного, убежденного и тесно объединенного сословия, которое, независимо от правительства, могло бы стоять на высоте верного понимания задач и нужд внутренней жизни России, а с другой — всякий в то же время почему-то предчувствует,

---

[1] Н. К. Михайловский отметил также противоречивое отношение автора статьи к надвигающейся военной реформе и неопределенность в общей ее оценке (*ОЗ*, 1874, № 1, стр. 151—155).

[2] О чтении Достоевским №№ 1—4 «Отечественных записок» за 1874 г. см. ниже, стр. 291.

как далеко наше русское дворянство от этой исторической роли ⟨...⟩ Минута для дворянства русского, поместного, в родословные книги по губерниям вписанного, настала весьма важная. Теперь не во фразах и не в заверениях дело, а в деле. Оно должно или доказать, что *оно есть живое тело с умом и сердцем*, или доказать, что правы те, которые *его не признают*. Средины нет!» Указанные статьи о дворянстве (особенно за подписью ***) перекликаются в ряде своих положений с циклом заметок Р. А. Фадеева «Чем нам быть?», которые печатались в газете «Русский мир» с 21 марта по 30 августа 1874 г., а затем вышли отдельным изданием под заглавием «Русское общество в настоящем и будущем» (СПб., 1874). 23 сентября «Гражданин» (1874, № 38) откликается на работу Фадеева рецензией Е. Белова: «Автор „Чем нам быть?", — пишет Белов, — совершенно справедливо говорит, „что единственный общественный слой в России, не только достаточно образованный, не только проникнутый *в известной мере* историческими преданиями, но единственный, сохранивший хотя некоторую привычку к связности ⟨...⟩ есть дворянство, и только оно"». Приветствуя работу Фадеева в целом, Белов не приемлет, однако, мысли автора о том, «что дворянство не может быть самостоятельным сословием в государстве», поскольку «оно есть творение верховной власти». Книга Фадеева вышла в Петербурге осенью 1874 г.[1] Летом 1875 г. Достоевский посвящает ее анализу[2] ряд страниц в записной тетради. Именно к этому времени относятся записи в черновиках к «Подростку» о «воспитательном» периоде русской истории и употребляемое в книге Фадеева понятие «высший культурный тип»,[3] которое вводится Достоевским в исповедь Версилова с прямой ссылкой на автора работы «Чем нам быть?» (см. ниже, стр. 333). В это же время в списке книг «необходимых», приведенном в записной тетради (1875), отмечаются Достоевским труд А. В. Романовича-Славатинского «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» (СПб., 1870) и книга Ю. Самарина и Ф. Дмитриева «Революционный консерватизм» (Берлин, 1875), направленная против Р. Фадеева.

Версилов ощущает свою оторванность от «почвы», от коренных русских верований, сознает свое «безобразие». Возводя истоки этой оторванности к периоду петровских преобразований, он, однако, не односторонен в общей философско-исторической оценке их. Говоря о «неуважении к самим себе» как непременном «условии» общества, созданного по плану Петра, Версилов отмечает: «Петр Великий нас сделал гражданами Европы, и мы понесли общечеловеческое соединение идей» (XVI, 416). А в одной из авторских характеристик Достоевский подчеркивает: «ОН еще раз. Помещик, деспот, сильный ум, настолько критический, чтоб не стать ни славянофилом, ни западником» (XVI, 181). Исследуя положительные возможности русского дворянства, Достоевский возвращается к проблематике статьи «Два лагеря теоретиков».[4] Крайности славянофильства и западничества, мешающие «лучшим людям» объединиться, — одинаково неприемлемы для него. Но попытка Версилова примирить эти крайности существенно дополняет

---

[1] См. письма к Р. А. Фадееву И. С. Аксакова, В. И. Васильчикова, С. М. Воронцова от 12, 16 и 28 ноября 1874 г.: *ЦГИА*, ф. 1100, оп. 1, №№ 36, 37, 39.

[2] Подробнее о Р. А. Фадееве и его работе см.: Е. И. Семенов. У истоков романа «Подросток». *РЛ*, 1973, № 3, стр. 107—116.

[3] Это понятие, используемое в книге Фадеева, генетически восходит, по-видимому, к теории «культурно-исторических типов», развиваемой в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». С этой работой Фадеев был знаком и разделял ее общую концепцию (см. об этом: Р. А. Фадеев. Наш военный вопрос. СПб., 1873). Факт «весьма близкого» совпадения мыслей Фадеева по «восточному вопросу» с положениями Данилевского отмечался в одной из рецензий «Гражданина» (1873, № 44, 29 октября, стр. 1180).

[4] О полемике вокруг темы дворянства в 1860-е годы см. в комментариях к роману «Игрок» (наст. изд., т. V, стр. 399—400). См. также: *Кирпотин, Достоевский*, стр. 73—108.

собою ряд обстоятельств, обрекающих его на «двойничество», и кончается крахом.

Истоки замысла «Подростка» связаны, таким образом, во многом с редакторской деятельностью Достоевского в «Гражданине». Соотнося искания героя своего романа с философской интерпретацией действительности, характерной для периода подведения итогов первого пореформенного десятилетия, Достоевский пишет в августе 1874 г.: «Он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа» (XVI, 71).

2

Понятие «беспорядок» употребляется Достоевским и в «Идиоте», и в «Бесах». Русская историческая действительность 60-х годов узаконивает «*бесправильность*, отрицание долга ⟨...⟩ бесстрашие перед преступлением, эгоизм» (XVI, 53). В «Подростке» понятие «беспорядок» вносится Версиловым в сознание Аркадия еще в период оформления замысла (XVI, 101). В это время слово «беспорядок» — и один из возможных вариантов заглавия романа. Основываясь на анализе «Выбранных мест из „Переписки с друзьями“» и других поздних сочинений Гоголя, В. Я. Кирпотин полагает, что и слово, и само понятие «беспорядок» Достоевский «заимствует» у Гоголя (см.: В. Я. Кирпотин. У истоков романа-трагедии. Достоевский— Пушкин— Гоголь. В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 27). Но хотя тема разложения общества в целом и дезинтеграции личности, в частности, — одна из стержневых для Гоголя,[1] вряд ли возможно говорить о заимствовании Достоевским у Гоголя понятия «беспорядок». Другое дело — возможность и закономерность для исследователя соотносить это понятие и его идейно-художественную реализацию у обоих писателей (при том глубочайшем внимании, которое проявлял Достоевский к Гоголю на протяжении всей жизни [2]).

В первых набросках к роману, датируемых февралем — апрелем, намечаются темы, разработка которых содержит в себе максимальные возможности для реализации намеченной идеи. Основной сюжетный контур целого ряда тем — «случайное семейство» (тот же контур ощутим уже в «Игроке» и «Идиоте»): мать, вышедшая вторично замуж, сведенные дети, их страдания; зло, смерть матери и протест детей; добро, боец за правду, его одиночество. С представлением о нем соотносится образ школьного учителя, возникающий рядом с протестующими и уходящими из семьи детьми. Он сам «взрослый ребенок и лишь проникнут сильнейшим живым и страдальческим чувством любви к детям» (XVI, 6). Разница между ним и детьми лишь в жизненном опыте и степени выстраданности права на соучастие. Одновременно, в связи с идеями коммунизма, которые проповедует герой, возникает тема «искушения дьявола». В своих истоках образ школьного учителя восходит и к князю Мышкину — «положительно прекрасному человеку», — и к «идеальному учителю» — герою неосуществленного замысла «Зависть». Причастен он отдельными гранями своей личности (ОН и дети) и к будущему Алеше Карамазову.

Одновременно возникает образ «замученного ребенка». Смерть его ассоциируется у Достоевского с финалом возможной фантастической поэмы-романа: «будущее общество, коммуна, восстание в Париже, победа, 200 мил-

---

[1] См.: Е. А. Смирнова. Творчество Гоголя как явление русской демократической мысли первой половины XIX века. В кн.: Освободительное движение в России. Межвузовский сборник, № 2. Саратов, 1971, стр. 73—93.

[2] Если же говорить о «Подростке», то следует отметить, что уже в первом наброске к роману есть запись: «описание эффекта чтений Гоголя» (XVI, 5). Ассоциативные обращения к Гоголю в дальнейших текстах черновиков неоднократны.

лионов голов, *страшные язвы*, разврат, истребление искусств, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть» (XVI, 5).[1] Мелькает фигура застрелившегося человека. Рядом с ним — то «бес вроде Фауста», то молодой человек, прежний товарищ.

Все эти наброски уже в начальный период работы подчиняются главенствующей мысли: «РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ, И О ГЕРОЕ-РЕБЕНКЕ» (XVI, 5). Это намерение настолько овладевает воображением Достоевского, что весной 1874 г. он обращается к А. Ф. Кони с просьбой познакомить его с арестантским отделением малолетних в тюремном замке.[2] Его просьба имела реальные причины. 12 апреля в записной тетради сделана следующая запись: «Заговор детей составить свою *детскую империю*. Споры детей о республике и монархии. Дети заводят сношения с детьми-преступниками в тюремном замке. Дети — поджигатели и губители поездов. Дети обращают черта. Дети — развратники и атеисты. Ламберт. Andrieux» (XVI, 6).

Среди денежных расчетов от 24 марта 1874 г. упоминается воспитатель малолетних преступников Гасабов. За три дня до указанной даты в «С.-Петербургских ведомостях» от 21 марта была напечатана большая статья Е. И. Гасабова[3] «Из записок воспитателя малолетних преступников», в которой описывался повседневный быт детей в тюремном замке, анализировались характеры малолетних преступников и говорилось о роли воспитателя в определении судьбы этих детей. «Трудно представить себе, — пишет Гасабов, — чтобы человек, имея выбор между добром и злом, стал презирать первое и любить второе; еще труднее вообразить, чтоб он удержался от порока, когда с одной стороны его увлекает неотразимый поток обстоятельств, а с другой — ему не на что опереться». Проникновение в психологию детей-преступников, отыскание путей к возрождению души ребенка Гасабов рассматривает в качестве своей главной задачи: «Первая неделя моей деятельности в тюрьме уходила, и еще мало было признаков, по которым можно бы

---

[1] А. С. Долинин не без основания считает, что этот план восходит к «бессмысленному бреду» Раскольникова: началась мировая катастрофа, «целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали ⟨...⟩ Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями ⟨...⟩ кололись и резались, кусали и ели друг друга ⟨...⟩ Оставили самые обыкновенные ремесла ⟨...⟩ остановилось земледелие ⟨...⟩ Начались пожары, начался голод. Все и всё погибло...» (наст. изд., т. VI, стр. 419—420). Указанная запись связана, возможно, и с рецензией Н. Н. Страхова (*З*, 1871, № 10—11, отд. II, стр. 1—37) на следующие работы о Парижской коммуне: Франциск Сарсе. Осада Парижа. 1870—1871. Впечатления и воспоминания. (Перевод с пятого французского издания). СПб., 1871; Красные клубы во время осады Парижа. Сочинение Молинари. Перевод с французского. СПб., 1871; Черная книга Парижской коммуны. Разоблачение «Интернационала». Перевод с французского. СПб., 1871; La Révolution plébéienne. Lettres à Junius. Bruxelles, Juin, 1871. В обширном анализе этих работ неоднократно говорится о «потоках крови, горах трупов, городах в пламени», о пожарах в Париже, «сожжении Тюильри», разрушении памятников искусства, «грабеже церквей». Здесь же Страхов обосновывает мысль о «невозможности измерять достоинство учения числом голов, его принимающих». Сходная трактовка идей западноевропейского социализма нашла отражение в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77; т. XII, стр. 289).

[2] Ответное письмо Кони от 7 мая см.: *Кони*, т. 8, стр. 38. — Тюремный замок Достоевский посетил лишь 27 декабря 1875 г. (см. там же, стр. 352).

[3] Е. И. Гасабов — учитель, автор ряда педагогических пособий. Еще в 1871 г. вышла его «Первая книга обучения чтению и письму. Руководство для учителя» (СПб.), в 1872 — «Вторая книга после обучения чтению и письму, переходная книжка к чтению любой книги» (СПб.), в 1874 — «Рассказы из путешествий. Вып. I» (СПб.).

было судить, за кого меня принимают дети ⟨...⟩ Первые мои шаги, первые мои отношения к ним должны были дышать любовью и сочувствием к ним, так как я был твердо убежден, что нигде вообще, а между детьми-арестантами в особенности, воспитание немыслимо без взаимного доверия и без любви». Давая сжатые зарисовки различных типов «детей-арестантов», «детей-преступников» и говоря о причинах их заключения в тюремный замок, Гасабов упоминает об одном «питомце», помещенном в тюремный замок за «кражу бриллиантов». Именно мотив необоснованного обвинения Подростка в «краже бриллиантов» проходит через все подготовительные материалы, трансформируясь уже на последней стадии работы в обвинение в краже денег на рулетке у Зерщикова. В статье Е. И. Гасабова упоминается работа В. Никитина «Дети-преступники и их судьба», помещенная в № 1 «Вестника Европы» за 1874 г. и посвященная обитателям того же тюремного замка. Автор этой работы, описывая историю переселения детей-преступников из общего исправительного учреждения в тюремный замок, касается детей-развратников.

Личность школьного учителя Е. И. Гасабова привлекла внимание Достоевского еще в конце 1873 г. 15 октября в «Гражданине» (1873, № 42) был помещен отчет о докладе Гасабова в Петербургском педагогическом обществе. Сделанный им анализ катастрофически безысходного состояния народного образования в Орловской губернии «добросовестностью своего изложения, — сообщалось в «Гражданине», — по-видимому, огорошил оптимистов-педагогов, которые жили до этого реферата в полной уверенности, что народное образование идет великолепно». В следующем номере «Гражданина» (№ 43, 22 октября) доклад Гасабова, расцениваемый как «подвиг мужества», явился поводом для пространной статьи «Что нам нужно в деле образования народа?», посвященной личности школьного учителя. Автор работы, выступивший под псевдонимом «К... сельский педагог», развивает мысль о «мертвой» и «живой» школе, о «даре» и «призвании» учителя народной школы, который должен «начинать с азбуки не только учение, но самую жизнь; ⟨...⟩ привязать к себе учеников, привязать к себе их родителей, привязать к учению и тех и других, каждую личность ⟨...⟩ понять, новую среду изучить до оттенков и с тем вместе жить для самого себя собственною жизнью, то есть бороться с искушениями и всегда напоминать себе, что он учитель, то есть что носит для народа то же звание, которое удостоил носить Христос». В этом аспекте рассматривается в статье и вопрос об «учителе-атеисте». Проблематика данной статьи в «Гражданине», сама личность Гасабова и деятельность его в колонии малолетних преступников явились, на наш взгляд, прямым и существенным источником [1] начальных черновых набросков романа: первой записи — «школьный учитель» и сформулированной почти вслед за ней центральной темы — «роман о детях, единственно о детях, и о герое-ребенке». О значимости и важности проблематики указанной статьи «Гражданина» [2] свидетельствуют и дальнейшая трансформация образа школьного учителя в Федоре Федоровиче, «любителе детей и атеисте», делающемся христианином, и та устойчивость темы «детской империи», в атмосферу которой сразу же погружается герой, появляющийся в черновых набросках в начале мая и длительное время называемый Достоевским «хищный тип»,[3] «ОН».

---

[1] Тема «преступных детей» восходит и к предшествующему творчеству Достоевского. См. например, неосуществленный замысел «Житие великого грешника» (наст. изд., т. IX, стр. 125—139).

[2] Вслед за указанной статьей в «Гражданине» (раздел «Из Москвы») появились сообщения о приюте для малолетних преступников и устройстве в московском пересыльном замке школы для детей-преступников (см.: *Гр*, 1873, 29 октября, 12 ноября, №№ 44, 46).

[3] Термин А. А. Григорьева (см.: А. А. Г р и г о р ь е в. Литературная деятельность графа Л. Толстого. (Статья вторая). *Вр*, 1862, № 9, отд. II, стр. 1—27; см. также: А. А. Г р и г о р ь е в. Литературная критика. Изд. «Художественная литература», М., 1967, стр. 512—541). В № 2 «Зари»

Появление «хищного типа» знаменует новый период в работе над замыслом. «ОН» организует весь материал набросков. Все действующие лица с ним соотносятся: сопоставляются либо противопоставляются. Все события призваны показать разные ипостаси его личности. Рождению этого образа способствовала полемика Достоевского с рецензией В. Г. Авсеенко на роман Е. Салиаса «Пугачевцы» (*РВ*, 1874, № 4). Противопоставляя свое принципиальное несогласие с философской трактовкой «хищного типа» в романе Салиаса и анализом этого типа в рецензии Авсеенко, Достоевский так пишет о своем понимании его: «⟨...⟩ у полнейшего хищника было бы даже и раскаяние, и все-таки продолжение всех грехов и страстей. Не понимают они *хищного типа*. N3. N3. Иметь в виду настоящий хищный тип в моем романе 1875 года. Это будет уже настоящий героический тип, выше публики и ее живой жизни ⟨...⟩ Страстность и огромная *широкость*. Самая подлая грубость с самым утонченным великодушием. И между тем, тем и сила этот характер, что эту бесконечную широкость преудобно выносит, так что ищет, наконец, груза и не находит. И обаятелен, и отвратителен (красный жучок, Ставрогин)» (XVI, 7). 4 мая делается запись: «Думать о хищном типе», и с этого дня начинается регулярная работа над романом. «Хищный тип» погружается в атмосферу действия. Он сносит пощечину, втайне мстит, выносит сильные впечатления, вступает в отношения с Княгиней. Атеизм определяется как главная сущность его характера. Фиксируется мысль о каком-то процессе, возле которого можно «попитаться». Мелькают действующие лица: Княгиня, Князь, «подлячишка» Жеромский, адвокат, «молодой человек (N3. Великий грешник)», который после целого ряда падений вдруг поднимается духом и достигает высших пределов в своем нравственном развитии, наконец — Ламберт.

В Эмсе, куда Достоевский приезжает 12/24 июня, продолжается разработка характера «хищного типа». Уясняется его «широкость», позволяющая вести две деятельности одновременно. Одна из них олицетворяет добро, другая — зло, в его крайних проявлениях (ложь, разврат, преступление). Это — в сфере его общений с другими. Чем определяется полярность характера его поступков? Свободен ли он в их выборе? Оказывается, что наедине с собой он смотрит на совершаемое им «с высокомерием и унынием» (XVI, 8). Его широкость не есть свобода. «Уныние» — следствие отчаяния и обреченности на эту двойственность поступков. «Высокомерие» — противостояние этой обреченности. Со страстью он бороться не только не хочет, но и «не может» (XVI, 8). Необходимость принять решение отдаляет. Делает зло — и раскаивается. Выясняется возможность пределов колебаний «хищного типа» в сторону зла и добра, исследуется беспричинная прихотливость этих колебаний. Одновременно ставится задача: «Соединить роман: *дети* с этим, натуральнее» (XVI, 8). И с этого момента начинается сведение разных планов в один, оформление единого сюжета, первый вариант которого вырисовывается к 11/23 июля.

О трудностях работы над замыслом романа в этот период Достоевский писал А. Г. Достоевской: «...не могу еще ничего скомпоновать из романа» (16/28 июня); «...начал работать (увы, только еще над планом, да и тот не дается)» (23 июня/5 июля). Сюжет, оформлявшийся в этот период, еще очень далек от окончательного. Но оба сюжета связывает общность темы и целый ряд мотивов, проходящих через все подготовительные материалы и играющих в окончательном тексте важнейшую роль: тема «случайного семейства» (уже содержащая в себе проблематику «отцов и детей»), мотивы — странствий, пощечины, отказа от дуэли, отданного наследства, подкинутого младенца, документа как средства шантажа Княгини, рубки обра-

---

за 1863 г. идея А. Григорьева о характерах «хищных» и «смирных» была изложена Н. Н. Страховым. Год спустя, полемизируя с Григорьевым и Страховым в повести «Вечный муж», Достоевский обращается к образу «хищного типа» (см.: И. З. Серман. Достоевский и Ап. Григорьев. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 140—142).

зов.[1] Именно в этот период в сферу размышлений героев вторгаются и такие нравственно-психологические комплексы, как «право на бесчестье» и «право на страдание». Они пройдут через все подготовительные материалы и во многом определят расстановку действующих лиц в художественной структуре романа.

В центре набросков этого периода — «хищный тип». Идет уяснение его социальной родословной. ОН — то «праздный человек (прежний помещик, выкупные, заграница)» (XVI, 10); то — «дурного рода, сын какого-то чиновника, по *высший* и *известный* человек по образованию. ОН, может быть, стыдится того, что дурного рода, и страдает» (XVI, 12); то — «кандидат на судебные должности» (там же); то — главный управляющий делами Князя. Авторские характеристики героя переплетаются с его самохарактеристиками. Отрывочные монологи перерастают в сцены исповедального характера. ОН наделяется «целым архивом выжитого» (XVI, 20), который дает право на внимание других. ОН говорит о себе уже в самый начальный период работы как о носителе «великой идеи» или «великой мысли», неподвластной формулировке, являющейся в чувстве, во впечатлении. Здесь Достоевский делает помету: «„великая мысль" — это ЕГО частное техническое выражение; условиться на этот счет с читателем» (XVI, 20). Безграничность собственных колебаний в сторону зла и добра ЕГО мучит, ОН страдает от своей «живучести». Рядом с ним — женщина, страстно влюбленная в него, с дочерью-подростком Лизой; по другому, более позднему варианту она — жена ЕГО. У него связь с вдовой-княгиней, пленившейся его христианской проповедью (по другому варианту — с женой Князя). ОН обольщает падчерицу. Мать ревнует, мучается и умирает, перед смертью влюбляясь в князя Голицына, который связан и с княгиней. Девочка вешается. И здесь вступает в силу философско-психологическая проблематика «Исповеди Ставрогина», «жучок» — как символ «ловушки», «клетки», из которой нет выхода для личности, вступившей на путь своеволия, мотивирующей собственные поступки перед самим собой отсутствием границ между добром и злом. «Неотразимость раскаяния и невозможность жить после жучка 〈...〉 ЕГО губит сразу совершенно неотразимо бессознательное жизненное впечатление жалости, и ОН гибнет как муха» (XVI, 9). В этом факте гибели — нечто качественно новое по сравнению с нравственно-психологическим состоянием Ставрогина в аналогичной ситуации. Искомый ИМ груз оказался существующим. ЕГО живучесть, мучающая его, обрывается. Смерть как свидетельство духовной жизни — здесь («Подросток») и жизнь как свидетельство духовной смерти — там («Бесы»). Проблема исповеди как средства спасения от нравственной гибели в акте публичного покаяния здесь пока еще не возникает.

Идущее из «Исповеди Ставрогина» символическое понятие «жучок» проходит через все черновые записи к роману, характеризуя переломный этап в духовной жизни ЕГО. Первоначально этот период мыслится Достоевским как завершающий жизненные метания героя и связывается то с самоубийством падчерицы, то — жены, позднее — пасынка. С появлением на страницах черновиков Макара Долгорукого понятие «жучок» следует почти всегда вслед за мотивом «рубки образов», хронологически и фактически связанной теперь со смертью Макара. Существенна запись, сделанная в августе 1875 г.: «*Из жучка* взять: об самоответственности, если сознал, и об золотом веке». Эта запись свидетельствует о том, что за понятием «жучок» стоит «Исповедь Ставрогина», воспринимаемая Достоевским как резервный идейно-художественный источник, существующий отдельно от напечатанного текста «Бесов». Вместе с тем центральная проблематика главы «У Тихона» — обреченность попыток самосовершенствования, невозможность смирения гордости и в конечном счете возрождения для человека, оторванного от «почвы», — остается ведущей при разработке одного из основных характеров в романе «Подросток».

---

[1] Часть из этих мотивов присутствует в ряде неосуществленных замыслов и планов 1868—1872 гг. См., например: «〈Роман о князе и ростовщике〉», «Житие великого грешника» и др. (наст. изд., т. IX, стр. 122—139).

Качественно иная ступень жизненных потенций героя, его способность совершать праведные подвиги, требует рассредоточения с его поступков, несущих зло. Они — главная сущность его характера, но не вся сущность. Это — «картина АТЕИСТА» (XVI, 10), но атеиста, который способен творить добро. Его «тайные добрые деяния» становятся известны «детской империи». Один героический мальчик поражается ими и становится его «обожателем». Главный же подвиг его связан с отношением к жене (по другим вариантам — к невесте) мелькнувшего в первых набросках школьного учителя, «любителя детей» — Федора Федоровича. Он — младший брат ЕГО 27-ми лет. Тема случайного семейства подспудно направляет развитие сюжета. Рождается мысль: не сделать ли их братьями сводными? Федор Федорович — лицо деятельное, отдавшее себя на службу людям, социалист и фанатик, «весь — вера». Его необычайная нравственная высота, близость к народу, психологический строй, характер, отрешенность от обычных человеческих страстей, ряд биографических черт (женитьба «по уговору», отношения жены его с героем, с которыми и связан «праведный» подвиг героя) роднят Федора Федоровича с Макаром Долгоруким, появляющемся на страницах черновиков спустя два месяца, уже в тот период работы над романом, когда образ Федора Федоровича из замысла будет устранен. Он — идеологический противник ЕГО, оппонент. Значительная часть записей этого периода представляет собою пробные наброски диалогов между братьями. Здесь следует отметить, что на протяжении очень короткого промежутка времени образ Федора Федоровича претерпевает сложную эволюцию. Первоначально он, подобно старшему брату, — атеист. Но в отличие от старшего у него есть вера — вера в революцию, он жаждет гибели современного ему общества ради будущего всеобщего обновления. Он — идеальный герой, но в отличие от князя Мышкина мыслящий атеистически. Атеист втайне (в коммунизм не верящий) и проповедник христианства въяве, старший брат пытается разрушить систему убеждений младшего, проповедника коммунизма. И здесь выступает на первый план та «идея-чувство», которая станет внутренней опорой противостояния Подростка в его споре с дергачевцами в окончательном тексте романа. Путь опровержения ЕГО Федор Федорович называет «только словами» и уходит спокойный. И вот здесь его свобода выбора подвергается испытанию. Отказавшись разделить христианские проповеди ЕГО, Федор Федорович поражается «подкинутым младенцем». Истины Христа становятся для него очевидными и в то же время соотносимыми с идеями социализма. Душа и сознание его оказываются подвластны лишь живому и непосредственному ощущению действительности. «Коммунизм» и христианство сливаются для него воедино: Федор Федорович видит в НЕМ лишь самоутверждение в добре и зле, самопризнание «права на бесчестье», безверие в нравственное возрождение человека. Для Федора Федоровича возможность совершенствования очевидна даже в тех, с кем связаны «кровь и пожары (драгоценности Тюильри)». Он говорит: «Я полагаю, что у тех, которые жгут, кровью обливает сердце» (XVI, 15).

А. С. Долинин первый высказал предположение о связи замысла «Подростка» с разделами статей Н. К. Михайловского (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 160; № 2, отд. II, стр. 332—334), где речь идет о том, что «социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его». С размышлениями Достоевского на эту тему в статье «Две заметки редактора» и главах «Смятенный вид» и «Одна из современных фальшей» в «Дневнике писателя» за 1873 г. перекликается и попытка соединить в одной личности социализм и проповедь христианства. Образ Федора Федоровича исчезает со страниц черновиков задолго до оформления основных сюжетных линий. Проблема же соотношения социализма и атеизма остается и далее в сфере пристального внимания Достоевского. Именно ею определяется один из аспектов идейно-художественного исследования в романе темы долгушинцев. Она присутствует и в исповеди Версилова, особенно широко — в черновых набросках его исповедальных монологов.

Уже давно исследователи обратили внимание на то, что изложенная Достоевским в письме к А. Н. Майкову от 11 декабря 1868 г. биография героя «Атеизма» в ряде моментов совпадает с биографией будущего Версилова как в конечном ее виде, так и в тех вариантах, которые претерпела она в ходе работы: возраст (45 лет), странствия по Европе, вериги, неоднократные встречи и диалоги с новым поколением (в черновиках — с Васиным, Крафтом и др.).[1] Но мотив «рубки образов», который возникает одновременно с характеристикой атеизма ЕГО, кардинально меняет концепцию замысла 1868 г. и делает Версилова антиподом героя «Атеизма». Разрушение личности, которое символизируется этим поступком Версилова, имеет свою аналогию в главе «У Тихона» («Бесы»). И Ставрогин, и Версилов не могут быть либо «холодны», либо «горячи». Ни тот, ни другой не могут переступить «предпоследнюю верхнюю ступень до совершеннейшей веры» (теоретически существует проблема выбора — «там перешагнет ли ее, нет ли», — говорит Тихон Ставрогину). Ставрогин (в варианте «Исповеди») ломает распятие после чтения исповеди Тихоном и осознания того, что акт публичного покаяния признан Тихоном несостоятельным. Оно обречено, потому что выливается в подвиг-вызов, а не подвиг-смирение. Ставрогин вынужден признать правоту «проклятого психолога», но смириться с этим не может. Сломанное распятие — ложное самоутверждение, символизирующее свободу выбора и воли, желание доказать самому себе способность стать «холодным», объективно свидетельствующее о духовной гибели героя и предопределяющее финал романа. Между «Бесами» и «Подростком» лежит «Дневник писателя» 1873 г. И в нем Достоевский пытается исследовать мотив «рубки образов», но в качественно ином варианте.[2] Герой главы «Влас» приходит «за страданием» в келью к старцу, исповедуясь в страшном грехе — он поднял руку на образ божий. На пути самоутверждения, желая выиграть в споре «кто дерзостнее», он «по гордости» дал клятву пойти на любую дерзость и был поставлен перед необходимостью выстрелить в сооруженное им самим подобие распятия, которое в сознании его за секунду до выстрела обернулось образом. Здесь крестьянин ставится перед дилеммой, которая была поставлена перед дворянином в «Бесах». У крестьянина — духовная победа, у дворянина — духовное поражение. В «Подростке» дворянин вновь подвергается такому же испытанию: Версилов разбивает икону, завещанную ему крестьянином Макаром Долгоруким. Мотив «рубки образов» возникает в черновиках к «Подростку» одновременно с первыми записями о «хищном типе», во многом родственном Ставрогину. С появлением в начале сентября на страницах рукописей Макара икона связывается с ним: делается его собственностью и дарится им Версилову. В своем безграничном своеволии [3] брак с Софьей Андреевной Версилов может рассматривать лишь как свободно принятое решение. «Рубка образов» для него — не только символ, но и следствие его внутренней раздвоенности, «подвиг гордости», влекущий за собой духовную, нравственную смерть.[4] Такова идейно-художественная реализация одного из глав-

[1] См.: *Долинин*, стр. 45—47; *Розенблюм*, стр. 12 и др.; см. также комментарий к неосуществленному замыслу «Житие великого грешника»: наст. изд., т. IX, стр. 499—524.

[2] Д. С. Мережковский первый сравнил указанную сцену из «Дневника писателя» за 1873 г. и «рубку образов» Версиловым, справедливо сопоставив «одинаковость кощунства», совершившегося в «бессознательной стихии» и в «сознании русского народа» (Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Религия. Т. II, ч. 2. СПб., 1909, стр. 95).

[3] О «своеволии» «оторванных от „почвы"» героев Достоевского, приводящем к отрицанию свободы, см.: Н. А. Бердяев. 1) Откровение о человеке в творчестве Достоевского. «Русская мысль», 1918, № 3—6, отд. II, стр. 39—61; 2) Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. См. также: A. Walicki. Dostojewski a idea wolności. «Slavia orientalis», 1958, r. VII, № 2, s. 3—57.

[4] О символическом значении мотива «рубки образов» в романе «Подросток» см.: A. Walicki. U kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964, s. 446.

ных аспектов замысла «Атеизм» в разных ее вариантах. Эволюцию, которую претерпевает образ Федора Федоровича от атеизма к христианству, можно рассматривать, по-видимому, как попытку позитивного решения этого аспекта указанного замысла.[1]

Мотив «рубки образов» и родственные с ним ситуации в сюжете «Исповеди Ставрогина» и главе «Влас» «Дневника писателя» за 1873 г. имеют, возможно, определенную связь с фактом, приведенным в статье Д. И-ва [Д. Г. Извекова] «Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича» (*З*, 1870, № 8). Статья воспроизводит полемику Дмитрия Кантемира с Феофаном Прокоповичем по поводу «Первого учения отрокам», или Катехизиса Прокоповича, написанного им в 1720 г. по распоряжению Петра I и отвечавшего петровским народнообразовательной и церковной реформам. Возражения Кантемира определяются мыслью об ответственности отцов за нравственное становление детей. В центре полемики — отношение «отцов» и «отроков» к христианской иконе. Не подрывая иконопочитания, Прокопович в своем толковании второй заповеди десятословия допускает ряд насмешливых суждений об иконе. Кантемир «защищает от нападок Феофана принятые и устоявшиеся от напоров времени традиции и обряды старой Руси», приводит развернутую аргументацию в защиту иконопочитания, неприкосновенности иконы и «видимого изображения» креста. Страстность полемики Кантемира, как отмечает автор статьи в «Заре», во многом объяснялась широко распространившимися тогда протестантскими воззрениями на иконы. В качестве примера крайнего выражения таких воззрений и приводится «рубка образа» в Успенском соборе одним из русских еретиков петровского времени. Внимание, которое уделял Достоевский журналу «Заря» (см. его письма к Н. Н. Страхову за 1870 г.) и необычность (если не исключительность) мотива «рубки образов» делает факт знакомства писателя с указанной статьей в большой степени вероятным.

3

Почти одновременно с решением сделать ЕГО и Федора Федоровича братьями появляется мысль о третьем брате, почти мальчике. В будущем он окажется связанным с Ламбертом, впоследствии по планам этого же периода — «воскресает в высший подвиг» (XVI, 21). Тематический стержень романа формулируется так: «...один брат — атеист. Отчаяние. Другой — весь фанатик. Третий — будущее поколение, живая сила, новые люди. Перенес Lambert'а. (И — новейшее поколение — дети.)» (XVI, 16). Третий брат слушает диалоги старших, наблюдает за поступками ЕГО, видит несоответствие ЕГО действий и слов. В мальчике — жажда идеала, который он хочет видеть в старшем брате. Поступки последнего разбивают веру мальчика, и он дает ЕМУ пощечину. Вслед за этим начинается их сближение. Младший брат делается объектом исповедей ЕГО. Именно в этот период рождается первый монолог младшего брата, проницающего в самую суть характера будущего Версилова: «Я видел, что это что-то не то, но в то же время в каждой выходке ЕГО, хоть и измышленной, было столько страдания надорванного и прожитого, что я не мог отстать от НЕГО или стать к НЕМУ равнодушным» (XVI, 21). Этот монолог вступает в полемику с прямым авторским утверждением. «Итак, — констатирует автор, — один брат — атеист 〈...〉 Другой — весь фанатик». Младший брат возражает: «Я всегда подозревал, что 〈...〉 ОН-то и есть фанатик» (XVI, 16, 21). В одном из набросков намечается характер взаимоотношений между НИМ и младшим братом,

---

[1] О соотношении понятий «атеизм и нравственность», «вера и нравственность» и о роли их в художественной структуре произведений Достоевского см., в частности, в кн.: R. L. Jackson. Dostoevsky's quest for form. A stude of his philosophy of art. New Haven—London, 1966, 274 p.

близкий к окончательной сюжетной схеме Версилов—Ахмакова—Подросток—Ламберт: «Обоих замешать в одну и ту же интригу (с Княгиней). М⟨олодой⟩ челов⟨ек⟩ парализует ЕГО злодеяния. ОН, некоторое время, сходится с Ламбертом» (XVI, 21). Проводится параллельно-контрастное сравнение их жизненных путей. «В конце ОН погибает от жучка, а младший воскресает в высший подвиг». В авторском сознании младший брат стремительно завоевывает свои права. И одна из следующих записей — от 11/23 июля 1874 г. — открывается выделенными прописью словами: «ГЕРОЙ — не ОН, а МАЛЬЧИК». А ниже добавлено: «ОН же только АКСЕССУАР, но какой зато аксессуар!!» (XVI, 24).

Раздвижение рамок замысла романа в июньский период было столь широко, что Достоевский писал Анне Григорьевне 24 июня/6 июля: «...мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда рассмотрел его в целом, то вижу, что в нем соединилось 4 романа. Страхов всегда видел в этом мой недостаток. Но еще время есть».

11 (23) июля 1874 г. открывается новая, третья стадия в работе над замыслом романа. Он получает заглавие «Подросток». В центре — два сведенных брата. Идет разработка идеологического стержня образа Подростка и дальнейшее развитие психологических мотивировок разнонаправленных устремлений ЕГО. Внимание писателя иногда сосредоточивается только на «хищном типе». Тогда Достоевский помечает для себя — «ПОДРОСТКУ ПОБОЛЬШЕ РОЛИ» (XVI, 29) — и делает будущего Аркадия заинтересованным и активным наблюдателем подвигов старшего брата («и даже воинственных», в их числе — снесения пощечины) и преступлений (раздирание рта ребенку-пасынку, обольщение падчерицы — Лизы, самоубийство ее, связи с Княгиней и т. д.). Подросток выслушивает теоретические рассуждения ЕГО о непризнании в добродетели чего-либо натурального при одновременной усиленной проповеди христианства. Свобода выбора в добре и зле, сама осмысленность ее связывается ИМ с эсхатологическими учениями и ставится в зависимость от проблемы бессмертия души. В период, когда ЕГО внутренний хаос и разлад достигают наивысшей точки, сознаваемую собственную несвободу воли ОН оправдывает также личным волевым решением, свидетельствующим о его всесилии: «Теперь я только играю с дьяволом, но не возьмет он меня». Неслучайно тема «искушения дьявола» настойчиво повторяется между описаниями метаний героя и его диалогов с Подростком. Первоначально она лишь фиксируется перед пространным изложением внутреннего разлада героя. Затем развивается в противопоставлении идеалов Бога и Сатаны. Наконец следует запись: «Объяснение ЕГО: искушение Христово. 40 дней в пустыне. (Глава)» (XVI, 38). Изложение героем евангельской притчи об искушении Христа планируется в сюжетной канве романа в непосредственной близости от трагического финала и проходит через все черновики. В начале октября Достоевский собирается даже посвятить этой теме отдельную главу.

14 (26) июля Достоевский сообщает жене: «...очень работаю над планом, об этом ничего не пишу. Но если выйдет план удачный,то работа пойдет как по маслу. То-то как бы вышел удачный план! А выйдет ли?» Следующее письмо датировано 16 (28) июля: «За работу надо садиться, а я всё еще над планом сижу. Стал ужасно на этот счет мнителен. Как бы только удачно начать!» Через день Достоевский повторяет: «Кое-что составил в *плане*, но и сам не знаю, доволен или нет».

В последующих черновых набросках июля месяца происходит, с одной стороны, смягчение образа ЕГО, некоторый отход от прежнего ставрогинского варианта (хотя он по-прежнему жесток с Лизой, которая не хочет ему покориться, раздирает рот пасынку); с другой — стремительно расширяется сфера диалогов ЕГО и Подростка (который должен по планам «заступить ЕГО место на земле»). Проблемы бесконечности нравственного совершенствования, духовной опустошенности в России, неопределенности положительного идеала, одиночества носителей «великой идеи», судеб дворянства и роли его в период «всеобщего разложения», будущего России и человечества — развиваются в ЕГО монологах почти в соответствии с окончательным тек-

стом. Характер этих монологов, их тяготение к форме исповеди все больше свидетельствует о существенном разрыве в жизненном опыте и различиях в идейно-психологических платформах братьев. И по-видимому, не случайна запись от 18 (30) июля: «Встреча отца с приехавшим к нему из Москвы сыном, не выдержавшим классического экзамена. Отец хохочет, зовет сына чушкой, смеется над классицизмом, учит его бесчинствовать и проч.» (XVI, 35). Это свидетельствует об уже рождающемся намерении поставить в центр романа отца и сына.

Необходимо отметить, что в рукописях июньского периода Подросток ведет дневник. В этом обстоятельстве нельзя не видеть истоков (хотя и чисто формальных) проблемы *повествования*, которая вскоре встанет перед Достоевским, — вести рассказ от *Я* Подростка или от автора.

Из черновой сюжетной схемы замысла на этой стадии выпадает образ Федора Федоровича. Подросток погружается в атмосферу взаимоотношений брата, его «жены-рабы», Лизы и пасынка; брата—Княгини—Старого Князя (ее мужа)—Молодого Князя (по одному из вариантов Княгиня и жена ЕГО — сёстры); вступает в какие-то отношения с детьми, которые хотят убить отца; заключает союз с Ламбертом. Выясняется характер отношения *других* к Подростку: жена брата его оберегает, Лиза оставляет ему предсмертное письмо, Ламберт затягивает в интригу с Княгиней. Даются развернутые психологические характеристики Старому Князю и Ламберту, во многом совпадающие с окончательным текстом. В Старом Князе (восходящем к «Дядюшкиному сну») — элементы пародии на всю сложность идеологических исканий ЕГО. В Ламберте — «мясо, материя, ужас».

Перед отъездом из Эмса, подводя итоги сделанному, Достоевский пишет жене 20 июля (1 августа): «Приготовил я здесь 2 плана романов и не знаю, на который решиться. Если в августе вполне устроимся, то в конце августа примусь писать».

Первая запись по возвращении в Россию сделана в Старой Руссе и датирована 4 августа. В выборе плана романа колебаний нет. В центр ставятся ОН и Подросток. Развернутые диалоги их, тематически совпадающие с июльскими, перемежаются набросками различных вариантов его биографии и констатацией психологических мотивов отдельных ЕГО поступков. В стремлении к максимальной внутренней свободе и желании быть самим собой ОН «загаливается» перед Подростком и женой, развращает их «полною своею откровенностью» (XVI, 40). Делает доброе дело (отдает наследство) и мучается от содеянного. Совершает злодейство (жена, Лиза, пасынок) и погибает от раскаяния, не выдерживает «красного жучка». В «игре с дьяволом» ОН терпит поражение, которое предвидит. Тем неутомимее в нем потребность в «живой жизни», обрести которую ему не дано. При неоднократном напоминании себе — не покидать ни на минуту Подростка — Достоевский выделяет «главное»: «выдержать во всем рассказе тон несомненного превосходства ЕГО перед Подростком и *всеми*, несмотря ни на какие комические в НЕМ черты и ЕГО слабости, везде дать предчувствовать читателю, что ЕГО мучит в конце романа великая идея, и оправдать действительность ЕГО страдания» (XVI, 43). Открытие Подростком «глубины его страданий» и делается стержневой задачей фабулы. Этой записи предшествует ремарка Достоевского: «Не отец ли ОН современный, а Подросток сын ЕГО? (XVI, 41). Сначала речь идет о пасынке и отчиме, затем вновь ремарка: «Лучше, если ОТЕЦ родной» (XVI, 43). И совсем вскоре проблематика романа определяется так: «Отцы и дети» (XVI, 45). А сын, с его идеей Ротшильда, рассматривается как явление новое, идеалист, «неожиданное следствие нигилизма».

4

Аркадию Долгорукому 19 лет. Автор называет его Подростком. Так воспринимают его все действующие лица. В черновиках Аркадий говорит: «Все считают меня подростком» (XVI, 218). Он возражает против этого

(«Какой я подросток! Разве растут в девятнадцать лет?» (XVI, 209)) и одновременно апеллирует к «сану юности незащищенного подростка» (XVI, 327). Аркадий ставится в обстоятельства, которые делают проблему выбора возможной и неизбежной.[1] Возможность — в его юности, незавершенности процесса становления. Неизбежность — в том состоянии уже начавшегося распада его личности, морального и психического, который отмечает критическая сторона сознания самого героя (он чувствует в себе «душу паука»). Неизбежность и в авторской предрешенности.

Девятнадцатилетний возраст Аркадия в период описываемых им событий подчеркивается Достоевским уже в первых набросках к роману (XVI, 59, 71 и др.). Существенно при этом, что, соотнося понятие «подросток» с девятнадцатью годами Аркадия, Достоевский отмечает несоответствие между возрастом героя и традиционным толкованием возрастных границ определения «подросток».[2] «Я бы назвал его подростком, если б не минуло ему 19-ти лет» (XVI, 77). Обосновывая для себя право называть героя «подростком», Достоевский продолжает: «В самом деле, растут ли после 19 лет?» И отвечает: «Если не физически, так нравственно» (XVI, 77). Характерно и следующее объяснение Достоевского: «То, что его так запросто выписали, выслав ему деньги, из Москвы тетки, — объясняется его 19-ю годами: и церемониться нечего, и разговаривать не стоит» (XVI, 59).

Здесь важно отметить то качественное отличие, которое разделяет 19-летнего Аркадия, участника событий, и 20-летнего Аркадия-повествователя. В подготовительных материалах оно определяется Достоевским неделю спустя после решения сделать Подростка центральным героем: «ГЛАВНАЯ ИДЕЯ. Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он *ищет* руководящую нить поведения, *добра и зла*, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа» (XVI, 51; курсив наш, — *ред.*). Вопросы о том, «что добро», «что зло», определяют характер взаимоотношений Аркадия с отцом на всех стадиях эволюции характера последнего: «ОН, видимо, жалеет его (Аркадия, — *ред.*) иногда и хочет отвести от зла и даже указывает, что вот это зло, а не добро» (XVI, 51). Искания Подростка определяются Достоевским так: «О том, как он учится нигилизму, узнает, что добро, зло...» В окончательном тексте романа, анализируя сложную гамму чувств, переполнивших его после открытия связи Лизы с князем Сережей, Аркадий объясняет: «Отмечаю все эти подробности, чтоб показать, до какой степени я еще не укреплен был в разумении зла и добра» (XIII, 240). Обретение знаний о добре и зле и есть то новое качество, с которым вступает Подросток в 21-й год своей жизни, в период написания «исповеди». Об этом обретении, отделяющем 19-летнего Аркадия от 20-летнего, Достоевский неоднократно говорит в записях середины августа 1874 г.: «Кончается вопросом Подростка: где правда в жизни? (которой он и ищет во всё продолжение романа. И когда на последней странице он похоронил ЕГО, посетил Долгушина и проч., то грустная торжественная мысль: „Вступаю в жизнь". Гимн — быть правым человеком. „Знаю, нашел, что добро и зло", — говорит он». Несколько ниже Достоевский вновь повторяет: «Не забыть последние строки романа: „Теперь знаю: нашел, чего искал, что добро и зло"» (XVI, 63).

Возможно, что мысль Достоевского об обретении знаний о добре и зле на грани 20-летнего возраста, а потому и сам выбор возраста Аркадия (19 лет—

[1] О духовном потенциале Аркадия, сознательно названного Подростком, см.: Б. И. Бурсов. «Подросток» — роман воспитания. «Аврора», 1971, № 11, стр. 64—71.

[2] В толковых словарях «подростковый» возраст ограничивается пределом 16—17 лет. Совершеннолетие же по законам Российского законодательства прошлого века относилось к 21 году. Следует отметить, что проблема совершеннолетия рассматривалась в статье И. Мечникова «Возраст вступления в брак», опубликованной в № 1 «Вестника Европы» за 1874 г.

участник событий, 20 лет — повествователь) в той или иной мере восходят к аналогичному ветхозаветному представлению.

Двадцать лет как исходный возраст зрелости в Библии отмечается неоднократно (см., например, Четвертую книгу Моисея, гл. I, ст. 4, 19, 21, 23, 25, 27, 29 и т. д.; гл. 32, ст. 12 и т. д.). Критерий же человеческой зрелости в источниках Ветхого завета связывается с обретением знания «что добро, что зло». «Люди сии, вышедшие из Египта, от двадцати лет и выше, знающие добро и зло, не увидят земли, о которой я клялся...» (Числа, гл. 32, ст. 12). От людей «двадцати лет и выше» отделяются дети, «которые не знают, что добро, что зло», «все малолетние, ничего не смыслящие» (гл. 14, ст. 20—24). По-видимому, аналогичные ассоциации связывают с тем же возрастом и образ Алеши Карамазова, представляя которого читателю в главе «Старцы» (перед поступлением Алеши в монастырь), Достоевский пишет: «Алеша был ⟨...⟩ девятнадцатилетний подросток».[1] В период событий, описываемых в «Братьях Карамазовых», вышедшему из монастыря Алеше — 20 лет. При всем различии той идеологической функции, которую выполняют Аркадий и Алеша в художественной структуре обоих романов об «отцах и детях», об определенной генетической связи между этими образами говорит упоминаемая Достоевским в черновиках к «Подростку» «Легенда об Алексее человеке божием», производящая на Аркадия «поражающее» впечатление. Как известно, житие Алексея человека божия и народный стих на эту тему явились поэтической основой, на которой строился образ Алеши Карамазова.[2]

Сочетание понятия «подросток» со своими девятнадцатью годами сам Аркадий объясняет так: «Хотя я и не подросток, потому что мне тогда было уже 19 лет, но я назвал подростком потому, что меня многие тогда (прошлого года) этим именем звали» (XVI, 151). Необходимо сказать, что понятиям «подрастать», «подрастающее поколение», «подросток», «состояние подрастания» — в статьях газетно-журнальной периодики начала 1870-х годов часто придавалось акцентное звучание. Еще в 1870 г. в журнале «Заря» (№№ 6, 9) были опубликованы статьи «По случаю глухой поры» и «По случаю бессилия мысли и силы жизни», посвященные подрастающему поколению. Это понятие неоднократно выделяется в статье курсивом. Сам же автор выбирает псевдоним «Подрастающий». В № 31 «Гражданина» за 1873 г. *подростки* рассматриваются как «поколение, которое в школы не запихаешь». Употребляется понятие «подросток» и в очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Между делом», посвященном молодому поколению (*ОЗ*, 1873, № 11, отд. II, стр. 194).

Понятие «подросток» для характеристики молодого поколения до 21 года (возраст совершеннолетия) использует Р. Фадеев в книге «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)». «Вестник Европы» (1874, № 8) печатает очерк Вас. И. Немировича-Данченко «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами». Одна из глав этого очерка названа «Монашек-подросток». Широкая распространенность производных от понятий «расти», «подрастать» обусловила тот иронический тон, который чувствуется по отношению к ним в статье Д. Л. Мордовцева «Земство и его деяния», опубликованной в «Отечественных записках» (1874, № 9): «...мы видим в себе некоторые несомненные признаки возмужалости, а во мнении других всё еще считаемся недоростком или только подросточком. Между тем наш исторический подросток умеет уже сам строить себе железные дороги, и притом с такими экономическими и финансовыми фокусами, до которых, пожалуй, не могли бы додуматься наши западные

---

[1] Интересно отметить, что в «Вечном муже», говоря Александру Лобову о невозможности женитьбы в 19 лет, Вельчанинов замечает: «...человек девятнадцати лет даже и за себя самого — отвечать не может» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 91).

[2] См. об этом: В. Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых». В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 325—354.

старшие братцы; наш подросток умеет вести земские дела, и притом так искусно, что на земские деньги устраивает земские банки для иностранцев на началах самого широкого непотизма и заставляет мужичков платить „железные подушные“ в пользу разных концессионеров и строителей железных дорог; подросток умеет вести судебные процессы с присяжными заседателями и защитниками такой неотразимой диалектики, которая заставляет присяжных верить, что дважды два — стеариновая свечка, что Непенин — добрый малый и что система Коперника — ложь...» Представляется, что именно «текущая действительность» обусловила закрепление за Аркадием Долгоруким возрастного определения «подросток».

Непосредственным поводом размышлений Достоевского на тему поисков «детьми» (вне строгой возрастной границы) «добра и зла» послужила во многом статья Н. К. Михайловского о «Бесах» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 314—343). Интерпретируя позицию Достоевского, критик писал: «...воззрения Достоевского — Шатова сводятся к следующему. Веками сложилась русская почва и русская правда, сложились известные понятия *о добре* и *зле*. Петровский переворот разделил народ на две части, из которых одна, меньшая, чем далее, тем более теряла смысл русской правды, а другая, бо́льшая, только слегка подернулась этим движением ⟨...⟩ По мере удаления от народной правды, народных понятий о *добре* и *зле* образованные citoyens du monde теряли всякое чутье в различении добра и зла, потому что вне народных преданий нет почвы для такого различения, на него не способны ни разум, ни наука» (там же, стр. 333. Курсив наш, — *ред.*). И здесь же Михайловский добавлял: «Г-н Достоевский справедливо говорит, что барство извращает понятия о добре и зле, но с Петра ли оно началось?» (там же, стр. 334). К этим суждениям Михайловского Достоевский обратился первоначально в заключительной главе «Дневника писателя» за 1873 г. — «Одна из современных фальшей», где дал трактовку «добра» и «зла» как понятий исторически развивающихся и изложил свое понимание их социально этической сущности во времена «переходные», «времена потрясений в жизни людей, сомнений, отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях». «Начало зла» — в замене настоящего образования «нахальным отрицанием с чужого голоса», в господстве «материальных побуждений» над «высшей идеей», в воспитании «без почвы», вне «естественной правды», «в неуважении или равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу», «в вековом национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сане европейца под непременным условием неуважения к самому себе как русскому человеку!» Начало добра — в «возврате к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного».

Раскрытая в главе сущность понятий «добро» и «зло» в «переходное» время и стала объектом идейно-художественной реализации в работе над замыслом романа «Подросток» сразу же после принятого 23 июля 1874 г. решения сделать героем романа не ЕГО, а мальчика. Несколько дней спустя Достоевский так определяет сюжетную линию героя-мальчика: «О том, как он учится нигилизму и прочему, узнает, что добро, что зло» (XVI, 39). Неделей позднее начинается разработка диалогов (Подростка с НИМ и Васиным), раскрывающих путь этого «узнавания», и черновых вариантов исповеди Версилова, во многом также восходящей к указанной проблематике последней главы «Дневника писателя» за 1873 г.

Тесная связь главы «Одна из современных фальшей» с романом «Подросток» — в том, что основным поводом для написания этой главы и причиной важнейшего изменения замысла романа (герой не ОН, а мальчик) явился один и тот же факт текущей действительности — дело долгушинцев, расследование которого за 11 месяцев прошло три стадии: арест, следствие, открытый процесс. Все участники кружка Долгушина были арестованы под Москвой, в Москве и других городах России осенью 1873 г. — с сентября по декабрь (см.: *Кункль*, стр. 121—155; см. также ниже, стр.299—303). 5 и 12 ноября в «Петербургском обозрении» «Гражданина» (№№ 45, 46) появились сообщения о прокламациях, обнаруженных среди учащейся молодежи, о попытках молодежи являться с прокламациями в «деревенскую глушь и там пропа-

гандировать народу *«великие начала»* и об арестах распространителей прокламаций. 13 ноября в обширном обзоре событий в газете «Русский мир» подчеркивалось: «Вот уже несколько времени, как ходят более или менее достоверные слухи об обнаружении какой-то новой *кучки нечаевцев* и произведенных по этому случаю арестах. Газета „Гражданин“ по этому случаю обвиняет не каких-нибудь отдельных недоразвитков, а учащуюся молодежь ⟨...⟩ Нам кажется, что нечаевское дело могло убедить, что учащаяся молодежь в подобных безумствах не бывает у нас замешана. Идиотический фанатик, вроде Нечаева, мог найти себе прозелитов только среди праздной, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи. По всей вероятности, то же случилось и теперь. Во всяком случае, гораздо благоразумнее воздержаться от преждевременных выводов и поголовных обвинений, до разъяснения дела судом».

Глава «Одна из современных фальшей» является полемическим ответом «Русскому миру», а шире — целому общественному направлению, делившему молодое поколение на «неучащуюся молодежь», «праздных недоразвитков», «шалопаев с самыми дурными наклонностями» и «молодежь учащуюся» и связывавшему возможность появления Нечаевых (и подобных ему «фанатиков») только со средой «праздных недоразвитков». В черновом автографе главы, обращаясь к оппонентам, Достоевский писал: «Или вы думаете, что знания, „научки“, школьные сведеньица (хотя бы университетские) так уж окончательно *формируют душу юноши на добро* и *зло* с получением диплома, дают ему такой незыблемый талисман раз навсегда, чтоб узнавать истину?..» (курсив наш, — *ред.*).

Подобную постановку проблемы Достоевский расценивает как желание уйти от ответа на вопрос о том, «что добро» и «что зло», теснейшим образом связанного с темой «отцов и детей»: «Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей—не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерие и равнодушное (большею частью) отрицание; если слово „отечество“ произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой; если к делу России все воспитывавшие их относились с презрением или равнодушием; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях „общечеловеческих“ ⟨...⟩ то скажите: что можно требовать от этих детей и — гуманно ли при защите их, если таковая потребуется, отделываться одним лишь отрицанием факта?»

Следствие по делу долгушинцев продолжалось всю зиму и весну 1874 г. Материалов о ходе следствия в печати не появлялось. Первые записи к роману «Подросток» относятся к февралю — марту 1874 г. Колебания в выборе плана романа, как нам уже известно, прекращаются после записи, сделанной 23 июля, — «герой не ОН, а мальчик». Именно в это время Достоевскому становятся известны материалы первых отчетов о процессе долгушинцев, подтвердившие правоту его полемики с «Русским миром», состоявшейся полгода назад: большинство членов кружка Долгушина принадлежали к «учащейся молодежи» (подробнее об этом см. ниже, стр. 299—300). Открытый процесс над долгушинцами начался в Петербурге 9 июля. Находившийся в Эмсе Достоевский внимательно следил за русской прессой. Знакомство писателя с первыми отчетами о процессе могло произойти по ряду источников, но существенно, что 30 июля, делая набросок диалога ЕГО и мальчика, писатель вспоминает как давно ему известную корреспонденцию «Русского мира» от 12 июля 1874 г. о «студенте университета, бросающемся ночью на всех женщин с похабщиной» (XVI, 39). Отчеты о процессе помещались в «Русском мире» ежедневно, начиная с 11 июля. До 23 июля русские газеты несомненно должны были дойти до Эмса. Сделанная Достоевским в этот день запись о герое-мальчике, не выдержавшем экзамен из классических языков (т. е. «недоразвитке», по терминологии «Русского мира»), подростке, который «учится нигилизму, ищет, что добро, что зло», находится, на наш взгляд, в прямой связи с начавшимся процессом долгушинцев и свидетельствует о возвращении писателя к проблематике главы «Одна из современных фальшей», основным поводом для написания которой послужил арест участников кружка долгушинцев осенью 1873 г.

5

Спустя месяц после решения сделать Аркадия героем, Достоевский так формулирует заглавие будущего романа: «ПОДРОСТОК. ИСПОВЕДЬ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ СЕБЯ» (XVI, 48).

Именно на этой стадии работы возникает перед Достоевским проблема повествования — писать от автора или от *Я* (Подростка).[1] Достоевский приходит к решению лишь в конце октября, когда появляются записи: «Окончательно: ОТ *Я*» (XVI, 105); «От *Я* — решено и подписано» (XVI, 129); «таким образом, от *Я* само собою решилось» (XVI, 136). В системе аргументации Достоевского сделать Подростка автором повествования преобладают два мотива. Во-первых, настойчивое желание поставить в центр романа Подростка: «...если от *автора*, то не будет ли Подросток второстепенным лицом, а ОН главным?»; «Если от автора, то роль Подростка совсем исчезает» (XVI, 115); «Если от автора, то необычайно трудно будет выставить перед читателем причину: почему Подросток герой? и оправдать это» (XVI, 129); «Обдумывать рассказ от Я ⟨...⟩ Лучше справлюсь с лицом, с личностью, с сущностью личности» (XVI, 86). Во-вторых, стремление к компактности романа: «Если от *Я*, то будет, несомненно, больше единства и менее *того*, в чем упрекал меня Страхов, т. е. во множестве лиц и сюжетов» (XVI, 87); «Фактическое изложение от *Я* Подростка неоспоримо сократит растянутость романа, *если сумею*» (XVI, 91). Одновременны многочисленные записи о том, возможно ли выразить в повествовании Подростка всю сложность социально-философской проблематики романа: «Выдержит ли это *Я* читатель на 35 листах? И главное, основные мысли романа — могут ли быть натурально и в полноте выражены 20-летним писателем?» (XVI, 98). Ниже: «Если от *Я*, то придется меньше пускаться в развитие идей, которых Подросток, естественно, не может передать так, как они были высказаны, а передает только суть дела» (XVI, 98). Варьируется временно́й период, отделяющий события романа от времени их изложения: год, 3 месяца, 5 лет, 4 года, наконец, опять год. По одному из планов, в руках Подростка посмертные воспоминания отца, по другому — собственный дневник, в котором собраны факты и слухи.

Принятие формы от *Я* должно было повлиять на характер повествования: преобладание фактического изложения над аналитическим. Важна следующая помета Достоевского: «Подросток пишет, что в объяснениях фактов от себя он непременно ошибется, а потому, по возможности, хочет ограничиться лишь фактами» (XVI, 91). Становится первостепенной проблема соотношения «действия» и «рассказа». Именно ее стремится разрешить Достоевский при составлении планов и программ каждой из трех частей романа, в период начала работы над их связными черновыми автографами. Через все подготовительные рукописи проходит забота о «слоге» и «тоне» «Подростка». «Подросток» — единственный роман Достоевского, последовательно выдержанный как повествование от первого лица. Объяснение этого Я. О. Зунделович[2] видит в намерении Достоевского «выдержать непосредственность изображения труднейшего объекта — „смутного времени“ — без рационалистического вмешательства „заинтересованного автора“». Е. И. Семенов связывает решение Достоевского с нечеткостью, противоречивостью общественной позиции Достоевского средины 70-х годов, «стремлением скрыться за рассказчика, уйти от ответов на многие неясные вопросы» (*Семенов,* стр. 45).

Решение сосредоточить проблематику романа вокруг темы «отцов и детей» повлекло за собой смещение акцентов в том нравственно-психологическом комплексе ЕГО, который был обозначен как «хищный тип». Исходная доминанта характера остается прежней: ОН занят «высшей идеей»

---

[1] О родстве романа «Подросток» с произведениями летописного жанра см. в кн.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 322—323.

[2] Я. О. Зунделович. Романы Достоевского. Статьи. Ташкент, 1963, стр. 141—179.

и «*химическим* своим разложением» (XVI, 52). Но в его самовосприятие вторгается элемент нравственной оценки: ЕГО «считают величайшим подлецом; все улики против НЕГО. Из презрения к НЕМУ от НЕГО отказываются все, кого ОН любит, жена бросает ЕГО и уходит к другому; ОН не может оправдаться, да и не хочет компрометировать кого-то ⟨...⟩ Оказывается, что ОН невинен» (XVI, 52). Одновременно все действующие лица — Подросток, мачеха, тетки, Ст⟨арый⟩ Князь — теряются перед ЕГО открытой проповедью христианства и столь же явным творением зла. И в поисках разгадки этой двойственности вынуждены признать невозможность однолинейной трактовки ЕГО поступков: «это не то» или «тут не то».

Появляются записи о «мечтателе» и «органической» связи его с фабулой романа. Мелькает запись: «Может быть, это сам ОН и есть» (XVI, 49). С начала августа качества «хищного типа» перемещаются к другому образу, женскому: «*Идея романа*. Хищный тип — женский, Лиза, а не ОН ⟨...⟩ вывесть Лизу великаншей, Сатаной, подавляющею Подростка ⟨...⟩ Конец Лизы должен быть торжествен и ужасен, как колокольный звон» (XVI, 57, 61). Или: «*Лиза* никому не должна, всей ей должны. (Иначе как в беспрерывном счастье не соглашаюсь жить). Хищный тип ⟨...⟩ Лиза — полный нравственный беспорядок» (XVI, 65, 81). Определяются отношения ее ко всем действующим лицам романа. Она в связи с НИМ, Молодым Князем; то притягивает, то отталкивает Подростка; убеждает Подростка, что мачеха на содержании у Старого Князя; предлагает ЕМУ отравить жену; становится организатором заговора против Княгини.

Образ жены ЕГО, мачехи Подростка, на этой стадии работы противостоит ЕМУ и Лизе. Мачеха наделяется душевной тонкостью, умом, проницательностью, предваряющей во многом кроткую мудрость мамы, Софьи Андреевны. Из сюжета устраняется ее связь с Молодым Князем. Подросток видит в мачехе «великий» характер. ОН женится на ней, чтобы «смирить свою природу чистотой и подчинить ее добру» (XVI, 114).

Княгиня на этой стадии работы — 2-я или 3-я жена Старого Князя (позднее — дочь). Светская заносчивость, упрямство, гордость, мелкое самолюбие сочетаются в ней с «проблесками истинного человеколюбия», наклонностью к мистицизму; пуританизм с «проблесками необычайной вдруг женственности, грациозности, игры жизнию». Пристальное внимание Достоевского сосредоточивается на разработке сюжетного узла, который получает заглавие «Заговор против Княгини». Помимо анализа психологических мотивировок каждого из участников заговора, для Достоевского важно уяснить, с одной стороны, конфликт между НИМ и Княгиней, возникший до начала действия, с другой — интерпретацию этого конфликта действующими лицами. Конфликт этот Достоевский называет «Эмской историей», интерпретацию его — «легендой». С «легендой» Подросток знакомится еще в Москве. В Петербурге почти все, с кем Подросток сталкивается, пытаются «разъяснить» эту «легенду», осложняя ее новыми элементами вымысла. Отделение правды от вымысла в толковании конфликта, приближение к пониманию сущности ЕГО является одной из главных задач, стоящих перед Аркадием в момент приезда в Петербург. Конфликт должен объяснить суть ЕГО двойственности. Потому, по мере превращения ЕГО в «высшего современного человека», сочетающего в себе жажду идеала и отсутствие всякой веры, Достоевский неоднократно обращается к «Эмской истории», уточняя каждый раз конкретные психологические детали.

Отец героя ощущает «проклятие косности на всем нравственном мире» (XVI, 258). Однако сознательная воля оставляет в нем ощущение необходимости «смирения» и самосовершенствования. При полном безверии он встает на этот путь, надеясь обрести нечто, неведомое ему в данный момент. Так, в частности, объясняются психологически «вериги» Версилова. Встреча с Княгиней не только сметает обретенное на пути совершенствования, но свидетельствует о полной бесплодности устремлений ЕГО к «смирению». В первоначальном наброске «Эмской истории» Княгиня прогоняет ЕГО с «позором», обнаружив в «проповеднике христианства», «руководителе и конфиденте» желание «совратить» ее. Встреча ЕГО с Княгиней рассматривается

Достоевским как встреча с «действительностью», заставляющей героя упасть «ужасно, страшно, немощно». Встреча оставляет в герое «навеки два чувства»: 1) «...мысль о необузданности и неподчиняемости своей природы каким-либо убеждениям ⟨...⟩ 2) чрезвычайное уважение к Княгине, к ее мнению, и с тайною ненавистью к такому высочайшему благородству» (XVI, 113, 114). Способный на «нечистые поступки», ОН хочет, «чтоб и все были так же нечисты, как ОН» (XVI, 114). В «легенде» воспроизводится лишь факт их разрыва, осложненный ЕГО последующими поступками (женитьба на «мачехе», отношения с Лизой, снесение пощечины и т. д.). В дальнейшем в сюжет «легенды» вводится ряд новых действующих лиц, удаленность же ее от истины остается прежней. В то же время анализ сущности конфликта «Эмской истории» (ведомый лишь автору) углубляется. Княгиня делается единственным человеком, который не преклонился перед НИМ, не подчинился ЕМУ. Она уличает ЕГО в том, что за искренность в исповеди он потребует уважения, признания себя «высшим человеком» (XVI, 353), определяет сущность ЕГО натуры как «безобразие» и предугадывает следствие ЕГО признаний: «Вы мне страшно отмстите за унижение этой исповеди» (XVI, 407).[1] Первоначальная разработка характера Княгини вступает в диссонанс с той ролью, которую призвана сыграть Княгиня в метаниях Версилова. В тексте черновых набросков (особенно после введения в сюжет Макара Долгорукого) она — «Мессалина», в связи с Молодым Князем, покупает у Ламберта документ, оскорбляет Лизу и т. д. Эта «сниженность» облика Княгини Достоевского беспокоит. В начале ноября, в период работы над связной рукописью первой части романа, он пишет: «N3! Для поднятия уровня тона, забот и убиваний Подростка, следящего за НИМ с волнением, мучающегося ЕГО лицом, необходимо *поднять трагичнее* и тон происшествий и обвинений, тяготеющих на НЕМ от общества. На НЕМ тяготеют многие легенды и католичество; *но надо:* поднять и лицо Княгини. Сделать ее тоже гордою и фантастичною» (XVI, 196). С этой записи в разработке ее характера наступает перелом, обусловивший появление следующих слов в оценке, данной Катериной Николаевной Ахмаковой современному обществу: «В нем во всем ложь, фальшь, обман и высший беспорядок. Ни один из этих людей не выдержит пробы: полная безнравственность, полный цинизм у всякого ⟨...⟩» (XVI, 354).

6

Обращение к проблеме поколений таило в себе максимальные возможности для идейно-художественного исследования того «химического разложения», которое постигло общество и человеческую душу. Еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель активно защищает, «несмотря на весь его нигилизм», «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца)», лишенного и тени «личного негодования, личной раздражительности», негодующего не потому, что ему плохо в мире, а потому, что мир плох.[2] Базаров и вся художественная структура романа по замыслу Тургенева должны были свидетельствовать о несостоятельности «дворянства» как «передового класса». Авторская интерпретация «Отцов и детей», судя по ответным письмам Тургенева к Достоевскому, в существе своем Достоевским разделялась.[3] В историческом аспекте проблема поколений в сознании

---

[1] Ср. с финалом «Исповеди» Ставрогина, где герой, не вынеся проницательности Тихона, мстит ему оскорблением: «Ставрогин даже задрожал от гнева и почти от испуга. „Проклятый психолог!“ — оборвал он вдруг в бешенстве и, не оглядываясь, вышел из кельи» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 30).

[2] См. об этом: К. И. Тюнькин. Базаров глазами Достоевского. В кн.: *Достоевский и его время,* стр. 108—119.

[3] Подробно о восприятии этого романа Достоевским и эволюции отношения писателя к Тургеневу в 60-х — начале 70-х годов см.: А. С. Долинин.

Достоевского претерпела в 60-е — начале 70-х годов следующую эволюцию: 1) благообразие и несостоятельность отцов (лучшие представители дворянства) и неблагообразие детей (при их «великом сердце» — интерпретация Тургенева); 2) несостоятельность отцов и безобразие детей — «Бесы»;[1] 3) «неблагообразие» отцов (тоже лучшие представители дворянства, но беспокойные и тоскующие носители «великой идеи») и «неблагообразие» детей — «Подросток». Эта третья стадия осмысления проблемы очевидна уже в «Дневнике писателя» за 1873 г. Если в период «Бесов» концепция поколений Достоевского созвучна той интерпретации проблемы «отцов и детей», которую дал Н. Н. Страхов в рецензии на книгу А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский» (*З*, 1869, № 7),[2] то в период «Подростка» эта концепция во многом перекликается со страховским анализом темы поколений на страницах «Гражданина». В 1869 г. Страхов пишет о взаимном непонимании, взаимной розни западников «чистых» — либералов-идеалистов 1840-х годов, оторванных от русских верований и традиций, и их «нечистых» последователей, нигилистов, при непосредственной духовной преемственности. Четыре года спустя в статье «Нечто о характере нашего времени. (Несколько слов по поводу одной журнальной статьи)»[3] (*Гр*, 1873, № 36, 3 сент.) Страхов делит «чистых» западников на две группы — западников «последовательных» и «непоследовательных», «умеренных». Водоразделом между ними служит признание или непризнание «разложения старых начал в Европе», которое «после 1848 года все чаще и яснее сознается самою Европою» и о котором «веско сказано у Герцена, Прудона, Ренана, Карлейля». Западники «последовательные» непременно приходят, по Страхову, к «большему или меньшему нигилизму», повторяя в себе духовное состояние Европы. Западники «непоследовательные» — «староверы» и «медлители», «западники на манер сороковых годов». Они не имеют «жара и смелости нигилистов», но стараются опереться на обширные и основательные познания. «Они упорно отвергают нигилизм, упорно преклоняются перед Западом и, несмотря на то, их мысли и убеждения остаются на степени очень смутных надежд и стремлений. Они любят, как говорится, *все прекрасное и высокое,* но поражены бывают странным бессилием, непреодолимым раздумьем в самых существенных вопросах. Голоса этих людей иногда раздаются очень громко, но ничего целого и связного не выходит из этих отдельных умных речей». Далее Страхов сопоставляет пассивность защитников того, «что обыкновенно называется идеалами» (т. е. пассивность западников непоследовательных), активному энтузиазму «противников идеалов», молодому поколению нигилистов. Разделяя понятия «цель человеческого стремления» (которая «может быть очень ничтожна и бессодержательна») и само «стремление» (которое может отличаться «большим благородством, чистым сердечным увлечением»), он говорит о начале 1870-х годов как о периоде небывалого распространения «идеализма», при одновременной утрате идеалами их «действительного», истинного содержания. Таким образом, пассивности западников «непоследовательных» Страхов в 1873 г. противопоставляет то позитивное начало нигилизма, которое год спустя Версилов определит как действенную верность своей идее и о котором «вступающий в жизнь» Аркадий говорит: «Дергачев... разве это не благородно? Они заблуждались, они мелко понимали, но они жертвовали собой на общее великое дело» (XVI, 360). В авторской же формулировке центральной проблематики романа есть ремарка: «Если есть убеждения страст-

---

Тургенев в «Бесах». *Сб. Достоевский, II*, стр. 119—138; Г. М. Фридлендер. К спорам об «Отцах и детях». *РЛ*, 1959, № 2, стр. 131—148; Ю. Манн. Базаров и другие. «Новый мир», 1968, № 10, стр. 236—255, и др.

[1] См., например: Н. Савченко. К вопросу о сюжетно-композиционном своеобразии романа Ф. М. Достоевского «Бесы». В кн.: Филологический сборник. Алма-Ата, 1968, стр. 16—27.

[2] См. об этом в комментариях к роману «Бесы» (наст. изд., т. XII, стр. 167—170).

[3] По поводу статьи А. [В. Г. Авсеенко]. Практический нигилизм. *РВ*, 1873, № 7, стр. 389—427.

ные — то только разрушительные (социализм). Нравственных идей не имеется, вдруг ни одной не осталось» (XVI, 80). В черновиках понятие «идеалист» рассматривается как «новое явление», «неожиданное следствие нигилизма», а нигилизм как «чуть *не последняя степень идеализма*» (XVI, 79). Рассуждая о «новом поколении», Версилов замечает: «...это плоды банкрутства старого поколения. Мы ничего не передали новому в назидание, ни одной твердой мысли. А сами всю жизнь болели жаждою великих идей. Ну что бы я, наприм⟨ер⟩, передал?» (XVI, 282). Неоднократно называя себя в черновиках «одним из прежнего поколения», «одним из старых людей»[1] (XVI, 53, 76 и др.), ОН (будущий Версилов) говорит об ушедшем в прошлое энтузиазме, ревностном кипении делать добро, служить отечеству, великим идеям, всему «прекрасному и высокому» (XVI, 153). В настоящем — ОН лишь «носитель великой идеи». Его жизнеспособность проявляется только в сфере разговоров. Тематика же их определяется раскрытием того противостояния между «целью человеческого стремления» и характером «самого стремления», о котором писал Страхов в статье 1873 г. «Нечто о характере нашего времени».

«Великая идея» ЕГО и идеалы социализма — в центре всех диалогов черновых записей первой половины августа. Достоевский еще в Эмсе узнал о процессе долгушинцев. И хотя детально писатель знакомится с ним лишь в августе, уже с конца июля в замысел романа вторгаются мотивы, связанные с будущей темой кружка Дергачева: оформляется образ Крафта, Подростка сводят с кем-то «вроде долгушинцев», толкующих о «нормальном человеке» и социализме. Идею социализма, интерпретируемую как «превращение камней в хлебы», в диалогах с Подростком ОН называет «великой», но «второстепенной». В окончательном тексте первой главы второй части романа Версиловым дается лишь краткое обоснование этой оценки. В черновиках же тема первого искушения Христа в широкой философско-исторической трактовке и развернутая аргументация против сведения «великой идеи» к «комфорту» почти с полным текстуальным совпадением повторяется дважды: в записях первой половины августа и начала марта, перед непосредственной работой над связным черновым автографом второй части.

В тех же пластах черновиков, где речь идет о «превращении камней в хлебы» как идее «второстепенной», ОН излагает Подростку свое «credo». Эти записи также дважды — в начале августа и в марте — почти текстуально повторяются. В окончательном тексте Версилов развивает их содержание в диалоге с молодым князем. Раскрывая свое понятие «великой идеи», Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (декабрьский выпуск, глава «Голословные утверждения»): «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные „высшие“ идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают*». С бессмертием души ассоциировались у Достоевского возможность интенсивного и безграничного нравственного совершенствования, максимальный потенциал жизни духовной. Обоснования будущего Версилова полностью соответствуют той аргументации против идеи «превращения камней в хлебы», которую Достоевский дает в известном письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. Развивая свою аргументацию *против*, ОН сталкивается с вопросом Подростка: «Что же спасет мир?» — и отвечает: «Красота» (XVI, 43). И вот здесь начинается разрушение воздвигнутых ИМ обоснований. Вслед за ответом — «красота» — следует авторская ремарка: «Но всегда с насмешкой». За этой насмешкой героя-атеиста скрыто знание уже сказанного Достоевским в черновиках «Идиота»: «Мир красотой спасется. Два образчика красоты». В ней ощутим душевный хаос Ставрогина, находившего «совпадения красоты» «в обоих полюсах» — добре и зле. Нельзя не видеть в этой насмешке и связи с позднейшими словами Мити Карамазова: «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Следует учесть также, что в сознании ЕГО построена аргументация не только *против*, но и *за*: «ОН доказал Подростку ненатураль-

[1] Ср. главу «Старые люди» в «Дневнике писателя» за 1873 г.

пость социализма». И рядом: «ОН ⟨...⟩ сбивает ⟨...⟩ Подростка великостью идеи социализма» (XVI, 46). Вспомним и то, что в июльских черновых записях одновременно с темой «искушения Христа» возникает мотив «игры с дьяволом». В указанном письме идее превращения «камней в хлебы» также противопоставляется идеал жизни духовной, идеал Красоты, из которых истекает «вся жизнь». И раскрывает ее Достоевский так: «труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего». Факты эти подтверждают сделанное еще Д. С. Мережковским наблюдение, что от образа Версилова тянутся нити к поэме о Великом инквизиторе.[1] Материалы же черновиков к «Подростку», разрабатывающие проблематику «идеи великой» и идей «второстепенных», представляют первый развернутый автокомментарий к соответствующему кругу идей писателя.[2]

Обратимся теперь к фактам, обусловившим столь пристальное внимание Достоевского к указанной проблематике в период 1874—1875 гг.

Диалоги ЕГО и Подростка, являясь непосредственными откликами на идейную борьбу эпохи, восходят к полемике между А. И. Герценом и В. С. Печериным о роли «материальной цивилизации» в развитии общества. Эта полемика отражена в их переписке 1853 г.[3] Падение духовной жизни в современном ему буржуазном обществе В. С. Печерин связывал с «тиранством материальной цивилизации». Возражая ему, Герцен говорил о всесилии научного знания в избавлении человечества от страданий. «И чего же бояться, — писал он. — Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой?» (см.: *Герцен*, т. XI, стр. 402). В черновиках к «Подростку» ОН, будущий Версилов, говорит: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это—великая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: „Ну вот, я наелся; теперь что же делать?“» (XVI, 78). Эта же мысль развивается в одном из поздних черновых вариантов исповеди Версилова: «Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков» (XVI, 431). Возвращению Достоевского к спору Герцена с Печериным в 1874 г. способствовала полемика между Н. К. Михайловским и Н. Н. Страховым о значении «общего материального благосостояния». В № 9 «Отечественных записок» за 1872 г. Михайловский поместил отзыв о рецензии Страхова на книгу Э. Ренана «La réforme intellectuelle et morale» (Paris, 1872),[4] в которой писал: «Ренан сам не знает, с чем он борется. В числе атрибутов политического материализма он желает видеть стремление наделить всех и каждого материальным благосостоянием. Он полагает, и г. Страхов с ним соглашается, что здесь играет главную роль зависть. Не говоря уже о том, что все желающие равномерного распределения материального благосостояния желают и равномерного распределения духовных благ и наслаждений; не говоря о том, что странно называть завистью желание снабдить соседа тем, чего у него нет; не говоря обо всем этом, — разве желание наделить всех и каждого материальным благосостоянием не способно составить идеал, вызвать высокие чувства, великие мысли?» (*ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 132). Н. Н. Страхов вернулся к проблематике полемической работы Михайловского в пространной статье «Заметки о текущей литературе», опубликованной в редактировавшемся Достоевским «Гражданине». На приведенную выдержку из

---

[1] Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Религия, т. II, ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1909, стр. 86.

[2] О более поздних по времени автокомментариях Достоевского к поэме о Великом инквизиторе см. в примеч. Л. П. Гроссмана: *1958*, т. 10, стр. 481.

[3] О знакомстве Достоевского с этой перепиской А. И. Герцена и В. С. Печерина и отражении ее в романах «Идиот» и «Бесы» см. в комментариях к этим романам (наст. изд., т. IX, стр. 393; т. XII, стр. 189).

[4] Рецензия Страхова «Ренан и его последняя книга» была опубликована в издании: «Гражданин». Сборник. Ч. 1-я. СПб., 1872, стр. 87—138.

работы Михайловского (Страхов ее цитирует) он отвечал: «Мы скажем решительно: нет, мысль о благосостоянии не способна составить идеал, не может вызвать высокие чувства и великие мысли. К этому способны и это могут делать только идеи чисто нравственные, т. е. такие, вся цель которых заключается в нравственном усовершенствовании человека, в возвышении достоинства его жизни ⟨...⟩ Идея благосостояния сама по себе совершенно бессильна и получает силу только тогда, когда возбуждает собою другие идеи, например идеи сострадания, самоотвержения, любви или же, наоборот, идеи злобы, зависти, мести ⟨...⟩ она никогда не будет главною двигающею идеею...» и подчеркивал: «На первый взгляд это идея прекрасная; без сомнения, всякий желал бы ее осуществления; но сказать, что выше ее не должно быть никакого принципа, что она есть главная идея — вот что мы считаем и неверным и вредным» (*Гр*, 1873, № 18, 30 апр., стр. 547—548).

Факт знакомства Достоевского как редактора «Гражданина» со статьей Страхова сомнений не вызывает. О размышлении же писателя над работой Михайловского свидетельствует следующий набросок из подготовительных материалов к «Подростку»: «Ренан-славянофил. Крестьяне смотрят на пышную свадьбу своего господина и радуются, Михайловский и Толстой негодуют на мужиков на том основании, что пышность свадьбы их господина нисколько не увеличивает их благосостояния ⟨...⟩ Почему? ⟨...⟩ потому, что задались ложною мыслию, что счастье заключается в материальном благосостоянии, а не в обилии добрых чувств, присущих человеку» (XVI, 169). Эта запись восходит к следующему месту работы Михайловского: «... он (Страхов, — *ред.*) называет Ренана французским славянофилом. „Политическое честолюбие, — говорит г. Страхов, — совершенно чуждо русскому народу; охотно жертвуя всем для государства, он не ищет непременного участия в управлении государством ⟨...⟩ Житейский материализм, понимание собственности и удовольствий как главных вещей в жизни, противны коренным нравам русского народа, его несколько аскетическому настроению ⟨...⟩“ Главная мысль г. Страхова состоит в том, что Россия гарантирована от политического материализма особенностями русского народа, который не способен „завидовать“, глядя „на свадебную кавалькаду молодого господина“» (*ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 133). Помимо совпадения проблематики спора Герцена — Печерина и Михайловского — Страхова существенно то, что и Михайловский, и Страхов используют понятия «высшая мысль», «великая мысль». Уже отмечалось, что понятие «великая идея» формулируется Достоевским в черновиках к «Бесам». Страхов заимствует у Достоевского это понятие, используя его в своих работах 1872—1873 гг. и в полемике с Михайловским для обозначения идеи «главной», качественно отличной от идей других, тоже «прекрасных», но только «на первый взгляд». Интерпретация этих понятий в черновиках к «Подростку», постоянное соотнесение Достоевским «великой идеи» и идеи «второстепенной», кажущейся «великой» только в данный момент, свидетельствует о связи полемики Михайловского — Страхова с оформлением замысла романа «Подросток». Следует отметить, что понятие «великая идея» (противопоставляемое — «второстепенной») употребляется Достоевским и в XVI главе «Дневника писателя» за 1873 г. («Одна из современных фальшей», *Гр*, 1873, № 50).

Таким образом, уже в начальный период работы над «Подростком» «великая идея» Версилова оформляется как идея полемическая. Нравственно-психологический комплекс, который она олицетворяет, с наибольшей полнотой развертывается в черновых записях июля—августа 1874 г. У истоков полемики стоят Герцен и Михайловский. Этим, возможно, объясняется то беспокойство, о котором пишет Достоевский в письме к А. Г. Достоевской от 14 (26) июля 1874 г.: «Мне бы хотелось написать что-нибудь из ряду вон. Но одна идея, что „Отечественные записки“ не решатся напечатать иных моих мнений, отнимает почти у меня руки».

В рассуждениях ЕГО «великая идея» выступает как источник «живой жизни». Объяснение Версиловым этого понятия Подростку (в черновиках) и молодому князю Сокольскому (в окончательном тексте): «...это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежед-

певное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто» (XIII, 178). Но есть в определении ее и два важных для нас оценочных качества: она — «не умственная и не сочиненная». В черновиках к ним добавлено: «и не сделанная» (XIV, 79). Здесь намечается то русло, по которому пойдет в черновиках полемика ЕГО с дергачевцами, с одной стороны, и идеей Ротшильда — с другой.

На протяжении всех черновиков и в окончательном тексте романа Версилов говорит о себе как о «носителе высшей идеи». Вместе с тем в подготовительных записях дважды — и опять в августе и марте — ответ ЕГО на восторженное признание носителем «высшей идеи» Достоевский сопровождает очень важной ремаркой: «ОН нагибается к уху и шепчет: „ОН лжет“» (XIV, 38, 285). Этот автокомментарий героя, как и насмешка, которой сопровождается его рассуждение о красоте, свидетельствуют об очевидной недоступности для него «живой жизни». Именно потому он так и стремится прорваться к ней. Недоступность «живой жизни» для Версилова Достоевский связывает с оторванностью героя от «почвы», от коренных верований и преданий, исторически восходящей к периоду петровских преобразований. Версилов сознает это и сам: «Я исковеркан, дитя века, и ношу на себе проклятие века, развратен и развратным родился, ибо русские вот уже два столетия рождаются развратными» (XIV, 407). Жажда идеала и отсутствие веры, рождающие безмерную гордость и безмерное презрение к себе, обусловливают тщетность попыток героя «смирить» себя. Самосовершенствование при столкновении с действительностью оборачивается требованием подчинения, признания за собою права называться высшим человеком, т. е. оборачивается «безобразием». Так определяет в черновиках к роману трагическую несостоятельность героя Ахмакова, и потому Версилов воспринимает свои отношения с ней как «фатум».

Понятие «живая жизнь» впервые употребляется в «Записках из подполья»,[1] в заключительной части их, когда в Парадоксалисте обнаруживаются черты затравленного человека, озлобленность и мстительность которого являются лишь внешней позой, доставляющей ему самому внутренние страдания: «...мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей „живой жизни“ какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую „живую жизнь“ чуть не считаем за труд, почти что за службу...» (наст. изд., т. V, стр. 178). В этих словах ощутима связь с позднейшим диалогом Версилова и князя Сокольского:

«...высшая идея, из которой она (живая жизнь, — *ред.*) истекает, решительно необходима, к всеобщей досаде разумеется.

— Почему к досаде?

— Потому что жить с идеями скучно, а без идей всегда весело» (XIII, 178).

При всей парадоксальности исповеди антигероя в первой части «Записок из подполья» художественная структура повести в целом обусловливает противопоставление «живой жизни» логичности, рассудочности, математичности рационалистических теорий, которые «нивелируют и устраняют индивидуальность».[2] В «Преступлении и наказании» «живой процесс жизни», «живая душа» противопоставляется Разумихиным логическим, математическим построениям (см.: наст. изд., т. VI, стр. 197). При восприятии дерга-

---

[1] В сентябре 1864 г. это понятие Достоевский употребляет также в записной тетради для характеристики личности, оторванной от «почвы»: «...цивилизация есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о боге тому свидетельствует ⟨...⟩ Свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и всё сознает» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 248).

[2] См.: *Скафтымов*, вып. 2, стр. 316; см. также: Р. Г. Назиров. Об этической проблематике повести «Записки из подполья». В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 143—153.

чевцев (и, в частности, Васина) как равноправных оппонентов Версилов оценивает их идеи исходя из этого понимания «живой жизни». Его развенчание «идеи Ротшильда», ощутимое на протяжении всех подготовительных материалов, основано на доказательстве ее жизнеспособности лишь в сфере головной.

Понятие «живая жизнь» В. Л. Комарович связывал с традицией старших славянофилов, употреблявших слово «живой» в смысле «истинно сущий».[1] Термины «живое знание», «живознание» неоднократно встречаются в таких, например, работах А. С. Хомякова, как «Второе письмо о философии к Ю. С. Самарину» и «Разговор в Подмосковной».[2] Понятие «живая жизнь» в смысле истинная, «горячая» употребляется и И. В. Киреевским в статье «Жизнь Стефенса».[3] В более ранней его статье «Девятнадцатый век» указывается и источник понятия «живое знание» — натурфилософия Шеллинга. «Шеллинг, — пишет Киреевский, — который первый создал систему тожества, теперь сам открывает новую цель и прокладывает новую дорогу для философии. Истинное познание, говорит он, познание *положительное, живое,* составляющее конечную цель всех требований нашего ума, не заключается в логическом развитии необходимых законов нашего разума. Оно *вне* школьно-логического процесса, и потому *живое*; оно *выше* понятия вечной необходимости, и потому *положительное*; оно *существеннее* математической отвлеченности, и потому *индивидуально-определенное, историческое*».[4] К Шеллингу восходит, по-видимому, понятие «живая жизнь» и у Герцена. Оно употребляется Герценом в письме к Б. Н. Чичерину, написанном в 1859 г. («Былое и думы», глава «Н. Х. Кетчер»).[5] «Живая жизнь» противопоставляется Герценом теоретической доктрине, в которую «всё временное, преходящее, лица, события, поколения ⟨...⟩ входят уже очищенные от живой жизни, вроде гербария логических теней» (см.: *Герцен,* т. IX, стр. 251). Термин «живая жизнь» в герценовской трактовке находится в прямой связи с мыслью его о роли научного знания в избавлении человечества от страданий, высказанной в споре с Печериным (см. об этом выше, стр. 284). В связи с этим следует отметить, что в черновых набросках к «Бесам», относящихся к июлю 1870 г., Ставрогин говорит о спорах об «источниках живой жизни» между правыми, полагающими, что «христианство не падет в виде лютеранства», и левыми, считающими науку способной «дать живую жизнь человечеству и самый законченный нравственный идеал» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 179). Это дает возможность предположить, что понятие «живая жизнь» в своем движении от «Записок из подполья» к «Подростку» полемически соотносилось Достоевским с герценовским осмыслением этого понятия.

Рассуждения ЕГО о «великой идее», социализме и нигилизме, об общем благе и единичном добре совпадают по времени с первыми набросками социальной характеристики героя. ОН — помещик и сын помещика (но не внук); был женат (сведения о первой жене теряются); учился в русских и германских университетах; в Крымскую кампанию служил (но не долго и где-то, где не дрались), вышел в отставку, затем был мировым посредником первого призыва (всегда действовал дельно и толково). В биографию героя вводится период скитаний за границей. Одновременно делается помета: «Женевские идеи сгубили» (XIV, 42). Далее добавляется: «Поминает Герцена, знал Белинского» (XIV, 50). Так в родословную духовных исканий ЕГО входят 40-е годы. Личность ЕГО получает определенные социально-философские

[1] См.: В. Л. Комарович. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство. *Сб. Достоевский, II,* стр. 33.

[2] См.: А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1861, стр. 331, 539. Этот том Хомякова имелся в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека,* стр. 157).

[3] См.: И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1861, стр. 96.

[4] Там же, т. I, отд. II, стр. 68—69.

[5] Эта глава была впервые опубликована в кн.: А. И. Герцен. Сборник посмертных статей. Женева, 1870.

корпи. Со средины августа появляются записи: «один из прежнего поколения», «один из старых людей» (XIV, 53 и др.), свидетельствующие о связи личности героя с проблематикой соответствующих глав «Дневника писателя» за 1873 г.

О поколении 1840-х годов, о Белинском, Герцене, Грановском, Чаадаеве Достоевский много размышлял еще в период оформления замысла «Житие великого грешника» (1868—1869), затем — во время работы над «Бесами» и «Дневником писателя» (1873). В числе реальных исторических лиц, на которые ориентировался Достоевский, создавая образ Версилова, находились Чаадаев, Герцен, Печерин (см.: *Долинин*, стр. 95—126). Для Достоевского были важны и их принадлежность к дворянскому классу, и характер отношения к нему. Версилов — высший культурный тип, духовный аристократ, оторванный от коренных русских верований, и трагический скиталец, наделенный способностью всемирного боления, носитель русской мысли о примирении идей, объединяющей все частные идеи западных народов. Любовь к России и вера в ее историческую миссию сочетаются у него с привязанностью к Европе, к старым чужим камням, осколкам святых чудес. Считая Парижскую коммуну (Тюильри) ошибкой, преступлением, он не может не видеть в ней логики. Таков Версилов в окончательном тексте романа.

Исповедь Версилова имеет в подготовительных материалах ряд вариантов. Они развивают отдельные аспекты, синтезированные в окончательном тексте его монолога. В начальный период работы Достоевский, по гипотезе Долинина, ориентировался на историческую личность П. Я. Чаадаева (1794—1856) и на его философско-исторические концепции, развитые в первом философическом письме и «Апологии сумасшедшего». В своем восприятии личности Чаадаева писатель основывался на характере отношения его к католицизму. В деятельном начале католичества Чаадаев видел преимущество перед христианством православным, обреченным, с его точки зрения, на «летаргию»; это деятельное начало католицизма дало благотворный толчок развитию западных народов. Имея в виду это утверждение Чаадаева, еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1862) Достоевский писал: «...только разве один Чаадаев так смело, а подчас и слепо ⟨...⟩ негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал всё русское» (наст. изд., т. V, стр. 50). О «католической ограниченности» Версилова, его сочувствии идее Крафта о «второстепенности России», неверии в «самодеятельность русских как народа», «презрении к родной земле» неоднократно говорится в начальный период работы над замыслом романа. С Чаадаевым связывается также ряд биографических и портретных деталей образа Версилова (см.: *Долинин*, стр. 112—126).

Другой исторической личностью, с которой в какой-то мере генетически соотнесен образ Версилова уже в начальный период его становления, является В. С. Печерин (1807—1885). В шестой книге «Полярной звезды», вышедшей в 1861 г., была опубликована глава «Былого и дум» Герцена — «Pater V. Petcherine», в которой подробно рассказывается об общественно-философских исканиях Печерина, ученого и поэта; о его скитаниях по Европе, разочарованиях в ней; о принятии католичества и вступлении в орден, близкий к иезуитам. Существенное место в указанной главе «Былого и дум» занимает полемика между Герценом и Печериным о роли материальной цивилизации, нашедшая прямой отклик в «Подростке», особенно в подготовительных материалах к роману (см. об этом выше, стр. 284).

Центральной фигурой в литературной генеалогии Версилова вслед за А. С. Долининым нужно признать Герцена. И материалы черновых записей, и окончательный текст романа позволяют говорить о совпадении ряда мыслей Версилова с проблематикой книг Герцена «Письма из Франции и Италии» (1847—1852) и «С того берега» (1849). При этом из системы философских и социально-политических идей Герцена Достоевским берется по преимуществу комплекс идей конца 1840-х — начала 1850-х годов, идей периода разочарования писателя в европейской буржуазной демократии (после июньских расстрелов 1848 г.), периода пессимизма и скептицизма. Герцена позднее спасла воскресшая вера во всемирно-историческую роль России. Наделяя

Версилова «герценовским» отношением к Европе, Достоевский пользуется в качестве исторического фона франко-прусской войной (кончившейся разгромом Франции) и сожжением Тюильри в период Парижской коммуны. На интерпретацию взглядов Герцена в романе, как выяснил Долинин, значительное воздействие оказала книга Н. Н. Страхова «Борьба с Западом», разделы о Герцене из которой были первоначально опубликованы в «Заре» (№№ 3, 4 и 11) за 1870 г. С ними Достоевский был хорошо знаком.[1] «Внутренний» путь Версилова — «бегство» за границу, скитания, крушение веры в буржуазную Европу. Затем — внезапно охватившая его любовь к матери Подростка, олицетворяющей «Россию, святую Русь». Все это, как и способность «общечеловеческого боления», присущая Версилову, соотносится с исповедью Герцена в названных произведениях и с истолкованием их Страховым, считавшим наиболее глубокими чертами личности автора «Былого и дум» пессимизм и способность «всемирного боления за всех».[2] В поле зрения Достоевского в период оформления замысла романа могла находиться также статья Герцена «Франция или Англия?», опубликованная по-английски и по-русски в Лондоне в 1858 г. Во всяком случае слова Версилова в исповеди о конце личных странствий, финале последнего акта и опустившемся занавесе соотносятся с рассуждением Герцена о закате европейской истории в работе «Франция или Англия?»:

«Всё в Европе идет с поразительной быстротой к пятому действию, мы в антракте, и занавесь уже в половину поднялась ... и пролог был сказан, остается ждать развязки: актерам идти на сцену, а нам, зрителям, смотреть на игру. Мир событий, обыкновенно запутанный, сложный, сам представляет свою аллегорию; сфинкс во всеуслышание рассказывает свою тайну, и всё так просто, без переходов, без теней, без тушевки»[3] (см.: *Герцен*, т. XIII, стр. 228).

Имя Герцена упоминается в исповеди Версилова — как в подготовительных материалах, так и в окончательном тексте.[4] В черновиках неоднократны и прямые авторские указания на связь интеллектуального облика Версилова с Герценом. Уже отмечалась запись: «Он (Версилов, — *ред.*) поминает Герцена...» Интересны и следующие пометы Достоевского: «пьет шампанское à la Herzen» (XVI, 50); «Герценская болтовня за шампанским» (XVI, 54). С ними связаны и более поздние по времени реплики Версилова в черновом варианте исповеди: «Выпьем. Я как Герцен»; «Да здравствует жизнь — шампанское!» (XVI, 418, 419). В 1861 г. в «Современнике» были опубликованы «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, в которых рассказывалось, в частности, о лете 1845 г., проведенном Герценом, Грановским и Кетчером в селе Соколове, недалеко от Москвы.[5] Панаев описывает многочисленные дружеские обеды с «обилием шампанского». А говоря об ораторском таланте Герцена, отмечает: «Его блестящая речь играла и искрилась, как шампанское, которое он так любил». Сам Герцен, обращаясь в «Былом и думах» к периоду московских и подмосковных дружеских встреч середины 1840-х годов, вспоминает: «Наш небольшой кружок собирался часто то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядом с болтовней, шуткой, ужином и вином шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей и знаний; каждый передавал прочтенное и узнанное, споры обобщали

---

[1] См. письма Достоевского Страхову от 24 марта и 5 мая 1870 г.

[2] Подробнее об этом и о характере отношения Достоевского к Герцену в разные периоды жизни см.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 275—324; *Долинин*, стр. 104—112, 215—230; С. Д. Лищинер. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 37—61.

[3] Аналогичная мысль высказывается Герценом и в работе «Концы и начала».

[4] Черновые варианты исповеди Версилова имеют ряд существенных отличий от основного текста (см. об этом ниже, стр. 330—336).

[5] О своем знакомстве с «Литературными воспоминаниями» И. И. Панаева Достоевский упоминает в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве».

взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех ⟨...⟩ Вот этот характер наших сходок не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видели мясо и бутылки, но другого ничего не видели. Пир идет к полноте жизни, люди воздержные бывают обыкновенно сухие эгоистические люди»[1] (см.: Герцен, т. IX, стр. 113). Еще в черновиках к «Бесам», относящихся к образу старшего Верховенского, есть ряд набросков, связанных с Герценом,[2] среди которых — запись: «Любит шампанское»[3] (см.: наст. изд., т. XI, стр. 65). Как в «Бесах», так и в «Подростке» отмеченные однотемные записи восходят, по-видимому, к воспоминаниям Панаева и мемуарам Герцена. В подготовительных материалах к «Подростку» они возникают в переходный момент становления образа Версилова, когда проблема «отцов и детей» формулируется как главная, а сам герой заявляет о себе, как об одном из «старых людей». В это же время Достоевский отмечает наличие «комических черт в НЕМ». Среди них — заявление ЕГО о возможности явления его «мощей: «ОН хочет сделать себя святым и чтоб ЕГО мощи явились» (XVI, 19). В набросках к портрету старшего Верховенского в «Бесах» отмечается: «Становит себя бессознательно на пьедестал, вроде мощей, к которым приезжают поклониться, любит это» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 65). Эта перекличка ассоциаций Достоевского в периоды его работы над образами старшего Верховенского и Версилова и упоминание о наличии «комических черт» в НЕМ сопровождается четкой авторской интерпретацией внутреннего отношения к Версилову: «...ГЛАВНОЕ — выдержать во всем рассказе тон несомненного превосходства ЕГО перед Подростком и *всеми*, несмотря ни на какие комические в НЕМ черты и ЕГО слабости» (XVI, 43). Характер этой интерпретации определяется взглядом на дворянство как на «собрание лучших людей», «хранителей чести, света, науки и высшей идеи». Этим же объясняется и перераспределение компрометирующих личность мыслей и поступков от Версилова начальных вариантов — к старому и молодому князьям Сокольским, в которых реализуются, по замыслу Достоевского, ощутимые симптомы разложения в среде «высшего культурного слоя».

В галерее лиц 1840-х годов, стоявших у истоков образа Версилова, находился, по-видимому, и литературный персонаж — герой первого романа И. С. Тургенева — Рудин, «странник и скиталец». Так называет себя Рудин в разговоре с Лежневым в конце романа: «Рассказать вам всё, что со мною случилось? ⟨...⟩ Всего рассказать нельзя и не стоит... Маялся я много, скитался не одним телом — душой скитался. В чем и в ком я не разочаровался, бог мой! С кем не сближался!» Эта самохарактеристика не только разделяется Лежневым, но и определяется как человеческая миссия Рудина: «...почему ты знаешь, может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение...» (см.: *Тургенев*, *Сочинения*, т. VI, стр. 356, 367). В черновых материалах к «Подростку», относящихся к февралю 1875 г., Достоевский пишет: «Узнать о Рудине». Но значительно раньше, в конце марта—апреля 1874 г., Достоевский должен был познакомиться с трактовкой Рудина, данной Н. К. Михайловским в «Отечественных записках» (1874, № 3,

---

[1] Впервые эта глава была опубликована в «Полярной звезде» за 1855 г. (кн. 1, стр. 148—168), затем — в «Полярной звезде» за 1858 г. (кн. 4, стр. 125—133) и в отдельном издании «Былого и дум» (т. 2. Лондон, 1861).

[2] См. об этом: Е. Н. Дрыжакова. Достоевский и Герцен. (У истоков романа «Бесы»). В кн.: *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 219—239.

[3] В «Дневнике писателя» за 1880 г., говоря о русских «скитальцах-помещиках», Достоевский вновь упоминает об «обедах с шампанским». Непосредственным поводом для этой ассоциации в 1880 г. послужили воспоминания П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», опубликованные в «Вестнике Европы» (1880, №№ 1—4). В 25-й главе воспоминаний Анненков описывает соколовское лето 1845 г. и многочисленные дружеские обеды, «где на шампанское не скупились».

отд. II, стр. 203—207).[1] Значительная часть статьи Михайловского посвящена сравнительному анализу людей 1840—1860-х годов, выяснению причин их «вражды»: «С чего все эти Рудины (Рудин — типичнейшая из фигур сороковых годов) более или менее жестко третируют людей шестидесятых годов, идущих ведь отчасти по их стопам, по крайней мере в генеалогическом смысле, людей, может быть, даже именно ими, Рудиными, вдохновленных?» Поводом для обращения к этой теме послужила книга М. В. Авдеева «Наше общество (1820—1870) в героях и героинях литературы» (чч. I—II. Пб., 1874). В полемике с Авдеевым Михайловский берет под защиту «детей», «нигилистов», в которых видит стремление к «победе идеи народа над отвлеченными категориями цивилизации». Обвиняя «отцов», которым «дороги памятники прошлого», за их желание сохранить эти памятники так, «как они остались, целиком, без урезок», Михайловский вместе с тем отрицает общественную бесполезность «отцов». Рисуя общественно-философский портрет человека 1840-х годов, он пишет: «Это был средней руки дворянин, человек достаточно обеспеченный, чтобы получить более или менее правильное, в школьном смысле, воспитание, т. е. кончить курс в гимназии и в университете, русском или немецком, а затем еще, может быть, проживать вне государственной службы. Человек в некоторых отношениях весьма тонко и, так сказать, чутко развитый, способный и к ухищреннейшему самогрызению, и анализу лишних людей, и к бужению других пламенным красноречием Рудина, и к наслаждению прекрасным и истинным ⟨...⟩ Не имея, собственно говоря, никаких преданий, стыдясь и презирая прошлое, не имея ничего общего с настоящим, не имея причин веровать особенно сильно в будущее своего отечества, они, естественно, должны были искать наслаждение в сферах отвлеченной истины и отвлеченной красоты». Эта характеристика свидетельствует об элементах общности в восприятии типа «человека 40-х годов» Михайловским и Достоевским (периода «Подростка»). Ощутима эта связь и в трактовке русского «скитальца». Защищая Рудина, Михайловский продолжает: «Русский человек, вообще говоря, в среднем выводе, гораздо шире европейца. Не приспособившись окончательно к той или другой частной колее, он способен к очень широкому размаху. Но зато и требования он ставит своим лучшим людям безумно широкие. Что делал всю жизнь какой-нибудь Прудон? —„Разговаривал“, бил набат, будил совесть, будил мысль — больше ничего ⟨...⟩ Но Европа его все-таки никогда не забудет. А мы оплевали своего Рудина за то, что он непрактичен и только разговаривает! ⟨...⟩ Что Рудин был не бездушный фразер, этого и доказывать нечего, это доказала его смерть ⟨...⟩ Слово этого человека, слабого, но искреннего, грешного, но способного вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других, — было весьма осязательным делом». В этой же статье Михайловский приводит выражение «citoyen du monde civilisé»,[2] употребленное и Достоевским в черновом автографе исповеди Версилова. Следует отметить, что именно к Рудину обращается Достоевский, защищая русского «скитальца», наделенного свойством «всемирного боления», в своей полемике с А. К. Градовским по поводу Пушкинской речи.

Подготовительные материалы свидетельствуют, что в сфере размышлений

---

[1] О внимании Достоевского к работам Михайловского уже говорилось выше. См. также: Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. *ЛН*, т. 83, стр. 59—69. Следует учесть также, что в январском и февральском обозрениях Михайловского (*ОЗ*, 1874) присутствует открытая полемика с «Гражданином». Существенно и то обстоятельство, что в конце апреля Достоевский дал согласие печататься в «Отечественных записках». В письме же Н. А. Некрасову от 20 октября 1874 г. он сообщал: «Получать „Отечественные записки“ для меня, в настоящую минуту, не только соблазнительно, но и почти необходимо. За этот год я читал только первые четыре №. Далее в мае хотел было подписаться, но отложил до оседлого времени».

[2] гражданин цивилизованного мира (*франц.*).

Достоевского в период работы над образом Версилова находился и другой литературный персонаж — Чацкий. Сравнение Версилова с грибоедовским героем (наметившееся в черновиках) сохранено и в окончательном тексте. Характеристика Версилова здесь отчасти перекликается с той трактовкой героя «Горя от ума», которая была дана Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Это фразер, говорун, но сердечный фразер, совестливо тоскующий о своей бесполезности». Л. М. Розенблюм проследила связь образа Версилова и с интерпретацией Чацкого Достоевским в записной тетради за 1880 г.[1]

В одной из первоначальных характеристик Версилова упоминается имя друга Достоевского, казахского просветителя и известного этнографа Чокана Чингисовича Валиханова (1835—1865): «... всё рассказывает, как загаливался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние)» (XVI, 43). Достоевский познакомился с Валихановым в Семипалатинске в 1856 г., в 1860 г. они вновь встретились в Петербурге. Валиханов становится членом кружка братьев Достоевских. Именно о нем, человеке большой душевной чистоты, обаятельного простодушия, глубокого ума и безграничной фантазии, Достоевский писал А. Е. Врангелю 31 октября 1859 г.: «Валиханов премилый и презамечательный человек ⟨...⟩ Я его очень люблю и очень им интересуюсь». Прослеживая эволюцию, которую претерпел Валиханов на грани 60-х годов, А. С. Долинин показывает, что в воображении Достоевского в период, когда первоначальный образ Версилова смягчается, возникает «поздний» Валиханов, несмотря на «гусарские разговоры» и «темные страсти», сохранивший душевное обаяние и простодушие.[2]

7

Существо «идеи Ротшильда» было изложено Достоевским еще в записи от 11/23 июля, когда было принято решение сделать Подростка героем романа. «Идея» оформляется у Аркадия до приезда в Петербург. Трактовка ее, в основном, соответствует окончательному тексту: истоки — в разного рода ущемлениях, социальных и нравственных, испытанных в детские годы мечтательной и «бесконечно», «колоссально» самолюбивой личностью; цель — в обретении могущества и полной свободы. Путь осуществления ее приемлет даже и «злодейства». Как и в основном тексте, однако, отмечаются внутренние колебания Подростка в ощущении идеи, чувство уязвимости ее (этической или логической — еще неизвестно). Но в отличие от окончательного текста на этой стадии работы идея Ротшильда выносится Подростком за пределы собственного индивидуального сознания и обретает жизнь в диалогах со старшим братом. Сначала Подросток «проговаривается» о своей тайне, затем излагает идею ЕМУ с «*усиленным* азартом и с *раздраженною* самонадеянностью» (XVI, 30). Следует отметить, что в период всей подготовительной работы над романом, вплоть до создания связного чернового автографа первой части, Достоевского — о чем свидетельствует художественная структура обширных «планов и программ» — беспокоит мысль:

---

[1] Подробнее о значении комедии А. С. Грибоедова в оформлении замысла романа «Подросток» см.: *Розенблюм*, стр. 43—44 и наст. том, стр. 391; см. также: И. Медведева. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Изд. «Художественная литература», М., 1971, стр. 95—98; В. Вигилянский. Грибоедовские типы. «Вопросы литературы», 1973, № 2, стр. 274—277; А. В. Архипова. Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. В кн.: Литературное наследие декабристов. Изд. «Наука», Л., 1975, стр. 237—246.

[2] См. об этом подробнее: *Долинин*, стр. 168—171; В. А. Мануйлов. Друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов. «Труды Ленинградского библиотечного ин-та», 1959, т. V, стр. 343—369.

каким образом вывести идею Ротшильда из индивидуального сознания героя? Знакомство ЕГО с идеей Подростка вдруг и сразу ставит младшего брата в ЕГО сознании на иную качественную ступень и открывает перспективу для анализа проблемы свободы в разных ее аспектах.

Приводя фактические доказательства неизбежности отступлений на пути осуществления идеи, ОН усиливает колебания Подростка. Но на вопрос его: как стать свободным человеком? (если идея Ротшильда несостоятельна) — ответа не дает. Анализируя поступки Версилова и видя его несвободу в выборе, Подросток начинает анализировать с этой точки зрения и свои поступки (см., например, помету Достоевского на полях чернового автографа конца 1-й главки главы пятой III части романа — см. выше, стр. 114—115). Он вынужден признаться самому себе в своей «несостоятельности», «подлости», «несвободе». Грань, отделяющая его личность от полного разрушения, становится все более хрупкой. Но уже с первых записей, по замыслу Достоевского, Подросток должен «заступить ЕГО место на земле». Словами же Аркадия так определяется сущность романа в записи от 1 сентября: «... вся поэма в том: как было я пал и как я был спасен» (XVI, 101). И в этом его нравственном спасении, при всей абстрактности и отвлеченности обретенного им идеала («высшая идея» Версилова, «благообразие» Макара), — попытка Достоевского отыскать жизнедеятельные начала в духовном потенциале русского дворянства в период всеобщего разложения. В середине декабря 1874 г., уже окончив работу над текстом начальных пяти глав первой части романа, Достоевский делает помету для себя: «*Идея:* Подросток постоянно под ЕГО влиянием и предан ЕМУ фанатически. Версилов, в полном смысле слова, владеет его идеалом и направляет его; показывает уголок нового горизонта» (XVI, 250).

В первой половине августа вновь обосновываются истоки «идеи Ротшильда» — социальная, нравственная, моральная ущемленность героя.[1] Определяется цель — достижение свободы и могущества. Рассматривается система и путь осуществления идеи — «копление, сила воли, характер, уединение и тайна». При этом Достоевский указывает на проблему выбора, которая должна встать при достижении цели — «отмстить или сделать бесконечно много добра» (XVI, 46). Для Достоевского важно подчеркнуть характер восприятия Подростком своей идеи как заурядной, «бесталанной». Герой стремится к «торжеству» середины. Из записей этого периода очевидно, что *осуществление* идеи Ротшильда уже по первоначальному замыслу не должно было стать организующим стержнем романа: «ГЛАВНАЯ ИДЕЯ. Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа» (XVI, 51). В соответствии с этой конструктивной мыслью автор неоднократно говорит о крахе идеи Ротшильда в сюжете романа. Подросток «поражен», «раздавлен», он испытал «погром», «копление⟨...⟩ богатства бросил» (XVI, 48). Останавливаясь на обдумываемом финале, Достоевский пишет: «...Он (Подросток, — *ред.*) (⟨...⟩ собирается с духом и мыслями и готовится переменить на новую жизнь. Гимн всякой травке и солнцу» (XVI, 48). Последний мотив, столь часто повторяющийся в той части рукописи, где идет разработка образа Макара, возникает, таким образом, еще в первоначальный период работы и связан несомненно с темой «живой жизни» Версилова. Здесь же продолжается обдумывание сюжетной линии Подростка, устанавливается последовательность событий его биографии в Москве и первых шагов в Петербурге. Уточняются психологические обоснования отдельных действий Подростка (союз с Ламбертом), уясняется роль мотива отданного наследства в художественной системе романа и сознании Подростка. Отдача наследства должна противостоять иным по своему этическому наполнению поступкам отца и явиться для Арка-

---

[1] О значении комплекса «ущемленности» в становлении человеческой личности свидетельствует, в частности, биография А. А. Фета, безусловно хорошо известная Достоевскому.

для неожиданностью. Характерна запись от начала сентября 1874 г.: «Он отдал 200 000. Подросток поражен как обухом по лбу» (XVI, 111).

Идея Подростка «копить», стать Ротшильдом в черновиках начала августа определяется как идея «поэтическая» (XVI, 46): в общей структуре романа она должна нести определенную художественную нагрузку. Причем путь ее осуществления оформляется в соответствии с окончательным текстом. С одной стороны, это выход из одиночества: «Уйду в свою скорлупу. Именно в скорлупу! Спрячусь в нее как черепаха ⟨...⟩ Я буду не один ⟨...⟩ никогда теперь уже не буду один, как в столько ужасных лет до сих пор». «Скорлупа» — один из синонимов «подполья». Исходную ситуацию формирования «идеи» Подростка соотносит с «подпольем» Р. Г. Назиров.[1] С другой стороны, идея — путь самоутверждения, обретение в итоге «уединенного и спокойного сознания силы», могущества и свободы. Единственный путь для достижения этого, по мнению Подростка, — богатство, «миллионы». Но сознание «могущества», которое принесут Аркадию деньги, будет «тайным». Он бы «ходил в стареньком пальто и с зонтиком», а «ел бы, имея сто миллионов, ту же тарелку супу с говядиной, как теперь!» (XIII, 74, 388). Ему нужно лишь то, что «приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода!» (XIII, 74). Теоретическое исследование идеи приводит обретаемую с миллионами свободу (а значит, и героя) к испытанию. Встает проблема выбора — воспользоваться властью для того, чтобы отомстить или отказаться от нее: «...почем кто знает, как бы я употребил мое богатство?» «Мне именно нужна моя порочная воля вся, единственно чтоб доказать *самому себе*, что я в силах от нее отказаться» (XIII, 76). Отказ от власти, приносимой миллионами, рассматривается Подростком как высший момент самоутверждения.

Вопрос о роли идеи Ротшильда в художественной структуре романа, авторской ее оценке, а следовательно, и об организационном принципе сюжета «Подростка» до сих пор трактуется в научной литературе по-разному. Ряд исследователей считает, что идея героя отодвигается из поля его (и авторского) зрения на второй план, и мотивируют этим обстоятельством композиционную неслаженность, рыхлость романа.[2] Н. Савченко рассматривает «документ», письмо Ахмаковой, которое находится в руках Подростка и делает его «властелином и господином» чужих судеб, в качестве «материального эквивалента» идеи Ротшильда. Эта идея находит, по мнению Савченко, «образное» воплощение в сюжете романа. А вся композиция романа обусловливается авторским заданием — развенчать идею Подростка, показать несостоятельность ее путем сопоставления с «документом».[3] Е. Семенов исследует отличие идеи Ротшильда от идеологических построений других героев Достоевского, состоящее в ее «локальности», ограниченности преимущественно сословными рамками: идея Подростка «не затрагивает всеобщих принципов общественного бытия», лишена объективности и общезначимости, которая свойственна, например, идеям Раскольникова и Ивана

---

[1] *Достоевский и его время*, стр. 144—145; см. также: Е. И. Кийко. М. М Достоевский. В кн.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Изд. «Наука», Л., 1973, стр. 315—319.

[2] См.: *Долинин*, стр. 62—80; *Кирпотин. Роман Достоевского «Подросток»*, стр. 588.

[3] См.: Н. Савченко. Как построен роман Достоевского «Подросток». *РЛ*, 1964, № 4, стр. 41—57. Концепция Н. Савченко разделяется Л. Ракитиной в статье «От ситуации к сюжету. К вопросу о единстве формы и содержания в романе Ф. Достоевского „Подросток“». («Ученые записки Московского пед. ин-та», 1968, № 288, стр. 234—250); см. также: К. В. Рыцарев. Композиция романа Ф. М. Достоевского «Подросток». В кн.: Вопросы русской литературы, М., 1970, стр. 348—361 («Ученые записки Московского пед. ин-та», № 389).

Карамазова.[1] Поэтому Аркадий теряет теоретическую убежденность, подвергает свою идею моральной оценке. В столкновении стремления героя утвердить себя в мире (т. е. стремлении Аркадия реализовать идею) с его нравственными исканиями и заключается, по мнению исследователя, организующий фактор сюжета (*Семенов*, стр. 49—52).

Черновые наброски, сделанные с августа по ноябрь 1874 г., свидетельствуют о последовательном и настойчивом стремлении Достоевского сопоставить идею Подростка с событиями реального романного времени: «Подросток попадает в действительную жизнь из моря идеализма *(своя идея)*. Все элементы нашего общества обступили его разом. *Своя идея не выдержала и разом поколебалась*» (XVI, 128). Идея мыслится как нечто отдельное, качественно разнородное с импульсивными устремлениями и действиями героя: «Первая мысль об идее *отмстить*. Свою идею на время отложил. NЗ. *Свою идею* он только *вначале* принял горячо, а потом за *недосугом* отлагает» (XVI, 97).

По мере приближения к работе над связным черновым автографом первой части романа друг за другом следуют записи, противопоставляющие «идею» и «документ». 14 октября — «...на заговор он решился отнюдь не из идеи, а из страсти» (XVI, 176). В двадцатых числах октября: «Смысл письма потрясает его, ибо он видит, что Княгиня в его руках и что он ее властелин. Между тем он уже порешил, что бросит всё и уйдет в скорлупу» (XVI, 198). Несколько позднее: « И к чему Ахмакова, к чему документ, зачем я хотел спасать Версилова от врагов его, — я только этим изменял идее» (XVI, 220). 2 ноября: «... в фабуле должна быть неуклонно главная идея: стремление к *поджогу* Подростка, как совращение от своей идеи» (XVI, 223). И вскоре в наброске под заглавием «Общее главнейшее» — объяснение тех нравственно-психологических мотивов, которые толкали Подростка к «поджогу». «Вся эта история есть рассказ о том, почему я отдалил идею? Потому, что увлекся идеей, страстным долгом реабилитировать ЕГО, имея документ» (XVI, 230). И ниже — повторение: «реабилитировать ЕГО через документ».

«При входе в мой роман, в котором я действительно познал этого человека, а может быть, и самого себя, я хочу рассказать мою идею» (XVI, 237) — так сопоставляются Подростком его идея и нравстенный идеал, желание утвердиться в котором поглощает его в момент приезда в Петербург не меньше, чем его тайна.[2]

Об этом свидетельствует и окончательный текст и черновики. Показательна, например, запись от 14 октября: «...Подросток предчувствует, что ЕГО идея — выше, гордее и благороднее, чем его. В чем же состоит ЕГО идея? *Весь роман угадывает*» (XVI, 175; курсив наш, — *ред.*). «... вот человек, по котором так долго билось мое сердце», — говорит Аркадий об отце. «ОН был оклеветан и опозорен, все эти жалкие люди не стоили ЕГО подошвы» (XVI, 236). Все поступки отца соотносятся Аркадием с «легендой» о нем («Эмской историей»), ставшей известной еще в Москве, и подвергаются моральной, нравственной оценке. Определяя главную идею второй части романа, Достоевский пишет: «...во всё время кутежа и исступления Подростка и затменья он должен страстно и в волнении следить за отцом, примиряться, отчаиваться, жить в его характере и в его пертурбациях. Ибо поразил отец раз навеки ⟨...⟩ Он следит за каждым ЕГО шагом» (XVI, 225, 230). ОН возвращает наследство. «...Это страшно повлияло на Подростка, и он решил: никогда и ни за что не пользоваться документом против Княгини. *ЭТО НИЗКО!*» (XVI, 231). В столкновениях Подростка с отцом важен сам процесс узнавания. Тайна, заключенная в личности отца, безусловная

---

[1] Об идее Подростка как об одном из вариантов бунта в творчестве Достоевского см.: М. Я. Ермакова. Развитие теории Раскольникова в «Ротшильдской» идее «Подростка». «Ученые записки Горьковского пед. ин-та», 1967, вып. 69, стр. 142—159.

[2] Ср, также: *Кирпотин, Роман Достоевского «Подросток»,* стр, 559—589.

истинность и глубина его страдания делают этот процесс узнавания бесконечным и то и дело ставят Подростка в тупик, заставляя переоценивать поступки отца, уже совершенные.

Самые начальные стадии художественной реализации идеи Ротшильда говорят о присутствии нравственного аспекта и в самооценке Подростком собственной идеи: «Неужели моя идея запретит мне делать добро? Неужели она вредна для других?» (XVI, 107). В окончательном тексте присутствие этого аспекта в восприятии своей идеи очевидно из двух «анекдотов», рассказанных им в заключение пятой главы первой части романа.

Черновые записи, сделанные в третий период работы над замыслом, свидетельствуют и о другом важном обстоятельстве. В набросках, сюжетно относящихся к первой части романа, неоднократно подчеркивается: «Беспрерывно повторять, что у него идея». Вместе с тем делается оговорка, что живет она лишь в сфере логической: «...оставил практически идею, но теоретически продолжает отстаивать ее» (XVI, 71, 97). И наконец, черновые записи свидетельствуют, что уже по первоначальному замыслу Достоевский сознательно ограничивает эту сферу рядом сцен лишь первой части романа: «ЗАДАЧА. Чтоб к концу 1-й части читатель предчувствовал важность окончания (идеи) и дальнейшего развития мысли романа и интригу» (XVI, 93). Эти записи свидетельствуют, что ограничение анализа «идеи Ротшильда» 1-й частью романа входило в авторский замысел: «...она не покидает Подростка, вцепилась в него» (XVI, 106), но этическая оценка поступков, собственных и чужих, трансформирует личность Аркадия, а значит, и идею самоутверждения.

В своих истоках идея Подростка восходит к ряду предшествующих произведений Достоевского. Хотя и без той философской нагрузки, которую несет в «Подростке», она определяет тему повести «Господин Прохарчин» (1846), образ титулярного советника Соловьева, который вводится в фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), присутствует в «Идиоте» (Ганя) и неосуществленных замыслах 1866—1869 гг. (⟨Ростовщик⟩, ⟨Роман о князе и ростовщике⟩, «Житие великого грешника»).[1] Идея Аркадия имеет и свою литературную традицию, восходящую к «Скупому рыцарю» и «Пиковой даме» Пушкина, о чем свидетельствуют подготовительные материалы и основной текст.[2]

Генезис «идеи Ротшильда» в «Подростке» А. С. Долинин связывал и со статьей Н. К. Михайловского о «Бесах», в которой критик, обращаясь к Достоевскому, писал: «В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла ⟨...⟩ рисуйте фанатиков собственной персоны ⟨...⟩ богатства для богатства» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 343). По мнению А. С. Долинина также, «идея» Аркадия подготовила некоторые грани того «психологического портрета» Н. А. Некрасова «как человека частного», который был дан Достоевским в некрологе поэта в «Дневнике писателя» за 1877 г. (*Долинин*, стр. 62—75).[3]

---

[1] Следует отметить, что брат Ф. М. Достоевского — М. М. Достоевский в конце 1840-х—начале 1850-х годов работал над романом «Деньги», оставшимся незавершенным (подробнее об этом см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 22—24).

[2] См. об этом в работах: А. Бем. 1) Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. «Slavia», 1929, т. 7, ч. 1, стр. 62—86; т 8, ч. 1, стр. 82—100; ч. 2, стр. 297—311; 2) «Скупой рыцарь» Пушкина в творчестве Достоевского. В кн.: Пушкинский сборник. Прага, 1929, стр. 209—244; М. С. Альтман. Видение Германна (Пушкин и Достоевский). «Slavia», 1931, т. IX, ч. 4, стр. 792—800; Л. П. Гроссман. Достоевский-художник. В кн.: *Творчество Ф. М. Достоевского*, стр. 330—416 и др.

[3] См. также полемическую статью А. В. Миронова «Объективное и субъективное в творческом поэтическом процессе» («Ученые записки Костромского педагогического ин-та», 1966, вып. 13, стр. 51—70).

Философское наполнение тема «Ротшильда», «царя иудейского», получает уже в «Идиоте» в связи с переосмыслением работы Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии», опубликованной в журнале Достоевского «Эпоха» (1864, № 1—3), где иронически соотнесены Христос и Ротшильд. Публикация была сделана в сокращении. В полном тексте работы (несомненно известном Достоевскому) присутствовала «язвительная параллель» между «царем иудейским» Ротшильдом и Христом, нашедшая своеобразную художественную интерпретацию в образах Гани Иволгина и князя Мышкина.[1]

Оформлению одного из центральных аспектов «идеи Ротшильда» во многом способствовала также глава «Былого и дум» А. И. Герцена, озаглавленная «Деньги и полиция. — Император Джемс Ротшильд и банкир Николай Романов. — Полиция и деньги».[2] Эта глава была опубликована впервые в «Полярной звезде на 1858 год», затем — в отдельном издании «Былого и дум» (Лондон, 1867). Джемс Ротшильд представлен в ней как «соперник Николая» наделенный «спокойным» сознанием власти, даваемой миллионами. Он, как и у Гейне, — «Царь Иудейский», перед которым заискивают все — от префекта Парижа до русского императора. Именно в конце 1867—начале 1868 годов в черновиках к «Идиоту» дважды говорится о мечте Гани (и героя, духовно ему предшествовавшего) стать «царем иудейским» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 261). Этот мотив сохраняется в окончательном тексте «Идиота», а затем повторяется и в черновиках к «Подростку»: «...в результате все-таки — первый человек, царь всем и каждому» (XVI, 46). С «Царем Иудейским» — как именует Герцен Джемса Ротшильда — автор «Былого и дум» столкнулся летом 1848 г., после переезда из Италии в Париж. Ротшильд оплатил Герцену билеты Московской сохранной казны, а затем выиграл процесс у русского правительства, наложившего запрет на капитал матери Герцена «по причинам политическим и секретным». Русский царь «уплатил по высочайшему повелению Ротшильда незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты», — пишет Герцен. И продолжает: «С тех пор мы были с Ротшильдом в наилучших отношениях; он любил во мне поле сражения, на котором он побил Николая, я был для него нечто вроде Маренго или Аустерлица» (см.: *Герцен*, т. X, стр. 140). Помимо герценовской интерпретации Джемса Ротшильда как «властителя» мира, как «царя иудейского», внимание Достоевского не могло не привлечь в указанной главе «Былого и дум» и объяснение Герценом личного восприятия проблемы денег. «Глупо или притворно было бы в наше время денежного неустройства пренебрегать состоянием,—пишет Герцен. — *Деньги — независимость, сила, оружие*. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было неприятельское, даже ржавое. Рабство нищеты страшно, я изучил его во всех видах, живши годы с людьми, которые спаслись в чем были от политических кораблекрушений. Поэтому я считал справедливым и необходимым принять все меры, чтоб вырвать что можно из медвежьих лап русского правительства» (там же, стр. 132; курсив наш, — *ред.*). Не случайно в набросках к «Бесам» среди других помет, связанных с чтением Герцена, есть запись: «Хорошо устроил денежные обстоятельства» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 66).[3] В характеристике же, данной Герцену в «Дневнике писателя» за 1873 г. (глава «Старые люди»), Достоевский замечает: «Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность». Не преемля и потому опуская мысль Герцена о деньгах как оружии действенной борьбы, Достоев-

---

[1] См.: *Фридлендер*, стр. 286—288.

[2] Мысль о влиянии указанной главы «Былого и дум» на оформление «идеи Ротшильда» в романе «Подросток» была впервые высказана М. Гусом (см.: *Гус*, изд. 2-е, доп., стр. 439—440).

[3] См. также: Е. Н. Дрыжакова. Достоевский и Герцен. (У истоков романа «Бесы»). В кн.: *Материалы и исследования*, стр. 219—239.

скпй в «идее» Подростка соединяет желание независимости, «спокойного сознания силы», свободы и уединенности. Мечта Подростка — лишь оружие самоутверждения, максимальная степень которого — в полном отказе от приобретенных богатств.[1] Связь ротшильдовской идеи Подростка с проблематикой главы «Былого и дум» о Джемсе Ротшильде и очевидность полемики Достоевского с Герценом тем более интересны, что дискредитация «идеи» Подростка осуществляется в романе Версиловым (особенно наглядно в подготовительных материалах — см. об этом ниже, стр. 304—305), одна из граней личности которого восходит к автору «Былого и дум». Возможно, именно с этим связана запись в черновиках, сделанная вскоре после решения поставить Аркадия с его мечтой о «миллионе» в центр романа: «⟨...⟩ тут *главное* замечательно, что цикл идей Подростка, столь глупенький, но страстный в Ротшильде, вдруг расширяется для НЕГО, и ТОТ с удивлением видит огромные глубины идеи, многое *пережитое*, чего и предположить нельзя было, *чувства и мысли* уже *свои*, уже выжитые» (XVI, 31). Аналогичная ситуация — опровержение Версиловым философских положений Герцена — наблюдается и в той полемике, которую развертывает Достоевский в связи со спорами Герцена—Печерина, Михайловского—Страхова о роли «материальной цивилизации», «материального благосостояния».

Вторжению «идеи Ротшильда» в идейно-художественную структуру романа летом 1874 г. могло способствовать то обстоятельство, что в периодической печати 1873—начала 1874 годов неоднократно разрабатывалась тема ложного самоутверждения с помощью денег. Конечный идеал на этом пути связывался в ряде газетных фельетонов с именем Ротшильда. Автор «Заметок провинциального философа» Н. В. Шелгунов касается «темы Ротшильда» в №№ 27 и 34 «Недели» за 1873 год (от 8 июля и 26 августа). В июльском номере газеты он так излагает в иронически-пародийной форме свой «рецепт лечения» от охватившей Петербург страсти к бирже: «Я бы хотел быть Ротшильдом; конечно, это труднее, чем быть Магометом или Шекспиром, но зато можно совершать чудеса ... и я бы свершал чудо. Не говорите, что я зол ... есть болезни, которые лечатся только операциями, и я свершил бы такую операцию, я бы заставил все ходячие процентные бумаги, большие и малые, старые и молодые, обанкрутиться, я подорвал бы все банки, я платил бы золотом не пять, а десять процентов, и когда повсюду воцарилось бы уныние ... я стал бы показывать картины моего волшебного фонаря, но я показывал бы не восход солнца, не лето и зиму — мои картины были бы исторические; я бы показал, как вредно для здоровья гулять в садах, которые возбуждают воспоминание о прошлом, как вредно смотреть на Бильза и как невозможно быть счастливым и богатым, когда только экспедируешь, содействуешь, приискиваешь, устраиваешь и пользуешься ... Бедный Петербург! тебя нельзя лечить литературными фактами; тебя можно лечить только Ротшильдом и по моему рецепту». Е. Белов, неделю спустя, помещает в «Гражданине» (1873, № 29, 16 июля) заметку «Что читает народ?», в которой критически оценивает характер освещения исторических фактов в литературе для народа, истолковывая тенденциозно (без учета иронически-пародийного подтекста) желание Шелгунова доказать вред «гулянья в садах, возбуждающих воспоминания о прошлом». Но автора «Заметок провинциального философа» он именует при этом «фельетонистом», выразившим «желание быть Ротшильдом, чтобы заставить разориться все *ходячие* процентные бумаги и подорвать все банки». В 1874 г. Н. В. Шелгунов помещает в «Неделе» ряд статей, посвященных процессу Колосова. Как известно, на материале этого процесса Достоевский строит одну из сюжетных линий романа (см. об этом ниже, стр. 314—315), а Колосова делает прототипом Стебелькова. В одной из указанных «Заметок» Шелгунова «тема Ротшильда», символизирующая ложное самоутверждение,

---

[1] О значении для Достоевского проблемы денег см.: Б. И. Бурсов. Личность Достоевского. Роман-исследование. Изд. «Советский писатель», Л., 1974, стр. 215—424.

не только соотносится с процессом Колосова, но и дискредитируется ею. Шелгунов пишет: «...для вас идеалом служит Ротшильд 〈...〉 поймите, что цивилизация, прогресс, благо, нравственность, все то благородное, что и вы считаете благородным, покупается не золотом, не акционерными предприятиями, не стремлением каждого в Ротшильды, стремлением, приводящим нас только к Колосовым 〈...〉» (Неделя, № 12, 24 марта, стр. 441—442). О том, что Достоевский был знаком с «Заметками провинциального философа», свидетельствует не только фельетон Е. Белова в «Гражданине», но и черновой автограф третьей части романа.

8

Важнейший момент в становлении замысла романа — знакомство Достоевского с материалами процесса долгушинцев. Узнал о нем писатель еще в Эмсе (см. об этом выше, стр. 278). 11 августа 1874 г. он писал из Старой Руссы В. Ф. Пуцыковичу: «Две недели назад, в бытность мою проездом в Петербурге, когда Вы так обязательно обещали мне собрать по газетам процесс Долгушина и К°, — я не успел зайти к Вам за газетами, буквально не имея минуты времени. Сим же спешу предуведомить, что на днях зайдет к Вам в редакцию одна дама, которую я просил об этом, и если процесс у Вас уже был для меня собран, то не откажите вручить №№. Князь советовал мне читать по „Московским ведомостям“, да и сам я знаю, почему там интереснее. Итак, прошу убедительнейше, или по „Московским“ или, если уж нельзя, то по „Голосу“. №№ эти мне *капитально* нужны для того литературного дела, которым я теперь занят».

Дело долгушинцев слушалось в Сенате с 9 по 15 июля 1874 г. Они обвинялись «в составлении преступных воззваний, в напечатании и распространении их с целью возбуждения населения к бунту».[1] Материалы процесса почти без изменений публиковались в ряде газет. В том числе в «Правительственном вестнике», «Московских ведомостях», «Голосе». Часть из обвиняемых уже привлекалась к следствию по делу С. Г. Нечаева (кружок «сибиряков»).[2] Это обстоятельство отмечалось в материалах процесса дважды. Пятеро из обвиняемых были осуждены на каторжные работы (от пяти до десяти лет) с лишением всех прав. Среди них техник А. В. Долгушин, организатор кружка, автор прокламаций «Русскому народу» и «К интеллигентным

---

[1] См.: *Г*, 1874, № 189, 10 июля. О долгушинцах как предшественниках массового «хождения в народ» см.: Л. Э. Шишко. Собрание сочинений, т. IV. М., 1918, стр. 202—205; *Кункль*; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958; Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 158—172. Р. В. Филиппов. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967; В. Г. Базанов. «Хождение в народ» и книги для народа. (1873—1875). В кн.: *Агитационная литература русских революционных народников*, стр. 6—73.

[2] Факт повторного привлечения к судебному процессу А. В. Долгушина в Петербурге широко обсуждался. В агентурном докладе от 19 июля 1874 г. отмечалось, например: «Молодые люди либерального направления были заинтересованы более всего участью Долгушина, которого они считают абсолютно великой личностью, и потому опасались за него приговора в форме вечного заточения. Ныне надеются, что человек, раз уже сидевший по нечаевскому делу на скамье подсудимых и решившийся во имя идеи снова быть на ней, должен обладать и обладает такой энергией, которая не оставит его никогда, и что даже в отдаленной Сибири в кругу каторжников он всецело предастся служению своему делу...» (см.: *Кункль*, стр. 183).

людям»,[1] инженер Л. А. Дмоховский (дворянин),[2] которого прокурор называл «главным идейным вдохновителем кружка»; участвовавшие в печатании и распространении прокламаций бывшие студенты И. И. Папин и Н. А. Плотников и, наконец, учитель Д. И. Гамов (дворянин), также распространявший прокламации. Обвиняемый бывший крестьянин Ананий Васильев в процессе следствия получил нервное заболевание и вскоре после процесса сошел с ума. Учительница А. Я. Ободовская и гражданская жена Дмоховского — Сахарова, сын священника И. Ф. Авессаламов (у него были обнаружены единичные экземпляры прокламаций), Э. Э. Циммерман (за помощью к нему обращался Ананий Васильев), В. Сидорацкий и А. С. Чиков [3] были отданы под арест от трех дней до пяти месяцев. Все публиковавшиеся в газетах сведения о социальном происхождении, образовании, семейном положении, возрасте долгушинцев были детально изучены Достоевским. В сфере его внимания — внешний вид обвиняемых, район Петербурга, где собирался кружок в первый период своего существования, описание комнаты Долгушина, в которой проходили собрания кружка уже под Москвой. Все эти материалы были использованы Достоевским в 3-й главе первой части романа. Прототипы ряда дергачевцев (Долгушин — Дергачев, Папин — Тихомиров, Ананий Васильев — крестьянин Тверской губернии, работавший у Дергачева), бытовые и иконографические реалии, почерпнутые Достоевским из материалов процесса, восстановлены А. С. Долининым (см.: *Долинин*, стр. 87—92).

Третья прокламация долгушинцев называлась «Как должно жить по закону природы и правды». Она являлась переложением брошюры В. В. Берви-Флеровского «О мученике Николае и как должен жить человек по закону природы и правды». Тема прокламации связана с вопросом «о нормальном человеке». Этот вопрос и был одним из центральных в прениях долгушинцев. В отчете процесса приводятся следующие слова А. Д. Долгушиной: «Иногда ⟨...⟩ собирались все вместе по вечерам и занимались решением разных вопросов, из которых главнейший был вопрос о «нормальном человеке». При этом разбирались потребности человека с его физиологической стороны, и мы пришли к тому убеждению, что бедность и невежество суть главнейшие причины, почему большинство не удовлетворяет своим физиологическим потребностям» (*Г*, 1874, № 192, 13 июля). Именно эту идею о «нормальном человеке» Достоевский и берет из всей системы общественно-философских воззрений долгушинцев, делая ее в окончательном тексте центральным пунктом спора Подростка с кружком Дергачева.[4] Истоки этого спора восходят к «Запискам

---

[1] За подписью «М. В.» ⟨В. П. Мещерский?⟩ в «Гражданине» (1874, 15 июля) была опубликована статья «По поводу дела о прокламациях», в которой отмечалось: «Совпадение производящегося в Сенате дела о составлении прокламаций для *русского народа* и *для интеллигентных людей*, с нынешним именно состоянием интеллигентного общества в России есть явление весьма любопытное, неизбежно наводящее на размышления».

[2] Факт наличия дворян среди обвиняемых по делу долгушинцев подчеркивался в «Гражданине» (1874, № 29, 22 июля).

[3] Интересно высказывание долгушинца А. С. Чикова в связи с собственным рукописным сочинением «Письма о рациональном мировоззрении в России в лице Флеровского и Миртова (посвящены памяти Петрашевского и учителю наших молодых поколений Чернышевскому)». Чиков заявил: «Протесты 14 декабря 1825 г. и 49 г. (Петрашевский), начала 60-х гг. (Михайлов, Чернышевский и др.), 4 апр. 1866 г., нечаевское дело 1869 г. я признаю естественным последствием давления *деспотизма*. Причем, попытки Каракозова и Нечаева я признаю сумасбродными и нерациональными» (*Кункль*, стр. 131).

[4] Возможно, здесь сыграло свою роль и упоминание в материалах процесса имени Н. Г. Чернышевского — его работы были обнаружены у подсудимого Э. Э. Циммермана (см.: *Г*, № 196, 17 июля). В газетных отчетах имя Чернышевского встречается всего один раз. В ходе же дознания и следствия было установлено, что кроме Циммермана работы Чернышевского

из подполья», где Достоевский развернул полемику с теорией «разумного эгоизма» Чернышевского и другими деятелями демократического лагеря «шестидесятников», считавшими себя единомышленниками Чернышевского (см.: *Долинин*, стр. 92; наст. изд., т. V, стр. 379—382). Оформляется характер полемики Аркадия Долгорукого и ее тема уже в последний период работы над первой частью романа. В подготовительных материалах тема о несовместимости «срединной выгоды», «разумности», с одной стороны, и «полноты личности» — с другой, затрагивается в одном из диалогов Подростка с Версиловым. К тому же времени относится запись Достоевского: «Стараться жить по закону природы и правды» (XVI, 208).

Необходимо отметить также, что в книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», вышедшей еще в 1869 г., значительное место занимает вопрос о роли «материальных средств», «материального благосостояния» в истории развития человечества. Берви-Флеровский пишет о том, что счастье человека пропорционально не массе материальных благ, принадлежащих ему, а «массе физических и интеллектуальных сил, которыми он обладает» (стр. 460). Периоды цивилизации, когда люди стремятся к накоплению материальных средств, Флеровский определяет как «уродливые». Вся эта проблематика его работы подробно изложена в рецензии Д. Анфовского (Н. В. Берга), опубликованной в «Заре» (1870, № 1, стр. 142—177). Интерес к полемике Герцена и Печерина о роли «материальной цивилизации» в развитии общества, о котором свидетельствуют роман «Идиот» и черновые записи к «Бесам», должен был обусловить внимание Достоевского и к указанной рецензии на книгу Берви-Флеровского. Критика Берви-Флеровским стремления к «материальному благосостоянию» как проявления уродливой стороны личности сливается с критикой Достоевским идей «второстепенных». Упоминание в процессе долгушинцев имени Берви-Флеровского как автора прокламаций — в период оформления «великой идеи» Версилова (противостоящей идеям «второстепенным» — см. об этом выше, стр. 283—287) — могло в значительной степени обусловить то внимание Достоевского к выяснению позитивных сторон идей долгушинцев, которое столь очевидно в августовских черновых записях.

В окончательном тексте на стене в квартире Дергачева Подросток читает слова Гиппократа (эпиграф к «Разбойникам» Шиллера), фигурировавшие в материалах процесса: «Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat! — Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо, чего не исцеляет железо, исцеляет огонь!». Цитата эта появляется в черновиках в августе, в начальный период становления темы долгушинцев. И в окружающем контексте она выполняет — по сравнению с окончательным текстом — противоположную идейно-художественную функцию: «Разговор нигилистов (в восторге): „Quae medicamenta non sanant“ и т. д., а потому пустить красного петуха повсеместно по городам и деревням, с того и начать. Вот как я понимаю *(говорит это шпион, ему возражают)*» (XVI, 80; курсив наш, — *ред.*). О необходимости пожаров говорит провокатор, но с ним не соглашаются. Достоевского привлекает самоотверженность нового поколения, его преданность идее в атмосфере «всеобщего разложения».

Отмечая возрастающую в новой общественной ситуации роль интеллигенции, Достоевский много раз говорил в «Дневнике писателя» за 1873 г. о том, что ее представители обязаны помочь народу «найти себя», обязаны «поддержать его». Это должны сделать «*все наши передовые умы,* — пишет Достоевский в главе „Мечты и грезы“, — *наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство* и все, все изнемогающие ежемесячно и печатно под тяжестию своего долга народу» (курсив наш, — *ред.*). Достоевский не приемлет путь, предлагаемый долгушинцами для устранения беспорядка, считает их идею «второстепенной», но высокие нравственные сти-

---

имелись у Долгушина, Гамова, Чикова, Плотникова (см.: *Динкль*, стр. 45, 130, 131, 142; *ЦГИА*, ф. 1405, оп. 530, № 965, стр. 1 об.).

мулы их бескомпромиссного служения своему делу для него очевидны. В период подготовки к печати первой части романа, в конце ноября 1874 г., писатель соотносит искания долгушинцев с «живой жизнью», с искомым и недоступным для Версилова гармоническим идеалом: «Васин про своих ⟨...⟩ они движутся живой силой. Они нужны для беспрерывного доказательства, что живая жизнь (сила) вне центра. Пусть они и слабы, и ничтожны, но они для непрестанности примера нужны (необходимы). Не перестают и не иссякают. Не смущайтесь их ничтожеством: потом, когда до настоящего дела дойдет, явятся и ум, и знание» (XVI, 233). Этическая сущность «правды» долгушинцев в истоках своих объективно совпадала — в ряде своих положений — с сущностью христианского учения, хотя долгушинцы и были противниками христианства. Идеи искренней и глубокой любви к человечеству, «религия равенства» как истоки и цель их стремлений проходят через все прокламации долгушинцев. Содержание прокламаций, излагавшееся в газетных материалах процесса, давало об этом достаточно отчетливое представление (см.: *Г*, 1874, № 189, 10 июля). В газетных отчетах Достоевский мог почерпнуть и другие факты для размышлений над волновавшей его темой о соотношении социализма и атеизма. У подсудимых И. Папина и Д. Гамова при обыске были обнаружены Евангелия. Экземпляр Папина был испещрен пометами. Значительная часть отмеченных текстов была использована в прокламациях «Русскому народу» и «Как должно жить по закону природы и правды».[1] В газетном отчете были приведены номера глав и текстов Евангелия от Матфея, вошедших в прокламацию. Часть их цитировалась. Указывалось также более 50 текстов, отмеченных Папиным, но в прокламации не вошедших (см.: *Г*, 1874, № 196, 17 июля). Выделенные евангельские сюжеты связаны преимущественно с темами «искушения дьявола» (гл. 4), «бесплодной смоковницы» (гл. 3) и «нагорной проповедью», трактующей о неизбежности страданий в борьбе за правду и необходимости перенесения их (гл. 5). Именно эти темы оказываются в центре внимания Достоевского в первой половине августа 1874 г., когда в подготовительных материалах появляются (как уже отмечалось) неоднократные свидетельства его знакомства (хотя еще и не детального) с процессом долгушинцев. «Искушение дьявола» и обоснование «второстепенности» идеи социализма — суть диалогов Версилова с Подростком.

В этот период проблема «отцов и детей» оформляется в качестве центральной. Знаменательна и следующая запись Достоевского: «ОН, например, атеист, а вдруг толкует Подростку нагорную проповедь, но не решает ничем» (XVI, 43). В записях более поздних тема «искушения дьявола» возникает в диалоге Версилова с дергачевцем Васиным (XVI, 104), а мотивы «нагорной проповеди» ощутимы в словах Версилова о том, что «настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом да и знать должен, что никакая сделка решительно невозможна» (XVI, 285).

По первоначальному замыслу долгушинцам отводилась одна из конструктивных ролей в идейно-художественной структуре романа. В черновых записях с дергачевцами сталкивается ряд действующих лиц: ОН, Подросток, Лиза (в августовских набросках ей 18 лет), Княгиня. В первых же записях действия Подростка у Дергачева относятся к «вопросам» «главным» (XVI, 59), упоминается о разговоре Подростка с «коммунистами» (XVI, 62). По планам средины августа он посещает дергачевцев в один из первых вечеров после приезда в Петербург. Размышления Подростка о них должно и завершать роман. По одному из вариантов на Аркадия падает подозрение в предательстве. Подозрение снимается. Но Подросток «был обижен подозрением и с оскорбленной душой со всех сторон не знал, к кому пойти. (Му́ки)» (XVI, 64). По ряду набросков, его вместе с дергачевцами арестуют. В архи-

---

[1] Факт «ссылок на священное писание» в текстах прокламаций был отмечен в «Гражданине» (1874, № 28, 15 июля).

тектонике романа этого периода в качестве главных выделяются сюжетные узлы, в которых ОН и дергачевец Васин выступают как равноценные и уважающие друг друга оппоненты идеи Подростка. Васин — «идеальный нигилист» — наследует от «идеального» школьного учителя первоначальных набросков к роману «спокойствие и холодность». Он не верит в немедленную осуществимость революции (и в этом своем убеждении восходит к теоретическим высказываниям П. Л. Лаврова):[1] «...хоть революция и ни к чему теперь у нас не послужит, но все-таки, так как иначе заниматься нечем, *надо* заниматься революцией. Выгоды прямой — никакой, разве та, что *идея* поддерживается, примеры указываются и получается беспрерывный опыт для будущих революционеров» (XVI, 65—66). Васин — «старший в тайном обществе». Другие участники общества во многом с ним не согласны, «а иные враги и даже подозревают ЕГО» (XVI, 84). Их расхождения, в частности, — в анализе этической стороны французской революции в период якобинской диктатуры, в оценке «хождения в народ» и характера «обращений к народу». Подросток делается заинтересованным свидетелем их диспута: он — «не с ними», но «самый ярый социалист» производит на Аркадия «наиболее впечатление прекрасного» (XVI, 65).

В черновых набросках, сделанных в августе 1874 г., неоднократно разрабатывается сцена свидания Васина и ЕГО, будущего Версилова. Проблематика их диалогов (о «всеобщем распаде», беспорядке, «великой идее») побуждает ЕГО отделить истинный нигилизм («всегда связанный с социализмом») от нигилятины («Нигилятина. Это — Ламберт»). Явственны симпатии ЕГО к «беспредельной», «сумасшедшей» вере «истинных нигилистов». Характеризуя социализм как убеждение «разрушительное» (XVI, 77, 80, 81 и др.), а потому — как явление «нравственного беспорядка», ОН не может не признать его единственным «страстным убеждением» своего времени.

Существенно, что в отличие от «Бесов», где нигилисты отрицают заслуги своих «отцов» (западников 40-х годов), Васина Версилов «интересует», он видит в Версилове личность «сильную» и «гордую», способную «задать себе огромные требования и, может быть, их выполнить» (XIII, 51). Мнение Васина о Версилове, высказанное Подростку в самом начале романа, оказывается самым проницательным из всех суждений об отце, выслушанных Подростком до исповеди Версилова. Существенно и то, что в набросках к роману, относящихся к августу—ноябрю 1874 г., Васин и Версилов выступают как равноправные оппоненты «идеи» Подростка.

Особо следует отметить, что в подготовительных записях к роману дважды упоминается имя петрашевца Н. А. Спешнева. Один раз с его именем ассоциируется образ молодого человека, бывшего на сходке у Долгушина, богатого помещика, проповедовавшего в целях революции необходимость считаться с техникой. О нем говорится: «Отчасти Спешнев». Другой раз — в разработке психологического рисунка характера Версилова: «ОН только отвечает чрезвычайно радушно на все вопросы Подростка, а сам прималчивает (Спешнев)»[2] (XVI, 259). Это соотнесение с одним и тем же историческим лицом носителя «идеи великой» и идеи «второстепенной» представляется существенным: оно свидетельствует об определенных изменениях в мироощущении Достоевского средины 70-х годов.

---

[1] См.: *Долинин*, стр. 82.

[2] А. С. Долинин считает возможным соотнести с реальным фактом биографии Спешнева и деятельность Версилова в качестве мирового посредника первого призыва (см.: *ЛН*, 77, стр. 469—470). Об одной из самых ярких фигур среди петрашевцев, Н. А. Спешневе, отношении Достоевского к нему и отражении его личности в творчестве писателя см.: А. С. Долинин. Достоевский среди петрашевцев. *Звенья*, т. VI, стр. 512—545; *Бельчиков* (см. именной указатель); комментарий к роману «Бесы» (наст. изд., т. XII, стр. 218—223).

9

Теоретическая жизнь идеи требует вынесения ее за пределы сознания носителя этой идеи (см.: *Бахтин*, стр. 247). Уже отмечалось, что эта проблема встала перед Достоевским одновременно с изложением идеи Подростка. В окончательном тексте Версилов ее проницательно угадывает: идея Аркадия «носилась в воздухе», была идеей времени. Характерен следующий диалог о ней в черновиках: «Это не ново, или, может быть, план состоит в способе?» — замечает ОН. «Нет, и в способах ничего нет», — отвечает Подросток. Тем не менее в период работы над замыслом романа в августе Достоевский разрабатывает ряд вариантов раскрытия Подростком своей «тайны». Адресатами его исповеди делаются то Лиза (она еще сводная сестра его), то ОН, то Васин. Признания Аркадия каждый раз сопровождаются немедленным раскаянием в том, что «выдал идею», «раскрыл тайну», дал возможность овладеть собственной личностью другим. Затем эти варианты отвергаются. И уже в черновых набросках сентября идея Подростка угадывается и дергачевцем Васиным и ИМ.

В августовских записях идея Ротшильда объединяет в сознании Подростка систему «аргументации против», выдвигаемую Версиловым и Васиным. В окончательном тексте романа идея Аркадия дискредитируется сцеплением фактов и идеологических моментов, связанных с образами Версилова и Макара. В подготовительных материалах фигура Макара Долгорукого появляется лишь в сентябре, и это знаменует начало нового, четвертого периода работы над сюжетом романа. В набросках, сделанных в течение сентября и октября, идею Подростка колеблют и Версилов, и Васин, и Макар.

Идея Ротшильда для НЕГО — свидетельство индивидуальности Подростка. Он видит в нем личность, способную противостоять, бороться. А «богатырство» ОН считает выше «счастья» (XVI, 183). Потому в идее сына ОН видит «занятное», «хорошее». Но одновременно говорит ему: «Этой идеей ты мо⟨же⟩шь тоже свидетельствовать о нравственном беспорядке. Ты хочешь удалиться в *свою* нору от всех и берешь к тому меры» (XVI, 81). Затем начинается дискредитация идеи: «наживать деньги бесчестно... Ну, ты купил дешевле, перепродал дороже — два раза обманул»; «ОН говорит Подростку в Final'е, в тоске, что идея его об уединении ниже по гордости, полному прощению, не мщению. К тому же в Ротшильде подленькая мысль о самообеспечении» (XVI, 107); ОН «высоко осуждает ⟨...⟩ Ротшильда. Зовет его на вериги» (XVI, 182). Записи подобного рода неоднократны. Васин также признает в Подростке личность и, говоря о неправильном, с его точки зрения, приложении сил, зовет Подростка к себе, к дергачевцам. Для Аркадия неприемлемо предложение Васина. Но мнение его об идее Ротшильда небезразлично для Подростка: «Васин говорит Подростку о безнравственности конечной цели его *своей идеи*, животное удовлетворение и проч.» (XVI, 156); «ОН его разочаровывает насчет Ротшильда и Васин» (XVI, 97); Подросток «страдает от сомнений в продолжение романа, то от аргументов Васина, то от ЕГО» (XVI, 106).

Этот нравственный критерий, применяемый при оценке идеи Ротшильда, а следовательно, и личности ее носителя, его реальных и возможных поступков, ощущается Подростком. Степень активности его при этом обусловлена чувством правоты оппонентов: носитель «идеи» в своей повседневной жизни часто оставляет «свои обязанности человека» (XVI, 158), «*в своей идее*, хоть и нравится еще уединенное мщение, но мирится и со всяким падением», «проповедует *внутри себя*, при каждом *приключении* своем, что разврат, даже подлость, даже пошлость, даже трусость — лучше, для своей же идеи лучше» (XVI, 158—159). 14 октября, подводя итоги почти четырехмесячному идейно-художественному испытанию «идеи» Подростка, Достоевский пишет: «Подросток берется из Москвы весь проникнутый *идеею* и верный *ей*. Он вооружен ею и едет на борьбу и знает это. Он уже пожертвовал ей кой-чем: именно отчуждением трехлетним, укреплением характера и коплением, и отказом от высшего образования, нарочно для идеи. В Петербурге *его идея*

подвергается ущербу и потрясениям от многих причин, именно: 1) от столкновения с людьми и от того, что не утерпел и обнаружил идею: *стыд за нее*; 2) социализм пошатнул верование: хочет и идею и остаться благородным; 3) свысока отношение ЕГО к идее ⟨...⟩ 4) столкновение с жизнью, сластолюбие, честолюбие, не свое общество, М⟨олодой⟩ Князь ⟨...⟩ Всё рушится через обиды, которые вновь возвращают его к своей идее, но уже не теоретически, а взаправду, озлобленного и желающего отомстить ⟨...⟩ 5) отношение к Княгине, честолюбие, страсть и заговор ⟨...⟩ Но на заговор он решился отнюдь не из идеи, а из страсти; 6) Макар Иванов и те. Потрясающее впечатление, но не уничтожающее идею» (XVI, 175—176).

Материалы конца октября содержат ряд записей с повторяющимся заглавием: «Вот моя идея так, как она мне тогда представлялась» (XVI, 213); «Своя идея так, как я ее понимал тогда» (XVI, 218, 219); «Своя идея» (XVI, 222). Завершающее оформление образа «идеи» происходит с позиций ретроспективных, когда герою уже очевидна нравственная ее несостоятельность В окончательном тексте романа Аркадий, говоря об идее, почти всегда указывает на эту ее эволюцию: им проводится четкое различие между идеей «тогда» и идеей «теперь».

Здесь же параллельное сопоставление аргументов ЕГО и Васина, обнажающих этическую несостоятельность идеи Подростка, отсутствует. Васин из страстного оппонента ЕГО и частого собеседника Подростка превращается в фигуру почти эпизодическую. Но испытание ротшильдовской идеи системой аргументации дергачевцев остается, хотя и приобретает другую форму. Присутствие на собрании дергачевцев не колеблет идею Аркадия в собственном его сознании. Свою идею-чувство герой противопоставляет умонастроениям дергачевцев. Важно здесь и другое. На собрании дергачевцев излагается не только суть их идей и идеи Аркадия, но обнажается и характер обоснования — «математичность». В художественной системе Достоевского, начиная с «Записок из подполья», «математичность» идеи героя есть свидетельство ее несостоятельности, обреченности, оторванности от «живой жизни». «Вера и математические доказательства — две вещи несовместимые», — писал Достоевский вскоре после окончания «Подростка», в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. А именно «выдуманность» («я выдумал мою идею»), «математичность» («докажу, что достижение моей цели обеспечено математически») стояли у истоков идеи Ротшильда.

В черновиках тезис Крафта о «второстепенности» России, обсуждаемый дергачевцами, излагается не как тезис, доказанный «математически», а как «вера всецело», «полное убеждение», господствующая мысль, «которой подчиняются ваш ум и сердце», «которая засела в сердце в виде чувства» (XVI, 209—210). На этой стадии работы термин «идея-чувство» еще отсутствует. С ним ассоциируются определения, которые употребляет Крафт. Обоснование для своей «господствующей мысли» он видит во всеобщем хаосе, беспорядке, царящем в России: «...прежде был хоть *скверный, но порядок*, теперь никакого ⟨...⟩ Хуже того, что есть, никогда не было ⟨...⟩ это непоправимо» (XVI, 206). При этом Крафт почти дословно повторяет слова ЕГО из предшествующих набросков: «В это царствование от реформ пропала общая идея и всякая общая связь. Прежде хоть какая-нибудь, да была, теперь никакой. Все врозь. Был хоть гаденький порядок, но был порядок. Теперь полный беспорядок во всем» (XVI, 185—186). Решение Достоевского устранить из сюжета нравственное опровержение идеи Подростка Васиным сопровождалось существенной перестройкой образа Крафта и всей сцены собрания дергачевцев.

В окончательном тексте тема долгушинцев не находит того широкого воплощения, которое намеревался уделить ей Достоевский, судя по черновым наброскам. Уже в период работы над третьей частью романа Достоевский писал: «К чему служат Васин и Дергачев в романе? Ответ: как аксессуар, выдающий фигуру Подростка, и как повод к *окончательному разговору* Подростка с НИМ» (XVI, 395). То есть как повод к центральной исповеди Версилова.

О неподвластности человеческой природы законам математики Достоевский говорил еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях», «Записках из подполья», «Крокодиле». В «Преступлении и наказании» он развенчивает нравственную «казуистику» Раскольникова, покоящуюся на математических построениях.[1] А в 1871 г. романист вновь сталкивается с математическими «выкладками», вызывающими определенные ассоциации с нравственной «казуистикой» Раскольникова, в материалах процесса по «нечаевскому делу». Обвиняемый П. Г. Успенский оправдывал убийство студента И. Иванова следованием логической необходимости: «...наша цель была — достижение общего блага. Я поясню мою мысль примером: у больного делается ампутация какого-нибудь члена для того, чтобы сохранить и исцелить организм. Таким образом, объясняется то действие, которое было совершено над Ивановым; он мог погубить всю организацию, и вред, который мог нанести этим, можно вычислить математически. Если нас 80 человек и если взять только год заключения каждого из нас по меньшей мере, то выйдет 80 лет заключения за одного человека, а если заключение увеличить до 5 лет, то выходит 400 лет и т. д. ...»[2]

За несколько лет до «нечаевского процесса» в русской периодике развернулась полемика вокруг проблемы о применении «методов математических» в науках нравственных, экономических и социальных. Причиной полемики послужило обсуждение позитивной философии Огюста Конта, имя которого было известно Достоевскому, по-видимому, еще с 1840-х годов.[3]

Оживлению полемики способствовал перевод Н. Неклюдовым и Н. Тибленом книги «Огюст Конт и положительная философия. Изложение и исследование Г.-Г. Льюиса и Дж.-С. Милля» (СПб., 1867). Журнал «Космос» в 1869 г. публикует серию полемических статей.[4] К одной из них (работе Ю. Г. Жуковского) предпосылается следующее редакционное пояснение: «Так называемая позитивная философия, резонируя в лице Огюста Конта на тему нравственных вопросов, чуждых последнему по его образованию и малознакомых ему в существе, могла считать безнадежным, чтобы масса пестрых и зыбких на первый взгляд явлений нравственной и психической области могла когда-нибудь быть подчинена такому же точному измерению, классификации и дисциплине, как и ряд других, более простых на вид фактов» (*К*, 1869, № 2, стр. 31). Анализу тематики журнала «Космос», видевшего свою задачу в сближении «нравственного и естественного знания», была посвящена глава книги И. Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. (Дополнение к материалам для характеристики современной русской литературы)» (СПб., 1869),[5] на которую Н. Н. Страхов

---

[1] Об отражении в «Преступлении и наказании» полемики 60-х годов вокруг работ бельгийского математика, экономиста и статистика А. Кетле и его последователей, распространявших законы математики и закономерности статистики на социальную и нравственную жизнь человечества, см.: *Фридлендер*, стр. 150—166.

[2] «Правительственный вестник», 1871, № 163, 10 июля.

[3] Об отношении Достоевского к Конту и восприятии идей Конта в России в 1860-е годы см. в комментариях к «Житию великого грешника» (наст. изд., т. IX, стр. 514—515).

[4] Гёксли. 1) Физическое основание жизни. Новая философия и позитивизм. 2) Позитивизм и современная наука. Научная сторона позитивизма (*К*, 1869, № 2, стр. 139—171; № 5, стр. 75—108); Р. Конгрев. Позитивизм и современная наука. Огюст Конт и Гёксли (*К*, 1869, № 4, стр 69—95); Ю. Г. Жуковский. Рикардо и его теория ценности. Статьи 1 и 2 (*К*, 1869, № 2, стр. 29—99; № 3, стр. 31—51).

[5] Достоевский мог быть знаком и с самой книгой И. Рождественского — критическим разбором работы Ю. Г. Жуковского и М. А. Антоновича «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869), представлявшей собою пасквиль на Н. А. Некрасова — человека и лите-

поместил рецензию в № 5 «Зарп» за 1869 г. Черновые материалы к «Бесам» свидетельствуют о знакомстве Достоевского с этой рецензией Страхова (см.: наст. изд., т. XI, стр. 197). В поле зрения Достоевского могли оказаться и статьи Н. К. Михайловского «Суздальцы и суздальская критика» (*ОЗ*, 1870, № 4) [1] и «О литературной деятельности Ю. Г. Жуковского» (*ОЗ*, 1871, № 4), в которых, полемизируя с «Космосом», критик отстаивает мысль о «неприложимости» математических приемов к физиологии, биологии, наукам нравственным, «к сложнейшим исследованиям, предметами которых служат явления общественные и государственные» (*ОЗ*, 1870, № 4, отд. II, стр. 194). Важен и факт публикации в «Гражданине» (1873, № 6, 5 февраля) рецензии Е. Белова на работу А. Стронина «Политика как наука». Белов отстаивает мысль о неприложимости законов «физиологической необходимости» к наукам социальным. Резко отрицательную рецензию на эту же работу Стронина (с критикой «математического метода») печатает и Н. К. Михайловский в № 11 «Отечественных записок» за 1872 г. (отд. II, стр. 166—175).

Уже в 1870 г. Михайловский дискредитирует намерения Жуковского перестроить всю общественную науку при помощи «математики», «примирить социалистов и экономистов» приложением к социологии математического метода. Существенно, что Михайловский особенно подчеркивает невозможность приложения математических приемов в физиологии; математики — при анализе явлений социальных. Развенчание Достоевским «математических» построений Подростка, изображение несостоятельности «математических» доказательств в области физиологии (Крафт с его идеей «второстепенности» России) свидетельствуют о возможном знакомстве Достоевского с полемикой 1869—1871 гг. вокруг позитивной философии О. Конта. Мысль Достоевского о неприложимости «математических» приемов к наукам нравственным и социологическим объективно совпадает с точкой зрения Н. К. Михайловского. Но важно отметить, что носителем идеи «второстепенности» России, основанной на математических доказательствах, делается в романе участник кружка Дергачева. Это обстоятельство могло сыграть известную роль в заявлении, сделанном Михайловским сразу же после знакомства с третьей главой первой части романа, где излагается «математическая идея» Крафта: «...сцена у Дергачева со всеми ее подробностями имеет чисто эпизодический характер. Будь роман на этом именно мотиве построен, „Отечественные записки" принуждены были бы отказаться от чести видеть на своих страницах произведение г-на Достоевского, даже если бы он был гениальный писатель» (*ОЗ*, 1875, № 1, отд. II, стр. 157—158). С 5 февраля до середины февраля 1875 г. Достоевский находился в Петербурге, где читал корректуру второй половины первой части романа (см. письма его к А. Г. Достоевской от 6, 7 и 12 февраля) В это время он неоднократно бывал в редакции «Отечественных записок». Там, по-видимому, и состоялся разговор о месте, которое займет тема дергачевцев в романе, позволивший Михайловскому уже в февральском номере журнала выступить с приведенным выше заявлением.

ратора. Рождественский, в частности, сравнивает «хрестоматию» Жуковского и Антоновича с произведениями, описывающими средства, как «нажить миллион».

[1] В этой статье Михайловский писал: «...„Космос" сводит все методы изучения явлений к двум: к „способу врожденного глазомера" и к математическому методу, оставляя неразъясненным, в чем именно тот и другой состоят ⟨...⟩ „Космос" даже и не говорит о методе, а рассказывает, что есть-де способы врожденного глазомера, а есть и более вооруженные приемы, приемы математические. Ввиду этого тумана читателю поневоле должны прийти в голову вопросы: да насколько же приложение математики к высшим наукам гарантирует нас от ошибок, свойственных „врожденному глазомеру"? Каким образом это приложение должно происходить?» (*ОЗ*, 1870, № 4, отд. II, стр. 190—191).

В конце августа 1874 г. идейно-психологическая разработка характеров и сюжетных узлов, общая структура романа в целом представляется Достоевскому столь продуманной, что 1 сентября он делает подробный набросок плана первой части, излагает последовательность сюжетных коллизий второй и приступает к разработке развернутых диалогов начальной главы первой части. Содержание ее определяется так: «Что такое мой отец?». В августе же рядом с записью, излагающей «суть романа», Достоевский делает помету: «Обдумать всё pro и contra» (XVI, 86).

С записи, датированной 8 сентября, в разработке сюжета происходят существенные изменения — намечается сюжетный каркас, во многом соответствующий окончательному тексту. Подросток, Лиза (уже не «хищный тип», а «ангельский»), 8-летний болезненный мальчик делаются незаконными детьми ЕГО. Мачеха становится их матерью.[1] Она олицетворяет «русский тип (огромный характер)». ЕМУ 50 лет. ОН женится на молодой родственнице Старого Князя, «Подушке» (по другим планам — собирается жениться). Одновременно у НЕГО любовь-ненависть к Княгине, дочери Старого Князя (ей 26 лет). У Лизы роман с Молодым Князем. В отличие от основного текста в финале романа несколько смертей: умирает мать, Лиза, маленький мальчик, по ряду вариантов — Молодой Князь. ОН сходит с ума (по другому плану — вешается в монастыре). Кардинальные изменения в сюжете романа связаны с появлением нового действующего лица — странника Макара Иванова. Макар — «христианин православный, высшая противоположность ЕМУ» (XVI, 247), символ «исконной народной правды». Он — «муж на подставу», мать Подростка — жена его. Макар неожиданно «является» в Петербург и умирает в случайном семействе Версилова. Большая часть пространной записи от 8 сентября представляет собою короткие и бессистемно расположенные высказывания странника Макара, перемежающиеся ветхозаветными, евангельскими и апокрифическими сюжетами. Часть из них Макаром толкуется. Здесь же — обрывочные монологи Макара с НИМ (о назначении России), Подростком (о неизбежности роста чувства вины на пути совершенствования), Лизой (о всепрощении). Истина Макара — в проповеди равенства нравственного. Самосовершенствование он трактует как «великий подвиг», который каждому надо начинать с себя. В исповедальных сценах ЕГО о матери и Макаре раздвигаются границы частного. «Смирение и кротость» матери соединены в ЕГО рассказах с «настоящей силой духа» и твердостью, готовностью идти на муки за то, что «считается у них святым». Обобщающее местоимение *у них* Достоевский вписывает над строкой, и в следующей ниже характеристике Макара дается обобщенный народный образ, противостоящий ЕМУ, оторванному от коренных русских верований.

В главе «Дневника писателя» за 1873 г. «Одна из современных фальшей», имеющей столь большое значение для становления замысла романа (см. выше, стр. 277—278), Достоевский писал о том, что трудности на пути познания «добра» и «зла», «возврата к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного» — не одинаковы для всех. Сложнее они для тех представителей русских семейств, в которых разрыв с народом «преемствен и наследствен еще с отцов и дедов». Сделав Подростка сыном дворянина и крестьянки и навсегда связав семейство Версилова с Макаром, Достоевский в известной мере «облегчает» герою познание того, «что добро» и «что зло».

Вскоре после введения в сюжет Макара в подготовительных материалах появляется следующий набросок, концентрирующий всю основную проблематику романа: «В романе все элементы. Цивилизованный и отчаянный,

---

[1] Возможно, это существенное изменение в сюжете романа восходит к замыслу о «дворовой девушке», «приехавшем помещике» и «прижитом» ими ребенке. Этот замысел упоминается Достоевским в тетради, включающей подготовительные материалы к «Бесам», и датируемой маем 1870—июлем 1871 г. (см.: наст. изд., т. XII, стр. 6, 368).

бездеятельный и скептический, высшей интеллигенции — ОН. Древняя святая Русь — Макаровы. Святое, хорошее в новой Руси — тетки. Захудалый род — М⟨олодой⟩ К⟨нязь⟩ (скептик и проч.). Высшее общество — смешной и отвлеченно-идеальный типы. Молод⟨ое⟩ поколение — Подросток, лишь с инстинктом, ничего не знающий. Васин — безвыходно-идеальный. Ламберт — мясо, материя, ужас — проч.» (XVI, 128). Основной литературный источник, на который ориентировался Достоевский при работе над образом Макара, — некрасовский «Влас», самый же характер ориентации освещен А. С. Долининым и В. А. Тунимановым.[1] Последний проанализировал также биографические воспоминания писателя, которые вбирает в себя личность народного странника в «Подростке» (стародубовский старовер из «Записок из Мертвого дома», мужик Марей, поразивший детское воображение Достоевского). В подготовительных материалах Достоевский говорит о связи образа Макара с толстовским Платоном Каратаевым. В «Дневнике писателя» за 1877 г. проблематика, воплощаемая в образе Макара, ощутимым образом сказывается в интерпретации Достоевским личности Левина в «Анне Карениной» и его отношении к народу. Отмечалась не раз тесная духовная связь Макара с Тихоном («Бесы») и Зосимой, в ранних черновых набросках именуемом тоже Макаром («Братья Карамазовы»).[2]

Макар воплощает в себе в авторском представлении лучшие, исторически сложившиеся черты русского народа. И «как народ,— замечает Достоевский в подготовительных материалах, — принадлежит к дворянству» (XVI, 433). Не случайно писатель наделяет его княжеской фамилией — Долгорукий. Версилов, специально останавливаясь на «генеалогии» Макара, говорит Подростку: «Заметь, что Макар Иванович до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни» (XIII, 312). В рассуждениях молодого Сокольского в подготовительных материалах есть существенный момент, не отраженный в основном тексте. Сознавая собственное «разложение», он «поражается» личностью Макара, говорит о необходимости начинать изменения с себя и добавляет: «Тогда я *настоящим князем* буду» (XVI, 242; курсив наш,— *ред.*). Древняя княжеская фамилия — Сокольский — отнюдь не вводит его в круг «истинного», «настоящего» дворянства, той «тысячи», о которой столь часто говорит Версилов.

Здесь важно отметить, что на грани 70-х годов появились работы, освещающие историю рода Долгоруких. Этой теме большое внимание уделяет С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» (т. XIX, СПб., 1869).[3] В 1870 г. публикуется работа «Судьба князей Долгоруких при императрице Анне» в журнале «Заря» (№ 6, стр. 152—170; № 7, стр. 171—193). Этой публикации предшествовало обширное исследование, изданное под редакцией В. Долгорукого, «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские» (СПб., 1869). Через год после выхода этой книги ее редактор, князь В. А. Долгорукий, оказался на скамье подсудимых, скомпрометировав тем самым историю своего рода. В библиотеке Пушкинского Дома сохранился экземпляр указанной книги со следующей автографической надписью князя А. Б. Лобанова-Ростовского, адресованной владельцу работы о роде Долгоруких: «Краткая биография автора купленной тобою книги: Князь Всеволод Алексеевич Долгорукий, 23 лет (сын № 195), решением СПбургского

---

[1] См.: *Долинин*, стр. 126—133; В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 33—66.

[2] См., например: Р. Плетнев. Сердцем мудрые. (О «старцах» у Достоевского). В кн.: *О Достоевском*, сб. I, стр. 73—92; Л. А. Зандер. Тайна добра. (Проблема добра в творчестве Достоевского). Париж, 1960.

[3] В 60—70-е годы Достоевский с большим вниманием читал работы С. М. Соловьева. В библиотеке Достоевского имелась книга Соловьева «История России с древнейших времен» (т. 1, изд. 2-е, М., 1854). Неоднократны упоминания об «Истории» Соловьева в черновиках к «Бесам» и «Подростку». В «Идиоте» Рогожин читает его «Историю России». Эту книгу Соловьева Достоевский рекомендует для чтения юношеству (см.: *Библиотека*, стр. 151).

окружного суда, состоявшимся 27 февраля 1870 г., за участие в мошенничестве на сумму менее 300 р. приговорен к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к заключению в тюрьме на полтора месяца; на приговор этот 29 октября того же года последовало высочайшее разрешение по окончанию тюремного содержания Долгорукого выслать из столицы для приписки к какому-нибудь мещанскому обществу в одной из внутренних губерний». Датирован автограф январем 1871 г. Отчетов об этом процессе в петербургских газетах обнаружить не удалось. Но сам факт пребывания на скамье подсудимых за мелкое мошенничество потомка древнейшего княжеского рода Долгоруких должен был стать предметом широкой устной гласности. Мог быть он известен и Достоевскому. Во всяком случае история князя В. А. Долгорукого подтверждает характерность тех симптомов «разложения» в среде дворянства, о которых свидетельствует Достоевский образом молодого Сокольского. Симптоматично и то, что именно княжеской фамилией — Долгорукий, скомпрометированной одним из ее реальных носителей, наделяется в романе герой, олицетворяющий все лучшее в русском народе.

Так же, как и Версилов, Макар — странник, высший «бродяга», но в отличие от Версилова, оторванного от «почвы», олицетворяющего «безобразие», «обособленность», Макар — символический образ «благообразия»,[1] всепримиримости, всеотзывчивости. В нем живет многовековый опыт страдания русского народа. Другая черта «всякого русского», по Достоевскому,— отрицание. Спасением на пути от отрицания к самоотрицанию является страдание. Смирение же представляет ту плодотворную почву, на которой очищающий опыт страдания совершает в человеке духовную революцию, приводит его к нравственному возрождению. В подготовительных материалах Макар говорит: «Смирение — сила. Смирением всё победишь» (XVI, 346). Эту мысль он иллюстрирует не только собственной жизнью, но многочисленными притчами, анекдотами, сказами (в окончательном тексте сохраняется лишь история о купце Скотобойникове из города Афимьевского). Макар воплощает в себе лучшие этические, культурные идеалы и нравственные критерии народа. Этим объясняет Туниманов[2] многочисленные упоминания Макаром «дорогих Достоевскому фигур» — Нила Сорского, Парфения, Власа. Причастен Макар и к старообрядчеству. Не случайно его святыней выбирается древний чудотворный старообрядческий образ.

Сюжетные изменения, зафиксированные в подготовительных материалах после появления Макара, представляются Достоевскому столь существенными, что он считает необходимым соотнести замысел романа на этой стадии с романом «*прежним*» (XVI, 121) и составляет план всего романа «событие за событием». В последующей работе большое внимание уделяется разработке отношений между Версиловым и Макаром (почти всегда при этом Подросток выступает заинтересованным наблюдателем). Важное место занимает и выяснение характера восприятия идей Макара Подростком.

«Случайное семейство» уже давно тесно связало Версилова с Макаром. Версилов и дорожит этой связью и тяготится ею. Как носитель высшей русской культурной мысли, сознающий свою оторванность от «почвы», от вековых русских традиций, он стремится прорваться к ним. Черновые наброски психологического состояния Версилова в день смерти Макара содержат неоднократные свидетельства его признания правоты идей Макара: «Макар прав в своей идее» (XIV, 352); «ОН... „Воскрес Версилов!“ Благообразие. Рассказывает о милостыне. Макар прав в своей идее» (XVI, 358). Но эти записи вклинива-

[1] Как установлено Е. И. Семеновым, термин «благообразие» восходит к «Войне и миру» Л. Н. Толстого, но переосмыслен в «Подростке»: понятие «благообразие» «заключает в себе утопию нравственной гармонии, но не может указать Подростку пути практического преобразования мира» (см.: Е. И. Семенов. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток». (Проблематика и жанр). Автореф. канд. дисс. Л., 1973, стр. 11).

[2] См.: В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 54.

ются в разрабатываемые параллельно сцены «рубки образов» и свидания с Княгиней, которые со всей очевидностью свидетельствуют об обреченности героя на трагическое одиночество. Версилов способен лишь на «подвиг гордости». В этом подвиге «фальшь идеалиста», «ходули, натянутость», «безобразие» (XVI, 355—356). «Подвиг смирения» — за пределами его возможностей.

В окончательном тексте романа Подросток, потрясенный обликом и рассказами Макара, говорит: «Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду». Но тут же Аркадий-повествователь добавляет: «Конечно, я и тогда твердо знал, что не пойду странствовать с Макаром Ивановичем и что сам не знаю, в чем состоит это новое стремление, меня захватившее» (XIII, 291). В подготовительных материалах соотнесение Подростком собственной идеи с идеей Макара продолжается вплоть до начала работы над связным черновым автографом третьей части романа. Появление Макара обусловливает неожиданное «прозрение» Аркадия. В уже привычных ему людях (как и в самом себе) он вдруг видит «ряженых». «Тут были *все элементы общества,* и мне казалось, что *мы, как ряженые,* все не понимаем друг друга, а между тем говорим на одном языке, в одном государстве и все даже одной семьи» (XVI, 129—130; курсив наш, — *ред.*). Термин «ряженый» как олицетворение неподлинной человеческой сущности используется Достоевским в одноименной главе «Дневника писателя» за 1873 г. Стремление прорваться к реальности, к истинному смыслу лиц и событий определяет и все метания Подростка по приезде в Петербург. В подготовительных материалах он постоянно задает себе вопросы: «Что этот день мне дал?» (XVI, 213); «Где начало и конец Версилова?» (XVI, 209) и т. д. Разрушением «легенды» об отце и открытием действительности (насколько это возможно) является вся вторая половина романа.

Одновременно с введением понятия «ряженый» в сознание Аркадия с героем связывается тема «мечтательства». Впервые в подготовительных материалах к «Подростку» эта тема появилась в период отхода ЕГО от «хищного типа» и тогда же была соотнесена с НИМ. В характеристику Аркадия, сделанную сразу после появления Макара, включается текст: «ПОДРОСТОК ДИЧАЕТ И МРАЧНЕЕТ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ» (XVI, 126). За этим текстом в черновиках следуют зачеркнутые Достоевским два варианта одной и той же фразы: «Мечтатель. Самоубийство»; «Мечтатель. Мысль о самоубийстве». Двумя страницами ранее в тексте подготовительных материалов сохраняется помета: «Подросток думает о самоубийстве» (XVI, 125). В 20-х числах сентября и в октябрьских записях тема мечтательства возникает вновь: «...я без мечтательности не мог и дня прожить, да и не понимаю, как можно прожить без нее каждому человеку. Наверное, все люди мечтают. И кто думает, что она делу вредит, тот дела не знает» (XVI, 152). Несколько позднее: «...верен своему главному характеру мечтательности» (XVI, 195). Это — очевидная защита мечтательности в диалоге Подростка с Васиным. В черновом наброске собрания дергачевцев Подростку возражают: «...вы теоретики и свою идею в дело не прилагаете, а только мечтаете. Ну-с, а мы люди дела» (XVI, 208). Выше уже отмечалось противопоставление Достоевским пассивности носителей «великой идеи» активности нигилистов. Теперь, сделав мечтательность доминантной чертой личности Подростка, Достоевский обнажает ее «парализующий» характер: «Мечты, книги, сад, луч, жизнь, мечтательность всё съела» (XVI, 187). Мечтательность мешает Аркадию сбросить с других покров «ряжености». Он не только понимает это, но и связывает истоки мечтательности, «парализующей» волю, с отцом, носителем «великой идеи»: «Если я мечтаю, мечтатель, то кто меня таким сделал. Это ОН меня таким сделал» (XVI, 212). И почти к этому же времени относится помета Достоевского: «...сократить о мечтательности» (XVI, 179).[1] Мечтательность в Подростке остается, но перестает

---

[1] К теме дискредитации пассивных начал мечтательности Достоевский обращается позднее, в 1875—1876 гг. В ряде назавершенных замыслов этого периода «мечтательный» мир противопоставляется действительному. Герой одного из них лжет, живет в придуманном мире, спасаясь от компрометирую-

быть чертой доминантной. А вместо неоднократно зафиксированных мыслей о самоубийстве Подростка в подготовительные материалы сразу вторгается мотив противоположный — активное желание прожить «три жизни» (XVI, 191). Мотив этот проводится и через весь окончательный текст.[1]

Мысль о самоубийстве Подростка лишь мелькает как возможный вариант сюжетного поворота. Устраняя ее, Достоевский сосредоточивает внимание на восприятии Подростком истин, излагаемых Макаром. Существенна запись: «Поражающее впечатление, но не уничтожающее идею». Значительно позднее. уже в подготовительных набросках к третьей части романа, Достоевский повторяет: «*...воспоминание о Макаре*, колоссальная роль» (XVI, 353). Автор подчеркивает также, что поступки Аркадия в третьей части романа определяются двумя полярными мотивами: идеей самосовершенствования и жаждой прославиться, чтобы «отомстить за позор». Перед Аркадием встает проблема выбора: «Мысль идти паломником, страдать от всех, и любить всех. или мрак идеи» (XVI, 343). Рассматривается как возможный вариант «борьба» Подростка с идеями Макара и Версилова: «...несмотря на Макара и Версилова, возбуждается мрачное чувство. ⟨...⟩ идея мести и ревности и *борьба с идеями* Макара и Версилова» (XVI, 340, 341).

Идеи Макара и Версилова объединяются в сознании Подростка как противостоящие его собственной идее, разрушающие ее. Общее в этом соучастии — нравственная дискредитация «идеи Ротшильда», постоянно усиливающая «тоску по идеалу». В окончательном тексте романа каких бы то ни было завершенных и окончательных определений того, в чем видит истину Подросток, уже вступивший на путь «знания добра и зла»,— не дается. Но качественное перерождение его идеи настойчиво подчеркивается Достоевским на протяжении всего основного текста. Свидетельство этого перерождения — противопоставление идеи «тогда» и идеи «теперь». Отделяет их друг от друга год перенесенных испытаний.

С первых октябрьских записей в сюжет романа вводятся «законные» дети Версилова — «семейство родовое». Дочь его в соответствии с окончательным текстом «сватает себя за Старого Князя». Появляется учительница Оля, подготавливающая детей в учебные заведения и дающая «уроки арифметики». Разрабатывается эпизод ее самоубийства. Но основное внимание Достоевского вновь сосредоточивается на Версилове и главным образом на негативных чертах его личности (в окончательном тексте они в значительной степени смягчаются). Версилов «самовластно поставил себя над миром» (XVI, 164). Других «ненавидит именно за непреклонение перед ним»; другие для него — «мыши», «ничтожества», не могущие ни понять, ни оскорбить его. Погрешим он «только в глазах своей совести» (XVI, 158). Все это сочетается с «презрением к своей земле». Вопрос о земном рае для него проблематичен, хотя именно в записях этого периода начинает разрабатываться мечта Версилова о «золотом веке».[2] Само понятие «золотой век» приходит в роман

щей его действительности. Но при этом «хочет стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком». Компрометирующая его действительность отчасти совпадает с фактами «легенды» о Версилове (герой отказывается от дуэли, берет «чужие деньги»). Тема мечтательности связывается в этих набросках то с отцом, то с сыном (подробнее см. ниже, стр. 435—440).

[1] О важности этого мотива в осмыслении личности Аркадия писал А. А. Блок З. Н. Гиппиус в июле 1902 г.: «...уверяю Вас, что я ощущаю (как подросток Аркадий Долгорукий) желание „трех жизней“ (это несмотря на видимую безжизненность и склонность к „панихидному“ умозрению». Эту же мысль Блок развивал и в письме к А. В. Гиппиусу от 23 июля 1902 г.: «...Я ощущаю скорее нужду „ощутить“ „три жизни“ («Подросток»), чем провести одну в сплошном созерцании. От созерцаний душно. Ни одного „чувствования“ я не отдам за тьму созерцаний» (см.: А. А. Блок. Собрание сочинений, т. 8. Гослитиздат, М.—Л., 1963, стр. 34, 36).

[2] Об этом мотиве исповеди Версилова см. также: ***Комарович, «Мировая гармония» Достоевского,*** стр. 112—142; ***Комарович, Юность Достоевского,***

«Подросток» из «Исповеди Ставрогина». Следует отметить также, что тема «золотого века» как периода «единой мировой жизни» присутствует в названной выше статье Д. Анфовского (Н. В. Берга), опубликованной в «Заре» (1870, № 1, стр. 142—177) и представляющей разбор книги В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869).[1] Статья эта озаглавлена «Скорое наступление золотого века». Мысль Берви-Флеровского о возможности «золотого века», о наступлении всеобщего равенства рассматривается Бергом-Анфовским как мысль фантастическая, не учитывающая той огромной нравственной работы, которую должны проделать многие поколения людей и без которой «всеобщая мировая жизнь» невозможна. Насмешливо-иронический тон, характерный для работы Н. В. Берга в целом, вызвал у Достоевского желание защитить поэтический идеал «золотого века», мысль об изображении которого присутствовала уже в черновиках к «Преступлению и наказанию».[2]

В 1871 г. понятие «золотой век» употребляется в страховском обзоре работ о Парижской коммуне (*З*, 1871, №№ 10—11, отд. II, стр. 1—37). Приводя суждения Вольтера о восемнадцатом веке в историческом развитии Европы как о «золотом веке», Н. Н. Страхов противопоставляет им дальнейшее развитие европейской цивилизации — «потоки крови, горы трупов, города в пламени», «грабеж церквей» и «разрушение памятников». Как у Берга-Анфовского, так и у Страхова золотой век невозможен без нравственного перерождения человечества. Тема «золотого века» у Достоевского генетически в истоках своих восходит к идеалам утопического социализма, к идеям его юности, но факт актуальности ее звучания в общественно-философских исканиях начала 1870-х годов свидетельствует о тесном переплетении «исторической» и «текущей» действительности в художественной ткани романа.

11

На стадии работы, предваряющей близкий переход к написанию связного чернового текста, Достоевский отмечает для себя: «В ходе романа держать *непременно* два правила: *1-е правило.* Избегнуть ту ошибку в „Идиоте“ и „Бесах“, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намёчном, романическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы *прямо объяснить истину* ⟨...⟩ тем самым затемнялась главная цель ⟨...⟩ Стараться избегать и второстепенностям отводить место незначительное, совсем короче, а действие совокупить лишь около героя. 2-е правило в том, что герой — Подросток. А остальные всё второстепенность, даже ОН — второстепенность. Поэма в Подростке и в идее его или, лучше сказать,— в Подростке единственно как в носителе и изобретателе *своей идеи*» (XVI, 175).

В это же время в ответ на письмо Некрасова от 12 октября Достоевский пишет ему: «Безо всякого сомнения, я как автор ничего ровно не могу сказать Вам об успехе или неуспехе работы (т. е. хотя бы с моей одной точки зрения). Пишу-то я пишу, а выйдет то, что бог даст. При этом постараюсь явиться с январской книжки. Но *во всяком случае* уведомлю Вас заранее, еще в ноябре, в конце, о ходе дела. Работу же пришлю (или привезу) ни в каком

стр. 3—43; В. А. Туниманов. Сатира и утопия («Бобок», «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского). *РЛ*, 1966, № 4, стр. 70—87; А. С. Долинин. Золотой век. «Нева», 1971, № 11, стр. 179—186.

[1] Подробнее об этой работе В. В. Берви-Флеровского см. в кн.: Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Семидесятые годы. Изд. «Художественная литература», Л., 1974, стр. 18—23.

[2] См. об этом: *Фридлендер*, стр. 35—40.

случае не позже 10-го декабря». И с этого момента преимущественное внимание Достоевский уделяет первой части романа. Разрабатываются подробные планы ее с соблюдением хронологической последовательности событий, оформляется переплетение материала воспоминаний Подростка с действительностью, т. е. с обстоятельствами, относящимися ко времени его пребывания в Петербурге. Вслед за «планами» делаются наброски «программ» первой части, в которых материал романа дробится на главы. Если в «программах» важна прежде всего событийная последовательность, то в обширных пластах записей, именуемых «мотивы 1-й части», главное — уточнение психологических мотивировок поведения героев в уже определившихся ситуациях, уяснение идейно-психологической сущности основных идеологических линий романа (искания Подростком «что добро, что зло», «великая идея» Версилова, «благообразие» Макара, «великая», но второстепенная идея дергачевцев.) Текст связного чернового (и белового) автографа первой части романа не сохранился. Работа над начальными пятью главами его продолжалась, по-видимому, до средины декабря. К началу декабря относится запись в подготовительных материалах: «... в первой части особенных задержек *быть не может*» (XVI, 240). В средине декабря текст первых пяти глав первой части Достоевский посылает из Старой Руссы в «Отечественные записки». 18 декабря он пишет Анне Григорьевне, находившейся в Петербурге: «Писем никаких, вряд ли и будет. Некрасов, верно, просто отдал печатать, но пришлет ли корректуры?» В письме к жене от 20 декабря повторяет: «От Некрасова всё еще нет никакого уведомления». В этом же письме следующие существенные строки: «...Некрасов вполне может меня стеснить, если будет что-нибудь против их направления: он знает, что в „Р⟨усском⟩ вестнике“ теперь (т. е. на будущий год) меня не возьмут, так как „Русский вестник“ завален романами. Но хоть бы нам этот год пришлось милостыню просить, я не уступлю в направлении ни строчки!» . По-видимому, в начале 20-х чисел декабря Достоевский получает от Некрасова письмо, датированное 18 декабря: «...Ваш роман набирается, корректура будет у Вас на днях; прочту в корректуре и тогда Вам напишу» (см.: *Некрасов,* т. XI, стр. 346).

Параллельно с созданием связного автографа начальных пяти глав первой части романа в подготовительных материалах ноября—начала декабря идет работа над рядом образов, с которыми вскоре окажется связанной история «позора» Подростка.

В набросках дается характеристика молодого князя Сокольского: «...фат, разбросан, последний выродок из поколения; мот и игрок, трус втайне» (XVI, 240). В записи от 13/14 декабря характеристика его смягчается, приближаясь к окончательному тексту: «...существо мрачное ⟨...⟩ всегда искреннее, гордое, резкое, высший свет пробудил в котором негодование и властолюбие (сродни Подростку, а потому сошлись), невыносимо горд, чист намерениями и идеалами» (XVI, 241). Определяется его сюжетная линия, но неясен ее финал: по одному варианту он «погибает с Ламбертом», по другому — уезжает с Лизой в Ташкент, по третьему — кончает самоубийством. В набросках этого периода появляются Колосов, отчим Васина (будущий Стебельков), Флигель-адъютант, жених Княгини (будущий Бьоринг). Во второй половине декабря — лишь две короткие записи. Обе связаны с образом Колосова. В подготовительных материалах, относящихся к январю 1875 г. (всего четыре записи — от 13, 14, 20 и 24 января), продолжается разработка его сюжетной линии: характер отношений с Молодым Князем в прошлом и настоящем, история с подделкой акций.

В основу этой сюжетной коллизии был положен материал процесса о подделке акций Тамбово-Козловской железной дороги, слушавшегося в Петербургском окружном суде в феврале 1874 г.[1] и тогда же привлекшего внимание

---

[1] См., например: *Г*, 1874, №№ 46—54, 15—23 февраля. Обвинителем на процессе выступал А. Ф. Кони. Материалы процесса публиковались в ряде петербургских и московских газет.

Достоевского. Связь этого процесса с сюжетом романа «Подросток» раскрыта А. С. Долининым (см.: *Долинин*, стр. 142—149). В качестве обвиняемых выступали на суде врач-акушер Колосов (выдавший себя за тайного агента III Отделения), библиотекарь Военно-медицинской академии (по происхождению дворянин) Никитин и компаньон Колосова (или его служащий?) А. Ярошевич. Отец последнего обвиняемого устроил в Брюсселе на деньги Колосова типографию и стал печатать в ней поддельные акции Тамбово-Козловской железной дороги. В начале 1871 г. Колосов, молодой Ярошевич, его невеста О. С. Иванова и жена обвиняемого Никитина ездили на три месяца за границу, откуда привезли несколько сот фальшивых акций. Во время пребывания за границей Колосов вступил в связь с невестой Ярошевича О. С. Ивановой, которая, скрывая эту связь, настраивала Ярошевича против Колосова. Боясь предательства Колосова (хотя его роль в подделке была главной), Ярошевич и Никитин решили его убить. Узнав от О. С. Ивановой об этом решении, Колосов начал судебное дело по обвинению в покушении на его жизнь. Обвиняемые им Ярошевич и Никитин раскрыли историю с подделкой фальшивых акций. Подробный анализ газетных отчетов позволил Долинину установить несомненную связь образа Стебелькова (первоначально фигурировавшего в подготовительных материалах под фамилией Колосов) с обвиняемым Колосовым. Эта связь прослеживается в их характерах (самоуверенность, хитрость, развязность, «натуральное нахальство»), в отдельных деталях портрета и, главное,— в общности ряда биографических моментов (касса ссуд — «mont-de-piété», участие в подделке фальшивых акций, связь с III Отделением), наконец, сам Стебельков называет себя «доктором», «акушером».

В обвиняемом Никитине, «дворянине старинного рода», «виновном менее других», Долинин увидел один из прототипов молодого князя Сокольского. Его участие в подделке акций «N-ской железной дороги» заключалось в том, что, будучи должником Стебелькова, он дал ему рекомендательное письмо к русскому эмигранту, в прошлом уже замешанному в подделке бумаг. Прототипом этого эмигранта можно считать отца обвиняемого Ярошевича. Долинин обратил также внимание на фигурирующее в судебном отчете письмо обвиняемого Никитина к жене. В этом письме Никитин признает себя «мошенником», «опозорившим» и «унизившим» свой род, и видит выход для себя либо в самоубийстве (еще до суда), либо в отъезде в «отдаленные» места России. С этими фактами письма Никитина Долинин справедливо связывает мысли о самоубийстве молодого Сокольского, желающего «умереть неосужденным, чтобы не опозорить свой княжеский род», и неоднократные упоминания в подготовительных материалах к роману «отдаленных мест России», где молодой Сокольский может спастись от преследований Стебелькова.

Наброски в подготовительных материалах, относящихся ко второй половине декабря 1874—январю 1875 г., были сделаны в период напряженной работы Достоевского над второй половиной первой части романа. В начале 20-х чисел января он получает письмо от Некрасова, датированное 18 января: «Сегодня наша 1-ая книга поступила в цензуру, в среду она появится в свет и в тот же день будет послана к Вам. Нам необходимо поскорее продолжение; если б оно было у нас, то в эти четыре дня уже было бы набрано. Пожалуйста, пришлите или уведомьте, на какое число ожидать рукописи» (см.: *Некрасов*, т. XI, стр. 348).

В средине 20-х чисел, по-видимому, Достоевский отсылает Некрасову вторую половину первой части романа, а в начале февраля и сам уезжает из Старой Руссы в Петербург.

7 февраля Достоевский читает корректуры второй половины первой части романа (см. письмо Анне Григорьевне от 7 февраля 1875 г.). В письмах к жене от 6, 8 и 9 февраля он сообщает отзывы Некрасова и Страхова о начальных главах первой части «Подростка».

Первая запись по возвращении в Старую Руссу сделана Достоевским 22 февраля. Последующие февральские наброски в подготовительных материалах связаны с уяснением двойничества Версилова, с разработкой «Эмской истории» и «легенды» о Версилове. В это же время Подросток называет вторую

часть романа «книгой позора» своего (XVI, 266).[1] Предшествующие этой записи наброски свидетельствуют, что истинный смысл событий, которые происходят во второй части романа, от Подростка ускользает. Встречи его с матерью, Лизой, Татьяной Павловной определяются Достоевским как «бегство в отвлеченное», «отрыв от действительности» (XVI, 264). И потому они характеризуются как «счастливые». Когда в эти сцены вторгается действительность, они становятся «едкими», «ужасными». Переход от созерцания к действию в подготовительных материалах ко второй части (как и в основном тексте) всякий раз оборачивается для Подростка крахом. Существенно, что именно на этой стадии работы над второй частью романа Подростком как автором исповеди, «писанной для себя», из общего потока событий выбираются преимущественно те, которые «унижают» , компрометируют его. Именно они представляются Подростку «драгоценными». Эту особенность восприятия Аркадием своей личности, в какой-то мере близкую «Исповеди» Руссо (и перекликающуюся с характером восприятия самого себя героем автобиографической трилогии Л. Толстого), Достоевский считает нужным подчеркнуть: «N3. *Важное.* Характеризует Подростка» (XVI, 267). Определяются Достоевским и главные темы второй части: 1) «сношения Подростка с НИМ»; 2) «Подростка с Князем (Лиза)»; 3) «Подростка с Ахмаковой» (XVI, 263). Должна была зазвучать во второй части и тема долгушинцев, т. е. «Васина, Дергачевых» (XVI, 264).

В этот период, о чем уже говорилось, роман планируется в четырех частях (впоследствии материал третьей и четвертой части объединяется). 26 февраля составляется суммарный план («эмбрион») 2—4-й частей романа «*с показанием места* для всех лиц и историй романа *по частям*» (XVI, 262). Затем внимание Достоевского сосредоточивается на составлении «планов», «программ», разработке глав (особенно первой главы второй части) [2] и «мотивов» второй части. Конструктивный принцип каждой из этих стадий работы над сюжетом аналогичен соответствующим стадиям завершающего периода создания первой части. Встает в это время и вопрос о форме повествования: ищется характер соотношения «рассказа» и «действия» в построении исповеди Подростка.

С 7 по 11 марта Достоевский в последний раз продумывает последовательность, время и место событий первого дня второй части романа (как и в первой части, действие во второй развертывается в течение трех дней; события, по времени выходящие за рамки этого периода, вводятся в форме «рассказа»). Например: «...к Анне Андреевне отправился до Ахмаковой, в $^1/_2$ второго, и у ней встретился с Лизой». Еще раз уточняются психологические мотивировки появления каждого из действующих лиц на пути метаний Подростка в течение дня. Эту разработку хронологической последовательности событий и их психологической детерминированности Достоевский называет «последней верной компоновкой» (XVI, 295) и 15 марта приступает к написанию связного чернового автографа первой половины второй части романа. Вскоре он пишет Н. А. Некрасову: «...к 25—26 марта вышлю Вам не менее 3-х листов и затем, никак не позже 29-го еще немного, всего от $3^1/_2$ до 4-х листов (т. е. на 4-ую книжку). Затем к 25 апреля вышлю неуклонно уже окончание 2-й части. Таким образом, оставляю всё на Ваше решение. То есть если не захотите ждать до 29 марта — напечатайте только то, что получите к 26-му. Точно то же может повториться и к 25 апреля. Мне же, напротив, желалось бы, чтобы Вы подождали этот кончик до 29-го. Признаюсь Вам, что и это решение для меня тяжеленько, не в смысле срока, а в смысле эффекта. При 5-ти печатных листах, т. е. как я сам проектировал сначала, кончилось бы несравненно любопытнее и яснее. Но нечего делать, наверстаю во второй половине второй части. Впрочем, не тужу. Переждать же еще месяц, т. е. не печатать совсем и в апреле, мне кажется, вышло бы неловко. При сем

---

[1] На этой стадии работы планировалось четыре части романа.

[2] Достоевский замечает для себя: «Скомпоновать подробно 1-ю главу, остальные, уже при имеющемся материале, *сами придут*» (XVI, 271).

еще раз Вам повторяю, что говорил лично: не думайте, что я гоню и спешу; напротив, сам себя упрекаю в излишней кропотливости. Почти весь роман написал уже начерно и я редактирую, так сказать, уже написанное».

О напряженности работы над черновым автографом свидетельствуют подготовительные материалы этого периода: в них имеются всего лишь несколько набросков. Первый из них датирован 12 марта, последний — 22-м. В первом — идет детальная разработка сцены свидания Подростка с Ахмаковой. Подросток ощущает себя «двойным чудовищем»: он любит Ахмакову и одновременно в разговоре с нею лжет, «играет комедию». Сознание его отмечает при этом: «Так же точно поступил я вечером и с Версиловым» (XVI, 315—316). Сложность «двойного чудовища» ценится Версиловым выше «одноидейности» (как об этом свидетельствует сам Подросток), что во многом предопределяет появление записи от 22 марта, озаглавленной «Для предисловия». [1] Центральная проблематика этого наброска — обоснование важности темы «подполья», исследование «трагизма подполья», состоящего в «страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться» (XVI, 329). Силу, заставляющую «даже честного и серьезного человека» в современной ему России врать и паясничать, Достоевский связывает с уничтожением «веры в общие правила» (XVI, 330).

Подготовительные записи ко второй половине второй части романа невелики по объему. Они сделаны в период с 4 по 15 апреля и открываются разработкой «программы». Далее внимание Достоевского переключается к отдельным деталям сцены на рулетке у Зерщикова. В это же время в сюжет романа вводится эпизод (из окончательного текста устраненный) с замерзающей девочкой, которую Подросток спасает. Она необходима ему как «убежище от Версилова, Ламберта, недоверия Лизы, безучастия матери». Смерть девочки приводит Подростка в отчаяние.[2] Основное внимание в этот период Достоевский уделяет связному автографу конца второй части и почти к обещанному Некрасову сроку [3] отсылает рукопись в «Отечественные записки».

В конце апреля выходит четвертый номер журнала с началом второй части «Подростка». 10 или 11 мая Достоевский уезжает в Петербург, откуда 13 мая сообщает жене о чтении корректур конца 2-й части.

Работа над третьей частью (самой большой по объему и центральной в идейно-художественной структуре романа) занимает почти 7 месяцев. Примерно до середины августа события, следующие за «рубкой образов», должны были составлять, по замыслу, содержание четвертой части романа. Майские записи к третьей части (открывает их набросок от 9 мая) ведутся несистематически: через день после возвращения из Старой Руссы в Петербург, 25 мая 1875 г., Достоевский уезжает на лечение в Эмс, где задерживается до 4 (16) июля.

Подавляющая часть майских набросков связана с образом Макара. «Благообразие» Макара сопоставляется и противопоставляется идеям Подростка и Версилова, метаниям Лизы. Разрабатываются диалоги Макара с Подростком для первой и второй глав третьей части. Раскрывается духовно-нравственное обогащение, обретаемое человеком на пути страдания и смирения: «Страдай, страдай (говорит Макар), а потом и страдать перестанешь (ибо сердце напоишь любовью). Страдание не почувствуешь» (XVI, 343). Эта тематика в центре внимания Достоевского и в первых записях, сделанных в Эмсе, куда писатель приехал 28 мая (9 июня). К работе над романом Достоевский приступает не сразу. 4 (16) июня он пишет Анне Григорьевне:

---

[1] Появлению этого наброска способствовали и печатные отзывы об опубликованной части романа (см. об этом ниже, стр. 349—350).

[2] О причинах устранения данного эпизода из сюжета романа (см. ниже, стр. 325—326.

[3] См. письмо Н. А. Некрасова Достоевскому от 30 апреля 1875 г. (*Некрасов*, т. IX, стр. 361).

«...и тоска, и все эти хворости и свинства всякую охоту из меня вышибают ⟨...⟩ всё ужасаюсь взятых на себя обязательств: вижу, что как ни старайся я, но почти не будет времени писать. Между тем чуть выеду отсюда, то уж и совсем нельзя будет писать с дорогой, с переездом в Петербург и потом ввиду того, что последует.[1] Просто прихожу в большую тоску». 7 (19) июня продолжает: «...работа еще не начиналась. Я даже не понимаю, как я напишу что-нибудь ⟨...⟩ притом я еще не готов прямо сесть и писать, не выделал плана в частностях ⟨...⟩ Вообще 22 или 23 непременно надо начать писать уже начисто и успеть сделать план, иначе ничего не успею привезть в „От⟨ечественные⟩ записки“». Именно в это время начинается составление «планов» отдельных сцен (свидание Версилова с Ахмаковой), диалогов (Версилова с Подростком и Ламбертом). Среди подготовительных набросков мелькает запись: «Татьяна судилась у мирового с кухаркой» (XVI, 348). Конфликт Татьяны Павловны с кухаркой Марьей подробно разрабатывается в черновом автографе третьей части и восходит, по-видимому, к нашумевшему процессу г-жи Енкен со своей служанкой в Петербургском окружном суде, состоявшемуся в начале 1874 г. Г-жа Енкен попросила оскорбившую ее горничную немедленно оставить дом и послала за полицейским. Горничная, обратившаяся к мировому судье, обвинила хозяйку не только в том, что та выгнала ее из дома без предварительного предупреждения, но и в том, что хозяйка «толкала ее с лестницы», т. е. в «оскорблении действием». Мировой судья разобрал дело в уголовном порядке и присудил хозяйку к 10-дневному аресту. Этот процесс нашел широкое отражение в петербургской и московской прессе.[2] В «Гражданине» (1874, № 2, 14 января) делу г-жи Енкен была посвящена специальная статья за подписью *** — «Теория уравнения прав прислуги с хозяевами», в которой г-жа Енкен бралась под защиту. В окончательном тексте Марья, служанка Татьяны Павловны,— упрямая, «злобная чухонка», молчавшая по неделям, имевшая обыкновение не отвечать «ни слова своей барыне на ее вопросы» (XIII, 299). В один из таких «приступов молчания», выведенная из терпения, Татьяна Павловна ударила Марью. Кухарка подала в суд, окончившийся для Татьяны Павловны 15 рублями штрафа.

10 (22) июня Достоевский пишет жене: «Главное, хоть бы я работал, тогда бы я увлекся. Но и это не могу, потому что план не сладился, и вижу чрезвычайные трудности. Не высидев мыслию, нельзя приступить, да и вдохновения нет в такой тоске, а оно главное ⟨...⟩ Ах, что-то удастся написать и удастся ли хоть что-нибудь написать». Трудности работы усугубляются рядом отрицательных отзывов о второй части романа:[3] «...кажется, наконец скоро сяду за настоящую работу, но что выйдет, не знаю. В этой тоске могу испортить самую идею ⟨...⟩ От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе; я за ними не пойду. Даже Journal de St.-Pétersbourg похвалил было „Подростка“, но, вероятно, кто-нибудь дал приказ ругать, и вот в последнем № прочел, что в окончании 2-й части всё вяло et „il n'y a rien de saillant“,[4] т. е. всё что угодно можно сказать, упрекнуть даже за излишние эффекты, но нельзя сказать, что нет сальянтного. Впрочем, вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением. Довольно, будущее покажет, а я энергии на будущее не теряю нисколько» (письмо к А. Г. Достоевской от 13 июня).

Двумя днями позднее Достоевский пишет: «Про работу мою думаю так, что пропало дело. Начал писать, но чтоб я поспел к 25 июля доставить в редакцию, то этого, видимо, быть не может». В подготовительных материалах тогда же сделана запись: «Последний план», и ниже следует последовательное изложение событий 3-й части. 18 (30) июня Достоевский сообщает Анне Григорьевне: «...что же касается до моей работы, то и не пишу тебе ничего о ней:

---

[1] 10 августа у Достоевских родился сын Алексей.

[2] См., например, *МВед*, 1874, №№ 17, 19, 28 и др.

[3] Подробно об отзывах на вторую часть романа см. ниже, стр. 348—349.

[4] и нет ничего выдающегося *(франц.)*.

всё стоит и не двигается, план только составил уже окончательный, а работа еще не начиналась. Ни страницы не написано». В составленном «последнем плане» есть запись: «Чувство беспорядка... Пришел — опять к Макару. Об Илье и Энохе. Горячий разговор с Версиловым о коммунизме и Христе, и о Макаре» (XVI, 351—352). Тема «Ильи и Эноха» (устраненная из окончательного текста романа) возникает и в набросках от 23 июля: «Важная страница. *Илья* и *Энох* ⟨...⟩ Во время Макаровых прений об Илье и Энохе. О том, что будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в сердцах людей, зеленая трава иссохнет» (XVI, 361, 363). Тема «Ильи и Эноха» определяется в этот период как основная в диалогах ЕГО и Подростка: «...говорили же они только об *Илье* и *Энохе*, коммунизме, христианстве и о Макаре» (XVI, 363). В указанном письме от 10 (22) июня к жене Достоевский отмечал: «...читаю об *Илье* и *Энохе* (это прекрасно)». Сюжет обличения антихриста Ильей и Энохом и убиение последних антихристом, широко распространенный в кругу апокрифических сказаний и народных стихах, находился в сфере пристального внимания Достоевского и позднее, в пору создания «Братьев Карамазовых».[1] Присутствие темы «Ильи и Эноха» в подготовительных материалах к третьей части романа вместе с той интерпретацией «великой идеи» Версилова, которая наиболее четко дана в записях, датированных августом 1874 г., свидетельствует, что именно в период создания «Подростка» во многом подготавливается идейно-психологическая проблематика поэмы «Великий инквизитор».[2]

К этому же времени относится ряд записей, озаглавленных: «Психологическое развитие характера Версилова». В них разрабатывается одна и та же сцена — свидание Версилова с Ахмаковой. Различные варианты этой сцены говорят о поисках автором максимальных средств для изображения бесплодности совершенствования человека, который встал на путь своеволия.

Работа над третьей частью продвигалась медленно. Достоевский просит у Некрасова перенести публикацию на сентябрь и сообщает об этом Анне Григорьевне: «Я решился и написал сегодня Некрасову письмо, где всё это изложил. Я очень извиняюсь и очень прошу его о следующем:

1) Чтобы позволил мне начать печатать не в августе, а с сентябрьской книжки. За это обещаю, что напишу хорошо (...план вышел восхитительный, и недаром я здесь над ним сидел).

2) Если никак нельзя ему принять это предложение, то уведомил его, что более $2^1/_2$ листов на августовскую книжку доставить не могу, а главное — уничтожится всякий эффект. На этот вопрос мой я прошу его немедленного ответа».[3]

В последующих письмах к Анне Григорьевне встречаются лишь два упоминания о ходе работы: «...роман мой совсем не двигается и не пишется» (23 июня / 5 июля); «...роман меня мучает» (1/13 июля).

3 (15) июля писатель выезжает из Эмса, 7 июля прибывает в Петербург и на следующий день уезжает в Старую Руссу. Подготовительные материалы, относящиеся к июлю 1875 г., свидетельствуют о том, что основная сложность в работе над третьей частью романа была связана с окончательной разработ-

---

[1] См.: В. Е. Ветловская. Достоевский и поэтический мир древней Руси. (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых)». *ТОДРЛ*, т. XXVIII, стр. 296—307.

[2] Существенно следующее замечание В. И. Ламанского о Достоевском в письме от 8 октября 1875 г. И. С. Аксакову: «...не знаю, говорил ли он когда с Вами об Апокалипсисе, где он находит ясные намеки на Россию, об антихристе и коммуне» (ЛО ААН, ф. 35, он. 1, № 1727, с. 90 об.).

[3] Ответ на письмо Достоевский получил лишь в 20-х числах августа. «...приехав сюда (в Петербург, — *ред.*), я нашел в конторе письмо мое к Вам из Карабихи, писанное в ответ на Ваше из Эмса. Оно пришло позднее, чем Вы были в Петербурге. Разумеется, я не имею никакой претензии, что продолжение романа оттянулось на лишний месяц, и согласен с Вами, что прежде всего надо дать автору возможность сделать вещь свою возможно лучше. На 9-й № наверно рассчитываем на Вас — и ждем со дня на день рукописи» (*Некрасов*, т. XI, стр. 370).

кой проблематики исповеди Версилова, которая самим героем определяется как «подвиг». Уясняются ее конструктивная роль в сюжете романа и события, которые должны следовать до и после нее. Характер их отношения к исповеди определяется как «разъяснительный». Набрасываются краткие планы отдельных частей исповеди. С ней соотносится «духовная программа» Подростка: «Тоска по благообразию. Благообразие в апогее после *исповеди* Версилова. Безобразие (ревность) в апогее после подслушанного разговора ЕГО с нею» (XVI, 368).

К 23 июля относится запись о необходимости «нового окончательного и подробнейшего плана» третьей части. Позднее ее содержание определяется Аркадием-повествователем так: «...описание двух людей, наиболее поразивших меня в жизни: Макара и Версилова» (XVI, 382). 27 июля составляется краткое «расписание» 3-й и 4-й частей романа и тогда же разрабатываются «подробнейшие планы» каждой из глав 3-й части. Первоначально их пять, затем — девять. В начале августа начинается составление «программ». Одновременно идет работа над связным черновым автографом первых пяти глав третьей части.

В 20-х числах августа 1875 г. Достоевский пишет А. Н. Плещееву: «Я выслал 3 главы (всего будет 5 на сентябрь⟨скую⟩ книгу) 3-й части моего романа. Не знаю, в Петербурге ли Николай Алексеевич? Кажется, наверное нет, а потому, как к старому другу, обращаюсь к тебе: нельзя ли закинуть кому-нибудь хоть словечко, чтоб не поленились мне сюда прислать корректуры *как можно скорее.* Я думаю, что к 5-му сентября буду в Петербурге ⟨...⟩ и вот, что главное: нельзя ли как-нибудь, чтоб ничего не выкидывали. У меня каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями. Притом же „Странник", говорящий „от Писания", у меня говорит чрезвычайно осторожно, я сам держал цензуру каждого слова».

В сентябрьском номере «Отечественных записок» были опубликованы I—IV главы третьей части. В сентябре—первой половине октября внимание Достоевского сосредоточивается преимущественно на исповеди Версилова: она должна составить содержание седьмой и восьмой глав, которые к 25 октября необходимо было послать в «Отечественные записки». Составляются «планы», «программы» исповеди, разрабатываются отдельные мотивы, пишется связный текст, отражающий важнейшую ее проблематику («нравственность и атеизм», «Тюильри и всепримирение идей», «золотой век»). В октябре идет работа и над связным черновым автографом V—VIII глав романа.

К этому времени следующие за «рубкой образов» события воспринимаются Достоевским уже как завершение третьей части. Подготовительные наброски к ней делаются, по-видимому, в ноябре. В них еще раз уточняются фактическая сторона и психологические мотивы обстоятельств «заговора» против Княгини и развивается проблематика завершающего роман письма Николая Семеновича о семействах «случайных» и «родовых».

В декабрьском номере «Отечественных записок» публикуются последние главы «Подростка». Договор на отдельное издание романа Достоевский заключает с издателем П. Е. Кехрибарджи 8 ноября 1875 г. Книга выходит в свет в начале 1876 г.[1] с устранением ряда опечаток и незначительной стилистической правкой. Однако и в издании 1876 г. одно из действующих лиц — мать самоубийцы Оли — именуется в первой части Дарьей Онисимовной, а в третьей — Настасьей Егоровной. В настоящем издании это противоречие не устранено. Почти одновременно публикуется и первая глава «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский называет только что вышедший роман «первой пробой» замысла об «отцах и детях» и еще раз говорит о важности темы «случайного семейства». Взаимоотношение сменяющих друг друга поколений в общефилософском плане рассматривается писателем как проблема исторического развития человечества. Тема «отцов и детей» активно вторгается в публицистику Достоевского. Частный, казалось бы, случай — дело

---

[1] В письме к В. С. Соловьеву от 11 января 1876 г. Достоевский писал об отдельном издании: «„Подросток" выйдет в свет 16-го января».

Кронеберга, обвиняемого в истязании семилетней дочери,— делается объектом философско-этического исследования во второй главе февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Анализ этого дела и других подобных ему (например, дело Джунковских и т. д.) находит впоследствии отражение в «Братьях Карамазовых».

«Историю Кронеберга» Достоевский намеревался ввести и в роман «Отцы и дети», задуманный в том же 1876 г. В набросках к этому замыслу, оставшемуся незавершенным, проблема ответственности отцов за нравственное становление детей определяется как главная. Важность осознанной личной ответственности отцов в выборе детьми пути «правды» и «добра» сочетается здесь с темой «живой памяти» в сознании будущих поколений той исторической роли, которую сыграли отцы в своем становлении на пути «правды» и «добра».

От замысла романа о «детстве» героя — через публицистику 70-х годов — к «Братьям Карамазовым» — таков был длительный и сложный путь становления и развития замысла об «отцах и детях», рассматриваемого Достоевским в свете общего движения человеческой истории.[1] В русле этих размышлений Достоевского находятся и многочисленные возвращения в «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 гг. к проблематике исповеди Версилова.[2]

12

До нас дошел (за исключением небольшого количества утраченных листов) черновой автограф второй и третьей частей «Подростка». В рукописи, дающей связный текст романа, близкий к окончательному, имеется несколько дат, проставленных рукой Достоевского. Судя по этим датам, работа над второй главой второй части романа начата была 15/16 марта 1875 г., над третьей подглавкой третьей главы той же части — 22/23 марта, над заключительной главой второй части — 3/4 мая, над главой девятой третьей части — 11/12 ноября.[3] Печатание «Подростка» закончилось в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1875 г. Следовательно, последние пять глав романа были написаны менее чем за две недели.

Сопоставление датированных глав автографа с набросками из подготовительных материалов, время написания которых известно, позволяет сделать вывод, что черновая рукопись «Подростка» создавалась Достоевским параллельно с разработкой подробных планов и сюжета последующих частей романа. Так, когда в марте 1875 г. писался связный текст второй и третьей глав второй части, Достоевский еще обдумывал развитие действия не только следующей, третьей части романа, но и глав, непосредственно следовавших за теми, черновая рукопись которых в это время создавалась. Например, 13 марта 1875 г., когда уже писалась вторая часть романа, Достоевскому было еще не ясно, нужно ли вводить в повествование линию Ламберта в одном из существенных эпизодов романа. «Появление Ламберта отнести в самый конец 3-й части, после рубки образов, — писал он и тут же добавлял: — Может

---

[1] Подробнее об этом см. в комментариях к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, стр. 406—407).

[2] См., например, разделы в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Сила мертвая и сила грядущая», «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки „начала конца“» (мартовский выпуск), «Смерть Жорж-Занда», «Мой парадокс», «Вывод из парадокса» (июньский выпуск); в «Дневнике писателя» за 1877 г.— «Доморощенные великаны и приниженный сын „кучи“» (февральский выпуск), «Сон смешного человека. Фантастический рассказ» (апрельский выпуск), «План обличительной повести из современной жизни» (майско-июньский выпуск) и др.

[3] Двойные даты ставились в тех случаях, когда Достоевский работал ночами.

быть, совсем не надо Ламберта, а сделать так, что злоба нарастает в сердце Подростка в конце 2-й части?» (XVI, 311).

Предварительные наброски и заметки к той или иной главе делались иногда автором за два-три дня до создания связного текста. Так, в тот же день, 13 марта 1875 г., Достоевский записал: «*Князь*. В начале 2-й главы упомянуть, что [Фанариотова] Столбеева уехала и что вся квартира оставалась за Князем» (XVI, 308).

Заметка эта была реализована Достоевским в третьей подглавке второй главы, где князь Сережа, желая объяснить появление Лизы в занимаемой им квартире, говорит: «Лизавета Макаровна, короткая знакомая Анны Федоровны Столбеевой, у которой я теперь живу. Она, верно, посещала сегодня Дарью Онисимовну, тоже близкую знакомую Анны Федоровны, на которую та, уезжая, оставила дом» (XIII, 185).

Работа над второй главой началась 15 марта, а 22/23 марта была уже закончена третья подглавка третьей главы. Следовательно, приведенный отрывок [1] был написан через 3—5 дней после фиксации указанной мысли в подготовительных материалах. Примеры подобного рода можно умножить.

Последняя дата, проставленная Достоевским в подготовительных материалах,— 11 августа 1875 г. (XVI, 407). Однако творческая работа продолжалась и далее вплоть до завершения черновой рукописи заключительной главы романа.

Подготовительные материалы «Подростка», извлеченные из записных книжек или обнаруженные на отдельных листах, которые публикуются в XVI томе настоящего издания, охватывают весь роман в целом. Тем не менее записи эти были сделаны до того момента, когда завершилась работа над черновой рукописью VII и VIII глав третьей части романа, так как заметки, появившиеся после 11 августа 1875 г., перемежаются планами и набросками к исповеди Версилова, которой и посвящены указанные две главы. К моменту же, когда был закончен черновой автограф исповеди Версилова, для Достоевского, очевидно, уже прояснились контуры всего романа, и он сосредоточился главным образом на изложении событий, последовавших за этим центральным эпизодом «Подростка». Продолжая делать заметки, носящие характер предварительных набросков, Достоевский записывал их теперь прямо в черновом автографе на полях либо на оборотной стороне листов, а иногда и прерывая ими связный текст повествования.

Необходимо учесть, однако, что аналогичные заметки на черновом автографе Достоевский делал и раньше, до завершения работы над VII и VIII главами. От подготовительных материалов эти заметки отличаются большей конкретностью и прикрепленностью к контексту. Так, например, прервав изложение первой главы второй части романа, Достоевский записал «Программу» конца первой и всей второй главы (см. выше, стр. 44). Или, начав описывать сцену первого свидания Подростка с Ахмаковой (ч. II, гл. IV), Достоевский тут же набросал опорные фразы их диалога (см. выше, стр. 67—68).

Предварительные заметки, сделанные Достоевским на последнем этапе работы над черновым автографом (после исповеди Версилова), можно разделить на несколько групп.

Существенную роль на этой стадии творческого процесса играли записи, определявшие ход повествования, дальнейшее развитие сюжета, последовательность действия.

Так, предваряя рассказ Подростка на квартире у мамы о состоявшейся накануне исповеди Версилова, Достоевский набросал на полях подробный конспект разговора, в котором приняли участие Подросток, мама и Татьяна Павловна (см. XIII, 391—394). Там же в тезисной форме была определена последовательность событий, составивших содержание конца второй, третьей, четвертой и пятой подглавок девятой главы третьей части романа. Все пункты этого плана точно соответствуют окончательному тексту, вплоть до воспоми-

---

[1] Здесь и выше речь идет о второй части «Подростка».

ваний Подростка о встрече с его сводным братом, камер-юнкером Версиловым, перед отъездом из Москвы (см. выше, стр. 167).

Аналогичная запись была сделана Достоевским и на обороте листа черновой рукописи начала одиннадцатой главы романа. Подробный конспективный план повествования, охватывающего II—IV подглавки одиннадцатой и начало двенадцатой глав (III ч.), был им назван в этом случае «Текущее» (см. выше, стр. 191—192).[1]

Помимо набросков планов и конспектов последующих глав романа, Достоевский делал «рабочие» записи, в которых пояснял психологические импульсы поступков своих героев. Так, вырабатывая общие контуры сцены первого свидания Подростка с Ахмаковой, Достоевский записал: «Для Подростка ее волнение о смерти старика — важно. Оно обозначает ему о ее прежних отношениях к Версилову, а В⟨ерсило⟩в, сообщавший ей прежде о старике, значит, сам был проникнут стариком гораздо больше, чем думал Подросток». Или далее: «Она с наслаждением услышала от Подростка, что ОН стал целовать маму» (см. выше, стр. 132).

Приближаясь к концу повествования и стремясь дать убедительную психологическую мотивировку поведения Ламберта, Достоевский определил три возможные причины его бесследного исчезновения: «Вследствие лютой мести ⟨...⟩ вследствие ума своего, что может выйти уголовщина ⟨...⟩ намек выгоды объяснить дело Бьорингу. Этого-то и боялся Ламберт» (см. выше, стр. 205—206).

Иногда, переделывая черновую рукопись, Достоевский набрасывал на полях конспект нового варианта этого отрывка, указывая тут же, в какой общей тональности нужно вести рассказ. Так, к одному из отброшенных кусков исповеди Версилова Достоевский сделал примечание: «Короче — проверить с заметками.— Теплее» (см. выше, стр. 149).

13

Сохранившийся черновой автограф последних двух частей «Подростка» — первый опыт последовательного изложения. По многочисленным поправкам, зачеркнутым или отброшенным кускам текста можно определить характер и направление поисков Достоевского в один из важнейших моментов творческого процесса, когда предварительный замысел воплощался в конкретную художественную форму.

И на этой стадии работы Достоевский продолжал уточнять развитие сюжета, руководствуясь «1-м правилом», которое он сформулировал еще 14 октября 1874 г., а именно: «Избегнуть ту ошибку в „Идиоте“ и в „Бесах“, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намёчном, романическом, тянулись черед долгое пространство, в действиях и сценах ⟨...⟩ Как второстепенные эпизоды, они не стоили такого капитального внимания читателя, и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием» (XVI, 175).

Оттеняя сцены, важные для выявления внутреннего облика героев, писатель исключал эпизоды, тормозившие ход повествования или органически с ним не связанные.

В окончательном тексте важное значение для характеристики нравственной эволюции Подростка имеет то, что он не знал о связи Лизы с Молодым Князем, когда брал у последнего деньги взаймы.

Особого драматизма эта линия развития сюжета достигает в сцене семейного обеда, на котором Подросток, не желая того, допустил бестактность по отношению к Лизе, заявив ей, что она сама может отнести Князю взятые у него Подростком деньги (ч. II, гл. V). В первоначальном варианте эта сцена

---

[1] Предварительные наброски этого же типа см. также выше, стр. 201, 208.

была перегружена рассуждениями Подростка на разные темы. Так, вариант окончательного текста «Я тотчас понял ∽ даже и не подумав о том, что говорю» (см. выше, стр. 75—76, вар. к стр. 210—211) в черновой рукописи был намного длиннее. На последнем этапе работы Достоевский заново переписал этот отрывок текста, значительно его сократив. Достоевский исключил, например, из текста следующее размышление Подростка вслух на отвлеченно философскую тему: «Я именно, толкуя, обращался к маме, которая только открывала на меня большие глаза. Начав же ей толковать неизвестно зачем и по какому поводу, толковал ей что-то о Лейбницевой монаде. В философии я, впрочем, кое-что смыслил, но именно только кое-что, так, верхушки, азы: прочел три-четыре статьи в журналах и, кроме того, несколько раз с увлечением толковал с Николаем Семеновичем, который в этом деле смыслил. Но теперь, толкуя маме, я вдруг сбился, и монада у меня вышла как нечто сознающее, чувствующее, единичное и несуществующее...» (см. там же). Изъятый отрывок интересен тем, что там шла речь о теории монад немецкого философа Лейбница, имя которого Достоевский до сих пор не упоминал.

Рассуждение это на философскую тему исключено было, очевидно, потому, что оно нарушало внутреннее единство и целенаправленность повествования, все элементы которого стягивались здесь в единый фокус — уяснение отношений, связывающих Лизу, князя Сережу и Подростка. Возможно, была и другая причина, побудившая Достоевского изъять этот текст: он мог счесть философскую проблему, затрагивавшую сущность материи, слишком серьезной для того, чтобы о ней толковал юноша, еще не подготовленный для размышлений на подобные темы. Это предположение подкрепляется еще одним фактом.

Сбежав от Ламберта после того, как в милютинской лавке было выпито несколько бокалов шампанского, Подросток шел домой, ощущая блаженство легкого опьянения. Воспроизводя поток мыслей хмельного героя, Достоевский в окончательном тексте вкладывает в его уста фразу: «La proprіété, c'est le vol».[1] В черновом автографе эта фраза имела следующий комментарий: «La proprіété, c'est le vol. А если Прудон так не любил vol, что даже ругает словом vol ненавистную proprіété, значит, он должен любить противуположное vol, то есть proprіété. Э, черт! Да ведь это так! Да-с, неловко выразился г-н Прудон, cercle vicieux»[2] (см. выше, стр. 129, вар. к стр. 361, строке 36).

Как и в случае с монадами Лейбница, Достоевский убрал это рассуждение Подростка, но только не в черновом автографе, а уже в наборной рукописи. Общее направление правки этих двух текстов несомненно.

Имя Прудона, ставшее вновь популярным в начале 1870-х годов,[3] в подготовительных материалах встречается дважды (см. XVI, 346), но в обоих случаях без приведенного здесь афоризма. В окончательном тексте этот афоризм возникает в сознании Подростка по ассоциации с грабителями. Он думает: «Шуба у меня нараспашку — а что ж ее никто не снимает, где ж воры? На Сенной, говорят, воры; пусть подойдут, я, может, и отдам им шубу. На что мне шуба? Шуба — собственность. La proprіété, c'est le vol» (XIII, 361).

Мысль о том, что в своих статьях и брошюрах Прудон распространял между «голодными и ничего за душой не имевшими работниками» «омерзение к праву наследственной собственности», была уже развита Достоевским в «Дневнике писателя» за 1873 г. в разделе «Одна из современных фальшей». Вспоминая там о популярности идей утопического социализма и, в частности, Прудона среди «петрашевцев» и единомышленников Белинского,[4] Достоевский

---

[1] Собственность — это кража *(франц.)*.

[2] порочный круг *(франц.)*.

[3] См. ниже, стр. 388.

[4] О распространенности идей Прудона в окружении Герцена и Белинского в 1840-х годах пишет в своих воспоминаниях и П. В. Анненков. Он отмечает: «...европейские социальные теории изучались тогда очень прилежно,

писал: «Без сомнения, из всего этого (то есть из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства) произошел впоследствии социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем „будь, что будет“». Там же Достоевский высказал и свое опасение, что эти идеи могли привести их адептов к признанию убийства делом «политическим и полезным для будущего „общего и великого дела“».

По-видимому, идеи, возникавшие в связи с приведенным выше афоризмом Прудона, показались Достоевскому слишком важными по своим общественно-историческим последствиям, чтобы полемизировать с ними, как это делал Подросток, при помощи каламбура.

Не только в сцене обеда у мамы, о которой речь шла выше, но и в других эпизодах романа Достоевский тщательно отрабатывал реплики персонажей, когда возникал вопрос о нравственном «благообразии» Подростка.

Так, усомнившись в невиновности Подростка, Версилов спрашивает его, на каких основаниях он берет деньги у князя: «Нет ли чего такого, из-за чего бы ты находил возможным брать у него, а?» (XIII, 216). Стремясь обнажить намек, заключавшийся в вопросе, Достоевский в рукописи прибавил еще одну фразу, с которой Версилов обращается к Подростку: «Ну, там, по каким бы то ни было соображениям?» (там же). Слова Версилова, из которых ясно, что он удовлетворен реакцией Подростка, также подверглись переделке. Вместо первоначальных: «Конечно, из-за чего? Так я и знал, что ты не поймешь» — Достоевский вписал: «И тем лучше. что не понимаешь, и, признаюсь, мой друг, я был в этом уверен» (там же).

Наивность юноши, который, единственный, не подозревал двусмысленности своего поведения, была подчеркнута Достоевским фразой, произнесенной князем Сережей в разговоре с Подростком: «Эта тяготеющая на мне связь» (XIII, 180). Фраза эта, отсутствующая в черновом автографе и вписанная, очевидно, уже в наборной рукописи, имеет существенное значение и для характеристики князя. Из нее явствует, что князь, считая Подростка подлецом, способным брать деньги за позор сестры, поддерживал тем не менее с ним товарищеские отношения.

Существенное изменение претерпела история ночного скитания Подростка, после обвинения его в краже денег на рулетке (ч. II, гл. IX).

По первоначальному замыслу, следы которого обнаруживаются и в подготовительных материалах,[1] Подросток у дровяного склада встречает замерзающую девочку, которая оказывается сиротой из ночлежки. Подросток ведет Аришу домой, в жалкую трущобу и пытается защитить от побоев.

Эпизод этот был исключен Достоевским еще в черновом автографе. Можно предположить, что сделано это было потому, что поведение Подростка в сложившейся здесь ситуации противоречило логике его характера. Действительно, столкнувшись с несчастной Аришей, Подросток, жаждущий «благообразия», не мог так легко отступиться от девочки, оставив ее в руках истязателей. Переход Подростка от желания помочь ребенку к эгоцентрической сосредоточенности на собственной обиде в отброшенном эпизоде психологически не оправдан. Вот как рассказывал об этом Подросток: «Я вдруг вспомнил всё *все* и вдруг на себя удивился: „Да что же это я, что мне тут!“ — мелькнуло у меня в голове. Затем повернулся и поскорее выбежал. Очень торопясь и заботясь, отыскал я дворника и, как выскочил на улицу, тотчас же перебежал тротуар и вышел опять в тот самый переулок. Дойдя до тех глухих ворот, я запахнулся в шубу и присел на снег, в тот самый угол, в котором

но из самих теорий этих получались только более или менее хорошо связанные и размещенные коллекции неожиданных, изумляющих и подавляющих афоризмов». В числе прочих Анненков приводит и выражение Прудона: «La propriété, c'est le vol» (см.: *Анненков*, стр. 272).

[1] См., например, запись от 15 апреля 1875 г.: «Девочка озябла. Умирает, говорит: „Ничего!“» (XVI, 334; ср. 331).

сидела девочка. „Что же,— подумал я, — тут и засну, как Арина"» (см. выше, стр. 100).

Ночная встреча с ребенком и последовавшие затем события были воспроизведены Достоевским со множеством бытовых подробностей. Вот как, например, описано помещение, где жила девочка: «Вдруг блеснул свет, кто-то зажег свечу. Это была довольно большая комната-изба с русской печью в углу, с деревянным тесовым столом и с двумя такими же стульями в другом углу, с лавками по двум стенам, с двумя малыми окнами во двор, грязным полом, с платьем и разной домашней рухлядью, развешенными по стенам. В избе этой спало, должно быть, человек семь или восемь, и, кажется, все были пьяны...» (см. выше, стр. 99).

Таким образом, описание ночлежки и ее обитателей превратилось как бы в самостоятельный «физиологический» очерк, не имеющий прямого отношения к магистральной линии развития сюжета.[1] Это обстоятельство, очевидно, также послужило одной из причин, побудивших автора исключить весь эпизод из повествования.

Наконец, можно предположить, что эпизод с замерзающей девочкой был исключен Достоевским еще и потому, что он в какой-то степени дублировал рассказанную уже Подростком историю о том, как он, живя в Москве, содержал на собственные деньги подброшенную девочку, которую, кстати, тоже звали Ариной (см. ч. I, гл. VI).

Следы «выравнивания» магистральной линии развития действия обнаруживаются и в сценах с Ламбертом. В особенности это касается эпизодов, раскрывавших новые стороны характеров сообщников Ламберта — Андреева и Тришатова — и придававших этим героям в первоначальном варианте слишком большой удельный вес в структуре романа.

Так, описание обеда в ресторане, во время которого, по замыслу Ламберта, должен был быть составлен план шантажа Ахмаковой, в окончательном тексте «Подростка» подверглось значительному сокращению. В первоначальном варианте Андреев, затеяв скандал с поляками, в ответ на их вопрос: «Кто вы?» — говорит: «Je suis le citoyen de la butte aux cailles!» [2] «Это такое место, butte aux cailles,— пояснял он далее,— a citoyen de la butte aux cailles — это такой человек, который не снимает штанов 15 лет, а рубашек никогда не носит» (см. выше, стр. 121).[3]

Слова Андреева в какой-то степени пародировали комплекс свободолюбивых политических идей, носителем которых был «гражданин кантона Ури», герой драмы Шиллера «Вильгельм Телль».

Образ В. Телля воспринимался русским общественным сознанием 1850—1870-х годов как образ борца за свободу.[4] Фраза же «Je suis le citoyen de la butte aux cailles» содержала иронию по отношению к понятию «citoyen du monde». «Gentilhomme russe et citoyen du monde» [5] — так назвал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г. («Старые люди») русских «западников» и в первую очередь Герцена, ставшего, по мнению автора, эмигрантом, оторвавшимся от «почвы».

Говоря, что он является гражданином местечка butte aux cailles, т. е. глухого захолустья, где «не снимают штанов 15 лет, а рубашек никогда не носят», Андреев бросал вызов сторонникам европейской цивилизации.

---

[1] Высказывалась даже точка зрения, что эпизод с Ариной, дополняющий творчество Достоевского еще одним вариантом разработки мотива «оскорбленного ребенка», мог бы войти в собрание сочинений писателя как самостоятельный рассказ (см.: *Чулков*, стр. 245).

[2] Я гражданин перепелиного холма! *(франц.)*

[3] Заготовки этих реплик Андреева были сделаны и в подготовительных материалах (см. XVI, 421).

[4] См.: С. Ф. Терехов. Шиллер в русской критике 50—70-х годов XIX в. В кн.: Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 132—133.

[5] Русский дворянин и гражданин мира *(франц.)*.

Пренебрежение Андреева к своему туалету, то, что он, по словам Ламберта, «рук не моет» и при этом, получив хорошее воспитание, свистит в обществе «старой знатной дамы», в черновом автографе должно было выражать определенную жизненную позицию героя. Он — один из тех молодых людей того времени, о которых в первоначальных вариантах исповеди Версилова говорится, что они «куски», оторвавшиеся от дворянского «красивого слоя» и сбившиеся «в одну кучу с беспорядочными» (см. выше, стр. 144, вар. к стр. 373, строке 21). Андреева, как и многих подобных ему, одолевает, по словам того же Версилова, «жажда беспорядка ради беспорядка» (см. там же, вар. к стр. 373, строке 14).

Текст, содержащий рассуждения Андреева о «citoyen de la butte aux cailles», мог быть исключен Достоевским также и по тактическим соображениям. Печатая свой роман в «Отечественных записках», автор «Подростка» не захотел, вероятно, затрагивать круг вопросов, уже бывших предметом полемики между ним и ведущим критиком журнала Н. К. Михайловским в 1873 г. В ходе полемики Н. К. Михайловский сказал: «Да, г-н Достоевский, и вы citoyen du monde, как и мы все грешные. И тут, пожалуй, не об чем печалиться, потому что разные бывают citoyens, точно так же, как и народная правда бывает разная».[1]

Очевидно, этими же обстоятельствами объясняется и то, что в окончательном тексте романа Версилов называет себя «gentilhomme avant tout» и «единственным европейцем» в Европе, но нигде не говорит, что он «citoyen du monde».

Другой сообщник Ламберта, Тришатов, также принадлежит к «оторвавшимся» от «красивого слоя» молодым людям. Сложный и противоречивый по своей сущности мир героя особенно ярко обнаруживается тогда, когда за обедом в ресторане он рассказывает Подростку о своей любви к музыке и вдохновенно импровизирует программу оперы на сюжет «Фауста» Гете. Сопоставив некоторые варианты чернового автографа, опубликованные Л. П. Гроссманом, с музыкальной фантазией Тришатова в ее окончательном виде, А. А. Гозенпуд пришел к выводу, что вычеркнутые места текста позволяют судить об отношении Достоевского к Гуно и Мейерберу.[2] Изучение чернового автографа в полном объеме дает возможность дополнить выводы А. А. Гозенпуда еще несколькими наблюдениями.

В тексте романа о молитве Гретхен сказано: «...и вот тут ее молитва, что-нибудь очень краткое, полуречитатив, но наивное, безо всякой отделки, что-нибудь в высшей степени средневековое...» (XIII, 353). В черновом автографе кроме наивности и безыскусственности молитвы Гретхен было подчеркнуто еще одно ее качество — кротость: «... и тут что-нибудь кроткое, ее молитва, краткая, полуречитатив, но наивная в высшей степени, наивное и средневековое...» (см. выше, стр. 122).

В окончательном варианте музыкальной фантазии трагическая вершина драматического конфликта обозначена громовым звучанием хора: «...и тут вдруг громовый хор. Это — как бы удар голосов, хор вдохновенный, победоносный, подавляющий, что-нибудь вроде нашего „Дори-но-си-ма-чин-ми“, — так, чтобы всё потряслось на основаниях, и всё переходит в восторженный, ликующий всеобщий возглас „Hossanna!“» (XIII, 353). Первоначально, как это отражено в черновом автографе, трагическая кульминация ассоциировалась у Достоевского со звучанием органа: «... тут вдруг страшно гудит орган, общий хор, ее поднимают, несут, хор сильнее, а ее несут, и вдруг что-нибудь вроде как удар, как у нас „Дори-но-си-ма-чин-ми“, так, чтоб всё потрясалось на основаниях. Помните? И всё переходит в вдохновенный, бесконечный огромный крик „Hossanna!“» (см. выше, стр. 122).

---

[1] См.: Н. К. Михайловский. Из литературных и журнальных заметок. «Пуррпры» «Гражданина». Власы и citoyens du monde civilisé (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 338). Впоследствии Достоевский уже сам называл себя «гражданином света» (см. записную тетрадь 1876—1877 гг.).

[2] См.: *Гозенпуд*, стр. 124—128.

Воссозданная здесь музыкальная структура заключительного эпизода фантазии Тришатова отличается от ее окончательного варианта также и тем, что в ней не обозначена четко тема борьбы сил добра со злом. В черновом автографе отсутствует характеристика хора как хора, звучащего «подавляюще» и «победоносно».

Таким образом, музыкальный замысел Тришатова приобрел этический смысл (главное, не кара за преступление, а осознание греха и торжество покаяния) [1] только в окончательном тексте, когда Достоевский при переходе от чернового автографа к наборной рукописи внес в текст романа необходимые дополнения и поправки.

14

Уточняя отдельные элементы сюжета романа, исключая оказавшиеся лишними эпизоды, придавая некоторым ситуациям бо́льшую целеустремленность и художественную замкнутость, Достоевский в то же время внимательно следил за соблюдением достоверности повествования.

Прежде чем избрать форму изложения событий от лица Подростка, Достоевский долго колебался, предвидя трудности в воспроизведении эпизодов, участником которых рассказчик не был, и в раскрытии психологической мотивированности поступков других персонажей.[2]

Трудности этого рода возникали и в ходе работы над черновой рукописью романа.

Достоевский исключал или переделывал те места текста, где были отступления от принятого в романе способа повествования. Так, в первоначальном варианте Подросток «домыслил» за Ламберта его рассказ Анне Андреевне о том, как он нашел ее сводного брата в снегу, замерзающего, но лелеющего надежду отомстить своим обидчикам, пустив в ход важный документ (см. выше, стр. 107, вар. к стр. 325, строке 17).

Здесь же, в черновом автографе, этот монолог Ламберта был заменен кратким изложением его содержания, высказанным от лица Подростка в предположительной форме (см. вар. к стр. 325, строкам 17—19).

Правда, в черновом автографе Достоевский попытался все-таки оставить несколько фраз, сказанных от лица Ламберта: «Я нашел его в снегу, в снегу! Mon ami fut brisé,[3] он поминал ваше имя! Он, кажется, теперь у родственников, но там посмотрели на меня так странно... он лежит в горячке. Я решил обратиться к вам, о, простите меня, но он так часто поминал ваше имя. Он, кажется, так вам предан, так вас любит!» (см. выше, стр. 107, вар. к стр. 325, строке 17).

Но этот текст, противоречащий общей форме изложения, был исключен Достоевским уже на ближайшей следующей стадии работы, при создании наборной рукописи.

Принцип жизненной достоверности трудно было соблюсти и тогда, когда Подросток «разъяснял» читателям внутренние переживания других героев. Так, например, в черновом автографе Подросток детально исследовал борьбу противоречивых чувств в душе Старого Князя, желавшего примирить соперничавших между собою женщин: дочь и Анну Андреевну (см. выше, стр. 175—176, вар. к стр. 403, строкам 16—20). Тут же Подросток раскрывал и психологическую основу поступков Анны Андреевны (см. выше, стр. 176, вар. к стр. 403, строке 45). Приведенные выше и другие аналогичные рассуждения были Достоевским исключены или переделаны. В окончательном тексте он оставил только самые необходимые «разъяснения» психологии других действующих лиц и искал способы художественной информации читателя о скрытых движе-

---

[1] См.: *Гозенпуд*, стр. 128.

[2] Об этом см. выше, стр. 279.

[3] Мой друг был сокрушен *(франц.)*.

ниях души через их внешние, объективировавшиеся проявления. Эта тенденция изображения человеческих чувств обнаруживается в черновом автографе даже тогда, когда Достоевский раскрывал психологию самого Подростка. Так, в первоначальном варианте Подросток уделил особое внимание своим внутренним переживаниям, рассказывая о том, как он после болезни шел к Ламберту: «Я должен бы был всходить по этой лестнице, замирая от негодования на самого себя, на то, что иду к нему, на то, что вхожу к нему,— так теперь, по крайней мере, сужу. Но ничего этого тогда не случилось, а я лишь захлебывался от чувства неизвестности или риска: „Ну-тка, брат, посмотрим, ну-тка, померимся“. Был цинизм, противный сердцу, был и страх, но в целом — чувство почти веселости» (см. выше, стр. 114, вар. к стр. 343, строке 6). В окончательном варианте этот текст исключен, а характер эмоционального состояния Подростка Достоевский определил только одной фразой: «Где же было мне справиться с тогдашним моим любопытством?» (XIII, 343).

Выброшенный отрывок Достоевский попытался ввести в текст в сцене в ресторане, когда нужно было объяснить, почему Подросток принял приглашение Ламберта пообедать вместе с ним и его сообщниками. По первоначальному варианту после: «Было мгновение, что я едва не ушел; но мгновение это прошло» — следовало: «и к тому же, несмотря на страх и отвращение, было как-то весело, как-то странно весело сердцу. Были риск и надменность: „А ну-тка, ну-тка, посмотрим, чья возьмет. Ну-тка, победи-ка меня теперь...“» (см. выше, стр. 118, вар. к стр. 349, строке 11).

Однако и здесь это разъяснение противоречивых побуждений Подростка было заменено лаконичной фразой. В окончательном варианте чернового автографа читаем: «Было мгновение, что я едва не ушел; но мгновение это прошло, и я остался».

Еще в одной сцене с Ламбертом Подросток скрупулезно анализировал двойственные ощущения, которые он испытывал при упоминании о возможности женитьбы на Ахмаковой. После фразы: «Я сидел как ошалелый» — в черновом автографе было: «Ламберт подливал, но я уже больше не пил. Всё, о чем мы говорили, казалось мне, несмотря на хмель, совершенно невозможным, неосуществимым и фантастическим. Но я откинул все невозможности нарочно, как бы читая невозможный, но завлекательный роман, и продолжал с Ламбертом единственно для наслаждения, из сладострастного и мучительного наслаждения и еще для чего-то другого, что неожиданно, как скверный гад, копошилось в моем сердце» (см. выше, стр. 127, вар. к стр. 359, строке 24).

В окончательном тексте это саморазоблачение героя было заменено констатацией объективных причин, побудивших Подростка продолжать разговор об Ахмаковой. «Ни с кем другим никогда я бы не упал до такого глупого разговора, — пишет Подросток, — но тут какая-то сладостная жажда тянула вести его. К тому же Ламберт был так глуп и подл, что стыдиться его нельзя было» (XIII, 359). Исправления этого рода — сокращения или исключения тех мест текста, которые содержали подробный анализ противоречивых психологических побуждений, определявших поведение героев, — Достоевский производил и в наборной рукописи (см. выше, стр. 224, 226, 231 и др.).

Можно предположить, что в приведенных и во многих других аналогичных случаях, раскрывая движения души героя, Достоевский вначале хотел воспользоваться художественным методом, близким Толстому, о чем свидетельствуют и некоторые ремарки в подготовительных материалах. Например, запись от 23 июля 1875 г.: «Внезапное объяснение читателю себя самого (*для ясности* à la Лев Толстой)» (XVI, 360).

В ходе работы над черновым автографом романа Достоевский отказался от этого намерения, избрав иной способ (который он условно называл пушкинским) передачи сложного внутреннего мира героев. Это предположение тем более вероятно, что, создавая «Подростка», поставив перед собою художественную задачу, близкую к той, которую решал в автобиографической трилогии Толстой, Достоевский постоянно напоминал о *различии* идеологи-

ческих и художественных исходных позиций своей и автора «Детства», «Отрочества» и «Юности».[1]

Принцип жизненной достоверности Достоевский соблюдал и при размещении изображаемых событий во времени. Избрав форму повествования от лица Подростка, рассказывающего в своих записках о происшествиях недавнего прошлого, Достоевский мог в необходимых случаях нарушать временную последовательность происходящего. К этому приему вымышленный автор «записок» прибегал тогда, когда ему нужно было разъяснить читателю внутреннюю причинную связь событий, участником которых он не был.

Если по ходу повествования требовалось рассказать о предыстории происходящего, Достоевский делал это в форме воспоминаний Подростка или рассказов-исповедей других действующих лиц романа. Когда же возникала необходимость «забежать» вперед, Достоевский вынужден был предупреждать об этом читателей. Судя по черновой рукописи, автор настойчиво искал лаконичные формы непосредственного обращения в таких случаях к своим читателям. Так, одна фраза, которой начинается десятая глава третьей части романа: «Но я опять, предупреждая ход событий, нахожу нужным разъяснить читателю хотя бы нечто вперед, ибо тут к логическому течению этой истории примешалось так много случайностей, что, не разъяснив их вперед, нельзя разобрать» (XIII, 402), — в черновом автографе имеет несколько вариантов пространных рассуждений. Подросток ссылается в них и на свою неосведомленность в то реальное время, когда происходили описываемые им события, и на заботу об интересах читателей, и пр. (см. выше, стр. 174—175, вар. к стр. 402, строкам 24—27).

Лаконичные формулы-сигналы, обращенные к читателю, вместо длинных объяснений появились и в других местах «Подростка» (см., например, выше, стр. 105, вар. к стр. 322, строкам 15—16), причем замены эти, как правило, были произведены уже в наборной рукописи.

15

Несмотря на то что основные темы исповеди Версилова были намечены еще в подготовительных материалах, в черновом автографе она подверглась многочисленным переделкам.

По первоначальному авторскому замыслу Версилов в разговоре с сыном после смерти Макара Долгорукова должен был охватить более широкий круг тем: не только коснуться социально-политических проблем России и Европы, но и высказать свое понимание художественных задач, которые надлежит решать авторам современных ему русских романов. В окончательном тексте эта тема (см. выше, стр. 142—143) перенесена в «Заключение», и мысли по этому поводу поручены Николаю Семеновичу, выступающему в качестве alter ego автора (см. ниже, стр. 337).

Круг тем и последовательность их освещения в исповеди Версилова определились в общих чертах только после того, как был написан предварительный вариант текста, который назван Достоевским в записной тетради 1875—1876 гг. «Атеизм» (см. ниже, стр. 336). Эту часть «Подростка» Достоевский переписал на отдельном листе иного формата (*ЧА*$_2$), чем листы чернового автографа, тут же была записана и новая «программа» седьмой и восьмой глав третьей части романа (см. выше, стр. 138). «Программа» эта легла в основу дальнейшей работы над исповедью. После того как текст седьмой и восьмой глав был продиктован А. Г. Достоевской, изготовленная ею рукопись снова подверглась правке автора (см. выше, стр. 213—216). Творческая работа над текстом этих глав продолжалась и в наборной рукописи (см. выше, стр. 216—232), по всей вероятности, она проводилась и в недошедшей до нас корректуре романа.

---

[1] Об этом см. ниже, стр. 339.

Варианты чернового автографа исповеди Версилова дают возможность уяснить смысл некоторых проблем, в окончательном тексте только намеченных или выраженных в обобщенной лаконичной форме. Отброшенные варианты позволяют также глубже проникнуть в замысел автора «Подростка», определивший место и значение образа Версилова в общей художественно-идеологической структуре романа.

Приготовившись выслушать Версилова, Аркадий задает ему вопрос: «Зачем вы медлили, зачем давно не звали?» (XIII, 371). Отвечая, Версилов указывает на два обстоятельства, мешавшие ему призвать к себе Подростка: во-первых, на рабскую зависимость свою от Ахмаковой, что он назвал «балаганным фокусом» (XIII, 372), и, во-вторых, на ложность сложившейся ситуации, когда Аркадий по закону считался сыном Долгорукова (там же). В черновом автографе ответ на этот вопрос подготавливается репликами Ахмаковой. Так, она, считая, что у Версилова «великодушное сердце», говорит Подростку, что Версилова всю жизнь преследовала мысль о «безобразии и безответственности своего положения» (см. выше, стр. 133—135). И в другом месте: «Благообразие. Жажда его — была его жаждой» (см. выше, стр. 133). Об этом же говорит Аркадию и сам Версилов: «...мне грустно было всё время это, что в сущности я даже и не смею совать свой нос в твою судьбу, тебя жалеть и руководить тебя — потому... потому, что не могу тебе дать „благообразия“» (см. выше, стр. 145).

Таким образом, в черновом автографе с большей определенностью подчеркивался характер нравственных исканий Версилова, который стремился не только сам достичь «благообразия», но и развить это чувство в своем сыне.

В окончательном тексте Версилов говорит о детях, задумывающихся о своей семье, оскорбленных «неблагообразием отцов своих и среды своей», которые «слишком рано завидуют» и питают «почти мстительную жажду благообразия» (XIII, 373). Подобное обсуждение этой проблемы Достоевский перенес в «Заключение» (см. XIII, 452—455); из непосредственного же контекста исповеди неясно, кому дети «завидуют» и почему хотят «мстить». Отброшенные варианты чернового автографа разъясняют недоумение: дети эти из «случайных семей», а потому и завидуют «красивому типу», сложившемуся в дворянской среде (см. выше, стр. 142—145, вар. к стр. 373, строкам 6, 10—12, 21 и др.).

Для характеристики Версилова важное значение имеет его отношение к Герцену и «заграничной пропаганде». Подросток говорит Версилову: «Вы, наверное, всю жизнь участвовали в каком-нибудь заговоре?» (XIII, 373). В окончательном тексте Версилов категорически отрицает свою причастность к «заговорам» (там же), в то время как в черновом варианте был намек на его близкое общение с членом «одного заграничного сбора, происходившего тому назад лет двадцать пять и наконец обнаружившегося» (см. выше, стр. 95, вар. к стр. 253, строке 10). Здесь же, в черновом автографе, Версилов проводит параллель между своей деятельностью за границей и деятельностью Герцена. Обращая внимание Подростка на тот факт, что «характер» деятельности его и Герцена, по-видимому, был разный, Версилов видит общность в осознании им и Герценом своей миссии как русских эмигрантов. Он говорит о том, что Герцену, как и ему самому, легко было эмигрировать, так как они ехали в Европу служить, хотя и разными способами, России. «Ты вспомнил про Герцена, — говорит Версилов Аркадию, — как легко было ему от всего оторванным начать свою деятельность! Заметь себе, я ничего не говорю про характер этой деятельности, а о том только, как легко ему было». — «Неужели вы так думаете?» — «Совершенно, мой милый. Я эмигрировал, и мне ничего было не жаль позади. Я ехал служить России, я ей отслужил по мере сил... Но теперь я ехал служить ей же в самой идее, возвещать ее» (см. выше, стр. 149, вар. к стр. 376—378).[1]

---

[1] Не исключена возможность, что повторяющаяся во всех вариантах исповеди Версилова мысль о том, что он после отмены крепостного права уехал в Европу для того, чтобы служить России, намекает на следующее

В окончательном тексте Достоевский раскрыл содержание «идеи», носителем которой был Версилов, как один из представителей «высшего культурного типа» народа русского (XIII, 376). В черновом варианте исповеди не только разъяснялась «русская мысль» о «всепримирении идей», но и затрагивалась проблема, имеет ли Версилов право, как и другие представители «русской тысячи», проповедовать эту идею от имени всего русского народа? Аркадий в связи с этим спрашивает Версилова: «А народ, а Макар Иванович? Какое же ему назначение ⟨...⟩ вас только тысяча, а вы говорите — чело⟨вечество⟩» (см. выше, стр. 149).[1]

Отвечая на этот вопрос, Версилов выделял два аспекта. Во-первых, называя себя дворянином и неоднократно подчеркивая, что он гордится своей принадлежностью к этому сословию, Версилов тут же разъяснял, какой смысл он вкладывает в это понятие. С его точки зрения, принадлежность к дворянству должна определяться не социальным положением, а «идеей». Версилов говорит: «...если я горжусь, что я дворянин, то именно как пионер великой мысли» (см. выше, стр. 151, вар. к стр. 376—378, строкам 32—2). Во-вторых, Версилов считает, что в народе русском, хотя и не осознанно, живет идея всеобщего единения: «Знают о ней в России — мы, тысяча человек, — сознательно, — говорит он, — а очень многие пока лишь страстной и сильной грезой, даже инстинктом. Даже в черном народе, в Макаре, это можно легко приметить: есть какой-то иск, какая-то греза об общечеловеческом примирении. Знали — и пока лучшего, высшего ничего никто и не предположит. У нас на этот счет как нигде, — заметь, например, национальную особенность нашу». С точки зрения Версилова, каждый человек, осознавший эту свою великую миссию, имеет право называться дворянином, если даже он по рождению принадлежит к низшим сословиям. Так, Версилов, считая по этому признаку Макара Долгорукова дворянином, восклицал: «...верую, что недалеко время, когда таким же дворянином, как я, и сознателем своей высшей идеи станет весь народ русский» (см. выше, стр. 149—151).

Мысль о том, что народ является носителем высших идеалов, пронизывает все творчество Достоевского послекаторжного периода. Развивал он ее и в «Дневнике писателя» за 1873 г., в очерке «Среда», то есть в то время, когда зарождался замысел будущего «Подростка»: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые ⟨...⟩ Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, — говорится там, — до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ. В стремлении к выяснению себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни».

Черновая рукопись «Подростка» замечательна тем, что здесь Достоевский выдвинул сознательное служение «русской идее» в качестве критерия принадлежности к дворянству.

Таким образом, народ — инстинктивный носитель «идеи», дворянин, каким он представлялся Версилову, — сознательный. Общая обоим «идея», объединяющая народ и представителей «русской тысячи», дает Версилову право обращаться с ее проповедью ко всему человечеству.

В окончательном тексте исповеди Версилова мысль об идейном единстве «русской тысячи» и народа также присутствует, но выражена она не

рассуждение «западника» И. С. Тургенева: «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться ... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» (Литературные и житейские воспоминания. *Тургенев*, *Сочинения*, т. XIV, стр. 9).

[1] Об этом подробно см.: Е. И. К и й к о. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке». *РЛ*, 1975, № 1, стр. 155—161.

прямо, а в косвенной форме: «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может, более, может менее — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут — мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу» (XIII. 376).

Отброшенные варианты чернового автографа обнажают смысл приведенного рассуждения Версилова. «Тип всемирного боления за всех» мог выработаться в России благодаря тому, что идея всеобщего единения и примирения стихийно присуща всему русскому народу.

Мысль о «внесоциальном» критерии принадлежности к русскому дворянству Версилов уже высказал во второй части романа, в разговоре с князем Сережей (XIII, 177—178).

В качестве примера того, как выходцы из демократических слоев общества и даже из крепостного крестьянства и в прошлые эпохи «с успехом примыкали впоследствии к нашему высшему культурному слою» и, что особенно важно, «сливались с ним в одно целое» (XIII, 453), Достоевский приводил Т. Г. Шевченко. Среди разрозненных набросков к исповеди Версилова имеется следующая запись: «Не [откуда] с неба же свалились отцы. Шевченки. У них нет преданий. До сих пор они прирастали» (см. выше, стр. 155).

Приведенный отрывок из законченного романа, а также не вошедшие в окончательный текст варианты и наброски к исповеди Версилова, посвященные дворянству, полемически заострены против публициста «Русского мира» Р. А. Фадеева, считавшего, что принадлежность к русскому дворянству, в условиях России того времени, может определяться имущественным цензом.[1] В записной тетради 1872—1875 гг. Достоевский писал, что если согласиться в этом случае с Фадеевым, тогда «наплывут и сядут на место них (дворян, — *ред.*) толстопузые купцы, которые скупят мелкие имения. Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000 лет дворянского духа оказалось, стало быть, пшиком. Пришли да поклонились капиталу-то». И в другом месте Достоевский сделал заметку: «Фантастическая идея *Ордена чести* вместо дворянства (в виде юмористической поправки идей Фадеева насчет купцов)». К этой «фантастической идее» Достоевский вернулся в «Подростке», где князь Сережа в ответ на рассуждение Версилова о дворянстве говорит: «Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство» (XIII, 178).

Кстати сказать, среди отброшенных вариантов исповеди есть такие, которые свидетельствуют, что и сам Версилов «знаком» с книгой Р. А. Фадеева. Он говорит: «У меня, мой милый, есть один любимый русский писатель. Он романист, но для меня он почти историограф нашего дворянства или, лучше сказать, нашего культурного слоя, завершающего собою „воспитательный“ период нашей истории, по выражению одного современного русского генерала и, пожалуй, тоже писателя» (см. выше, стр. 142, вар. к стр. 373, строкам 4—6). О «воспитательном» периоде русской истории пишет в своей книге именно Р. Фадеев.[2]

Развивая «фантастическую идею» о дворянстве — надклассовой элите достойнейших, несущих в жизнь человечества «русскую мысль», — Достоевский в то же время дал весьма трезвую характеристику дворянству как реальному социальному слою прошлой и современной ему эпохи. По перво-

---

[1] Об этом см. также: Е. И. Семенов. У истоков «Подростка». *РЛ*, 1973, № 3, стр. 107—116.

[2] См.: *Фадеев*, стр. 58—59 и др. Среди черновых вариантов исповеди нет таких, которые подтверждали бы высказанную Г. Чулковым мысль, будто идеи Р. Фадеева «довольно близки к идеям о дворянстве самого Версилова» (*Чулков*, стр. 246).

начальному замыслу, рассуждения на эту тему должны были содержаться в исповеди Версилова.

Судьбу русского дворянства Достоевский прослеживает по романам Л. Н. Толстого, названного им «историографом нашего дворянства».

Во время работы над «Подростком» Достоевский перечитывал «Войну и мир» (см. выше, стр. 155, набросок в $ЧА_2$: «№3. Справки в *книгах* о Ростовых и проч.») и следил в течение 1875 г. за печатанием «Анны Карениной» (об этом свидетельствуют записи в подготовительных материалах — «Грустный Левин» (XVI, 420) и в беловой рукописи — «Левин же мизантроп» — см. выше, стр. 216). Характеризуя романы Толстого (до «Анны Карениной»), Достоевский отмечал, что «в них отражены все эпохи дворянства». С его точки зрения, «историк раздвигает самую широкую [и славную] историческую картину культурного слоя» и при этом остается беспристрастным. «Реальность картин придает изумительную прелесть описанию, тут, рядом с представителями талантов, чести и долга, — сколько открыто негодяев, смешных ничтожностей, дураков» (см. выше, стр. 143). Достоевский подчеркивал, что Толстой выставлял своих героев «со всею откровенностью: они лично часто даже смешны и забавны, нередко и ничтожны, но как целое, как сословие, они бесспорно изображают собою нечто законченное». Достоевский не стремился дать оценку того «незыблемого и неоспоримого», что было «нажито в два столетия» и что лежало в «основах этого высшего слоя русских людей». Он указывал только на внешние формы существования этого сословия, вызывавшие зависть у детей, «с детства оскорбленных неблагообразием отцов своих, отцов и среды своей». Достоевский писал: «...как бы там ни было хорошо всё это или дурно само по себе, но тут уже [порядок, тут воспиталась и сохранилась честь] выжитая и определившаяся форма, тут накопились правила, тут своего рода честь и долг» (там же).

Такими были герои Толстого, когда он писал «исторические романы». Стоило ему обратиться в «Анне Карениной» к изображению «времени новейшего, современного», как Левин, «внук» героев из «Войны и мира», стал «мизантропом». Характеризуя его, Версилов говорит: «...он — современный помещик без крестьян, но с хозяйством. Он не любит земских собраний и не ездит па них. Он, как Иаков, идет к Лавану за женой из своего рода, но он как будто еще не готов к чему-то, он как-то вдруг стал задумчив ⟨...⟩ какая-то как бы тихая и недоумевающая меланхолия лежит на его действии и на его мировоззрении...» (там же).

Подводя итог размышлений над судьбами русского дворянства прошедшего времени и представителей пореформенной эпохи, Достоевский пришел к категорическому заключению, сформулированному в одном из отброшенных вариантов письма Николая Семеновича. Имея в виду то обстоятельство, что даже лучшие из дворян, типа Левина, «сошли с поля, то есть потерпели поражение», автор «Подростка» сказал: «Горевать ли на то и возможна ли симпатия к тому, что само было и ложно, и искусственно» (см. выше, стр. 212, вар. к стр. 454, строке 39).

16

Исповедь Версилова обрамляется двумя контрастными картинами. В начале — Версилов рисует «золотой век», «первый день человечества», не утратившего еще своей наивной невинности (XIII, 375—376). В конце — он изображает жизнь человеческого общества после того, как «бой уже кончился и борьба улеглась», а люди, как они того и хотели, остались одни, без бога (XIII, 378—379).

Создание картины «первого дня человечества» не потребовало от Достоевского дополнительных творческих усилий: автор перенес в роман описание этой картины, сделав незначительные стилистические поправки, из опущенной главы «Бесов» — «У Тихона» (см.: наст. изд., XI, стр. 21—22). Этот текст сразу был вписан в беловую рукопись, хотя нарушенная после-

довательность изложения в том месте чернового автографа, где он должен был находиться, свидетельствует, что Достоевский уже на этой стадии работы включил этот эпизод в структуру повествования (см. выше, стр. 146—147, вар. к стр. 374—375).

Заключительную картину исповеди Версилова, изображающую людей, почувствовавших великое «сиротство», Достоевский задумал «вроде пандана к картине Клода Лоррена» «Асис и Галатея», то есть к тому же «Золотому веку», как он называл эту дрезденскую картину (см. выше, стр. 153, вар. к стр. 378, строкам 26—45).

Таким образом, между этими двумя ступенями в развитии европейского общества Достоевский устанавливал преемственную связь. В черновом автографе отчетливее, чем в окончательном тексте исповеди, проводилась мысль, что к жизни «без бога» человечество пришло неизбежно, по логике истории. Так, отвечая на вопрос: «Как будет жить человек без бога и возможно ли это когда-нибудь» (XIII, 378), Версилов говорит Аркадию: «...признаюсь тебе, милый, всегда решаю, что невозможно и что всё же кончат тем, что придут к *Нему*. Но некоторый период, пожалуй, возможен *...вследствие логики*» (см. выше, стр. 153; курсив наш, — *ред.*). Выделенных курсивом слов нет в окончательном тексте, хотя эта мысль здесь и присутствует: Версилов признается Аркадию, что он «слишком понимает неотразимость текущей идеи» и знает, что сожжение Тюильри «петролейщиками» было «логично», хотя он и относится к этому как к «ошибке» и «преступлению» (XIII, 375—376). В данном случае в рассуждениях Версилова отразилось представление Достоевского, что политический социализм, то есть общество без бога, это итог, к которому придет западный мир в результате исторического развития, сопряженного с революциями и кровью. Социализм, утверждал он, — «органический продукт западной жизни и всех противоречий ее» (записная тетрадь 1864—1865 гг.). В то же время Достоевский полагал, что конечная цель развития всего человечества — это христианское братство. В соответствии с этим атеистический «золотой век» Версилов изображает как переходную ступень к высшему единству людей, наделяет его чертами, близкими к утопическому христианскому идеалу. Когда Достоевский работал над этой темой исповеди Версилова, он внес в черновой автограф многочисленные поправки и изменения. Больше всего его волновал вопрос: «как можно отрешиться от своего бессмертия и чем заменить его?» (см. выше, стр. 153—156).

Размышляя о том, как будет протекать жизнь в атеистическом обществе, Версилов в окончательном тексте говорит, что, осознав земную конечность своего бытия, люди перенесут любовь к ушедшему от них богу на своих собратьев (XIII, 379). В отброшенном варианте эта мысль выражена более полно: «Они *почувствовали* бы счастье ⟨...⟩ Их короткие дни без загробной жизни встречали — поцелуем. И познали б *весь Закон:* не делай другому того, чего сам не хочешь, и делай всё...» (см. выше, стр. 152).

Раскрывая разнообразные аспекты жизни людей, и без бога познавших «весь Закон», то есть органически усвоивших христианский идеал, Достоевский предполагал подчеркнуть близость их нравственных принципов к идеям, которые проповедовал странник из народа Макар Долгорукий. Так, в одном из черновых вариантов исповеди Версилов говорит: «Каждый осиротевший ребенок знал и чувствовал, что каждый, из встретившихся ему, его брат и отец. „Пусть завтра последний день мой, — думал каждый, — но всё равно «и из могилы любовь»“, как сказал Макар Иванов» (см. выше, стр. 155).

В первоначальных вариантах неоднократно развивалась также выпавшая из окончательного текста романа мысль, что любовь в атеистическом обществе породит преемственную связь многих поколений и явится одним из элементов «мировой гармонии». Вот как обосновал там эту идею Версилов: «Пусть я умру без следа, но останется в них (людях, — *Е. К.*) память о том, что я жил и любил их, а когда прейдут и они и настанут совсем другие, то и тысячелетия спустя будут помнить новые люди об нас всех, прежде живших, что мы жили и любили их раньше, чем они пришли на свет, и желали бы видеть их счастье. И пусть под конец кончится вся земля и потухнет солнце, то всё же где-нибудь [*начато:* в мировой гар⟨монии⟩] останется

мысль, что всё это было и послужило чем-то [мировой гармонии] всему, и люди полюбили бы эту мечту» (см. выше, стр. 154). Приведенный отрывок, не вошедший в окончательный текст «Подростка», можно рассматривать как первоначальный набросок того места из второй главы апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., «Сон смешного человека», где сказано, что у «детей солнца» «не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и беспрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной».

Как было сказано выше, возникновение атеистического общества Версилов объяснял «логикой». Явление же Христа в этом обществе он обосновывал потребностью «сердца»: «Сердце мое решало всегда, что невозможно» жить человеку без бога (XIII, 378). Первоначально Версилов высказывал по этому поводу дополнительные аргументы. Он говорил: «О, я [не мог больше] не могу вообразить людей без *Него*, мой милый! Раз *Он* был их, *Он* не может уйти. А если б ушел, они бы сами нашли *Его*» (см. выше, стр. 154). Эта мысль Версилова год спустя была пояснена Достоевским в записных тетрадях. Признав «реальность и истинность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейского потрясения», которое может привести западное общество к атеистическому «золотому веку», Достоевский утверждал, что в этом случае люди почувствуют «непременную потребность новой нравственности», ибо, как он полагал, «единым хлебом не будет жив человек». Западный мир должен будет решить, что принять: «закон необходимости или закон любви?». Достоевский высказал уверенность, что «закон науки не устоит, ибо не стоит того хлеб». Следовательно, человечество примет «закон любви», «а приняв закон любви», придет «к Христу же», — утверждал он, повторяя в данном случае вывод своего героя — Версилова.

Приведенное рассуждение находится в записной тетради 1875—1876 гг. среди записей, относящихся к тому времени, когда готовился мартовский номер «Дневника писателя» за 1876 г., в котором (глава вторая, § 1) был напечатан отрывок из исповеди Версилова, названный Достоевским «Атеизм». «Фантазия» Версилова вспомнилась Достоевскому в связи с тем, что он обнаружил в ней сходство с действительно существующею в Англии «Церковью атеистов». «В этом много трогательного и много энтузиазма, — писал Достоевский, имея в виду эту необычную общину. — Тут действительное обоготворение человечества и страстная потребность проявить любовь свою; но какая, однако же, жажда моления, преклонения, какая жажда бога и веры у этих атеистов, и сколько тут отчаяния, какая грусть, какие похороны вместо живой, светлой жизни, бьющей свежим ключом молодости, силы и надежды! Но похороны ли или новая грядущая сила, это еще для многих вопрос». Размышления по поводу поставленного здесь вопроса и были зафиксированы в упомянутых выше заметках из записной тетради Достоевского этого периода.

17

Сразу же после появления в «Отечественных записках» первой части «Подростка» в журналах были напечатаны критические отклики на нее (см. ниже, стр. 346—349). В связи с этим у Достоевского возникла идея ответить своим оппонентам в предисловии к отдельному изданию романа. 22 марта 1875 г. он набросал мысли, которые должны были лечь в основу такого предисловия (XVI, 329—330). В ходе дальнейшей работы некоторые из них были развиты Достоевским в первоначальных вариантах исповеди Версилова. Впоследствии на первый план в ней выдвинулась проблема «золотого века» человечества и возможных путей его достижения, а вместо предисловия Достоевский написал заключение к журнальной публикации романа, и всё то, что должен был говорить Версилов как бы в ответ критикам, было перенесено туда.

Изменение первоначального плана можно объяснить двумя причинами. Достоевский не захотел дожидаться выхода в свет отдельного издания «Подростка» и решил тут же на страницах «Отечественных записок» не только дать полемическую авторецензию на роман, но и разъяснить читателям свою позицию как «гражданина» и «русского романиста». Высказав суждение о рукописи Подростка, Николай Семенович тем самым дал оценку всему роману, чего не мог сделать Версилов в своей исповеди. Но важно и другое: Достоевский хотя и симпатизировал философским и общественным идеалам Версилова, но отнюдь не разделял их. Поручив этому герою изложение и защиту своих сокровенных взглядов на роль и значение современного русского романа, автор нарушил бы принцип художественной достоверности. Николай Семенович — «совершенно посторонний и даже несколько холодный эгоист, но бесспорно умный человек» (XIII, 452) — оказался более удобной фигурой для выражения авторского самосознания.

О том, что в письме Николая Семеновича излагаются мысли, близкие Достоевскому, свидетельствует следующая заметка, сделанная во второй половине августа 1875 г.: «В финале Подросток: „Я давал читать мои записки одному человеку, и вот что он сказал мне“ (и тут привести мнение автора, то есть мое собственное)» (XVI, 409).

Черновой автограф «Заключения» близок к законченному тексту романа. Однако некоторые положения письма Николая Семеновича могут быть сопоставлены с рассуждениями на ту же тему Версилова, отразившимися в ранних редакциях его исповеди. Касаясь в начале своего письма вопроса о современных «интересных юношах», которые часто обнаруживают «желание беспорядка» (XIII, 453), Николай Семенович высказывает предположение, что «это желание беспорядка ⟨...⟩ происходит, может быть, от затаенной жажды порядка и „благообразия“» и что в этом проявляется их «искание истины» (там же).

Таким образом, Николай Семенович находит объяснение «ранним порывам безумия» у юношей, в том числе их ухода в революцию, хотя и считает этот путь ошибочным. В черновой рукописи содержатся записи, проясняющие взгляды Достоевского: в одном из вариантов исповеди Версилова сказано, что истинных либералов немного. «Мошенников — больше» (см. выше, стр. 144). В отличие от тех, кто «только обрадовался праву на бесчестье» (там же), существуют юноши, искренне преданные освободительным идеям. «Таких мало, — говорит Версилов, — но уже то серьезно, если их один хоть на тысячу, а их больше, гораздо больше. О, тут столько никому не понятного, и всё это считается таким пустым делом. Но тут есть своего рода восторг. Некоторая бесспорная чистота сердца, несмотря ни на что, а пуще всего отвага, жертва собой и вызов на бой, что так прельстительно» (см. выше, стр. 145).

В варианте письма Николая Семеновича Достоевский повторяет мысль о том, что юноши, бросающие обществу «вызов на бой», сознательно идут «на жестокую и раннюю гибель» под влиянием «великодушных чувств» (см. выше, стр. 210—211).

18

В сфере внимания Достоевского в период создания «Подростка» находились многие явления русской и мировой литературы, прошлой и современной. В подготовительных материалах есть упоминания о Карамзине, Пушкине, Грибоедове, Гоголе, Тургеневе, Льве Толстом, Шекспире, Сервантесе, Лесаже, Руссо, Гете, Гейне, Гюго, Диккенсе и т. д.

Уже в ранних набросках к роману возникают почти одновременно ассоциации с произведениями Пушкина и Л. Толстого. 16 (28) июня 1874 г. Достоевский пишет жене: «После кофе утром я что-нибудь делаю; до сих пор читал только Пушкина и упивался восторгом, каждый день нахожу что-нибудь новое». Идея Аркадия «стать Ротшильдом» тогда же связывается со «Скупым рыца-

рем». Появляются записи (повторяющиеся вплоть до работы над связным черновым автографом первой части), свидетельствующие об ориентации на Пушкина в форме повествования и композиции романа (соотношение «рассказа» и «действия»). К 12 августа относится набросок: «Исповедь необычайно сжата (учиться у Пушкина) ⟨...⟩ СЖАТЕЕ, КАК МОЖНО СЖАТЕЕ». 8 сентября Достоевский отмечает: «Форма, форма! (простой рассказ à la Пушкин)». Через несколько дней — снова: «à la Pouchkine — рассказ обо всех лицах *второстепенно. Первостепенно* лишь о Подростке». В конце сентября—октябре сделаны следующие записи: «Писать по порядку, короче, à la Пушкин»: «короче писать. (Подражать Пушкину)»; «Совершенно быстрым рассказом, по-пушкински» (XVI, 47, 122, 127, 156, 172, 260). С именем Пушкина в черновых вариантах исповеди Версилова (в окончательном тексте — в письме Николая Семеновича) ассоциируются сюжеты романов из жизни русских дворян (в «преданиях русского семейства»), героем которых является «высший культурный тип», связанный с русскими преданиями и верованиями и потому причастный к тому «благообразию», которого так ищут и Версилов и Подросток.[1]

Образы романа «Подросток» ассоциировались у Достоевского не с одним «Скупым рыцарем»: гордая и независимая Анна Андреевна в одной из его заметок противопоставляется Лизе из «Пиковой дамы», которую Пушкин характеризует как «несчастное создание». Могли быть ассоциации с темой крушения «идей Германна» и в ходе развенчания «идеи Ротшильда», на пути осуществления которой Аркадий «теряет достоинства человека». Называются в черновых записях «Повести Белкина». Художественная структура этого произведения рассматривается в качестве образца в решении проблемы «герой и сюжет» при работе над замыслом «Подростка»: «N3. Вообще в лице Подростка выразить всю теплоту и гуманность романа, все теплые места (Ив. П. Белкин), заставить читателя полюбить его».[2]

Творчество Пушкина в целом (и «Повести Белкина», в частности) привлекает в период «всеобщего разложения» и внимание Л. Толстого, с которым Достоевский вступает в своеобразную идеологически-художественную полемику уже в начальный период работы над «Подростком». С чтением Пушкина связано формирование замысла «Анны Карениной». В ряде писем 1873 г. Толстой сообщает о тех открытиях, которые сделал он в Пушкине именно в это время. Н. Н. Страхову в письме от 25 марта: «...взял ⟨...⟩ том Пушкина и, как всегда (кажется, седьмой раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но, мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда так не восхищался. „Выстрел“, „Египетские ночи“, „Капитанская дочка“». П. Д. Голохвастову в письме от 30 марта: «Вы не поверите, что с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после Вас — „Повести Белкина“ в седьмой раз в моей жизни. Писателю надо не переставать изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие». Ему же — в письме от 9—10 апреля: «Давно ли Вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите сначала все „Повести Белкина“. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение. Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего

---

[1] В одном из вариантов исповеди Версилов говорит Подростку: «Еще Пушкин, милый Пушкин наметил сюжеты будущих своих романов в „Онегине“, хоть условле⟨нные⟩ встречи, и поверь, что это всё, что у нас есть красивого ⟨...⟩ хоть сколько-нибудь законченного» (XVI, 414).

[2] См. также: *Долинин*, стр. 187—192; *Розенблюм*, стр. 42. Об отношении Достоевского к творчеству Пушкина см.: А. Бем. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского, «Slavia», 1929, ч. I, стр. 82—100; «Дневник писателя» за 1880 г.

за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства» (*Толстой*, т. 62, стр. 16, 18, 22). Духовный стимул для творчества и Достоевский, и Толстой в эпоху всеобщего разложения находят в творчестве Пушкина.

Замысел «Подростка» — своеобразного воспитательного романа, как указал впервые А. Л. Бем,[1] — в сознании автора был соотнесен во многом с автобиографической трилогией Л. Толстого. Исходя из общности взглядов Достоевского и Толстого на роль детства в жизни человека, прослежено общее и различное в характере восприятия действительности героем толстовской трилогии и Аркадием Долгоруким, способах их самоутверждения, показано отличие в соотношении «действительности» и «прошедшего» (материала воспоминаний) в художественной структуре трилогии Толстого и романа «Подросток».[2] В определенной мере могут быть соотнесены с «уединенными бессвязными мечтами» Николеньки Иртеньева обрести «пропасть миллионов денег», сделаться «первым силачом в мире» или «первым ученым в России ⟨...⟩ даже в Европе» (*Толстой*, т. 2, стр. 83—84) и мечты Аркадия стать «непременно первым ученым в Европе» (эта мечта присутствует в ранних набросках наряду с «идеей Ротшильда»). Следует отметить также, что художественную структуру исповеди Подростка, как и в автобиографической трилогии Толстого, во многом определяет обнаружение героями своих слабостей с целью избавления от них.

Есть определенная общность в характере восприятия Аркадием Долгоруким и Николенькой Иртеньевым окружающих их людей. В исповеди героя Достоевского утверждается важность отношения человека к «разряду» людей «понимающих» или «непонимающих». В эстетике Толстого (уже с автобиографической трилогии) способность «понимания» или «непонимания» является важнейшей нравственно-эстетической категорией.[3] В обращении «К читателям» («Четыре эпохи развития») Толстой так определял различие между этими понятиями (выделяя их курсивом), ставшими главными в восприятии окружающих Николенькой Иртеньевым в тексте трилогии: «...главное, чтобы вы были человеком *понимающим*, одним из тех людей, с которыми, когда познакомишься, видишь, что не нужно толковать свои чувства и свое направление, а видишь, что он понимает меня, что всякий звук в моей душе отзовется в его. Трудно, и даже мне кажется невозможным, разделять людей на умных, глупых, добрых, злых, но *понимающий* и *непонимающий* — это для меня такая резкая черта, которую я невольно провожу между всеми людьми, которых знаю» (*Толстой*, т. 1, стр. 208). Объяснение этих понятий, разделяющих, по мнению Толстого, «весь род человеческий на два разряда» (*Толстой*, т. 1, стр. 153), представляется ему столь важным, что он обращается к ним неоднократно: «...понимающий и непонимающий человек, это вещи так противоположные, что никогда не могут слиться одна с другою, и их легко различить. Пониманием я называю ту способность, которая способствует нам понимать мгновенно те тонкости в людских отношениях, которые не могут быть постигнуты умом. Понимание не есть ум, потому что хотя

---

[1] А. Л. Бем. Художественная полемика с Толстым. (К пониманию «Подростка»). В кн.: *О Достоевском*, т. 3, стр. 209—220.

[2] См.: Б. И. Бурсов. 1) Толстой и Достоевский. «Вопросы литературы», 1964, № 7, стр. 66—92; 2) «Подросток» — роман воспитания. «Аврора», 1971, № 11, стр. 64—71; см. также: В. С. Пушкарева. Детство в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» и в первой повести Л. Н. Толстого. В кн.: Филологический сборник. (Статьи и исследования). Л., 1970, стр. 113—122 («Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 460). См. также комментарий к разделам, посвященным «Анне Карениной», в «Дневнике писателя» за 1877 г.

[3] Подробнее об этом см.: Г. Я. Галаган. Этические и эстетические искания молодого Л. Толстого. *РЛ*, 1974, № 1, стр. 136—149.

посредством ума можно дойти до сознания тех же отношений, какие познает *понимание*, но это сознание не будет мгновенно и поэтому не будет иметь приложения ⟨...⟩ Сталкиваясь с различными людьми, я убедился окончательно, что, несмотря на чрезвычайную разницу в прошедшем с многими людьми, некоторые сейчас понимали, другие, как ни часто я с ними сходился, всегда оставались непонимающими» (*Толстой*, т. 1, стр. 153—154).

Этот критерий человеческого «понимания» и «непонимания» существен и очевиден и в «Войне и мире». Именно неспособность «понимания» окружающих во многом предопределяет причины духовных кризисов Андрея Болконского (его служба в комиссии Сперанского) и Пьера Безухова (разочарование в масонстве). В способности же человеческого «понимания» — предпосылки их духовного возрождения (Андрей — Наташа, Пьер — Платон Каратаев). Сами понятия — человек «понимающий» и «непонимающий» — употребляются Толстым в романе именно в том значении, которое было раскрыто им в «Четырех эпохах развития». Неоднократны в «Войне и мире» противопоставления людей «понимающих» и «непонимающих».

В тексте «Подростка» герой дважды подчеркивает важность для него этих качеств — и оба раза, вспоминая свои диалоги с Версиловым. В человеке «понимающем» Аркадий видит способность интуитивно почувствовать суть происходящего и мотивы, обусловившие ту или иную форму и степень отклонения в диалоге (явном или «неслышном») от истины. Здесь важно также подчеркнуть, что категория «добра» отнюдь не заключает в себе обязательной способности «понимания», а категория «зла» — «непонимания». В характеристике, данной Версилову год спустя после свершившихся событий, когда размах колебаний отца в сторону «добра» и «зла» стал для Аркадия очевиден, он так определяет кажущееся ему самым существенным человеческое качество Версилова: «Это — человек *понимающий*» (XIII, 226; курсив наш, — *ред.*). Принципиально важно для Подростка, чтобы отец также увидел в нем эту способность понимания. В одном из диалогов с Версиловым (еще до его исповеди) Аркадий с болью и обидой замечает, что отец смотрит на него «именно так, как смотрят на человека *непонимающего* и *неугадывающего*» (XIII, 332; курсив наш, — *ред.*).

Эта общность нравственно-эстетического принципа, существенным образом отразившегося в художественной структуре романа Достоевского и произведений Толстого, тем более интересна, что и толстовская трилогия, и «Война и мир» в период создания «Подростка» находились в сфере пристального внимания Достоевского.

Критерий человеческого «понимания» и «непонимания» чрезвычайно важен и в эстетике Лермонтова. В черновиках к «Подростку» неоднократны записи о Печорине, которого Достоевский называет «уродливейшим калекой» (XVI, 415). А в наброске характеристики Версилова пишет: «ОН. Про современную литературу отзывается, что данные ею типы довольно грубы — Чацкий, Печорин, Обломов и проч. Много тонкого ушло незамеченным. *Понимания* мало было» (XVI, 238; курсив наш, — *ред.*).

Характеристики, даваемые Печориным в «Герое нашего времени» Грушницкому, доктору Вернеру и Вере, пропускаются им через единый критерий: способность понимания или непонимания именно в том смысле, который столь детально раскрыт Толстым в приведенных выше отрывках из «Четырех эпох развития». Печорин о Грушницком: «Он закидывал вас словами ⟨...⟩ Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому, имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи ⟨...⟩ Он не знает людей и их слабых струн» (*Лермонтов*, т. 6, стр. 263). О докторе Вернере: «Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа ⟨...⟩ Мы отличили в толпе друг друга ⟨...⟩ Мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга; одно слово — для нас целая история, видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку» (там же, стр. 268, 270). О Вере: «Это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями».

И как следствие: «Она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть!» (там же, стр. 280).

Но если для Толстого и его героя каждый человек «понимающий» — несомненное свидетельство возможности человеческого единения и каждый новый «понимающий» человек, встреченный героем на этом пути к людям, — стимул для дальнейшего движения, для героя Лермонтова способность «понимания» — лишь свидетельство обреченности до конца «осушить чашу страданий» (там же, стр. 322). Возможно, именно в русле этих крайних по своему этическому наполнению выводов лежат истоки расхождений Достоевского с Лермонтовым и солидарности с Толстым в одном из важных положений их эстетических концепций.

В черновом автографе третьей части романа «Подросток» Достоевский делает запись для памяти: «№3. Справки в *книгах* о Ростовых и проч.». Здесь же писатель замечает: «О, у него широко взято, все эпохи дворянства. Не одни лишь встречи, но вся эпоха ⟨...⟩ реальность картин придает изумительную прелесть описанию, тут, рядом с представителями талантов, чести и долга, — столько открыто негодяев, смешных ничтожностей, дураков. В высших типах своих историк выставляет с тонкостью и остроумием историю перевоплощения разных европейских идей в лицах русского дворянства: тут и масоны, тут и перевоплощение пушкинского Сильвио, взятого из Байрона, тут и зачатки декабристов» (см. выше, стр. 155, 143).

Особый интерес представляет то внимание, которое проявляет Достоевский в период создания романа о герое, делающем «первые шаги в жизни», — к молодому поколению «Войны и мира», к теме «отцов и детей». Записи Достоевского в черновом автографе полемичны по отношению к Толстому: «О, это не герои: это милые дети, у которых прекрасные, милые отцы, кушающие в клубе, хлебосольничающие по Москве, старшие дети их в гусарах или студенты в Университете, из имеющих свой экипаж» (см. выше, стр. 143). В этих же записях Достоевский отмечает, что Толстой проследил судьбу своих героев с «детства и отрочества». Понятия эти выносятся писателем за пределы повестей Толстого с одноименным заглавием и превращаются в особую тему. Именно о теме «детства и отрочества» в «Войне и мире» пишет Достоевский и в «Дневнике писателя» за 1877 г.: «Где вы найдете теперь такие „Детства и отрочества", которые бы могли быть воссозданы в таком стройном и отчетливом изложении, в каком представил, например, нам *свою* эпоху и свое семейство граф Лев Толстой, или как в „Войне и мире" его же? Все эти поэмы теперь *не более лишь как исторические картины давно прошедшего*... Современное русское семейство становится все более и более *случайным* семейством» (июль — август, глава первая).

Три героя «Войны и мира» (в первой части), выполняющие различную философскую и эстетическую роль в художественной структуре романа, вступают в двадцатилетний возраст. Двадцать лет Пьеру Безухову, Николаю Ростову, Борису Друбецкому. Толстой, описывая встречу Ростова и Друбецкого на войне, замечает: «Они полгода не видались почти; и в том возрасте, когда молодые люди делают *первые шаги на пути жизни*, оба нашли друг в друге огромные перемены, совершенно новые отражения тех обществ, в которых они сделали свои *первые шаги жизни*» (*Толстой*, т. 9, стр. 289; курсив наш, — *ред*.).

На фоне общей характеристики молодого поколения «Войны и мира» Достоевский выделяет Пьера Безухова, которого, по мнению писателя, Толстой «твердо вел весь роман, несмотря на масонство». Но предваряет эту характеристику полемическим утверждением: «Не пощадил Лев Толстой даже своего Пьера».

Столь внимательное отношение Достоевского к одному из центральных героев «Войны и мира» объясняется, возможно, рядом «особенностей» биографии Пьера Безухова. Двадцатилетний Пьер в отличие от других героев Толстого в определенном смысле — член семейства «случайного». Он незаконный сын екатерининского вельможи, у которого, по словам Анны Павловны Шерер, были «только незаконные дети» (*Толстой*, т. 9, стр. 45). Оба романа открываются приездом героев в Петербург, где каждый из них дол-

жеп «осмотреться», сделать «первые шаги в жизни». Но детство их и эти «первые шаги» не одинаковы. Пансион Тушара у Подростка — жизнь за границей с 10 до 20 лет с гувернером-аббатом у героя Толстого. Мечта о миллионе у Аркадия — неожиданное многомиллионное отцовское наследство у Пьера. Теоретическая жизнь «идеи Ротшильда» в сознании Аркадия (и ее логическое разрушение Версиловым и Макаром) — практическая дискредитация зла, приносимого миллионами, в жизни Пьера.

О миллионах в отличие от Аркадия Долгорукого Пьер не мечтал: «случайность» его рождения не повлекла за собой социальных и нравственных ущемлений, испытанных в детстве Подростком. Но неожиданно «свалившееся» на него богатство кардинально изменило его жизнь, приведя в итоге к первому духовному кризису. Здесь следует отметить также, что о возможном (а впоследствии ставшем реальным) зле, которое должны были принести Пьеру неожиданно обретенные миллионы, Толстой считает необходимым сказать сразу же после получения героем наследства. Это столь важное для судьбы Пьера предвидение автор вкладывает в уста княжны Марьи, с юности мечтавшей стать странницей. Относясь к Пьеру как к человеку «прекрасного сердца», она тем не менее писала Жюли Карагиной: «Такому молодому быть отягощенным таким огромным состоянием — через сколько искушений надо будет пройти ему! Если б у меня спросили, чего я желаю более всего на свете, — я желаю быть беднее самого бедного из нищих» (*Толстой,* т. 9, стр. 114).

Незаконный сын графа Безухова, встречаемый в свое первое появление в петербургском обществе поклоном, «относящимся к людям самой низшей иерархии», сделавшись наследником огромного состояния, становится «центром какого-то важного общего движения» (*Толстой,* т. 9, стр. 245), попадает в ложное нравственное положение. Деньги обрекают его на нравственный плен — брак с Элен; свобода обретается путем отдачи жене подавляющей части своего состояния. Нравственная несвобода, пришедшая к Пьеру с миллионами, связывается в сознании героя (уже после дуэли с Долоховым и разрыва с женой) с темой «добра и зла»: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить и что такое я? Что такое жизнь, что смерть?.. И зачем нужны эти деньги? Точно на один волос могут прибавить ⟨...⟩ счастья, спокойствия души, эти деньги?» (*Толстой,* т. 10, стр. 65).

Восходящая к просветительскому учению о «естественной нравственности» проблематика «добра» и «зла» связывалась Толстым с центральной для него темой нравственного совершенствования человека и выливалась в конечном счете, как и у Достоевского, в поиски путей к другим людям, к установлению «всеобщей мировой гармонии». Еще в 1853 г., подводя итоги определенному периоду собственного нравственного совершенствования, Толстой писал: «Средство к доброй жизни есть знание добра и зла. Но достаточно ли для этого целой жизни? И ежели всю жизнь посвятить на это, разве мы не будем ошибаться и невольно делать зло?» И тогда же говорил о добре как о «соединяющем начале», а о зле как о «разъединяющем» (*Толстой,* т. 46, стр. 129, 286).

Именно на «добро» сознательно ориентируется самопознающий и совершенствующий себя герой автобиографической трилогии. В «Севастопольских рассказах» Толстой подчеркивает неясность границы между «добром» и «злом», наполненными реальным жизненным содержанием. А в эпилоге «Севастополя в мае» так формулирует центральную проблему рассказа и главную задачу собственных духовных исканий: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать?» (*Толстой,* т. 4, стр. 59). В «Войне и мире» «добро» и «зло» личное, и соотношение этих понятий с благом общим — в центре большинства диалогов Пьера и Андрея.[1]

---

[1] Ср.: И. П. Егорова. Проблемы добра и зла в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». В кн.: Вопросы русской, советской и зарубежной литературы, Хабаровск, 1972, стр, 67—86, (Хабаровский пед. ин-т.),

Вся эта проблематика «Войны и мира» находилась в русле размышлений Достоевского о герое, ищущем, «что добро», «что зло». Но «культурному типу», созданному Толстым и олицетворявшему «благообразие» (в понимании Достоевского), писатель противопоставляет другой «культурный тип», стремящийся к «благообразию», но никогда не способный достичь его. В этой неспособности обрести «благообразие» Достоевский и видит симптоматичную для эпохи черту человека, сознание которого историческими обстоятельствами обречено отстаивать себя в «хаосе понятий». Интерпретацию этого качественного отличия своего «культурного типа» Достоевский излагает в наброске «Для предисловия» в мартовских черновых записях 1875 г. к «Подростку». Болконский, Безухов и Левин рассматриваются здесь Достоевским как герои «мелкого самолюбия»: они способны духовно переродиться под влиянием положительного примера либо под воздействием исключительной ситуации. Трагизм подполья, состоящий, по Достоевскому, «в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его», исключает для героя Достоевского возможность такого коренного духовного изменения. Перерождение Пьера Безухова под влиянием Платона Каратаева соотносится Достоевским с невозможностью духовной революции в Версилове, несмотря на огромное влияние на него идей Макара. По мысли Достоевского, Толстой не должен был дать Пьеру обрести «благообразие» даже на короткий момент.

Аркадий, как и Версилов, «благообразия» обрести не может. Уже в ранних набросках к роману он противопоставляет себя герою толстовской трилогии. В диалоге с Лизой заявляет: «„Детство и отрочество". Поэт мелкого самолюбия». Несколько позднее «старое общество Левиных» признается им неспособным указать путь к максимальной реализации духовного потенциала личности: «Он борется, конечно, с мыслию, что Версилов — исключение, идеал. Однако догадывается и *своим умом доходит*, что эти идеалы у нас целиком есть в действительности, что они-то и влияют, что в них-то и *главное дело* ⟨...⟩ а не старое общество Левиных (гр. Толстой) и что теми идеалами ничего не возьмешь» (XVI, 390). Нежизнеспособность «Ростовых» — в разложении «старых, законченных форм». В черновом наброске письма Николая Семеновича отмечается: «...вместо семейства родового (Ростовы), семейство возникающее, род эфемерный, новый, ищущий благообразия и своего уровня и даже (новых) форм» (XVI, 410).[1]

Художественная полемика с Толстым как изобразителем «средне-высшего» дворянского круга в подготовительных материалах не мешает ориентации на опыт Толстого-повествователя: «Свидание и обстановку этого свидания, с подробностями à la Л⟨ев⟩ Т⟨олстой⟩ непременно передать в рассказе Подростка». Или — в характеристике Аркадия: «Внезапное объяснение читателю себя самого (для ясности à la Лев Толстой)» (XVI, 87, 360).

Прямые и косвенные ассоциации с Шекспиром, Руссо, Гете, Гейне, Гюго, Диккенсом (характерные для всего творчества Достоевского) возникают в черновых материалах к «Подростку» при идейно-художественной реализации ряда мотивов и разработке отдельных сцен. В поле зрения Достоевского «Гамлет», «Отелло», «Исповедь» Руссо, «Фауст», стихотворение из Гейне «Покой» [2] (из цикла «Северное море»), «Отверженные» и «93-й год» Гюго, «Давид

---

[1] В черновиках к «Бесам» есть следующая запись, характеризующая Ставрогина: «Совершенно обратный тип, чем ⟨...⟩ отпрыск того благородного графского дома, которого изобразил Т⟨олстой⟩ в „Детстве" и „Отрочестве"». В литературе отмечалась полемичность оценки Достоевским «высшего слоя русских людей», описываемого Толстым «как незыблемого и неоспоримого» в своей основе: ведь и семьи, изображаемые Толстым в автобиографической трилогии, «Войне и мире» и «Анне Карениной», были далеки от того внутреннего «благообразия», к которому стремились герои Достоевского (Г. М. Фридлендер. Достоевский и Лев Толстой. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 67—87).

[2] У Достоевского оно названо «Видение Христа на Балтийском море».

Копперфильд», «Лавка древностей», «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса. Характер восприятия отдельных сцен и мотивов из этих произведений и их интерпретация в сюжете «Подростка» рассмотрены В.Л. Комаровичем и А. С. Долининым.[1]

В подготовительных материалах упоминаются «Дон-Кихот» Сервантеса, роман Лесажа «Похождения Жиль Блаза из Сантильяны». К концу августа 1874 г. относится запись: «Вообще весь роман через лицо Подростка, ищущего правды жизненной (Жиль Блаз и Дон-Кихот), может быть очень симпатичен» (XVI, 63). В ноябре, описывая визит Подростка к Васину, Достоевский замечает: «Когда он ночью у Васина, то излагает ему часть сущности идеи (Санхо-Панса)». Последняя запись позволила А. С. Долинину связать мечту Аркадия стать «независимым королем острова» с надеждой Санчо Пансы сделаться правителем острова, который завоюет ему Дон-Кихот.[2] В сознании Достоевского с образом Дон-Кихота ассоциируются и искания Аркадия. Если осуществление «идеи Ротшильда» требует от него благоразумия, здравого смысла и других неотъемлемых качеств «золотой середины», свойственных Санчо Пансе (а именно к «золотой середине» относит Достоевский оруженосца, преданного Дон-Кихоту), то другая сторона личности Подростка, ищущая идеала, заставляющая неоднократно соотносить «свою идею» с важной для него потребностью творить добро и расценивающая «свою идею» в конечном счете как причину отступлений от «обязанностей человека», — восходит к Дон-Кихоту. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский отмечал, например: «Поверьте, что Дон-Кихот свои выгоды тоже знает и рассчитать умеет: он знает, что выиграет в своем достоинстве и в сознании этого достоинства, если по-прежнему останется рыцарем; кроме того, убежден, что на этом пути не утратит искренности в стремлении к добру и к правде и что такое сознание укрепит его на дальнейшем поприще».

Девятнадцатилетний Аркадий, ищущий ответ на вопрос — «где правда жизни?», сопоставляется Достоевским и с Жиль Блазом. Герой романа Лесажа оставляет родной дом и отправляется странствовать в поисках своего места на земле. Мудрость жизни он постигает, проходя через целый ряд падений, разочарований, самоосуждений. В нем сочетаются и практичность, столь свойственная «золотой середине», и «идеализм», ставящий его в трагикомическое положение. Достоевский дважды — в письме к Д. Д. Кишенскому от 5 сентября 1873 г. и во второй главе повести «Кроткая» — вспоминает об эпизоде, относящемся к службе Жиль Блаза у архиепископа Гренадского: Жиль Блаз был изгнан из дома архиепископа за то, что, выполняя настоятельную просьбу архиепископа быть искренним в оценке его ораторского искусства, сообщил, что его речь, произнесенная после случившегося удара, была слабее предыдущих. В указанном письме к Д. Д. Кишенскому этот эпизод Достоевский называет «классической и вековечной историей». Романы Сервантеса и Лесажа связываются в сознании Достоевского не только в приведенном выше определении жизненного пути Аркадия Долгорукого, но и значительно позднее. В письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г., рекомендуя круг чтения для дочери адресата, Достоевский писал: «Познакомьте ее с литературой прошлых столетий (Дон-Кихот и даже Жиль Блаз)».

---

[1] См.: *Долинин*, стр. 176—186; см. также: *Розенблюм*, стр. 43; В. Л. Комарович. Достоевский и Гейне. «Современный мир», 1916, № 10, стр. 97—107; А. Л. Бем. Гюго и Достоевский. (Литературный обзор). «Slavia», 1937, т. XV, ч. 1, стр. 73—86; И. Катарский. Диккенс в России. Середина XIX века. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 357—401; см. также ниже, стр. 388, 390.

[2] См.: *ЛН*, т. 73, стр. 490—491. Об отношении Достоевского к Сервантесу см. в комментариях к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 400—402). См. также: С. Г. Бочаров. О композиции «Дон-Кихота». В кн.: Сервантес и всемирная литература. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 103—104.

Так, размышления Достоевского над величайшими созданиями русской и мировой литературы, отразившиеся в рукописях к роману «Подросток», определяются замыслом произведения о герое, стремящемся постичь, «что добро» и «что зло».

19

Печатая роман «Подросток» в «Отечественных записках», Достоевский заранее ждал выражений неодобрения со стороны литераторов, близких «Русскому вестнику». Приехав в Петербург из Старой Руссы в феврале 1875 г., т. е. в дни, когда печаталось окончание первой части, Достоевский чутко следит за реакцией на роман своих литературных друзей. В письмах к жене от 6 и 12 февраля он отмечает изменившееся отношение А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова, которые намеренно не говорят с ним о романе, «видимо, не желая меня *огорчать*» (письмо от 6 февраля). Впрочем, Страхов тогда же высказал свое общее мнение: «„Подросток" ему не совсем нравится, — сообщал Достоевский жене 8 февраля 1875 г. — Он хвалит реализм. но находит несимпатичным, а потому скучноватым». После появления конца первой части в февральском номере «Отечественных записок» Страхов писал Достоевскому 21 марта 1875 г., что эта часть «имела большой успех, читалась как нельзя усерднее». Особенно положительно оценил он «эпизод повесившейся девушки», «разговор с сестрою» (т. е. конец I части) и изображение характера Подростка. («Смешение в Подростке добра и зла и даже доброты и злобы — очень живая черта и глубокий предмет».) В то же время он отмечает неясность характера Версилова и непонятность некоторых сцен в конце первой и начале второй части, когда «читатель никак не может сам догадаться об отношениях лиц». «Но тема у Вас, — заключал Страхов, — взята великолепная, и все ждут чудес от ее развития, по крайней мере я жду, публика же несомненно покорена, то есть будет уже следить за Вами с жадностью» (*Шестидесятые годы*, стр. 274).

Очень близко к сердцу принимает Достоевский и отзывы о «Подростке», исходящие от редакции «Отечественных записок». По приезде в Петербург он сообщает жене: «Вчера первым делом заехал к Некрасову, он ждал меня ужасно, потому что дело не ждет; не описываю всего, но он принял меня чрезвычайно дружески и радушно. Романом он ужасно доволен, хотя 2-й части еще не читал (имеется в виду окончание первой части, которое должно было печататься в февральском номере журнала, — *ред.*), но передает отзыв Салтыкова, который читал, и тот очень хвалит» (письмо от 6 февраля 1875 г.). А в письме А. Г. Достоевской от 9 февраля с радостью сообщает, что накануне у него был Некрасов. «Он пришел, „чтоб выразить свой восторг по прочтении конца первой части" (которого он еще не читал, ибо перечитывает весь номер лишь в окончательной корректуре перед началом печатания книги). „Всю ночь сидел, читал, до того завлекся, а в мои лета и с моим здоровьем не позволил бы этого себе". „И какая, батюшка, у Вас свежесть (ему всего более понравилась последняя сцена с Лизой). Такой свежести, в наши лета, уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе лишь повторение того, что я и прежде у него читал, только в прежнем лучше" (это Некрасов говорит). Сцену самоубийства и рассказ он находит „верхом совершенства". И вообрази: ему нравятся тоже первые две главы. „Всех слабее, говорит, у вас восьмая глава" (это та самая, где он спрятался у Татьяны Павловны), „тут много происшествий чисто внешних" — и что же? Когда я сам перечитывал корректуру, то всего более не понравилась мне самому эта восьмая глава, и я многое из нее выбросил. Вообще Некрасов доволен ужасно». Сообщив далее о решении денежных и организационных вопросов, Достоевский заключает: «Одним словом, в результате то, что мною в „Отеч⟨ественных⟩ записках" дорожат чрезмерно и что Некрасов хочет начать совсем дружеские отношения».

Позднейших отзывов Некрасова о «Подростке» до нас не дошло, но сохранился отзыв М. Е. Салтыкова-Щедрина: в письме Н. А. Некрасову

от 3 (15) июня 1875 г., характеризуя майский номер «Отечественных записок», он заметил, что художественный отдел журнала вообще плох, а «роман Достоевского просто сумасшедший» (*Щедрин*, т. XVIII, стр. 292). Напрашивается вывод, что, печатая роман Достоевского, руководители «Отечественных записок» испытывали противоречивые чувства. Они были рады видеть на страницах журнала произведение одного из крупнейших современных писателей, но вместе с тем боялись упреков в отходе журнала от его направления. Эти сомнения выразились в особом отступлении Н. К. Михайловского в статье «Буря в стакане педагогической воды» (из серии «Записки профана»), напечатанной в том же январском номере «Отечественных записок», что и первые главы «Подростка». Критик заявляет здесь, что «Отечественные записки», как и всякий другой журнал, не могут, разумеется, брать на себя полную ответственность за все в них печатаемое. Причина в том, что журнал издается в очень неблагоприятных условиях. С одной стороны, цензурные притеснения, с другой — недостаток материала, который бы отвечал требованиям редакции и в котором совмещались бы три фактора: «достойный внимания фактический материал, талантливость его обработки и известная точка зрения на вещи». Поэтому приходится, особенно в беллетристическом отделе, печатать вещи или «ради их богатого фактического содержания, или только ради таланта автора». Однако и направление мысли автора все же не может «опускаться из виду». «Например, с этой же книжки „Отечественных записок“ начинается печатание романа г. Достоевского „Подросток“. В нем читатель найдет ⟨...⟩ сцену у Дергачева, где молодые люди ведут какой-то странный политический разговор. В сцене есть некоторые подробности, весьма напоминающие недавнее дело (например, присутствие в обществе молодого крестьянина, слова: „надо жить по закону природы и правды“ и т. п.).[1] Я уже говорил однажды, именно по поводу „Бесов“, о странной и прискорбной мании г. Достоевского делать из преступных деяний молодых людей, немедленно после их раскрытия, исследования и наказания, тему для своих романов.[2] Повторять все это тяжело и не нужно. Скажу только, что редакция „Отечественных записок“ в общем разделяет мой взгляд на манию г. Достоевского. И тем не менее „Подросток“ печатается в „Отечественных записках“. Почему? Во-первых, потому, что г. Достоевский есть один из наших талантливейших беллетристов, во-вторых, потому, что сцена у Дергачева со всеми ее подробностями имеет чисто эпизодический характер. Будь роман на этом именно мотиве построен, „Отечественные записки“ принуждены были бы отказаться от чести видеть на своих страницах произведение г. Достоевского, даже если б он был гениальный писатель» (*Михайловский*, т. 3, стр. 301—302). Как отметил А. С. Долинин, смысл этих слов заключается в том, что Достоевский «сто́ит того, чтобы за него бороться, предоставив ему возможность не быть столь связанным с „Русским вестником“ Каткова» (*Долинин*, стр. 93). И все-таки редакция «Отечественных записок», публикуя роман, ждала не меньше, чем Достоевский, печатных выпадов и обвинений. И они не заставили себя ждать.

Первым печатным откликом явилась статья В. Г. Авсеенко «Очерки текущей литературы. Новогодняя книжка „Отечественных записок“. Чем отличается роман г. Достоевского, написанный для этого журнала, от других его романов, написанных для „Русского вестника“. Нечто о плевках, пощечинах и т. п. предметах» (*РМ*, 1875, № 27, 29 января. Подпись: А. О.). Уже из заглавия статьи видно, что близкий «Русскому вестнику» Авсеенко преследовал цель не объективно разобрать и проанализировать новое произведение Достоевского, но принизить его, а заодно затронуть и редакцию «Отечественных записок». Первая часть романа не закончилась печатанием, а Авсеенко делает выводы, что новый роман — одно из самых слабых, не-

---

[1] Намек на политический процесс долгушинцев (см. ниже, стр. 365, 366).
[2] См. статью Н. К. Михайловского «Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г.». *ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 321—324. См. также: наст. изд., т. XII, стр. 264—265.

удавшихся произведений Достоевского. Начав с обвинения «Отечественных записок» в отсутствии направления, в беспринципности и угождении требованиям публики (в угоду которой журнал печатает чуждого ему по духу, но известного писателя Достоевского), Авсеенко выражает сомнение в том, что, как заявлено в «Записках профана» Михайловского, сцена у Дергачева — лишь побочный эпизод. По его мнению, «герой романа изображен именно с теми чертами, с какими фигурируют в уголовной летописи герои наших последних политических процессов, и по самому характеру повествования „Подросток", очевидно, вышел прямо из „Бесов"». Связь нового романа с «Бесами» подчеркивается Авсеенко: «Автор снова вводит читателя в душное и мрачное подполье, где копошатся недоучившиеся маньяки, жалкие выскребки интеллигенции, безвольная и бездольная жалочь, люди, „съеденные идеей", спившиеся фразеры и тому подобная тля, возможная только при условиях подпольного, трущобного существования». Все недостатки художественной манеры Достоевского особенно заметны в «Подростке». Это «бесконечные разговоры между лицами одного и того же типа, выражающимися одним и тем же языком, отсутствие всякого действия, за исключением расточаемых на все стороны пощечин, невыясненность и, так сказать, недействительность большей части лиц». Кроме того, Авсеенко обвиняет Достоевского в безнравственности. Раньше этот порок проявлялся в меньшей степени «благодаря тому, что редакция „Русского вестника", где прежде печатался г. Достоевский, делала в его романах значительные опущения (Авсеенко намекает на то, что по требованию Каткова из текста «Бесов» была исключена глава «У Тихона», — *ред.*). Новая редакция, вероятно, оказалась менее взыскательною, и нынче г. Достоевский является в своем собственном, неисправленном виде... И об этом нельзя не пожалеть». Критик делает такой вывод: «Если считают ядовитыми для общества сладострастные изображения французских романистов, то еще более ядовитою надо считать литературу, которая держит читателя в смрадной атмосфере подполья и мало-помалу, помимо намерений автора и, быть может, даже вопреки им, притупляет его обоняние, приучает его к этому смрадному воздуху. Тем хуже, когда все это маскируется мнимой глубиной психологического анализа и морализацией à la Жан-Жак Руссо». Авсеенко заявляет о полном равенстве между Аркадием Долгоруким и «бесами» вроде Шигалева и Петра Верховенского и утверждает, что политический элемент в романе будет ведущим. «И куда же спрятать самую идею романа — анализ нравственного растления и уродства, наблюдаемого автором в известной части нашего „нового" общества?»

После выхода февральской книжки «Отечественных записок», где был опубликован конец первой части «Подростка», Авсеенко вернулся к роману (см.: А. О. [В. Г. Авсеенко]. Очерки текущей литературы. Еще о «Подростке» г. Достоевского. *РМ*, 1875, № 55, 27 февраля), посвятив новую статью в основном разбору эпизода, содержащего рассказ о самоубийстве Оли. И снова упрек в безнравственности романа, являющейся следствием безнравственности его автора: «Читатель продолжает чувствовать себя в нестерпимой атмосфере грязного и мрачного подполья. Его обступает какая-то дикая, каторжная жизнь, где на каждом шагу имеют место явления, присущие острогу или дому терпимости, — явления, изображаемые с тем отпечатком искренности, от которого под конец несказанно гадко становится на душе». О том, насколько Авсеенко не понял (а может быть, и намеренно исказил) смысл романа, говорит его характеристика роли Версилова в эпизоде с Олей. «Благотворитель, так хорошо умевший распознать в этом неискусном объявлении (объявлении в газете об уроках, — *ред.*) крик голода, рассчитывает эксплуатировать случай для своих плотоядных целей». Главное обвинение по адресу Достоевского — в отрыве от действительной жизни.

Иной позиции придерживается либерально-народнический критик А. М. Скабичевский, который посвятил первой части «Подростка» большую статью: «Мысли по поводу текущей литературы. Нечто о романах г. Ф. Достоевского вообще. «Подросток», роман г. Ф. Достоевского, часть первая» (*БВ*, 1875, № 35, 6 февраля; подпись: Заурядный читатель). По словам Достоевского, Страхов так пересказал ему основное содержание этой статьи:

«В ней не то что хвалят, но говорят, что до сих пор многие принимали типы Достоевского отчасти за фантастические, но, кажется, пора разубедиться и признать, что они глубоко реальные и проч. в этом роде» (письмо А. Г. Достоевской от 8 февраля 1875 г.). Действительно, Скабичевский признает, «что никогда романы г. Ф. Достоевского не были столь современны, как именно в настоящее время». Вместе с тем Скабичевский говорит об искажении писателем действительности, так как он берет за основу явления, редко встречающиеся в реальной жизни. Достоевский не просто показывает страдания и патологические болезненные состояния человеческой души, но и читателя заставляет участвовать «в галлюцинациях ⟨...⟩ героев и переживать вместе с ними все их нравственные муки». Причина этого, по мнению критика, в нарушении норм и законов искусства, иными словами, в натурализме. «Вообразите, что искусство не ограничивалось бы только тем, чтобы представить перед вами на сцене грозу как можно натуральнее и заставить вас почувствовать всю прелесть этой картины, но поставило бы себе целью произвести над вашими головами настоящую грозу и заставить вас подвергнуться всем ее неприятностям. Представьте себе, что на сцене герои драмы убивали бы друг друга в самом деле, а в представлении сражения над вашими головами свистели бы пули. Очевидно, что вам было бы не до эстетических восторгов и вы бежали бы из театра ⟨...⟩ Как хотите, а это не искусство, — делает вывод Скабичевский, — иначе следует назвать искусством всякое такое действие, которое имеет своей целью произвести сильное впечатление на ваши нервы, так что даже и трение пробкой по стеклу будет тоже искусством, потому что способно довести до истерики иного нервного человека». Однако «слишком односторонними» романы Достоевского теперь уже не могут казаться, так как в современной жизни произошли такие изменения, вследствие которых исключительность героев и ситуаций Достоевского все больше становится чуть ли не нормой. Скабичевский говорит о распространившейся эпидемии самоубийств, в том числе самоубийств патологических, вызванных не объективными, но субъективными причинами. Все это отражается в романах Достоевского, и патологические свойства их «делаются не случайными свойствами, зависящими от одного только склада личности писателя, а стоят в связи с целою сериею условий нашей жизни». Общественный подъем 60-х годов был очень кратким, и вот снова воскресли Рудины «во всей своей прежней красе». Поэтому именно теперь романы Достоевского «приобретают вполне современное значение»: «полусумасшедшие герои этих романов» — «разошедшиеся сами с собой» люди, которые стремятся отгородиться от мира, «выйти из обычной колеи, прослыть необыкновенными существами». Таков и Аркадий Долгорукий, характер которого, мечты и поведение верно изображены автором. «Все это весьма естественно, и в дурно воспитанных подростках нередко создаются подобного рода колоссальные замыслы вроде приобретения ротшильдовского богатства или завоевания целого света, так что замысел нового романа г. Достоевского весьма оригинален и недурен».

Из всех печатных откликов на опубликование первой части романа наиболее сочувственным был разбор «Подростка» Вс. С. Соловьевым в «С.-Петербургских ведомостях». Критик касается романа в двух обзорах «Наши журналы», посвященных январской и февральской книжкам «Отечественных записок» (*СПбВед*, 1875, №№ 32 и 58. 1 февраля и 1 марта. Подпись: Sine Ira). Первую из этих статей Достоевский прочел еще в Старой Руссе, а в Петербурге выяснил и имя автора. 6 февраля 1875 г. он писал А. Г. Достоевской: «У Пуцыковича же узнал, что Sine Ira в С.-Петербургских ведомостях — вообрази кто! — Всеволод Сергеевич Соловьев!» Отзывы Вс. С. Соловьева отличаются тактичностью и явным сочувствием таланту Достоевского. Он отмечает его психологический анализ, преимущественное внимание к мрачным, болезненным явлениям, порожденным действительностью (например, участившиеся самоубийства находят отражение в романах Достоевского, в том числе в «Подростке»). Соловьев видит в Аркадии Долгоруком порождение эпохи и жертву социальной несправедливости (происхождение, воспитание). Вместе с тем критик отмечает своеобразие Достоевского в ряду других

писателей, трудность его восприятия читателем. «Г-н Достоевский, несмотря на бесспорный и выходящий из ряду талант, признаваемый за ним даже его литературными врагами, не может назваться любимцем русской читающей публики, значительная часть которой просто-напросто *боится* его романов» (*СПбВед*, 1875, № 32). Соловьев отмечает мастерскую характеристику Аркадия Долгорукого, подчеркивая не только его изломанность и озлобленность, но и доброту, юношескую непосредственность и резкость, подчас производящую комическое впечатление (сцены со старым князем). Критик вообще отмечает, что Достоевскому удаются не только трагические сцены, но что он мастер юмора, — в этом отношении его можно сравнить с Диккенсом. Хотя роман еще только начал печататься, Соловьев считает, что это глубокое и значительное произведение и всякий серьезный читатель непременно должен следить «за художником, глубокий талант которого рисует перед ним большую, животрепещущую картину, полную света и тени, полную горя, любви и страдания».

Критические выступления столичных газет повлияли на первые провинциальные отклики о романе. Так, обозреватель «Одесского вестника» С. Т. Герцо-Виноградский в своих «Литературных и общественных заметках» под псевдонимом Z.Z.—Z. дважды обратился к «Подростку» («Одесский вестник», 1875, №№ 36 и 58, 13 февраля и 13 марта). Его отзыв во многом сходен с выступлениями Авсеенко. Герцо-Виноградский говорит о «нравственном безобразии» Аркадия Долгорукого, подчеркивает связь «Подростка» с «Бесами». «Г-н Достоевский продолжает и в этом романе смотреть на молодую Россию как на какой-то скотный двор Авгия, запруженный нечистотами...» Во второй статье обозреватель «Одесского вестника» говорит о незнании Достоевским подлинной жизни. «Читая „Бесов", „Подростка", вы точно попадаете в неведомый вам мир, где действующие лица не имеют ничего общего с обыкновенными людьми: ходят вверх ногами, едят носом, пьют ушами; это какие-то исчадия, выродки, аномалии, психические нелепости». Подобно большинству критиков Герцо-Виноградский останавливается на эпизоде с Олей. Но и этот эпизод, по его словам, показывает отсутствие глубины и мысли в Достоевском, неумение его анализировать действительную жизнь. Ему не удалось здесь ни объяснить психологию самоубийцы, ни показать подлинные причины самоубийства, а он, видимо, претендовал на это. Утверждая, что талант Достоевского, который прежде был «певцом униженных и оскорбленных», падает, так как после «Записок из Мертвого дома» писатель пошел по ложному пути, Герцо-Виноградский повторяет уже высказывавшееся в русской критике мнение об отречении Достоевского 70-х годов от его прежних прогрессивных взглядов.[1]

В полемику с «Одесским вестником» по поводу «Подростка» вступил «Новороссийский телеграф», анонимный обозреватель которого поместил очень сочувственный отзыв о романе в № 43 от 22 февраля 1875 г. Он не видит в новом романе Достоевского «поклепа на молодое поколение», однако анализ образов Аркадия Долгорукого и особенно Версилова[2] и матери Подростка показывает, что в этом произведении он прежде всего усматривает обличительный роман на социальную тему, бичующий пороки высших классов общества.

Большинство критических откликов на первую часть романа, как враждебных, так и сочувственных, не удовлетворили Достоевского. Он еще раз убедился в том, что современная критика не понимает его эстетических позиций. Писатель собирался ответить своим критикам и с этой целью 22 марта 1875 г. набросал программу будущего предисловия к роману. Здесь он возражает на некоторые их конкретные замечания. Таково, например, возражение Скабичевскому, упрекавшему Достоевского в натурализме: «Гово-

---

[1] Ср. статью П. Н. Ткачева о «Бесах» — «Больные люди» (см. «Дело», 1873, № 3).

[2] О Версилове сказано, что это был «развратный молодой человек, которому казалось, что ничто так не пристойно молодому барину, как согрешить с миловидной дворовой вертушкой».

рили, что я изображал гром настоящий, дождь настоящий, как на сцене. Где же? Неужели Раскольников, Ст⟨епан⟩ Трофимович (главные герои моих романов) подают к этому толки?» Другое возражение адресовано Герцо-Виноградскому: «Говорят, что Оля недостаточно объяснила, для чего она повесилась. Но я для глупцов не пишу». Главные же упреки Авсеенко, Герцо-Виноградского и отчасти Скабичевского в искажении действительности, в выдуманности и фантастичности героев, в одностороннем изображении исключительно патологических, болезненных ситуаций Достоевский считает несостоятельными. Он утверждает, наоборот, что именно он показывает то существенное в жизни, чего не замечает большинство. «Талантливые писатели наши, высокохудожественно изображавшие жизнь средне-высшего круга (семейного), Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила». И еще один упрек критики, упрек в исключительном внимании ко всему больному и уродливому, вызывает резкое возражение Достоевского. «Подполье, подполье, поэт подполья, — фельетонисты повторяли это как нечто унизительное для меня. Дурачки, это моя слава, ибо тут правда» (XVI, 330; см. также ниже, стр. 421).

Предисловие осталось наброском, однако Достоевский позднее не раз возвращался к проблемам, затронутым в нем, полемизируя со своими критиками. Так, для резкого выступления Достоевского против Авсеенко в апрельском выпуске «Дневника писателя» на 1876 г. (гл. 1) поводом послужила статья Авсеенко, напечатанная в мартовском номере «Русского вестника» за 1876 г., но Достоевский, конечно же, имел в виду и прошлогодние выступления обозревателя «Русского мира», хотя не упоминал их. В записной тетради 1876 г. среди набросков к статье об Авсеенко Достоевский замечает: «Нападали прошлый год, извращали рассказ о повешенной (т. е. эпизод о самоубийстве Оли в «Подростке», — *ред.*). Я бы не отвечал, но извращение моих слов про народ я не могу простить». В первой из статей апрельского выпуска «Дневника» Достоевский характеризует Авсеенко-критика, во второй — Авсеенко-писателя. Достоевский утверждает, что Авсеенко-критик не понимает значения гуманистической, высокоидейной литературы, не видит, в чем подлинная ее ценность, предпочитая пошловатый французский водевиль сатирической комедии Островского. Авсеенко-писатель проявляет тот же дурной вкус, ту же примитивность мысли — «изображает собою, как писатель, деятеля, потерявшегося на обожании высшего света».

Выступление против Авсеенко — один из ответов Достоевского на критику первой части «Подростка».

Последующие части «Подростка» публиковались с перерывами, нерегулярно и, возможно, потому не привлекли особого внимания критики. Отдельные упоминания о печатающемся еще романе содержались в некоторых статьях и частной переписке. Так, дважды (и оба раза сочувственно) вспомнил о «Подростке» Вс. Соловьев, после того как он начал сотрудничать в «Русском мире». Первый раз в обзоре «Русские журналы», написанном не без воздействия идей «Подростка» (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 483), Вс. Соловьев назвал Достоевского «мыслящим наблюдателем», относящимся к окружающей жизни «с чувством глубокого сострадания», «говорящим с нами именно о том, о чем нужно, и именно тем тоном, каким нужно» (*РМ*, 1875, № 262, 24 декабря). И упомянув о романе, «окончание ⟨...⟩ которого должно на днях выйти в последней книге „Отечественных записок“», Соловьев замечает: «В течение года толки газетных критиков не были особенно благоприятны этому роману; но дело в том, что на романиста пока нападали только за внешнюю сторону его произведения да указывали на некоторые подробности этого, во всяком случае глубоко задуманного и многое затрагивающего романа. Мы думаем, что, перечтя его с начала до конца, следует отнестись к нему иначе» (там же).

24 января 1876 г. Вс. Соловьев снова вернулся к «Подростку» в статье «Современная литература», вступив в полемику с «Иллюстрированной газетой», где 3 января 1876 г. были опубликованы «Петербургские письма», содержащие резкий выпад по адресу Достоевского и его последнего романа,

Разбирая декабрьский номер «Отечественных записок», автор «Петербургских писем» относил «Подростка» к числу слабых, неудачных произведений и утверждал, что он напечатан «только в уважение имени его автора». Тут же, искажая замечание Михайловского в январском выпуске «Записок профана» (см. выше, стр. 346), рецензент утверждал, что сама редакция «Отечественных записок» осуждает «прискорбную манеру» Достоевского, в последних романах которого изобилуют «инсинуации и клеветы на молодое поколение». Вс. Соловьев осудил это выступление «Иллюстрированной газеты». Он привел подлинный текст высказывания Михайловского и заявил, что «автор „Петербургских писем“ в „Иллюстрированной газете“ *от себя выдумал*, будто редакция „Отечественных записок“ и г. Н. М⟨ихайловский⟩ оклеветали и печатно оскорбили Ф. М. Достоевского и что Ф. М. Достоевский, несмотря на эту клевету и оскорбление, продолжал печатать свой роман в „Отечественных записках“» (*РМ*, 1876, № 23, 24 января).

Все эти выступления печати обращали на себя пристальное внимание Достоевского. В записной тетради 1875—1876 гг. он отметил высказывания Вс. Соловьева в «Русском мире» 24 декабря 1875 г. («статья В. С⟨оловьева⟩ обо мне») и «Иллюстрированной газеты» («Клевета на меня в „Иллюстрированной газете“»).

О внимании к статьям Вс. Соловьева говорит и письмо к нему Достоевского от 28 декабря 1875 г. Вс. Соловьев был единственным критиком, который высоко оценил «Подростка» еще до окончания публикации романа.

Почти в то же время высказал свое мнение о романе Достоевского И. С. Тургенев. В письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину из Парижа от 25 ноября (7 декабря) 1875 г., упоминая о еще незавершенном в то время романе Э. Гонкура (задуманном братьями совместно еще в 1860-х годах) «La fille Elisa» («Девка Элиза», 1877), он замечает: «Во всяком случае это не „Подросток“ Достоевского. Получив последнюю (ноябрьскую) книжку „О⟨течественных⟩ з⟨аписок⟩“, я заглянул было в этот хаос: боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому не нужное бормотанье, и психологическое ковырянье!! Вот к кому всецело применяется то, что Вы сказали в своем письме об этом последнем роде» (*Тургенев, Письма,* т. XI, стр. 164).[1] Резкость суждения Тургенева, возможно, была вызвана его обидой на Достоевского за «Бесы» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 225—226), но надо учитывать и расхождение эстетических идеалов писателей и их художественной манеры.

Некоторые читательские отзывы современников о романе «Подросток» приведены в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 441).

После окончания публикации «Подростка» в декабре 1875 г. хлынула новая волна критических откликов, касающихся теперь всего произведения в целом. Все же надо сказать, что «Подросток» привлек меньше внимания, чем другие романы Достоевского, в частности «Бесы», он не вызвал большой дискуссии в тогдашней критике и не повлек за собой значительных критических выступлений.

Из всех откликов 1876 г. наиболее серьезным по тону и глубоким по мысли был разбор «Подростка» в статье П. Н. Ткачева «Литературное попурри» (подпись: П. Никитин, «Дело», 1876, №№ 4—8). Анализу «Подростка» посвящены VII—X ее главы. После двух статей о «Бесах», в которых высказано резко отрицательное отношение к роману (см.: наст. изд., т. XII, стр. 260—261), Ткачев снова обратился к творчеству Достоевского. И здесь, как отметил А. С. Долинин, улавливается иное отношение к писателю, и прежде всего иной тон (см.: *Долинин,* стр. 205). Ткачев называет Достоевского «одним из замечательнейших и ⟨...⟩ одним из первоклассн
ейших художников нашего времени» (*Ткачев,* т. IV, стр. 59). Однако вслед за этой общей высокой оценкой критик высказывает и ряд оговорок, зачастую сводящих ее на нет.

---

[1] Имеется в виду отзыв Салтыкова-Щедрина о романах Гонкуров и Золя, содержащийся в не дошедшем до нас письме к Тургеневу. Сохранился другой резко отрицательный отзыв о них Щедрина в письме к П. В. Анненкову от 20 ноября (2 декабря) 1875 г. (см.: *Щедрин,* т. XVIII, стр. 324).

Ткачев повторяет характеристики, уже ставшие общим местом в критических статьях о Достоевском: «...почти все действующие лица в его произведениях являются людьми односторонними, не вполне нормальными, весьма сильно смахивающими на пациентов из сумасшедшего дома» (*Ткачев*, т. IV, стр. 60). «Автор не в состоянии создать целостного, всесторонне гармонически развитого художественного характера» (там же), — продолжает Ткачев и приходит к общему выводу: «...значение г. Достоевского как художника с чисто эстетической точки зрения очень и очень невелико» (там же, стр. 61). (Здесь Ткачев повторяет эстетическую оценку таланта Достоевского, данную в 1861 г. Н. А. Добролюбовым в его статье «Забитые люди».

И все же романы Достоевского, по Ткачеву, представляют большой интерес с точки зрения общественной. Ткачев верно почувствовал особенность Достоевского — через преувеличение, «сгущение» показать черты и явления, в своем «неразбавленном» виде непонятное широкому читателю, однако счел это художественным недостатком.

В разборе «Подростка» Ткачев не касается образов Версилова, Макара Долгорукого и целого ряда других проблем. Критик сосредоточивается исключительно на характеристике Аркадия Долгорукого и его ротшильдовской «идеи».

Исходя из положений статьи Добролюбова «Забитые люди», Ткачев утверждает, что в раннем своем творчестве 40—60-х годов (от «Бедных людей» до «Униженных и оскорбленных») Достоевский показал «ту группу явлений, то „душевное состояние“, которое по преимуществу характеризует русских интеллигентных забитых людей, пришибленных судьбою и обстоятельствами». Эти забитые люди делятся на два типа: кроткие, безропотные и озлобленные, ожесточенные. Течение времени и развитие жизни привело и к развитию типа забитого человека: условия его не изменились, выхода из создавшегося положения он не нашел, однако бессмысленное ожесточение ничего не давало, и забитые люди стали задумываться. «Явился спрос на мысль». Так появились «идейные забитые люди» — дети «ожесточенных забитых людей». Достоевский прекрасно уловил этот новый тип, показав его в «Преступлении и наказании» (Раскольников) и в «Подростке». Ткачев считает, что с точки зрения анализа души «идейного забитого человека» «Подросток» глубже и значительнее, чем даже «Преступление и наказание». «И мне кажется, — замечает критик, — последний роман г. Достоевского имеет почти такое же значение для оценки идейных забитых людей, как е имел его первый роман («Бедные люди») для оценки людей типа Девушкиных, Голядкиных и им подобных». «Идейные забитые люди» молоды и неопытны, и потому «в жизнь им, действительно, пришлось вступать какими-то неоперившимися подростками». Мечты их изменились, идеи стали совершенно отличны от умонастроений их отцов. Но вот это-то отличие Достоевский и не сумел показать. Он «говорит о содержании этих идей или чересчур двусмысленно, или... или чересчур уж глупо» (см.: *Ткачев*, т. IV, стр. 64, 66, 67, 69). Ткачева без сомнения не устраивает отношение Достоевского к ведущим идеям современной молодежи, идеям революционного переустройства современного общества. И не такой идеей наделяет он своего героя — Аркадия Долгорукого.

Разбирая зарождение идеи Подростка и самую ее суть, Ткачев отмечает, что Достоевский верно анализирует особенность «идейных забитых людей». Аркадий мечтает не о деньгах собственно, а «о силе, о могуществе, о независимости». Однако односторонность идейных людей, их самоуглубление приводят к полной неспособности осуществить свою идею на практике. Некоторые оптимисты верили, — отмечает Ткачев, — что идейные люди «смело и мужественно пойдут на бой и пробьют себе дорогу к свету и жизни». Однако «надежды оптимистов оправдали очень немногие, большинство же, подобно Подростку, все откладывало да откладывало „служение идее“ ⟨...⟩ пока она не превратилась ⟨...⟩ в какой-то головной хлам ⟨...⟩ Стальной меч, с которым идейные люди готовились идти в бой, оказался картонным, железный молот, которым они хотели горы разбивать, — хрупким и ни на что не годным булыжником».

По мнению критика, в романе Достоевского есть и еще один существенный художественный просчет: идея Подростка, содержание ее нетипичны для современных идейных людей. Идея эта порождена своей средой, «которая живет мыслью о наживе», «идея Подростка вполне гармонирует» с ее «интересами, привычками и потребностями». А «существенная особенность „идеи“ реальных подростков в том именно и состоит, что она находится, обыкновенно, в резком противоречии с интересами и потребностями, унаследованными ими от породившей их среды. Автор проглядел этот факт». И потому общий вывод, который Ткачев делает о романе «Подросток», не в пользу Достоевского. Осуждая Достоевского за его идейную, общественную позицию и считая, что она закономерно ведет к художественным просчетам, Ткачев все-таки увидел в романе «Подросток» знамение времени, а в Достоевском писателя, способного уловить существенные явления жизни (см.: *Ткачев*, т. IV, стр. 72, 85—86).

Этот серьезный подход к роману вызвал протест со стороны М. А. Антоновича, который после закрытия «Современника» оказался вне большой журналистики и начал сотрудничать в газете «Тифлисский вестник», где печатал статьи анонимно или за подписью «Э. С.».[1] 2 сентября 1876 г. в «Тифлисском вестнике» была напечатана его статья из цикла: «Заметки о журналах», посвященная «Подростку». В ней Антонович главным образом полемизировал с Ткачевым, с его анализом романа. Антонович утверждал, что Никитин (Ткачев) принял за новый тип плод фантазии Достоевского. «Подросток — это ненормальный человек и даже психически расстроенный; ему пришла в голову не идея, не мысль, не проект, а просто мечта сделаться богачом ⟨...⟩ И такого-то субъекта критик-реалист произвел в сан идейного человека, поставил его бесконечно выше каких-то безыдейных людей». Антонович считает, что в таком случае к идейным людям можно отнести Чичикова, так как он тоже мечтал обогатиться и был гораздо энергичнее и деятельнее Подростка.

Новое выступление Скабичевского «Мысли по поводу текущей литературы. О г. Достоевском вообще и о романе его „Подросток“» (*БВ*, 1876, № 8, 9 января. Подпись: Заурядный читатель), как и первая его статья о «Подростке», содержит внешне объективную, а по существу очень ограниченную характеристику Достоевского. Рассуждая о стремлении писателя показывать «факты болезненного раздвоения» личности, Скабичевский утверждает, что подобное двойничество свойственно и самому Достоевскому как писателю. В нем сидят два «двойника», похожих, но вместе с тем и противоположных один другому. «Один из них представляется вам крайне нервно-раздражительным, желчным экстатиком и к тому же резонером, впадающим то в самый безнадежный, мрачный скептицизм, в котором вы не видите и тени хотя малейшей веры в человека, то, напротив того, в мистический бред не то в славянофильском духе, не то в духе переписки с друзьями Гоголя ⟨...⟩ Как художник и романист, этот писатель крайне небрежен, иногда высказывает и поразительную неумелость. Он любит измышлять хитросплетенные, запутанные сюжеты для своих романов, но сюжеты эти бывают составлены обыкновенно так неловко, что вы читаете иногда целые сцены и буквально не понимаете, что такое говорят перед вами действующие лица ⟨...⟩ Прибавьте к этому ко всему тяжелый и нестройный слог и любовь к длинным отвлеченным рассуждениям самого туманного свойства». Это один из двойников Достоевского. Но другой двойник: «Это гениальный писатель, которого следует поставить не только на одном ряду с первостепенными русскими художниками, но и в числе самых первейших гениев Европы нынешнего столетия». В нем нет

[1] Авторство М. А. Антоновича установлено В. Шадури и Т. П. Мачаварпани. См.: Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе. Ред. Вано Шадури, комм. Т. П. Мачаварпани. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1949, стр. 38, 115—116. См. также: Б. Бахтадзе. М. А. Антонович и Н. Я. Николадзе. Новые материалы из истории литературных связей Грузии и России. «Заря Востока» (Тбилиси), 1958, 27 июня, № 148.

узкой тенденциозности, а вместе с тем образы его «имеют глубокое современное значение». Строки его произведений «проникнуты глубокой любовью к человечеству и хотя бы изображали мрачные и ужасные явления жизни, — вы видите в них не отчаяние или ненависть, не злобную улыбку мизантропа, а величественную скорбь художника-мыслителя о несовершенствах человечества, достойного лучшей участи». Этот писатель прост, он берет «самые заурядные, самые обыденные черты жизни», показывая глубокое «общечеловеческое ⟨...⟩ значение этих черт». «Писатель ⟨...⟩ при всем своем общечеловеческом значении, вполне народен, — народен не в том вульгарном значении этого слова, чтобы он хорошо изображал мужиков, но в высшем смысле усвоения существенных черт духа и характера русского народа, как проявляются они во всех его слоях».

Однако, замечает Скабичевский, первый из двух двойников гораздо плодовитее второго. Если первый напишет целый роман, то второму в этом романе принадлежит всего «пять-десять страничек», какой-нибудь вставной эпизод. Так получилось и в «Подростке». «Весь роман в своем полном составе не стоит медного гроша», — заявляет критик. Все основные герои, сюжет, бесконечные рассуждения (о «случайных семействах»), самая «идея» Подростка — все это мусор, «изверженный мрачным двойником г. Достоевского, — мусор, которым заниматься крайне было бы смешно». Но в романе, по мнению Скабичевского, есть два эпизода, написанные «вторым двойником», есть гениальные сцены, за которые все остальное можно «простить» Достоевскому. Это рассказ о самоубийце Оле и воспоминания Подростка о свидании с матерью в пансионе Тушара. Последний эпизод критик приводит целиком и замечает, что «от такой сцены не отказались бы ни Диккенс, ни Виктор Гюго». Высокая оценка этих эпизодов объясняется тем, что Скабичевский искал в романе прежде всего прямых социальных обличений и не принимал того, в чем их не находил. Пытаясь объяснить себе и читателю, в чем причина двойственности Достоевского, Скабичевский решил, что писателю следовало писать не большие романы, а короткие рассказы или драмы.

Сочувственная в целом статья Н. Гребцова «„Подросток", роман Ф. Достоевского» («Киевский телеграф», 1876, № 6, 14 января) во многом характерна для осмысления этого произведения демократической критикой тех лет. Н. Гребцов говорит о таланте Достоевского-психолога, о том, что произведения его порождены действительностью и ее отражают, может быть и в несколько искаженных формах; но все-таки мы можем судить о подлинной жизни на основании романов Достоевского. Их сложность, запутанность, противоречивость героев и их поступков — отражение текущего момента, времени, взбудораженного с начала 60-х годов рядом реформ, времени «непривычного и неожиданного». «Да, теперь у нас время, когда старый порядок разрешился беспорядком и пока далеко до нового порядка; пока — хаос, т. е. беспорядок, т. е. суматоха, т. е. множество всяческой ерунды, сшибанья с ног, стуканья лбами, недоумений. Вот почему роман нашего времени непременно должен быть запутанным, полным интриги и всякой махинации. Вот почему и монте-кристовская запутанность и чудовищность фабулы „Подростка" полна жизненной правды и вполне соответствует „духу времени" и духу описываемой романом среды, на которую реформенное наше время повлияло наиболее разрушительно».

Однако наряду с подобными тонкими соображениями критик высказывает суждения, из которых видно, что роман Достоевского во всей широте и глубине проблематики ему недоступен. Подобно обозревателю «Новороссийского телеграфа», Гребцов увидел в «Подростке» традиционный «обличительный» роман, в котором все без исключения герои (представители «культурного слоя») изображены резко отрицательно. Это Версилов, который «ездит за границей, соблазняет крепостных девок, влюбляется до потери всякого чувства приличия ⟨...⟩ сходит с ума»; это Ахмакова, которая «шатается по водам, собирается запрятать папашу в сумасшедший дом ⟨...⟩ ничего не делает ⟨...⟩ очень любит денежки и за них готова ⟨...⟩ снизойти до проституции»; это Анна Андреевна, «хладнокровная, расчетливая и деньго-

любивая»; это сам Подросток — «глупый мальчишка ⟨...⟩ тающий перед прелестями одалиски Ахмаковой»; это «Ламберт-мошенник», «Васин-шпион». «Ни одного самоотверженного поступка, ни одного великодушного порыва, ни искры простого, нефразистого сочувствия к страдающим». Только страсть к наживе да любовная страсть движут этими людьми, и обе страсти эти, ничем не сдерживаемые и не облагороженные (эти люди в отличие от остальных, нормальных людей не знают ни труда, ни религии), достигают патологических размеров. Своим романом Достоевский выносит суровый приговор «культурному слою», хотя сам он, может быть, и не хотел этого.

Сходна по тенденции и анонимная статья «„Подросток“ Достоевского» в педагогическом журнале «Детский сад». Посвященная в основном вопросам воспитания, статья рассматривает формирование характера Аркадия, объясняя его беды тяжелыми социальными условиями и отсутствием положительного примера. Единственный из всех критиков 1876 г., автор статьи в журнале «Детский сад» обратил внимание на образ матери Подростка. Отмечая, что у матери и сестры Аркадия есть «душевное благообразие», критик говорит, что оно «очень дешевого сорта», так как «вся жизнь их отдана любимому человеку» («Детский сад», 1876, № 9, стр. 462). И общий вывод статьи — упрек представителям культурного слоя в индивидуализме, в нежелании служить народу «в те годы, когда общество вправе требовать сознательного и зрелого труда от человека».

Отдельные краткие характеристики романа содержались в обзорных годовых статьях. Так, ушедший из «Русского мира» Авсеенко напечатал в № 1 «Русского вестника» за 1876 г. «Литературное обозрение» за подписью: А. Критик разбирает наиболее заметные явления литературной жизни 1875 г. и к таковым относит «Анну Каренину» Л. Толстого и «Подростка» Достоевского. Как и в статьях, напечатанных в 1875 г. в «Русском мире», Авсеенко по-прежнему считает «Подростка» наиболее слабым романом Достоевского, подчеркивает его идейную связь с «Бесами» и упрекает романиста в чрезмерном внимании к изображению порока, в том, что он переступает черту, «за которой кончается художественное впечатление и начинается неопрятное анатомирование зараженного организма». Авсеенко вновь упрекает «Отечественные записки» в беспринципности, а заявление редакции журнала по поводу «Подростка», высказанное Михайловским при начале печатания романа, считает «гримасой», «gros mot» и продолжает: «...всякий знает, что между воззрениями г-на Достоевского и направлением „Отечественных записок“ нет никаких точек соприкосновения и что если роман „Подросток“ попал в этот журнал, то единственно потому, что публика требует талантливых художественных произведений, а не продуктов тенденциозной письменности» (*РВ*, 1876, № 1, стр. 499). Несмотря на эти и другие суждения, повторяющие положения статьи Авсеенко в «Русском мире», тон критика теперь иной. Он все-таки считает роман значительным произведением и хоть и неудачей, но неудачей крупного таланта. Совсем уже краткая характеристика «Подростка» содержится в обзорной статье «Русская журналистика. Итоги прошедшего года», напечатанной в еженедельнике «Пчела» (1876, № 1, 18 января). Автор статьи, П. В-б-ъ (П. И. Вейнберг?), также отводит «Подростку» второе, после «Анны Карениной», место, повторяя выводы большинства критических статей о романе.

Особое место среди откликов на «Подросток» занимают суждения Н. К. Михайловского, высказанные в цикле очерков «Вперемежку», которые начали печататься в «Отечественных записках» с января 1876 г. (см.: *ОЗ*, 1876, №№ 1, 2, 5, 8, 11; 1877, №№ 4, 6). Значение этих очерков далеко выходит за пределы истолкования романа Достоевского, [1] однако внешним поводом для появления записок Григория Александровича Темкина (героя очерков «Вперемежку») послужило чтение «Подростка». Прочитав эпилог романа (письмо Николая Семеновича), Темкин-Михайловский никак не мог

[1] См. об этом: Г. А. Б я л ы й. Н. К. Михайловский-беллетрист. В кн.: Русская литература и народничество. Изд. ЛГУ, Л., 1971, стр. 100—124 («Ученые записки ЛГУ», 1971, № 349, серия филолог. наук, вып. 74).

согласиться, что «красивый тип», «законченные формы чести и долга» есть лишь достояние дворянства. С этой мыслью романа он и вступает в полемику в своих очерках. Михайловского возмущает, что Николай Семенович, «совершенно не дворянин», «болеет сердцем о „красивом типе“ старого русского дворянства» и уверен, «что нигде, кроме среды „культурных русских людей“, не существуют законченные понятия чести и долга» (*Михайловский*, т. 4, стр. 220). Не согласен он и с тем, будто современные молодые люди отрываются от красивого типа «с веселой торопливостью». «Кстати о Николае Семеновиче. Я слышал мнение, будто его устами говорил сам г-н Достоевский. Это, конечно, — совсем пустяки, — не без иронии замечает Михайловский. — Г-н Достоевский не в таких летах и не такого закала человек, чтобы быстро менять свои взгляды. Он еще очень недавно чрезвычайно энергически заявлял, что „Власы спасут себя и нас“ (имеется в виду статья «Влас» в «Дневнике писателя» за 1873 г., — *ред.*). У спасителей должны же быть определенные формы чести и долга, иначе они никого не спасут. А вы помните, что говорил Николай Семенович: по части долга и чести „кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде не начато“. Ясно, что Николай Семенович и г-н Достоевский — два совсем разные лица. Николай Семенович — просто преданный дворовый, а г-н Достоевский, может быть, даже согласится со мной, что мы, дворяне, недавно только начали, то есть начали вырабатывать формы чести и долга, и начали именно покаянием» (там же, стр. 221—222). Основная задача Михайловского в очерках «Вперемежку» заключается в том, чтобы показать, как вырабатываются «формы чести и долга» в молодых дворянах, «кающихся дворянах», как он их называет, которые оторвались от своего класса, но отнюдь не «с веселой торопливостью». «О нет, поверьте, — говорит герой Михайловского о себе, — что много душевной муки и горечи пережил я прежде, чем оторваться и покаяться ⟨...⟩ А оторвался я единственно потому, что не нашел ни законченных форм чести и долга, ни красивого типа, если я только верно понимаю, что хотел этими последними словами сказать Николай Семенович» (там же, стр. 221). Очерки «Вперемежку» начали печататься с января 1876 г. и сразу же вызвали критические отклики. Полемика коснулась и толкования «Подростка». В № 29 «Биржевых ведомостей» появилась статья «Мысли по поводу текущей литературы» Заурядного читателя (Скабичевского). Он возражает Михайловскому-Темкину, возмущенному заявлением Николая Семеновича. Скабичевский, напротив, видит историческую закономерность в рассуждениях Николая Семеновича. В эпохи, когда «на смену старых и насиженных порядков» появляются признаки «новых влияний жизни», приверженцы этих старых порядков ратуют не только за «общественную и нравственную ⟨...⟩ спасительность этих порядков, но и за их эстетическую красивость, поэтичность, и последнее очень часто становится у них на первом плане». И Николаи Семеновичи настоящего момента по-своему правы. «Они не правы только ⟨...⟩ в смысле мечтаний о возможности воскресить сгнившие в могилах трупы и исполнить их снова жизни и молодости; но они правы по отношению к переживаемому нами моменту, потому что ⟨...⟩ с поэтической точки зрения, с какой именно и ставят вопрос Николаи Семеновичи, все-таки оно представляет зрелище довольно жалкое». Михайловский отвечает на возражение Скабичевского в следующем очерке своего цикла. В трагической судьбе современного молодого поколения он находит много поэтического и прекрасного, а революционеров-разночинцев и примыкающих к ним «кающихся дворян» считает носителями подлинных чести и долга. «Видимо, в возражениях Скабичевского, — отмечает Г. А. Бялый, — Михайловский увидел отголосок писаревского отрицания эстетики, взгляда на красоту как на „роскошь“, как на „достояние барства“. Для Михайловского такой взгляд был пройденной ступенью, и он решительно отверг его ради обоснования нового понимания красоты, как категории нравственно-политической» (см.: Г. А. Бялый. Н. К. Михайловский-беллетрист, стр. 115).

Возможно, что Михайловский стремился показать в своих очерках носителей того настоящего душевного «благообразия» (хотя он и не употребляет

это слово), к которому стремился герой Достоевского, идя, по Михайловскому, неверным путем.

Хотя анализ «Подростка» ни в коей мере не является задачей автора «Вперемежку», упоминается роман в очерках неоднократно. Рассказ о детстве Аркадия Долгорукого, о том, как фамилия его у всех ассоциировалась с княжеским титулом, вызвал воспоминания Темкина о своем детстве, годах учения, школьных прозвищах и товарище Темкина Нибуше, незаконном сыне «древнего красивого типа» — Шубина. Нибуш, чья жизнь была не легче, чем жизнь Аркадия Долгорукого, стал революционером, и его облик скружен в очерках ореолом нравственной красоты. В истории отношений Нибуша к Соне, сестре героя, обманутой либеральствующим эстетом Башкиным, есть не только намеренное «перевертывание» обычной сюжетной схемы «антинигилистических» романов но, возможно, и поправка, говоря словами Михайловского, — «передвижечка» по отношению к одной из сюжетных линий «Подростка»: Лиза—князь Сокольский—Васин. Герои Михайловского, конечно, лишены противоречивости героев Достоевского: Башкин, в отличие от Сокольского, не мучается никакими угрызениями совести; Соня ведет себя решительно и последовательно, окончательно разорвав с Башкиным и не испытывая к нему ничего, кроме презрения; Нибуш, в отличие от рационалиста Васина, характеризуется скромностью, глубоким благородством, искренностью и экспансивностью. Михайловского не удовлетворяли как антинигилистические романы, так и схематичные романы о «новых людях». Идеям «Подростка» он также не мог сочувствовать. Однако видел в этом романе значительное и серьезное художественное произведение, с автором которого спорил «на равных». [1]

Михайловский первый обратил пристальное внимание на «Заключение» «Подростка» и на рассуждение о дворянстве, в нем содержащееся. Впоследствии, вероятно не без влияния Михайловского, «Письмо» Николая Семеновича стало восприниматься изолированно от романа как самостоятельное публицистическое высказывание. Некоторые положения из «Заключения» были использованы Н. Н. Златовратским в повести «Золотые сердца» (1876). Одна из героинь, Катя, дочь помещика и крепостной, названа «дитя „случайной семьи“» (Н. Н. Златовратский. Собрание сочинений. СПб., 1912, т. V, стр. 79). Другое действующее лицо той же повести, Петр Петрович Морозов, случайный помещик из разночинцев, человек, знающий сельское хозяйство и умеющий вести его, но совершенно равнодушный ко всем выгодам и доходам, на упрек своего собеседника-дворянина в равнодушии к судьбе своей родины, к культурному наследию, выработанному прошлыми поколениями дворянства, возражает: «Вместо ответа я бы спросил: помешали ли эти культурные традиции спустить „с веселой торопливостью“ выкупные свидетельства и богатые имения в руки кулаков? Помогли ли они удержать оранжереи, парки, фруктовые сады, английские фермы и тому подобные культурные насаждения?» (там же, стр. 19—20).

Здесь формула Достоевского, вероятно воспринятая Златовратским из очерков Михайловского, уже изменила свое содержание и обозначает не нравственное, идейное, а экономическое перерождение дворянского класса.

Еще дальше в субъективном истолковании идей «Подростка» пошел Гл. И. Успенский в очерках «Из разговоров с приятелями», впервые опубликованных в 1883 г. в «Отечественных записках» (кн. II, стр. 539—576). В этом произведении Успенского нашла отражение тема «благообразия» и «неблагообразия» русской жизни, поставленная в «Подростке», а в одной из глав журнальной редакции очерков прямо упоминается Достоевский, который, как кажется Успенскому, слишком высоко оценил дворянство, сделав его носителем жизненного «благообразия». «Вопреки уверениям г-на Достоевского, — пишет Гл. Успенский, — который в одном из своих романов сказал, что „благообразие“ вообще встречается на Руси в привилегированном сословии, я думаю как раз наоборот: оно всё целиком сосредо-

[1] О сложном отношении Михайловского к Достоевскому см. в статье Л. М. Розенблюм «Творческие дневники Достоевского» (*ЛН*, т. 83, стр. 59—69).

точено в нашем крестьянстве... не забывай, что интеллигенцию я исключаю...» (*Успенский*, т. 8, стр. 569). Такая интерпретация мыслей Достоевского не вполне точна. В «Подростке» говорится о «законченных красивых формах», о «завершенности», о выработанных «формах чести и долга», принадлежавших русскому дворянству в прошлом, но вовсе не о «благообразии», которого ищет Аркадий Долгорукий и которого, по Достоевскому, современное дворянство лишено. Носителем же этического благообразия является в романе Макар Долгорукий, крестьянин, и в этом отношении между идеалами Гл. Успенского и Достоевского были возможны точки соприкосновения, хотя положительный герой Достоевского провел свою жизнь не вблизи «ржаного поля» (как крестьяне Успенского), а странствуя по святым местам. [1]

Идеи «Подростка», таким образом, оставили след в современной Достоевскому демократической литературе, хотя и были этой литературой часто субъективно интерпретированы. Не соглашаясь с Достоевским по целому ряду основных идеологических вопросов, писатели демократического направления ставили своей задачей полемизировать с ним, а не проникать в скрытый смысл его образов. Отсюда неизбежные упрощения. Возможно, что такой односторонний подход к Достоевскому оказал влияние и на стоящего на противоположных политических позициях консерватора К. Н. Леонтьева, который обратился к тем же мыслям писателя спустя десять лет после его смерти в статье «Достоевский о русском дворянстве» (*Гр*, 1891, №№ 204—206). К. Леонтьев истолковал «Заключение» «Подростка» близко по смыслу к Гл. Успенскому, хотя и совершенно иначе оценил его. Вспоминая эпилог «Подростка» и цитируя письмо Николая Семеновича о красивом типе, о законченных формах «чести и долга» русского дворянства, К. Леонтьев с удовлетворением замечает, что это, по-видимому, мысли самого Достоевского и что столь «благоприятный для дворян общий вывод» поразил его своей «*неожиданностью*» именно в этом романе. Подробности романа, как признается К. Леонтьев, производили на него «отрицательное, местами даже до болезненности тягостное и отвратительное впечатление» (№ 204), и прежде всего тем, что все изображенные в «Подростке» дворяне (Старый Князь, сын Версилова, Сережа Сокольский) — люди отталкивающие. Что касается Версилова, то он поражает своей изломанностью, ненормальностью, неестественностью. И в этом смысле он подобен другим героям Достоевского, которые все резко отличаются от героев Толстого, Тургенева, Писемского, Островского и других, даже более мелких писателей. Все названные писатели «отражали» действительность, герои их были похожи на людей, которых мы встречаем в жизни; Достоевский же «преломлял» жизнь «сообразно своему личному устроенью», его герои ни на кого не похожи, таких людей мы в жизни не встречаем. Поэтому и «совокупность» дворян, изображенных Достоевским, не соответствует «реальной совокупности» русского дворянства. И тем не менее общий вывод Достоевского о дворянстве, общая высокая (как представляется К. Леонтьеву) оценка его чрезвычайно важна. Так как Достоевский для К. Леонтьева не столько художник, сколько моралист и публицист, то публицистические высказывания в «Заключении» «Подростка» воспринимаются Леонтьевым как рассуждение, противостоящее всему роману и содержащее наиболее правильные и значительные мысли автора. Рассуждая о русском дворянстве как публицист, Достоевский, по мнению К. Леонтьева, приходит к выводу о необходимости для России существования этого класса. А раз так, то он должен был бы говорить и о необходимости «юридических оград», «привилегий», «прав на власть». Если же Достоевский нигде ничего об этом не говорит, «то, как считает К. Леонтьев, это ничего не значит; не успел, случайно не додумался, не дожил, наконец ⟨...⟩ до чего мы дожили». И уже совсем публицистическим пассажем от собственного лица, но как бы и от лица «додумавшегося» наконец Достоевского заканчи-

---

[1] См. об этом: В. А. Туниманов. Достоевский и Глеб Успенский. В кн.: *Материалы и исследования*, стр. 30—57.

вает К. Леонтьев эту статью: «Хотите вы сохранить надолго *известный тип социального развития*? Хотите, — так оградите и среду его от вторжения незваных и неизбранных и самих его членов от невольного выпадения из этой среды, в которой держаться им уже не будет никакой охоты, не будет ни идеальных поводов, ни вещественных выгод» (№ 206). Очевидно, что Достоевский не разделял позиции К. Леонтьева. Рассуждения Версилова о русском дворянстве говорят об ином отношении к проблеме, и напрасно К. Леонтьев навязывал Достоевскому взгляды людей, желающих «сохранить надолго известный тип социального развития».

В эстетической оценке романа отклик К. Н. Леонтьева не отличается принципиально от других выступлений современной роману критики. Здесь те же рассуждения о крайнем субъективизме Достоевского, о изломанности и психопатичности его героев. Современная Достоевскому критика в основной своей массе не восприняла глубины и сложности романа. Наиболее важные для самого Достоевского мысли и образы (рассуждения Макара Долгорукова, «исповедь» Версилова) критика оставила без внимания. Единодушное сопротивление современных Достоевскому литераторов вызывала самая художественная манера писателя — его стремление к изображению наиболее острых и напряженных ситуаций, обостренных конфликтов, к драматургическому заострению фабулы. Скабичевский утверждал, что все явления могут существовать в художественном произведении лишь в тех пропорциях, в каких они существуют в реальной жизни. «Художник прежде всего должен помнить, что он во всем должен соблюдать строгую меру. Он может изображать душевнобольных в таком лишь количестве и в таком виде, в каких они являются в жизни, среди людей, находящихся в здравом уме» (*БВ*, 1875, № 35). Почти то же говорит и Ткачев: «Художественная правда, как и правда научная, есть не что иное, как правильное обобщение частных единичных явлений ...» Особенность же таланта Достоевского «в том-то именно и состоит, что он всегда склонен исключительное, анормальное, временное, переходящее, случайное возводить в нечто постоянное, нормальное, преобладающее» (*Ткачев*, т. IV, стр. 61).

Расхождение Достоевского с большинством современных литераторов по основным эстетическим вопросам, в частности по вопросу о типическом, [1] привело к тому, что романы Достоевского, в том числе «Подросток», не воспринимались многими современниками как значительное художественное явление. Слишком отличались они от привычного для русской литературы того времени типа романа, выработанного Тургеневым, Гончаровым, Л. Толстым.

Так как наиболее дорогие Достоевскому образы и мысли романа не были отмечены критикой, Достоевский вернулся к некоторым из них в «Дневнике писателя», считая нужным дать необходимые пояснения читателю.

Так, в январском выпуске «Дневника» за 1876 г. (глава первая) писатель говорит о замысле «Подростка», о характере Аркадия Долгорукого, как он задуман автором, и о «случайных семействах». К тем же вопросам (о формировании детской души, о влиянии семьи на нее) возвращается Достоевский в январском выпуске «Дневника» за 1877 г. (глава вторая), а в июльско-августовском выпуске (глава первая) снова говорит о случайных семействах в связи с анализом романов и повестей Льва Толстого (т. е. излагает вопросы, уже поставленные в эпилоге «Подростка»).

Другая группа вопросов, требовавшая, по мнению Достоевского, пояснения, связана с образом Версилова и его исповедью, на которую никто из критиков не обратил внимания. В мартовском выпуске «Дневника» за 1876 г. (глава вторая) Достоевский вспоминает Версилова и цитирует то место его исповеди, где говорится об атеизме будущего общества. А в июнь-

---

[1] Ср. письма И. А. Гончарова к Достоевскому от 11 и 14 февраля 1874 г. (И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. 8. Гослитиздат, М., 1955, стр. 459—460), а также письма Достоевского к А. Н. Майкову от 11/23 декабря 1868 г. и Н. Н. Страхову от 26 февраля/10 марта 1869 г.

ском выпуске он снова пишет о русских европейцах, которые призваны служить «не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству» (глава первая). Эта дорогая Достоевскому мысль, вложенная в уста русского европейца Версилова, находит свое завершение в речи на пушкинском празднике. Говоря здесь о типе «несчастного скитальца в родной земле 〈...〉 исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем», Достоевский имел в виду не только Алеко и Онегина, но и их духовного потомка — Версилова, которому, как и всякому «русскому скитальцу», «необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться» («Дневник писателя» на 1880 г.).

20

Первый иностранный перевод «Подростка» — немецкий — вышел в 1886 г. в Лейпциге под названием «Молодое поколение». В том же году (под заголовком «Мой родной отец») роман в адаптированном виде печатается в одном из бельгийских ежемесячников, а год спустя, под названием «Молодая Россия», выходит на шведском языке.[1] Эти первые переводы «Подростка» почти не вызвали откликов в периодической печати. Даже в Германии, стране, где больше других интересовались в те годы Достоевским и часто переиздавали его произведения, перевод «Подростка» прошел почти незамеченным.[2] Новое издание было осуществлено там лишь в 1905 г.[3] Из ранних ценителей романа в литературах немецкого языка следует выделить Г. Гессе и Ф. Кафку.

Г. Гессе опубликовал в связи с выходом в 1915 г. третьего немецкого перевода статью о «Подростке», где высоко оценил многочисленные проявления в романе «психологического ясновидения» Достоевского, его искусство диалога, содержащиеся в «Подростке» «откровения о русском человеке». При огромной художественной силе «Подростка» две особенности отличают его, по мнению Гессе, от других «больших» романов Достоевского: то, что действие в «Подростке» совершается в семейном домашнем кругу, и «иронический» тон изложения (H. Hesse. Der Jüngling. In: H. Hesse. Schriften für Literatur, Bd. 2, Frankfurt a. M., 1972, S. 315—320). Влияние «Подростка» ощутимо в романе Г. Гессе «Демиан» (1919). О Кафке его друг и биограф М. Брод сообщает: «Среди произведений Достоевского он особенно ценил роман „Подросток“, только что выпущенный издательством Лангена. Он с энтузиазмом читал мне отрывок о нищенстве и обогащении» (M. Brod. Franz Kafka, Eine Biographie. Frankfurt a. M. —Hamburg, 1966, S. 46).

Несколько больший резонанс «Подросток» вызвал во Франции, где впервые был переведен в 1902 г.[4] До этого Франция была слабее осведомлена о творчестве Достоевского, чем Германия. М. де Вогюэ, авторитет которого

---

[1] Junger Nachwuchs. Roman von F. M. Dostojewskij. Nach dem russischen Original übersetzt von W. Stein. Leipzig, 1886; Mon père naturel. Par Th. Dostojevsky. Adaption inédite par M. Michel Delines. «L'indépendance belge», 1886, Juin—Octobre; Det unga Ryssland. Tidsskildring af F. M. Dostojewskij. Stockholm, 1887.

[2] Немногочисленные суждения о романе, появившиеся в печати, были поверхностными. Так, К. Блейбтроу, видный представитель раннего немецкого натурализма, в своем программном сочинении «Революция литературы» скептически отзывается о «Подростке» (C. Bleibtrou. Revolution der Literatur. Leipzig, 1886, S. XIX—XX).

[3] F. Dostojevski. Ein Werdender. Deutsch von Korfiz Holm. München, 1905.

[4] F. Dostoevski. Un adolescent. Roman inédit, traduit par J. W. Bienstock et F. Fénéon. Paris, 1902.

как специалиста в области русской литературы долгое время был во Франции непререкаемым, в книге «Русский роман» (1886) ограничивается в отношении «Подростка» лишь брошенным вскользь замечанием о том, что роман этот, по его мнению, значительно уступает своим старшим братьям. Перевод романа на французский язык критика встречает с некоторым скептицизмом. Рашильда, рецензентка ежемесячника «Меркюр де Франс» (псевдоним М. Эймери, в замужестве Валетт, известной в то время писательницы, близкой по духу к натуралистической школе — ее учителями были Гюисманс и братья Гонкуры), называет книгу «слишком громоздкой». [1] Постоянный рецензент журнала «Ревю блё» Й. Эрнест-Шарль отозвался о «Подростке» как о произведении хаотическом и беспорядочном (подобное мнение во Франции довольно распространено до наших дней). «Это — огромная, необъятная книга, — писал он. — В ней множество всевозможных идей и мнений. Всё хаотически перемешано настолько, что даже невозможно уяснить себе, о чем этот роман. Что предполагал создать Достоевский? То ли он собирался изучить характер молодого человека, находящегося в том возрасте, когда вступают в активную жизнь, когда больше мечутся, нежели действуют? То ли он хотел изобразить нравственную участь молодого поколения русских людей в тот момент, когда в России, как и во всем мире, множество перемен? Или же он пытался проследить внутренний распад российских семейств в тот час, когда все слои и классы смешались и нанесли друг другу ущерб? Какой он хотел написать роман — философский, религиозный или нравственный? Или же он просто решил запечатлеть сложную жизненную драму со всеми ее перипетиями? На все эти вопросы невозможно ответить точно. Любой из этих замыслов живет в его книге; но все они присутствуют в ней одновременно, тесня друг друга. Все в ней перепутано, и само действие беспорядочно и бессвязно, труднопостигаемо. Оно вызывает в нас растерянность. Таковы и герои книги...» [2] Эрнест-Шарль утверждал, что Достоевский, автор «Подростка», находился под влиянием французской литературы и говорил об явной, с его точки зрения, общности характеров Аркадия Долгорукого и Жюльена Сореля. [3] О хаотичности романа писал и М. Арно («Ревю бланш»), который, впрочем, добавлял, что «книга эта написана со страстью и ее надо читать на одном дыхании». [4]

«Подросток» оказался последним из романов Достоевского, переведенных в странах английского языка. Э. Скайлер (Schuyler), один из первых популяризаторов русской литературы в Соединенных Штатах, дал краткий отзыв о нем уже в год выхода романа в свет на русском языке (1875). В этом отзыве, опубликованном в журнале «Атенеум», Скайлер, отмечая «истинно великий талант» Достоевского, упрекал русского писателя в том, что он «придал слишком много значения отдельным эпизодам, беспорядочно изложил основной сюжет и чрезмерно растянул все свои доводы». [5] Подобная оценка «Подростка» сохранялась как в Западной Европе, так и в Америке весьма долго. [6]

---

[1] Rachilde à propos «Un adolescent». «Mercure de France», t. XLIII, N 153, Septembre 1902, p. 748.

[2] J. Ernest-Charles. Un adolescent par Dostoevsky. «La revue bleue», 20 Septembre 1902. См. также: J. Ernest-Charles. Les samedis littéraires. Paris, 1903, pp. 332—333.

[3] Там же.

[4] M. Arnaud. Dostoevski. Un adolescent. «La Revue Blanche», t. XXIX, N 222, 1 Septembre 1902, pp. 69—70.

[5] Цит. по: G. Phelps. The Russia Novel in English Fiction. London, 1956, p. 150.

[6] См. например: E. H. Carr. Dostoevsky. 1821—1881. A new biography. Preface by D. S. Mirsky. Boston, 1931, p. 255; N. Rosen. Breaking Out the Underground: The «failure» of «A Raw Youth». «Modern Fiction Studies», Vol. IV. N 3. Autumn 1958, pp. 225—239; C. Wilson. The Outsider. New York., 1967, p. 168.

Неудивительно поэтому, что впервые опубликованный в 1916 г. перевод романа на английский язык (осуществленный Констанцией Гарнетт) [1] долгое время переиздавался сравнительно редко. [2]

Перелом в восприятии «Подростка» за рубежом обозначился лишь в 1920-х годах. Непонятый и недооцененный западноевропейской критикой XIX в., этот роман Достоевского, как и всё наследие русского писателя в целом, обретает новое значение для читателей и критики в эпоху общего кризиса капитализма, когда в большинстве буржуазных стран всё более заметным становится упадок унаследованных, традиционных общественных и культурных ценностей и одновременно ширится разочарование в них молодого поколения, в результате чего, с одной стороны, среди молодежи усиливается нравственное разложение, а с другой — возрастают настроения протеста и углубляются духовные искания, что ведет в литературе к своеобразному возрождению и обновлению традиций «воспитательного» романа.

Рост интереса к «Подростку», обусловленный этой исторической обстановкой, разнообразное восприятие и трансформация его проблематики получили отражение в таких известных романах XX в., как «Фальшивомонетчики» А. Жида (1925), [3] «Дело Маурициуса» Я. Вассермана (1928), романы о молодежи Л. Франка, «Волк среди волков» Г. Фаллады (1937; в первой половине этого романа образ ночного Берлина периода инфляции 1920-х годов с его игорными домами создан под сильнейшим воздействием «Игрока» и «Подростка» Достоевского), «Подросток былых времен» Ф. Мориака (1967) и др.

Естественно, что в этой обстановке волна новых переводов из Достоевского в Западной Европе, обозначившаяся с конца 10-х — начала 20-х годов нашего века, коснулась и «Подростка». [4] Больше других стран в XX столетии «Подросток» переводился и переиздавался в Германии.

В 1945 г. переводы романа выходят в Норвегии, в 1946—1949 гг. — в Турции, в 1948 г. — в Китае (китайский переводчик, известный исследователь русской литературы Гэн Цзи-чжи), в 1958 г. — в Израиле, в 1961 г. — в Румынии, в 1964 г. — в Финляндии, в 1965 г. — в Дании. [5] Известный австрийский художник Аксель Лескошек делает интересные иллюстрации (ксилографии) к первому изданию романа в Бразилии (Рио-де-Жанейро, 1960). Во всех странах растет место, уделяемое «Подростку» в статьях и монографиях о Достоевском; появляются и первые специальные исследования о нем за рубежом. В 1956 г. Доминика Дезанти, представляя читателям газеты «Юманите» роман «Подросток», уже говорит о нем как об одном из «наиболее характерных произведений Достоевского». [6]

---

[1] F. D o s t o e v s k y. A. Raw Youth. A novel in three parts. From the Russian by C. Garnett. New York, 1916. Сводка откликов, появившихся в английской и америка нской периодической печати, дана в кн.: H. Muhnic. Dostoevsky's English Reputation (1881—1935). Smith College Scudies in Modern Languages, vol. XX, April und July 1939, N 3—4, Northhatpton, Mass., 1939, pp. 71—72.

[2] В 1947 и 1961 гг. В 1950 г. «Подросток» в том же переводе издается в Австралии.

[3] А. Жид перевел на французский язык также отрывок из «Подростка».

[4] Например, на чешском языке «Подросток» впервые выходит в 1916 г., на венгерском — в 1922 г., на испанском — в 1923 г., на итальянском — в 1924 г.

[5] Ранее в статье «Достоевский — пророк» Отто Гельстед («Arbeiderbladet» 1 Januar, 1941, S. 4) специально подчеркивал, что переводчик Ейнер Томассен перевел на датский язык все большие романы Достоевского, кроме «Подростка».

[6] Dominique D e s a n t i. «L'adolescent» de Dostoievski. «Humanite Dimanche, N 388, 4 Mars 1956, p. 9.

С т р. 7. * *... он прожил в свою жизнь три состояния ∾ Теперь у него, разумеется, ни копейки...* — А. С. Долинин высказал предположение, что биография Версилова в этом, как и в некоторых других отношениях, сходна с биографией Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1856), материалы о котором Достоевский мог почерпнуть из воспоминаний М. Жихарева «Петр Яковлевич Чаадаев» (см.: *Долинин*, стр. 120—121). В частности, Жихарев писал, что Чаадаев растратил три богатые наследства и в конце жизни едва ли не впал в нужду (*ВЕ*, 1871, № 9, стр. 10—11).

Подобный мотив в биографии героя встречается у Достоевского и раньше. Герой повести «Вечный муж» Вельчанинов в свою жизнь промотал два состояния, «из которых каждое было значительное» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 8).

С т р. 9. *Он не то чтобы был начетчик или грамотей...* — Начетчик — знаток и толкователь богословских книг. Ср. ниже стр. 426.

С т р. 10. *...только что прочел «Антона Горемыку» и «Полиньку Сакс»...* — «Антон Горемыка» — повесть Д. В. Григоровича (1822—1899), впервые напечатанная в «Современнике» (1847, № 6). «Полинька Сакс» — повесть А. В. Дружинина (1824—1864), которая появилась также в «Современнике» (1847, № 12). «Антон Горемыка» посвящен тяжелой жизни крепостного крестьянина; повесть Дружинина, проникнутая идеями Жорж Санд, ставила вопрос о правах женщин. Обе повести были высоко оценены Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Белинский писал о первой повести: «Несмотря на то, что внешняя сторона рассказа вся вертится на пропаже мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антон — мужик простой, вовсе не из бойких и хитрых, он лицо трагическое, в полном значении этого слова. Это повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные». И там же критик замечал о повести Дружинина: «Многое в этой повести отзывается незрелостью мысли, преувеличением, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, в повести так много истины, так много душевной теплоты и верного сознательного понимания действительности, так много таланта, и в таланте так много самобытности, что повесть тотчас же обратила на себя общее внимание. Особенно хорошо в ней выдержан характер героини повести, — видно, что автор хорошо знает русскую женщину» (*Белинский*, X, стр. 347). В письме Боткину от 2—6 декабря 1847 г. критик так характеризовал «Полиньку Сакс»: «Эта повесть мне очень понравилась. Герой чересчур идеализирован и уж слишком напоминает сандовского Жака, есть положения довольно натянутые, местами пахнет мелодрамою, всё юно и незрело, — и, несмотря на то, хорошо, дельно, да еще как!» В том же письме о повести Григоровича сказано: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязает целую вотчину — законное наследие его благородных предков» (*Белинский*, XII, стр. 444, 445). Таким образом, по замыслу автора, Версилов в молодости, как либеральный дворянин-«западник» 1840-х годов, до некоторой степени, подобно всему своему поколению, был воспитан на идеях Белинского.

С т р. 10. *...хотя тогдашнего портрета ее, который где-то есть, я не видал.* — В главе седьмой третьей части говорится о том, что Аркадий увидел сделанный за границей портрет своей молодой матери в кабинете Версилова (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 369).

С т р. 12. *...сделала она не помня себя, то есть не в том смысле, как уверяют теперь адвокаты про своих убийц и воров...* — Достоевский не раз писал об огромном количестве оправдательных приговоров, которые выносили суды присяжных заведомым преступникам, и большую долю ответственности за это возлагал на адвокатов, заботившихся, по мнению писателя, не столько об установлении истины, сколько о поддержании своего

---

* Здесь и ниже указаны страницы XIII тома наст. изд.

престижа. Ср., например, очерк Достоевского «Среда» из «Дневника писателя» за 1873 г. См. также: т. X, стр. 233—234; т. XII, стр 299—300.

Стр. 17. *...жили ∾ в переулке, в Семеновском полку.* — Район Петербурга между р. Фонтанкой, Обводным каналом и тогдашним Обуховским (теперь Московским) проспектом, где находились казармы Семеновского полка. Ср. ниже, примеч. к стр. 122.

Стр. 21. *У него была, сверх того, одна странность ∾ выдавать замуж бедных девиц.* — По мнению А. С. Долинина, в этой детали облика старого князя отразились некоторые черты дяди Достоевского, Александра Алексеевича Куманина, который, по свидетельству А. М. Достоевского, был благодетелем их семейства и дал приданое всем своим племянницам. См.: *Достоевский, А. М.,* стр. 37; *Долинин,* стр. 166—167.

Стр. 22. *Бонмо* (франц. bon mot) — острое, умное словцо.

Стр. 25. *Они сзади себе открыто фру-фру подкладывают, чтоб показать, что бельфам; открыто!* — Фру-фру — здесь то же, что турнюр (франц. tournure), — модная в 70—80-х годах XIX в. принадлежность женского платья в виде подушечки, подкладывающейся под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности. Фру-фру (франц. frou-frou) — шелест (шелкового платья); Аркадий употребляет это выражение иносказательно. Бельфам (от франц. belle — прелестная, femme — женщина) — здесь соблазнительная женщина. Рассуждение Аркадия перекликается с тем местом из «Мертвых душ» Гоголя, где в разговоре двух губернских дам о модах одна говорит другой: «Юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бельфам» (*Гоголь,* т. VI, стр. 181). Высказывание Подростка о безнравственности дамских мод близко к тому месту из «Благонамеренных речей» М. Е. Салтыкова-Щедрина, где один из персонажей характеризует современную дамскую одежду (см.: *Щедрин,* т. XI, стр. 336—337, впервые опубликовано: *ОЗ*, 1874, № 10). Эта характеристика процитирована в «Гражданине» (1874, 18 ноября, № 46, стр. 1138—1139) в статье «Из текущей жизни»: «Да! вот и юный m-r Prokaznine (у г-на Щедрина) говорит, что в такое время, „когда все моды и робы, турнюры и пуффы, всякий бант, всякая лента, всякая пуговица на платье — всё направлено к тому, чтобы мужчина, не теряя времени на праздные изыскания, смотрел прямо туда, куда нужно смотреть, — в такое время некогда думать об apercus ⟨обозрении (*франц.*)⟩, а нужно откровенно, franchement ⟨чистосердечно (*франц.*)⟩ сказать себе: хватай, лови, пей, ешь и веселись“». Замечание это, безусловно, обратило на себя внимание Достоевского, так как в том же номере «Гражданина» помещен рассказ о предсмертном дневнике одного самоубийцы. Ср. ниже, примеч. к стр. 134.

Стр. 27. *У меня был в прежнем пансионишке, у Тушара, ещё до гимназии, один товарищ, Ламберт.* — В воспоминания Аркадия Долгорукого о своих детских годах учения в Москве Достоевский внес некоторые автобиографические элементы, перешедшие в роман из «Жития великого грешника» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 125—139). Имя содержателя пансиона Тушара восходит к Сушарду, или Н. И. Драшусову, содержателю пансиона в Москве (ср.: наст. изд., т. XVI, стр. 72, 75, 76, 94, 221, и ниже, примеч. к стр. 270). Ламберт также появляется в «Житии великого грешника» как соученик героя-мальчика, толкающий его на дурной путь. Подробнее см.: наст. изд., т. IX, стр. 519—520.

Стр. 27. *...он ездил на конфирмацию...* — Конфирмация — первое причастие; обряд приобщения юношей и девушек к церкви у католиков и протестантов.

Стр. 33. *У нас в гимназии сказали бы: подушка. (Если я описываю в такой подробности, то единственно для того, что понадобится в будущем.)* — Сюжетная линия, связанная с богатой невестой, прозванной «Подушкой», намечена в подготовительных материалах к роману (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 135—136 и 144—145). В окончательном тексте эта линия никакого развития не получила.

Стр. 39. *...когда Джемс Ротшильд ∾ узнал ∾ об убийстве герцога Беррийского ∾ нажил несколько миллионов...* — Джемс Ротшильд (1792—

1868) — парижский банкир, основал банкирский дом Ротшильдов, который расцвел после падения Наполеона I в связи с государственными займами Бурбонов; особое влияние Ротшильд имел при Луи-Филиппе, когда он был владельцем второго (после короля) состояния во Франции и монополизировал государственные займы. Герцог Беррийский (1778—1820) — второй сын Карла X, кандидат на французский престол, эмигрировал из Франции в 1789 г. и возвратился в 1814 г. после реставрации. 13 февраля 1820 г. был убит в подъезде театра рабочим Лувелем. Однако его убийство не отразилось на финансовой деятельности Ротшильда, который в действительности разбогател благодаря своевременному получению известия о поражении Наполеона I при Ватерлоо (1815).

Стр. 42. *...это тоже было в двух шагах.* — Прототип Дергачева — А. В. Долгушин жил на Петербургской стороне, в доме Мерк. См. отчет о судебном деле долгушинцев (*Г*, 1874, 10 июля, № 189).

Стр. 42. *...все ли еще он держит намерение бежать в Америку?* — Среди молодежи 60—70-х годов было распространено стремление переселиться в Америку, с чем связывались нередко разного рода радикальные и социалистические утопические идеи. Тема эта подробно развита Достоевским в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 111—112; т. XII, стр. 293—294; см. также: *Долинин*, стр. 159—162).

Стр. 43. *Во всех четырех окнах были спущены шторы.* — В следствии по делу Долгушина и его товарищей отмечалось, что в квартире, где печатались прокламации, «окна ⟨...⟩ как на улицу, так и во двор, за исключением кухни, постоянно были завешаны» (*Г*, 1874, 10 и 15 июля, №№ 189 и 194).

Стр. 43. *Это был техник и имел в Петербурге занятие...* — А. В. Долгушин, прототип Дергачева, заведовал мастерской жестяных изделий (см.: *Г*, 1874, 10 июля, № 189).

Стр. 43. *«Quae medicamenta non sanant — ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat!»* — Изречение одного из основателей медицины, древнегреческого врача Гиппократа (460—356 гг. до н. э.). Слова эти (взятые Ф. Шиллером эпиграфом к «Разбойникам»), наряду с другими изречениями на английском, итальянском и французском языках, были написаны на стенах комнаты в подмосковной даче Долгушина, где печатались прокламации. См. протокол следствия, опубликованный в «Голосе» (1874, 17 июля, № 196).

Стр. 43. *Дергачеву было двадцать пять лет, и он был женат.* — Прототипу Дергачева — А. В. Долгушину — во время суда над ним также было 25 лет, и он тоже был женат (см.: *Г*, 1874, 10 июля № 189).

Стр. 43. *...жена его ∾ ушла теперь кормить ребенка.* — Как показала во время следствия жена Долгушина, она «не могла бывать на каждом из этих вечеров», где обсуждались политические и нравственные вопросы, «потому что кормила ребенка» (см.: *Г*, 1874, 13 июля, № 192).

Стр. 43. *...оставались еще две дамы — одна ∾ лет двадцати ∾ а другая лет тридцати...* — По делу Долгушина привлекались две женщины: Сахарова, бывшая горничная, а затем гражданская жена одного из главных обвиняемых — Дмоховского, и Ободовская, дочь состоятельных родителей, уехавшая работать учительницей в Новгородскую губернию (см.: *Г*, 1874, 19 июля, № 198).

Стр. 44. *Дергачев был среднего роста, широкоплеч, сильный брюнет с большой бородой...* — В показании одного из свидетелей по делу Долгушина о его внешности сказано так: «молодой, с черною бородкой, невысокого роста» (см.: *Г*, 1874, 15 июля, № 194).

Стр. 44. *...одного высокого смуглого человека ∾ лет двадцати семи, какого-то учителя или вроде того...* — По делу Долгушина привлекался сельский учитель Гамов, 26-ти лет (см.: *Г*, 1874, 11 июля, № 190).

Стр. 44. *...молодого парня моих лет, в русской поддевке ∾ Он и оказался потом из крестьян.* — По делу Долгушина привлекался крестьянин А. Васильев, 18 лет, один из работников мастерской Верещагина, которой заведовал Долгушин.

Стр. 44. *Подожди, Тихомиров...* — В следственном деле долгушинцев упоминается фамилия Тихомиров; ее называет жена Долгушина как имя близкого знакомого, который часто бывал у них (см.: *Г*, 1874, 13 июля, № 192). К следствию по делу долгушинцев Тихомиров не привлекался.

Стр. 44. *Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный* ∾ *которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества.* — Весьма вероятно, что одним из прототипов Крафта был соученик А. Ф. Кони по Московскому университету, мировой судья Крамер, покончивший с собой, так как ему представлялось, что у русского народа нет исторической будущности. В дневнике, начатом за неделю до смерти, Крамер писал, что русский народ послужит лишь удобрением для более свежих народов, которые придут, вероятно, с Востока. «Но я люблю, — писал он, — этот народ, и его печальное будущее меня угнетает, рисуя мне всякую общественную работу бесполезной в своем конечном результате». Предсмертный дневник Крамера попал к А. Ф. Кони, который разбирал дело о самоубийстве своего бывшего товарища. Кони, вероятно, и рассказал об этом Достоевскому, так как некоторые детали из предсмертного дневника Крамера использованы при создании образа Крафта (см. ниже, примеч. к стр. 134). Кони рассказывает о Крамере в своих воспоминаниях («На жизненном пути», т. III, ч. I; см. также: И. И. Лапшин. Образование типа Крафта в «Подростке». В кн.: *О Достоевском*, вып. I, стр. 140—144). Однако, создавая образ Крафта, Достоевский пользовался и другими источниками. В теории Крафта об отсутствии самостоятельного значения России нашли, в частности, отражение взгляды П. Я. Чаадаева, высказанные им в «Философических письмах» (1829—1831), первое из которых, напечатанное в 1835 г. в «Телескопе», привело к закрытию журнала и высылке его редактора Н. И. Надеждина (1804—1856) в Усть-Сысольск. В письме высказаны положения, сходные с тем, что говорит Дергачев о теории Крафта. Чаадаев пишет: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?» (Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Под ред. М. Гершензона, т. II. М., 1914, стр. 113). И далее: «Ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь» (П. Я. Чаадаев. 1-е философическое письмо (1829). — Там же, стр. 116—117). Фамилия Крафта, возможно, была заимствована из материалов долгушинского процесса, печатавшихся в газетах: член московской судебной палаты Крафт составлял ряд протоколов следствия (*Г*, 1874, 17 июля, № 196). О другом прототипе Крафта см. ниже, стр. 374—375.

Стр. 45. *Как же можно сказать человеку, что нечего делать? Я представить не могу* ∾ *нечего делать!* — Ср. замечание Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: « ... не понимаю я, чтоб умный человек, когда бы то ни было, при каких бы ни было обстоятельствах, не мог найти себе дела» (см.: наст. изд., т. V, стр. 62).

Стр. 46. *Надо жить по закону природы и правды...* — Слова жены Дергачева — вариация заглавия нелегальной прокламации, вышедшей из кружка долгушинцев: «Как должно жить по закону природы и правды». Прокламация эта была сокращенной переработкой брошюры В. В. Берви-Флеровского «О Мученике Николае и как должен жить человек по закону природы и правды» (1873) (см.: Агитационная литература русских революционных народников. Изд. «Наука», Л., 1970, стр. 86—95, 479—480). В тайной типографии долгушинцев, кроме этого, были напечатаны два других воззвания, принадлежащие Долгушину: «Русскому народу» и «К интеллигентным людям».

С т р. 48. *Зачем же так секретно?* — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3). Реплика Чацкого в ответ на слова Молчалина: «Не смею моего сужденья произнесть». Оппонент Аркадия Долгорукого намекает на сходство его с Молчалиным и следующей своей репликой: «У вас?» В «Горе от ума» эта реплика Чацкого находится в таком контексте:

М о л ч а л и н
Нет-с, свой талант у всех...

Ч а ц к и й
У вас?

М о л ч а л и н
Два-с:
Умеренность и аккуратность.

С т р. 48. *...я плачу обществу деньги в виде фискальных поборов ...* — Фискальные поборы — налоги в пользу государственной казны (от лат. fiscus — государственная казна и fiscalis — казенный).

С т р. 49. *...когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней ...* — Эта мысль Подростка связана с теорией так называемой тепловой смерти вселенной, возникшей в 60-е годы XIX в. в связи с открытиями английского физика У. Томсона (1824—1907) и немецкого физика Р. Клаузиуса (1822—1888) в области термодинамики. В начале 1850-х годов они сформулировали 2-й закон термодинамики и установили, что все виды энергии переходят в тепловую и что последняя равномерно распределяется между всеми телами природы; происходящее при этом выравнивание температуры ведет к невозможности дальнейшего превращения тепловой энергии в другие ее виды. Отсюда вывод Клаузиуса (1865) о предстоящей тепловой смерти вселенной, произведший сильное впечатление на современников. Отзвуки этой теории сказались в описании одного из вариантов кончины мира в научно-популярной книге К. Фламмариона «История неба» (франц. изд. 1873 г.; русский перевод 1875 г. был в библиотеке Достоевского. См: *Библиотека,* стр. 161). «Солнце охлаждается. Унося Землю и планеты по ледяным пустыням пространства, оно медленно теряет свою теплоту и свой свет 〈...〉 Солнце сделается красным, затем черным, и планетная система будет не что иное, как собрание черных шаров, вращающихся вокруг такого же черного шара» (К. Ф л а м м а р и о н. История неба. СПб., 1875, стр. 523—524). Достоевский мог познакомиться с книгой Фламмариона до выхода в свет ее русского перевода. Теория тепловой смерти вселенной, видимо, глубоко волновала Достоевского. Подтверждением этого является неоднократное упоминание о грядущей гибели вселенной в черновых записях к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 70).

С т р. 49. *Один чрезвычайно умный человек говорил, между прочим, что нет ничего труднее, как ответить на вопрос: «Зачем непременно надо быть благородным?»* — Возможно, Аркадий имеет в виду слова Версилова, сказанные им во время одной из бесед, не вошедшей в окончательный текст. В подготовительных материалах сохранились наброски подобных высказываний Версилова. Например: «Главное желание ЕГО — это толковать, что порок вовсе не отвратителен. ОН ненавидит женевские идеи (т. е. человеколюбие, т. е. добродетель без Христа) и не признает в добродетели ничего натурального» (наст. изд., т. XVI, стр. 35).

С т р. 49. *...если я нахожу все эти разумности неразумными, все эти казармы, фаланги?* — Аркадий выступает здесь против фурьеризма, сторонники которого проектировали будущую разумную жизнь трудящихся людей как жизнь в общественных производственно-потребительских ассоциациях (фалангах), которые, по учению Ш. Фурье (1772—1837), должны стать ячейками нового общественного устройства. Позиция Аркадия здесь отчасти совпадает с позицией героя «Записок из подполья» (см.: наст. изд., т. V, стр. 110—113, 379—380).

С т р. 56. *...(все тогда находились за границей, в Эмсе) ...* — Эмс, или Бад-Эмс, — курортный город в Германии. В Эмсе Достоевский лечился летом 1874 г., и там же началась интенсивная работа над «Подростком» (см. выше, стр. 268). Впоследствии Достоевский ездил в Эмс для лечения в 1875 и 1876 гг.

С т р. 56. *Это была болезненная девушка, лет семнадцати ∾ чрезвычайной красоты, а вместе с тем и фантастичности.* — В эпизоде увлечения Лидии Ахмаковой Версиловым есть, по мнению Долинина (см.: *Долинин*, стр. 122—123), перекличка с одним из эпизодов биографии Чаадаева в изложении Жихарева. Чаадаева «полюбила молодая девушка из одного соседнего семейства ⟨...⟩ откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполне и им была сведена в могилу. Любовь умирающей девушки была, может быть, самым трогательным и самым прекрасным из всех эпизодов его жизни⟨...⟩ Не знаю, как он отвечал на эту привязанность, исполненную высокой чистоты⟨...⟩ но перед концом он вспоминал про нее как про самое драгоценное свое достояние» (*ВЕ*, 1871, № 9, стр. 15). Отметим, однако, что образ болезненной девушки (чахоточной или увечной), влюбленной в героя, который жалеет ее, присутствует в ряде произведений Достоевского. Ср.: «Преступление и наказание» (наст. изд., т. VI, стр. 166, 177), «Бесы» (Марья Лебядкина), замысел романа о князе и ростовщике (наст. изд., т. IX, стр. 122—125).

С т р. 61. *Я, может быть, и не верю в эпидемию самоубийств ...* — Об эпидемии самоубийств см. выше, стр. 260, а также: наст. изд., т. X, стр. 77, 92; т. XII, стр. 291, 292.

С т р. 61. *Живите больше, — как бы вырвалось у него.* — Слова Крафта восходят к «Сибирской тетради», запись 83 (см.: наст. изд. т. IV, стр. 238). Выражение это, как отражающее народную философию, использовано и в «Бесах» (см. наст. изд., т. X, стр. 377).

С т р. 64. *Мне встретился маленький мальчик ∾ он с чего-то вдруг меня испугался и побежал дальше.* — Сюжетный мотив о взаимоотношениях Подростка и маленького его сведенного брата, который убегал из дому и которого Подросток искал на темных улицах ночью, разрабатывался в подготовительных материалах к роману, но не вошел в окончательный текст (ср.: наст. изд., т. XVI, стр. 30, 43, 63, 64, 94, 110). Данный эпизод, видимо, — рудимент намечавшегося сюжета.

С т р. 65. *В войну с Европой поступил опять в военную службу, но в Крым не попал...* — Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг. между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, возникшая в результате столкновения экономических и политических интересов этих стран на Ближнем Востоке. Центральным событием войны стала героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся с октября 1854 по сентябрь 1855 г.

С т р. 65. *...вступил в мировые посредники первого призыва...* — Мировые посредники — должность для лиц дворянского звания, учрежденная в России для осуществления на местах крестьянской реформы 1861 г. Мировые посредники первого призыва (1861—1863), на которых выпала основная работа по размежеванию земель и составлению «уставных грамот» (актов, определяющих хозяйственное устройство крестьян и отношение их с помещиком в период до выкупа), в ряде случаев выступали с критикой правительственной реформы, добиваясь ее пересмотра на более демократических началах. 13 мировых посредников Тверской губернии были за это арестованы, заключены в Петропавловскую крепость и преданы суду. Намек на это событие есть в романе «Бесы» (см.: наст. изд., т. X, стр. 168; т. XII, стр. 224). В дальнейшем (институт мировых посредников просуществовал до 1874 г.) мировые посредники перестали играть сколько-нибудь значительную роль в жизни крестьян, да и на должность эту стали назначать угодных правительству реакционно настроенных помещиков и чиновников (см.: А. А. К о р н и л о в. Деятельность мировых посредников. В кн.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911, т V, стр. 237—252).

Стр. 66. *Фатер* (нем. Vater — отец) — здесь: отец семейства, обыватель.

Стр. 69. *«У меня-то украдут? Да я сам боюсь, у кого б не украсть» — слышал я раз это веселое слово на улице от одного проходимца.* — Выражение это взято из «Сибирской тетради», запись 16 (см.: наст. изд., т. IV, стр. 235).

Стр. 70. *Факторство* — исполнение чужих поручений, комиссия.

Стр. 70. *...этих наших Кокоревых, Поляковых, Губониных.* — Фамилии русских капиталистов, которые были богачами в первом поколении, выйдя из социальных «низов». Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — происходил из мещан Костромской губернии, старообрядец, самоучка — стал миллионером, разбогатев на винных откупах. Поляков Самуил Соломонович (1837—1888) — железнодорожный деятель, капиталист, происходил также из мещанского семейства, составил себе большое состояние в период строительства железных дорог и раздачи железнодорожных концессий. Губонин Петр Ионович (1825—1894) — известный железнодорожный деятель. Ироническое рассуждение о Губонине как «выходце из народа» («Куда вышел из народа г-н Губонин?») содержится в статье Н. К. Михайловского «Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г.» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. 2, стр. 147—148).

Стр. 71. *Незадолго до французской революции явился в Париже некто Лоу...* — Джон Лоу (1671—1729) — англичанин, бежавший из Англии в Париж. Здесь в 1716 г. основал с разрешения правительства банк, выпустивший необеспеченные банковые билеты. В 1720 г. предприятие Лоу обанкротилось, а сам он скрылся. Так как свой банк Лоу передал государству, то банкротство это оказалось государственным банкротством и вызвало общественный скандал.

Стр. 73. *Но были любимые... Впрочем, не приводить же их здесь.* — Содержание мечтаний — «идей» Подростка подробнее раскрыто в подготовительных материалах к роману («остров на Балтийском море», «Унгерн-Штернберг» и т. д.). См.: наст. изд., т. XVI, стр. 34, 35, 49, 93, 221; см. ниже, стр. 400.

Стр. 74. *...но вот подле меня Талейран, Пирон...* — Талейран Перигор Шарль-Морис (1754—1838) — выдающийся французский дипломат, мастер тонкой дипломатической игры, возглавлявший внешнюю политику Франции, несмотря на смену правительственных режимов, при Наполеоне и Луи-Филиппе. Пирон Алексис (1689—1773) — французский поэт, автор стихотворений, комедий, комических опер. О Пироне сохранилось много анекдотов, ему приписывались острые злые эпиграммы, пользовавшиеся большой популярностью. См.: наст. изд., т. XV, стр. 546, 547.

Стр. 75. *...с меня довольно / Сего сознанья.* — Цитата из монолога Барона в трагедии Пушкина «Скупой рыцарь» (1830). О значении трагедии Пушкина и образа Скупого рыцаря для «ротшильдовской» идеи Аркадия Долгорукого см. выше, стр. 296.

Стр. 75. *...как мог согласиться Джемс Ротшильд стать бароном!* — Джемс Ротшильд (см. примеч. к стр. 39), как и его братья, получил баронский титул в 1822 г.

Стр. 75. *Писали, что один заграничный граф или барон на одной венской железной дороге надевал одному тамошнему банкиру, при публике, на ноги туфли, а тот был так ординарен, что допустил это.* — Близкий случай описан в очерке В. П. Мещерского (1839—1914) «Заграничные дорожные эскизы» (*РВ*, 1871, № 10, стр. 637—699). Мещерский рассказывает, что на пути в Вену в железнодорожный вагон, в котором ехали русские путешественники, сел какой-то «весьма важный господин», а «какой-то щеголь австриец, сидевший с нами, вскочил с своего места и, начав раскланиваться преподобострастно с входившим магнатом, явно изъявил ему готовность обратиться в подушку или даже уничтожиться вовсе, лишь бы влезавшему почтенному господину было удобно». Важный господин «оказался евреем. Еврей этот был банкир NN», а щеголь «оказался барон N, из хорошей австрийской фамилии». Когда банкиру понадобился один из его дорожных мешков, «барон бросился к мешку, поднял его, сел напротив еврея, положил себе мешок

на колена и, обратившись в табурет или стол, находил себя в самом нормальном положении». Банкир же «принимал услуги барона как самое естественное проявление поклонения своей особе» (там же, стр. 651, 652).

Стр. 76. *Одно сознание о том, что в руках моих были миллионы и я бросил их в грязь, как вран, кормило бы меня в моей пустыне.* — Намек на библейскую легенду о пророке Илие, который во время жестокой многолетней засухи по повелению бога жил возле Иордана, причем ворон каждый день приносил ему хлеб и мясо (3-я книга Царств, гл. 17, ст. 4—6).

Стр. 77. *Идея Бисмарка стала вмиг гениальною, а сам Бисмарк — гением...* — О Бисмарке см. ниже, стр. 413.

Стр. 77. *...я заметил в вагоне одного плюгавенького молодого человека...* — В подготовительных материалах к роману эпизод с «дураком в вагоне» подробно разрабатывался (ср. т. XVI, стр. 47, 59, 71, 109 и др.). В окончательном тексте эпизод этот значительно изменился.

Стр. 78. *...мы ходили с ним вдвоем ∾ тотчас же приставали к ней.* — Основанием для этого эпизода послужила заметка в «Русском мире» (№ 188) от 12 июля 1874 г., которая нашла отражение в черновых материалах к роману (см. запись в июле 1874 г. — наст. изд., т. XVI, стр. 39). В Петербурге, 10 июля 1874 г. вечером, автор письма в газету, провожавший домой даму, повстречался с «сильно пьяным человеком ⟨...⟩ который ⟨...⟩ кидался на всех проходивших женщин и ругал их самыми площадными словами». Автор письма позвал городового, тогда пьяный «как-то сразу несколько отрезвился и просил пустить его и „не делать скандала“, потому что он — студент университета» (см. также: *ЛН*, т. 77, стр. 460). Заметка из «Русского мира» отозвалась еще в одном эпизоде романа. Ср. ниже, примеч. к стр. 221.

Стр. 78. *...Жан-Жак Руссо признается в своей «Исповеди» ∾ проходивших женщин.* — Руссо рассказывает об этом в книге третьей первой части «Исповеди». См.: *Руссо*, *Исповедь*, стр. 82—83.

Стр. 82. *...на стене висела превосходная большая гравюра дрезденской Мадонны...* — Имеется в виду Сикстинская Мадонна Рафаэля (1483—1520), написанная в 1515—1519 гг. для Сикстинской капеллы в Риме и хранящаяся в Дрезденской галерее, — одно из любимых живописных произведений Достоевского. Во время своего пребывания в Дрездене он постоянно посещал галерею, где любовался картиной Рафаэля (см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 15, 55 и др. по указателю). В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская писала, что «Сикстинскую Мадонну» Достоевский «признавал за высочайшее проявление человеческого гения» и «мог стоять перед этою поразительной красоты картиной часами, умиленный и растроганный» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 148—149). Фотографию с картины Рафаэля Достоевский долго, но тщетно пытался купить во время своих заграничных поездок. Она была подарена ему в 1879 г. С. А. Толстой и висела в кабинете писателя (там же, стр. 355—356). Сейчас эта фотография хранится в музее Достоевского в Москве.

Стр. 82. *...дорогая фотография, в огромном размере, литых бронзовых ворот флорентийского собора.* — Имеются в виду ворота Баптистерия Сан-Джиованни, крестильни при знаменитом соборе Санта Мария дель Фиоре (XIII в.) во Флоренции. А. Г. Достоевская отмечала в «Воспоминаниях», что живя во Флоренции, Достоевский восхищался собором и особенно воротами Баптистерия. «Муж уверял меня, что если ему случится разбогатеть, то он непременно купит фотографии этих дверей, если возможно, в натуральную их величину, и повесит у себя в кабинете, чтобы на них любоваться» (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 184).

Стр. 87. *Это одна из «женевских идей» конца прошлого столетия.* — Имеются в виду идеи, восходящие к общественно-политическим и моральным взглядам Жан-Жака Руссо (1712—1778), женевца по происхождению, которого Достоевский считал одним из предтеч современных ему демократических и социалистических учений. Ср. ниже, примеч. к стр. 173.

Стр. 87. *«Учительница подготовляет во все учебные заведения ∾ и дает уроки арифметики»...* — Подобных безграмотно составленных объявлений много печаталось в тогдашних газетах, особенно в «Голосе». Возможно,

что моделью для Достоевского послужило объявление, напечатанное здесь 30 сентября 1874 г.: «Приготовляю в военные гимназии и в военно-учебные заведения и даю уроки по математике» (*Г*, 1874, № 270). Запись о курьезном объявлении учительницы появляется в подготовительных материалах 2—3 октября. См.: наст. изд., т. XVI, стр. 160.

Стр. 87. *...у Елисеева и у Балле.* — Имена владельцев больших магазинов продовольственных товаров в Москве и Петербурге.

Стр. 90. *Я в пустыню удаляюсь...* — Первая строка популярной песни, опубликованной впервые в сб. «Новый российский песенник, или Собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, казацких, святочных, простонародных и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные другие случаи сочиненных...» (ч. I, СПб., 1790, стр. 16). Перепечатывалась позднее во многих песенниках. Приписывается М. В. Зубовой (ум. 1799), известной исполнительнице песен. О ней см.: Д. Л. Мордовцев. Русские женщины второй половины XVIII в. СПб., 1874, стр. 165—166. Эта книга была в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 148). См. также: Песни и романсы русских поэтов. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1965, стр. 196 и 991 («Библиотека поэта»).

Стр. 91. *Друг мой, а это будет... не скучно? Ты знаешь: tous les genres ...* — Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux ⟨Все жанры хороши, кроме скучного (*франц.*)⟩ — фраза Вольтера (1694—1778), ставшая крылатой, из его предисловия к комедии «Блудный сын» (1738).

Стр. 93. *...цвета сольферино...* (итал. solferino) — лилово-красного цвета.

Стр. 93. *...с алансонскими кружевами...* — кружева, производившиеся на знаменитой в свое время кружевной фабрике, основанной Ж.-Б. Кольбером (1619—1683), министром Людовика XIV, во французском городе Алансоне, главном городе Орского департамента в Нормандии.

Стр. 94. *Невеста-девушка смышляла жениха.* — Первая строка басни И. А. Крылова «Разборчивая невеста» (1806).

Стр. 99. *...он тебя до университета довел и что чрез него ты права получил.* — Окончивший гимназию имел право поступать в университет (другие учебные заведения этого права не давали) и во все прочие высшие учебные заведения, а также имел предпочтительное право перед не учившимися в гимназии поступать на государственную службу с производством в первый чин по выслуге определенных сроков.

Стр. 104. *Nous revenons toujours...* — Намек на французскую пословицу: On revient toujour, à ses premieres amours ⟨Всегда возвращаются к своей первой любви⟩.

Стр. 106. *...осуждали чины ∽ деревни и даже ломбард...* — Ломбард — кредитное учреждение, ссужающее деньгами в долг под залог имущества. Ломбарды возникли в России в XVIII в. как учреждения, находящиеся под контролем правительства, в целях борьбы с частными ростовщиками, взимавшими громадные проценты. Однако существовавшие в России сельские и городские ссудные кассы для обеспечения в кредитах сельских и городских жителей брали очень высокие проценты, гораздо выше официально дозволенных и по существу являлись эксплуататорскими учреждениями.

Стр. 106. *А может быть, таковы требования прекрасного и высокого в самом деле, я этого во всю жизнь не мог разрешить.* — Формула «высокое и прекрасное», широко распространенная в конце XVIII в. и в романтической эстетике 1820—1830-х годов, во второй половине XIX в. употребляется иронически. Ср. «Записки из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 102). Формула эта восходит к И. Канту (1724—1804) и Э. Бёрку (1729—1797), которые посвятили анализу понятий «прекрасное» и «высокое» свои эстетические трактаты; русскими романтиками она была воспринята главным образом из хорошо знакомых Достоевскому с молодых лет «Писем об эстетическом воспитании» Ф. Шиллера, написанных под влиянием Канта. Позднее в «Дневнике

писателя» на 1876 г. Достоевский писал, вспоминая 1837 г.: «Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали об чем-то ужасно, обо всем „прекрасном и высоком“, — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии» (*ДП* на 1876, январь, глава III, подглавка 1).

Стр. 107. *...если б он закричал на весь двор, завыл, сей уездный Урия — ну что бы тогда было со мной, с таким малорослым Давидом...* — Версилов иронически переосмысляет один из библейских сюжетов. Царь Давид увидел однажды Вирсавию, жену Урии хеттеянина, и соблазнил ее. Догадавшийся об этом Урия не хотел идти в свой дом, несмотря на старания Давида задобрить его. Тогда царь повелел своему военачальнику Иоаву во время сражений с аммонитянами поставить Урию в наиболее опасное место. Иоав исполнил повеление царя, и Урия был убит в сражении. Тогда Давид взял его вдову Вирсавию себе в жены. «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах господа». (2-я книга Царств, гл. 11, ст. 27).

Стр. 108. *...буквально пошел сбирать на построение божьего храма...* — Перефразированное выражение из стихотворения Н. А. Некрасова «Влас»:

И сбирать на построение
Храма божьего пошел...

Ср. след. примеч.

Стр. 109. *Смуглолиц, высок и прям...* — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» (1854). В «Дневнике писателя» за 1873 г., в пору своего резкого идеологического расхождения с Некрасовым, Достоевский разбирает это стихотворение в специальной статье «Влас». Черты некрасовского Власа, его внешний облик, его странничество сказались на обрисовке образа Макара Долгорукого (см. выше, стр. 308—310). Однако Макар одновременно и противопоставлен Власу. Сложные и противоречивые черты Власа (сочетание богоборчества, бунта, проявившегося в его грехе, и стремления к страданию и очищению), вообще характерные для многих героев Достоевского, не находят отражения в Макаре, ставшем воплощением тихого, кроткого и светлого начала (см.: *Достоевский и его время,* стр. 53—59). Влияние Власа, сюжетной схемы его характера (грех, чудесное явление, искупление греха страданием, молитвой и добрыми делами) больше сказалось на образе купца Скотобойникова, историю которого рассказывает Макар Долгорукий (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 313—322).

Стр. 113. *...пушкинского Германна из «Пиковой дамы» (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!)...* — Образ Германна (как и вся повесть Пушкина «Пиковая дама») оказал сильное воздействие на ряд произведений Достоевского (см.: А. Бем. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. «Slavia», 1929, т. VIII, вып. 1, стр. 82—100 и вып. 2, стр. 297—311). Характер петербургского героя Пушкина, одержимого фантастической идеей разбогатеть, нашел отражение и в «Подростке».

Стр. 113. *«А что, как разлетится этот туман ∽ не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город...* — Образ призрачного Петербурга, который, казалось, «тотчас исчезнет и искурится паром к темно-синему небу», впервые возникает у Достоевского в рассказе «Слабое сердце» (1848) (см.: наст. изд., т. II, стр. 48) и затем переходит в фельетон 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе». Сходные мотивы имеются в черновых набросках к «Дневнику писателя» за 1873 г., к статье «Мечты и грезы»: «Я часто спрашивал себя: как без переворота можно согласиться бросить такие дворцы — кстати, что будет с Петербургом, если бросят. Уцелеют немцы, множество домов без поддержки, без штукатурки, дырья в окнах, а посреди памятник Петра». Ср. след. примеч.

Мысль о том, что Петербург — город искусственно созданный, не «органичный» для России, а потому обреченный на гибель, была распространенной среди славянофильски настроенной части общества и нашла отражение в некоторых поэтических произведениях 1830-х годов — М. А. Дмитриева, В. С. Печерина и др. См.: Поэты 1820—1830-х годов. Изд. «Сов. писатель», Л., 1972, т. 2, стр. 60, 477—482, 736.

Стр. 113. *...а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»* — Имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе, названный Пушкиным Медным всадником. Достоевский использует символику пушкинской поэмы:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

(*Пушкин*. т. V, стр. 147)

Однако оценка деятельности Петра и ее результатов у Достоевского отлична от пушкинской. Ср. ниже, примеч. к стр. 453.

Стр. 115. *Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп.* — Мысль, характерная для литературно-теоретических взглядов Достоевского и неоднократно им высказывавшаяся. Так, в письме А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский говорит: «Ах, друг мой! Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! Между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает». Подробнее мысль эта развита в письме Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г.: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве) и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, — то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив». Сходную мысль развивает Достоевский и в рассуждении об отношении искусства к действительности в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. первая, подглавка 3, «Два самоубийства»). Говоря о видимости жизненных явлений и их скрытой сущности, которая должна быть предметом исследования для настоящего художника, Достоевский отмечает, что эта скрытая сущность, «концы и начала» — «это всё еще пока для человека фантастическое».

Стр. 116. *У Васина, на Фонтанке у Семеновского моста...* — Семеновский мост через Фонтанку по Гороховой улице (ныне ул. Дзержинского). Васин жил в районе, застроенном большими доходными домами, которые были заселены небогатым людом.

Стр. 120. *Бресто-граевские-то ведь не шлепнулись, а?* — Речь идет об акционерном обществе Бресто-Граевской железной дороги (дорога от Бреста до польского местечка Граево, важного железнодорожного пункта на пути между Россией и Германией), основанном в начале 70-х годов. Объявления общества (о перевозках, выручке, погашении облигаций, собраниях акционеров и т. д.) печатались в ряде газет 1873—1874 гг. Судя по этим объявлениям, акционерное общество увеличивало свой капитал, на что и намекает Стебельков.

Стр. 121. *«Прелестная дева ласкала меня...»* — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Черная шаль» (1820).

Стр. 121. *Я ведь и доктор и акушер-с. Фамилия моя Стебельков...* — О прототипе Стебелькова, враче-гинекологе Колосове, см. выше, стр. 314—315.

Стр. 121. *Форштадт* (нем. Vorstadt) — предместье.

Стр. 121. *Версилов — ведь это «бабий пророк-с»...* — Ироническое прозвище Версилова, данное ему людьми, его не понимающими, как и ироническая характеристика его богоискательства, вложенная в уста старого князя (см. т. XIII, стр. 31—32), возможно, восходят к оценке П. Я. Чаадаева его идейными противниками. Переход Чаадаева в католичество, его философские и богословские высказывания и писания, огромный успех его проповеди

у женщин, по предположению А. С. Долинина, сказались в образе Версилова (*Долинин*, стр. 121—123). Д. В. Давыдов в «Современной песне» (1839) дал такой портрет П. Я. Чаадаева:

Старых барынь духовник
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С оханьем и писком,
А он важно им в ответ:
«Dominus vobiscum».
⟨Господь с вами (*лат.*).⟩

Характеристика Версилова, данная старым князем Сокольским, во многом совпадает с этой характеристикой Чаадаева.

Стр. 122. *Версилов живет в Семеновском полку, в Можайской улице, дом Литвиновой, номер семнадцать...* — Можайская улица расположена в бывшей Московской части, между Обводным каналом и Загородным проспектом. Неподалеку были расположены казармы Семеновского полка. Район этот находился на границе между кварталами, в которых жили состоятельные люди (часть Загородного проспекта, примыкавшая к Владимирской площади), и районами с беспорядочной застройкой деревянными домами, где жили ремесленники и мастеровые. См.: *Михневич*, стр. 60.

Стр. 122. *Quand on parle d'une corde...* — Оборот, характерный для ряда французских пословиц. Например: Quand on parle du loup, on en voit la queue ⟨Когда заговорят о волке, тотчас увидят его хвост (*франц.*)⟩. Или: Quand on parle du soleil, on en voit les rayons ⟨Когда заговорят о солнце, сразу видят его лучи (*франц.*)⟩.

Стр. 125. *В конце Обуховского проспекта у Триумфальных ворот, я знал, есть постоялые дворы...* — Московские триумфальные ворота, сооруженные в 1838 г. по проекту архитектора В. П. Стасова, находились не на Обуховском проспекте, а на Царскосельском, являвшемся продолжением Обуховского (ныне оба они составляют Московский проспект). В то время возле Московских триумфальных ворот была граница города, здесь находилась Московская застава, район, где жили рабочие и городская беднота.

Стр. 129. *...Крафт застрелился — из-за идеи, из-за Гекубы...* — Намек на слова Гамлета об актере, читающем монолог о страданиях Гекубы:

Его лице от силы их бледнеет,
В глазах слеза, дрожит и млеет голос,
В чертах лица отчаянье и ужас,
И весь состав его покорен мысли.
И всё из ничего! Из-за Гекубы!
Что он Гекубе, что она ему,
Что плачет он об ней?

(*В. Шекспир*. Гамлет. Д. II. Перев. А. Кронеберга. М., 1861, стр. 97—98)

Стр. 131. *А это еще в Библии дети от отцов уходят и свое гнездо основывают...* — Аркадий имеет в виду изречение из книги Бытия, повторенное и в ряде мест Нового завета: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей...» (Бытие, гл. 2, ст. 24).

Стр. 134. *Крафт застрелился ∽ в полные сумерки, что явствовало из его дневника.* — В эпизоде самоубийства Крафта, записывавшего в последние часы и минуты жизни свои ощущения, Достоевским использован материал, помещенный в № 46 «Гражданина» от 18 ноября 1874 г. В разделе «Из текущей жизни» там было перепечатано сообщение из «Тифлисского вестника» о самоубийстве в Пятигорске некоего А. Ц-ва. Найденный мертвым

в своей постели, в полусидячем положении, он держал в руке карандаш и открытую книгу, а сбоку лежали часы и листы бумаги, исписанные им перед смертью. Самоубийца принял опиум и через каждые 5—10 минут записывал свои ощущения. Об использовании Достоевским этого предсмертного дневника см.: *Долинин*, стр. 139—140.

Стр. 134. *...он замечает ∽ что пишет почти в темноте, едва разбирая буквы; свечку же зажечь не хочет, боясь оставить после себя пожар.* — В предсмертном дневнике пятигорского самоубийцы говорилось: «Пишу на память и, чтоб не онеметь и не забыть потушить свечу и тем не сделать пожара, тушу свечу» (*Гр*, 1874, № 46, стр. 1140).

Стр. 134. *...он, чтобы согреться, думал было выпить рюмку, но мысль, что от этого, пожалуй, сильнее кровоизлияние, остановила его».* — Эта деталь заимствована из предсмертного дневника Крамера (см. выше примеч. к стр. 44), в котором была такая запись: «Скоро 12 часов! Всё готово. У меня легкий озноб, и я немного зеваю, но совершенно спокоен. Хотел выпить коньяку, но вино, говорят, усиливает кровотечение, а я и без того здесь напачкаю» (*О Достоевском*, вып. I, стр. 141).

Стр. 134. *Один такой же самоубийца именно жалуется в таком же своем дневнике ∽ всё такие мелкие и пустые.* — В дневнике пятигорского самоубийцы А. Ц-ва (см. примеч. выше) записано, что его знобит, тошнит и почему-то «начинает сильно чесаться нос». См : *Гр*, 1874, № 46, стр. 1140. Ср.: *Долинин*, стр. 140—141.

Стр. 135. *...на основании френологии, краниологии...* — Френология (от греч. phren, phrenos — ум, разум) — теория о связи между наружной формой черепа и умственными и моральными качествами человека, не подтвержденная дальнейшим развитием науки. Краниология (от греч. kranion — череп) — раздел антропологии и зоологии, изучающий черепа людей и животных.

Стр. 143. *Еще из Евангелия тут же пошутил: «Миритесь, говорит, пока на пути, дондеже не заплатите последний кодрант»...* — Неточная цитата из Нагорной проповеди, где говорится: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 25—26).

Стр. 144. *Адрес дала, у Вознесенского моста...* — Вознесенский мост по Вознесенскому проспекту (ныне пр. Майорова) через Екатерининский (ныне Грибоедова) канал. Расположен в бывш. Спасской части Петербурга (см. ниже, примеч. к стр. 215). В этом районе, согласно статистическим данным за 1872 г., было больше всего публичных домов (46 из 117). См.: *Михневич*. стр. 300.

Стр. 149. *...и не замечают, что уже на фербанте.* — Здесь: уже не у дел (от нем. verbannten — изгонять, ссылать).

Стр. 149. *...принять меня за странствующего селадона.* — Селадон — имя героя пасторального романа французского писателя Оноре д'Юрфе (1568—1625) «Астрея» (1610—1619), ставшее нарицательным как обозначение волокиты.

Стр. 151. *Версилов прямо ∽ отказался от всего выигранного им наследства.* — В этом эпизоде романа, по мнению В. Я. Кирпотина, есть перекличка с произведением Д. Дидро (1713—1784) «Разговор отца с детьми», сюжет которого составляет обсуждение случая с наследством, переданным не юридическим наследникам умершего, а другому лицу на основании случайно найденного документа, не имеющего уже юридической силы, а отражающего, да и то сомнительно, волю покойного (см.: В. Кирпотин. Лебедев и племянник Рамо. «Вопросы литературы», 1974, № 7, стр. 152). Обсуждение того, надо ли поступать «по закону» или «по совести», является главной темой диалога Дидро. Отец, распорядившийся наследством на основании найденного документа, лишил материальной поддержки бедных родственников умершего и до конца дней не был уверен в своей правоте. Версилов же, наоборот, в подобной ситуации лишает наследства себя самого. О Дидро и Достоевском см. также: наст. изд., т. V, стр. 379, 380, 384.

С т р. 152. *Ибо сей человек «был мертв и ожил, пропадал и нашелся»!* — В Евангелии от Луки (гл. 15, ст. 24) слова эти говорит отец о возвратившемся к нему сыне. Аркадий же говорит это о своем отце, переосмысляя таким образом евангельскую притчу.

С т р. 152. *Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман...* — Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Герой» (1830). У Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже...»

С т р. 157. *...не бог знает какой Versailles или Renaissance...* — Имеются в виду старинные стили изящной мебели, которые возникли во Франции и Италии и высоко ценились в XIX в. Версаль — название знаменитого архитектурно-паркового ансамбля, созданного в XVII в., иногда стиль «Версаль» называется также стилем Людовика XIII или Людовика XIV. Ренессанс — стиль эпохи Возрождения (XV—начало XVII в.), проявившийся прежде всего в изобразительном искусстве и архитектуре, а также и во внутренней отделке зданий.

С т р. 163. *...счет и в одном знатном ресторане...* — В черновом автографе назван ресторан Бореля (см. выше, стр. 37), помещавшийся в Петербурге на Большой Морской (ныне ул. Герцена). Борель упомянут и в окончательном тексте романа.

С т р. 165. *...об этом камне, близ Павловских казарм...* — Павловские казармы — казармы лейб-гвардии Павловского полка на углу Миллионной улицы (ныне ул. Халтурина) и Царицына луга (или Марсова поля). Здание сохранилось.

С т р. 165. *Покойника-то помните?* — Т. е. императора Николая I, умершего в 1855 г.

С т р. 165. *...тут Дума...* — Городская дума — орган городского управления; до введения городского положения 1870 г. городская дума заведовала городским хозяйством. Во всех расходах и доходах она обязана была давать отчет губернатору.

С т р . 165. *...ассигнации эти при покойном государе только обратили на серебро)*. — В 1839—1843 гг. в России была проведена денежная реформа; при этом обесценившиеся к тому времени ассигнации (бумажные деньги) были изъяты из обращения.

С т р. 165. *...только вот Царскосельская ходила...* — Первая железная дорога в России, связывавшая Петербург с Царским Селом (ныне г. Пушкин), открыта в 1838 г.

С т р. 165. *...Монферан; он ведь тогда Исаакиевский собор строил.* — Огюст-Рикар де Монферан (1786—1858) — архитектор, француз по происхождению, работал в России с 1816 г. Руководил с 1818 г. строительством Исаакиевского собора в Петербурге. По его проекту воздвигнута также Александровская колонна и несколько частных домов.

С т р. 166. *...да чуть ли это не князь Суворов был, Италийский, потомок полководца-то...* — Вероятно, имеется в виду внук генералиссимуса А. В. Суворова — А. А. Суворов (1804—1882), бывший с 1861 г. петербургским генерал-губернатором. Однако в происшествии, о котором рассказывал Петр Ипполитович, А. А. Суворов не мог принимать участие в качестве облеченного властью лица, так как само происшествие это могло происходить в царствование Николая I и до постройки Николаевской железной дороги, открытой в 1851 г.

С т р. 167. *Этот камень... это всё, что есть самого патриотически-непорядочного между подобными рассказами...* — Анекдот, рассказанный Петром Ипполитовичем, восходит к книжке В. И. Даля «Два-сорока бывальщинок для крестьян» (СПб., 1862, ч. II). В статье «Русская сметливость» (стр. 49—60) среди других историй приводится и рассказ о том, как во время одного строительства «простой работник» предложил убрать в сутки большой камень, который всем мешал. История, приведенная Далем, легла в основу рассказа Л. Н. Толстого «Как мужик убрал камень», вошедшего во вторую книгу его «Азбуки» (1872). Даль и Л. Толстой использовали это происшествие, чтобы показать сметливость простого русского человека. Достоевский же иронически воспринимает материал, который обычно призван был в книж-

ках «для народа» воспитывать казенный патриотизм и национальную гордость». Ср. ироническое отношение Достоевского к другим тогдашним книжкам для народного чтения, проявившееся в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (см.: наст. изд., т. III, стр. 35 и 509) и статье «Книжность и грамотность» (1861).

С т р. 167. *...Завьялову англичане миллион давали с тем только, чтобы он клейма не клал на свои изделия...* — Завьялов был известен в середине XIX в. своими ножевыми изделиями. О нем упомянуто в отчете о московской выставке мануфактурных изделий 1853 г., где имя его названо «известным» и «блестящим» (см.: *СП*, 1853, 13 мая, № 105). Источник упоминаемого Версиловым анекдота обнаружить не удалось.

С т р. 167. *Видение шведского короля — это уж у них, кажется, устарело; но в моей юности его с засосом повторяли и с таинственным шепотом...* — Легенда о видении шведского короля Карла XI (1655—1697), отца Карла XII, изложена в очерке Проспера Мериме «Видение Карла XI», включенном в его книгу «Мозаика», вышедшую в Париже в июне 1833 г. (см.: Проспер М е р и м е. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Изд. «Правда», М., 1963, стр. 362—369). Очерк Мериме был тогда же переведен на русский язык и опубликован в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (1833, 30 декабря, № 104. Без указания на источник рассказ о видении Карла XI изложен близко к тексту Мериме в романе Н. И. Греча «Черная женщина» (см.: Н. Г р е ч. Сочинения. Часть первая. СПб., 1838, стр. 63—71), откуда, вероятно, он перешел в разряд ходячих анекдотов, распространившихся в 1840-е годы. Эта же легенда, со ссылкой на Мериме, использована в статье В. А. Жуковского 1850 г. «Нечто о привидениях» (см.: В. А. Ж у к о в с к и й. Сочинения, т. 6. СПб., 1869, стр. 589—610). В легенде рассказывается о видении, явившемся королю Карлу XI, чтобы предсказать гибель будущего короля Густава III (1746—1792) от руки заговорщика Анкарстрема и казнь последнего. Анекдот, восходящий к роману Греча, рассчитанному на невзыскательного читателя, Версилов объединяет с другими анекдотами, почерпнутыми из подобных же источников (литературное окружение Греча и Булгарина, массовая литература для народа с казенно-патриотическим уклоном и т. п.).

С т р. 167—168. *...о том, что в начале столетия кто-то будто бы стоял в сенате на коленях перед сенаторами.* — Вероятно, имеется в виду устная легенда, содержащая искаженное представление о заговоре и восстании декабристов. Легенда эта записана только в XX в. (в Сибири), но в первой половине XIX в., видимо, имела широкое распространение и нашла отражение в исторической песне «Царя требуют в сенат», записанной во множестве вариантов в конце XIX—XX в. Согласно легенде, Николая I ночью вызвали в сенат заговорщики. Царь намекнул брату Константину, чтобы тот выручил его. Когда Константин подъехал к сенату, вооруженная охрана не хотела его пускать, говоря, что царя здесь нет. Лишь один из солдат дал понять великому князю, что брат его тут. С трудом проникнув в здание сената и взломав несколько запертых дверей, Константин увидел Николая, стоявшего на коленях перед сенаторами, которые требовали от царя подписать отречение. Константин спас брата.

Достоевский мог слышать эту легенду в устной передаче или еще в молодые годы, или в Сибири, где она была широко распространена. См.: А. К о с о в а п о в. Заговор декабристов в сибирских песнях и преданиях. «Сибирские огни», 1925, № 6, стр. 122—126; Н. О н ч у к о в. Песни и легенды о декабристах. «Звенья», т. 5, стр. 11—43; Исторические песни XIX века. Изд. «Наука», Л., 1973, стр. 128—148 и 234—236.

С т р. 168. *Про коменданта Башуцкого тоже много было анекдотов, как монумент увезли.* — Башуцкий Павел Яковлевич (1771—1836), был комендантом Петербурга при Александре I и Николае I. О его необразованности и глупости сохранилось много анекдотов. См., например, воспоминания А. И. Михайловского-Данилевского (*РС*, 1890, № 11, стр. 499). Анекдот, о котором упоминает Версилов, приводится Вл. Бурнашевым в его «Клубе анекдотистов и каламбуристов (из «Воспоминаний» и из «Памятной книжки» петербургского старожила)», печатавшемся в «Биржевых ведомостях».

Однажды, при Александре I, над Башуцким, шедшим к царю с ежедневным докладом, подшутил А. Л. Нарышкин, сказавший, что ночью переодетые шведские агенты похитили монумент Петра Великого и увезли его на корабле. Башуцкий поверил, испугался и «повинился» перед царем, что не доглядел (см.: *БВ*, 1873, 2 сентября, № 234). Упоминая анекдот, восходящий к воспоминаниям Бурнашева, Достоевский критически характеризует уровень всей группы анекдотов, перечисленных Версиловым, так как имя Вл. П. Бурнашева как автора воспоминаний было достаточно скомпрометировано в тогдашней печати. См., например, статью «Литературные и общественные курьезы» (*Г*, 1873, 4 января, № 4), где среди прочих «курьезов» упомянуты «Воспоминания» «петербургского старожила» Бурнашева, настолько изобилующие ошибками, неточностями и искажениями фактов, что «вместо старой поговорки „лжет, как календарь" можно смело предложить новую: „лжет, как г. Бурнашев"». Редактируемый Достоевским «Гражданин» также поместил на эту тему заметку «Современная хлестаковщина» (№ 3, от 15 января, стр. 87—88) за подписью «Давнишний обыватель Петербурга», где отмечался низкопробный характер «Воспоминаний» Бурнашева, старого сотрудника Греча и Булгарина.

Стр. 168. *...рассказы про министра прошлого царствования Чернышева...* — Чернышев Александр Иванович (1785—1857), князь, участник войн с Наполеоном (кампании 1805, 1812, 1813—1815 гг.), в правление Николая I занимал видные государственные посты: с 1848 г. председатель Государственного совета, в 1832—1852 гг. военный министр. О нем как об одном из возможных прототипов старого князя в повести «Дядюшкин сон» см.: наст. изд., т. II, стр. 511.

Стр. 168. *Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе...* — Ср. развитие этой же мысли в «Дневнике писателя» на 1873 г., гл. XV «Нечто о вранье».

Стр. 171. *...я часто говорил Софье Андреевне ∾ уморю себя казнью».* — Слова Версилова — отражение намеченной в подготовительных материалах к роману одной из ранних сюжетных линий: отношения героя («хищного типа». ЕГО) к своей жене, «мачехе» Подростка. См. наст. изд., т. XVI, стр. 20.

Стр. 172. *Впрочем, посмотри в Апокалипсисе...* — Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова, — новозаветная книга, которая многократно привлекала внимание Достоевского. См.: «Идиот» (наст. изд., т. VIII, стр. 167—168, 309—310; см. также т. IX, стр. 439, 445—448), «Бесы» (наст. изд., т. X, стр. 497) и др. Совет Версилова Аркадию узнать о будущем «лике мира сего» из Апокалипсиса в данном случае звучит иронически.

Стр. 172. *...прочти десять заповедей...* — Имеются в виду десять библейских заповедей, изложенных в Ветхом завете (Исход, гл. 20, ст. 1—17) и затем варьируемых в Евангелии (Матфей, гл. 5, ст. 21—43, и др.).

Стр. 173. *Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным.* — Выражение, восходящее к словам Евангелия: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» (Марк, гл. 4, ст. 22).

Стр. 173. *Женевские идеи — это добродетель без Христа...* — В подготовительных материалах к роману (см.: наст. изд. т. XVI, стр. 281) Достоевский говорит, что «женевские идеи» (ср. выше, примеч. к стр. 87) — это «теперешние французские идеи», связывая учение Руссо с идеями его последователей: социалистов и деятелей Коммуны. Социально-экономическое равенство людей, отрицание религии и христианской этики, стремление ко всеобщему обеспечению и довольству — таково, в интерпретации Достоевского, главное зерно этих идей.

Стр. 174. *...не твержу тебе, что «счастье лучше богатырства»; напротив, богатырство выше всякого счастья...* — Ср.: В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 70 («Счастье дороже богатырства»). Как отметил В. Я. Кирпотин (см.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 29—31), термин «богатырство» употреблен в «Подростке» в смысле, близком тому, каким наделил это слово Гоголь в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями», где он не раз говорил о богатырстве как символе русской силы, способности к борьбе со злом во имя высоких духовных идеалов: «В России

теперь на всяком шагу можно сделаться багатырем. Всякое звание и место требует богатырства ⟨...⟩ Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 291—292; ср.: т. VI, стр. 221; т. VIII, стр. 250, 368, 369, 373, 374—375 и др.). Версилов, употребляя слово «богатырство» в гоголевском значении, вряд ли мог разделять, однако, оптимизм Гоголя, его веру в возможность проявления «богатырства» в современной ему России. Приведенная пословица говорит скорее об обратном. В «Дневнике писателя» за 1877 г. (январь, глава I) Достоевский употребил ту же пословицу в контексте, близком по смыслу к высказыванию Версилова: «Что в том, что не живший еще юноша мечтает про себя со временем стать героем? Поверьте, что такие, пожалуй, гордые и заносчивые мечты могут быть гораздо живительнее и полезнее этому юноше, чем иное благоразумие того отрока, который уже в шестнадцать лет верит премудрому правилу, что «счастье лучше богатырства».

Стр. 174. *...каждый честный отец должен бы послать сына своего хоть на смерть, как древний Гораций своих сыновей за идею Рима?* — По древнеримской легенде, три брата из римского патрицианского рода Горациев решили спор между Римом и Альба-Лонгой об их первенстве своим поединком с тремя братьями Куриациями, представителями Альба-Лонги. Двое Горациев пали в битве, третий вернулся в Рим победителем. Легенда эта легла в основу трагедии Пьера Корнеля «Гораций» (1640), в которой старый Гораций, отец трех братьев, выступает как носитель идеи патриотизма и гражданского долга.

Стр. 175. *Где-то в Коране Аллах повелевает пророку взирать на «строптивых» как на мышей, делать им добро и проходить мимо, — немножко гордо, но верно.* — Рассуждение это — вероятно, результат контаминации мыслей и образов из пушкинских «Подражаний Корану» (1824). Слово «строптивые» взято оттуда же:

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых:
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

(*Пушкин*, т. II, стр.353).

Ср. также использование выражения «дрожащая тварь» из «Подражаний Корану» в «Преступлении и наказании». См.: наст. изд., т. VI, стр 253 и 322. (О соотношении «Подражаний Корану» Пушкина и Корана Магомета см.: К. Кашталева. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. В кн.: Записки Коллегии востоковедов. V [1930], стр. 243—270). Образ «дрожащей твари» был вытеснен в сознании Достоевского другим, возможно, также не без воздействия произведений Пушкина. В «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) упоминается «жизни мышья беготня»; в «Скупом рыцаре» Альбер говорит:

...пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.

Об использовании Достоевским этих образов см.: А. Бем. Достоевский — гениальный читатель. *О Достоевском*, вып. II, стр. 17. Ср.: *Комарович, Достоевский и Гейне*, стр. 106.

Стр. 178. *...сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном...* — Представление, что дворяне должны быть «лучшими людьми», свойственно было самому Достоевскому. В письме брату Андрею Михайловичу от 10 марта 1876 г. он говорит: «... семья твоя не выражает ординарного вида каждой среды и средины, а все члены ее имеют благородный вид выдающихся *лучших* людей. Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременного и высшего стремления *в лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения». Ср.

развитие этих мыслей в «Дневнике писателя» за 1876 г., октябрь, глава II «Лучшие люди» и «О том же».

Стр. 181. *Белинский, вторая часть!* — По всей вероятности, названная книга — это 2-я часть Сочинений В. Белинского в 12 частях, в издании К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина. В 1875 г. начало выходить четвертое издание этого собрания, которое, возможно, и упоминается Достоевским.

Стр. 182. *...важный гость, с аксельбантами и вензелем...* — Аксельбанты — наплечные шнуры с металлическими наконечниками — принадлежность военного мундира адъютантов, офицеров генерального штаба (к которым, видимо, и принадлежал Нащокин) и некоторых других родов войск. Вензель — начальные буквы имени и цифра, указывающая, — какому из царей одного имени вензель принадлежит. Царский вензель, или вензелевое изображение, «жаловался» царем в знак особой милости отдельным лицам или учреждениям. Ношение вензеля указывало на близость этого лица ко двору и императору.

Стр. 185. *Слыхали, что такое mont de piété в Париже? Хлеб и благодеяние бедным...* — Mont de piété (франц.) или monte de pieta (итал.) — ссудная касса; впервые возникли в Италии в XV в. по инициативе монаха Барнабе из Перуджии как человеколюбивые кредитные учреждения для выдачи ссуд бедным без процентов или с небольшим процентом, но под заклад вещей. Ростовщики повели борьбу с ссудными кассами, однако последние получили поддержку правительств и папы. В Париже mont de piété основан в 1777 г. Ж. Неккером (1732—1804), затем подобные учреждения открылись в других европейских странах, многие из них находились под контролем правительства. Проценты, взимаемые в mont de piété (4—7%), ниже, чем у частных ростовщиков, которые брали до 80%. В 1869 г. врач-акушер Колосов, прототип Стебелькова, организовал ссудную кассу, названную им mont de piété. См.: *Долинин*, стр. 143—144.

Стр. 189. *...он задает турусы.* — Турусы — пустая болтовня, вранье, вздор (см.: *Даль*, IV, стр. 455—456).

Стр. 190. *Ахмакова — пас. Он тут плиэ проиграл.* — Пас — карточный термин; означает отказ от участия в игре. Плиэ — выражение, которым пользуются в азартной игре; означает увеличение ставки на гнутую карту (от франц. plié — согнутый, сложенный).

Стр. 197. *...виною тому была монстрюозная клевета на нее...* — Монстрюозная — чудовищная (от франц. monstre — чудовище, урод).

Стр. 203. *...свою гантированную ручку...* — Гантированная (от франц. gant) — в перчатке.

Стр. 207. *...мы всё с вами читали «факты», как вы это называли ∽ говорили про одни только цифры, считали и примеривали ∽ Мы считали убийства и уголовные дела, сравнивали с хорошими известиями... хотелось узнать, куда это всё стремится и что с нами самими, наконец, будет.* — Внимание Достоевского к конкретному факту, событию, происшествию и к совокупности таких фактов как отражению основных закономерностей и тенденций русской жизни сказывалось во всем творчестве писателя. Мечтал он и о периодическом издании, в котором бы публиковались фактические сведения различного характера и тем самым создавалась беспристрастная картина современного состояния русского общества. О плане подобного издания говорит Шатову Лиза Тушина в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 103—104). Став редактором «Гражданина» в 1873 г., Достоевский намеревался превратить его в подобное издание, о чем свидетельствует редакционная заметка «Желание», помещенная в № 1.

Стр. 209. *...Отелло не для того убил Дездемону, а потом убил себя, что ревновал, а потому, что у него отняли его идеал!..* — Трактовка трагедии Шекспира «Отелло» (1604) как трагедии обманутого доверия восходит к известному замечанию Пушкина, записанному в «Table-Talk»: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив» (*Пушкин*, т. XII, стр. 157). Подобное толкование трагедии со ссылкой на Пушкина дает Достоевский и в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 343—344; ср.: т. IX, стр. 381—382).

С т р. 209. *...я готов был броситься и целовать то место на полу, где стояла ваша нога...* — По мнению Долинина (см.: *Долинин*, стр. 99—100), в отношении Аркадия к Ахмаковой многое напоминает любовь юного героя «Исповеди» Руссо к г-же де Варанс. В частности, в книге третьей части первой Руссо, рассказывая о своих чувствах к г-же де Варанс, говорит: «Сколько раз целовал я свою постель, при мысли о том, что она спала на ней, занавески, всю мебель в моей комнате — при мысли о том, что они принадлежали ей и ее прекрасная рука касалась их, даже пол, на котором я простирался, — при мысли, что она по нему ступала» (*Руссо, Исповедь*, стр. 100).

С т р. 215. *Я жил близ Вознесенского моста, в огромном доме...* — Район, где жил Аркадий,— так называемая Спасская часть — наиболее населенная часть Петербурга; здесь жили преимущественно торговцы и ремесленники. Спасская часть была застроена большими доходными домами. «Здания отличаются громадностию, но великолепие и изящество в строениях замечается редко» (*Михневич*, стр. 59).

С т р. 219. *Неужели она так плохо рансеньирована?* — Рансеньирована (франц. renseigner) — осведомлена.

С т р. 220. *Сам давал по десяти и по двадцати пяти просителям* ∽ *просит бывший поручик!* — Образ поручика, просящего милостыню и уверяющего, что «сам давал по пятнадцати целковых нуждавшимся», впервые появляется в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), затем в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 133 и т. IX, стр. 436—437). В усложненном виде образ пьяного просящего поручика возникает в 1870 г. ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩: «Поручик, просящий благородной милостыни, отец Хромоножки, был друг покойному убитому капитану, одной роты, вместе пьянствовали, поклялся, что найдет убийц. Фразер» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 123). От него, по-видимому, с одной стороны, — путь к капитану Лебядкину («Бесы»), с другой — к образу «просящего по 20 коп. поручика», упоминаемому в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 94). В окончательном тексте остался лишь незначительный эпизод с поручиком. Ряд его черт переходит к Петру Ипполитовичу, хозяину квартиры Подростка. Позднее образ спившегося капитана, который «останавливает иной раз прохожих на Невском и просит па бедность», промелькнет в «Сне смешного человека» (1877).

С т р. 221. *Эта бесшабашность на наших улицах начинает надоедать до безобразия...* — Возможно, на эпизод с пьяным поручиком повлияли некоторые детали заметки в «Русском мире» от 12 июля 1874 г. (ср. выше, примеч. к стр. 78) — появление пьяного вечером на набережной Фонтанки, его грубое, развязное поведение, призыв городового и снисходительное отношение городового к пьяному. См. также: *ЛН*, т. 77, стр. 460.

С т р. 222. *...маленький трактир на канаве...* — Канава — Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова).

С т р. 222. *...эта заикающаяся ария из «Лючии»...* — «Лючия ди Ламермур» — опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1797—1848). О восприятии «Лючии» современниками Достоевского см.: *Гозенпуд*, стр. 139—140.

С т р. 222. *...«ндраву моему не препятствуй»...* — распространенное выражение, характеризующее самодурство невежественных купцов. Употреблено в «Сценах из купеческого быта» (1861) И. Ф. Горбунова (см.: И. Ф. Г о р б у н о в. Избранное. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1965, стр. 230). Использовано Достоевским уже в «Униженных и оскорбленных» (см.: наст. изд., т. III, стр. 275).

С т р. 224. *Если бы я был Отелло, а вы — Яго, то вы не могли бы лучше...* — Аркадий намекает на то, что подобно Яго, разбившему идеал Отелло, Версилов отнимает идеал у своего сына. См. также примеч. к стр. 209.

С т р. 225. *Я горячо поцеловал его.* — Мотив братания или поцелуя двух соперников именно в тот момент, когда ревность одного из них достигает своего апогея, — встречается и в других произведениях Достоевского. Ср. в «Идиоте» сцену, когда Рогожин предлагает Мышкину обменяться крестами, заканчивающуюся объятием соперников (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 184—

185), а также в «Вечном муже» эпизод поцелуя Трусоцкого и Вельчанинова (см.: наст. изд., т. IX, стр. 42—49).

Стр. 228. *...я стал ездить на рулетку Зерщикова.* — Как выяснил А. С. Долинин, прототипом штабс-ротмистра Зерщикова был отставной штабс-ротмистр Колемин, который был предан суду по обвинению «в устройстве и содержании заведения для запрещенной игры в рулетку» (см.: *Долинин*, стр. 150—152). Отчет о судебном заседании см.: *Г*, 1874, 2—5 мая, №№ 120—123. Фамилия Зерщиков (первоначально Сурдинский или Зверинский — см. т. XVI, стр. 86), по предположению А. Бема, образована от слова зеро (zéro), так как подросток выигрывает у него на зеро (см.: А. Бем. Личные имена у Достоевского. В кн.: Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ — за седемдесетгодишнината отъ рождението ту. София, 1933, стр. 417).

Стр. 230—231. *...разменял у банка мои кредитки на полуимпериалы.* — Кредитки или кредитные билеты — беспроцентные долговые обязательства банка, заменяющие деньги; полуимпериал — золотая монета в пять рублей (империал — 10 рублей, а с 1897 г. — 15 рублей).

Стр. 231. *Zéro* (франц. zero — нуль) — нулевое очко, отделение на рулетке с нулевым обозначением.

Стр. 247. *Мы — всего только тысячелетние князья и благородны, как Роганы...* — Роганы (Rohan) — древний бретонский княжеский род, который вел свое происхождение от королей и герцогов Бретани. Считался одним из самых знатных дворянских родов и состоял в родстве со многими королевскими домами Европы. Его девиз: Roy ne puys, Duc ne daygne, Rohan suys ⟨До короля не возвышаюсь, до герцога не снисхожу, Роган есмь *(франц.)*⟩.

Стр. 248. *...участвую в подделке фальшивых акций —ской железной дороги...* — Об использовании в романе уголовного дела 1874 г. о подделке акций Тамбово-Козловской железной дороги см. выше, стр. 314—315.

Стр. 255. *...лицо из английского кипсека.* — Кипсек (англ. Keepsake) — название, употреблявшееся для обозначения альбомов с гравированными иллюстрациями.

Стр. 255. *...мы летом сначала в Соден, а потом в Бад-Гаштейн.* — Соден — курортный город с минеральными источниками в Германии, близ Франкфурта-на-Майне. Бад-Гаштейн — курорт в Австрии в живописной долине Гаштейн.

Стр. 255. *Les chants de Salomon...* — Имеется в виду входящая в Ветхий завет книга Песни песней Соломона, содержащая образцы древней любовной лирики.

Стр. 255. *...c'est David qui mettait une jeune belle dans son lit pour se chauffer dans sa vieillesse.* — О иудейском царе Давиде рассказывается в Ветхом завете (1-я, 2-я и 3-я книги Царств). См. ниже, примеч. к стр. 420.

Стр. 256. *...а у Поль де Кока вышла бы из этого какая-нибудь scène de bassinoire...* — Поль де Кок (1794—1871), французский писатель, автор широко популярных романов, описывающих быт и нравы представителей среднего сословия. См. о нем в наст. изд., т. I, стр. 481.

Стр. 265. *Крупёры* — крупье (франц. croupier) — банкомет, банкодержатель в игорном доме, который следит за игрой, выдает ее участникам их выигрыш и забирает проигранные ставки.

Стр. 269. *...я забежал в переулок, где-то близко от Конногвардейского бульвара.* — Конногвардейский бульвар (ныне бульвар Профсоюзов) упомянут также в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 39).

Стр. 269. *...я увидел огромный склад дров ∾ зажечь ее, зажечь и пропихнуть в дрова — вот и пожар.* — Сообщения о пожарах в Петербурге часто встречались в тогдашних газетах. Пожар, сходный с тем, какой намеревался устроить Аркадий, описан в «Голосе», 1874 г. от 28 мая (№ 146). Газета сообщала о пожаре на дровяном складе, возникшем в первом часу ночи по неизвестной причине и от которого загорелись соседние дома. В огне погибли люди.

Стр. 270. *...у Николы, в красной церкви ∾ выстроенной еще при Алексее Михайловиче, узорчатой, многоглавой и «в столпах»...* — В описании этой церкви, вероятно, отразились впечатления московского детства Достоевского. Церковь XVII в. (церковь Пимена Нового) находилась рядом с пансионом

Н. И. Драшусова (Сушарда), где в 1833 г. мальчик Достоевский был приходящим учеником (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 65; ср. выше, примеч. к стр. 27). Однако описание больше соответствует церкви Николы в Столпах, находившейся в Армянском переулке, недалеко от дома родственников Достоевского, Куманиных (см.: Г. Федоров. Драшусовы и «пансионишко Тушара». *ЛГ*, 1974, 17 июля, № 29).

Стр. 270. *...только что минула святая неделя...* — Святая неделя — пасхальная неделя.

Стр. 270. *...уже трепещут новорожденные зелененькие листочки. Яркое предвечернее солнце льет косые свои лучи...* — Существенные для Достоевского символические образы молодых зеленых листочков и косых лучей заходящего солнца, олицетворяющих жизнь и гармонию в природе и мире, возникают здесь не случайно. Они предваряют появление мамы, образ которой тем самым окружается светлым и примиряющим ореолом. О символическом использовании Достоевским образа заходящего солнца и его косых лучей см. ниже, в примеч. к стр. 375. Ср. также в «Братьях Карамазовых» рассуждение Ивана о «зеленых клейких листочках» как символе жизни (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 209—210).

Стр. 274. *...с черными как смоль щегольскими бакенами, с горбатым носом, с белыми оскаленными на меня зубами, белый, румяный, лицо как маска...* — Портрет Ламберта, в сниженном виде, повторяет некоторые детали портрета Ставрогина в «Бесах»: «...волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зу́бы как жемчужины, губы как коралловые, — казалось бы, писаный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...» (наст. изд., т. X, стр. 37).

Стр. 275. *...нумер обыкновенного петербургского шамбр-гарни...* — Шамбр-гарни (франц. chambres garnies) — меблированные комнаты.

Стр. 275. *Alphonsine* — имя сообщницы Ламберта, в прошлом модистки или актрисы, возможно, дано ей Достоевским по аналогии с именем известной в 1870-е годы в Петербурге французской шансонетки Альфонсины. Имя ее часто встречалось в газетах и употреблялось как нарицательное (например: *Г*, 1874, 24 августа, № 233; *Гр*, 1873, 23 апреля, № 17; *Гр*, 1874, № 48). Упоминается Альфонсина также в очерках Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы», «Ташкентцы приготовительного класса», впервые опубликованных в «Отечественных записках» (1871, № 9), а затем изданных отдельно в 1873 г. (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. X, стр. 91).

Стр. 277. *«Tue-la!» — voilà le dernier mot de l'Académie française!..* — Выражение «Tue-la!» принадлежит А. Дюма-сыну (1824—1895), восходит к его памфлету «Мужчина-женщина», посвященному нравам буржуазной семьи, и относится к «неверной» жене (см.: A. Dumas-fils. L'Homme-Femme. Paris, 1872, p. 176). Книга эта упомянута Достоевским в записной тетради 1874 г. Выражение получило иронический отклик среди писателей и публицистов во Франции и в России. В статье «Парижский конгресс по женскому вопросу», напечатанной в «Отечественных записках», о «Мужчине-женщине» Дюма сказано: «Во Франции брошюра Дюма выдержала 35 изданий и породила целую массу других, разошедшихся если не в таком громадном, то все-таки весьма значительном количестве ⟨...⟩ Знаменитое изречение: tue-la — осмеивалось в печати и на сцене; оно пародировалось на все лады: и в серьезных пьесах и в буффонадах и вызывало всегда смех и рукоплескания» (*ОЗ*, 1873, № 5, отд. 2, стр. 94). О брошюре Дюма упомянуто и в статье Н. Н. Страхова «Заметки о текущей литературе», напечатанной Достоевским в «Гражданине». «В Париже, например, выходит брошюрка Александра Дюма-сына „L'homme-femme", поднимается величайший шум и пишутся бесчисленные статьи; а мы молчим и едва пожимаем плечами» (*Гр*, 1873, № 20, от 14 мая, стр. 595). В феврале 1875 г. Дюма-сын был принят в члены Французской Академии. В статье Э. Золя, посвященной этому событию и напечатанной в «Вестнике Европы» (за подписью «Э»), дается критический анализ творчества писателя, в том числе и его памфлета. «Дюма и не подозревает, что истинная смелость

в литературе заключается в том, чтобы брать природу человеческую так, как она есть, терпеливо изучать ее и не стремиться втиснуть ее в узкие рамки утопии. Он же, точно первосвященник комментирует Библию, рассуждает о женщине, словно о какой-то машине, где произвольно можно менять механизм. И вот он рубит с плеча, пророчествует, приправляет природу самым диковинным философским соусом, какой только можно себе представить. Его „Убей ее!" неподражаемо. Написав страниц тридцать мистической галиматьи о прелюбодейной жене, он кричит обманутому мужу: „Убей ее!"» (*ВЕ*, 1875, № 3, стр. 442). Эти же слова иронически цитирует Н. К. Михайловский в «Записках профана», XVI (*ОЗ*, 1875, № 9) «Мнения одного Леонарда и трех ученых о женском вопросе и о прогрессе»: «Это — печальная, конечно, перспектива, но как же быть? ⟨...⟩ Дюма советует стрелять, убивать преступных жен, он говорит: „tue-la, tuez les", шлет пули» (см.: *Михайловский*, т. 3, стр. 606). Статьи Золя и Михайловского печатались, когда Достоевский работал над 2-й и 3-й частями «Подростка». Возглас Альфонсины — отклик на последние события: прием Дюма во Французскую Академию. Но здесь характерный для Достоевского анахронизм: действие «Подростка» происходит не позднее 1874 г., а Дюма стал академиком в феврале 1875 г.

Стр. 277. *...au pont des Maréchaux...* ⟨у моста Кузнецов *(франц.)*⟩ — Речь идет о Кузнецком мосте, улице в Москве, знаменитой магазинами мод.

Стр. 277. *...la Maison de monsieur Andrieux...* — Имя Andrieux («M-me Andrieux») часто упоминается в подготовительных материалах к роману как имя содержательницы публичного дома.

Стр. 288. *...недаром бог вдунул в него дыхание жизни: «Живи и познай».* — В Библии (Бытие, гл. II, ст. 7) так говорится о сотворении богом человека: «И создал господь бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Макар вольно пересказывает это место Библии, трактуя способность человека к познанию как божью благодать.

Стр. 288. *...вы — не враг науки, не клерикал?* — Клерикал — сторонник клерикализма, т. е. политического направления, ставящего целью усиление влияния церкви и духовенства в жизни страны.

Стр. 288. *...в Геннадиевой пустыни один великого ума человек.* — Может быть, имеется в виду монастырь, основанный Геннадием Любимоградским (или Костромским) в 1565 г. на Сурском озере в Костромской губернии.

Стр. 288. *...прошлого лета, в Петровки...* — Петровки — Петров день, церковный праздник святых Петра и Павла, 29 июня по старому стилю.

Стр. 290. *...поспешали мы в Богородский монастырь ∾ лобызать святые и целокупные мощи великих обоих чудотворцев Аникия и Григория.* — Трудно сказать, о каком монастыре говорит Долгорукий: монастырей с таким названием было много. Ефимьевский Богородский монастырь упомянут в «Бесах» (прототип старца Тихона — Тихон Задонский — жил в Задонском Богородицком монастыре Воронежской губернии). В монастыре Лопатове Богородицком (иначе он назывался Кадницкий или Григориев Пельшемский), основанном св. Григорием в 1426 г., хранились мощи его основателя Григория Пельшемского. Мощи св. Иоаникия (Аникия) вместе с мощами св. Антония находились в Заоникиевом Владимирской богородицы монастыре, основанном ок. 1588 г. Оба эти монастыря находились в Вологодской епархии — Лопатов в 7 верстах от г. Кадникова, Заоникиев в 14 верстах от Вологды (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877; Н. Суворов. Владимирская Заоникиева пустынь. Вологда, 1888).

Стр. 297. *...la calomnie ... il en reste toujors quelque chose...* — измененная цитата из комедии Бомарше (1732—1799) «Севильский цирюльник» (1775): «Calomniez, calomniez, il en restera toujors quelque chose» ⟨Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь да останется *(франц.)*⟩ (акт II, сц. 8). Выражение это, вероятно, восходит к Фрэнсису Бекону (1561—1626), в трактате которого «О достоинстве и усовершенствовании наук» (1663) сказано: «Calumniare audacter, semper aliauid haeret» ⟨Клевещите смело — всегда что-нибудь останется *(лат.)*⟩.

С т р. 306. *Это оттого, что во мне была душа паука!* — Паук у Достоевского — часто символ сладострастия и падения человеческой личности. Ср. анализ «Египетских ночей» Пушкина в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (1861), где Клеопатра уподобляется «страшному гаду», самке паука. Сходные моменты есть в характеристике кн. Валковского в «Униженных и оскорбленных» (см.: наст. изд., т. III, стр. 358) и героя «Записок из подполья» (см.: наст. изд., т. V, стр. 152). Подробнее см.: *Комарович, «Египетские ночи»*, стр. 42—46. Ср. ниже, примеч. к стр. 335.

С т р. 309. *«Житие Марии Египетской»*. — О христианской подвижнице VI в. Марии Египетской Достоевский упоминает в ряде произведений: в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию», в наброске 1870 г. «Мысль на лету», «Братьях Карамазовых». См. примеч. к неосуществленному замыслу 1870 г. «Мысль на лету» (наст. изд., т. XII, стр. 368).

С т р. 310. *Рассказ этот, конечно, пустой, и таких бездна теперь во всех газетах...* — О подобных судебных разбирательствах газеты, действительно, писали часто. В «Голосе» (1874, 21 октября, № 291) излагается, например, дело бессрочноотпускного рядового Соловьева, убившего свою любовницу, солдатскую вдову Михайлову. Соловьев сам заявил о себе в полицию и сознался в преступлении. Суд присяжных признал его заслуживающим снисхождения и приговорил к заключению в смирительном доме на шесть месяцев. В «Гражданине» сообщается об оправдании судом присяжных крестьянки Помадиной, обвинявшейся в отравлении в корыстных целях четырех своих родственников. Оправдательный приговор, по мнению корреспондента, «должно приписать особенно умелой защите». Причем «оправданная подсудимая, сидевшая во все время продолжительных прений в каком-то оцепенении ⟨...⟩ утратила к концу заседания всякое сознание, не поняла даже своего оправдания и совершенно бесчувственно стояла в то время, когда ⟨...⟩ от нее удалились часовые и вместо их окружили ее родственники и защитник...» (*Гр*, 1873, № 19 от 7 мая, стр. 576). Об участившихся случаях оправдательных приговоров в суде присяжных и о столкновении «теории среды» с народной идеей вины преступника в содеянном преступлении см. в «Дневнике писателя» на 1873 г., глава III «Среда».

С т р. 311. *То ли у Христа: «Поди и раздай твое богатство, и стань всем слуга»*. — В евангелиях рассказывается о богатом юноше, который спросил у Христа, «что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную», на что он получил ответ: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 16 и 21).

С т р. 313. *...в городе Афимьевском...* — В описании города Афимьевского отразились многие черты Старой Руссы (см.: *Рейнус*, стр. 30). В романе на стр. 317 описание набережной, по которой идет бульвар, широкой реки, перевоза через нее, храма на том берегу — всё это конкретные приметы современной Достоевскому Старой Руссы.

С т р. 314. *Архимандрит* — высшее звание, даваемое настоятелям важнейших монастырей.

С т р. 317. *...«самые одежды мои возгнушались мною»...* — Цитата из Библии. Иов говорит о невозможности человеку оправдаться перед всесильным богом: «Хотя бы я омылся и снежною водою и совершенно очистил руки мои, то и тогда ты погрузишь меня в грязь, и возгнушаются мною одежды мои» (Книга Иова, гл. 9, ст. 30—31).

С т р. 317. *...в драдедам одел...* — Драдедам — легкое сукно, полусукно. Ср. наст. изд., т. VII, стр. 365.

С т р. 318. *«А иже аще соблазнит единого малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей»* ⟨А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской⟩. — Цитата из Евангелия (см.: Матфей, гл. 18, ст. 6). Эти же слова в романе «Бесы» приводит Ставрогин, исповедуясь старцу Тихону в своем преступлении. См. главу «У Тихона» (наст. изд., т. XI, стр. 28).

С т р. 320. *...подул и тот в ухо...* — Т. е. наговорил, нашептал. Ср.: наст. изд., т. XVI, стр. 178.

С т р. 325. *Что же до Анны Андреевны, то она* ∾ *не могла не пойти на удочку — «из борьбы за существование».* — Борьба за существование — выражение, восходящее к труду Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859; рус. перев. 1865); получило широкое распространение в социологической, политической, художественной литературе, в прессе и стало ходячим выражением. Достоевский в данном случае употребляет его иронически. Ср. использование его в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 421 и т. XII, стр. 318).

С т р. 330. *А то раз волка испугалась, бросилась ко мне, вся трепещет, а и никакого волка не было».* — Сходный эпизод рассказан Достоевским в очерке «Мужик Марей» («Дневник писателя за 1876 г., февраль, глава I), что сближает образы Макара Долгорукого и мужика Марея, воплощавшего, с точки зрения Достоевского, главные черты русского крестьянина: «светлую любовь» и «глубокое и просвещенное человеческое чувство».

С т р. 330. *И Иов многострадальный, глядя на новых своих детушек, утешался, а забыл ли прежних, и мог ли забыть их — невозможно сие!* — В Библии (книга Иова) рассказывается о праведнике Иове, которому бог, чтобы проверить глубину и искренность его веры, посылал различные испытания, в том числе и смерть его детей. Слова Макара Ивановича указывают на его несогласие с библейской трактовкой переживаний Иова. По его мнению, Иов не мог забыть прежнее и не был утешен. (Так и Макар Иванович не мог забыть свое горе: измену любимой жены.) Возможно, здесь сказался и духовный опыт самого Достоевского: воспоминание о страданиях, вызванных смертью его первого ребенка, дочери Сони, умершей 12 мая 1868 г. в возрасте трех месяцев. 22 июня (4 июля) 1868 г. Достоевский писал А. Н. Майкову: «Никогда я не был более несчастен, как во всё это последнее время ⟨...⟩ Чем дальше идет время, тем язвительнее воспоминание и тем ярче представляется мне образ покойной Сони. Есть минуты, которых выносить нельзя ⟨...⟩ Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его; где любви найду; мне нужно Соню». (Ср.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 178—181). Слова Макара Ивановича отражают состояние Достоевского несколько лет спустя. О книге Иова Достоевский 10 (22) июня 1875 г. писал жене из Эмса: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача ⟨...⟩ Эта книга, Аня, странно это, — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем». Интерес к Иову сказался и в ряде упоминаний о нем в подготовительных материалах к «Подростку». Так, видимо, предполагалось включить в роман разбор книги Иова в разговоре Версилова с Макаром (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 346, 388 и ниже, стр. 425).

С т р. 335. *...«в глуши, в Архангельске, в Холмогорах».* — В бредовых фантазиях князя Сокольского о воспитании будущего сына — наследника древнего рода — Холмогоры возникают, вероятно, по ассоциации с биографией М. В. Ломоносова, который родился близ Холмогор.

С т р. 335. *Мне всё пауки снятся! — сказал он вдруг.* — Паук у Достоевского ассоциируется не только с образом сладострастника (ср. выше, примеч. к стр. 306), но и с разложением, гибелью человеческой души. О пауках говорит Свидригайлов незадолго до самоубийства. Рассуждая о загробной жизни, он замечает: «А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде» («Преступление и наказание», см. наст. изд., т. VI, стр. 221). «Крошечный красненький паучок» стал для Ставрогина олицетворением его страдающей больной совести («Бесы», глава «У Тихона», см. наст. изд., т. XI, стр. 22). Огромный злой паук в человеческий рост мерещится Лизе, когда она представляет себе свою жизнь со Ставрогиным («Бесы», см.: наст. изд., т. X, стр. 402). См. также: *Комарович, «Египетские ночи»,* стр. 42—46.

С т р. 336. *...это был человек в белой горячке и безответственный...* — Белая горячка — психическое заболевание, вызванное длительным злоупотреблением алькогольными напитками. Достоевский ошибочно считал ее

заболеванием, связанным с нервным перенапряжением. Ср. заболевание Ивана Карамазова в «Братьях Карамазовых».

С т р. 343. *...малый очень высокого роста, вершков десяти...* — По установившейся традиции, в XIX в. рост обозначался вершками, которые отмерялись сверх двух аршин. Следовательно, рост Андреева был два аршина (71 см × 2 = 142 см) десять вершков (4.45 см × 10 = 44.5 см); всего около 186 см.

С т р. 343. *...был одет щегольски, судя по легкой ильковой шубе...* — Ильковая шуба — шуба из илька — американского хоря.

С т р. 344. *...в «Journal des Débats» часто коверкают русские фамилии...* — «Journal des Débats» (франц. «Газета мнений») — газета, основанная в Париже в 1789 г. Печатала правительственные известия и официальные сообщения, в том числе о прибытии во Францию иностранных лиц.

С т р. 344. *В «Indépendance»...* — Т. е. «Indépendance Belge» — бельгийская газета, выходившая в Брюсселе с 1830 по 1937 г.

С т р. 347. *Ohé, Lambert! où est Lambert, as-tu vu Lambert?* — Андреев дразнит Ламберта, пользуясь ходячим выражением. О происхождении и распространении его см.: М. П. А л е к с е е в. Об одном эпиграфе у Достоевского. В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти профессора А. Н. Соколова. М., 1971, стр. 367—372; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 82—83. Это выражение Достоевский использовал уже ранее в качестве эпиграфа к повести «Крокодил» (см.: наст. изд., т. V, стр. 180 и 387).

С т р. 348. *И он силен, как Еркул (Hercule).* — Еркул — Геракл.

С т р. 351. *...произнес имя депутата Мадье де Монжо...* — Мадье де Монжо Ноэль-Франсуа-Альфред (1814—1892) — французский государственный деятель, участник революции 1848 г., противник Наполеона III, во время правления которого находился в эмиграции; после 1871 г. член Национального собрания, в котором примыкал к оппозиционным левым группировкам. Во время работы Достоевского над третьей частью «Подростка» (конец 1874 г.) имя Мадье де Монжо не раз встречалось в газетах. 8 ноября 1874 г. он вновь прошел в Национальное собрание, победив на выборах кандидата-бонапартиста. См.: *Г*, 1874, № 302 от 1 (13) ноября и № 303 от 2 (14) ноября.

С т р. 352. *А годы идут — и всё лучшие годы!* — Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно» (1840). У Лермонтова: «А годы проходят — все лучшие годы!»

С т р. 352. *Если б я сочинял оперу, то, знаете, я бы взял сюжет из «Фауста».* — Тришатов использует материал двух сцен из 1-й части трагедии Гете (1749—1832) «Фауст» — «В соборе» и «Тюрьма». Из 1-й сцены взят почти весь текст: монолог Злого духа, обращенный к Гретхен, реплики тоскующей Гретхен, восклицание хора. Финал же сцены, разрабатываемой Тришатовым, восходит к заключительной сцене 1-й части («Тюрьма»), когда Гретхен, покинутая Фаустом и Мефистофелем, находит прощение на небесах:

М е ф и с т о ф е л ь

Она
Осуждена.

Г о л о с с в ы ш е

Нет, спасена.

(*Гете*. Фауст. Трагедия.
Перевод Н. Вронченко. СПб.,
1844, стр. 231—232).

Сохраняя основную идею Гете, Достоевский объединяет сцены, сокращает и драматизирует события, углубляя и заостряя характеристики при помощи музыкальных образов (см. также: *Гозенпуд*, стр. 124—128).

С т р. 352. *Dies irae, dies illa!* — Начальные слова католического реквиема, изображающего Страшный суд; исполняется в храме во время обряда отпевания.

С т р. 353. *...у Страделлы есть несколько таких нот...* — Алессандро

Страделли — итальянский композитор и певец, живший во второй половине XVII в., автор опер и духовных ораторий.

Стр. 353. ...*Дори-но-си-ма чин-ми.* — Слова из Херувимской песни — молитвы, исполняемой во время литургии в православной церкви: «Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми», т. е. чтобы нам поднять Царя всех, невидимо носимого с торжеством ангельскими чинами (Краткий православный молитвослов. Изд. Московской патриархии, М., 1955, стр. 43).

Стр. 353. ...*читали вы Диккенса «Лавку древностей»?* — Достоевский по-своему истолковывает сцену из главы III романа Ч. Диккенса (1812—1870) «Лавка древностей» (1840; рус. перев. неточный, 1843). У Диккенса Нелли, посетившая деревенскую церковь, ушла оттуда успокоенная и примиренная: «Она взяла Библию с полки, прочитала несколько страниц, потом опустила книгу на колени и стала думать о грядущих весенних днях, о веселой летней поре, о косых лучах солнца, которые тронут эти спящие фигуры, о листьях, которые будут трепетать в окнах 〈...〉 о пении птиц, о распускающихся на воле почках и бутонах, о легком ветерке, который залетит сюда и осторожно шелохнет ветхие хоругви у нее над головой». Нелли поднимается на колокольню, и счастье охватывает ее: «О, этот внезапный разлив света! Эти чистые краски лесов и полей, убегающих вдаль до голубой линии горизонта! Стада на пастбищах, дым между деревьями 〈...〉 дети, по-прежнему поглощенные своей игрой, — сколько красоты и мирного счастья было во всем этом! Глядишь, и словно возвращаешься от смерти к жизни и словно ощущаешь свою близость к небу!» (Чарльз Диккенс. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 7. М., 1958, стр. 452—453. Перевод Н. Волжиной). Вместо этого у Достоевского девочка на паперти, «облитая последними лучами», с «удивленной душой» перед неразрешимой загадкой жизни и смерти. Несколько сентиментальная сцена Диккенса звучит трагически у Достоевского. См.: *Долинин*, стр. 182—184. См. также: *Дурылин*, стр. 186—187.

Стр. 355. ...*это — милютинская лавка...* — Т. е. лавка, расположенная в так называемом Милютином ряду, торговых зданиях на Невском проспекте, выстроенных в 1735 г. графом А. Я. Милютиным, основателем и владельцем ряда фабрик и торговых заведений. В XIX в. в Милютином ряду было несколько лавок, в которых продавались крепкие напитки и были специальные комнаты для закусок. Здание не сохранилось.

Стр. 361. *Проходя мимо гауптвахты на Сенной...* — Здание гауптвахты на Сенной площади (ныне пл. Мира; здание сохранилось) играло некоторую роль в биографии Достоевского. Здесь писатель, будучи редактором «Гражданина», отбывал двое суток заключения (21 и 22 марта 1874 г.), к которому был приговорен окружным судом. См. об этом: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 253, 257—258.

Стр. 361. *La propriété c'est le vol.* — Фраза одного из вождей жирондистов Ж.-П. Бриссо, ставшая крылатой благодаря французскому экономисту и социологу Пьеру-Жозефу Прудону (1809—1865), автору сочинения «Что такое собственность?» (1840). В черновой и наборной рукописях романа (см. выше, стр. 129, 223—224) содержалась ироническая трактовка Аркадием этой фразы, воспринятой как квинтэссенция идей Прудона. Прудон упомянут и в подготовительных записях к роману (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 346 и ниже, примеч. на стр. 423).

Стр. 362. *У меня был в гимназии товарищ, ровесник мне, Лавровский...* — По предположению Г. А. Федорова, «во вспоминаемом Аркадием Долгоруким товарище его по гимназии Лавровском подразумевается Ломовский». С А. М. Ломовским (ум. в 1893 г.) Достоевский познакомился в пансионе Л. И. Чермака и был дружен всю жизнь. См.: Г. А. Федоров. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. В кн.: *Материалы и исследования,* стр. 249—250.

Стр. 363. *In vino veritas.* — Источник этого крылатого выражения — Плиний Старший (23—79). См.: Естественная история, кн. XVI, 28.

Стр. 374. *Я только что выехал из Дрездена и в рассеянности проехал станцию...* — Весь последующий эпизод (остановка в маленькой гостинице,

сон, видение «золотого века», навеянное картиной Клода Лоррена) восходит к роману «Бесы». Он содержался в пропущенной в печатном тексте романа главе «У Тихона» как эпизод исповеди Ставрогина (см.: наст. изд., т. XI, стр. 21—22, а также: *Долинин*, стр. 43).

Стр. 375. *В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу — «Асис и Галатея»; я же называл ее всегда «Золотым веком»...* — Клод Лоррен (Желле; 1600—1682) — французский художник-пейзажист. Был одним из любимых художников Достоевского; по свидетельству А. Г. Достоевской, во время пребывания в Дрездене Достоевский постоянно посещал галерею и «непременно шел в каждое свое посещение, минуя другие сокровища», и к пейзажам К. Лоррена. «Эти ландшафты, — говорит А. Г. Достоевская, — мой муж называл „золотым веком“» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 150). Лоррен был особенно близок Достоевскому потому, что в своих произведениях «давал ему законченный живописный образ того видения заходящего солнца, которое так многообразно и глубоко переживал, ощущал и изображал в своем творчестве сам Достоевский в течение 20 лет» (*Дурылин*, стр. 179). О картине Лоррена «Асис и Галатея» см.: наст изд., т. XII, стр. 320—321. Первоначально та же интерпретация картины Лоррена была дана Достоевским в «Бесах», в исповеди Ставрогина (ср.: наст. изд., т. XI, стр. 21—22). Позднее лорреновский пейзаж нашел отражение в «Сне смешного человека» (ср.: *Дурылин*, стр. 178—192).

Стр. 375. *...слышался над Европой как бы звон похоронного колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри...* — Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг., закончившаяся тяжелым поражением Франции и ее оккупацией немецкими войсками, а также последовавшие за этим события Парижской Коммуны. См. также след. примеч.

Стр. 375. *Да, они только что сожгли тогда Тюильри...* — Во время жестоких уличных боев парижских коммунаров с войсками правительства Тьера, 21—27 мая 1871 г., многие общественные здания Парижа погибли от пожаров и бомб, в том числе дворец Тюильри, бывшая резиденция французских королей, часть архитектурного комплекса Лувра. В официальной печати (русской и иностранной) гибель Тюильри тенденциозно изображалась как результат варварских действий поджигателей-коммунаров (см., например: *МВед*, 1871, № 102, 14 мая). Подобные суждения могли опираться на высказывания известного экономиста Г. Молинари (1819—1912), который писал о коммунарах, цитируя одного «оратора»: «Что нам бояться бомб? Говорят, что они сожгут все произведения искусства, музеи и храмы! Но, граждане, республика должна стоять выше искусства ⟨...⟩ Пускай сгорит Лувр с его картинами Рубенса и Микельанджело; мы не будем сожалеть о них; лишь бы республика восторжествовала» (Молинари. Красные клубы во время осады Парижа. СПб., 1871, стр. 153). Представители демократической и народнической литературы стремились снять с коммунаров это обвинение. Во время печатания «Подростка» в «Отечественных записках», в 1875 г., у Достоевского происходил спор с Н. К. Михайловским по этому вопросу (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 480—481). В записной тетради 1875—1876 гг. сохранилась запись об этом споре: «(Михайловскому). Мне рассказывали компетентные люди, что Тюильри сожжено частным образом, каким-то шалуном, подобравшим шайку, без ведома коммунаров. Но что же бы это значило?.. Не лишайте исторического факта его величавости, страх (разрыв с историей, разрыв навеки, и это при падении коммунаров). Это коммуна, раненная насмерть, поднявшая голову и крикнувшая в последний раз: вот так исчезнете не только вы, но и следы ваши и история ваша. А вы хотите непременно их сделать невинными вроде героев Августа Коцебу. Разве они могут *происходить?* Они должны приходить самостоятельно со всем новым».

Стр. 376. *Только я один, между всеми петролейщиками, мог сказать им в глаза, что их Тюильри — ошибка...* — Петролейщики (от франц. pétrole — керосин) — поджигатели.

Стр. 378. *Они объявили тогда атеизм... ∾ это был первый исполнительный шаг...* — Парижская Коммуна — первое революционное правительство рабочих, соединявшее в себе законодательную и исполнительную власть, —

декретом от 3 апреля 1871 г. провозгласила отделение церкви от государства.

Стр. 378—379. *Я представляю ∾ любовь и грусть...* — Этот текст, названный Достоевским в записной тетради 1875—1876 гг. «Атеизм», был приведен в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см.: *ДП*, 1876, март, глава II, подглавка 1).

Стр. 379. *...вера моя невелика, я — деист, философский деист...* — Деизм — религиозно-философское учение, допускающее существование бога лишь как первопричины мира и отрицающее существование личного бога (теизм), его вмешательство в жизнь природы и общества.

Стр. 379. *...я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, «Христа на Балтийском море»*. — Речь идет о стихотворении Г. Гейне (1797—1856) «Мир» (цикл «Северное море», «Книга песен»). На русском языке оно было полностью впервые опубликовано в переводе М. В. Прахова в 1872 г. в литературном сборнике «Гражданин» (приложении к одноименной газете). Как показал В. Комарович (*Комарович, Достоевский и Гейне*, стр. 102—103), между стихотворением в переводе Прахова и описанием Версилова есть словесные совпадения. Образ Христа, явившегося утратившим веру людям, не раз волновал воображение Достоевского. Он нашел отражение уже в черновиках «Преступления и наказания», а затем в главе «Великий инквизитор» в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 139; т. XIV, стр. 224—240).

Стр. 382. *...последний монолог Отелло у Шекспира...* — Возможно, имеется в виду предпоследний монолог Отелло (д. V, сцена 2-я), после того как он убеждается, что убитая им Дездемона невинна.

Стр. 382. *...Евгений у ног Татьяны*. — Имеется в виду заключительный эпизод (конец 8-й главы) романа Пушкина «Евгений Онегин». На связь образов Онегина и Версилова обратил внимание А. С. Долинин (см.: *ЛН*, т. 77, стр. 503). Последнее свидание Онегина с Татьяной вызывает ассоциации с последним разговором Версилова с Ахмаковой (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 413—418).

Стр. 382. *...встреча беглого каторжника с ребенком, с девочкой, в холодную ночь, у колодца, в «Misérables» Виктора Гюго...* — Эпизод из романа В. Гюго (1802—1885) «Отверженные» (1862) — встреча девочки Козетты и беглого каторжника Жана Вальжана в лесу (часть 2, кн. 3, гл. 5). Роман «Отверженные», одно из любимых произведений Достоевского, писатель перечитал незадолго до начала работы над «Подростком», во время своего двухдневного заключения в марте 1874 г. (ср. примеч. к стр. 361). См.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 258—259. Об использовании Достоевским образов Гюго и о воздействии Гюго на Достоевского см.: Л. Гроссман. Поэтика Достоевского. М., 1925, стр. 45—48; А. Бем. Гюго и Достоевский. «Slavia», 1937, т. XV, вып. I, стр. 73—86.

Стр. 386. *Но она обязана иметь все совершенства!* — Все совершенства — выражение из романа Пушкина «Евгений Онегин» (8-я глава, письмо Онегина к Татьяне):

Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство...

(*Пушкин*, т. VI, стр. 180—181)

В Пушкинской речи Достоевский неточно цитирует это место, приближаясь к фразеологии Версилова: «Не узнал он ее и потом в Петербурге ⟨...⟩ когда, по его же словам ⟨...⟩ постигал душой все ее совершенства». Это дает основание говорить о возможных ассоциациях в образах Ахмаковой и пушкинской Татьяны. Ср. примеч. к стр. 382.

Стр. 408. *Он у него родовой, дедовский ∾ и, кажется, раскольничий...* — Принадлежность Макару раскольничьего образа указывает не на связь странника с расколом, а лишь на древность его иконы. Ср. в «Братьях Карамазовых»: в келье старца Зосимы икона богородицы, «писанная, вероятно, еще задолго до раскола» (наст. изд., т. XIV, стр. 37).

Стр. 409. *Образ раскололся ровно на два куска...* — Мотив рубки образов, проходящий через подготовительные материалы к роману и имеющий

в «Подростке» сложное психологическое и философское осмысление, встречается и в других произведениях Достоевского (см. выше, стр. 269—272). В сниженном, комическом аспекте мотив этот возникает в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 269).

Стр. 413. *...за тем же столом, за которым мы с ним вчера пили вино...* — Ошибка Достоевского: разговор Аркадия с Версиловым происходил не накануне, а за день до этого, т. е. следовало бы написать не «вчера», а «позавчера».

Стр. 420. *Знаешь ты историю Ависаги...* — В Библии рассказывается о молодой красавице Ависаге, сунамитянке, которую слуги престарелого царя Давида привели к своему господину, «чтоб она предстала царю, и ходила за ним, и лежала с ним — и будет тепло господину нашему царю». «Девица была очень красива, и ходила она за царем, и прислуживала ему; но царь не познал ее» (3-я книга Царств, гл. 1, ст. 2—4).

Стр. 424. *«Будем пить и наслаждаться...» или как это там, есть такие стихи.* — Точное происхождение цитаты не установлено. Скорее всего это перефразированное выражение, восходящее к образам, широко распространенным в «легкой» поэзии конца XVIII—начала XIX в. Ср.: Н. М. Карамзин. Веселый час (1791); Н. К. Батюшков. Веселый час (1806—1810), К Петину (1810); А. С. Пушкин. Гроб Анакреона (1817), Добрый совет (1817—1820); А. С. Дельвиг. Дифирамб (1820), Застольная песнь (1829), и др. Ближе всего это выражение к стихам Батюшкова «Веселый час»:

Жизнью дай лишь насладиться
Полной чашей радость пить...

Стр. 425. *...ты знаешь историю о фон Зоне...* — В конце 1869 г. в Москве в публичном доме был убит чиновник фон Зон. Имя его упомянуто в рукописях набросков 1869 г., в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 124, 498; т. XI, стр. 67, 78) и в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 81). Подробнее см.: наст изд., т. XII, стр. 217—218.

Стр. 431. *...«как невзначай и как проворно!»* — неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), где Хлестова говорит о Чацком: «С ума сошел! прошу покорно! Да невзначай! да как проворно!» (д. III, явл. 21). Цитата эта подтверждает намеченную в романе параллель: Версилов—Чацкий. Ср. эпизод в главе шестой первой части (наст. изд., т. XIII, стр. 94—95). Об этом см.: А. Д. Бем. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. Сб. «У истоков творчества Достоевского», Прага, 1936, стр. 30—33; А. В. Архипова. Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, 237—246. Чацкий несколько раз упоминается в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 34, 181, 187, 277, 417).

Стр. 453. *Еще Пушкин наметил сюжеты будущих романов своих в «Преданиях русского семейства»...* — См. «Евгений Онегин», гл. 3, строфы XIII—XIV. Пушкин так говорит здесь о своих возможных будущих замыслах:

Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.

(*Пушкин,* т. VI, стр. 57)

Стр. 453. *...не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет всё ничего не выходит.* — Имеется в виду период, наступивший после петровских реформ. В «Преступлении и наказании» Разумихин говорит: «А мы чуть не двести лет как от всякого дела

отучены» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 374). В записной тетради 1872—1875 гг. есть также запись: «Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество». См. также материалы к «Бесам»: наст. изд., т. XI, стр. 157; т. XII, стр. 346. Критическое отношение к реформам Петра Достоевский высказывал неоднократно. В объявлении о подписке на журнал «Время» (1860) он писал, что народ не принял этих реформ, «отшатнулся» от них. Ср. выше, примеч. к стр. 113. Ср. также материалы к «Бесам»: наст. изд., т. XI, стр. 66, 111—112; т. XII, стр. 333—334, 341. Об отношении Достоевского к Петру I см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 201—203.

Стр. 454. *«Grattez le russe et vous verrez le tartare»*. — Крылатая фраза эта приписывалась разным историческим лицам: Жозефу де Местру, Наполеону I, принцу де Линю.

Стр. 454. *...не мог бы писать в другом роде, как в историческом...*; ср. также на стр. 454: *...в картине, изображавшей русское семейство средне-высшего культурного круга в течение трех поколений сряду и в связи с историей русской...* — Намек на роман Л. Н. Толстого «Война и мир». См. также выше, стр. 341—343.

Стр. 454. *Внук тех героев ∾ уже не мог бы быть изображен в современном типе своем иначе, как в несколько мизантропическом, уединенном и несомненно грустном виде.* — Имеется в виду Левин, герой романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Ср. записи в подготовительных материалах: «Грустный Левин» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 420) и беловой рукописи: «Левин же мизантроп» (см. выше, стр. 216).

Стр. 455. *...по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории.* — Т. е. периода, начавшегося после реформ Петра I.

Стр. 455. *Лицо в размерах матушки игуменьи Митрофании..* — Игуменья Владычне-Покровского монастыря в Серпухове Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен, фрейлина императорского двора) занималась подлогами денежных документов (подделки векселей, завещаний и т. п.) в пользу своего монастыря. В начале 1873 г. подлоги ее раскрылись, она была привезена в Петербург, где велось следствие. Возбудил дело против Митрофании А. Ф. Кони, который в своих воспоминаниях дал ей такую характеристику: «Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего в разрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которой ей приходилось вращаться 〈...〉 Самые ее преступления 〈...〉 несмотря на всю предосудительность ее образа действий, не содержали, однако, в себе элемента личной корысти, а являлись результатом страстного и неразборчивого на средства желания ее поддержать, укрепить и расширить созданную ею 〈...〉 общину» (А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, стр. 45). Процесс игуменьи Митрофании вызвал огромный интерес и много печатных откликов. Так, в «Голосе» от 4 июня 1874 г. в статье «Московские заметки» сообщалось: «...такого процесса, каков процесс преподобной игуменьи Митрофании, еще не было, да, пожалуй, и не будет ни ныне, ни присно, ни во веки веков, а потому любители сильных ощущений и эффектных судейских mises en scènes, с архиереями и игуменьями в качестве свидетелей, с целым полком других свидетелей, с целым архивом письменных доказательств, с целым арсеналом улик pro и contra, с целою литературой «за и против», с мильонами в основании, с «мученицей» во главе и со стотысячными адвокатскими гонорариями в придачу — такого процесса мы не видывали...» Судебное разбирательство дела игуменьи Митрофании происходило в Московском окружном суде 5—18 октября 1874 г. Отчеты о нем печатали многие газеты. См., например: *Г*, 1874, 7—10 ноября, №№ 277—311. В «Гражданине», № 43 от 28 октября 1874 г. (стр. 1056) сообщается о процессе и дается портрет подсудимой: «У нее лицо умное, энергическое, ясное и спокойное; она садится на кресло и как будто приготовляется слушать о ком-то интересный процесс».

Стр. 455. *...в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь различные от ваших детство и отрочество.* — Намек на повести Л. Толстого «Детство» и «Отрочество» (см. выше, стр. 339).

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

(Том XVI, стр. 5)

Подготовительные материалы к роману «Подросток», публикуемые в XVI томе, содержатся в трех тетрадях, общим объемом около 520 страниц, хранящихся в *ЦГАЛИ*. Для удобства обозначения тетрадей вводятся следующие сокращения: первая переплетенная тетрадь (ф. 212, № 9) — тетрадь I; вторая, непереплетенная (ф. 212, № 10) — тетрадь II; третья, переплетенная (ф. 212, № 8) — тетрадь III. [1] В тетрадях I и II находятся планы и наброски, предшествующие созданию связного текста. В тетради III — наброски и разработки отдельных глав и частей романа. Эта тетрадь включает также многочисленные записи нелитературного порядка, связанные с участием Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин» (счета, списки авторов, перечни статей, поступивших в журнал, и т. д.). Здесь же помещен ряд записей, тематически связанных с «Дневником писателя» за 1873 г., и обширные комментарии, относящиеся к кругу чтения, который непосредственно соприкасался с проблематикой «Бесов», «Дневника писателя» за 1873 г. и романа «Подросток». В *ЦГАЛИ* хранится также отдельный хаотически заполненный лист (ф. 212, № 11) с черновыми записями к «Подростку». 86 страниц рукописных подготовительных материалов находится в *ГБЛ* (ф. 93. I. 1.8/1 и т. д.). [2]

Подготовительные материалы, непосредственно вводящие читателя в творческую историю романа, относятся ко времени пребывания Достоевского как в России, так и за границей и охватывают период с февраля 1874 по ноябрь 1875 г.

Подавляющая часть этих материалов была опубликована А. С. Долининым. [3] В настоящей публикации воспроизводится также ряд записей публицистического характера, сделанных Достоевским в самом конце 1872, в 1873 и 1874 гг., так как эти записи имеют прямое отношение к становлению и оформлению общественно-философской проблематики романа «Подросток».

Подготовительные записи к роману «Подросток» на отдельных листах и в тетрадях сделаны бессистемно. Датирована лишь незначительная часть из них. Относительная последовательность датировок выдержана только в начале первой тетради (I). Наличие дат не снимает задачи установления крайней границы записи, относящейся к тому или иному числу. Авторская дата может относиться к нескольким страницам, к части страницы, зачастую — к вставке, сделанной к тексту, написанному много ранее. Отсутствует тематическая выдержанность в общем потоке недатированных пластов текста. В большинстве случаев привычная система заполнения тетрадей от первой страницы к последней нарушена: записи идут от конца к началу, с пропуском чистых листов и листов, заполненных пометами нелитературного характера. Хронологически следующие друг за другом датированные записи подчас находятся в различных частях тетради, а нередко — в разных тетрадях. Дополнение оставшихся незаполненными частей страниц сделано произвольно и непоследовательно. Авторская пагинация страниц отсутствует. Проблематично и расположение материала на ряде отдельных страниц.

Составители данного тома стремились расположить черновые записи в их хронологической последовательности. Главными опорными вехами при размещении служили авторские даты. При определении крайних границ текстовых пластов, относящихся к конкретной дате, записи сопоставлялись по содержанию, учитывалась направленность разработки характеров героев. Другим важнейшим основанием при расположении служила степень при-

---

[1] При публикации текста, по окончании каждой страницы, в ломаных скобках даются ссылки на номера тетради и страницы.

[2] При публикации материалов *ГБЛ* в конце каждой страницы ставится в ломаных скобках номер архивной единицы хранения.

[3] Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. *ЛН*, т. 77, 517 стр.

близкенности записей к окончательному тексту романа. Наглядно прослеживающаяся эволюция замысла в первоначальный период работы позволила разместить значительную часть недатированных набросков в тетрадях I и II. Ориентировочной вехой в определении порядка расположения черновых записей явилось принятое Достоевским 12 августа 1874 г. решение изменить художественную структуру повествования: вести рассказ не от 3-го лица, а от «Я» Подростка.

В период, когда началась работа над отдельными главами и частями романа, главным ориентировочным принципом при определении хронологии размещения явилось время публикации соответствующих глав в «Отечественных записках». Период работы над этими главами ограничивался сроком сдачи рукописи в редакцию, который может быть определен с достаточной степенью точности. Записи к I—V главам первой части, опубликованным в январском номере «Отечественных записок» за 1875 г., составлялись не позднее конца декабря 1874 г. Записи к VI—X главам первой части, опубликованным в следующей, февральской книге журнала, — не позднее января 1875 г. В феврале и марте 1875 г. делались записи к I—IV главам второй части; в апреле — к главам V—IX. Записи к главам I—IV третьей части делались во второй половине июля и первой половине августа; главам V—VIII — во второй половине сентября и в октябре; в конце октября и первой половине ноября — к последним главам романа. Не претендуя на абсолютную точность, это деление, с учетом имеющейся авторской хронологии, является достаточно надежным аргументом расположения материала тетради III.

Размещению частей текста в этой тетради значительно способствуют также тематические авторские оглавления ряда черновых пластов. См., например, в тетради III (с. 99—109) записи, озаглавленные «Мотивы 1-й части», или черновые наброски с подзаголовком «Своя идея так, как я понимал ее тогда» (с. 117—119). Каждая из этих недатированных записей, значительная по объему и сделанная явно не в один день, углубляющая и развивающая одну и ту же тему, располагается в томе в логической последовательности. Части текста, расположенные на этих листах, не имеющие прямого отношения к указанным темам и в большинстве случаев отличающиеся от тематически озаглавленных записей характером почерка, располагаются в томе в иных местах на основании степени близости к окончательному тексту романа.

При размещении записей принималось во внимание и употребление Достоевским условных наименований имен реальных фамилий для обозначения персонажей романа. Так, например, в более ранних набросках Подросток называется «мальчиком», Версилов — «хищным типом», Стебельков — «Колосовым» и т. д. К использованию этого фактического обоснования составители подходили с большой осторожностью, постоянно сопоставляя записи по содержанию, так как в переходной стадии от планов и заметок к наброскам отдельных глав единообразие в употреблении имен часто нарушалось.

При определении хронологической последовательности черновых набросков учитывались также упоминания в тексте рукописи газет и журналов (с указанием точных выходных данных), а также статей из текущей периодики.

При определении смысловых связей разрозненных заметок принимались во внимание указания о местах размещения, сделанные самим Достоевским. Учитывался также характер почерка и цвет чернил.

Сохранившиеся фрагменты чернового автографа, беловой и наборной рукописей печатаются в настоящем томе в разделе «Варианты».

С т р. 5. *Апокрифическое евангелие. (*N3. *Искушение дьяволово, глиняная птица перед нищими духом.* — Евангельский сюжет об искушении Христа (Матфей, гл. 4, ст. 1—11; Лука, гл. 4, ст. 1—13), упоминаемый и ниже (например, стр. 157: «*а про дьяволово искушение сам пришел к Подростку и объяснил ему в отдельной главе*»), встречается в произведениях Достоевского многократно. О значении его в творчестве писателя см. в примеч. к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 398, 464. Ср. выше, стр. 283—284). В «Братьях Карама-

зовых» тема дьяволова искушения стала основой поэмы «Великий инквизитор» (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 224—240). Сюжет об ожившей птице, вылепленной из глины Христом в детстве, восходит к апокрифическому (не вошедшему в церковный канон) евангелию от Фомы. Нищие духом — выражение из Евангелия (Матфей, гл. 5, ст. 3).

Стр. 5. *...(описание эффекта чтений Гоголя, «Тараса Бульбы»).* — Это автобиографический мотив (см.: *Биография*, стр. 49).

Стр. 5. *...волостной писарь (корреспонденцией дозволяются).* — В записной тетради 1874—1875 гг. также есть запись о волостном писаре: «Мая 1-го, среда, № 118, о волостном писаре Пинской губернии Борисовского уезда, высекшем бабу (розог!) (N3. Не смеют прикоснуться к подлым волостным судам, даже чтоб ограничить пьяный произвол)». Достоевский выписывает эти сведения из «С.-Петербургских ведомостей», где сообщался следующий факт: «В одно волостное правление вызвана была крестьянка для разбирательства по поводу мелочной домашней ссоры. Несчастная не успела вымолвить слова в свое оправдание, как грозный писарь (нижний воинский чин) крикнул: „Розог". Беззащитную женщину ⟨...⟩ повалили на пол и наказали двадцатью пятью ударами. По окончании операции женщину вытолкали за дверь. Муж наказанной дерзнул спросить, за что наказали жену его. За свою дерзость и муж поплатился тем же: и его наказали 25 ударами за грубость против пана писаря» (*СПбВед*, 1874, № 118, 1 мая).

Стр. 5. *...200 миллионов голов...* — Ср. в романе «Бесы»: «Они ⟨«нигилисты»⟩ уже больше чем сто миллионов голов требуют для водворения здравого рассудка в Европе» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77 и примеч. в т. XII, стр. 291).

Стр. 5. *...замученный ребенок.* — Ср. в «Братьях Карамазовых» слова Ивана в главе «Бунт»: «... от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка» (наст. изд., т. XIV, стр. 223; см. также примеч. в т. XV).

Стр. 5. *Застрелившийся и бес вроде «Фауста».* — См. выше, стр. 266.

Стр. 5. *Нашли подкинутого младенца.* — Сюжет, многократно упоминаемый Достоевским (см. об этом выше, стр. 256). Подобные случаи в то время были частым явлением; газета «Голос» среди ежемесячных статистических сведений о различных происшествиях приводит также данные о числе подкинутых детей.

Стр. 5. *...рассказывает им о Шиллере...* — Шиллер здесь, как это характерно и для других романов Достоевского, олицетворяет духовную чистоту и благородство (см. об этом: *ЛН*, т. 77, стр. 445). О восприятии Достоевским Шиллера см.: наст. изд., т. VII, стр. 366; ср.: Н. Вильмонт. Достоевский и Шиллер. В кн.: Великие спутники. Изд. «Сов. писатель», М., 1966, стр. 207.

Стр. 6. *Мы видим омерзительно застаревших либералистов (Оресты Миллеры).* — О. Ф. Миллер (1833—1889) — историк русской литературы, профессор Петербургского университета. Славянофил по своим убеждениям, О. Ф. Миллер в 1870-е годы был известен главным образом как автор многочисленных публичных выступлений и видный деятель Славянского комитета; он явно противостоял направлению «Московских ведомостей» Каткова, разделявшемуся в этот период Достоевским. Известно письмо Достоевского — редактора «Гражданина» к О. Ф. Миллеру от 4 января 1874 года. Весной 1874 г. Миллер в курсе публичных лекций «Русская литература после Гоголя» прочел две лекции о Достоевском; они были опубликованы в газете «Неделя» (1874, № 20, 19 мая и № 22, 2 июня), Достоевский отозвался о них как об „очень хвалебных" (письмо А. Г. Достоевской от 6 июня 1874 г.)

Стр. 6. *«Московские ведомости» ∾ о жене-пристяжной.* — См. выше, стр. 261.

Стр. 6. *Дети — убийцы отца («Москов⟨ские⟩ ведомости», № 89, 12 апреля).* — Газета «Московские ведомости» под заголовком «Неслыханное дело» подробно излагала происшествие, которое было описано во всех венских газетах как факт, выходящий из ряда обыкновенных. «Факт этот, — сооб-

щалось в газете, — замысел троих детей восьми-, девяти- и десятилетнего возраста — убить отца!» У их отца, столяра Антона Флейснера, ушла жена, оставив четырех детей. Младшему не было еще года. Дети, страстно любившие мать, обвинили во всем отца. Трое старших детей «составляли заговор против отца, замышляли убийство, готовили смертоносное оружие, совещались в выборе удобнейшего для того времени». Только случайность (плач младшего ребенка разбудил отца) помешала совершиться убийству (*МВед*, 1874, № 89, 12 апреля).

Стр. 6. *Маг. У Дюссо или в Мал⟨ом⟩ Ярославце. Переворот голов и проч.* — Возможно, что запись связана с одним из позднейших неосуществленных замыслов Достоевского: *Кто же пожелает переменить голову с один товаришь на другого, тот платит еще 10 руб. за раз* (см. выше, стр. 12). Ср. также: наст. изд., т. XIII, стр. 429. Дюссо — ресторан в Петербурге на Б. Морской улице, славился обедами французской кухни. Малоярославец — трактир, тоже на Б. Морской, с русской кухней.

Стр. 6—7. *...(разбор кн⟨язя⟩ Данилы Авсеенком). ∾ Не понимают они хищного типа.* — Достоевский имеет в виду героя романа Е. Салиаса «Пугачевцы» (М., 1874) князя Данилу и рецензию на этот роман в «Русском вестнике» В. Г. Авсеенко (*РВ*, 1874, № 4, стр. 865—894); подробнее об этом см. выше, стр. 268.

Стр. 7. *...(красный жучок, Ставрогин).* — Имеется в виду эпизод «Исповеди Ставрогина», где «красненький паучок» олицетворяет больную совесть героя (см.: наст. изд., т. XI, стр. 22; подробнее см. выше, стр. 269).

Стр. 7. *Снес пощечину...* — Подобный эпизод встречается в ряде произведений и замыслов Достоевского (см.: наст. изд., т. XII, стр. 309).

Стр. 7. *4 мая 74. Только что зародился новый месяц.* — 4 мая 1874 г. в 0 ч. 18 мин. в Петербурге было новолуние (Русский календарь за 1874 г. Изд. А. Суворина, СПб., 1874, стр. 6). Достоевский в записных тетрадях часто отмечал время «зарождения нового месяца», как-то соотнося с этим свои припадки. Так, среди черновых записей к «Бесам»: «Припадок подошел к самому зарождению нового месяца в последние сутки перед зарождением» и далее: «(Час и минуты зарождения месяца), три дня спустя после припадка 24/13 июля».

Стр. 7. *Точность — c'est la politesse des rois.* — Эта фраза, ставшая крылатой, приписывается французскому королю Людовику XVIII (Briefwechsel zwichen Varnhagen von Ense und Oelsner, B. I, Stuttgart, S. 119), ее Достоевский приводит и в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 38).

Стр. 7. *Задумал было к скопцам ⟨в⟩ секту (денег).* — Секта скопцов обладала значительными капиталами. Распространение ее поддерживалось путем обещания материальных выгод членам секты, практиковалась также покупка малолетних детей, преимущественно мальчиков. Принадлежность к скопчеству преследовалась законом, каралась лишением всех прав состояния и ссылкой. Судебные процессы над скопцами были очень многочисленны в 1860—1870-е годы, отчеты о них часто появлялись в печати (см.: Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. третий. О скопцах. Лондон, 1862).

Стр. 7. *...подлячишка Жеромский, адвокатишка.* — Жеромский — московский адвокат, принимавший участие в деле брата писателя Н. М. Достоевского по наследству от О. Ф. Куманиной (упоминания о нем см. в письмах Ф. М. Достоевского от 20 мая, 13 августа 1873 г., 6 мая 1874 г.). Очевидно, Жеромский — прототип «молодого человека, по судейской части ⟨...⟩ вроде помощника аблакатишки» Жибельского (в черновом автографе — Жирондский; см. выше, стр. 93), упомянутого в основном тексте романа (наст. изд., т. XIII, стр. 249).

Стр. 7. *Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море.* — Возможно, что выражение «замутилось море» возникло по аналогии с заглавием романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863), последние части которого посвящены периоду подготовки и проведения реформ начала 60-х годов.

Стр. 7. *Н. В. Д.-ко* ∾ *Нынче честно не проживешь.* — Вероятно, Достоевский имеет в виду Вас. Ив. Немировича-Данченко (1848—1943), печатавшегося в «Гражданине» под этим псевдонимом. В воспоминаниях типографского наборщика М. А. Александрова есть свидетельство о невысокой оценке Достоевским таланта Вас. И. Немировича: он, говорил Достоевский, «пишет без идеи и даже без мысли». Этого мнения писатель, по свидетельству мемуариста, «держался постоянно» (*РС*, 1892, № 4, стр. 306—307). Достоевский как редактор «Гражданина» не раз задерживал печатание произведений Немировича, уже принятых В. П. Мещерским. В связи с этим Немирович-Данченко пишет ему письмо (16 октября 1873 г.) с запросом о судьбе своих «очерков и статей», которые находятся в редакции «более года, и ни один еще не напечатан» (*ЛН*, т. 83, стр. 340).

Стр. 8. *Он у нас, как месяц молодой, появлялся: только взойдет, тут же и закатится.* — Возможно, что эта запись возникла под влиянием размышлений Достоевского над письмом к нему И. А. Гончарова, который, высказывая свои соображения о том, что он подразумевает «под типом», писал: «...молодые типы уже не молоды, они давно наплодились в русской жизни — и Островский взял их, а других, новейших, которые уже народились, не пишет потому именно, мне кажется, что *они еще не типы, а молодые месяцы* (курсив наш, — *ред.*), из которых не известно, что будет, во что они преобразятся и в каких чертах застынут на более или менее продолжительное время, чтобы художник мог относиться к ним как к определенным и ясным, следовательно, и доступным творчеству образам (письмо от 14 февраля, 1874 г. — см.: И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. 8. Гослитиздат, М., 1955, стр. 460).

Стр. 8—9. *...aprés moi le déluge».* — Точнее: Aprés nous le déluge. Эта фраза приписывается французскому королю Людовику XV; некоторые мемуаристы считают, что она принадлежит его фаворитке, маркизе Помпадур (Le Reliquaire de M. Q. de la Tour. Par Ch. Desmaze. Paris, 1874, p. 62).

Стр. 9. *...как у нас истощение почвы и истребление лесов*; см. также стр. 38: *Теперь безлесят Россию, истощают в ней почву...* — Вопросы землевладения, неправильной эксплуатации леса, сведения о вырубке лесов и истощении почвы широко обсуждались в тогдашней печати (*Г*, 1874, № 243, 3 сентября; № 278, 8 октября) и волновали Достоевского, который позднее не раз обращался к этим темам в «Дневнике писателя» (см.: *ДП*, 1876, июнь, гл. II, подглавка 1 «Мой парадокс»).

Стр. 9. *Ревность матери к ребенку, к своей же девочке.* ∾ *Упрекает ЕГО (тот охладел и смеется).* — Возможно, что этот поворот сюжета возник при прочтении Достоевским в «Голосе», в обозрении «Литературные и общественные курьезы», об отце, растлившем пятнадцатилетнюю дочь: «...зверь отец продолжал свое зверство в течение целого года ⟨...⟩ свидетелем этого зверства была родная мать ⟨...⟩ ни дочь, ни мать не могли найти защиты против преступника» (*Г*, 1873, № 170, 21 июня). В этой же статье шла речь о самом Достоевском как о редакторе «Гражданина» в связи с публикацией в журнале драмы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра».

Стр. 9. *Мать из хорошего более высшего общества* ∾ *Вроде графини В-ой-Дашков⟨ой⟩, вышедшей бы замуж за доктора.* — Очевидно, Достоевский имеет в виду блестящую светскую красавицу А. К. Воронцову-Дашкову (1818—1856), представительницу известного старинного дворянского рода.

Стр. 10. *...несколько действительных, насущных лиц (как губернатора в «Бесах»).* — А. С. Долинин высказал предположение о связи этой записи с реакцией писателя на статью Н. К. Михайловского о «Бесах», где тот писал, что «фигуры супругов Лембке положительно безупречны» (*ЛН*, т. 77, стр. 450).

Стр. 10. *...бывший помещик, проживающий выкупные...* — В связи с реформой 1861 г., отменявшей юридическую зависимость крестьянина от помещика, но сохранявшей за помещиком право собственности на землю, крестьяне были вынуждены заключать с помещиками выкупные сделки

па землю. Размер выкупа определялся либо добровольным соглашением между ними, либо специальным «Положением о выкупе». При заключении выкупной сделки государство уплачивало помещику единовременно 75—80% от общей суммы государственными процентными бумагами, приносившими 6% годового дохода, а 25—20% сразу же вносили помещику крестьяне. Сумма, выданная помещику государством, именовалась выкупной ссудой, а соответствующие доли этого долга, ежегодно вносимые крестьянами, выкупными платежами.

Стр. 10. *...как Баранов; на конторе у какого-нибудь Башмакова...* — Несколько ранее появления этой записи Достоевского Анна Григорьевна в письме Н. М. Достоевскому также упоминала два эти имени: «Сегодня мы были с Федором Михайловичем на Васильевском и заходили к Баранову. Оказалось, что Губин сошел с ума и лежит в больнице; значит, теперь заходить к Башмакову незачем» (*ЛН*, т. 86, стр. 437). Баранов — по-видимому, адвокат; Башмаков — один из братьев — владельцев петербургской книготорговой фирмы (упоминание о них см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 348).

Стр. 11. *(Дети проклинают классицизм. Заговор против Каткова.* — Здесь имеется в виду новый реакционный гимназический устав, представленный министром народного просвещения графом Д. А. Толстым и принятый 30 июля 1871 г. Устав этот признавал только классические гимназии с преподаванием двух древних языков, реальные же гимназии были переименованы в реальные училища, и доступ для окончивших их в университет был закрыт. Катков активно поддерживал гимназическую реформу как публицист (на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника») и как основатель Московского лицея в память цесаревича Николая, где классическое образование было признано основой всего обучения.

Стр. 11. *...хорошей фамилии (захудалые роды).* — Достоевский пользуется заглавием романа Н. С. Лескова «Захудалый род» (1873) как устойчивым определением одного из слоев русского дворянства. Ср. стр. 128: *Захудалый род — М⟨олодой⟩ Князь (скептик и проч.).* (См.: Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений). В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 119—128; ср. ниже стр. 452—453).

Стр. 12. *Кандидат на судебные должности.* — В России 1870-х годов лица, закончившие курс юридических наук в высших учебных заведениях, могли быть назначаемы кандидатами на судебные должности при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах сената. В случае недостатка судебных следователей и крайней необходимости они могли производить уголовное следствие; при недостатке присяжных поверенных на них возлагалась защита подсудимых. Кандидаты на судебные должности считались состоящими на государственной службе, но жалованья не получали.

Стр. 14. *...явные оправдания матереубийц...* — Подобные случаи из судебной практики 1870-х годов приводит Достоевский в романе «Бесы» (см.: наст. изд., т. X, стр. 233—234 и примеч. в т. XII, стр. 299).

Стр. 15. *А пока кровь и пожары» (драгоценности Тюильри).* — См. выше, стр. 389.

Стр. 15. *(Сикстинская Мадонна, Венера Милосская).* — Об отношении Достоевского к шедевру Рафаэля — «Сикстинской Мадонне» см.: наст. изд., т. VII, стр. 396. Венера Милосская — античная статуя, найденная в 1820 г. на острове Милосе, хранящаяся в Луврском музее.

Стр. 16. *«Столпотворение вавилонское ∾ Мы говорим на разных языках и совсем не понимаем друг друга. Общество химически разлагается».* — Достоевский воспользовался здесь библейским сюжетом о вавилонском столпотворении (Бытие, гл. 11, ст. 1—9), по которому бог смешал языки народов, «так чтобы один не понимал речи другого», для характеристики разобщенности современного общества.

Стр. 16. *Белинский был один, когда задумал свой поворот после статьи своей «Бородин⟨ская⟩ годовщина», и что же — все за ним пошли. Идея его всех победил⟨а⟩. Даже рутина лепечет, его не понимая.* — Статья Белин-

ского «Бородинская годовщина» (*ОЗ*, 1839, т. VI, № 9, отд. VII, стр. 1—13) отразила его взгляды периода «примирения с действительностью» (см.: *Белинский*, т. III, стр. 624—625). Вопрос об эволюции воззрений Белинского в конце 1830-х годов вновь широко обсуждался в печати начала 1870-х годов. Так, М. Погодин на страницах «Гражданина» писал о повороте критика к социализму: «...переменять свой образ мысли так быстро о самых высоких предметах человеческого ведения и впадать внезапно из одной крайности в другую, совершенно противоположную, из пламенного христианина делается отчаянным безбожником и пропагандистом, — это ни с чем не сообразно и не имеет себе примера нигде» (*Гр*, 1873, № 9, 26 февраля, стр. 274). И далее: «Обаяние первых поклонников Белинского в Петербурге ⟨...⟩ кадетов, гимназистов, семинаристов, студентов, основателей его славы ⟨...⟩ можно объяснить обстоятельствами того времени, когда живой голос, и притом голос отрицательный, был в диковинку» (там же, стр. 275). А. Пыпин в «Вестнике Европы», отвечая на статью Погодина, наоборот, доказывал, что изменения во взглядах Белинского в период от 30-х к 40-м годам совершались закономерно: «...противоречия, им слышанные, запали в его мысль, он обдумал их, и мнения противника, которые были действительно вернее, наконец победили упорство Белинского. Потом он сам же искал случая, чтобы сознаться в этом перед своим противником (Герценом, — *ред.*). Пример такой честности мнений встречается не часто» (*ВЕ*, 1873, № 5, стр. 237).

Стр. 17. *Игра в Монаке несравненно выше всего...* — Достоевский, сам увлекавшийся азартной игрой, имеет здесь в виду знаменитые игорные дома в Монако.

Стр. 17. *История пощечины ∾ чтоб не было дуэли.* — Об этом мотиве в творчестве Достоевского см. выше, стр. 268—269.

Стр. 17. *ОН о святом Феодосии.* — Святой Феодосий (ум. 1074) — игумен Киево-Печерского монастыря. Достоевский пишет о нем как об одном из источников «исторических идеалов» русского народа (*ДП*, 1876, февраль гл. I, подглавка 2. «О любви к народу. Необходимый контакт с народом»), упоминает его также в черновиках к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 305, 306) и в статье 1873 г. «Наши монастыри». Обширное житие Феодосия Печерского, составленное Нестором, издано О. М. Бодянским в «Чтениях императорского Общества истории и древностей российских», 1853, кн. 3. Сочинения Феодосия печатались в «Православном собеседнике», 1858, кн. 3 и 1865, кн. 2.

Стр. 20. *...целый архив выжитого...* — Понятие «выжитая мысль», «выживать мысль» — предмет специального авторского внимания в романе Д. В. Аверкиева «История бледного молодого человека» (*РВ*, 1874, № 1, стр. 95).

Стр. 21. *Я было порадовался тому, что у нас лет уже 15, как всё интеллигентное ∾ бросилось в реализм...* — Достоевский намекает на время появления статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (*С*, 1860, №№ 4 и 5) и первых статей Д. И. Писарева.

Стр. 21. *...я даже враг всякой учебной реформе...* — Имеется в виду введенный в 1871 г. новый гимназический устав, см. о нем выше, примеч. к стр. 11.

Стр. 22. *Сцена с горничной ∾ Наклеветал, что горничная обворовала.* — Этот мотив восходит к сцене из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, где по вине последнего невинная кухарка Марион обвиняется в воровстве. Ее выгоняют и тем самым ввергают в позор и нищету (*Руссо. Исповедь*, стр. 79—82).

Стр. 25. *Кавалергард* (от франц. cavalier — всадник и garde — охрана) — тот, кто служит в Кавалергардском гвардейском полку, исполнявшем обязанности почетного конвоя при лицах императорской фамилии.

Стр. 25. *...любит говорить бонмо...* — Бонмо (франц. bon mot) — острое словцо.

Стр. 26. *...если он (бог) есть, персонально (а не в виде разлитого там духа какого-то ∾ Разлитый? Ну что же это, вода, что ли, такая.* — Ср.: «Да ведь вы и бога принимали в виде чего-то разлитого (пролитого)» — запись из неосуществленного замысла «Сороковины» (см. выше, стр. 6). Все упо-

мянутые в нем темы, за исключением этой, нашли отражение в «Братьях Карамазовых».

Стр. 27. *...с гимназистом бежать в Америку.* — В окончательном тексте романа «намерение бежать в Америку» питает товарищ Подростка по гимназии Ефим Зверев. Тема бегства молодежи в Америку развита Достоевским в «Бесах». В «Дневнике писателя» за 1873 г. в главе «Одна из современных фальшей» Достоевский писал, что газеты сообщали о предполагаемом побеге трех гимназистов в Америку.

Стр. 28. *...воротился из ссылки за дуэль...* — Согласно Своду законов 1832 г., обидчик, начавший поединок и обнаживший оружие, подвергался лишению всех прав и ссылке в Сибирь.

Стр. 30. *...как можно было нажить при подписке на акции. Подробности у Анны Г⟨ригорьев⟩ны.* — Имеется в виду А. Г. Достоевская (1846—1919), жена писателя. «Анна Григорьевна ⟨...⟩ — пишет о ней биограф, — в этом отношении была полной противоположностью детски-наивного в денежных делах Федора Михайловича ⟨...⟩ Если сам Достоевский мог, как свидетельствует Анна Григорьевна, подписывать фиктивные векселя на огромные суммы, не решаясь отказать просителю, а подчас и ловкому дельцу, эксплуатирующему его доверие и младенческую непрактичность, Анна Григорьевна уже не только обережет его от таких сделок, но начнет активную борьбу с кредиторами, которую поведет умело, энергично и победоносно» (Л. П. Гроссман. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания». В кн.: Воспоминания А. Г. Достоевской. Госиздат, М.—Л., 1925, стр. 13).

Стр. 33. *...о борьбе работника с бульдогом.* — Эта запись восходит к прочитанному Достоевским в газете «Русский мир» рассказу о бывшем в недавнее время в Лондоне «невероятном сражении» между «замечательно уродливым» человеком, лет около сорока, карликом с огромной головой и «геркулесовыми кулаками», с бульдогом. В газете подробно описывается это кровавое побоище, устроенное на потеху зрителей, похожих на диких зверей, окончившееся тем, что «человек-животное», весь израненный, в крови, задушив бульдога, получил награду (*РМ*, 1874, № 187, 11 июля).

Стр. 34. *...в Европе хотят (bourgeoisie) остановить это четвертое сословие силою. ∾ Уже прелюдию видели.* — Под «четвертым» сословием имеется в виду пролетариат. Прелюдией борьбы третьего сословия (буржуазии) и пролетариата называет Достоевский события (1871 г.) во время Парижской Коммуны.

Стр. 34. *...время близко при дверях...* — Выражение восходит к Евангелию (Матфей, гл. 24, ст. 33; Марк, гл. 13, ст. 29).

Стр. 34. *Разговор о бароне-горбуне и острове на Балтийском море.* — Может быть, этот лишь намеченный сюжет восходит к эпизоду из мемуаров П. В. Долгорукова, которые были опубликованы в Женеве в 1867 г. Долгоруков пишет, что одному из придворных шутов петровского времени, Лакосте, человеку умному, хорошо образованному, но имевшему смешную нескладную фигуру, Петр за усердную службу пожаловал «необитаемый остров на Балтийском море» и титул «царя Самоедского» (П. В. Долгоруков. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909, стр. 94).

Стр. 34. *«А если б захотел, так был бы деловой».* — Неточная цитата из «Горя от ума» Грибоедова, где Фамусов говорит о Чацком: «Но захоти: так был бы деловой» (Действие II, явл. V).

Стр. 35. *ОН ненавидит женевские идеи (т. е. человеколюбие, т. е. добродетель без Христа).* — См. выше, стр. 370; 378.

Стр. 35. *Разговаривают про Унгерн-Штернберга...* см. также стр. 40: *Жребий Унгерн-Штернберга лучше Наполеонова.* — В записях-мечтах Подростка это имя встречается неоднократно как имя властелина необитаемого острова то в Ботническом заливе (стр. 37), то на полюсе или на озере в «Сред⟨ней⟩ Африке (стр. 93), то в Балтийском море». Унгерн-Штернберг Отто Рейнгольд Людвиг (1744—1811), барон, «хиумский пират». О нем см.: наст. изд., т. VII, стр. 406.

Стр. 36. *Сочинить для m⟨ada⟩me Andrieux французские фразы (как Гиво).* — Имеется в виду не французский историк и политический деятель

Франсуа-Пьер-Гильом Гизо, а его жена Елизабет-Шарлотта-Полина (1773—1827), писательница-моралистка, автор ряда романов, многочисленных фельетонов в журнале «Publicité» и педагогических сочинений. К. Скальковский, писавший о ней, так характеризует ее фельетоны: «...в них есть немало фраз вроде следующих, сделавшихся с тех пор знаменитыми: „La raison, par malheur, n'est fait que pour les gens raisonnables“ ⟨Разум, к несчастью, не делает людей более благоразумными (*франц.*)⟩ и что „время приводит людей к истине и добродетели, но сами истина и добродетель мало кого еще в долгое течение времени обратили к пути“» (К. Скальковский. Женщины-писательницы, т. I. СПб., 1865, стр. 143).

Стр. 36. *«Ищите человека с самым глубоким взглядом и смело подходите, — это он».* — В письме к жене из Эмса от 6 (24) июня 1874 г. Достоевский упоминает об одной «почитательнице», видевшей его раньше у Каткова, которая, помогая своим знакомым отыскать писателя «на музыке или у источника», говорила: «Всматривайтесь, и чуть найдете человека с самым глубоким взглядом, таким, каким ни у кого нет, то смело подходите, это он».

Стр. 37. *...это время золотой середины...* — Золотая середина (aurea mediocritas) — выражение древнеримского поэта Квинта Горация Флакка (Оды, II, 10, 5), означающее образ действия, чуждый различного рода крайностей. Достоевский в «Ряде статей о русской литературе» (1861) подробно останавливается на характеристике людей, называемых «золотая посредственность», но претендующих на первенство во всяком обществе (Введение, гл. IV). В том же 1861 г. Достоевский в письме к Я. П. Полонскому от 31 июля по поводу его романа «Свежее предание», печатавшегося во «Времени», сообщал: «В публике отзывы (как я слышал) различные, но что хорошо, что ценители делятся довольно резко на две стороны: или бранят, или очень хвалят — а это самое лучшее: значит, не пахнет золотой серединой, черт ее возьми!»

Стр. 37. *Три мерзавца ∾ Полиция поощряет.* — Запись эта связана с эпизодом о «студенте университета», бросающемся на прохожих женщин (см. выше, стр. 370). Реальной основой ее была корреспонденция в «Русском мире», где о студенте и полиции рассказывалось: «Сдав этого студента, я просил городового свести буяна в участок ⟨...⟩ Но каково же было мое удивление, когда я увидел из окна, что городовой тотчас пустил пьяного, пожав ему руку!.. Тот пошел по направлению к Вознесенскому проспекту и продолжал накидываться на проходивших, чему так усердно смеялся блюститель порядка, которому вторила ватага извозчиков» (*РМ*, 1874, № 188, 12 июля).

Стр. 37. *Баня. Аполлонова нога. ∾ на содержание пойти».* — Подобный же сюжет в неосуществленном замысле «Отцы и дети» (1876) (см. выше, стр. 7).

Стр. 37. *Фантазия острова в Ботническом заливе...* — Ботнический залив занимает северную часть Балтийского моря. По всему заливу рассеяны многочисленные небольшие острова, мели, скалы, рифы.

Стр. 37. *О порядке явления тварей (книга Бытия).* — Имеется в виду библейский рассказ о порядке сотворения богом живых существ (Бытие, гл. 1, ст. 20—24).

Стр. 37. *Кто научил, когда не было науки? (Египетский папирус).* — А. И. Герцен в «Письмах об изучении природы» (в письме третьем «Греческая философия») писал: «Восток не имел науки, он жил фантазией и никогда не устанавливался настолько, чтоб привести в ясность свою мысль» (*Герцен*, т. III, стр. 142).

Стр. 38. *Настоящий хищный тип (смотри стр. 3 планов).* — Эта отсылка Достоевского имеет в виду записи, характеризующие «хищный тип (1875 года)». См.: наст. изд., т. XVI, стр. 6—7.

Стр. 38. *Дворян уничтожили и требуют от них воскресения и обновления — в духовном попечительстве о России, в ношении высшей идеи; обращаются к нему с манифестом о воспитании.* — 25 декабря 1873 г. был издан царский рескрипт на имя министра народного просвещения, в котором говорилось о деле народного образования, «столь великом и священном, что поддержанию и упрочению его ⟨...⟩ должны служить ⟨...⟩ все просвещеннейшие

люди страны ⟨...⟩ Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежит о сем попечение» (*Г*, 1873, № 357, 28 декабря). Реакционная часть дворянства усмотрела в этом новую «сословную привилегию», восстановление прежних прав, дарованных дворянству грамотою Екатерины II (*МВед*, 1874, № 9, 10 января). «Вестник Европы», выступив против подобного истолкования рескрипта «Московскими ведомостями», писал, что «рескрипт 25-го декабря, в своем обращении к дворянству, сходится не с дворянскою грамотою Екатерины II, а с указами Петра Великого, который призывал дворян на *службу* государству, просто как передовой класс, и хотел создать из него первый умственный элемент для просвещения России в европейском смысле. Нам кажется, едва ли и нынешний рескрипт допускает иное толкование, вне этого прямого и совершенно ясного его смысла» (*ВЕ*, 1874, № 2, стр. 851).

Стр. 39. *...вы — не Мак-Магон.* — Мари-Эдм-Патрис-Морис граф де Мак-Магон (1808—1893), французский маршал и политический деятель — монархист. 24 мая 1873 г. был избран президентом Французской республики. В ноябре того же года полномочия его были продлены на семь лет. Достоевский в обзоре иностранных событий, напечатанном в «Гражданине» (1873, № 38, 17 сентября, стр. 1017), отзывается о нем в комически-ироническом тоне.

Стр. 39. *«Студент университета» ∾ около 10 июля / 74.* — См. выше, стр. 370.

Стр. 40. *Как Руссо находил наслаждение, загаливаясь...* — Об этой и других сюжетных параллелях с «Исповедью» Руссо в подготовительных материалах см.: *Долинин*, стр. 98—100.

Стр. 40. *...идти в схимники.* — Схимник — монах, принявший схиму, высшую монашескую степень в православной церкви, требующую от посвященного в нее выполнения суровых аскетических правил.

Стр. 40. *20 000, и ОН отдал назад (Щелков)*; см. также стр. 41: *как Щелков, выиграл наследство (несправедливо).* — Возможно, имеется в виду Алексей Дмитриевич Щелков (р. 1825), знакомый Достоевского по кружку С. Ф. Дурова. Он жил на одной квартире с Дуровым и Пальмом и привлекался к следствию по делу петрашевцев; арестованный 23 апреля 1849 г., 6 июля был освобожден с отдачей под секретный надзор.

Стр. 40—41. *Русский тип ∾ соляных дел и проч.* — «Может быть, для повести Козлову», — замечает Достоевский па полях против этого текста. Павел Алексеевич Козлов в 1874 г. приглашал Достоевского участвовать в литературном сборнике (см. ниже, стр. 429). Возможно, писатель предполагал разработать в повесть сюжет о двух типах, «художественном» и «точном», вошедший частично в окончательный текст романа (ч. 2, гл. I, подглавка 2).

Стр. 40. *...говорил с ген⟨ерал⟩-губернатором, светлейшим Суворовым.* — Об А. А. Суворове см. выше, стр. 376.

Стр. 43. *...(страшное простодушие, Валиханов, обаяние)...* — Об отношении Достоевского к Чокану Валиханову см. выше, стр. 292.

Стр. 43. *...толкует Подростку Нагорную проповедь...* — Нагорная проповедь — последняя проповедь Христа (см. Евангелие: от Матфея, гл. 5—7; от Луки, гл. 6, ст. 17—49). Достоевский упоминал ее в ряде произведений (см.: «Записки из Мертвого дома», наст. изд., т. IV, стр. 54; «Бесы», наст. изд., т. X, стр. 497; «Братья Карамазовы», наст. изд., т. XIV, стр. 33).

Стр. 46. *...анекдоты вроде о Ротшильде ∾ в подкладке 200 000.* — См. выше, стр. 376—378.

Стр. 46. *С меня довольно сего сознания.* — См. выше, стр. 369.

Стр. 46. *...сводит с кем-то вроде Долгушина, толкующих о нормальном человеке...* — В обвинительном акте по делу долгушинцев говорится: «По словам жены Долгушина, Аграфены Дмитриевой, на этих собраниях, в которых она участвовала, впрочем не всегда, общество занималось разрешением разных вопросов, в числе которых на первом плане был вопрос „о нормальном человеке“» (*Г*, 1874, № 189, 10 июля). То же отмечено и в ее пока-

заниях: «...главнейшим был вопрос о „нормальном человеке". При этом разбирались потребности человека с его физиологической стороны, и мы пришли к тому убеждению, что бедность и невежество суть главнейшие причины, почему большинство не удовлетворяет своим физиологическим потребностям» (*Г*, 1874, № 192, 13 июля).

Стр. 46. *Анекдот ЕГО, как он старался в земстве ∾ (Справиться у отца Ивана.)* — Отец Иван — священник Иоанн Румянцев, настоятель Георгиевской (Благовещенской) церкви в Старой Руссе (см. письма Достоевского к А. Г. Достоевской от 10 июля 1873 г., от 6 июня 1874 г. и др.). В его доме Достоевские жили в 1872 г. В 1880 г. Достоевский писал о нем: «Батюшка Румянцев есть мой давний и истинный друг, достойнейший из достойнейших священников, каких только я когда-нибудь знал» (письмо к К. П. Победоносцеву от 25 июля 1880 г.). Какой анекдот имел в данном случае в виду Достоевский, установить не удалось.

Стр. 47. *Фру-фру, зады и шлейфы его возмущали.* — См. выше, стр. 364.

Стр. 49. *...увлекают Подростка ∾ вроде как детей — поджог.* — Об интересе Достоевского к теме детского «поджога» под впечатлением дела Умецких см.: наст. изд., т. IX, стр. 340.

Стр. 50. *В Крымскую кампанию был в военной службе...* — Крымская, или Восточная, война (1853—1856) между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, развернувшаяся главным образом в Крыму и на Черном море. См. выше, стр. 368.

Стр. 50. *Мировой посредник первого призыва...* — См. выше, стр. 368.

Стр. 50. *Пьет шампанское à la Herzen...* См. выше, стр. 289—290.

Стр. 55. *...пошла по всем по трем».* — Восходит к жаргону ямщиков. Ср. с пословицей: «По всем по трем, коренной не тронь — а кроме коренной, нет ни одной» (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, т. II. СПб., 1904, стр. 49). У Достоевского в «Селе Степанчикове» Бахчеев говорит про Обноскина, похитившего Татьяну Ивановну: «Небось задувает теперь по всем по трем с денежками...» (см.: наст. изд., т. III, стр. 119).

Стр. 59. *Фраппирован* (от франц. frapper — бить, поражать) — поражен.

Стр. 60. *...в Малой Вишере...* — Малая Вишера — город и станция Николаевской (ныне Московской) железной дороги, в 100 км от Петербурга.

Стр. 60. *...с Любани...* — Любань — станция Николаевской железной дороги, в 83 км от Петербурга.

Стр. 60. *...третирует ее водевильной «субреткой».* — Субретка (франц. soubrette) — театральное амплуа бойкой и веселой служанки-притворщицы.

Стр. 62. *...темный лик богородицы у Знаменья.* — Очевидно, имеется в виду икона одного из приделов церкви «Входа господня в Иерусалим» на Знаменской площади (ныне пл. Восстания) в Петербурге. Церковь была построена в 1804 г. в «тосканском вкусе» (*Михневич*, ч. 1, стр. 163; см. также: Церковь Знамения богородицы в Петербурге. «Иллюстрированная газета», 1865, № 41). В настоящее время здание не сохранилось.

Стр. 62. *...по Толкучему ходит...* — В Петербурге в районе Садовой ул. и Вознесенского пр. внутри двора Ново-Александровского рынка «ежедневно происходит ручной торг — толкучка, продажа и покупка разного старья» (*Михневич,* ч. 2, стр. 459; ср.: Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Лениздат, Л., 1970, стр. 166—167).

Стр. 63. *Вообще весь роман через лицо Подростка, ищущего правды жизненной (Жиль Блаз и Дон-Кихот).* — См. выше, стр. 344—345.

Стр. 64. *...пошел к Надежде Прокофьевне...* — Надежда Прокофьевна Суслова (род. 1843), сестра А. П. Сусловой (см. о ней: наст. изд., т. V, стр. 400). Дочь крестьянина, получив первоначальное домашнее образование, выдержала экзамен при Петербургской гимназии и поступила вольнослушательницей в Медико-хирургическую академию. С 1864 г. — слушательница Цюрихского университета. В 1867 г. «блистательно защитила свою диссертацию» (письмо Достоевского к С. А. Ивановой-Хмыровой от 1/13 января 1868 г.). Первая из русских женщин получила диплом доктора медицины. В статье «Первая русская женщина-медик» В. А. Слепцов, знавший Н. П.

Суслову лично, писал: «Надежде Прокофьевне Сусловой пришлось перенести от нашего общества очень много неприятностей; ей противодействовали на каждом шагу, на нее сплетничали, ее оскорбляли, старались набросить тень на ее личность и на ее дело, и только глубокая вера в свои силы и в правоту своего дела помогла ей не смущаться придирками общества и твердо идти к своей цели» («Женский вестник», 1867, № 8, стр. 82). Н. П. Суслова находилась под надзором полиции, поддерживала связь с Знаменской коммуной В. А. Слепцова. Сохранилось секретное предписание от 20 октября 1873 г. петербургского градоначальника о том, чтобы в случае появления Сусловой ее тотчас задержать и доставить в секретное отделение (*ЛН*, т. 71, стр. 459). Достоевский познакомился с нею, очевидно, тогда же, когда и с Аполлинарией, — в начале 60-х годов. Известно, что они поддерживали теплые дружеские отношения. Сохранилось письмо Достоевского к Н. П. Сусловой, где он писал: «Я в каждую тяжелую минуту к Вам приезжал отдохнуть душой, а в последнее время исключительно только к Вам одной и приходил, когда уж очень бывало наболит в сердце» (письмо от 19 апреля 1865 г.). Достоевский говорил о Н. П. Сусловой как о редкой, благородной, честной, высокой личности (письмо к С. А. Ивановой-Хмыровой от 1 января 1868 г.). Вероятно, некоторые черты Н. П. Сусловой Достоевский думал придать Ахмаковой (см. также: *Долинин*, 171—174).

Стр. 65. *...если обидите единого от малых сих, не простится ни в сем веке, ни в будущем.* — Выражение восходит к Евангелию (Матфей, гл. 18, ст. 10; Лука, гл. 17, ст. 1—2).

Стр. 65. *Король Людовик XVII, сапожник...* — Набросок связан с размышлениями Достоевского над одной из тем, вокруг которых концентрировались упорные споры в кружке долгушинцев, — истории Великой французской революции, в особенности — периода якобинской диктатуры. Эта тема не вошла в круг проблем, обсуждаемых на вечере у Дергачева-Долгушина в окончательном тексте романа. Король Людовик XVII (1785—1795) — сын короля Людовика XVI (1754—1793), 10 августа 1792 г. он был заключен в Тампль. После казни отца в 1793 г. был провозглашен роялистами королем Франции. В июне 1793 г., в период якобинской диктатуры, выпущен из тюрьмы и отдан на воспитание сапожнику-якобинцу. В 1794 г. снова арестован. Умер в тюрьме. Об интересе Достоевского к фигуре малолетнего Людовика XVII в связи с «детской» темой свидетельствуют его черновые наброски 1875—1876 гг. к «Дневнику писателя» за 1876 г. по поводу «текущей злобы дня» — дела Кронеберга — и главе «Бунт» в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 229).

Стр. 65. *...читают Виктора Гюго ∾ ничего не значит...* — В романе Гюго «Отверженные», в сцене беседы между епископом Мириэлем и членом Конвента, обсуждались вопросы правосудия в период якобинского террора. В связи с этим здесь упоминается и «невинное дитя», Людовик XVII, «заключенный в Тампль единственно по той причине, что он был внуком Людовика Пятнадцатого» (В. Гюго. Собрание сочинений в 15-ти томах, т. 6. Гослитиздат, М., 1954, стр. 52—56). Именно эта сцена вызвала в 1860-х годах запрещение перевода «Отверженных» в России (см.: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. *ЛН*, т. 31—32, стр. 840). В поле зрения Достоевского был, конечно, и последний роман В. Гюго «93-й год» (1874), бывший в центре литературных дискуссий 1874—1875 гг. (см.: П. Петров. Девяносто третий год. Новый роман В. Гюго. *РВ*, 1874, № 3, стр. 401—430). В романе изображено Вандейское восстание 1793 г. против якобинской республики. Симпатии Гюго на стороне революционного народа, но он осуждает тактику революционного террора и утверждает республику «милосердия». История Французской революции побуждала и Гюго и Достоевского задуматься о жертвах прошлых исторических переворотов с тем, чтобы избежать таких жертв в будущем. Тема эта постоянно, начиная с «Преступления и наказания», была в центре раздумий Достоевского.

Стр. 66. *...лицо молодого человека ∾ Отчасти Спешнев.* — Прообразом одного из предполагаемых молодых людей из кружка Долгушина был герой очерка А. У. Порецкого, опубликованного в «Гражданине», где автор,

путешествовавший летом 1874 г. по югу России, писал: «...в известной колонии Хортице, в Александровском уезде, есть фабрика земледельческих орудий. Когда я в последний раз был там ⟨...⟩ вечером, вижу, на двор фабрики въезжает щегольской тарантас, запряженный тройкою превосходных серых коней.

— Что за экипаж? — спрашиваю хозяина.

— Это за одним из моих рабочих.

— Как? за рабочим?

— Один соседний помещик, — богатый помещик, — молодой человек, захотел быть у меня рабочим.

— Что же это? от нечего делать поиграть молотом для собственного увеселения?

— О, нет! ⟨...⟩ — Отличный работник!» (*Гр*, 1874, № 33, 19 августа, стр. 840). Для Достоевского, как пишет А. С. Долинин, «совершенно новая разновидность среди молодежи, революционер гораздо более трезвый, с ясным взглядом в будущее» (*ЛН*, т. 77, стр. 480). «Отчасти Спешнев», — прибавляет о нем Достоевский. — Николай Александрович Спешнев (1821—1882) — один из наиболее революционно настроенных петрашевцев, ставивший целью «произвести переворот в России». В «Мемуарах» П. П. Семенова-Тян-Шанского, хорошо знавшего многих петрашевцев, имеется подробная характеристика этого «выдающегося по своим способностям» человека. (П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары. Т. I. Детство и юность. 1827—1855 гг. Пгр., 1917, стр. 198). По процессу петрашевцев Спешнев был приговорен к расстрелу, замененному десятью годами каторги. Манифест 1856 г. дал возможность выйти на поселение. Достоевский в письме к М. М. Достоевскому из Омска писал: «Спешнев в Иркутской губернии приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека! Где и как он не явится, люди, самые непосредственные, самые непроходимые, окружают его тотчас же благоговением и уважением» (письмо от 22 октября 1854 г.). С 1860 г. Спешневу разрешено жить в Петербурге. А. Н. Плещеев в письме к Добролюбову от 12 февраля 1860 г. сообщает о нем: «У него всегда слово шло об руку с делом. Убеждения свои он постоянно вносил в жизнь» («Русская мысль», 1913, кн. I, стр. 142). В 1861 г. он становится мировым посредником первого призыва и исполняет эту должность с большим энтузиазмом. О Спешневе см. также: наст. изд., т. XII, стр. 220—222.

Стр. 67. *Тон фатишки (Паша)*. — Паша — Павел Александрович Исаев (1846—1900), пасынок Достоевского. Достоевский писал ему 10 апреля 1864 г.: «...у тебя на уме хвастовство, задать шику, тону». О П. А. Исаеве см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания* (по указателю имен); см. также письма Достоевского к нему.

Стр. 67. *Детство и отрочество. Поэт мелкого самолюбия ∾ Нет, это вы поэт мелкого самолюбия, а не граф Толстой (а черемуха)»*. — Достоевский имеет в виду героя «Детства» и «Отрочества» Л. Н. Толстого. Сцена с черемухой — во второй главе «Отрочества» (Толстой, т. 2, стр. 12). Об отношении Достоевского к трилогии Толстого см. выше, стр. 339—340. К теме «героев мелкого самолюбия» Достоевский возвращается в заключительный период работы над подготовительными материалами. См. черновик первоначально предполагавшегося Предисловия к роману: наст. изд., т. XVI, стр. 329.

Стр. 68. *Мысль изреченная есть ложь*. — Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» (1830).

Стр. 68. *...кухарка, повесившаяся из-за того, что потеряла барские 5 руб.)* — В записной тетради, среди материалов начала 1873 г., подготовлявшихся для «Гражданина», встречается запись: «Чего ему желать? Зачем ему жить? Кухарка 5 руб. потеряла. Какая пустая и глупая шутка» (*ЛН*, т. 83, стр. 294).

Стр. 69. *«Голос»: зарезавшийся ножом в трактире: «Образ милой К. всё предо мною»*. — В «Голосе» (1874, № 233, 24 августа), в отделе «Внутренние новости», было помещено следующее сообщение: «...В первых числах августа в трактир селения Московская Ижора, Царскосельского уезда, вошел

молодой человек, лет 26-ти или 27-ми, бедно одетый. Он потребовал чаю и ветчины, заперся в одной из комнат и зарезался в ней столовым ножом». Самоубийца оставил две записки: «Я предполагал, что в минуту перед самоубийством в голове у человека бывает множество дельных мыслей, но ошибся. Удивительно пусто в голове. Где мне судьба привела кончить жизнь? ⟨...⟩» На другом клочке запись: «Образ милой А. ни на минуту не покидает меня; прощай, моя радость!»

Стр. 69. *Записки Гарибальди. «Вы, — говорит он правительствам ∾ потребляли бы только как двадцать пять».* — Мемуары Дж. Гарибальди (1807—1882) (см. о нем: наст. изд., т. V, стр. 372) вышли в 1859—1860 гг. на английском, итальянском, французском и немецком языках; литературная обработка их производилась разными авторами. Так, на французском языке они были изданы Александром Дюма-отцом, близким другом Гарибальди (A. Dumas. Memoires de Garibaldi, traduits sur le manuscrit original. Paris, 1860). Это издание сразу же было переведено на русский язык (Записки Иосифа Гарибальди, чч. I—II. СПб., 1860—1861). Описывая вступление гарибальдийской армии 6 сентября 1860 г. в Неаполь и низложение династии Бурбонов, Гарибальди писал: «Монархическое гнездо, еще теплое, было занято освободителями народа, и грубые сапоги пролетариев топтали роскошные королевские ковры. Это — пример, который должен кое-чему научить и правителей, лицемерно именующих себя защитниками народа. Пусть подумают, как улучшить человеческое существование, а не служат эгоизму, высокомерию, упрямству привилегированных классов, которые не исправляются даже тогда, когда доведенный до отчаяния народ, подобно льву, рычит у их дверей и готов смести их с дикой яростью, вполне оправданной, ибо это следствие той ненависти, что поселяли сами тираны» (Джузеппе Гарибальди. Мемуары. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 291—292). На общественные воззрения Гарибальди оказали влияние идеи утопического социализма. Избавление общества от зол он представлял путем имущественного уравнения всех граждан. Причем осуществить это должно будет «честное и разумное правительство» будущей республики (см.: В. Е. Невлер. Джузеппе Гарибальди и его эпоха. Там же, стр. 422).

Стр. 69. *Гарибальди ∾ отверг миллионы, предлагавшиеся ему правительством Италии!* — В 1874 г. итальянский парламент принял решение о назначении Гарибальди ренты в 100 тысяч лир. Он отклонил это предложение, ссылаясь на финансовое расстройство Италии. Газеты сообщали: «Отказываясь неизменно от всех подарков и наград, живя только доходом с обработки земли на Капрере, Гарибальди находится теперь в крайней бедности, никому не говоря по-прежнему о своем стесненном положении ⟨...⟩ правительство много раз предлагало генералу различные субсидии ⟨...⟩ но все эти предложения встречали всегда решительный отказ» («Неделя», 1874, № 43, 27 октября, стр. 1552).

Стр. 70. *Ледяные камни.* — См. выше, стр. 367.

Стр. 70. *Может, есть на планетах ум? ∾ это вдвойне отрицает.* — Достоевский был знаком с книгой Н. Н. Страхова «Мир как целое». Здесь в специальном разделе «Жители планет» (печатавшемся первоначально во «Времени», 1861, № 1) автор подробно излагает различные научные точки зрения о возможности «*иной* жизни, иного проявления разума» на других планетах. Он заключает свои рассуждения на этот счет так: «Очевидно то, что человек может и даже необходимо должен смотреть на свою жизнь так, как будто весь остальной мир пуст...» (Н. Н. Страхов. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1872, стр. 257, 259).

Стр. 71. *...в Колпине...* — Колпино — в то время посад С.-Петербургской губернии при Николаевской железной дороге, в 20 километрах от Петербурга.

Стр. 72. *Вот на духа хула, так то уж не прощает.* — Ср.: «всяк грех и хула отпустится человеком: а яже на Духа хула не отпустится человеком ни в сей век, ни в будущий» (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 31—32).

Стр. 74. *...У Сушара...* — Николай Иванович Сушард (Драшусов) — преподаватель французского языка в женском Екатерининском институте

в Москве. Имел пансион для приходящих детей, где оба старшие братья Достоевские подготовлялись к поступлению в пансион Л. И. Чермака (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 64—65). Достоевский упоминает Сушара также в подготовительных материалах к «Житию великого грешника» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 127, 129, 130). В дальнейшем ходе работы над «Подростком» Сушар превратился в Тушара; под этим именем он и фигурирует в окончательном тексте. См.: Г. Федоров. Драшусовы и «пансионишко Тушара» (*ЛГ*, 1974, 17 июля, № 29, стр. 7).

Стр. 74. *Нет, я весталку видел (статую) вся в покрывале, это приличнее. (Бурбонский музей. Неаполь) — просто статуя.* — Имеется в виду Национальный музей (Museo Borbonico) в Неаполе, который Достоевский мог посетить во время пребывания в Неаполе в 1863 г. В письме к И. С. Тургеневу от 18 октября 1863 г. из Турина Достоевский писал: «Рим и Неаполь сильно меня поразили». Возможно, что Достоевский имеет здесь в виду не статую весталки, а находящуюся в музее другую статую времен Фидия «Венера под прозрачным покрывалом».

Стр. 76. *Ейлекон.* — Возможно, искаженное Геликон — гора в Греции, считавшаяся у древних греков местопребыванием муз и Аполлона.

Стр. 77. *Гешихта* (от нем. Geschichte) — история.

Стр. 78. *...столько же томов, как свод законов.* — Свод законов Российской империи — систематическое собрание действовавших в России законов, обнародованный в 1833 г. и вступивший в силу в 1835 г. (3-е издание, 1857 г.). Свод законов состоял из 15 томов, многие из которых делились на части и имели продолжения.

Стр. 78. *ОН Подростку объясняет поэзию — сладкий лимонад. «Песни западн⟨ых⟩ славян» — значит сладкий лимонад.* — Г. Р. Державин в оде «Фелица» (1782) писал, обращаясь к Екатерине II:

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Применение отцом Подростка этого определения к пушкинским «Песням западных славян» служит в трактовке Достоевского выражением его снисходительно-иронического отношения к жизни и поэзии. Достоевский очень высоко ценил «Песни западных славян». «...это шедевр из шедевров Пушкина», — писал он (*ДП*, 1877, февраль, гл. I).

Стр. 78. *Державин повесил двоих в Пугач⟨евский⟩ бунт без надобности, единственно из поэтического любопытства, по замечанию Ив. Ив. Дмитриева.* — Среди материалов Пушкина к «Истории Пугачева» в разделе «Записи устных рассказов, преданий, песен» есть записи рассказов И. И. Дмитриева о Пугачеве. Среди них — запись анекдота, со слов сенатора Д. О. Баранова, знакомого и сослуживца Дмитриева, о Державине, велевшем повесить двух пугачевцев, — с комментарием Пушкина: «Ив. Ив. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости» (впервые опубликовано Е. И. Якушкиным в «Библиографических записках», 1859, № 6, стр. 180). Это замечание И. И. Дмитриева, не использованное в основном тексте «Истории Пугачева», вошло в «Замечания о бунте», представленные Пушкиным Николаю I; «Замечания» впервые были опубликованы в журнале «Заря» (1870, № 12, стр. 418—422), который находился в поле зрения Достоевского (в этом номере печаталась статья Н. Н. Страхова «Литературная деятельность Герцена»). Здесь он и познакомился с ними.

Стр. 78. *Телеги, подвозящие хлеб ∾ что же делать?»* — См. выше, стр. 284.

Стр. 80. «Quae medicamenta non sanant»... — См. выше, стр. 365.

Стр. 80. *Оба умершие Ротшильды и о том, сколько они оставили состояния, и т. д.* — Очевидно, Достоевский имеет в виду Джеймса Ротшильда (1792—1868) (о нем см. выше, стр. 365) и его отца Мейера-Ансальма Ротшильда (1743—1812).

Стр. 82. *Она чтит Ст⟨арого⟩ Князя как благодетеля их семьи (Ал. Алексеевич)*. — Ал. Алексеевич — богатый дядя Ф. М. Достоевского Александр Алексеевич Куманин (1792—1863). Он был известен в обществе широкой благотворительностью. А. М. Достоевский пишет: «...дядя Александр Алексеевич сделал очень много добра нашему семейству, а по смерти папеньки он приютил нас пятерых сирот (два старших брата были уже в Петербурге) и сделался навеки нашим благодетелем, в особенности трех сестер, которым при замужестве их дал большие приданые» (*Достоевский, А. М.*, стр. 37). А. А. Куманин взял сестер Достоевского к себе в дом детьми, воспитал их и дал им образование. Последние годы он был разбит параличом, безвыходно жил «в креслах» и «стал как ребенок» (М. М. Достоевский. Письмо к Ф. М. Достоевскому от 18 апреля 1856 г. В кн.: *Д, Письма*, т. I, стр. 529).

Стр. 82. *«Если б я жила в XVI столетии, я бы отравительницей была»*. — Возможно, Достоевский имеет здесь в виду маркизу Марию-Мадлену Бренвилье (1654—1675), известную отравительницу, наслаждавшуюся муками своих жертв, упомянутую писателем в «Записках пз Мертвого дома» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 154) и в статье «Ответ „Русскому вестнику“». Но он мог иметь в виду и Екатерину Медичи или отравительницу из рода Борджиа.

Стр. 82. *Вы мышиный жеребчик*. — Мышиный жеребчик — старик, волочащийся за молодыми дамами. Некрасов в стихотворении «Балет» (1866) пишет:

И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет).

Действительно, Гоголь в «Мертвых душах» (ч. I, гл. VIII) употребляет это выражение.

Стр. 84. *ОН мнителен (отец). Смотрит под постелями, прислушивается ночью*. — Подобная характеристика героя повторяется у Достоевского. Ср. в «Вечном муже» о Павле Петровиче Трусоцком: «Под кроватью... любовников ищет... под кроватью», а также описание героя в плане неосуществленного рассказа в «Зарю»: «Странный, озирающийся, подозрительный, смотрящий на ночь за шкафами и за постелями (трус)» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 110 и 115). Мотив этот имеет автобиографические истоки. Любовь Федоровна Достоевская со слов теток передает об отце писателя: «Ревнивая бдительность их отца оскорбляла тонкие чувства моих теток. С возмущением они вспоминали позже, как их отец заглядывал по вечерам под их кровати — не спрятался ли там какой-нибудь возлюбленный» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 16).

Стр. 87. *...больше единства и менее того, в чем упрекал меня Страхов ∾ и сюжетов*. — См. письмо Н. Н. Страхова к Достоевскому от 12 апреля 1871 г. (*Шестидесятые годы*, стр. 271).

Стр. 87. *Светская заносчивость, нестерпимая гордость, английское упрямство и щепетильность (жена Байрона)...* — Жена Байрона Аннабелла (урожд. Мильбэнк) (ум. 1860) принадлежала к состоятельной дворянской семье и была воспитана в духе консерватизма и традиционного ханжества. Среди книг и статей о Байроне, интерес к которому у Достоевского всегда был большим (см.: Л. П. Гроссман. Достоевский и Европа. В кн.: Л. Гроссман. Три современника. Книгоиздательство писателей в Москве, 1922, стр. 63—144), много места уделялось вопросу о причинах семейной драмы поэта, причем его жена неизменно рисуется гордой, холодной, властной и упрямой женщиной (см.: Томас Мур. Жизнь лорда Байрона. СПб., 1865). «Отечественные записки» в статье «Новые сведения о брачных отношениях Байрона» писали: «Что касается до леди Байрон, то ⟨...⟩ люди смотрели на нее как на узкосердечную, ограниченную женщину ⟨...⟩ холодное, черствое сердце которой, несмотря на разные другие добродетели ее, было чуждо женственному чувству всепрощения...» (*ОЗ*, 1870, № 1, стр. 130).

Стр. 88. *...у Старого Князя был припадок разжижения мозга (Ламанский)*. — Порфирий Иванович Ламанский (1824—1875) привлекался к след-

ствию по делу петрашевцев. Он посещал вечера М. В. Петрашевского и С. Ф. Дурова, бывал и у А. Н. Плещеева, присутствовал при чтении Достоевским письма Белинского к Гоголю. Арестованный, так же как и Достоевский, 23 апреля 1849 г., Ламанский был в июле освобожден с отдачей под секретный надзор (см.: Дело петрашевцев, т. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 319—329). Впоследствии Достоевский встречался с его братом, историком-славистом Владимиром Ивановичем. П. И. Ламанский покончил жизнь самоубийством в результате умственного помешательства. Об этом Достоевский сообщал Анне Григорьевне 6 февраля 1875 г.: «Вообрази, Порфирий Ламанский умер от того, что закололся в сердце кинжалом!»

Стр. 93. *...о страданиях в пансионе ᔓ вспоминает о Брусилове.* — Ср. в «Житии великого грешника»: «У Сушара только Брутилов и его история» (наст. изд., т. IX, стр. 127). Николай Брусилов был товарищем Алексея Альфонского, семья которого явилась для Достоевского отчасти реальной основой для создания «Жития великого грешника» (сообщено Г. А. Федоровым).

Стр. 94. *...у больной девочки швейцаровой.* — В плане неосуществленного рассказа в «Зарю» 1869 г. также фигурирует «девочка 12 лет швейцара» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 116). В статье Е. М. Пульхритудовой «Достоевский и Лесков» высказано предположение, что наброски Достоевского о швейцаре и замысел рассказа Лескова «Павлин» (1874) опираются на одни и те же бытовые реалии (*Достоевский и русские писатели,* стр. 131).

Стр. 94. *Этот поручик рассказывает о лодке в Англии, об камне и проч.* — См. выше, стр. 376.

Стр. 94. *У швейцара жена ᔓ он ее сжег на плите.* — В герценовском «Колоколе» есть сообщение: «Говорят, в Петербурге какая-то барыня жарила горничную на плите, ждем подробностей об этой милой соотечественнице» («Колокол», 1859, № 45, 15 июня, стр. 373). Достоевский, как и в эпизоде «об обваренной ручке» ребенка (см. ниже, стр. 422—423), переносит действие в другую среду, превращая тем самым, в отличие от Герцена, социальный конфликт в бытовой и психологический.

Стр. 98. *...предлагает ЕМУ продать жену.* — В «Московских ведомостях» (1873, № 154, 21 июня) в отделе «Судебная хроника» сообщалось о деле в Варшавском уголовном суде о «продаже жены». Достоевский отметил эту заметку в своей записной тетради: «Судебный приговор о продаже жены в Варшав⟨ском⟩ суде» (*ЛН*, т. 83, стр. 304).

Стр. 105. *ОН о Белинском... «А главное самообожание.* — В письмах Достоевский многократно писал о болезненном самолюбии Белинского (см., например, письма к Майкову от 11/23 декабря 1868 г.; к Н. Н. Страхову от 18/30 мая 1871 г.).

Стр. 106. *Неужели заботиться о том, что будет через столько десятков тысяч лет. ᔓ Этак кушанье простынет.* — В ироническом отношении Старого Князя к ЕГО замечаниям ощущается влияние приписываемого Белинскому высказывания: «Мы не решили еще вопроса о существовании бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть...» (см.: *Тургенев. Сочинения*, т. XIV, стр. 29).

Стр. 108. *...переменяя участь.* — Выражение это восходит к тюремно-арестантскому жаргону и означает побег. Оно записано Достоевским в Сибирской тетради (запись № 38) и не раз употреблено в «Записках из Мертвого дома» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 66, 175).

Стр. 108. *Павел Федорович Федоров* — неустановленное лицо.

Стр. 109. *...ничтожной febris catarhalis...* — В «Записках из Мертвого дома» Достоевский разъясняет суть этого «термина»: «Над этой febris catarhalis все смеялись у нас. Знали очень хорошо, что это принятая у нас, по какому-то обоюдному согласию между доктором и больным, формула для обозначения притворной болезни» (наст. изд., т. IV, стр. 143).

Стр. 113. *...для пандана.* — Пандан (франц. pendant) — соответствие, пара.

Стр. 114. *«И дура хорошо», — говорит Яичница.* — Слова из «Женитьбы» Гоголя (д. II, явл. 5).

Стр. 115. *Антецеданы* (франц. antécédant) — предшествующие события.

Стр. 117. *Собирал после 19 февраля на храмы божии.* — 19 февраля 1861 г. был опубликован царский манифест «о даровании» помещичьим крестьянам прав «свободных сельских обывателей».

Стр. 122. *Ходила в Казанский.* — Имеется в виду собор Казанской божьей матери на Невском проспекте в Петербурге.

Стр. 125. *...поцеловал след Княгини.* — См. выше, стр. 380—381.

Стр. 137. *Лизавета Смердящая.* — Лизавета (Елизавета) — в древнееврейском языке имя, означающее: поклявшаяся служить богу. Определение «смердящий» (низкий, мерзкий, совершивший много проступков) в христианской литературе часто употребляется для обозначения предельного падения человека («смердящий грех»). Данное упоминание имени Лизаветы Смердящей — первое в дошедших до нас рукописях Достоевского. В дальнейшем оно возникает неоднократно в наметках рассказов Макара Долгорукого. В одном из них Лизавета говорит: «Пошли меня, смердящую, не в рай к тебе светлый, а в кромешную тьму, дабы и там в огне и муке кричала тебе: „Свят, свят еси и любы иной не имею“» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 138). Параллельный мотив прославления бога «смердящим» встречается в духовном стихе «О двух Лазарях» (см.: П. Бессонов. Калики перехожие. Сб. стихов и исследование, ч. I. М., 1861, стр. 43—97). Брат Достоевского Андрей Михайлович пишет о юродивой Аграфене, жившей в имении Достоевских Даровом: «В деревне у нас была дурочка, не принадлежащая ни к какой семье; она всё время проводила, шляясь по полям, и только в сильные морозы зимой ее насильно приючивали к какой-либо избе. Ей уже было тогда лет 20—25; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминает постоянно о ребенке, похороненном на кладбище. Она, кажется, была дурочкой от рождения и, несмотря на свое таковое состояние, претерпела над собой насилие и сделалась матерью ребенка, который вскоре умер. Читая впоследствии в романе брата, Федора Михайловича, „Братья Карамазовы“ историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминал нашу дурочку Аграфену» (*Достоевский, А. М.*, стр. 62—63). См. также примеч. к роману «Братья Карамазовы» (наст. изд., т. XV, стр. 416).

Стр. 137. *Энох есть закон естественный ∾ (учение беспоповцев).* — Имеются в виду пророки Енох и Илья (см. ниже, примеч. стр. 352) и Иоанн Богослов. Беспоповцы — одно из главных течений раскола в русской православной церкви, не признававшее духовенства и церковной организации. Беспоповщина, возникшая во второй половине XVII в., в XIX в. распалась на множество мелких сект.

Стр. 137—138. *Утешение в скорбех, обретших мя зело ∾ Была у них любовь нелицемерная и как единая душа в двух телесах.* — Выписки фраз и пересказы отдельных мыслей из первой части книги: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения», в 4-х частях. Изд. 2-е, с исправлениями. М., 1856. Книга эта была в библиотеке Достоевского (экземпляр Достоевского, ч. 1—2, с его пометой на стр. 19 первой части хранится в библиотеке *ИРЛИ* — шифр I $\frac{7}{55}$). Н. Н. Страхов упомянул книгу Парфения среди книг, взятых Достоевским с собой за границу в 1867 г. (*Биография*, стр. 298). А. Г. Достоевская, вспоминая о времени создания «Подростка», писала: «Возвращаюсь к 1874 году ⟨...⟩ Федор Михайлович читал (в ту зиму) „Странствия инока Парфения“» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 272). Выписки использованы в речи Макара Долгорукого. В письме к Н. А. Любимову от 7/19 августа 1879 г. Достоевский писал, что ценит книгу Парфения за «наивность изложения», которую он, очевидно, хотел придать и рассказам Макара (о значении книги Парфения в творчестве Достоевского см.: Р. В. Плетнев. Dostojevskiy und der Hieromonach Parfenij. «Zeitschrift, für slavische Philologie», Bd. XIV, Heft, 1—2, 1937, стр. 30—46).

С т р. 138—139. *И пошли мы поработать господу своему. ∾ Как рыба, выброшенная на сушу, метался и тосковал.* — Продолжение выписок из книги Парфения.

С т р. 139. *А еще говорил, чтоб табаку не курить...* — Отказ от курения табака — одно из требований старообрядчества. Ср. старообрядческое заклятие на табак, чай и кофе: «Аще кто от православных христиан дерзнет пити табак...» (Александр Б. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола, ч. II. СПб., 1861, стр. 338—340).

С т р. 139. *А ты его стомчивее.* — Стомчивый — слабый, изнуренный, утомленный.

С т р. 140. *И придешь ко гробу в старости, как колос к снопу в свое время. ∾ одежды твои возгнушаются тобою»...* — Выписки Достоевского из Библии (книга Иова, гл. 5—9).

С т р. 140—141. *О, если бы вы совсем молчали ∾ насытившись днями.* — Продолжение выписок из Библии (книга Иова, гл. 13—41).

С т р. 143. *А слышал так, как сказал один древний святой ∾ тем грешней себя чувствуем».* — На полях против этой записи Достоевский помечает: «Кирилл Белозерский». — Кирилл Белозерский (1337—1427), будучи архимандритом московского Симонова монастыря, удалился в 1397 г. на озеро Сиверское Белгородской области, где жил отшельником в пещере, а затем основал здесь монастырь. Он — автор нескольких сочинений: послание к князьям, поучение, духовная грамота, — все они исполнены иноческого смирения.

С т р. 143. *«А кто не хочет трудиться, пусть тот и не ест», — сказано прежде (Нил Сорский).* — Выражение это восходит ко второму посланию апостола Павла к фессалоникийцам (Послания, гл. 3, ст. 10): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Нил Сорский (1433—1508) — древнерусский писатель, основатель скитского жития, литературное наследие которого состоит из многочисленных посланий к ученикам на темы духовной жизни и обширного, в 11 главах «устава», приводит это выражение в заповеди «о трудах телесных» (Н и л С о р с к и й. Устав его о жительстве скитском с приложением всех других писаний его, извлеченных из рукописей. СПб., 1864, стр. 8).

С т р. 145. *Проиграл 200 000 Некрасову.* — Упоминание здесь имени Некрасова можно поставить в связь с делом об игорном доме Колемина, сообщение о котором помещено в «Гражданине» (1874, № 11, 18 марта, стр. 311—312). Обвинителем по этому делу был А. Ф. Кони. В воспоминаниях Кони сохранился рассказ о нем: «В 1874 году сильное впечатление в Петербурге произвело возбуждение мною дела о штабс-ротмистре Колемине ⟨...⟩ я предложил судебному следователю наложить ⟨...⟩ арест на деньги Колемина ⟨...⟩ Арест был наложен ⟨...⟩ Кто-то, по невежеству юридическому, а может быть с дурным и злорадным умыслом, уверил Некрасова, будто бы достоверно известно, что я намерен возбудить дела о всех лицах, *выигравших крупные суммы* (курсив наш, — *ред.*) в общественных собраниях, и предложить суду отобрать у них эти деньги для обращения их в пользу колонии и приюта для малолетних преступников в окрестностях Петербурга. Встревоженный Некрасов, сознававший, что такая мера могла бы гибельно отразиться на средствах для издания „Отечественных записок“, как-то рано утром пришел ко мне и просил откровенно сказать, грозит ли ему такая опасность. .» «Некрасов, — продолжает Кони, — раскрыл передо мною болезненную психологию человека, одержимого страстью к игре» (А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. 2. СПб., 1912, стр. 117—118).

С т р. 145. *Конжедьирует* (франц. congedier) — выпроваживает, выставляет.

С т р. 146. *Креатуры* (франц. créature) — ставленники.

С т р. 147. *Лиза утопилась. Накануне была оскорблена Княгиней.* — Этот предполагаемый поворот в развитии сюжета мог возникнуть у Достоевского по аналогии с историей героини повести Карамзина «Бедная Лиза».

Стр. 150. *Макар Иванов* ∾ *и стояниях, взять из Парфения.* — Стояние — всенощное бдение в храме в четверг и субботу пятой недели великого поста. В книге инока Парфения имеется несколько описаний вечерних служб. Особенно подробно он описывает вечерню на праздник Иоанна Предтечи пустынножителя, в монастыре Секуле, где торжественное всенощное бдение продолжалось десять часов (ч. I, стр. 263—264), и богослужение в монастыре Хилендаре на Горе Афонской (ч. II, стр. 91).

Стр. 150. *Макар Долгорукий* ∾ *высок и прям.* — См. выше, стр. 372.

Стр. 153. *...только что прочел «Ант⟨она⟩ Гор⟨емыку⟩» и «Полиньку Сакс».* — См. выше, стр. 363.

Стр. 155. *...nihil humanum a me alienum puto.* — Выражение: «Homo sum: humani nihil a me alienum puto» (Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*)) — восходит к комедии римского писателя Теренция (ок. 185—159 гг. до н. э.) «Самоистязатель».

Стр. 155. *Враль рассказывает про француз⟨ов⟩ в 12 году...* — Возможно, что Достоевский имел в виду один из рассказов Маркуса (одного из прототипов «враля»), бывшего участника войны 1812 г. См. о нем ниже, примеч. к стр. 184.

Стр. 156. *...о безнравственности конечной цели его своей идеи* ∾ *«СПб. ведомости», № 263.* — В этом номере газеты «С.-Петербургские ведомости», в отделе «Театр и музыка», помещена рецензия В. Александрова на спектакль петербургского немецкого театра, комедию Г. фон Мозера (1825—1903) «Ultimo». Изложив сюжет пьесы, идея которой сводится, по мнению рецензента, к отстаиванию законности биржевых и торговых спекуляций, и осудив ее «непривлекательную тенденцию», рецензент заключает: всё дело «в том, к чему стремится человек, что составляет цель его желаний и радостей в жизни, его идеалы. Единственная и исключительная цель спекуляций — нажива; единственная радость спекулятора — его комфорт, его богатство, радость животная, и в этом источник всего дальнейшего зла» (*СПбВед*, 1874, № 263, 24 сентября).

Стр. 158. *...подставить щеку свою...* — Евангельский мотив: «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матфей, гл. 5, ст. 39; Лука, гл. 6, ст. 29).

Стр. 159—160. *О среде* ∾ *о том, что нет добрых и злых, а есть только среда.* — В «Московских ведомостях» 1874 г. была напечатана статья, излагающая дело «о четверном убийстве». Поводом к обсуждению его в печати послужили не сами подробности дела, а то, что защитник одного из подсудимых во время заключительных прений объявил, что он отказывается от произнесения защитительной речи. На адвоката посыпались порицания, со всех сторон высказывалось сочувствие его «несчастному клиенту», который был предоставлен самому себе в «критическую для него минуту заседания суда». Газета приводит рассуждения некоего А. К-ова: «Человек не родится ни добрым, ни злым; все качества приобретаются им впоследствии, и есть влияние общества и среды, где он вращался» (*МВед*, 1874, № 244, 1 октября).

Стр. 160. *...жертва гонений Мессалины.* — Валерия Мессалина — третья жена римского императора Клавдия (10 г. до н. э.—54 г. н. э.), известная своим распутством. Имя ее стало нарицательным.

Стр. 164. *Об отношении социализма к христианству* ∾ *из Висбадена)...* —Достоевский имеет в виду корреспонденцию из Висбадена в «Московских ведомостях» о состоявшихся заседаниях восьмого протестантского съезда. На съезде обсуждался вопрос об участии церкви в разрешении социальных вопросов и были приняты следующие тезисы по докладу профессора Бёмерта: «Прогресс человечества во многом зависит от разрешения социального вопроса ⟨...⟩ Язвы современного общества не могут быть излечены ни равным распространением имущества, ни вмешательством государства в сферу экономического производства ⟨...⟩ Имущественное неравенство не есть несчастие, а необходимый стимул прогресса ⟨...⟩ Более всего церковь должна озаботиться, чтобы в новом поколении ⟨...⟩ вселить истинно религиозные и нравственные чувства, при которых человек не может подчиняться грубым софиз-

мам социалистов, скрывающих, что главная пружина, движущая ими, есть жажда физических наслаждений» (*МВед*, 1874, № 245, 3 октября).

Стр. 166. *Бестиально* (от итал. bestia — зверь) — зверски, животно.

Стр. 167. *ОН о Бисмарке ∾ Мечом и железом никогда и ничего еще не делалось прочного.* — Бисмарк, Отто фон Шёнгаузен, князь (1815—1898) — немецкий государственный деятель и дипломат. Происходил из семьи померанских помещиков. В сентябре 1862 г. стал министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии, поставив своей задачей объединение Германской империи. Для этого Бисмарк провозгласил лозунг: «Великие вопросы эпохи разрешаются не речами, не голосованием большинства, но железом и кровью» — знаменитые слова, восходящие к древнегерманским языческим клятвам (см.: В. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 469), произнесенные им 30 сентября 1862 г. и облетевшие всю Европу. Они приводятся в статье Л. А. Полонского «История Бисмарка в связи с историей его страны» (*ВЕ*, 1872, № 12, стр. 607) и в статье А. Б. «Практическая философия XIX-го века», напечатанной в «Вестнике Европы» в связи с выходом в Берлине в 1872 г. сборника речей Бисмарка (*ВЕ*, 1873, № 3, стр. 272). Одним из внутриполитических вопросов, занимавших Бисмарка, была борьба с католической церковью («культуркампф»), так как католическое население не поддерживало протестантской Пруссии в ее намерении добиться в Германии господствующего положения.

Стр. 167. *...je sais tout ∾ rien de bon.* — Это выражение восходит к Сократу (469—399 гг. до н. э.); аналогичный мотив содержится и в первом послании апостола Павла к коринфянам: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (Послания, гл. 8, ст. 2).

Стр. 168. *Сравнение нигилизма с появлением поэта Бенедиктова...* — В 1835 г. появилась первая книга стихов В. Г. Бенедиктова (1807—1873), имевшая громадный успех. Читатели и критика в лице Шевырева усмотрели и в нем новое крупнейшее дарование. Лишь В. Г. Белинский и Н. А. Полевой не признавали талант Бенедиктова и оказались правы: успех его сменился почти полным забвением. Уже в 1842 г., когда Бенедиктов выпустил новую книгу стихов, читатели встретили ее холодно. Смысл сравнения Бенедиктова с нигилизмом в том, что нигилизм при своем появлении пользовался у молодежи таким же шумным успехом, как в свое время Бенедиктов. История юношеского увлечения поэзией Бенедиктова и быстрого к нему охлаждения под влиянием критики Белинского описана в «Литературных и житейских воспоминаниях» И. С. Тургенева (*Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 23—24).

Стр. 168—169. *Толстой говорит: Если, преподавая детям историю, удовлетворять патриотическому чувству ∾ дух драгоценным будет...* — Достоевский полемизирует со взглядами Л. Н. Толстого о преподавании русской истории, изложенными в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862). Говоря о восприятии русской истории детьми, Толстой пишет: «Русский народ — их герой», и далее: «Но если удовлетворять одному национальному чувству, что же останется из всей истории? 612, 812 года и всё. Отвечая на национальное чувство, не пройдешь всей истории» (*Толстой*, т. 8, стр. 95—96).

Стр. 169. *Верс⟨илов⟩. Идея о дворянстве и лучших людях.* — Эта мысль развита Достоевским в «Дневнике писателя» за 1876 г. (октябрь, гл. II, подглавки 2—3. «Лучшие люди»).

Стр. 170. *...фрегат «Минин».* — Крейсер «Минин» — один из крупнейших кораблей русского флота в 1870-е годы. В статье «Силы и задачи русского флота» он упомянут наряду с двумя другими русскими крейсерами-броненосцами (*Г*, 1874, № 306, 5 ноября).

Стр. 170. *Политические разговоры (о Китае).* — В Китае в 1851—1865 гг. происходило Тайпинское восстание, нанесшее удар системе феодализма. Воспользовавшись ослаблением императорской власти, крупные капиталистические государства Европы и Америка, благодаря помощи

которых удалось подавить крестьянские выступления, стали превращать Китай в полуколониальную страну. Это вызвало ряд новых народных волнений. Русские газеты освещали все эти события. См.: «О нашей политике на Крайнем Востоке». *Г*, 1866, № 42, 11 февраля; «Китайское посольство» (передовая). *МВед*, 1869, № 257, 26 ноября; «Первый прием иностранных посланников китайским императором». «Всемирная иллюстрация», 1873, № 249; Г. Венюков. Очерки современного Китая. СПб., 1874, и рецензию на них К. Скачкова в «Русском вестнике» (1875, № 1, стр. 5—67; № 2, стр. 450—521). В «Гражданине» была помещена заметка «Казни в Китае» — о казни 600 китайских «бунтовщиков», защитников крепости Син-Чен (*Гр*, 1873, № 19, 7 мая, стр. 575). О Китае неоднократно упоминал Достоевский в записных тетрадях 1875—1876 гг.

Стр. 170. *...(так думали Чернышевский и Добролюбов: четверть часа поговорить в окошко с народом, и он пойдет за вами).* — Замечание это неоднократно повторяется Достоевским. Впервые оно встречается в черновых набросках объявления об издании журнала «Время» на 1863 г., затем — в письме к Каткову от 25 апреля 1866 г. Та же мысль (без упоминания конкретных имен) звучит в «Идиоте» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 247) и в подготовительных материалах к роману «Бесы» (наст. изд., т. XI, стр. 78 и 279).

Стр. 170. *...да когда же человек делал то, что ему выгодно? ∾ считать за выгодное ему именно то, что ему нравится...* — Ср. аналогичное рассуждение «парадоксалиста» в «Записках из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 110—117), полемически заостренное против теории «разумного эгоизма».

Стр. 176. *Он у нас что младенец, на что взглянет, то и тянет.* — Ср.: Поселенец, что младенец, на что взглянет, то и тянет (Сибирская тетрадь, запись № 458, наст. изд., т. IV, стр. 247).

Стр. 178. *Ты его дерзнул.* — Выражение заимствовано из Сибирской тетради, запись № 243 (см.: наст. изд., т. IV, стр. 242). Достоевский неоднократно использовал его («Записки из Мертвого дома», «Бесы», «Братья Карамазовы»).

Стр. 178. *...образи себя...* — Это выражение упоминается также в «Идиоте» и специально разъясняется в «Дневнике писателя» за 1876 г. (гл. III, подглавка 1).

Стр. 179. *Убил себя гимназист, что тяжело учиться.* — В «Голосе» (1874, № 282, 12 октября) было помещено следующее сообщение: «Вечером 10 октября был найден повесившимся в своей комнате ⟨...⟩ сын тайного советника Сергей Фанстель 15 лет». Он ранее жаловался отцу на трудности в учении. Подобные самоубийства не были единичны. Так, в 1873 г. в «Гражданине», в разделе «Петербургское обозрение», сообщалось: «Гимназист застрелился, потому что боялся экзаменов» (*Гр*, 1873, № 22, 28 мая, стр. 631).

Стр. 180. *Меж тем другой мир книжный, Вальтер Скотт, мечтательный.* — О поре своего юношеского «мечтательства» Достоевский писал в 1861 г. в статье «Петербургские сновидения в стихах и прозе»: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа „Монастырь" Вальтер Скотта и проч., и проч. И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище». Позднее, в «Дневнике писателя» за 1876 г., Достоевский упоминает Вальтер Скотта наряду с Шекспиром, Диккенсом, Байроном и Шиллером как писателя, более понятного русским, чем другим европейским народам (*ДП*, 1876, июнь, гл. I).

Стр. 180. *Веселый рассказ об отрезанной голове.* — Возможно, имеется в виду рассказ, позднее вошедший в «Братья Карамазовы»: «...о святом чудотворце, которого мучили за веру, и когда отрубили ему под конец голову, то он встал, поднял свою голову и „любезно ее лобызаше", и долго шел, неся ее в руках...» (наст. изд., т. XIV, стр. 42; т. XV, стр. 530—531).

Стр. 183. *Республиканская курица Мишле; младоумие в старческих годах.* — Жюль Мишле (1798—1874) — французский историк, автор «Исто-

рии Франции» (17 томов, 1833—1867), «Истории французской революции» (7 томов, 1847—1853), «Истории XIX века» (3 тома, 1872—1875) и других сочинений республиканского, демократического и антиклерикального направления. Достоевский упоминает Мишле в записной тетради 1864 г. в связи с вопросом о положении женщины в обществе, так как ряд книг Мишле («Любовь», 1859; «Женщина», 1860; «Библия человечности» — краткий очерк нравственных учений начиная с древности) были посвящены этому вопросу и в них развивалась мысль, что фундаментом гражданской общины должен быть семейный очаг. В сотрудничестве с женой Мишле написал также серию книг о природе: «Море» (СПб., 1861), «Царство насекомых» (СПб., 1863). А. С. Долинин высказал предположение, что данный отзыв Достоевского о Мишле относится к этим последним (*ЛН*, т. 77, стр. 487).

Стр. 184. ...*«по плечу» золотой середине. Тургенев.* — Об отношении Достоевского к Тургеневу см. примеч. к роману «Бесы» (наст. изд., т. XII, стр. 168—169), а также см.: Ю. Никольский. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София, 1921; А. С. Долинин. Тургенев в «Бесах». В кн.: *Сб. Достоевский, II*; История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева. Изд. «Academia», М.—Л., 1928.

Стр. 184. *О Шерстобитове (Путилин).* — Купец Шерстобитов упомянут также в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 45 и 402).

Стр. 184. *Так что я решилась прекратить мой жизненный дебют (из письма застрелившейся нигилистки).* — В основном тексте эта фраза использована в предсмертной записке Оли (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 150).

Стр. 184. *Маркус — рассказывающий, как на лодке дали знать купцы в Англию в три дня.* — Федор Антонович Маркус, эконом Мариинской больницы, был ближайшим соседом семьи родителей Достоевского, его квартира была в том же флигеле, выше этажом. Брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, вспоминает о Маркусе: «Как ближайший сосед наш, он хаживал к нам и часто проводил вечера, разговаривая с папенькой и маменькой. Говорил он отлично, и я бывало уставлю на него глаза, только и смотрю, как он говорит, и слушаю его. Вообще он оставил в моем детстве самое отрадное впечатление. Когда умерла маменька, то Федор Антонович, по просьбе отца, был главным распорядителем похорон и после похорон почти ежедневно навещал папеньку, развлекая его своими разговорами...» (*Достоевский, А. М.*, стр. 31) Любитель анекдотов, Ф. А. Маркус явился в какой-то мере прообразом «враля», впоследствии, в окончательном тексте, — хозяина квартиры Подростка, Петра Ипполитовича.

Стр. 184. *О виденье ∾ короля.* — См. выше, стр. 377.

Стр. 185. ...*об обращении св. Павла ∾ Стефана.* — По новозаветной легенде, св. Павел (до этого — Савл, непримиримый враг христиан), идя однажды в Дамаск, чтобы привести тамошних христиан на истязание в Иерусалим, услышал голос Христа, который обратил его в новую веру (см.: Деяния, гл. 7—9).

Стр. 185. *Свобода Христова и в коммунизме, равенство Христово и 93⟨-го⟩* года. — Интерес к этим темам и их трактовка очень характерны для Достоевского (см. об этом в комментарии к роману «Идиот», наст. изд., т. IX, стр. 458). Развивает эти мысли писатель позднее и в «Дневнике писателя» (*ДП*, 1876, март, гл. I).

Стр. 186. ...*читаю сейчас ∾ обращавшихся к нему за делом («Голос», начало августа).* — В газете «Голос» среди «земских известий» напечатан отклик из Мещовского уезда на закон (от 27 июня) об упразднении мировых посредников, деятельность которых рисуется в весьма непривлекательном виде: «Рассказывают, например, — пишет корреспондент, — что один из них объявил в присутствии многих лиц, что он желает быть посредником только для того, чтобы получать 1500 рублей содержания, но исполнять обязанности, сопряженные с его должностью, он не хочет и не будет, и, в подтверждение своих слов, каждого просителя — крестьянина, который является к нему не в урочный час, он выпроваживает от себя кулаками» (*Г*, 1874, № 215, 5 августа).

С т р. 187. *...у Друшара...* — Контаминация Достоевским двух фамилий содержателя Московского пансиона (Драшусов—Сушард). См. выше, стр. 406—407.

С т р. 191. *Грубит во всю Ивановскую...* — Изо всех сил. Выражение «кричать во всю Ивановскую» произошло от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы.

С т р. 193. *...награжден действит⟨ельным⟩ тайным советником».* — Действительный тайный советник — один из высших русских дореволюционных гражданских чинов; согласно «Табели о рангах» Петра I, чин этот относился ко II классу (всего было 14 классов).

С т р. 195. *О том, что застрелить женщину, если она не соглашается, фельетон Суворина, ноября 3, № 303.)* — Имеется в виду фельетон Суворина («Незнакомца») в «Петербургских ведомостях» о студенте, который пытался застрелить девушку, заявившую ему, что она его не любит, а затем сам застрелился. «Я знаю четыре подобных случая, происшедшие в течение года», — пишет по этому поводу Суворин (*СПбВед*, 1874, № 303, 3 ноября). А. С. Долинин полагал, что к этому газетному материалу восходит сцена покушения Версилова на убийство Ахмаковой и на самоубийство (*Долинин*, стр. 141).

С т р. 204. *...не взял бы m⟨ademoise⟩-lle Сапожкову в Италию.* — Ср. в окончательном тексте романа: «...мать моя красавицей не была ⟨...⟩ С первого взгляда в нее влюбиться, стало быть, нельзя было. Для простого „развлечения" Версилов мог выбрать другую, и такая там была, да еще незамужняя, Анфиса Константиновна Сапожкова...» (наст. изд., т. XIII, стр. 10).

С т р. 205. *Подросток об Отелло: «Знаете ли, за что убил Дездемону, — за то, что идеал потерял».* — Ср. в окончательном тексте романа, где эти слова Аркадий в разговоре с Ахмаковой приписывает Версилову (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 209 и выше, стр. 380).

С т р. 208. *Стараться жить ∾ и правды.* — См. выше, стр. 366.

С т р. 208. *Теперь ходят новые люди, все с бородами ∾ читает ли он «Пиквикский клуб»?* — Р. А. Фадеев в книге «Русское общество в настоящем и будущем» (см. о ней выше, стр. 264), говоря о современном обществе и характеризуя нигилистов, пишет: «Россия поделилась на партию людей брадатых и партию безбородых», — связывая с «брадатыми» «нынешний» нигилизм (*Фадеев*. стр. 18). Их-то, очевидно, и имел здесь в виду Достоевский. О значении для Достоевского романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» см. примеч. к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 358).

С т р. 218. *...все эти Кокоревы...* — См. выше, стр. 369.

С т р. 219. *...проклятие писателям, описывающим детство (Копперфильд).* — А. С. Долинин отметил ряд совпадений не только в ситуациях, но и в отдельных деталях между окончательным текстом «Подростка» и романом Диккенса «Давид Копперфильд» — главным образом в описании пансионов мистера Крика и Тушара (см.: *Долинин*, стр. 100—102).

С т р. 229. *...один из писателей назвал себя проприетером...* — Ср. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» разговор автора с хозяевами парижского отеля, предлагающими ему записаться в отеле не «путешественником», а «propriétaire» (см.: наст. изд., т. V, стр. 66).

С т р. 232. *...поражается легендой Алексея человека божия...* — О знакомстве Достоевского с легендой об Алексее человеке божьем и отражении ее в творчестве писателя см.: В. Е. В е т л о в с к а я. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 325—354.

С т р. 233. *...успевают же штундисты...* — Штундизм — религиозная секта рационалистического характера, отрицавшая догмы православной церкви. Секта эта появилась в 1860-е годы и особенно широко распространилась в начале 1870-х годов. Сведения о штундистах постоянно печатали тогдашние газеты («Секта штундовых» — *Г*, 1868, № 64, 4 марта; «Новая ре-

лигиозная секта и ее происхождение» — «Неделя», 1873, № 31, стр. 1128—1129; «Секта штундистов»— там же, № 47; «По поводу распространения секты „штундистов“» — *БВ*, 1875, № 231, 23 августа). Достоевский в «Дневнике писателя», характеризуя штундизм как «немецкое протестантство в среде православия», писал: «Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, — в православии?» (*ДП*, 1873 г., гл. VII, «Смятенный вид»).

Стр. 236. *С Петербургской стороны в Семеновский полк длинный путь.* — Петербургская сторона и Семеновский полк — названия районов Петербурга, расположенных в различных концах города.

Стр. 243. *...у него было вроде как у меня с Е. П. еще при жизни мужа).* — Е. П. — Елена Павловна Иванова — невестка Веры Михайловны, сестры Ф. М. Достоевского. По свидетельству А. Г. Достоевской, муж Елены Павловны — Константин Павлович Иванов (брат мужа Веры Михайловны) —был долго и безнадежно болен. «Вера Михайловна ⟨...⟩ мечтала о том, чтобы он (Достоевский, — *ред.*) женился на Елене Павловне, когда скончается ее муж ⟨...⟩ Живя летом 1866 г. в Люблине, вблизи Москвы, вблизи дачи Ивановых, и встречаясь с Еленой Павловной, Ф. М. спросил ее однажды, „пошла ли бы она за него замуж, если б была свободна?“ Она не ответила ничего определенного, и Ф. М. не считал себя с нею связанным никаким обещанием» (Письма Ф. М. Достоевского к жене. ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 313). В письмах к А. Г. Достоевской еще до женитьбы Достоевский несколько раз упоминает имя Елены Павловны: «Вечером я узнал от сестры и от самой Елены Павловны, что она всё время была несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви» (письмо от 29 декабря, 1866 г.). И далее, в письме от 2 января 1867 г.: «Елена Павловна приняла всё (известие о предстоящей женитьбе Федора Михайловича, — *ред.*) весьма сносно и сказала мне только: „Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала вам ничего решительного, иначе я бы погибла“». В дальнейшем Достоевский поддерживал с Е. П. Ивановой дружеские отношения; она содержала номера для приезжающих, и писатель часто у нее останавливался, приезжая в Москву.

Стр. 243. *...вдруг Княгиня говорит ему, что выходит за Ланского.* — П. П. Ланской (1799—1877) — второй муж Н. Н. Пушкиной, благодаря этому браку сделавший блестящую карьеру и ставший петербургским генерал-губернатором.

Стр. 244. *Грациозность княжны Кати.* — Достоевский вспоминает об одной из героинь «Неточки Незвановой» — княжне Кате, о которой говорится: «Всё в этой девочке делалось скоро, резко, — иной бы сказал — грубо, если б в этих быстрых как молния движениях характера прямого, наивно-откровенного, не было истинной, благородной грации» (наст. изд., т. II, стр. 200).

Стр. 245. *...до того монстрюозным...* — Монстрюозный (от франц. monstre — чудовище) — чудовищный.

Стр. 250. (*Тургенев в суждении об убийце назвал Маркизом — тогда как тут в убийце только тупость воображения и соображения.)* — Достоевский имеет в виду следующие слова Тургенева из очерка «Казнь Тропмана» (*ВЕ*, 1870, № 6): «Один из наших товарищей ⟨...⟩ сказал мне, что ему, во время нашего пребывания в каморке Тропмана, постоянно сдавалось: мы не в 1870 году, а в 1794; мы не простые граждане, а якобинцы — и ведем на казнь не вульгарного убийцу, а маркиза-легитимиста» (*Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 162). Достоевский в письме к Н. Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г. писал о «Казни Тропмана»: «...меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила».

Стр. 251. *..барин, вроде Жемчужникова...* — По-видимому, речь идет о поэте А. М. Жемчужникове (1821—1908). Достоевский упоминает его несколько раз в записных тетрадях. Впервые в 1862 г., набрасывая замысел будущих критических статей, он пишет: «...личности и портреты à la Жем-

чужников». В набросках к «Дневнику писателя» за 1876 г. есть запись «Фейерверк и Жемчужников», а дальше, среди планов октябрьского выпуска, — набросок ответа Жемчужникову на статью его в «Голосе» «Русское общественное движение (Письмо к редактору)» (1876, № 290, 20 октября) — тема, не вошедшая в окончательный текст. А. М. Жемчужников принадлежал к старинному дворянскому роду, отец его занимал видное положение, сам он был богат, имел множество светских знакомств. В 1849—1859 гг. служил в государственной канцелярии, был помощником статс-секретаря Государственного совета, ему сулили блестящую карьеру (см. об этом вступительную статью Е. И. Покусаева в кн.: А. М. Жемчужников. Избранные произведения. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963, стр. 12).

Стр. 258. *22 февраля, по приезде из Петербурга.* — В начале февраля 1875 г. Достоевский, проводивший зиму в Старой Руссе, ездил в Петербург для переговоров с Н. А. Некрасовым о сроках печатания «Подростка» (см.: *Гроссман. Жизнь и труды,* стр. 232), после возвращения начинается работа над второй частью и «компановка всего романа».

Стр. 259. *ОН только отвечает чрезвычайно радушно на все вопросы Подростка, а сам прималчивает (Спешнев).* — См. выше, стр. 404—405.

Стр. 264. *...дошло до Спинозы...* — См. ниже, примеч. к стр. 267.

Стр. 267. *Олимпиада.* — В окончательном тексте имя Олимпиада носит лицо, названное в черновых материалах Подушкой. Она упомянута в окончательном тексте только один раз (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 33).

Стр. 267. *...учил Лизу и мать философии (и Татьяну Павловну), поссорился из-за философии (абсолют, Спиноза).* — В окончательном тексте романа нет сцены, соответствующей этому замыслу, но в черновом автографе упомянуты философские разговоры Подростка: «...неизвестно зачем и по какому поводу толковал ей (матери, — *ред.*) что-то о Лейбницевой монаде ⟨...⟩ помню, монада у меня вышла как нечто сознающее, чувствующее, единичное и не существующее вещественно» (см. выше, стр. 76). Монады, по учению немецкого философа-идеалиста Готфрида-Вильгельма Лейбница (1646—1716), — духовные субстанции, из которых складывается вселенная. Число их бесконечно. Высшая монада — абсолют, или бог. Как теист Лейбниц допускал воздействие бога на течение мировых процессов, но отрицал личного бога. Достоевский мог знать книгу В. И. Герье «Лейбниц и его время» (тт. 1—2, СПб., 1868—1871). Спиноза Барух (1632—1677) — голландский философ-материалист, признававший, что существует единая субстанция — природа, являющаяся причиной самой себя и не нуждающаяся для своего бытия ни в чем другом. С философией Спинозы Достоевский мог быть знаком, в частности, по переводу Н. Н. Страхова «Истории философии» Куно Фишера. Отрывок из книги Куно Фишера под заглавием «Учение Спинозы о боге» был опубликован Страховым во «Времени» (1861, № 9, стр. 117—140). Отзвуки философского разговора между Подростком и его родными есть в основном тексте, где Подросток говорит матери: «...я хочу искренно веровать, я только фанфаронил, и очень люблю Христа». В черновом автографе имеются, кроме того, отброшенные варианты: «Я здесь сказал, что признаю Христа лишь как деятеля, и больше никак» и «В прошлый раз, когда я не признал в Христе божества...» (см. выше, стр. 78).

Стр. 268. *Арсеньев. Стебельков ∾ проект продать Дергачева.* — Очевидно, этот проект Стебелькова ассоциировался у Достоевского с именем журналиста Ильи Алексеевича Арсеньева (1820—1887). Последний сотрудничал в «Северной пчеле» и «Северной почте», основал газеты «Заноза», «Петербургский листок», «Петербургская газета». Арсеньев был известен как человек «донельзя сомнительной нравственности, решительно ничем не брезгавший для того, чтобы раздобыть денег», «в литературных кругах» о нем говорили, «что он состоял агентом III Отделения» (С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1889, стр. 777—778). Известны многочисленные процессы его с сотрудниками и соиздателями. Так, во «Всемирной иллюстрации» за 1871 г., № 27, читаем: «С 27-го по 29 число мая в С.-Петербургском окружном суде ⟨...⟩ рассматривалось дело о надворном советнике Илье Арсеньеве (редакторе-

издателе «Петербургской газеты»), обвиняемом в подлоге редакционных книг». Признанный виновным, Арсеньев вынужден был на время покинуть Петербург. Для характеристики отношения к нему литературных кругов интересна эпиграмма Н. Ф. Щербины «Вопросы спиритов» (1865):

Возвести нам, дух Фаддея,
Откровения свои:
Кто продажнее Андрея
И гнуснее Илии?..
И Фаддей, незримо вея,
Начертал слова сии:
«Нет продажнее Андрея,
Нет гнуснее Илии».

(*Н. Ф. Щербина.* Избранные произведения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1970, стр. 300).

Стр. 269. *...нахальное, оскорбительное, вне приличий, вне всякой меры письмо к Ахмаковой (Геккерн).* — Достоевский имеет здесь в виду как образец оскорбительного письма письмо А. С. Пушкина к Геккерну от 26 января 1837 г., за которым последовала его дуэль с Дантесом. Впервые это письмо Пушкина было опубликовано в «Полярной звезде» Герцена на 1861 г. (кн. VI, Лондон, 1861, стр. 133—134). В России оно было воспроизведено в книге А. Н. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса» (СПб., 1863, стр. 17—19). О письме Пушкина к Геккерну Достоевский упоминает также в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 186).

Стр. 270. *Вроде какой-то дружбы у Подростка с Анной Андреевной (Варя).* — Очевидно, одним из прототипов Анны Андреевны была старшая из сестер Достоевского Варвара Михайловна (1822—1893). Семнадцати лет она вышла замуж за сорокачетырехлетнего вдовца, правителя канцелярии московского генерал-губернатора Петра Андреевича Каренина. Любимая племянница А. Ф. Куманиной, Варвара Михайловна была одним из главных действующих лиц в сложной истории с наследством ее тетки. Андрей Михайлович Достоевский писал, что Федор Михайлович «очень любил и уважал ее не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера» («Московский листок», 1893, № 28). Кроме того, судя по дневниковой записи А. Г. Достоевской, имя Анны ассоциировалось у писателя с определенным типом женщины: «холодные, скрытные, сдержанные» (*ЛН*, т. 86, стр. 229).

Стр. 271. *...Шармер...* — Портной И. Г. Шармер упомянут также в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т VII, стр. 102 и 373).

Стр. 271. *Разговор обо всем (как у Шатова), о боге...* — Имеется в виду разговор Шатова со Ставрогиным в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 196—203). В окончательном тексте «Подростка» тема эта лишь слегка затронута (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 378—379).

Стр. 274. *Ст⟨арый⟩ Князь. Теперь ходят новые люди ∾ читал ли он «Пиквикский клуб»?* — Ср. выше, примеч. к стр. 208.

Стр. 274. *...это праведник или Аполлон Бельведерский».* — Статуя Аполлона Бельведерского, хранящаяся в Ватикане, названа здесь Достоевским как идеал мужской красоты

Стр. 274. *Или генерал на железной дороге: «подождут», а поезд уехал.* — Запись, не нашедшая отражения в окончательном тексте. Возможно, связана с неосуществленным намерением Достоевского включить подобный эпизод еще в роман «Идиот», в черновых набросках которого имеется запись: «Подумать о комическом происшествии на чугунке» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 185).

Стр. 276. *Вы от Рюрика.* — Имеется в виду особая древность дворянского рода. Рюрик (ум. 879) — полулегендарный предводитель варяжской дружины, по летописному преданию, родоначальник русской княжеской династии Рюриковичей.

Стр. 276. *Готовым человеком никто не родится.* — Ср. в черновиках к «Преступлению и наказанию»: «...я еще не готов ⟨...⟩ я только что начинаю весь процесс переделки» (наст. изд., т. VII, стр. 166) и в «Дневнике писателя» за 1877 г.: «...сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» .

Стр. 277. *Мыши.* — Запись следует за рассуждениями Достоевского, вложенными в уста Версилова, о современной литературе и о ускользнувших от нее тонких и действительных типах. «Мыши» ассоциировались у Достоевского с «подпольным» типом человека. Ср. в «Записках из подполья» рассуждения героя об «усиленно сознающей мыши, но все-таки мыши», прозябающей в «своем мерзком, вонючем подполье» (см.: наст. изд., т. V, стр. 104). Об истоках этой ассоциации см.: *О Достоевском,* вып. II, стр. 17.

Стр. 280. *Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным.* — Строка из Евангелия. См. выше, стр. 378.

Стр. 290. *«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».* — Цитата из Евангелия (Иоанн, гл. I, ст. 5).

Стр. 290. *...в Малой Миллионной...* — Малой Миллионной улицей в Петербурге называлась в конце XVIII — начале XIX в. часть Большой Морской (ныне ул. Герцена) — от арки Главного штаба до Невского проспекта. До начала застройки она называлась Луговой Миллионной (см.: Л. Столпянский. Знаменитый перекресток старого Петербурга. Пгр., 1915, стр. XI—XII). Достоевский же, очевидно, имел в виду часть Большой Миллионной улицы, идущей вдоль Царицына луга (Марсова поля) и также носившей название Луговой Миллионной, так как «камень», о котором идет речь, судя по окончательному тексту романа, стоял возле Павловских казарм на Царицыном лугу (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 165).

Стр. 291. *...остроумные слова князя Меньшикова ∾ (Киселев т. е.).* — Князь Александр Сергеевич Меньшиков (1787—1869), адмирал, генерал-адъютант, главнокомандующий войсками в Крымской войне. Будучи бесталанным военачальником, он вместе с тем слыл человеком недюжинного ума, был известен как большой острослов Данная запись Достоевского датируется мартом 1875 г.: в мартовском номере «Русской старины» за этот год напечатан ряд анекдотов, шуток и острот А. С. Меньшикова, среди которых есть упоминания о генерал-адъютанте, министре государственных имуществ П. Д. Киселеве (1788—1872).

Стр. 291. *...Подросток ∾ думает о Lacenaire.* Пьер Франсуа Ласенер (1800—1836), французский преступник, имя которого получило широкую известность. В журнале «Время» (1861, № 2) была напечатана статья «Процесс Ласенера» с примечанием от редакции, написанным Достоевским. Здесь говорилось: «В предлагаемом процессе дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной ⟨...⟩ Это тип тщеславия, доведенного до последней степени». Имя Ласенера в шестидесятые годы продолжало упоминаться в печати. Так, в книге Moreau-Christophe «Le monde des Coquine» (Paris, 1864), рецензия на которую была помещена в «Русском слове», поступки Ласенера рассматривались с френологической точки зрения (*РСл*, 1865, № 1, отд. II, стр. 64—65). Достоевский упоминает о нем также в черновиках и в окончательном тексте романа «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 350; т. IX, стр. 274).

Стр. 304. *Помнишь стих Лермонтова: «Но в мире лучшем друг друга они не узнали».* — Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно» (1841) — вольного перевода стихотворения Г. Гейне «Sie liebten sich beide, doch Keiner...» (см.: *Лермонтов,* т. II, стр. 201).

Стр. 307. *...не как воспитанница у Пушкина в «Пиковой даме».* — О Лизавете Ивановне в повести Пушкина «Пиковая дама» говорится: «Лизавета Ивановна была пренесчастное создание. Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи ⟨...⟩ В свете играла она самую жалкую роль» (*Пушкин,* т. VIII, стр. 233—234).

Стр. 312. *...с Большой Миллионной...* — Большая Миллионная улица в Петербурге (ныне ул. Халтурина).

Стр. 321. *В Коране сказано, в одном месте, что на иных людей смотреть как на мышей и делать свое дело.* — См. выше, стр. 379.

Стр. 322. *Конфидент* (франц. confident) — доверенное лицо.

Стр. 329. *Толстой, Гончаров думали ∾ они-то и изображали жизнь исключений.* — Достоевский в данном случае находится под влиянием воззрений Белинского, который писал в статье о Пушкине, что среди мира «нравственно увечных явлений изредка удаются истинно колоссальные исключения... Такова Татьяна Пушкина» (*Белинский*, т. VII, стр. 480).

Стр. 329. *...я предался было ∾ мечты детства (читал Карамзина, образы Сергия, Тихона).* — Достоевский еще в детстве читал и хорошо знал «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина», — писал он в «Дневнике писателя» (*ДП*, 1873, гл. XVI. «Одна из современных фальшей»). Сергий — Сергий Радонежский (1314—1392), основатель Троице-Сергиевской лавры. Карамзин пишет о нем: «...жив долго пустынником в лесах дремучих, среди безмолвного уединения и диких зверей, близ деревянной церкви св. Троицы, им созданной, основал нынешнюю Лавру: ибо слава о добродетели его привлекла к нему многих иноков. Строгая набожность и христианское смирение возвеличили св Сергия между современниками» (Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IV, гл. VIII). Тихон — Тихон Задонский, в миру Тимофей Саввич Кириллов (1724—1783). См. о нём: наст. изд., т. IX, стр. 511—513.

Стр. 329. *Сильвио* — герой повести А. С. Пушкина «Выстрел» (1830).

Стр. 329. *...немец в «Обломове»...* — Достоевский имеет в виду Штольца.

Стр. 329. *...откупщик в «Мертвых душах».* — Один из «героев добродетелей» во втором томе «Мертвых душ», откупщик-христианин Муразов.

Стр. 330. *Говорят, что Оля недостаточно объяснила, для чего она повесилась. Но я для глупцов не пишу.* — Достоевский имеет в виду упреки, высказанные в статье о «Подростке» С. Т. Герцо-Виноградским в «Одесском вестнике» (1875, № 36, 13 февраля и № 58, 13 марта). См. об этом выше, стр. 349.

Стр. 330. *Болконский исправился при виде того, как отрезали ногу у Анатоля.* — См.: Л. Н. Толстой. Война и мир, т. 3, ч. 2, гл. XXXVII.

Стр. 330. *Это то самое подполье, которое заставило Гоголя ∾ не оказалось в действительности.* — Н. В. Гоголь в статье «Завещание» (1845) в «Выбранных местах из переписки с друзьями» пишет: «Завещаю всем моим соотечественникам ⟨...⟩ завещаю им лучшее из всего, что произвело перо мое, завещаю им мое сочинение, под названием „Прощальная повесть“. Оно, как увидят, относится к ним. Его носил я долго в своем сердце как лучшее свое сокровище, как знак небесной милости ко мне бога. Оно было источником слез, никому не зримых, еще от времен детства моего ⟨...⟩ Клянусь: я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама собой из души...» (*Гоголь*, т VIII, стр. 220—221). Об отношении Достоевского к «Выбранным местам из переписки с друзьями» см. статью Ю. Н. Тынянова «К теории пародии» в кн.: Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 412—455 и комментарий А. В. Архиповой к III тому наст. изд., стр. 503.

Стр. 330. *...вроде инженера в «Бесах».* — Имеется в виду инженер Кириллов.

Стр. 331. *Озябла. Девочка ∾ смерть приводит Подростка в отчаяние.* — Эпизод с замерзающей девочкой не вошел в окончательный текст, но был разработан в черновом автографе (см. выше, стр. 98—100). Отзвук его — в «Сне смешного человека», где герой сталкивается на улице с девочкой лет восьми, дрожащей «мелкой дрожью в ознобе» (*ДП*, 1877, апрель, гл. II).

Стр 332. *Версилов пламенно сообщает ему об légion d'honneur.* — После революции 1789 г., уничтожившей дворянское сословие, Наполеон декретами 1802—1808 гг. создал во Франции новое дворянство. Одним из актов, которые должны были способствовать созданию этого нового, «служилого», дворянства, было учреждение ордена Почетного легиона в 1802 г. В 1804 г. происходила первая торжественная раздача знаков ордена с изображением

Наполеона на лицевой стороне, а на оборотной стороне с надписью: «Honneur et Patrie» ⟨Честь и родина (*франц.)*⟩.

Стр. 338. *Cadoudj'a.* — Кадуджа — певица, выступавшая в Петербурге в Демидовом саду. О ее концертах часто упоминали газеты. См.: *Г*, 1874, № 130, 12 мая; 1875, № 139, 21 мая.

Стр. 338. *M⟨ada⟩me Judic.* — Французская опереточная артистка Жюдик (настоящее имя Анна Дамьен) (1850—1911), училась в Парижской консерватории. В 1867 г. дебютировала как певица, затем с успехом гастролировала в Европе. В 1875 г. выступала в Петербурге. В. М. Гаршин писал 15 марта 1875 г.: «Приехала в Петербург m-me Judique, играет в „Буффе" ⟨...⟩ Действительно, стоит ходить: с половины восьмого до половины двенадцатого хохочешь; и притом ничего решительно грязного и сального» (В. М. Гаршин. Полное собрание сочинений в трех томах, т. 3. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 38). О петербургских гастролях артистки см.: *Г*, 1875, 20 апреля, № 108; 30 апреля, № 118; *МВ*, 1875, № 111.

Стр. 339. *David — Salomon.* — См. выше, стр. 382.

Стр. 339. *У Поль де Кока...* — О Поль де Коке см. выше, стр. 382.

Стр. 342. *...сорок лет в пустыне ∾ Мария Египетская.* — Мария Египетская (см. о ней: наст. изд., т. XII, стр. 368), по преданию, прожила в пустыне в покаянии 47 лет.

Стр. 342. *О том, как Христос придет ∾ треть травы иссохнет...* — Мотивы Апокалипсиса (см.: Откровение св. Иоанна, гл. 8, ст. 10—11).

Стр. 342. *Праотцев помнить ∾ Сельское кладбище.* — Имеется в виду элегия В. А. Жуковского «Сельское кладбище» (1802) — перевод стихотворения поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716—1771). Тон этого стихотворения, явившегося своего рода программой сентиментализма, звучащая в нем философская тема равенства всех людей перед лицом смерти, воспетый Греем образ человека, который «кроток сердцем был, чувствителен душой», — близки идеалам Макара, его умилению и проповеди благообразия. Перекличка с Греем — Жуковским есть и в заповеди «праотцев помнить». — Ср. «Здесь праотцы села, в гробах уединенных || Навеки затворясь, сном непробудным спят» (В. А. Жуковский. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1956, стр. 66).

Стр. 343. *...Век и современный человек).* — Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 7, строфа XXII).

Стр. 344. *...вроде прощенной женщины во храме, кротко и боязливо.* — Разговор Лизы с Макаром ассоциируется Достоевским с евангельской сценой Христа и грешницы (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 1—7). О роли этого сюжета в творчестве писателя см. в примеч. к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 395, 396).

Стр. 344. *...после смерти Князя Лиза страшно потрясенная, вечная мать.* — По наблюдению В. Я. Кирпотина, эпитет «вечный» в значении страсти, с которой человек отдается беспредельно другому, вплоть до утраты собственной личности, встречается у Бальзака, назвавшего своего Горио «вечным отцом». Так и в «Униженных и оскорбленных» Алеша называет Наташу «вечная моя возлюбленная», затем Достоевский пишет повесть «Вечный муж» (см.: *Кирпотин, Достоевский,* стр. 265), аналогично этому употребляет он это определение и по отношению к Лизе.

Стр. 346. *Подросток Макару об обваренной ручке...* — В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский вспоминает: «...лет десять назад, одна ⟨...⟩ кажется, мачеха (забыл уж я, а лучше бы, если бы мачеха), наскучив таскать ребенка ⟨...⟩ подошла к кипящему ⟨...⟩ самовару, подставила прямо под кран ручку досадного ребеночка, и ...отвернула на нее кран. Это было тогда во всех газетах» (*ДП*, 1876, май, гл. II, 1). Ср. эпизод «Былого и дум» Герцена, который, рассказывая о разных судебных историях времени своей службы в Новгороде, приводит такой случай: «Горничная жены пензенского жандармского полковника несла чайник, полный кипятком; дитя ее барыни, бежавши, наткнулся на горничную, и та пролила кипяток; ребенок был обварен. Барыня, чтоб отомстить той же монетой, велела привести ребенка горничной и обварила ему руку из самовара...» (*Герцен,* т. IX, стр. 86). Рассказ Гер-

цепа, впервые напечатанный в «Полярной звезде» на 1855 г., безусловно мог обратить на себя внимание Достоевского. Ср. также в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 275 и *ДП*, 1873, гл. III, «Среда»).

Стр. 346. *Новых идей нет: идеи все те же одни, начиная с Иова. Прудон и Иов — искушение Христа.* — Возможно, что соединение Достоевским имен библейского праведника Иова (см. о нем выше, стр. 386) и французского социалиста П.-Ж. Прудона (см. о нем выше, стр. 388) возникло по ассоциации, вызванной книгой французского публициста П. Леру (1798—1871) «Job, drame en cinq actes, par le prophète Jsaie traduit de l'hebreu» (1865). Герцен в «Былом и думах», упоминая эту книгу, писал, что она была не только переведена П. Леру, «но и прилажена к современным вопросам», автор «проповедует какое-то переселение душ», пишет «о разговоре Иова с Прудоном» (*Герцен,* т. XI, стр. 497, 499). Достоевский мог читать книгу П. Леру в период работы над «Подростком». 10/22 июня 1875 г. он пишет жене: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и если б только не *подлейшие примечания переводчика* (курсив наш, — *ред.*), то, может быть, я был бы счастлив». П. Леру, первоначально сен-симонист, позднее развивал учение о метампсихозе (переселении душ), которое он использовал для морального обоснования идей христианского социализма, достижимого, по его воззрениям, при помощи создания новой «религии человечества».

Стр. 347. *...Philidor и Lagrange.* — Филидор Франсуа-Андре-Даникан (1726—1795) — известный французский шахматист и композитор, создатель французской комической оперы. Лагранж Жозеф-Луи (1736—1813) — великий французский математик и астроном.

Стр. 347. *...простоял столпником 30 лет...* — Столпничество — род подвижничества. Пример стояния на столпе ради благочестия был подан Симеоном Столпником (356—459). На столпе Симеон провел, по легенде, более 40 лет, предаваясь молитвам. Подвижничеству Симеона подражали многочисленные монахи-аскеты. Симеона Столпника Достоевский упоминает в черновиках «Братьев Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XV, стр. 317).

Стр. 348. *...судилась у мирового с кухаркой.* — См. выше, стр. 318.

Стр. 352. *Об Илье и Энохе.* — По библейской легенде, пророк Илья был ревностным поборником благочестия и грозным обличителем идолопоклонства. Деяния его излагаются в Библии (3-я и 4-я книги Царств). Библейский патриарх Энох стремился к высшей чистоте и святости. В награду за благочестие и веру бог взял его живым с земли (Откровение Иоанна, гл. 11, ст. 5). В Апокалипсисе (гл. 11, ст. 3—12) говорится, что Илья и Энох должны явиться перед вторым пришествием Христа. В письме к А. Г. Достоевской 10 (22) июня 1875 г. из Эмса, где речь идет о работе над «Подростком», Достоевский пишет: «Читаю об Илье и Энохе (это прекрасно)». В подготовительных материалах к «Бесам» имеется запись: «...и от нас выйдет Энох и Илья, чтобы сразиться с антихристом, т. е. духом Запада, который воплотится на Западе» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 168). Мотив обличения антихриста Ильей и Энохом неоднократно встречается в апокрифах и народных стихах, в окончательном тексте романа не был использован и нашел отражение в «Братьях Карамазовых» (см. об этом: В. Е. Ветловская. Достоевский и поэтический мир Древней Руси. *ТОДРЛ*, т. XXVIII, стр. 296—307).

Стр. 357. *Первая встреча с Макаром ∾ в первый раз луч.* — Задумывая сцену встречи Подростка с Макаром, Достоевский несколько раз записывает и подчеркивает слово «луч». В «Дневнике писателя» за 1876 г., в главе «Столетняя», говоря о глазах старушки, писатель также замечает: «...будто луч какой-то из них светит теплый» (*ДП*, 1876, март, гл. II, «Столетняя»).

Стр. 359. *Я ее рыцарь ∾ и потом в пустыню...* — См. выше, стр. 371.

Стр. 360. *...инженеры с дистанции (Александр Александрович).* — Александр Александрович Иванов (род. 1850) — сын любимой сестры Достоевского Веры, инженер путей сообщения. В письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. из Флоренции Достоевский интересуется судьбой племян-

ника: «Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о нездоровьи Саши; это дурно; но скажите, что за причина ему была оставить университет и заняться таким неблагодарным делом (неблагодарным, я знаю наверно), как инженерство путей сообщения». А. А. Иванов служил позднее в управлении Харьково-Николаевской железной дороги в Кременчуге (см.: *Волоцкой*, стр. 202—204).

Стр. 363. *...будущий антихрист будет пленять красотой ∾ зеленая трава иссохнет.* — Апокалиптические образы, содержащие пророчества о конце мира. Об интересе Достоевского к апокалиптической символике см. в примеч. к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 445, 447, 448).

Стр. 367. *...сколько голов — столько умов. Самарин, Фадеев, коммунизм.* — См. об этом выше, стр. 257, 264.

Стр. 371. *...если нужно рассмотреть человека и узнать его душу — то вникайте не в то, как он молчит или как говорит ∾ а смотрите лучше в то, как он смеется...*—Та же мысль встречается у Достоевского в «Записках из Мертвого дома», там, где он говорит о впечатлении, производимом стариком старообрядцем (см.: наст. изд., т. IV, стр. 34).

Стр. 374. *Помните, в Библии Ависагу...* — См. выше, стр. 391.

Стр. 374. *Belle-vue* — Название петербургской гостиницы, в которой произошло убийство жены А. С. Суворина Т. Комаровым, покончившим тут же с собой. Причиной убийства была, видимо, безнадежная любовь (*Гр*, 1873, № 39, 24 сентября, стр. 1054—1055).

Стр. 386. *...об искренности юношей (об Дьякове и проч.)...* — Возможно, имеется в виду И. И. Дьяков, товарищ прокурора в деле Ольги Умецкой (см. о нем: наст. изд., т. IX, стр. 340, 341).

Стр. 405. *Деньги не бог, а полбога.* — Пословица. Ср.: «Денежка не бог, а полбога есть» (*Даль*, т. I, стр. 439).

Стр. 405. *...не исключая, может, и начетчика-раскольника.* — Достоевский так характеризует начетчиков-старообрядцев в «Записках из Мертвого дома»: «Это был сильно развитый народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и, по-своему, сильные диалектики» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 33).

Стр. 405. *Иов — новые дети.* — См. выше, стр. 386.

Стр. 408. *Ohé, Lambert ∾ vu Lambert?* — См. выше, стр. 387.

Стр. 408. *А помнишь, Ланц Короткий...* — Возможно, что в разговоре двух школьных товарищей — Аркадия Долгорукова и Ламберта — упомянуто реальное лицо, соученик Достоевского по пансиону Л. Чермака Владимир Ланцкоронский (см. список учащихся в статье: Г. А. Федоров. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. В кн.: *Материалы и исследования*, стр. 253).

Стр. 409. *Ночь на съезжей...* — В дореволюционной России съезжей называлась полицейская управа, а также помещение для арестованных при полиции.

Стр. 409. *Dies irae, dies illa, solvet saeclum in favilla. «Я Маргариту люблю...* — См. выше, стр. 387.

Стр. 411. *Христос на Белом море.* — В окончательном тексте: «...я всегда кончал картину мою видением, как у Гейне, „Христа на Балтийском море“» (наст. изд., т. XIII, стр. 379). См. выше, стр. 390. В тексте стихотворения Гейне море — «Северное» (а не «Белое» или «Балтийское»).

Стр. 416. *Клод Лоррен. Закатывающееся солнце.* — См. выше, стр. 389.

Стр. 419. *Еврей-офицер — к этому надо привыкнуть.* — В России в 1874 г. была введена всеобщая личная воинская повинность. Вместо ценза по происхождению для производства в офицеры установлен ценз по образованию. Новое положение заменяло прежний сословный состав офицеров составом всесословным. Это широко обсуждалось в печати и вызвало критику со стороны реакционной части общества (см.: *Фадеев*, стр. 140—141).

Стр. 419. *...пьовра задушена.* — Пьовра (франц. pieuvre) — спрут. В 1866 г., после выхода в свет «Тружеников моря» В. Гюго, где имеется яркое описание спрута, газетчики стали сравнивать со спрутом женщин легкого поведения, появились рисунки, изображающие спрута в виде красивой женщины, стали модными платья, шляпки à la pieuvre, и вскоре это слово при-

обрело во французском языке новое значение: женщина легкого поведения, «высасывающая» всё состояние своего поклонника.

Стр. 420—421. *«Как грустно полусонной тенью».* ∾ *Изнеможение в кости пусть, но покажите мне только солнце и движение, и я буду рад всему, даже тому, что отстал...* — Версилов здесь как бы полемизирует со следующей строфой из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как птичка раннею зарею» (1835):

Как грустно полусонной тенью
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Стр. 420. *Грустный Левин.* — См. выше, стр. 392.

Стр. 421. *Рождающиеся с соплей на носу (говорит Версилов).* — В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский разъясняет смысл этого выражения. Упоминая об Альфонсе Ламартине, он пишет: «Я вовсе не приравниваю этого исторического человека к тем типам отзывчиво-поэтических людей, которые, так сказать, так и рождаются с соплей на носу» (*ДП*, 1876, февраль, гл. 2).

Стр. 421. *Депутаты Нáке и Мáдье де Мóнжо.* — Альфред Накé (1834—1916) — французский врач, химик, политический деятель. В 1871 г. был избран в Национальное собрание. В 1876—1882 гг. — член палаты депутатов, с 1882 г. — сенатор. Придерживался левых взглядов. О Ноэле-Франсуа-Альфреде Мадье де Монжó см. выше, стр. 387.

Стр. 421. *Чудный край через Алтай // Бро-осил Ло-окоть на Китай.* — 7 августа 1875 г. Достоевский приводит в записной тетради первый из этих стихов и далее пишет: «...в этих стихах, в которых есть как бы нечто танцующее, изображено величие России». В черновом автографе «Подростка» имеется продолжение песни, не вошедшее в окончательный текст; Андреев, пританцовывая, поет:

Темя вспрыснув океаном,
В Балте ребра, пять к Балканам
Мощный тянется гигант.

Это неточная цитата из стихотворения В. Бенедиктова «Тост», впервые опубликованного в альманахе «Метеор на 1845 год» (стр. 3—8), а затем вошедшего в собрание стихотворений Бенедиктова (т. 2, СПб., 1856, стр. 43—50). Белинский, цитируя восьмистишие из него, иронизировал: «Молниеносными чертами рисует ⟨...⟩ поэт географию и анатомию России» (*Белинский*, т. IX, стр. 44). Его пародирует Ив. Панаев в стихотворении «Ревность» (Собрание стихотворений Нового Поэта. СПб., 1855, стр. 53—54). Возможно, что Достоевский обратил внимание на эти строки, читая «Заметки провинциального философа» Н. Шелгунова, публиковавшиеся в «Неделе» (1874, № 13, стр. 484), где они были приведены. Газету «Неделя» Достоевский, вероятно, просматривал, так как в этом году там публиковались лекции О. Ф. Миллера.

Стр. 421. *Слоньце пане* (польск. słońce panie) — солнечный пан.

Стр. 421. *...и было бы смешно, если б не было так длинно.* — Перефразировка строк из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» (1840): «Все это было бы смешно, // Когда бы не было так грустно».

Стр. 423. *У людей есть бальзам — самолюбие* ∾ *по Тациту.* — Судя по заметкам Достоевского в записной тетради 1875—1876 гг., Достоевский в 1875 г. перечитывал «Анналы» Тацита. Возможно, что здесь он имел в виду одну из черт римского императора Тиберия (43 до н. э. — 37 н. э.); по Тациту, правление Тиберия, которому посвящены первые книги «Анналов», особенно в последние годы, приняло характер тирании, что историк объясняет свойствами его личности.

Стр. 423. *Удовольствоваться ролью скромного сапожника (как предписывали новые люди)*; см. также стр. 429: *Сапожность...* — Ср. ироническое изложение идеалов «новых людей» в статье Достоевского «Господин Щедрин,

или Раскол в нигилистах»: «...сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись».

Стр. 425. *Байрон, Беппо, Венеция...* — «Беппо. Венецианская повесть» (1818) — «шуточное произведение мрачного Байрона», по выражению Пушкина (*Пушкин*, т. VI, стр. 638), воплощение пестрой картины карнавальной жизни Венеции, являющейся фоном, на котором дана острая сатира окружающей поэта действительности. Венеция начиная со средних веков и до конца XVIII столетия была одним из могущественных и независимых итальянских городов. В 1797 г. республиканская Венеция утратила свою самостоятельность и была подчинена Австрийской империи, под властью которой находилась, за исключением короткого промежутка времени, вплоть до 1866 г., когда после австро-прусской войны Венеция вошла в состав Итальянского королевства. Герцен в «Былом и думах» в марте 1867 г. писал о «живучести духа» Венеции (ч. 8, гл. II, «Venezia la bella»).

Стр. 425. *Я последний могикан.* — Заглавие романа Ф. Купера «Последний из могикан» (1826), широко известного в России, стало нарицательным выражением.

Стр. 427. *...разгулявших⟨ся⟩ на место дворянства семинаристов.* — Мысль эта развита в «Дневнике писателя» за 1876 г. «Явился прилив новых сил снизу общества, по нашей терминологии — демократических уже сил, — и особенно из семинаристов. Прилив этот привнес много живительного и плодотворного ⟨...⟩ ибо явились люди со способностями и с новыми воззрениями, с образованием еще неслыханным по тогдашнему времени, хотя в то же время и чрезвычайно презиравшие свое прежнее происхождение и с жадностью спешившие преобразиться, посредством чинов, поскорее в чистокровных дворян» (*ДП*, 1876, октябрь, гл. II, подглавка 3, «Лучшие люди»).

Стр. 428. *Венеция, Беппо, Лаура.* — Лаура — героиня поэмы Дж. Г. Байрона «Беппо» (см. выше, примеч. к стр. 425).

Стр. 430. *Горизонт отверст перед ним Петром и формулирован Велик⟨ой⟩ Екатериной.* — Петром I была введена в 1722 г. «Табель о рангах», способствовавшая превращению дворянства в особое привилегированное сословие. В 1785 г. «Жалованной грамотой дворянству» были закреплены привилегии дворян и оформлена окончательно их сословная организация. Об отношении Достоевского к реформам Петра I см.: У. А. Гуральник. Достоевский, славянофилы и «почвенничество». В кн.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 436—440.

Стр. 431. *...всё прейдет.* — Основной мотив одной из книг Библии — Екклезиаста, приписывавшейся библейскому царю Соломону.

Стр. 434. *Misérables...* — Об отношении Достоевского к роману В. Гюго «Отверженные» см. выше, стр. 390.

Стр. 434. *...я вам прочту Евангелие ∾ Прочти послание, вот он особенно это любил.* — Ср. соответствующее место в основном тексте: «Мама вдруг попросила, чтоб я прочел что-нибудь из Евангелия. Я прочел главу от Луки» (наст. изд., т. XIII, стр. 406—407).

Стр. 434. *Предания русского семейства — Пушкина.* — См. выше, стр. 391.

Стр. 434. *матушки игуменьи Митрофании.* — См. выше, стр. 392.

Стр. 435. *...как у хлыстов; верчение и пророчество.* — О знакомстве Достоевского с раскольнической сектой хлыстов см.: наст. изд., т. IX, стр. 515—517.

Стр. 435. *...купцу его наследственные миллионы совершенно мешают образованию. Какая тут наука, когда с 20 лет миллионы в руках.* — Подобная же мысль повторена Достоевским в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Миллион не только не способствовал образованию, но, напротив, бывал в этом случае главною причиною невежества» и т. д. (*ДП*, 1876, октябрь, гл. II, подглавка 4).

Стр. 436. *О фон Зоне.* — О деле фон Зона, упомянутого также в основном тексте романа (наст. изд., т. XIII, стр. 425), см. примеч. к роману «Бесы» (наст. изд., т XII, стр. 217—218) и выше, стр. 391.

‹ДРАМА. В ТОБОЛЬСКЕ ...›

(Стр. 5)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 12, с. 206; см.: *Описание*, стр. 128—129.

Опубликовано: Л. П. Гроссман. Последний роман Достоевского. В кн.: Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, т. I. ГИХЛ, М., 1935, стр. 7.

В собрание сочинений включается впервые.

Набросок датирован 13 сентября 1874 г., т. е. возник в разгар работы над романом «Подросток». Решив остаться на зиму в Старой Руссе, Достоевские в августе 1874 г. переехали в дом генерал-майора Евтихия Леонтьева на Ильинской улице. Это, возможно, воскресило в памяти писателя имя одного из товарищей по омскому острогу — Д. Н. Ильинского (см.: *Рейнус*, стр. 43—44). История мнимого отцеубийцы и глубоко поразившая Достоевского судебная ошибка рассказаны писателем в «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., IV, стр. 15, 16, 195). Из подлинного военносудного дела Ильинского (см. о нем там же, стр. 284, 285) видно, что первый акт драматической истории Ильинского разыгрался в Тобольске в 1845 г. Отец прапорщика Дмитрия Ильинского бесследно исчез, и лишь через 10 месяцев труп его был обнаружен в яме под домом. Из сохранившихся материалов дела видно, что у Дмитрия был *старший* брат Александр. Судя по документам, в момент пропажи отца он находился на службе в Омске. Подозрения в убийстве пали на второго сына, который был арестован. Следственное дело велось в высшей степени пристрастно. Все показания, свидетельствующие против Дмитрия, принимались на веру и далее фигурировали как неопровержимые факты; все же заявления подсудимого считались заранее ложными. Трудно судить, сыграло ли здесь роль вмешательство двадцатилетней «стряпки» отца Ильинского — Павлины Некрасовой или его брата. Среди архивных документов о тобольском деле до сих пор не обнаружено сведений об истинных виновниках преступления. Не найдено и дело об оправдании Ильинского и его освобождении, о чем мы знаем лишь из «Записок из Мертвого дома». У нас нет поэтому прямых оснований, чтобы заключить, что причастным к убийству отца был известный нам из материалов процесса брат Ильинского Александр и что его раскаяние освободило невинно осужденного. Всё же вероятно, что показания Александра, сумевшего преподнести ряд якобы неоспоримых улик виновности своего младшего брата, сыграли не последнюю роль в судьбе Дмитрия, тем самым создав предпосылки для созданного воображением Достоевского развития сюжета.

Набросок является первым по времени, где намечена основная сюжетная линия первого (осуществленного) тома «Братьев Карамазовых» (об его соотношении с окончательным текстом романа и месте в творческой истории последнего см.: наст. изд., т. XV, стр. 403, 405).

КОМПОЗИТОР

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 11, л. 82 (с. 181).

Опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 317; см. также в кн.: *Гозенпуд*, стр. 129.

В собрание сочинений включается впервые.

Запись датируется 9 марта 1875 г. — датой, проставленной автором перед планом цикла «Странные сказки» (перечнем тем публицистически-сати-

рического характера, возможно заготовленных для будущего «Дневника писателя» на 1876 г.), с которым она находится на одной странице записной тетради в верхнем ее углу, отделенная от других записей этой страницы чертою.

А. А. Гозенпуд справедливо указал, что ситуация, в которую попадает «великий музыкант», во многом типична. Так, Д. Верди дважды был обязан по суду дать театральной дирекции к сроку оперы «Симон Бокканегра» и «Трубадур» (1856); аналогично было в 1860-х годах положение и самого Достоевского по отношению к его издателю Ф. Т. Стелловскому (об этом см.: наст. изд., т. V, стр. 399). Слова: «Леди, вы меня любили» — парафраз начала арии Лионеля из оперы Ф. Флотова (1812—1883) «Марта» (1847).

Хотя запись была сделана в тетради с черновыми материалами к «Подростку», вряд ли ее следует соотносить (как предполагал Гозенпуд) с планами этого романа, а образ композитора из данного наброска возводить к образу Тришатова и связывать его «pastorale» с Шестой (пасторальной) симфонией Бетховена (такое толкование поддерживалось ошибочным прочтением слова «странный» как «странник»). Думается, что содержание замысла проясняется при сопоставлении его с либретто оперы «Марта», которая в 1850-х годах прочно вошла в русский театральный репертуар. Тогда же, в 1856 г., о ней в журнале «Музыкальный и театральный вестник» писал композитор и музыкальный критик А. Н. Серов, знакомый Достоевского, близкий ему по воззрениям и публиковавшийся в 1864 г. в журнале «Эпоха». Серов характеризовал Флотова как популярного, любимейшего представителя «нынешней оперной музыки в легком, полукомическом стиле». Оперы его, по словам Серова, «удовлетворительны и, пожалуй, в своем роде весьма хороши. Но как только в душе слушателя (хотя бы и бессознательно) живет чувство, требующее чего-то более питательного, живет идеал оперной музыки иного, высшего свойства, Флотов против таких требований окажется несостоятельным...» (А. Н. С е р о в. Избранные статьи, т. II. Гос. муз. изд-во, М., 1957, стр. 398). Сюжет «Марты» — переодевание знатной леди и ее подруги Нанси в платье служанок, любовь к ним фермера Плункетта и его воспитанника Лионеля (который впоследствии оказывается графом Дерби) с благополучным, идиллическим завершением, вполне подходит к наименованию «pastorale». Сочинение «великим музыкантом» по приговору суда именно такой оперы могло создавать, по замыслу автора, «странный эффект» и явиться кульминацией задуманного произведения.

КОЗЛОВУ

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 11, л. 14 (с. 25).
Опубликовано: *Описание*, стр. 128; *ЛН*, т. 83, стр. 316.
В собрание сочинений включается впервые.
Датируется (по положению в рабочей тетради) мартом 1875 г.

Павел Алексеевич Козлов (1841—1891) — поэт, переводчик Байрона, А. де Мюссе, а также польских поэтов — Ю. Словацкого и других. Достоевский познакомился с ним и его женой Ольгой Алексеевной (урожд. Барышниковой) не позднее января 1873 г. Об этом свидетельствует запись, сделанная писателем 31 января 1873 г. в альбом О. А. Козловой.

Еще до личного знакомства с Козловым, состоявшегося после возвращения Достоевского в Петербург из-за границы (8 июля 1871 г.), имя его могло стать известно Достоевскому по публикации стихотворений П. А. Козлова в «Заре» (1871, № 2, стр. 253—254). В 1873—1874 гг. Козлов печатался также в «Гражданине» в период редактирования Достоевским «газеты-журнала» В. П. Мещерского.

В конце 1874 г. (или в начале 1875-го) Козлов обратился к Достоевскому с просьбой принять участие в «Литературном сборнике» «беллетристического содержания», который он намеревался издать (см. письмо П. А. Козлова к Достоевскому, без даты — *ГБЛ*, ф. 93, II. 5. 84). Другое известное нам письмо Козлова к Достоевскому от 20 февраля 1873 г., связанное с участием Козлова в «Гражданине», хранится там же (см.: *Описание*, стр. 405).

Кроме данного наброска, с планами повести или рассказа, обдумывавшихся для Козлова, связаны две другие записи в тетрадях, содержащих подготовительные материалы к «Подростку»:

1) «Против этих людей есть другой неспосный тип, для художественных чистая казнь, тип, не менее необразованный и малосведущий [чем], как и «художественные», но зато необычайно *точный*. Ему до поэтической сущности рассказа нет дела, и не заметит даже ее медведь Собакевич, не умилится, подлец, а не пропустит и не даст соврать, привяжется: где, когда, в котором году, да тогда и не было Суворова, да это и не Александр Иванович, а Павел Игнатьевич, да тот и не служил в таком-то году, а, напротив, был директором соляных дел и проч.» — с припиской на полях: «Может быть, для повести Козлову» (наст. изд., т. XVI, стр. 41).

2) «*ЛИЦО*: (тип). *Мечтатель* о том, как он едет в вагоне, говорит, и все дамы благодарят его. Или о том, как он поступает с женой, обманувшей его. Всегда, после страшных жестокостей, оказывается, что он прощает всех и все счастливы. Фельдмаршал. Унгерн-Штернберг (подробнейше описать)»[1] — с припиской на левом поле: «В рассказ Козлову Февр⟨аль⟩» (наст. изд., т. XVI, стр. 49).

Обе приведенные заметки свидетельствуют, что уже в начале 1875 г. писатель серьезно обдумывал предложение Козлова, собираясь удовлетворить его просьбу, не раз возвращаясь к ней и колеблясь, какой из зафиксированных в его рабочих тетрадях в процессе обдумывания «Подростка» сюжет обработать для задуманного Козловым сборника. Тем не менее к 1 марта обещанные повесть или рассказ не были написаны. Об этом свидетельствует письмо Достоевского к Козлову из Старой Руссы от 1 марта 1875 г.: «В Сборнике Вашем принять участие я готов бы со всею охотою, но успею ли? Я задавлен работой по печатающемуся в „Отеч⟨ественных⟩ записках" большому моему роману,[2] и так будет до осени. Если успею, то доставлю что-нибудь непременно, но во всяком случае к самому позднему сроку, т. е. не раньше августа. Двух-трех листов доставить тоже ни за что не могу. Вещица может быть в один печатный разве лист, немного менее или более листа». Достоевский определял тут же размер гонорара — 350 руб. за лист. Ответ Козлова на это письмо не сохранился.

Задуманная повесть так и не была осуществлена Достоевским, да и самый «Литературный сборник» П. А. Козлова не состоялся.

Стр. 6. *Дрезденская Мадонна, Лизав⟨ета⟩ Кузьминишна.* — Сходная запись («Лизавета Кузьминична и дрезденская Мадонна») содержится в позднейшей рабочей тетради Достоевского (№ 15) конца 1875—первой половины 1876 г. в перечне тем для мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Возможно, что в обеих записях имеется в виду не «Сикстинская мадонна» Рафаэля, а дрезденская копия с картины Г. Гольбейна младшего «Мадонна с семьей бюргермейстера Я. Мейера», упоминаемая в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 65 и примеч. — т. IX, стр. 434). Лизавета Кузьминична — очевидно, дрезденская знакомая Достоевских (возможно, их служанка или няня Л. Ф. Достоевской).

Стр. 6. *Страхов. Сватовство* ∾ *Я на вас женюсь.* По-видимому, героем полуанекдотического рассказа, отраженного в данной записи, должен был стать философ и критик Н. Н. Страхов (1828—1896), а сюжетом —

---

[1] Комментарий к записи «Унгерн-Штернберг» см.: наст. изд., т. VII, стр. 406.

[2] Имеется в виду «Подросток».

история несостоявшегося его сватовства, в какой-то мере, хотя и отдаленно сходная с историей подобного же несостоявшегося сватовства Кознышева в «Анне Карениной» Л. Толстого (ч. VI, гл. 4—5): после сытного обеда старый холостяк Страхов по нерешительности не смог подавить своих колебаний и «не объяснился» с невестой, на которой его хотели женить хозяева дома, пригласившие их для этой цели к обеду.

Указанный эпизод «Анны Карениной» был опубликован впервые в журнале «Русский вестник» (1877, № 1), через два года после того, как данный сюжет был зафиксирован Достоевским. Оба замысла возникли, таким образом, независимо друг от друга, да и герои их имели совершенно разных прототипов: по предположению мемуаристов и биографов Л.Н.Толстого, в основу истории несостоявшегося объяснения Кознышева с Варенькой лег скорее всего эпизод из биографии брата писателя С. Н. Толстого, не решившегося сделать предложение сестре С. А. Толстой, Т. А. Берс (впоследствии по мужу Кузьминской).

Впрочем, еще в подготовительных материалах к «Бесам» (1870) встречается наметка эпизода: «как хотел жениться и не женился Гр⟨ановски⟩й» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 92).

Неприятные Достоевскому черты бытового и писательского облика его друга Н. Н. Страхова, отраженные в настоящей записи, иронически обрисованы в позднейшей характеристике Страхова, данной в рабочей тетради 1876—1877 гг.: «Он сидит на мягком, кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом». О Страхове и его сложных взаимоотношениях с Достоевским см.: А. С. Долинин. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов. В кн.: *Шестидесятые годы*, стр.238—254; Л. М. Розенблюм. Творческая лаборатория Достоевского-романиста. *ЛН*, т. 83, стр. 16—23; Г. М. Фридлендер. Наука о Достоевском сегодня. *РЛ*, 1971, № 3, стр. 15—16; В. Я. Кирпотин. Достоевский, Страхов и Евгений Павлович Радомский. «Знамя», 1972, № 9, стр. 224—231; № 10, стр. 224—238.

СОРОКОВИНЫ

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 11, л. 19 (с. 35).
Опубликовано: Л. П. Гроссман. Последний роман Достоевского. В кн.: Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. ГИХЛ, М., 1935, стр. 18.
В собрание сочинений включается впервые.

Замысел зафиксирован в записной тетради 1872—1875 гг. на листе вместе с другой записью, датированной 1 августа 1875 г. («Пушкин ∾ на весах мира»). Вновь Достоевский включает «Сороковины» в план предстоящих ему работ в декабре 1877 г. (см. выше, стр. 14). Замысел остался неосуществленным; он нашел отражение в «Братьях Карамазовых», где показано «хождение души по мытарствам» Дмитрия Карамазова (книга девятая, главы III—V) и разработан диалог Ивана Карамазова с чертом (книга одиннадцатая, глава IX). Подробнее см. в комментарии к творческой истории романа: наст. изд., т. XV, стр. 409—410; ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 346.

ОТЦЫ И ДЕТИ

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 15, л. 66, 66 об. (с. 129, 130); см.: *Описание*, стр. 129.

Частично опубликовано: *Фридлендер*, стр. 323; более полно: И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. Наедине с самим собою. «Огонек», 1971, № 46, стр. 13; полностью: *ЛН*, 83, стр. 445, 446 (здесь же — факсимиле, стр. 451).

В собрание сочинений включается впервые.

Планы эпизодов для неосуществленного романа «Отцы и дети» занесены Достоевским в рабочую тетрадь среди заготовок для мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. По положению в тетради датируются 12—13 марта 1876 г.

В заметках художественно обобщены факты и ситуации, извлеченные автором из «текущей» газетной хроники конца 1875—начала 1876 г. и привлекавшие к себе в это время пристальное внимание Достоевского как художника и как публициста — издателя «Дневника писателя». Но отраженный в них романический замысел есть одновременно и важный этап в истории разработки одной из центральных, «сквозных» тем творчества Достоевского.

Как мы знаем из писем И. С. Тургенева к В. П. Боткину от 26 марта (7 апреля) 1862 г. и к Ф. М. Достоевскому от 22 апреля (4 мая) 1862 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 368 и 385), Достоевский был одним из немногих читателей романа Тургенева «Отцы и дети», по словам автора, верно понявшим его замысел. Мартовское (1862 г.) письмо Достоевского к Тургеневу с оценкой и изложением своего понимания романа до нас не дошло, но часть содержания этого письма мы можем восстановить на основании указанных двух писем Тургенева и истолкования Достоевским образа Базарова в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 59). Об истолковании Базарова Достоевским и возможном влиянии интерпретации Достоевского на эволюцию авторского понимания базаровского типа см.: К. И. Тюнькин. Базаров глазами Достоевского. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 108, 119.

Писатель не случайно чутко оценил значение тургеневских «Отцов и детей»: обе главные — переплетающиеся — темы романа Тургенева: тема «нигилизма» и тема идеологического и нравственного столкновения «отцов» и «детей» с начала 1860-х годов занимали самого Достоевского. Вскоре в «Преступлении и наказании» (1866) Достоевский дал свою, отличную от Тургенева, трактовку близких общественных проблем. Здесь, в эпизодах, рисующих отношения Раскольникова и Дуни с матерью, можно видеть один из подступов Достоевского, в 1860-е годы, к трактовке темы «отцов» и «детей» (так или иначе занимавшей его уже в 1840-е годы — в «Бедных людях» и «Неточке Незвановой», а затем получившей еще более широкое отражение в «Униженных и оскорбленных»).

В несколько иной интерпретации тема «отцов» и «детей» поставлена в «Идиоте» (1868; ср.: родители и дочери Епанчины; Рогожин и его отец; Ипполит, Бурдовский, Коля Иволгин; Лебедев и его племянник и т. д.) и особенно в подготовительных материалах к нему, где более широко, чем в окончательном тексте романа, развита проблема взаимоотношений детей и взрослых, в том числе Мышкина (см.: наст. изд., т. IX, стр. 206—209, 218—242). В дальнейшем детская тема и мотив нравственно-идеологической преемственности и борьбы поколений на общественной арене у Достоевского раздваиваются: детская тема, в собственном смысле слова, получает свое развитие в «Вечном муже» (1870) и планах первой части «Жития великого грешника» (1869—1870), а общественно-идеологический аспект взаимоотношений между поколениями на грани 1860—1870-х годов разрабатывается в «Бесах» (1871—1872) (см.: наст. изд., т. XII, стр. 171—176). Новое объединение и трактовку этих тем, внушенную впечатлениями от русской молодежи после возвращения Достоевского в Россию в 1871 г., дает «Подросток» (1875).

В первый период работы над «Подростком», в начале августа 1874 г., Достоевский несколько раз определяет замысел романа тургеневской формулой: «отцы» и «дети» («Не отец ли ОН (будущий Версилов, — *ред.*) современный, а Подросток сын ЕГО (*обдумать*)»; «ИДЕЯ: ОТЦЫ и ДЕТИ — ДЕТИ

и ОТЦЫ. Ибо сын, намеревающийся быть Ротшильдом, — в сущности *идеалист*, т. е. новое явление как неожиданное следствие нигилизма» — см.: наст. изд., т. XVI, стр. 41 и 45). Однако роман, в значительной мере, в авторском понимании, посвященный указанной социально-психологической идее, уже через несколько дней получил заглавие «Подросток», а не «Отцы и дети».

В подготовительных материалах к роману, среди записей множества мелькавших в фантазии автора эпизодов, которые остались неиспользованными в окончательном тексте, есть несколько записей 1874-го и две 1875 г., непосредственно подводящие к замыслу «Отцов и детей» (1876).

Заметки 1874 г. относятся к начальному периоду работы над «Подростком», когда замысел романа еще не сложился (см., например: «Дети. Мать, вышедшая вторично замуж. Группа сирот. Сведенные дети. Боец за правду. Смерть измученной матери. Протест детей. Бежать? Идут на улицу. Боец один. Странствия, и т. д.», а также дальнейшие, близкие по времени, заметки: «Роман о детях...», «Заговор детей...» и т. д. — наст. изд., т. XVI, стр. 5—6). Записи 1875 г., ввиду их краткости, приводим полностью:

1) «Мысли романов. Убийство жены. Дети от него убежали. Детки, детки, кто вам сказал?»[1]

2) Убиение жены. M-me Bovari (прошлого года на плите сжарил)» (ср. выше, стр. 431).

Закончив «Подростка», Достоевский рассматривал это произведение лишь как первый приступ к замыслу своих «Отцов и детей» и предполагал вскоре вернуться вновь к его разработке. Об этом он печатно заявил в первом (январском) выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., посвященного той же теме (см.: *Фридлендер*, стр. 291—308):

«Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства.

Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для «Отечественных записок», я чуть было не начал тогда моих «Отцов и детей», но удержался, и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь „Подростка“ — эту первую пробу моей мысли» (*ДП*, 1876, гл. I, подглавка 2).

Комментируемый план как раз и является отражением следующего этапа обдумывания замысла «Отцов и детей» — этапа промежуточного между «Подростком» (1875) и «Братьями Карамазовыми» (1879—1880), где та же проблема вновь всплывает в отношениях между отцом и сыновьями Карамазовыми, а также в историях Лизы Хохлаковой и «мальчиков». Судя по положению в тетради, план «Отцов и детей» не только разрабатывался параллельно с формированием мартовского номера «Дневника писателя» — скорее всего автор в это время обдумывал, не включить ли ему начало романа (или ряд предназначавшихся для него эпизодов) в состав «Дневника» так же, как было несколько позднее с романом «Мечтатель» (о связи этих двух замыслов см. ниже, стр. 437). Однако указанное намерение не было осуществлено: никаких других материалов 1876 г., связанных с замыслом «Отцов и детей», в рабочих тетрадях Достоевского не сохранилось. Очевидно, дальше публикуемых планов романа авторская работа в это время так и не двинулась.

Как видно из заметок Достоевского, в основу романа писатель собирался положить те факты русской общественной жизни и судебной хроники 1870-х годов, которые в это же время находились в поле его зрения как публициста и широко отражены в «Дневнике писателя» за 1876 г. В качестве персонажей романа намечены «мальчик», сидящий в колонии для малолетних преступников, муж, убивший свою жену на глазах у «девятилетнего сына»,

[1] Ср. более раннюю запись (1872 г.) сюжета повести: «Дети, брат и сестра маленькие, убежали от отчима. Странствования по Петербургу. Погибают (Отчим, характер сообщить с Мих⟨аила⟩ Н⟨иколаевича⟩ ⟨?⟩. Англичанин» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 8).

мальчик-подкидыш, «дети, бежавшие... от отца». В одном из эпизодов Достоевский намеревался художественно пересказать «всю историю Кронеберга» (отца, истязавшего свою малолетнюю дочь), процессу которого писатель посвятил ряд страниц «Дневника» за 1876 г.; далее он хотел ввести в роман сцены во фребелевской школе, критическую характеристику новейших учительниц и т. д.

«В замысле Достоевского, — справедливо пишут исследователи, — несколько сюжетов развиваются параллельно и вместе создают картину всеобщей неустроенности: социальной, семейной, трагического существования отцов и детей ⟨...⟩ Основной фон будущего романа, как и в „Преступлении и наказании", — жизнь обездоленных людей большого города, где не только взрослые, но и дети несчастны, а некоторые, те, что постарше, иногда и порочны».[1]

План романа складывается из набросков отдельных сюжетов, ситуаций, иногда из простого номинального обозначения будущих персонажей. Несколько сюжетов, организующих большой материал, сцепляются в целое единством темы: исследуется одна социально-этическая проблема — отношения между отцами и детьми в рамках шаткой семьи. Характерная и общая черта всех типов отношений — в том, что «дети» берутся в самом прямом смысле слова — это маленькие дети, школьники, гимназисты, которые пока не стали еще символом нового, художественным выражением будущей России. На первых ступенях замысла «Отцов и детей» молодое поколение, силы грядущей России, предстает в очень неразвитом состоянии, как прямой объект родительской воли. Но взятые со своей пассивной стороны «абстрактные» образы маленьких беспомощных детей могут получить громадный общественный и философско-обобщающий смысл. Вспомним, какие разные значения получает этот образ в системе романа «Братья Карамазовы» — и дети из исповеди Ивана, и «дитё» Мити, и обратившееся в покорных детей несчастное бунтующее племя Великого инквизитора, — и нам станет ясно, о чем идет речь. С другой стороны, и образ «отцов» может быть так же осмыслен в разных ассоциативных планах. Это, разумеется, родители в прямом смысле, но это и понятие, вызывающее представление об иерархическом строе общества, об авторитарных ценностях, восходящих к первоистокам, к древним патриархальным временам. С другой стороны, «отцы» и «дети» — символ представлений о причинно-следственных связях между прошлым, настоящим и будущим в историческом процессе, представлений о сдерживающих силах прошлого и об ответственности людей перед будущим.

Как в «Преступлении и наказании», в планах «Отцов и детей» совершается акт устранения героем нравственного принципа, а вслед за тем осознание им собственной вины. Но в отличие от Раскольникова «отец» из набросков об отцах и детях, осознав свою вину, ищет прощения не у сообщества людей, вынужден раскаяться не перед человечеством вообще, но, прежде всего, перед одним существом, близким ему, принадлежащим ему и имеющим в то же время особую власть над ним. Раскаиваясь в преступлении, он беспокоится не столько о нарушении им основ человеческого общежития, и, возможно, не столько о том, как погасить муки собственной совести, сколько о нравственных последствиях свершившегося для его сына. Герой «Отцов и детей» тяготится, видимо, не тем, что совершенное им преступление исключает его из сообщества людей (то, что́ знают о нем люди, его не так заботит, как то, как его запомнят, как его поступок отзовется в будущем).

Осенью 1876 г. Достоевский, по-видимому, думал вернуться к замыслу «Отцы и дети», о чем свидетельствует запись в рабочей тетради в октябре 1876 г.: «Текущее. Октябрь-ноябрь. Осмотреть старый материал сюжетов повестей (Из романа, Дети, Девушка с образом)». Но осуществлен в это время был лишь последний из перечисленных сюжетов — «Кроткая» (*ДП*, 1876, ноябрь, гл. I).

---

[1] И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. Наедине с самим собою. «Огонек», 1971, № 46, стр. 13. Ср.: Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. *ЛН*, т. 83, стр. 69—74.

Роман «Отцы и дети» не был написан, но главные его социальные и этические проблемы трансформировались в романе «Братья Карамазовы».

С т р. 6. *Мальчик сидит в колонии для малолетних преступников...* — 27 декабря 1875 г. Достоевский в сопровождении А. Ф. Кони посетил колонию для малолетних преступников в Петербурге, за Охтой, близ Пороховых заводов, желая познакомиться с содержавшимися там детьми и условиями их жизни. Посещение это Достоевский описал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 3). Сохранился рассказ об этом посещении А. Ф. Кони (*Кони*, т. 8, стр. 38). Ср.: *Фридлендер*, стр. 292—293; *ЛН*, 83, стр. 365, 367, 472—474.

С т р. 6. *Муж убил жену...* — Ср. две другие заметки 1875 г. (см. выше, стр. 432), где намечена та же завязка.

С т р. 7. *Отец ∾ узнает, что сын его не его, а от любовника.* — Мотив, близкий к повести «Вечный муж» (1870). Здесь Трусоцкий также узнает после смерти жены, из ее писем, что Лиза — дочь Вельчанинова (см.: наст. изд., т. IX).

С т р. 7. *Тип мечтателя. (Смотри в старых книжках).* — Имеется в виду запись, находящаяся среди подготовительных материалов к «Подростку»: «ЛИЦО: (ТИП). *Мечтатель* ∾ (подробнейше описать)» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 49, а также выше, стр. 94 и 152).

С т р. 7. *Мальчик три дня у Спаса под престолом.* — Сюжет, несколько раз записанный в рабочей тетради этого времени. Как и ряд других фигурирующих в настоящих заметках, он, по-видимому, извлечен из газет за 1876 г., но источник его пока не установлен.

С т р. 7. *Американская дуэль...* — Дуэль на пари с обязательством проигравшего покончить с собой. Ср. другую заметку Достоевского в той же рабочей тетради: «Американская дуэль; какая низость, какая мерзость!»

С т р. 7. *Аполлонова нога.* — Заметку, проясняющую смысл данной записи, находим в подготовительных материалах к «Подростку»: «Баня. Аполлонова нога. Зачем вам жениться. Можете на содержание пойти» (наст. изд., т. XVI, стр. 37). В древнегреческой мифологии бог Аполлон — идеал юношеской красоты; соответственно, Аполлонова нога в приведенном анекдоте в устах того, кто пользуется (возможно, иронически) этим определением, — символ мужской силы и прелести.

С т р. 7. ... *история Кронеберга.* — Дело С. Кронеберга(Кроненберга), обвинявшегося в жестоком истязании своей дочери Марии, слушалось в первом отделении Петербургского окружного суда в январе 1876 г. Отчет об этом деле, закончившемся оправданием отца-истязателя, публиковался в газете «Голос», № 24—29 от 24—29 января (5—10 февраля н. ст.) 1876 г. Взволнованное изложение и глубокий психологический анализ дела Кронеберга Достоевский дал в главе второй февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Речь защитника Кронеберга В. Д. Спасовича, который казуистически оправдывал обвиняемого мнимой порочностью его семилетнего ребенка, Достоевский рассматривал как характерный образчик либерально-адвокатской софистики; Достоевский пародировал его позднее в речи адвоката Мити — Фетюковича в романе «Братья Карамазовы».

С т р. 7. ... *с Сусловой, свидетельствующей о пороках девочки.* — Имеется в виду, по всей вероятности, не возлюбленная Достоевского и автор мемуаров о нем «Годы близости с Достоевским» (М., 1928), писательница и педагог Аполлинария Прокофьевна Суслова (1840—после 1916), а ее младшая сестра, одна из первых в России женщин-врачей — Надежда Прокофьевна Суслова-Эрисман, с которой писатель также был знаком и которую считал своим другом. О А. П. и Н. П. Сусловых и их взаимоотношениях с писателем см.: А. С. Д о л и н и н. Достоевский и Суслова. *Сб. Достоевский, II*, стр. 153—258; а также его заметку о Н. П. Сусловой — *Д, Письма*, т. I, стр. 578.

С т р. 7. *Митрофания.* — См. выше, стр. 392.

С т р. 7 . *Не жена, а Прокопия или Агафония.* — Женские имена, искусственно образованные по аналогии с именем «Митрофания» от мужских имен,

принадлежащих соответствующим католическим святым (или одноименным православным великомученикам).

С т р. 7. *Рассказ Феди о Крымске и о своем брате.* — Под Федей здесь имеется в виду, по-видимому, племянник и крестник Достоевского, сын его старшего брата, Федор Михайлович «младший» (1842—1906), пианист, ученик А. Г. Рубинштейна. Он имел двух младших братьев — Михаила (1846—1896) и умершего в возрасте около полутора лет Николая (1854—1856). Крымск — город на Северном Кавказе.

С т р. 7. *В фребелевской школе...* — Фребелевские школы (от имени немецкого педагога, последователя Песталоцци, Фридриха Вильгельма Августа Фребеля (1782—1852), отца «детских садов», стремившегося создать систему воспитания, основанную на соединении обучения с заботой о развитии активности ребенка) были в 1870-х годах новым для России явлением, часто привлекавшим к себе внимание печати. В 1871 г. в С.-Петербурге было основано Фребелевское общество. Об интересе Достоевского к педагогическим идеалам Фребеля и к фребелевским школам свидетельствует листок из подготовительных материалов к «Братьям Карамазовым» (см.: наст. изд., т. XV, стр. 199; *ЛН*, т. 86, стр. 490).

С т р. 8. *Тут отец — Кронеберг.* — См. примеч. к стр. 7.

С т р. 8. *Жемчужников и «Богородица».* О поэте А. Н. Жемчужникове и об отношении к нему Достоевского см. выше, стр. 251, 417—418. «Богородица» — название православной молитвы. Смысл данной записи, за отсутствием других проясняющих ее смысл материалов, расшифровать не удалось.

С т р. 8. ... *с Ольхиным* — Павел Матвеевич Ольхин (род. 1830), преподаватель и директор Курсов стенографии в Петербурге; ученицей его была А. Г. Достоевская.

МЕЧТАТЕЛЬ

(Стр. 8)

Печатается по черновым автографам, единственным источникам текста.

Хранятся: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 15, л. 66, 72, 94 (с. 107, 108, 186а); ф. 212, 1. 16, л. 5—7, 18, 29, 35, 41, 168—170 (с. 11, 29, 47, 178—180); см.: *Описание*, стр. 129.

Частично опубликовано: *Фридлендер*, стр. 324; более полно (фрагмент № 3): Л. М. Р о з е н б л ю м. Неосуществленный замысел Достоевского. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1971, т. XXX, вып. 5, стр. 473—474; полностью: *ЛН*, 83, стр. 446, 470, 523, 526, 535, 590, 591, 617, 618 (здесь же — факсимиле, стр. 585).

В собрание сочинений включается впервые.

Записи в рабочей тетради разбросаны среди заметок для «Дневника писателя» 1876 г. Датируется по положению в тетради (и с учетом авторской датировки поправок) временем с марта—апреля 1876 г. по январь 1877 г.

Тема «Мечтателя» — одна из центральных, сквозных в творчестве Достоевского. Впервые обобщенная характеристика мечтателя дается им в фельетонах «Петербургская летопись» (1847); автор уделяет здесь особое внимание социально-психологическому истолкованию типа петербургского интеллигентного мечтателя как характерного, исторически закономерного продукта общественной жизни России 1840-х годов. Вскоре после этого создаются «Белые ночи» (1848) с центральной фигурой рассказчика — Мечтателя [1] (наст. изд., т. II), во многом предвосхищающей тип психологически различных центральных героев позднейших повестей и романов 1860-х годов (Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», Человек из подполья, Раскольников и т. д.). «Мы ⟨...⟩ такие мечтатели. Без

[1] Его ближайшим предшественником можно считать Ордынова из повести «Хозяйка» (1846; наст. изд., т. II).

практической деятельности человек поневоле станет мечтателем», — пишет Достоевский вновь в 1861 г. в статье «Вопрос об университетах» (*Вр*, 1861, № 12, стр. 99). Тему «мечтательства» разрабатывает и несколько более ранний фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (*Вр*, 1861, № 1).

Уже в 1860-х годах, в частности в «Ряде статей о русской литературе» (1861) и в разговорах Порфирия Петровича с Раскольниковым в «Преступлении и наказании», тема «мечтательства» получает для Достоевского отчетливое философско-историческое истолкование. «Мечтательство» осмысляется здесь как одна из характерных черт представителя послепетровского, «петербургского», периода русской истории — оторванного от народа, одинокого дворянского или разночинного интеллигента, противостоящего господствующей, жестокой и бесчеловечной системе социальных отношений, мысль которого вследствие оторванности образованных классов от «почвы» способна стать вместилищем самых «фантастических» и неожиданно парадоксальных идей. Как на литературный прообраз типа петербургских мечтателей Достоевский в «Подростке» (1875) указывает на пушкинского Германна (из «Пиковой дамы»), ведя от него родословную собственных своих «фантастических» героев — мечтателей и парадоксалистов, мучеников идеи, «заблудившихся» (по его словам из рабочей тетради 1876 г.) в собственном сознании.

В период работы над «Подростком» Достоевский набрасывает в записной книжке среди характеристик других типов, задуманных для романа, характеристику мечтателя, которого он был намерен «подробнейше описать» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 49). Позднее он собирался использовать ее в работе над незавершенным романом «Отцы и дети», обдумывание которого непосредственно предшествовало замыслу особого романа «Мечтатель», возникшему (о чем свидетельствует рабочая тетрадь) в качестве ответвления одной из сюжетных линий ненаписанных «Отцов и детей» (см. выше, стр. 6, 430).

Помимо печатаемых в настоящем томе фрагментов, о замысле романа «Мечтатель» мы знаем из письма С. В. Ковалевской к Достоевскому 1876—1877 гг. Ковалевская пишет здесь, что во время болезни ей «вспомнился» один «рассказ» Достоевского из будущего романа, и предлагает писателю свой вариант развития его идеи:

«У меня как-то на днях тоже была лихорадка; я долго не могла успокоиться, и мне всё вспоминался один ваш рассказ из вашего будущего романа о „Мечтателе“. Я даже мысленно всё развивала вашу идею, и мне бы ужасно хотелось, чтоб вы написали что-нибудь в этом роде. Я представляю себе так: человека бедного, живущего очень уединенно, сосредоточенною жизнью и состарившегося на какой-нибудь машинально умственной работе (например, хоть счетчика при обсерватории). Вследствие каких-нибудь внешних обстоятельств в нем развивается непреодолимое желание разбогатеть во что бы то ни стало. Он начинает выслеживать способ для этого с тою же терпеливою односторонною последовательностью, с которою всю жизнь вычислял пути планет. И вот ему на ум приходит что-нибудь в роде адских часов Томаса.[1] Целые годы придумывает он и усовершенствует детали своей машины; наконец она готова, и он пускает ее в дело. При этом мысль о его жертвах,

[1] В «Новом времени» за вторую половину марта и апрель 1876 г. печаталось объявление о том, что в музее И. Б. Гасснера в Пассаже показывается адская часовая машина убийцы Томаса. Демонстрация этого музейного экспоната вызвана была историей, происшедшей 11 декабря 1875 г. в порту города Бремергафен (Германия). Американец Томас устроил начиненную динамитом адскую машину, которая должна была в определенный момент в открытом море взорвать пароход с застрахованным Томасом на большую сумму грузом (хлопком). Американец надеялся разбогатеть на страховой премии за свой груз. Но Томас плохо рассчитал завод машины, взорвавшейся при погрузке парохода. От взрыва погибло много людей, в том числе сам Томас (по другой версии, он застрелился),

о тех людях, которые должны погибнуть от его машины, совсем ему как-то в голову не приходит. Даже мысль о богатстве отступает на второй план. Он просто влюблен в свою машину, его математическую, помешанную голову пленяет именно та точность, с которою она действует; ему нравится, что он может вычислить минута в минуту, когда корабль пойдет ко дну. Корабль с машиною отплывает, старик как-то совершенно успокаивается. В самый вечер катастрофы он даже ни разу не вспоминает о машине; вдруг он чувствует внутреннее сотрясение; смотрит на часы — настала минута. И вот тут ему вдруг отвратительно ясно становится, что он сделал. Старик, конечно, сходит с ума. Но дальше фантазия моя уже нейдет». [1]

В заметках из записных тетрадей отражено несколько последовательных этапов развития замысла романа «Мечтатель». Как видно из первой тетради, тема «мечтателя» вначале переплеталась в сознании писателя с замыслом ранее задуманного романа «Отцы и дети» (см. выше, стр. 432); в мартовском наброске (фрагмент № 1) Мечтатель, воспитывающий сына после смерти жены и «мало занимающийся» им, но «духовно» воспламеняющий его, — член неустроенной семьи, история которой вплетается в клубок других подобных же историй, намеченных для разработки в романе «Отцы и дети». Через несколько дней Достоевский начинает обдумывать состав ближайшего, апрельского номера «Дневника писателя» и набрасывает два варианта его оглавления:

1) «Состав апрельского номера. — Чурила. — Сборник казанский. — Иванище. — Спиритизм. — Мечтатель. — Герцоговинцы (1) и восточный вопрос 〈...〉»;

2) «Чурила. — Казанский сборник. — Иванище. — Спиритизм. — Мечтатель. — Воспитатель〈ный〉 дом или что-нибудь сенсационное».

В конце той же тетради находим перечень тем: «*Мечтатель*». «Великий инквизитор и Павел». «Великий инквизитор со Христом» и т. д. (см. выше, стр. 14).

Состав апрельского номера 1876 г. уточняется во второй тетради:

1) «Состав № апрельского. — Высунутый язык. — Авсеенко. — О войне. — Спиритизм. — Мечтатель 〈...〉».

2) «Окончательный состав апрельского №. 1) Авсеенко с обширностью. Кстати о славянстве. 2) Спиритизм. 3) Мечтатель (его биография). 4) Надо бы герцоговинцев. 5) Откуда явятся лучшие люди? 6) И о войне».

«18 апреля, просто: Авсеенко и Мечтатель, без Спиритизма. Мечтатель, приезд и отец, война и спиритизм — всё от Мечтателя».

Из приведенных записей нами извлечены печатаемые в настоящем томе фрагменты № 2 и 3.

Фрагмент № 4, как видно из его положения в тетради и из контекста, представляет собой дальнейшую разработку пункта программы апрельского номера «Дневника», обозначенного во всех приведенных перечнях словом «Мечтатель».

Не написав биографии Мечтателя для апрельского выпуска «Дневника», Достоевский возвращается к обдумыванию эпизода о нем в конце апреля, при планировании следующего выпуска журнала:

1) «Майский № 〈...〉 Мечтатель. — Язык [2] и отец 〈...〉»

2) «Воспитательный дом, аффект. 1) Мечтатель 2) Каирова.

И далее: «Начало романа. Мечтатель 〈...〉» (см. выше, фрагмент № 5, стр. 9).

Ни в апрельском, ни в майском номере «Дневника писателя» эпизод «Начало романа. Мечтатель» не появился. Но начиная с апрельского выпуска «Дневника» за 1876 г. в нем появилось другое лицо — Парадоксалист, носитель своеобразной остро отточенной иронической диалектики, ставший с этого времени постоянным собеседником и оппонентом автора. Причем

---

[1] С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 245, 495, 496.

[2] Ср. выше «Высунутый язык», а также стр. 9.

при внимательном чтении апрельского выпуска «Дневника» обнаруживается, что задуманный Достоевским Мечтатель и Парадоксалист из «Дневника писателя» — если не одно и то же лицо, то во всяком случае мыслились автором как психологические двойники. В специальной подглавке второй главы «Дневника» за апрель 1876 г., озаглавленной «Парадоксалист», где впервые фигурирует этот персонаж, автор представляет его читателю в следующих словах: «Кстати, насчет войны и военных слухов. У меня есть один знакомый парадоксалист. Я его давно знаю. Это человек совершенно никому не известный и характер странный: он *мечтатель*. Об нем я непременно поговорю подробнее. Но теперь мне припомнилось, как однажды, впрочем уже несколько лет тому назад, он раз заспорил со мной о войне. Он защищал войну вообще и, может быть, единственно из игры в парадоксы. Замечу, что он „статский" и самый мирный и незлобивый человек, какой только может быть на свете и у нас в Петербурге» (*ДП*, 1876, апрель, гл. II, подглавка 2, «Парадоксалист»).

И далее, закончив свой спор с Парадоксалистом, защищающим вслед за Кантом, Гегелем и Прудоном войну как стимул общественного развития, Достоевский заключает: «Я, конечно, перестал спорить. *С мечтателями спорить нельзя*» (там же; курсив наш, — *ред.*).[1]

В первом из приведенных отрывков Парадоксалист прямо назван «мечтателем», причем здесь же романист обещает в будущем вернуться к этому персонажу на страницах «Дневника» и поговорить о нем «подробнее». Обещание это ведет к замыслу «начала романа» о Мечтателе при обдумывании следующего, майского выпуска «Дневника» с намерением выполнить данное слово. Однако оно тут же берется назад, так как автор «не вправе писать роман» из-за необходимости выполнить другие обещания, касающиеся состава майского номера «Дневника», данные в конце первой главы апрельского выпуска (подглавка 4, заключение). Лишь осенью, в начале ноября 1876 г. Достоевский возвращается к замыслу романа «Мечтатель», собираясь, по-видимому, поместить начало его в ноябрьском номере «Дневника». Но, набросав 6 ноября план № 6, Достоевский через несколько дней начинает работу над «фантастическим рассказом» «Кроткая», который и появляется в ноябрьском номере вместо ранее задуманного «Мечтателя», причем некоторые из психологических черт, первоначально закрепленных за образом Мечтателя, в измененном и переакцентированном виде переходят к герою «Кроткой». Последний набросок, по-видимому связанный с работой над романом «Мечтатель», — диалог между отцом и его сыном (Мечтателем) (фрагмент № 7). Диалог этот помечен: «январь» (1877 г.). Позднее Достоевский к замыслу романа уже не возвращался.

В романе «Мечтатель» Достоевский, судя по наброскам, по верному замечанию исследователей, намеревался показать (возвращаясь в этом отношении в какой-то мере к проблематике «Белых ночей») «осознание трагедии мечтательства самим героем».[2] Его герой остро воспринимает зло и несправедливость жизни; из-за них он, по собственному признанию, «застрелился бы», «если б не мечтал». Но «мечтательство» героя — не только сила его, но и проклятие: помогая ему снести тяжесть жизни и спасая его «от отчаяния», мечты уводят его в мир фантазии, смягчая для него трагизм бытия; тем самым они свидетельствуют о слабости героя, который «не осмеливается

[1] Позднее, намечая в записной тетради 1876—1877 гг. программу августовского выпуска «Дневника» за 1876 г., где вновь должен был по первоначальному его плану появиться Парадоксалист, Достоевский замечает, возвращаясь к характеристике его как «мечтателя»: «Глава 3-я. Разговор с парадоксалистом. Я сказал, что он был мечтатель. Я объясню, какого рода были его мечты. — „А ведь я был два раза влюблен"». Вместо главы третьей Парадоксалист со своими мечтами появился в четвертой главе печатного текста июльско-августовского номера «Дневника» (*ДП*, 1876, июль и август, гл. IV, подглавки 1—5).

[2] И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. Наедине с самим собою. «Огонек», 1971, № 46, стр. 13.

принять *истину* со всеми последствиями». Из-за склонности героя к мечтам живущая в его душе вечная, неутолимая потребность «быть правдивым и честным» не получает осуществления. После ряда попыток вырваться из «мечтательного мира» в «действительный», «стряхнуть паралич мечтательности и стать человеком» герой наброска — жертва «одной из болезней века», по заключительной оценке автора, — кончает с собой, так и не освободившись от своей болезни и не найдя пути, ведущего к воссоединению даже с самыми близкими ему людьми — женой и сыном.

Стр. 8. *Scroudge et Marly*. — Скрудж и Марлей — купцы-компаньоны, персонажи «Рождественской песни в прозе» (A Christmas Carol in prose, 1843; русск. перевод — 1844) Ч. Диккенса.

Стр. 8. *Жену только воображает, что сжег...* — Ср. запись сюжета о сожженной жене — выше, стр. 432.

Стр. 8. *...железо-конная дорога*. — Более обычное наименование: конно-железная — дорога, имеющая железные (или стальные) рельсы, по которым тяга вагонов осуществляется лошадьми. В России первые конно-железные дороги появились в 1830—1840-х годах. Пассажирское конно-железное движение в Петербурге было открыто в 1862 г. О несчастных случаях на конно-железной дороге нередко сообщалось в 1870-х годах в петербургских газетах, в хронике происшествий.

Стр. 8. *...война и спиритизм — всё от Мечтателя*. — Темы, намеченные Достоевским для разработки в апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Из них была осуществлена «от мечтателя» («Парадоксалиста») главка о войне (*ДП*, 1876, апрель, глава II, подглавка 2 — см. выше, стр. 438). Следующий же раздел (подглавка 3, «Опять только одно словцо о спиритизме») написан не от лица парадоксалиста, а от лица автора «Дневника», который в начале этого раздела предупреждает: «Опять у меня не осталось места для „статьи“ о спиритизме, опять отлагаю до другого №».

Стр. 9. *Два критика*. — По-видимому, эта запись представляет программу задуманного фрагмента, не вошедшего в печатный текст майского номера «Дневника писателя» за 1876 г. и фигурирующего в рабочей тетради также под другим обозначением — «Ответ критикам L. Преступление и наказание». Фрагмент этот в двух вариантах впервые опубликован по черновой рукописи А. С. Долининым в кн.: Ученые записки Ленингр. гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. IV, факультет языка и литературы, вып. 2, Л., 1940, стр. 317—318.

Стр. 9. *...за мной две статьи*. — Первая — о «несостоятельности» элитарной дворянско-аристократической культуры и о «народных началах», вторая — о спиритизме. Ср.: *ДП*, 1876, апрель, гл. 1, подглавка 4 и гл. II, подглавка 3, где в следующем номере «Дневника» обещаны обе эти статьи.

Стр. 9. *...как сон женщины в «Пугачевцах»...* — «Пугачевцы» (1873—1874) — исторический роман русского писателя-беллетриста графа Е. А. Салиаса де Турнемир (1840—1908), с одним из путевых очерков которого «Эпоха» полемизировала в 1864 г. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 192) и о «легкомыслии» которого Достоевский, лично знавший его как сотрудника «Гражданина», презрительно пишет в своей записной тетради 1875—1876 гг.; причисляя его к числу несимпатичных ему деятелей, примкнувших к «консервативной части общества» и характеризуемых писателем как «подлецы». В XXI главе VI части романа Салиаса рассказывается о «случайно забредшей в голову героини» мечте повторить подвиг Юдифи и убить Пугачева: «Параня стала припоминать, что она видела во сне светлого юношу в серебряной одежде, такого, какой он написан на южных вратах алтаря ⟨...⟩ И для девушки, истомленной голодом и молитвой, мечта стала долгом» (Е. Салиас. Пугачевцы, т. 3. М., 1874. стр. 208, 209).

Стр. 9. *...спасла его от отчаянья и от ригоризма вопросов*. — Ср. запись о Петре I в записной тетради за май 1876 г.: «Петр Великий хлопотал о ближайшей пользе, но мы не знаем его предчувствия. В жизни его мечтательн⟨ость⟩, ригоризм (?), с вопросами философскими он не мог быть знаком...»

Стр. 9. *...отказ от дуэли...* — Сходный мотив встречается в ряде набросков и планов Достоевского 1870-х годов (см.: наст. изд., т. XI, стр. 31—33) и использован в повести «Кроткая» (*ДП*, 1876, ноябрь).

Стр. 9. *... как бы он мечтал стать перед ней героем, влюбить ее в себя.* — Этот мотив также использован в «Кроткой».

Стр. 9. *история Карла Иванов⟨ича?⟩ и выбросившейся девушки.* — Сохранившийся фрагмент «Истории Карла Ивановича» см. выше, стр. 12. Газетное сообщение о выбросившейся из окна с образом в руках девушке — швее Марье Борисовой («Новое время», 1876, № 215, 3 октября), сразу же привлекшее внимание Достоевского и несколько раз упоминаемое в его записной тетради за октябрь—ноябрь 1876 г., легло в основу повести «Кроткая» (*ДП*, 1876, ноябрь, а также *ЛН*, т. 83, стр. 83 (статья Л. М. Розенблюм) и 650 (комментарий И. З. Сермана)).

Стр. 10. *... что тебя из Америки привело вспомнить елку Христову в родительском доме.* — Заинтересовавшая Достоевского еще в начале 1870-х годов тема об устремлении части радикальной русской молодежи в поисках свободы в Америку и о возвращении ее на родину после глубокого разочарования в американских буржуазных порядках получила отражение ранее в романе «Бесы» (1871—1872) и подготовительных материалах к нему (см.: наст. изд., т. X, стр. 111—112; т. XII, стр. 291). Ср.: *ДП*, 1873, гл. XVI, «Одна из современных фальшей».

В ПОВЕСТЬ НЕКРАСОВУ

(Стр. 10)

Печатается по черновым автографам в рабочей тетради 1876—1877 гг., единственным источникам текста.

Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 16, с. 269, 230.

Впервые напечатано: *ЛН*, т. 83, стр. 623, 618.

В собрание сочинений включается впервые.

Все три печатаемые записи относятся к 1876—1877 гг. и объединены в тетради близкими по характеру пометами: «В повесть Некрасову» и «Некрасову». Две из них (фрагменты ⟨1⟩ и ⟨2⟩ на с. 269) расположены среди подготовительных записей к июльско-августовскому и сентябрьскому выпускам «Дневника писателя» 1876 г. и датируются приблизительно летом 1876 г. Фрагмент ⟨1⟩ представляет характеристику замысла в целом и намечает общий тип героя будущего произведения. Возможно, что в какой-то степени замысел этот был реализован в майско-июльском выпуске «Дневника писателя» 1877 г., в очерке «План обличительной повести из современной жизни».

Фрагмент ⟨2⟩ содержит заготовки речи одного из персонажей для того же произведения. Что касается фрагмента ⟨3⟩, то его положение в тетради (с. 230) вслед за январскими записями 1877 г. позволяет предположить, что он создан позднее, чем фрагменты ⟨1⟩ и ⟨2⟩, скорее всего в январе 1877 г. Хотя в тетради он находится на странице, предшествующей записям ⟨1⟩ и ⟨2⟩, это не может служить контраргументом: Достоевский, как мы знаем, вел свои записи не последовательно от первой страницы к последней, а хаотически, в разных местах тетради. По своему характеру фрагмент ⟨3⟩ представляет набросок каких-то двух диалогов, первый из которых имеет фразеологическое сходство с диалогом фрагмента ⟨7⟩, отнесенного предположительно к числу набросков романа «Мечтатель» (см. выше, стр. 10), второй — с диалогами, объединенными фигурой Слесарька (см. выше, стр. 11).

Мы не можем с уверенностью утверждать, что все три фрагмента — элементы одного произведения. Быть может, перед нами — наброски различных замыслов. Важнее всего то, что, как мы теперь знаем, после окончания «Подростка», в конце 1876 — начале 1877 г., Достоевский предполагал написать новую повесть для некрасовских «Отечественных записок» и таким образом продолжить свое сотрудничество в этом демократическом органе.

⟨СЛЕСАРЕК⟩

(Стр. 11)

Печатается по черновому автографу (наброски в рабочей тетради 1876—1877 гг. среди подготовительных материалов к «Дневнику писателя» за 1876 г.), единственному источнику текста.

Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 16, с. 267, 271.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 620, 624.

В собрание сочинений включается впервые.

По расположению в рабочей тетради приблизительно датируется второй половиной 1876 г. Диалог представляет собой фрагмент неизвестного художественного произведения, действующие лица которого принадлежат к мещанской среде. В тетради диалог записывается дважды: более развернуто на с. 267, затем снова на с. 271. О замысле в целом судить трудно; однако несомненно, что к мысли о произведении, связанном с изображением мещанской среды, Достоевский в это время обращается неоднократно. Ср. замысел «В повесть Некрасову» (отрывок ⟨3⟩), а также записи отдельных «слов и словечек» в записной тетради 1876—1877 гг.

⟨ИСТОРИЯ КАРЛА ИВАНОВИЧА⟩

(Стр. 12)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Хранится: *ИРЛИ*, ф. № 100, 29444—29446, ССХб. 2.

Автограф на листке, вырванном из рабочей тетради 1875—1876 гг. (?) и использованном Достоевским в 1878 г. для черновых записей при работе над второй книгой романа «Братья Карамазовы».

Опубликовано: *Д. Материалы и исследования,* стр. 94 (под строкой).

Датируется по содержанию других заметок на том же листке, а также на основании упоминания «Истории Карла Иванов⟨ича⟩» в плане романа «Мечтатель» (см. выше, стр. 9) — временем с апреля по октябрь 1876 г.

В собрание сочинений включается впервые.

Имя рассказчика «Истории» — Карла Ивановича, по-видимому, не случайно совпадает с именем немца-учителя из «Детства» (1852) и «Отрочества» (1854) Л. Н. Толстого, — повестей, с которыми Достоевский познакомился впервые в 1855 г. и которые не раз перечитывал позднее, работая над «Подростком» и над «Дневником писателя» (см. выше, стр. 339—341, а также: *ДП*, 1877, январь, гл. II, подглавка 5, «Именинник»). Как видно из данного отрывка, Достоевский в какой-то мере имитировал в нем приметы стиля устного автобиографического рассказа этого толстовского персонажа (см.: «Отрочество», гл. VIII,«История Карла Иваныча»), стремясь воссоздать психологически близкий тип старого чудака-немца, коверкающего русский язык и обставляющего свой рассказ фантастическими подробностями.[1] Из названного выше плана романа «Мечтатель», датированного 6 ноября 1876 г., видно, что рассказ был задуман до этого времени: работая над планом романа о Мечтателе, Достоевский намеревался ввести «Историю Карла Ивановича» в него в виде особого эпизода. Других записей, относящихся к «Истории Карла Ивановича» и проясняющих ее фантастический сюжет — об обмененных головах двух друзей, — не сохранилось.

Кроме настоящей заметки, сюжет с «переменой голов» дважды зафиксирован в записных тетрадях Достоевского: 1) в 1874 г., на начальной стадии обдумывания плана романа «Подросток»: «*Маг.* У Дюссо или в Мал⟨ом⟩ Ярославце. Переворот голов и проч. (Мальчик-лгун рассказывает это и

---

[1] Более ранний сходный опыт передачи немецкого акцента в речи персонажа см. в рассказе «Крокодил»: наст. изд., т, V, Ср. ниже, стр. 446.

говорит: я сам видел)» (наст. изд., т. XVI, стр. 6); 2) в плане задуманного 9 марта 1875 г. цикла фельетонов (анекдотического характера) «Странные сказки» — одной из первоначальных наметок продолжения «Дневника писателя», оставленного с начала 1874 г. и возобновленного в 1876 г. Ср. выше, стр. 396.

⟨ОТРЫВКИ⟩

⟨1⟩

(Стр. 13)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ИРЛИ*, 29500/ССХб. 36, 2 листа; см.: *Описание*, стр. 130. Публикуется впервые.

Верхняя часть первого из двух листов, на которых находится данный отрывок, оборвана; дата отсутствует. Отрывок следует датировать скорее всего временем после 1873 г. Запись сделана на почтовой бумаге форматом 20.6×13.3 с водяным знаком «Lacroix Frères». Аналогичный водяной знак удалось обнаружить на письмах Достоевского к А. У. Порецкому от 25 июня (7 июля) 1873 г. и П. А. Исаеву от 10 (22) сентября 1874 г. Текст написан от лица персонажа, обратившегося к врачу из боязни «взбеситься» после пожатия чьей-то потной руки, — видимо «бешеного» человека, — чем он вызвал саркастический вопрос врача, больно ли он искусан. Замысел этот имеет сатирический, пародийно-иронический характер; он возник скорее всего в пору редактирования Достоевским «Последней странички „Гражданина“», для которой иногда и сам он писал заметки (см. выше, стр. 15). В определенной мере центральный мотив его может быть поставлен в связь со следующей гневно-сатирической заметкой в герценовском «Колоколе» — «*Распространение антропофагии в России*»: «Давно ли газеты рассказывали о попе, изгрызшем *под волка* убитого им солдата, а теперь нам пишут, что городничий в каком-то городе Московской губернии искусал купца. Мы сильно сомневаемся в этом развитии готентотских вкусов. Неужели оттого, что скоро помещикам нельзя будет высасывать кровь мужиков, — духовенство и полиция примутся кусать прочие сословия? Если этот факт справедлив, просим имя городничего и купца» (1860, 15 августа, № 79, стр. 662).

⟨2⟩

(Стр. 13)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29495, ССХб. 16, № 64, см.: *Описание*, стр. 142.

Публикуется впервые.

Представляет собой наброски диалога к художественному произведению. Фрагментарность записи не дает возможности ее датировать, а также более определенно связать с каким-то замыслом.

⟨3⟩

(Стр. 14)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29495. ССХб. 16, № 126, см.: *Описание*, стр. 142.

Впервые напечатано: *Описание*, стр. 142.

В собрание сочинений включается впервые.

Представляет собой, по-видимому, запись характерных выражений, которые могли быть использованы в художественных произведениях. Подобные записи встречаются в записных тетрадях (см.: наст. изд., т. XI, стр. 253, 280—282, 286 и др.; т. XVI, стр. 137—140 и др.). Первая фраза использована в тексте «Братьев Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 74).

⟨ПЕРЕЧНИ ТЕМ⟩

⟨1⟩

(Стр. 14)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. I, № 15, с. 186а.

Опубликовано: *Описание*, стр. 129; *ЛН*, т. 83, стр. 470.

Датируется по положению в рабочей тетради декабрем 1876—январем 1877 г.

В собрание сочинений включается впервые.

Стр. 14. *Мечтатель* — См. выше заметки для этого неосуществленного романа, стр. 8.

Стр. 14. *Великий инквизитор и Павел* ∾ *В Барселоне поймали черта.* — Записи эти предвосхищают замысел глав «Великий инквизитор» и «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» в романе «Братья Карамазовы». О месте их в творческой истории названного романа см.: наст. изд., т. XV, стр. 407, 462—467.

Стр. 14. *Тайный совет...* — План неосуществленного «фантастического» рассказа, вероятно, по замыслу автора, близкого в жанровом отношении к более раннему рассказу «Бобок» (1873) или позднейшей повести «Сон смешного человека» (1876). По положению в тетради датируется, с наибольшей вероятностью, ноябрем 1875 г. (во всяком случае — не ранее начала этого месяца и не позднее апреля 1876 г.).

Как можно предполагать, рассказ должен был строиться на анекдоте о «бежавшем сумасшедшем», нацепившем три «звезды» на фрак и выдававшем себя за князя, члена Государственного совета, товарища министра государственных имуществ в 1870—1872 гг. Дмитрия Александровича Оболенского (1822—1881). Д. А. Оболенский был также сотрудником «Русской старины» и «Русского архива». Заведя на улице разговор с «учительницами», мнимый тайный советник пристает к ним (или к одной из них) и за это попадает в «часть» (полицию), где его в конце концов разоблачают. Этим анекдотическим сюжетом (в духе Гоголя и А. Ф. Вельтмана) автор хотел, вероятно, воспользоваться для раскрытия одного из аспектов социальной и нравственно-психологической фантасмагории повседневной жизни царской столицы.

⟨2⟩

(Стр. 14)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 3. 12; см. *Описание*, стр. 130.

Частично опубликовано Л. П. Гроссманом: *ВЕ*, 1914, № 5, стр. 194; полностью: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 268.

В собрание сочинений включается впервые.

Все перечисленные в данной записи замыслы (кроме «воспоминаний», которые Достоевским написаны не были) влились в его «последний роман»

«Братья Карамазовы». «Как свою книгу о Христе, так и русского Кандида Достоевский, — пишет Л. Гроссман, — ⟨...⟩ дал в своем предсмертном романе» (*ВЕ*, 1914, № 5, стр. 195). О переосмыслении философских мотивов вольтеровского «Кандида» в «Братьях Карамазовых» и образе Христа в поэме «Великий инквизитор», а также о замысле «Сороковины» и об отношении его к «Карамазовым» см. выше, стр. 430. Ср.: наст. изд., т. XV, стр. 409, 410.

Стр. 14. *...предполагаемого издания «Дневника».* — Имеется в виду «Дневник писателя», издание которого было прервано Достоевским в конце 1877 г. в связи с началом работы над «Братьями Карамазовыми».

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ, ПАРОДИИ, ЭПИГРАММЫ

(Стр. 15)

Как свидетельствуют дошедшие до нас рукописи Достоевского 1860—1870-х годов, дневник его жены и воспоминания его племянницы М. А. Ивановой (см. ниже, стр. 446—447), Достоевский на протяжении всего своего творчества любил импровизировать шуточные стихи. Публицистический же элемент, присущий таланту Достоевского, постоянная оглядка писателя в процессе обдумывания своих произведений на текущую злобу дня, на литературных друзей и врагов получили выражение наряду с его повествовательным художественным творчеством и публицистикой в полемических набросках стихотворного характера — пародиях и эпиграммах, которыми испещрены страницы его записных тетрадей.

В настоящем томе печатаются все известные нам стихотворные наброски такого рода (кроме комических стихов, вошедших в состав рукописей «Крокодила», в роман «Бесы», а также и в другие повести и романы Достоевского или его статьи). На первом месте помещены стихотворные тексты, извлеченные из автографов и записных тетрадей Достоевского. Они расположены в хронологическом порядке, которому соответствует редакторская нумерация отрывков. Далее, в приложении к тому, публикуются близкие по характеру шуточные стихотворения и наброски, сочиненные Достоевским совместно с женой в Женеве, в первый период их заграничной жизни. Эти стихотворения дошли до нас в составе недавно расшифрованной второй части дневника А. Г. Достоевской 1867 г. (об этом дневнике, истории его расшифровки и публикации см.: *ЛН*, т. 86, стр. 155—156). В комментарии (см. ниже, стр. 446) даны более ранние стихотворные люблинские импровизации 1866 г., восстановленные в 1926 г. по памяти М. А. Ивановой.

Не имея самостоятельного художественного значения (и несоизмеримые в этом смысле с основным творчеством Достоевского — повествователя и романиста), его стихотворные шутки, пародии и эпиграммы важны в других отношениях. Одни из них — шуточные импровизации 1860-х годов — интересны для нас как своеобразная лаборатория, из которой впоследствии вышли генетически подготовленные ими гротескно-иронические, «абсурдные» стихи капитана Лебядкина (в «Бесах»).

Другие наброски — пародии, эпиграммы, три рукописные редакции незавершенного стихотворного фельетона «Борьба нигилизма с честностью. (Офицер и нигилистка)» (1864—1874) — расширяют наше представление о Достоевском-карикатуристе, сатирике и полемисте. Третьи — стихотворные послания к жене и детям — представляют биографический источник, ценный при обрисовке личности писателя и быта семьи Достоевских в 1870-х годах.

Все стихотворные наброски Достоевского, печатаемые в данном разделе, в приложении и примечаниях к нему, включаются в собрание сочинений впервые.

ЭПИГРАММА НА БАВАРСКОГО ПОЛКОВНИКА

(Стр. 15)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 3, л. 4 об.
Опубликовано: *Описание*, стр. 123.

Датируется серединой 1864 г. по местоположению в тетради: запись сделана на одной странице с набросками к «Крокодилу» (см.: наст. изд., т. V, стр. 322) и первыми записями к «Офицеру и нигилистке» (см. выше, стр. 15).

Первоначальный текст заглавия — «Эпиграмма на одного баварского полковника». Эпиграмма задумана как пародия на стихи, печатавшиеся в 1860-х годах в газете А. А. Краевского «Голос». Ее текст находится в тетради среди ряда других полемических заметок, направленных против этой газеты. По-видимому, «автор» эпиграммы был задуман как тип «русского за границей», который «теряет употребление русского языка и русских мыслей» (*ЛН*, т. 83, стр. 215). Судя по положению в тетради, не исключено, что, по первоначальному замыслу автора, пародирующая «Голос» «Эпиграмма на баварского полковника» могла войти в текст только что задуманного рассказа «Крокодил». В таком случае автор предполагал вложить ее в уста чиновника, находящегося в чреве крокодила, а ее заключительное двустишие: «Так на свете всё превратно, Нынче шах, а завтра мат» — должно было служить обобщением не только судьбы героя эпиграммы — баварского полковника, но и героя задуманного рассказа — чиновника, проглоченного крокодилом.

⟨СКАЖИ, ЗАЧЕМ ТЫ ТАК РАЗО́РИЛ...⟩

(Стр. 15)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 3, с. 8.
Опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 215.
Датируется серединой 1864 г.

Пародия на «жестокий» романс, предназначенная, подобно «Эпиграмме на баварского полковника», для замышлявшегося в это время Достоевским полемического выступления против газеты «Голос» и задуманная наряду с ней как плод поэтического творчества «заграничного русского», который «теряет употребление русского языка и русских мыслей».

⟨РАССКАКАВШУЮСЯ ДЕВУ ...⟩

(Стр. 15)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.
Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 5, с. 86; см.: *Описание*, стр. 124.
Публикуется впервые.

Эти две строки записаны Достоевским, по всей вероятности, летом 1866 г. на даче в Люблине под Москвой, где он пробыл с 25 июня до конца августа. В записной тетради III они предшествуют страницам с материалами к «Преступлению и наказанию», которые озаглавлены «Характерная черта 3-й части ⟨...⟩ 3-я часть. Программа» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 167—168). Названные планы к «Преступлению и наказанию», занимающие почти всю остальную часть тетради, относятся к 1866 г., среди них содержатся и заметки люблинского периода (на с. 106 имеется дата: «22 июля»). В Люблине Достоев-

ский жил по соседству с семьей своей сестры В. М. Ивановой. Из воспоминаний ее дочери, племянницы писателя М. А. Ивановой (а также по мемуарам Н. Н. Фон-Фохта, воспитанника Константиновского межевого института, где состоял врачом глава семьи — А. П. Иванов), нам известно, что это была светлая полоса в жизни Достоевского: на даче у Ивановых гостило много гимназистов и студентов, и 45-летний писатель в свободное от работы время охотно принимал участие в затевавшихся ими играх и представлениях. При этом он любил, по словам М. А. Ивановой, подмечать слабые или смешные стороны кого-либо из присутствующих и забавлялся, преследуя шутками-экспромтами свою жертву. Молодежь смело отвечала ему, и между ними были постоянные веселые пикировки (*Нечаева*, стр. 138). Несколько аналогичных шутливых импровизаций М. А. Иванова в 1926 г. привела на память.

1

О Голофтеев и Рахманин!
Вы именинники у нас.
Хотел бы я, чтоб сам граф Панин
Обедал в этот день у вас.

Красуйтесь, радуйтесь, торгуйте
И украшайте Люблино.
Но как вы нынче не ликуйте,
Вы оба все-таки ⟨—⟩

2

ОДА В ЧЕСТЬ ДОКТОРА КАРЕПИНА

П о э т

Позволь пиите дерзновенну,
О ты, достойный славу зреть,
Его рукой неизощренной
Тебя, прекрасного, воспеть!
Кому тебя мне уподобить?
Какой звезде, какому богу?
Чтобы тебя не покоробить,
Зову Державина в подмогу.

Т е н ь Д е р ж а в и н а

Ростом пигмей, лицом сатир,
Всего он скорей монгольский кумир.

П о э т

Могу ль ушам своим я верить?
Поэт Фелицы и министр,
Державин может лицемерить,
Как самый ярый нигилист!
О, нет! Он ростом Геркулес,
Хоть и приземист он.

Т е н ь Д е р ж а в и н а

Танцует, как медведь,
Поет, как филин, он.

П о э т

Такую отповедь
Не выношу я! Вон!
(Тень Державина удаляется.)

3

По дороге по железной
Шел племянник мой Карепин.
Человек небесполезный
И собой великолепен!

4

Полночь. В Павловской больнице
Слышен храп, порой чиханье,
И не спит в своей светлице
Лишь сверхштатный доктор Саня.
Куча блох его кусает,
Но не тем лишь мучим он,
Голова его пылает,
Полна жгучих, тяжких дум.
«Обучен в университете,
Всё катары я лечил
И в больничной сей палате
Не без пользы послужил.
Только б в штатные мне место
Да холеру бог послал,
Уж всегда б нашлась невеста,
Только сам-то будь удал!» —
Наш Карепин прокричал.
Фельдшера же все сбежались,
А больные испугались.
Вот выходит Левенталь *
С прутом длинным, длинным,
длинным:
«Это ви сейчас кричаль
Таким образом бесстыдным?..»

* Доктор Левенталь, старший врач больницы (*примеч. М. А. Ивановой*).

5

Как бы общество ни было
Молчаливо и грустно,
Миг — печаль его уплыла,
Только Саню принесло.
Отчего ж сие явленье,
Отчего улыбки, смех?
Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех!

6

Когда в «протухлой солонине»
Я чувство чести возбудил
И он поклялся, что отныне
И носорогу б не спустил,
Тогда презренный Фольц собрался
Отмстить обиду впятером,
По неразвитости ж остался
Лакеем, хамом и ослом.

7

С весны еще затеяно
Мне в консерваторию поступить
К Николке Рубинштейну,
Чтоб музыку учить.
Сие мое прошенье
Прошу я вас принять
И в том уведомление
Немедленно прислать.

Стихотворение № 1 было сочинено, по свидетельству мемуаристки, ко дню именин люблинских дачевладельцев, богатых купцов, братьев Петра и Павла Голофтеевых (23 июня), на празднование которого были приглашены другие дачники, жившие в Люблино. Достоевский на торжественный обед не пришел, и его стихотворный «спич» был прочитан им у Ивановых.

Стихотворения №№ 2—5 посвящены племяннику Ивановых и Достоевского, в то время молодому доктору, Александру Петровичу Карепину (см. о нем в примеч. к повести «Вечный муж»: наст. изд., т. IX, стр. 475). М. А. Иванова вспоминает об А. П. Карепине: «Ему было двадцать шесть лет, он не был женат и отличался многими странностями. Все приключения диккенсовского Пиквика случались с ним. Несмотря на то что он окончил медицинский факультет и состоял врачом при Павловской больнице, в жизни он был почти идиотом. Он был предметом неистощимых шуток и глумлений для молодой компании Ивановых. Достоевский воспел его в ряде шуточных стихотворений...» (*Нечаева*, стр. 140).

По поводу стихотворения № 6 М. А. Иванова сообщает: «На стихотворные экспромты Достоевский был неистощим. По какому-то поводу он сказал следующее стихотворение о двух братьях Фольцах, бывших в компании Ивановых. Младший был гимназистом VII класса и почему-то был прозван „протухлой солониной“, старший — студент I курса» (*Нечаева*, стр. 143).

Последнее стихотворение (№ 7) было сочинено, по свидетельству мемуаристки, чтобы поддразнить М. А. Иванову, которая готовилась к поступлению в консерваторию и должна была подать «прошение» (*Нечаева*, стр. 143).

Как указано в преамбуле к настоящему тому, текст шуточных стихов, восстановленных по памяти М. А. Ивановой через 60 лет с известной долей приблизительности, может рассматриваться лишь как ценное для биографа свидетельство об интересах и жизненном тонусе окружавшего Достоевского летом 1866 г. люблинского общества и о собственном его тогдашнем настроении. Но он не может расцениваться как сколько-нибудь автентичная запись подлинного первоначального их текста, да и сама доля участия Достоевского в сочинении этих стихов остается проблематичной.

⟨БОРЬБА НИГИЛИЗМА С ЧЕСТНОСТЬЮ. (ОФИЦЕР И НИГИЛИСТКА)⟩

(Стр. 15; 29)

Печатается по черновому автографу: *ГБЛ*, ф. 93, I. 3. 14, лл. 1—10; первоначальные наброски и первая редакция — по черновым автографам: I — *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 3, с. 8; II — *ГБЛ*, ф. 93, 1. 2. 8, с. 11—14; III — *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 11, с. 195; см.: *Описание*, стр. 127—128.

Частично опубликовано Н. Л. Бродским: — «Литературная газета», 1931, № 10, 19 февраля, стр. 4 (первая законченная редакция II); затем —

ЛН, т. 83, стр. 215, 284—285 и 304 (та же редакция, наброски I и III); последняя, законченная редакция публикуется впервые.

Черновой автограф первой редакции, записанной карандашом, полустерт; отдельные слова не поддаются прочтению.

Датируется 1864—1873 гг. Замысел памфлета (стихотворного фельетона) «Офицер и нигилистка» возник у Достоевского в середине 1864 г. в одно время с идеей рассказа «О муже, съеденном крокодилом» (см.: т. V, стр. 322). Тогда же Достоевский записал в тетради название будущего произведения, характеристику его героини — «нигилистки» и наметил некоторые детали. Две записи — каламбур, основанный на игре слов «Росс — рос», и эпизод, обозначенный словами «Голенькая ножка», — получат развитие в позднейших, более развернутых разработках этого сюжета, относящихся — первая ко второй половине 1864 — началу 1865 г., а вторая — к последним месяцам 1873 г. Приписанная героине попытка восстать против «родительской власти» и «наказать ее гласностью», направив корреспонденцию в газету «Волос» (т. е. в «Голос» А. А. Краевского), объединяет заметки с рассказом «Крокодил», в черновиках и в основном тексте которого также содержатся выпады против «Голоса» и его издателя. Предварительные наброски к «Крокодилу» свидетельствуют, что Достоевский собирался включить стихи об офицере и нигилистке в состав рассказа. После иронического определения понятия «нигилизм», сущность которого, по словам одних, будто бы состоит «в стрижении женских волос», а по мнению других — «в отрицании всего существующего», в планах «Крокодила» следует запись: «Достал стишки: „Офицер и нигилистка“.— С учением соглашаюсь» (см.: наст. изд., т. V, стр. 326). Возможно, что и в проекте «Главы 3» (с описанием встречи друга проглоченного чиновника с его женою и ее «увлечения» этим другом) под названием «стихи на нигилистов» (т. V, стр. 327) мыслились те же «стишки». Одно время предполагалось, что нигилистка будет фигурировать в рассказе как особый персонаж: она явится к крокодилу, чтобы обсудить с чиновником вопросы женской эмансипации и вопрос о боге. Среди черновых заметок к «Крокодилу» есть и следующая: «Если у гусей нет теток, стало быть, тетки — предрассудок» (см.: наст. изд., т. V, стр. 327). Смысл этой сентенции проясняется при сопоставлении с соответствующими ей стихотворными строками «Офицера и нигилистки».

Как и «Крокодил», фельетон «Офицер и нигилистка» вплетался в полемику, которую вели журналы братьев Достоевских «Время», а позднее «Эпоха» с различными общественно-литературными течениями русской журналистики тех лет, в том числе с «Современником» и «Русским словом». Имя редактора последнего журнала Г. Е. Благосветлова названо в самом тексте. На страницах «Русского слова» большое место занимали статьи, посвященные и женскому вопросу, и пропаганде естественных наук. В 1863—1864 гг. в статьях Д. И. Писарева («Прогресс в мире животных и растений» — *РСл*, 1864, №№ 4, 5, 6, 7, 9; «Реалисты» — *РСл*, 1864, №№ 9, 10, 11), Н. В. Шелгунова («Убыточность незнания» — *РСл*, 1863, № 4—5), Г. Е. Благосветлова («Историческая школа Бокля» — *РСл*, 1863, № 2) и заметках его, помещавшихся в «Домашней летописи», в рецензиях В. А. Зайцева, который вел в журнале с мая 1863 г. «Библиографический листок», и в «Дневнике темного человека» Д. Д. Минаева обосновывалась идея формирования «мыслящих личностей» путем овладения передовыми достижениями естествознания. Борясь за допуск к образованию женщин, за право их быть адвокатом, врачом, педагогом, публицисты «Русского слова» особенно горячо ратовали за медицину как лучшую сферу применения ее сил. «Спешите же, милые соотечественницы, в аудитории медицинской академии», — призывал Г. Е. Благосветлов в «Домашней летописи» (*РСл*, 1863, № 8, стр. 20). Для некоторых из подобных публикаций характерна сквозящая в них вера, что широкое распространение естественнонаучных знаний представляет панацею от социальных бед. Встречались в «Русском слове» и крайности вульгарноматериалистического толка. Так, например, в статье А. Г-фова (А. С. Гиероглифова) «Любовь и нигилизм» любовь рассматривалась в отвлеченно физиологическом аспекте и всецело сводилась к «побуждению родотворного инстинкта» (*РСл*, 1863, № 1, стр. 32). Имея в виду такие упрощения, Щедрин высмеял

«зайцевскую хлыстовщину» как вульгаризацию идей Чернышевского. В одной из статей цикла «Наша общественная жизнь» (*С*, 1864, № 1) сатирик издевался над мечтаниями публицистов «Русского слова» о том, «что „со временем“ милые нигилистки будут бесстрастною рукой рассекать человеческие трупы и в то же время подплясывать и подпевать: „Ни о чем я, Дуня, не тужила“» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 232). При коренном различии исходных, а временами и противоположности позиций обоих писателей в критике «Русского слова» Достоевский в «Офицере и нигилистке» подверг пародированию те же программные положения благосветловского журнала, последствия увлечения ими студенческой молодежи.

Но в первой законченной редакции «Офицера и нигилистки» (1864—1865) можно обнаружить и прямую полемику с Чернышевским и Щедриным по вопросам о «доме», семье и воспитании детей. Свой взгляд на судьбы русской женщины и на проблему ее эмансипации Достоевский сформулировал в опубликованных еще в 1861 г. во «Времени» статьях «Образцы чистосердечия» и «Ответ „Русскому вестнику“». В первой из них он выразил веру в возможности высокого нравственного и эстетического развития женщины, особенно в будущем, когда «установится общество» и нормы человеческих взаимоотношений. Во второй статье, полемизируя с реакционной прессой и защищая Жорж Занд от обвинений в том, что она требует уничтожения брака и поощряет разврат, Достоевский писал: «...для нас вся эмансипация сводится к христианскому человеколюбию, к просвещению себя во имя любви друг к другу...» Он считал, что в развитом, нормальном обществе, которое «ближе подойдет к идеалу гуманности», отношения к женщине определятся «сами собою безо всяких предварительных проектов и утопий», хотя и не отрицал необходимости заниматься вопросом о более человеколюбивых отношениях к женщине, «даже устраивать эти отношения в теории». Если Чернышевский и его единомышленники, разоблачая нравственную несостоятельность старого мира, руководствовались принципом «разумного эгоизма», то Достоевский отстаивал христианский тезис о добровольном самопожертвовании как основе любви.

Возражения Достоевского вызвали опубликованные в «Современнике» (1863, № 8) очерки Щедрина «Как кому угодно», в заключительной части которых говорилось о необходимости ликвидации фальшивых семейных отношений, общественно-трудовом воспитании детей, установлении нового гармонического строя, основанного на согласованности между склонностями человека и выполняемой им работой, и о свободном удовлетворении страстей. По выходе очерков Щедрина в свет на них сразу же откликнулся критически в «Библиотеке для чтения» Н. Н. Страхов. В статье «Новый поборник нравственности» (подписанной псевдонимом «Н. Нелишко») Страхов охарактеризовал эти идеи Щедрина как искажение знаменитой теории страстей Фурье (*БдЧт*, 1863, № 9, стр. 102). В записной книжке Достоевского 1863—1864 гг. содержится заметка, свидетельствующая о его намерении полемизировать с очерками «Как кому угодно» с целью доказать, что «нигилизм г-ну Щедрину не дается», и с обращенным к нему советом «писать по-прежнему повести, не заботясь о нравоучениях к ним...» Выпад против автора «Как кому угодно» содержится и в первой части «Записок из подполья», печатавшейся в январе — феврале 1864 г. в «Эпохе». А в конце года Достоевский поместил в «Эпохе» статью Н. И. Соловьева «Женщинам», где вопросам о насущном изменении общественного положения женщины, ее праву на участие в профессиональной деятельности противопоставляются, как первоочередные, этические проблемы. Оспаривал Соловьев и ответ, данный Чернышевским на эти вопросы в романе «Что делать?», где, по мнению критика «Эпохи», «безграничная свобода любви 〈...〉 поставлена условием женского труда». Критик утверждал, что в таких «особенных случаях», которые составляют любовную коллизию романа, «чувство долга 〈...〉 заставляет вполне гуманного человека быть как можно осторожнее и решаться на разрыв не легкомысленно. Чувство долга 〈...〉 не призрак 〈...〉 а нравственно-этическая потребность к благородным поступкам» (*Э*, 1864, № 12, стр. 21—22).

В начале следующего 1865 г. в «Эпохе» была напечатана новая статья Н. И. Соловьева «Дети» Здесь, не отрицая способности и права женщины

заниматься наукой, Соловьев утверждал, что главная ее роль — преимущественно воспитательная не только в частном, но и в широком социальном смысле этого слова (*Э*, 1865, № 1, стр. 22—23). В наброске «Офицер и нигилистка» Достоевский намеревался продолжить начатую на страницах журнала полемику, но работа над фельетоном не была доведена им до конца, а вскоре прекратилось издание «Эпохи».

О своем замысле Достоевский вспомнил вновь во второй половине 1873-го или в начале 1874 г., в пору участия в «Гражданине». В те годы в связи с открытием высших женских курсов в Петербурге и Москве вновь возрос интерес к женскому вопросу. Под редакцией Г. Е. Благосветлова с 1866 г. начал выходить журнал «Дело», продолжавший традиции «Русского слова» и также популяризировавший труды по естествознанию и физиологии Т.-Г. Гексли, Я. Молешотта, М. Фарадея, Д. Тиндаля, А. Баркера и др. О Ч. Дарвине и его учении в конце 60-х — начале 70-х годов в «Деле» неоднократно писал известный публицист В. О. Португалов. Журнал часто помещал и «хронику женского дела» — тема, которая получила специальное развитие в статьях Благосветлова «На что нам нужны женщины?» (*Д*, 1869, № 7), «Женский труд и вознаграждение его» (*Д*, 1870, № 2), в серии статей С. С. Шашкова «Исторические судьбы женщины» (*Д*, 1869, № 9—12, 1871, № 1—4), в работе А. П. Щапова «Положение женщины в России по допетровскому воззрению» (*Д*, 1873, №№ 4, 6) и т. д. «Гражданин» вступил в полемику с демократической журналистикой по этим вопросам еще до прихода в него Достоевского. В статьях В. П. Мещерского (*Гр*, 1872, №№ 9, 10 и 31) отстаивался тезис о том, что «женщина призвана быть второю, нераздельною от мужчины, половиною человека, в неразрывном с ним единении осуществляющею свое назначение в обществе: рождать и воспитывать детей» (*Гр*, 1872, № 31, 4 декабря, стр. 449—450). Позиция Достоевского, судя по «Двум заметкам редактора» в № 27 «Гражданина» за 1873 г., предисловию к статье Л. Ю. Кохновой и корреспонденции «Наши студентки» в №№ 13 и 22 «Гражданина» за тот же год, была иной. В первой из названных заметок по крайней мере отстаивается тезис, согласно которому «всеобщее образование женщины внесет новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества» (*Гр*, 1873, № 27, 2 июля, стр. 762).

Новая редакция фельетона возникла в середине 1873 г. и предназначалась для «Последней странички» «Гражданина», но не появилась в ней. «Последняя страничка» — заключительный раздел «Гражданина» с отдельными юмористическими заметками, сценками, зарисовками — появилась в журнале с № 37 от 10 сентября 1873 г. Редакторство Достоевского в «Гражданине», непосредственное его участие в составлении «Последней странички» продолжалось до 20 апреля 1874 г. Кампания против защитников прав женщин открылась здесь статьями Мещерского. В № 33 «Гражданина» (от 13 августа 1873 г.) под названием «Ученое скоморошество» был помещен отзыв Евгения Белова на статьи А. Щапова в «Отечественных записках» (за февраль, март и июль того же года), в которых, по словам рецензента, «положение русской женщины» поставлено «в исключительную зависимость от миросозерцания и развития естественных наук в русском обществе» (стр. 907). В дальнейшем в разделе «Последняя страничка» фигурирует то комическая картина семейного счастья, где действуют мать, читающая Дарвина, дочь, режущая лягушек, и отец, чистящий картофель (*Гр*, 1873, № 39, 24 сентября), то гиперболизированное описание костюма петербургских нигилисток (*Гр*, 1874, № 2, 2 января). «Последняя страничка» в № 40 от 1 октября 1873 г. включает сцену с натуры, озаглавленную «В вагоне конно-железной дороги» и воспроизводящую диалог между юнкером и девушкой, обучающейся в Медико-хирургической академии. Скорее всего она принадлежит В. П. Мещерскому (в ней можно отметить совпадения с его статьями). Фельетон же Достоевского в «Последней страничке» так и не появился.

Стр. 16. *Нигилистка объясняется ∞ вполне по Дарвину.* — В № 29 «Гражданина» от 6 июля 1873 г. была опубликована рецензия Н. Н. Страхова

на третье издание русского перевода книги Ч. Дарвина «О происхождении видов». Отмечая, что труд Дарвина читается «не только специалистами, а массою публики, людьми, питающими притязание на образованность и просвещение», автор подчеркивает, что непонимание теории Дарвина его последователями приводит к извращению мысли ученого, она получает «самый превратный смысл» и в таком виде широко распространяется среди «простодушных читателей». Страхов считал, что последователи Дарвина провозгласили механический взгляд на природу, в то время как сам Дарвин его не придерживался, «а только попытался свести чудесное устройство организмов на *случайное приспособление*» (стр. 810—811). Позднее, в черновых планах к «Братьям Карамазовым» Достоевский сопоставит отношение к учению Дарвина и к богу, рассматривая то и другое как предмет веры (см.: наст. изд., т. XV, стр. 307).

С т р. 17. ... *один лишь Носов, //Поручик «Сына» получал //Но о вопросах «Сын» молчал...* — «Сын отечества» — журнал политический, ученый и литературный, умеренно-либерального направления, издававшийся в Петербурге в 1856—1861 гг. А. В. Старчевским.

С т р. 19—20. *Стыдись! долгов ненужных бремя* ∾ *есть ли тетки у ежа?* — В этой строфе ощущается некоторое пародирование Достоевским первого объяснения Онегина с Татьяной (Пушкин. «Евгений Онегин», гл. 4, ст. XIII—XVI). Как указывалось выше, в черновиках рассказа «Крокодил» имеется запись: «Если у гусей нет теток, стало быть, тетки — предрассудок» (наст. изд., т. V, стр. 327 и 396).

С т р. 20. *Вы нас учили рукодельям* ∾ *каждый год детей рождать.* — Ср. с «Евгением Онегиным» Пушкина: «Мы все учились понемногу...» (гл. 1, ст.V).

С т р. 20. *И ретроградно, от безделья, // Вам каждый год детей рождать.* — Г. Е. Благосветлов писал в 1869 г. в статье «На что нам нужны женщины?»: «...кто, кроме идиота, решится в наше время утверждать, что всё земное назначение женщины в том, чтобы родить детей и быть в вечном и безусловном повиновении у своего деспота» (*Д*, 1869, № 7, отд. II, стр. 3).

С т р. 20. *Не верю я всем этим штукам* ∾ *поверь!* — Этот отрывок ассоциативно связан со стихотворением Пушкина «Демон» (1823) («Не верил он любви, свободе...»).

С т р. 20. *Он дом купил и про квартиры // Статью лихую накатал.* — В записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский несколько раз возвращается к теме покупки Благосветловым «на свой либерализм» дома в Петербурге на углу Надеждинской и Манежной. В «Офицере и нигилистке» автор иронически соотносил этот факт со статьей «Квартирный вопрос на Западе и у нас», опубликованной в «Деле» (1873, №№ 5, 7—8) и подписанной псевдонимом «Н. Н.». О Благосветлове см.: Л. Е. В а р у с т и н. Журнал «Русское слово». 1859—1866. Изд. ЛГУ, Л., 1966, стр. 193—194; Ф. К у з н е ц о в. Журнальный эксплуататор или революционный демократ (Г. Е. Благосветлов). *РЛ*, 1960, № 3, стр. 60—83.

С т р. 23. *...останавливают его столбом на месте и красного, подобно воротнику.* — Стоячий красный воротник был принадлежностью мундира полицейских чинов: станового пристава, околоточного надзирателя и городового унтер-офицера (см.: Русский костюм. 1850—1870. Выпуск третий. Под ред. В. Рындина. Изд. ВТО, М., 1963, стр. 78—80).

С т р. 23. *...показывается тень как бы Андрея Краевского.* — Возможно, что «тень Краевского» возникла здесь как сатирический символ «гласности». Взаимоотношения Достоевского с Краевским подробно рассмотрены В. В. Виноградовым. Отмечая глубокую личную неприязнь писателя к А. А. Краевскому как литератору-«дельцу» и эксплуататору, он подчеркивает, что эта неприязнь осложнялась несочувствием Достоевского направлению «Голоса» (*Достоевский и его время*, стр. 17—32). В выпаде против Краевского можно усмотреть также перекличку с опубликованной в № 2 «Гражданина» за 1873 г. заметкой за подписью «Оптимист», высмеивающей юбилейное торжество по поводу десятилетия деятельности А. А. Краевского как редактора.

Стр. 29. *Гоф-фурьер* — один из чинов придворной службы; гоф-фурьерам обычно поручалось заведование дворцовой прислугой.

Стр. 30. *Служа при Бантыше-Каменском, // Средь деревенской простоты...* — Д. Н. Бантыш-Каменский (1788—1850) — автор «Истории Малой России...» (1822), «Словаря достопамятных людей Русской земли» (1836), «Биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (1840—1841) и т. д. С 1825 по 1834 г. был губернатором в Тобольске. Его записки об этом времени под заглавием «Шемякин суд в XIX столетии, или Ревизия Тобольской губернии» были опубликованы в «Русской старине» (1873, т. 7, № 6, стр. 735—784). О них сын мемуариста В. Д. Бантыш-Каменский писал: «...историк наш записывал только факты, — факты возмутительные, действительно напоминающие времена Шемяки и княжение Темного, вместе с которым и вся святая Русь была погружена в непроглядную тьму невежества, под гнетом самодурства и произвола...» (там же, стр. 737). Вероятно, на эти факты и намекал Достоевский. С 1836 по 1838 г. Бантыш-Каменский был губернатором Виленской губернии, состоял членом совета министерства внутренних дел и департамента уделов.

Стр. 31. *Я жить хочу по убежденьям, // Хочу учиться и свистать.* — Черновой вариант этих двух стихов: Что лучше жить по убежденьям, // Своих детей не воспитать.

Достоевский наделил «нигилистку» желанием «учиться и свистать», т. е., согласно с употреблением этого выражения в его публицистике 1863—1864 гг., пробовать свои силы в прессе в ряду «дешевых обличителей» (см. его статью «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов»). Это соответствует более раннему наброску, где «нигилистка» ждет «гонорария» из газеты «Волос» (т. е. из «Голоса» Краевского — см. выше, стр. 29).

Стр. 31. *И в парламенте заседать.* — Намек на следующие слова Г. Е. Благосветлова: «Представительные системы — даже лучшая из них американская — лишают их (женщин, — *ред.*) права голоса; всякий полуидиот может быть членом парламента, и ни одна гениальная женщина не может быть им» (см. упомянутую выше статью Г. Е. Благосветлова — *Д*, 1869, № 7, отд. II, стр. 7).

⟨ОПИСЫВАТЬ ВСЁ СПЛОШЬ ОДНИХ ПОПОВ ...⟩

(Стр. 23)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста́. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 13, с. 68; см.: *Описание*, стр. 129. Опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 347.

Эпиграмма на Н. С. Лескова, роман которого «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых (из записок княжны В. Д. П.)» печатался в 1874 г. в журнале «Русский вестник» (№№ 7, 8 и 10) и вышел отдельным изданием в 1875 г., написана, судя по третьей ее строке («Теперь ты пишешь в захудалом роде»), скорее всего в пору журнальной публикации этого романа. Эпиграмма продолжает полемику Достоевского с Лесковым, возникшую в 1873 г., когда Достоевский поместил в «Гражданине» (апрель, №№ 15—16) рассказ Недолина «Дьячок», о котором в газете «Русский мир» (№ 103) появился резко отрицательный отзыв Лескова в заметке «Холостые понятия о женатом монахе» (подпись: «Свящ. П. Касторский»). Отвечая на эту заметку в X главе «Дневника писателя» за 1873 г., озаглавленной «Ряженый», Достоевский правильно угадал, что автором «Холостых понятий о женатом монахе» (и более ранней заметки «О певческой ливрее», также помещенной в «Русском мире», № 87 под псевдонимом «Псаломщик») был Лесков. В упомянутых заметках Лескова Достоевский — в первой в качестве автора статьи о художественной выставке, во второй — как редактор рассказа Недолина — обвинялся в незнании церковного быта и установлений. Доказывая необоснованность этих упреков, Достоевский иронизирует над «священником

Касторским» и утверждает, что, по мнению его, описание быта духовенства есть «нива», «угол», «доходная статья» лишь патентованных писателей, в частности «г-на Лескова».

Как и полемика 1873 г., эпиграмма на Лескова — свидетельство различия творческих методов Достоевского и Лескова, остро осознанного обоими писателями в конце 1860-х—начале 1870-х годов. Еще в 1869 г. Лесков в рецензии на роман Достоевского «Идиот», опубликованной анонимно в «Вечерней газете» (№ 1), отметил глубину психологического анализа, оценив ее как «внутреннее достоинство» романа, но в то же время в целом расценил его как «явление странное», а героев, представленных в крайних проявлениях их душевной жизни, как «лиц ненормальных».[1] Достоевский, напротив, в главе из «Дневника писателя», в которой он оспаривал возражения Лескова, подчеркивал, что «для повествователя, для поэта могут быть и другие задачи, кроме бытовой стороны; есть общие, вечные и, кажется, во веки неисследимые глубины духа и характера человеческого». И далее, излагая свое понимание литературного типа, Достоевский (явно имея в виду Лескова) писал о «современном» художнике, «дающем типы и отмежевывающем себе какую-нибудь в литературе специальность (ну, выставлять купцов, мужиков и проч.)...» У него «духовное лицо», «купец али солдат» говорят по подслушанному и записанному в тетрадке одними характерными словечками, «*эссенциями*, т. е. как никогда ни один купец и ни один солдат не говорит в натуре».

Роман Н. С. Лескова «Захудалый род», законченный в 1873 г., был посвящен теме оскудения дворянства, к которой писатель обратился после произведений, изображающих жизнь духовенства. Роман этот должен был привлечь особое внимание Достоевского в связи с тем, что и тема, и форма его («записки») в какой-то мере перекликались с темой и формой изложения романа «Подросток», который Достоевский обдумывал и к работе над которым приступил в 1874 г. Критических отзывов на роман не появилось, но сам писатель в письме к А. С. Суворину от 11 февраля 1888 г. назвал его своей «любимой вещью», хотя она была «не замечена и публикой прочитана мало» (Н. С. Лесков. Собрание сочинений, т. 11. Гослитиздат, М., 1958, стр. 366). Для второго издания 1890 г. (в составе собрания его сочинений) Лесков значительно переработал этот роман и дописал заключительную, шестнадцатую главу второй части, в которой коротко рассказал о последующей судьбе героев. О творческих взаимоотношениях Достоевского и Лескова см.: В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, М., 1961, стр. 487—556; Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 87—138 (здесь на стр. 125—131 см. параллель между романами «Захудалый род» и «Подросток». Ср. также «заметки» Н. С. Лескова «О куфельном мужике и проч.», содержащие воспоминания о Достоевском и полемику с ним. — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, т. 11. Гослитиздат, М., 1958, стр. 134—156). Ср. выше, стр. 398.

⟨КРАХ КОНТОРЫ БАЙМАКОВА...⟩

(Стр. 23, 33)

Печатается по черновому автографу.

Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1, 16, с. 278; см.: *Описание*, стр. 130.

Первоначальная редакция (см. выше, стр. 33) печатается по черновому автографу: *ИРЛИ*, ф. 100, 29444. ССХб. 2.

Опубликовано: оконч. ред. — *ЛН*, т. 83, стр. 629; первонач. ред. —*Д, Материалы и исследования*, стр. 95.

---

[1] См.: И. В. Столярова. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова (Н. С. Лесков о Ф. М. Достоевском). «Ученые записки Ленинградского университета», № 339. Серия филологических наук, вып. 72, Л., 1968, стр. 224—229.

Оба варианта этого стихотворного наброска датируются декабрем 1876 г. Поводом к их написанию послужило банкротство двух петербургских банкирских контор — Баймакова и Лури, происшедшее в конце 1876 г.; в частности, о несостоятельности «Товарищества на вере Ф. П. Баймаков и К°» сообщалось в «Биржевых ведомостях» от 4 декабря 1876 г. (№ 335). В той же тетради, в которую занесен второй вариант стихов, содержится непосредственный отклик Достоевского на указанное событие, помеченный 5 декабря: «По поводу банкротства Баймакова. Уж одно то, сколько можно сделать прелестнейших банкрутств и всё свалить на правительство: „вот, дескать, объявило войну, бумаги упали, вот я и банкрут"». О прожектерстве Ф. П. Баймакова (1831—1907), бывшего в 1875—1877 гг. арендатором «С.-Петербургских ведомостей», писал в декабре 1876 г. во «Внутреннем обозрении» «Отечественных записок» и Г. З. Елисеев, отмечая, что Баймаков, не имея «никаких собственных капиталов», «спокойно и светло смотрел в будущее, не верил возможности своего крушения», ибо «не допускал и мысли, чтобы правительство могло попустить рушиться его учреждению» и «смотрел на себя ⟨...⟩ не как на биржевого афериста, спекулянта и игрока, а как на благодетеля для людей с маленькими капиталами» (*ОЗ*, 1876, № 12, стр. 256).

Как «знаменья времени» наряду с «крахом» Баймакова и Лури в стихах упоминается увлечение спиритизмом, которое охватило широкие круги русского общества в середине 1870-х годов и было подкреплено авторитетами профессоров Петербургского университета — зоолога Н. П. Вагнера и известного химика А. М. Бутлерова. В январском, мартовском и апрельском выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский уделил внимание спиритизму. Успех спиритизма автор «Дневника» объяснял тем, что в силу охватившего русское общество «беспокойства», «метаний», «искания» нравственной опоры, «каждая самая беспутная даже идейка, если только в ней предчувствуется хоть малейшая надежда что-нибудь разрешить, может надеяться на несомненный успех».

В стихах упомянуты полемические статьи Н. Н. Страхова, опубликованные под общим названием «Три письма о спиритизме» в №№ 41—42, 43 и 44 «Гражданина» за 1876 г. от 15, 22 и 29 ноября (перепечатаны в его книге: Н. Страхов. О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887).

Стр. 23. *...о всеобщем ерундизме.* — Н. Н. Страхов в «Письме первом» — «Идолы» писал: «Люди вообще живут легкомысленно, без больших запросов и отчетов; но то легкомыслие, с которым относятся к спиритизму, выходит из ряда вон, превышает обыкновенную меру, и потому его можно выводить из свойств самого спиритизма» (*Гр*, 1876, № 41—42, стр. 981).

Стр. 23. *...и о гривенниках лишних.* — В третьем письме — «Границы возможного» Страхов сравнивал спиритический сеанс с «экспериментом» с кучкой гривенников, разбитой на две в 11 и 19 монет. «Смотрите, — писал Страхов, — я их смешиваю в одну кучку и считаю, сколько вышло. Вы думаете, конечно, тридцать; оказывается, 31, т. е. один гривенник лишний». Далее он приводил еще несколько образцов подобных экспериментов с гривенниками, остроумно заключая: «Я могу сослаться на множество причин и могу дать моим опытам большое разнообразие. Например, я устрою у себя музыку и стану наблюдать, как будут складываться и разделяться гривенники под эту музыку...» (*Гр*, 1876, № 44, стр. 1057).

⟨ДОРОГО СТОЯТ ДЕТИШКИ ...⟩

(Стр. 24)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1, 16, с. 280.
Опубликовано: *Описание*, стр. 267.

Шуточное стихотворение, обращенное к жене писателя А. Г. Достоевской. Датируется 1876—1877 гг., так как находится в тетради с записями к «Дневнику писателя» за эти годы.

⟨НЕ РАЗБОЙНИЧАЙ, ФЕДУЛ ...⟩

(Стр. 24)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, 29444 ССХб. 2, с. 4; см.: *Описание*, стр. 267. Опубликовано: *Д*, *Материалы и исследования*, стр. 376.

Шуточные стихи, обращены к сыну, дочери и жене, записаны на обороте второго листа почтовой бумаги. На первой странице того же листа — записи, связанные с романом «Братья Карамазовы» и предназначавшиеся для письма от 2 декабря 1879 г. к издателю «Русского вестника». Этим временем, вероятно, следует датировать и данные стихи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И ЭКСПРОМТЫ,

сочиненные Ф. М. Достоевским совместно с А. Г. Достоевской

(Стр. 25)

Стихи, сочиненные Достоевским совместно с его женой во время их заграничной жизни в 1867—1869 гг., дошли до нас в составе тетради с дневником А. Г. Достоевской 1867 г. (*ГБЛ*, 98. III. 5. 15а), на последних — свободных — страницах которого, вслед за основным текстом дневника, они записаны ее рукой. Стихи, занесенные А. Г. Достоевской в указанную тетрадь обычным шрифтом, печатаются по рукописи: *ГБЛ*, 98. III. 5. 15а. Стихи, записанные А. Г. Достоевской стенографически, — по расшифровке стенографических записей, выполненной по поручению Отдела рукописей *ГБЛ* Ц. М. Пошеманской, — *ГБЛ*, 98. III. 5. 15г. Указание на источник текста для каждого стихотворения см. ниже в комментариях к ним.

Опубликованы С. В. Житомирской: *ЛН*, т. 86, стр. 207 (факсимиле); 211—212; 281—282.

В собрание сочинений включаются впервые.

Что данные стихи (по крайней мере, большая часть их) представляют продукт совместного творчества Достоевского и его жены, видно из текста указанного дневника А. Г. Достоевской, где под 11 октября (29 сентября) 1867 г. (л. 98, 99) ею рассказывается о сочинении ими вместе в этот день в Женеве шуточной поэмы (пьесы в стихах) «Абракадабра» и здесь же, в самом дневнике, приводится ее первоначальная краткая редакция (см. выше, стр. 33), общими усилиями досочиненная ими в тот же вечер (более пространный текст ее с рядом вариантов записан А. Г. Достоевской далее, уже в 1868 г., после основного текста дневника, на л. 122, 122 об.). Вот что пишет А. Г. Достоевская: «Федя был сегодня очень весел, и мы всё сочиняли „Абракадабра“ (следует текст поэмы, —*ред.*). И в этом роде еще много стихов ⟨...⟩ Когда мы легли уж спать, я думала, что он заснул, он думал, что я сплю, вдруг я ему сказала, что вот я присочинила еще стих, а он в ответ сказал мне другой. Нам сделалось ужасно смешно, как мы вместо того, чтобы спать, занимаемся сочинением глупых стихов. Федя все эти стихи поет на один голос, который сам же сочинил» (*ЛН*, т. 86, стр. 212). Вероятно, остальные стихи и экспромты данного раздела возникли примерно таким же образом, хотя несколько позднее — в 1868—1869 гг.

БАСНЯ
ДЫМ И КОМОК

(Стр. 25)

Источник текста: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 121 об. (рукой А. Г. Достоевской).

Датировано А. Г. Достоевской: «12 июля ⟨18⟩ 68 г, Vevey» ⟨Веве⟩.

⟨АБРАКАДАБРА⟩

(Стр. 25, 33)

Источники текста: 1) *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 122, 122 об. (вторая редакция); 2) там же, л. 98—99 (первая редакция; обе — рукой А. Г. Достоевской).

О времени и обстоятельствах сочинения первой редакции этой шуточной пьесы см. выше, стр. 455. Вторая (пространная) редакция занесена А. Г. Достоевской в тетрадь непосредственно после басни «Дым и Комок», скорее всего в июле-августе 1868 г., до отъезда Достоевских из Веве в Женеву (начало сентября).

⟨ВСЯ В СЛЕЗАХ НЕГОДОВАНЬЯ ...⟩

(Стр. 28)

Источник текста: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 123 об. (рукою А. Г. Достоевской). Варианты — там же (стенографическая запись) — л. 123; расшифровка Ц. М. Пошеманской: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15г, с. 330.

На поле л. 123 об. А. Г. Достоевской помечено: «Милан», что позволяет датировать оба варианта экспромта сентябрем—октябрем 1868 г. Вероятно, мы имеем дело в данном случае с первой строкой, сочиненной сообща, и с двумя шутливыми продолжениями — от имени мужа (основной текст) и от имени жены (варианты). В таком случае стихи, печатаемые в основнóм тексте, принадлежат Ф. М. Достоевскому, а варианты под строкой — его жене. В том же дневнике А. Г. Достоевской встречаются записи шуток ее мужа: «До рожи — дороже» (л. 99); «Ты для меня всего дороже. — Дороже до рожи» (л. 123 об.).

⟨Я ПРОСИЛ ЖЕНУ ПРО МЫЛО ...⟩

(Стр. 28)

Источники текста: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 123, 123 об. (в обоих случаях стенографическая запись); там же, 15г, с. 330 (расшифровка Ц. М. Пошеманской).

Справа А. Г. Достоевской на л. 123 об. помечено: «Женева». Следовательно, экспромт, вероятно, сочинен осенью 1867 г. или зимой 1867/1868 г. — до отъезда Достоевских в Веве (май) — и лишь записан в тетради одновременно с предыдущим. Однако наличие на двух соседних страницах тетради двух записей текста, отличных друг от друга, свидетельствует, что при внесении в тетрадь экспромт досочинялся А. Г. Достоевской (или текст его уточнялся ею по памяти).

⟨ДВА ГОДА МЫ БЕДНО́ ЖИВЕМ ...⟩

(Стр. 28)

Источник текста: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 123 (рукою А. Г. Достоевской).

Датируется по содержанию приблизительно февралем—апрелем 1869 г., так как Достоевские обвенчались в феврале и выехали за границу в апреле 1867 г. Скорее всего экспромт сочинен между 10 и 20 марта н. ст. 1869 г. Именно в это время — 26 февраля (10) марта 1869 г. — Достоевский писал Страхову: «Я выехал скоро два года назад из России, уже будучи должен Каткову 3000 рублей, и не по старому расчету с „Преступлением и наказанием“, а по новому забору. С той поры я забрал еще у Каткова до трех тысяч пятисот рублей. Сотрудником Каткова я остаюсь и теперь, но вряд ли дам в „Русский вестник“ что-нибудь в этом году ⟨...⟩ Конечно, „Русский вестник“ будет присылать мне деньги и в этом году, хотя я и остался там несколько должен ⟨...⟩ В настоящую минуту я еще не получил от Каткова денег, нуждаюсь чрезвычайно⟨...⟩» В письме же к С. А. Ивановой от 8 (20) марта Достоевский упоминает о получении денег от Каткова.

С т р. 28. «*Неудавшаяся повесть*». — Скорее всего, речь идет о романе «Идиот», печатавшемся в 1868 г. в «Русском вестнике» (об истории его печатания и о расчетах Достоевского с Катковым см.: наст. изд., т. IX, стр. 357, 360; письма Достоевского за первую половину 1869 г.). Но не исключено, что под «неудавшейся повестью» имеется в виду и новый роман, который Достоевский обещал дать редакции «Русского вестника» после окончания «Идиота» (см. примеч. к следующему экспромту).

⟨ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ, БРАТ, СОВЕСТЬ ...⟩

(Стр. 28)

Источник текста: *ГБЛ*. 98. III. 5. 15а, л. 123 (рукою А. Г. Достоевской).

Датируется, как и предыдущий экспромт, временем между 10 и 20 марта н. ст. 1869 г., так как в письме к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский в ответ на предложение Страхова обещал повесть для славянофильского журнала «Заря» (см. об этом: наст. изд., т. IX, стр. 492), а около 8 (20) марта получил деньги из «Русского вестника» в счет окончательного расчета за роман «Идиот» и в то же время в качестве аванса за новый роман, который он обещал Каткову в конце 1868 г. и который предполагал в то время начать печатать в «Русском вестнике» с 1870 г. (см. об этом письма Достоевского к С. А. Ивановой от 8/20 марта и к Н. Н. Страхову от 18/30 марта 1869 г. О дальнейшей судьбе замысла романа для «Русского вестника» см.: наст. изд., т. IX, стр. 500; т. XII, стр. 161—162). В конце концов вместо обещанной «повести» для «Зари» был написан рассказ «Вечный муж» (1870), а для «Русского вестника» — роман «Бесы» (1871—1872).

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

(Том III, стр. 305—314)

Варианты наборной рукописи главы II третьей части.

Печатается по микрофильму с части наборной рукописи, по которой роман печатался в журнале «Время». Ныне этот отрывок находится в Великобритании, в Лондоне, в составе рукописного собрания, принадлежавшего в прошлом австрийскому писателю Стефану Цвейгу (1881—1942) и перешед-

шего после смерти Цвейга к его наследникам. Микрофильм предоставлен Главной редакции Полного собрания сочинений профессором университета Клагенфурт (Австрия) Р. Нойхойзером, который разыскал автограф в 1974 г. вновь, после того как он в течение долгого времени считался утраченным.

Впервые опубликовано Р. Нойхойзером в «Венском славистическом ежегоднике» за 1975 г. («Wiener Slawistisches Jahrbuch», 1975, Bd. XXI, S. 158—172). Факсимиле третьего листа рукописи см. в книге: F. M. Dostojewski. Sämtliche Romane und Novellen. Erster Band. Arme Leute. Leipzig: Jnsel — Verlag, 1921. Einleitung von Stefan Zweig.

В журнальном тексте романа разбивка на части и главы была иная, чем в окончательном (см. об этом: наст. изд., т. III, стр. 520). Соответственно глава, к которой относятся печатаемые варианты, была обозначена не в качестве главы II третьей части, но в качестве главы VI второй части.

Сопоставление текста наборной рукописи данной главы с журнальным текстом показывает, что авторская правка продолжалась в не дошедшей до нас корректуре (гранках). Это видно из того, что в вариантах: стр. 306, строка 45, стр. 311, строка 46 и стр. 314, строки 25—26 текст во «Времени» расходится с данной рукописью и совпадает с окончательным.

В собрании сочинений варианты данной рукописи печатаются впервые.

О коллекции рукописей С. Цвейга и ее судьбе см.: И. С. Зильберштейн. Неизвестные страницы Достоевского. *ЛН*, т. 86, стр. 139—140. С. Цвейг 29 августа 1923 г. в письме к А. М. Горькому сообщал, что «Достоевский представлен в его собрании двумя главами из „Униженных и оскорбленных», а в 1930 г. писал в венском журнале «Philobiblon», что он является обладателем автографа трех глав из романа (Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами — Архив Горького, т. VIII, 1960, стр. 11; S. Zweig. Meine Autographen-Sammlung — «Philobiblon». «Zeitschrift fur Bücherliebhaber», 1930, 7, S. 279—289; *ЛН*, т. 86, стр. 151). Но в архиве Цвейга обнаружена рукопись лишь одной главы романа — по-видимому, единственная, которая находилась в составе его коллекции.

Описание рукописи в картотеке Цвейга составлено, без сомнения, им самим, но писано рукою дочери его второй жены, — по предположению теперешних владельцев рукописи, в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Текст описания в русском переводе гласит: «Федор Михайлович Достоевский. 1829*—1881. *Описание*: Автограф. $8\frac{1}{2}$ стр. кварто. *Содержание*. Вторая глава третьей части его романа „Униженные и оскорбленные“. В данной рукописи она обозначена в качестве главы шестой (и, кроме того, содержит другие отклонения от печатного текста), что, вероятно, связано с появлением в его журнале в качестве фельетона.

По моим сведениям, это — первый известный нам автограф художественного произведения Достоевского; все свои последующие книги он диктовал своей второй жене, и эти рукописи находятся в Музее Достоевского в Москве.

Примечание. Несомненно, единственная рукопись Достоевского за пределами России. Куплена через посредство Мартина Бреслауера 13 сентября 1912 г.».

Возможно предположить, что рукопись была вывезена из Петербурга в Вену в 1898 г. австрийской исследовательницей творчества Достоевского Н. Гофман, получившей ее во время своего приезда в Россию в дар от А. Г. Достоевской либо купившей ее у вдовы или кого-то другого из близких родственников писателя (см. о Н. Гофман: *Бельчиков*, стр. 197—199; *ЛН*, т. 86, стр. 689—692).

Редакция приносит проф. Р. Нойхойзеру благодарность за любезное предоставление ей микрофильма с найденного им автографа.

---

* Так в рукописи вместо 1821.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Агитационная литература русских революционных народников — Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Изд. «Наука», Л., 1970.
Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
Бахтин — М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. Изд. «Художественная литература», М., 1972.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Бем, Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского — А. Бем. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. «Slavia», 1929, т. 8, ч. 1, стр. 82—100; ч. 2, стр. 297—311.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.,. 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевских. 1506—1933. Изд. «Север», М., 1933.
Вр — «Время» (журнал).
Г — «Голос» (газета).

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в перечне источников текста.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1954—1966.

Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.

Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Изд. «Музыка», Л., 1971.

Гр — «Гражданин» (журнал).

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М.Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.

Гус — М. Гус. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. Изд. 2-е, доп. Изд. «Художественная литература», М., 1971.

Д — «Дело» (журнал).

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1955.

Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.

Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963.

Достоевская, А. Г., Воспоминания. — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Дневник — А. Г. Достоевская. Дневник. 1867. Изд. «Новая Москва», М., 1923.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Перевод с немецкого Л. Я. Круковской. Под редакцией и с предисл. А. Г. Горнфельда. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971 (Институт русской литературы АН СССР).

Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Изд. «Сов. писатель», М., 1971.

Достоевский — художник и мыслитель. — Достоевский — художник и мыслитель. Изд. «Художественная литература», М., 1972 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

ДП — «Дневник писателя».

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Дурылин — С. Дурылин. Об одном символе у Достоевского. В кн.: Достоевский. ГАХН, М., 1928, стр. 178—192.

З — «Заря» (журнал).

Звенья — «Звенья». Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. Изд. «Academia» — Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

К — «Космос» (журнал).

Кирпотин, Достоевский — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. Изд. «Художественная литература», М., 1966.

Кирпотин, Роман Достоевского «Подросток» — В. Я. Кирпотин. Роман Достоевского «Подросток». В кн.: Ф. М. Достоевский. Подросток. Гослитиздат, М., 1961, стр. 583—609.

Комарович, Генезис романа «Подросток» — В. Л. Комарович. Генезис романа «Подросток». В кн.: Литературная мысль. Альманах, кн. 3. Изд. «Мысль», Л., 1925, стр. 366—386.

Комарович, Достоевский и Гейне — В. Комарович. Достоевский и Гейне. «Современный мир», 1916, № 10, стр. 97—107.

Комарович, «Египетские ночи» — В. Л. Комарович. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXIX—XXX. Пгр., 1918, стр. 36—48.

Комарович, «Мировая гармония» Достоевского — В. Л. Комарович. «Мировая гармония» Достоевского. «Атеней», 1924, кн. 1—2, стр. 112—142.
Комарович, Юность Достоевского — В. Л. Комарович. Юность Достоевского. «Былое», 1924, № 23, стр. 3—43.
Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. 1—8. Изд. «Юридическая литература», М., 1967—1968.
Кункль — А. А. Кункль. Долгушинцы. М., 1931.
ЛГ — «Литературная газета» (газета).
Лермонтов — М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, тт. 1—6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954—1956.
Лесков — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, тт. I—XI. Гослитиздат, М., 1956—1958.
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1930—1973. Издание продолжается.
Материалы и исследования. — Достоевский. Материалы и исследования, 1. Изд. «Наука», Л., 1974.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Михайловский — Н. К. Михайловский. Сочинения, тт. 1—6. СПб., 1896—1897.
Михневич — Вл. Михневич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева — Из литературы о Достоевском. Поездка в Даровое. «Новый мир», 1926, № 3, стр. 138—140.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. Изд. «Наука», М., 1975.
О Достоевском — О Достоевском. Сб. статей, вып. I—III. Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933, 1936.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
Рейнус — Л. М. Рейнус. Достоевский в Старой Руссе. Лениздат, 1969.
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
Розенблюм — Л. М. Розенблюм. Творческая лаборатория Достоевского-романиста. *ЛН*, т. 77, стр. 7—56.
РС — «Русская старина» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
Руссо. Исповедь. — Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения в трех томах, т. 3. Гослитиздат, М., 1961.
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XVIII. Изд. «Художественная литература», М., 1965—1976 (издание продолжается).
Семенов — Е. И. Семенов. У истоков романа «Подросток». *РЛ*, 1973, № 3, стр. 107—116.
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пб., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.
Скафтымов — А. П. Скафтымов. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского. «Slavia», 1929, т. VIII, вып. 1, стр. 101—117; вып. 2, стр. 312—334.

СП — «Северная пчела» (газета).

СПбВед — «Санктпетербургские ведомости» (газета).

Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

Ткачев — П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Изд. Всероссийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1932.

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Успенский — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. АН СССР, М.—Л., 1940—1954.

Фадеев — Р. Фадеев. Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть? СПб., 1874.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Чулков — Г. Чулков. Как работал Достоевский. Изд. «Сов. писатель», М., 1939.

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

Щедрин — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, тт. I—XX. ГИХЛ, М.—Л., 1933—1941.

1958 — Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений, т. 10. Гослитиздат, М., 1958.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО (ТТ. I—XVII)[1]

[1] Скрытые цитаты и намеки учтены, но не оговариваются, см. также соответствующий постраничный комментарий. Имена из разделов «Варианты» и «Примечания» в Указатель не включены.

[1] См. также пародирование «Выбранных мест...»: I, 12, 13, 16, 66, 68, 89, 137, 146, 153, 154

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ТТ. I—XVII

СОДЕРЖАНИЕ

Опечатки, исправления и дополнения к тт. I—XVI на стр. 479.

ОПЕЧАТКИ, ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К ТОМАМ I—XVI[1]

Страница, строка	*Напечатано*	*Следует читать*
		I
510, 58	библиографического	библиологического
		II
64, 47	без ошибки	непременно
490, 44—49	*Минна* ∾ в 1834 г.	*Минна и Бренда* — сестры, героини романа В. Скотта «Пират» (1822; рус. перевод — 1829).
		V
242, 45	ссору из-за пустяков *(франц.)*	ссору из-за пустяков (*франц.*; буквально: «ссору на немецкий манер»; это определение соотнесено со словами о «прусском характере» барона).
402, 48—49	которая тогда же была поставлена в Санкт-Петербургском императорском Мариинском театре.	которая тогда же была принята к постановке Петербургским Мариинским театром, но постановка эта не состоялась. Впервые опера была поставлена в 1929 г. в новой редакции в Брюсселе. В 1974 г. состоялась ее постановка в Большом театре Союза ССР.
		IX
114, 33	Vielle	Vieille
451, 17	réligion	religion
497, между 13 и 14		Стр. 121. *Дырочкин. Никчорыдов.* — Вторая фамилия составлена из первой путем анаграммы (перестановки букв).
526, 58	*Минхевич* — Вл. Михевич	*Михневич* — Вл. Михневич
		XII
154, 40	дворянского	дворянства
175, 51	autor	autour
213, 9	ésclavage perpétuelle	esclavage perpétuel
223, 53	Малькова	Маликова
254, 32	1820-х	1860-х
320, 18	вверглись	вверглись
349, 47	Верхновенского	Верховенского
		XV
450, 44—45	М. Н. Каткову	А. Н. Майкову
451, 48	тридцать	тринадцать
582, 6	(1840—1862)	(1840—1868)

[1] См. также: т. X, стр. 518—519.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:
В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор),
В. В. ВИНОГРАДОВ, Ф. Я. ПРИЙМА,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (заместитель главного редактора),
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Тексты подготовили и примечания составили:
А. В. АРХИПОВА, И. А. БИТЮГОВА,
Г. Я. ГАЛАГАН, Е. И. КИЙКО,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР, И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редактор XVII тома Ф. Я. ПРИЙМА

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XVII

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Э. В. Коваленко, Н. В. Лихарева* и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 17/XII 1975 г. Подписано к печати 19/X 1976 г. Формат бумаги 60×90 1/16. Бумага № 1. Печ. л. 30=30 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 42,65. Изд. № 5802. Тип. зак. № 347. Тираж 149 000 экз.
Цена 2 р. 30 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.